

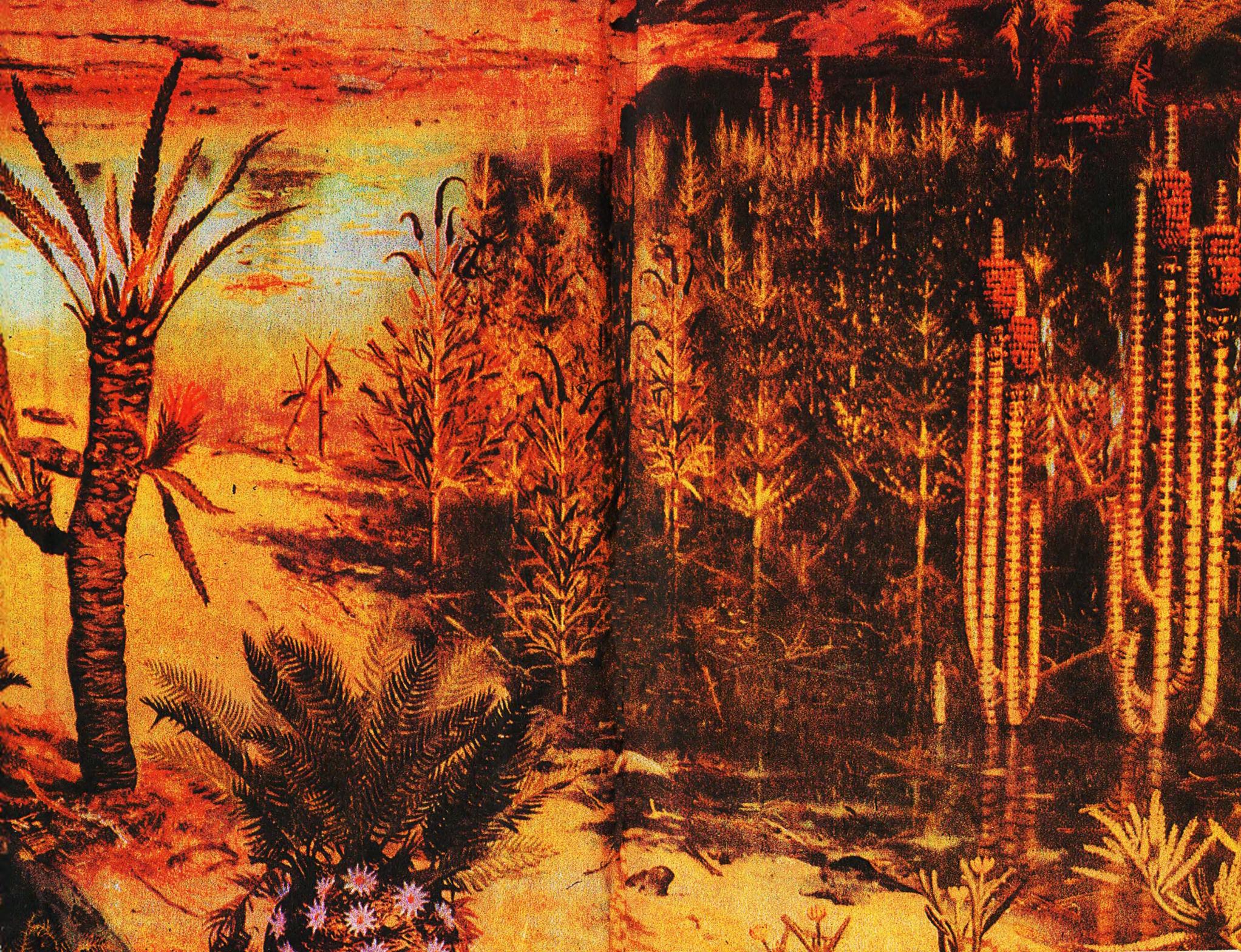
КАМЕННЫЙ ВЕК

На заре



времен

КАМЕННЫЙ ВЕК





Фирма "Наташа"
Москва
НПП "Параллель"
Н. Новгород,
1993.



ЧАРЛЬЗ РОБЕРТС

ЭДУАРД ШТОРХ

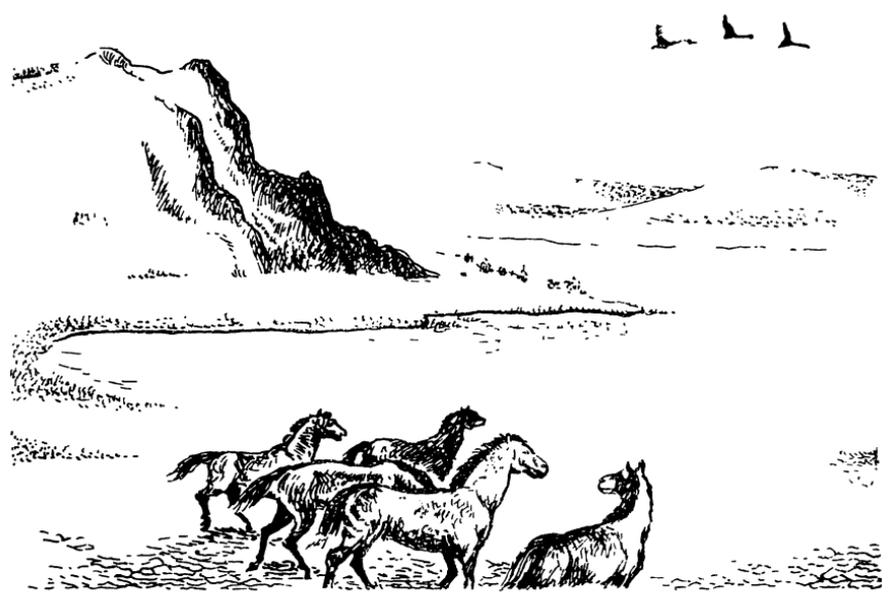
КЛОД СЕНАК

Д'ЭРВИЛЬИ

В. ВЕЙНЛАНД



КАМЕННЫЙ ВЕК



ББК 84.0
К18

Художник В. Ан

Каменный век. Сборник. Пер. с англ., фр., чешск., нем.— Москва, Фирма «Наташа» совместно с НПП «Параллель», Н. Новгород, 1993.—544 с.

Сборник «Каменный век» открывает серию «На заре времен», задуманную как своеобразная антология произведений о далеком прошлом человечества. Острые приключенческие сюжеты, несомненная познавательная ценность, гуманистическая направленность лучших образцов этого необычного жанра делают их популярными и у юного, и у взрослого читателя.

В первый том вошли известные повести чешского писателя Эдуарда Шторха, французских авторов К. Сенака и Д'Эрвильи, а также не переиздававшиеся с двадцатых годов произведения англичанина Ч. Робертса и немецкого писателя В. Ф. Вейнланда.

X 4703010100—001 без объявления
5Г2(03)-93

ББК. 84.0

ISBN 5-85874-002-2 (Фирма «Наташа»)
ISBN 5-86067-001-X (НПП «Параллель»)

© Фирма «Наташа»
НПП «Параллель», 1993
© НПП «Параллель»,
Владимир Ан, оформление, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

А на самом деле был это не каменный и был это не век.

Да-да, уважаемый читатель этой книги, не было никакого каменного века. Было, самое малое, *полторы тысячи* веков — именно на этой цифре сходятся ученые-антропологи, когда речь заходит о временах происхождения биологического вида Человек разумный. И только по нашей неистребимой привычке упрощать все, чтобы понять хотя бы отчасти, мы употребляем этот тяжеловесный и, конечно же, совершенно неточный термин — «каменный век».

Нельзя даже сказать, что «век» этот целиком относится к прошлому человечества, к нашему прошлому. Многие народы и племена прожили в совершенно первобытном состоянии до рубежа минувшего и нынешнего столетий, а некоторые сохранили этот строй до наших дней и вполне счастливы, хотя нам и трудно это представить, глядя с высоты современного технологического Олимпа, который, в свою очередь, правнукам нашим покажется неприметным холмом.

Да и каменным он не был, ибо Земля наша родит не одни только камни, а первобытный наш предок (как и мы, чего греха таить), жил и питался исключительно от щедрот матери-планеты. Это было, скорее, время плодов и злаков, время охотников и рыболовов, время самых великих путешественников и самых хитроумных изобретателей, время Адамов и Ев, от которых все мы ведем свой род. Мы, например, часто называем XX век космическим, хотя со дня первого космического полета прошло чуть более тридцати лет. А не вернее ли назвать космическим веком те времена, когда наши предки дали имена светилам и созвездиям?

И все же этим термином — «каменный век» — нередко поль-

зуются, то ли по традиции, то ли для удобства, а зачастую и в уничижительном смысле. Согласно современным представлениям, это период со времени появления на Земле Homo sapiens, человека разумного, до успехов первых металлургов, освоивших медные сплавы. Он условно и довольно грубо делится на три меньших периода:

Палеолит или древнекаменный век, когда наши предки занимались исключительно охотой и собирательством, а инструменты были самые примитивные — палки, сколотые кости, оббитые камни. Верхняя граница этого периода колеблется около десятого тысячелетия до нашей эры.

Мезолит — средний каменный век, который называют еще эпипалеолитом или протонеолитом. В эти времена изобрели лук, стрелы, ножи, иглы и многое другое, а у человека появился верный спутник и друг — собака. Кончается мезолит к пятому тысячелетию до нашей эры.

Неолит — новокаменный век — время земледельцев, скотоводов, ткачей и гончаров, которое продлилось до третьего тысячелетия до нашей эры.

Потом по нашим понятиям — началась История.

Выходит, что каменный век был совсем недавно. Настолько недавно, что до сих пор, устав от суматошной современной жизни, мы обращаемся в своих мечтах к первобытному раю. Наверное, любой из нас не прочь пожить в добром единстве с природой, питаться лишь ее чистыми плодами и иметь достаточно времени, чтобы радоваться цветам, травам, листьям, облакам и звездам. Вспомните: крупный ученый и один из умнейших людей нашего времени Иван Антонович Ефремов даже в совершенном обществе далекого будущего нашел место для первобытного рая — Острова Забвения. Но... «Нет возврата в пещеры. Нас слишком много,» — как верно заметил Станислав Ежи Лец.

К тому же жизнь в те времена была далеко не райской. Современному человеку трудно, пожалуй, даже невозможно представить себе неизбывный страх перед голодом, который тысячелетиями преследовал наших предков. Миграции диких животных, перемены погоды, а в неолите — засухи, ливни и падеж скота нередко приводили целые народы на грань вымирания.

А ведь кроме голода наших предков подстерегали и другие смертельные опасности, и главная из них — легион всяческих болезней. Кое-какие из них (очень немногие) первобытные врачеватели худо-бедно умели лечить, но большинство сводило человека

в могилу. Добавьте к этому чудовищную антисанитарию, неизбежные травмы на охоте и ранения в стычках с враждебными племенами, и перед вами откроется картина, от которой волосам впору встать дыбом. До сорока лет доживали немногие, до пятидесяти — редкие счастливицы, а глубокие старики и вовсе были исключением.

Жизнь была коротка, а успеть нужно было много. И они, наши предки, успели. Конечно, они трудились для себя, удовлетворяя свои насущные нужды, но получилось так, что работали они на нас, хотя, скорее всего, и представить себе не могли, какими мы будем и будем ли вообще. Стоит посмотреть вокруг, и мы увидим, что наш быт не так уж сильно отличается от, скажем, неолитического: посуда у нас керамическая, обувь — кожаная, одежда — шерстяная, пищу мы готовим на открытом огне, а большинство наших обыденных инструментов восходят к каменному ножу и к каменному же топору. И все это мы получили в наследство от самых отдаленных наших предков — людей каменного века.

Но не одними утилитарными предметами исчерпывается это наследие. Наши предки оставили нам крепкую духовную основу и едва ли не главное, что делает человека человеком — язык и названия всем вещам вокруг нас, начиная от частей нашего тела и кончая небесными созвездиями. Трудно себе представить, но у древних людей хватило времени не только на ежедневные рутинные дела, но и на то, чтобы *создать* изобразительное искусство, музыку и религию. Все это много и много раз менялось, обрело другие, более изощренные формы, но основа осталась та же. Почему? Наверное потому, что мы сами не так уж сильно отличаемся от наших уважаемых первобытных предков.

Разве до сих пор мы не любим смотреть в пламя костра, разве оно, равно как и течение воды, не гипнотизирует нас? Разве исчезла у нас способность и желание сделать *что-то* из элементарных подручных материалов? Разве мы, подобно первобытным путешественникам, не мечтаем о странствиях, неведомых землях и новых впечатлениях?

Мы почти такие же, хотя не ходим в шкурах, и не едим сырое мясо. Наверное, именно поэтому произведения, вошедшие в антологию «доисторической» повести “На заре времен” и рассказывающие о жизни наших предков, полной невзгод и лишений, но также удивительных открытий и невероятных приключений, так популярны и любимы.

Лучшие образцы этого жанра — повести и рассказы Жозефа

Рони-старшего, Джека Лондона, Герберта Уэлса, Семена Каратова, Сергея Покровского и многих других — давно приобрели всемирную известность и хорошо знакомы нашему читателю. Но, без сомнения, ему будет интересно познакомиться и с незаслуженно забытыми и давно не переиздававшимися произведениями Ч. Робертса, В. Вейнланда, Тана-Богораза, Д. Пахомова и других писателей, которые будут опубликованы в новой редакции.

Оставайтесь с нами, дорогой читатель, и вы вместе с героями наших книг пройдете по ступеням роста человеческого существа и человеческого общества, которые в конце концов привели к современной цивилизации.

Возможно, она и несовершенна, но она наша, и другой нам не дано.

ЧАРЛЬЗ РОБЕРТС

Каменный век





1. БОЙ ИСПОЛИНОВ

Оно остановилось на поверхности мутного стремительного потока, погрузившись туловищем в воду и выставив уродливую морду с лопатообразным носом, широкими отверстиями вместо ушей и огромными круглыми глазами, в которых мелькали искорки дикого страха.

Этот страх был вполне основателен: над ним в воздухе кружились два других чудовища, еще надеявшихся схватить ускользавшую от них добычу.

Но оно уже заметило густую заросль у ближайшего берега, по высоте и густоте далеко превосходящую все те удобства, которыми оно пользовалось в своем прежнем убежище, выше по течению реки. Ловко взмахнув плавниками, оно юркнуло в темную чашу, спасаясь от преследования врагов.

Время от времени над рекою пролетал гигантский ящер. Голова скрывшегося удивленно поворачивалась на гибкой колонообразной шее, взвивалась на высоту трех-пяти метров, зорко следила за полетом незнакомца и затем, плавно покачиваясь, погружалась в теплую воду.

Вода здесь была прозрачна, так как быстрое течение потока не позволяло ей застаиваться у берегов. Поток имел пятнадцать километров в ширину. Противоположная сторона была так далеко, что казалась ровной, низкой зеленой полоской, хотя на самом деле была покрыта мощным лесом высочайших хвойей и папоротников.

Ближайший берег, на расстоянии трех-четырех километров от реки, внезапно круто подымался вверх цепью отвесных гор, увенчанных голыми ярко-красными утесами.

А между скалами и водой приютилась роща саговых пальм, раскачивающихся и грузно склонявшихся при каждом сильном порыве ветра, точно по ним проезжала исполинская колесница.

Местами на вершинах утесов сидели странные птицеподобные существа с длинными клювами, снабженными частыми, острыми зубами.

Вот одно из них оторвалось от скалы и полетело вдоль реки по направлению к морю. Его крылья — шести метров в размахе — казались не птичьими, а скорее крыльями мифического дракона. На концах их виднелись сильные когти, а лапы напоминали конечности ящеров.

Чудовище, лежащее в заросли, вновь вытянуло шею, поглядывая на странную птицу с некоторым любопытством, но на это раз, по-видимому, без страха.

Поднявшись на высоту около двадцати метров, птица метнулась в сторону, точно собираясь направиться к противоположному берегу и не замечая покоившейся над зарослью головы. Но вдруг, издав резкий, пронзительный крик, она в одно мгновение сомкнула крылья и камнем упала в заросли на беспечно выглядывавшую из них голову рептилии.

Как ни стремительна была эта неожиданная атака, — в лапы хищной птицы попали лишь грязь да тина, фонтаном поднявшиеся на том месте, куда исчезла голова и тело пресмыкающегося. В это же мгновение случилось нечто неожиданное. По меньшей мере на тридцать метров кругом вскипела и забурилась вода.

Но огромная птица-ящерица была слишком взбешена, чтобы заметить это явление, или, может быть, недостаточно прозорлива, чтобы его понять. Она вновь поднялась вверх. Поскрипывая зубами и яростно сжимая когти, она стала описывать над зарослью широкие, низкие круги в ожидании нового появления намеченной жертвы.

Однако то, что случилось, превзошло все ее ожидания и оказалось для нее роковым.

Вода в заросли заволновалась так сильно, точно в глубине началось вулканическое извержение. Внезапно в одном месте образовалась глубокая воронка. Из середины ее быстро поднялась вверх зеленая гладкая колонна.

Казалось, что на поверхности реки чудесным образом выросла пальма. На самом же деле это была длинная шея все той же чудовищной рептилии. Голова ее на этот раз была запрокинута на-

зад, глаза злобно сверкали, в зиявшей пасти обнажились ряды ровных, сточенных зубов.

И прежде, чем ослепленная яростью птица успела метнуться в сторону, рептилия ловко сомкнула челюсти на ее крыле и так же быстро увлекла ее за собой в пучину.

Борьба продолжалась в глубине еще несколько мгновений. Но вот от места сражения во все стороны побежали мелкие, частые волны, пена окрасилась в лимонно-желтый цвет, и вслед за тем на поверхности показалось тело хищной птицы с помятыми, поломанными крыльями, свернутой шеей и слабо вздрагивающими лапами.

Голова рептилии также высунулась вновь, безучастно поглядывая на побежденного противника. Тело птицы не привлекало чужака, так как, при всей своей величине и мощи, оно питалось лишь сочными травами и мясистыми водорослями.

Между тем, в ожидании исхода сражения, вокруг заросли столпились сотни разных гадов — полурыб, полукрокодилов. Хищно настроившись, они с нетерпением ждали конца. Они знали, что, кто бы не победил, на их долю выпадет богатая добыча.

Пораженная птица еще билась на воде в предсмертных судорогах, когда они набросились на нее и в одно мгновение разорвали на клочки. Одни удовольствовались кусочками крыла или хвоста, другие полакомились лапами, но наиболее ожесточенная борьба разгорелась из-за туловища птицы. В ожесточенной схватке несколько гадов закусали друг друга насмерть и тем доставили новую пищу остальным.

Птицы, сидевшие на вершинах прибрежных утесов, не оставались безучастными зрителями сражения. Они кружились над красными скалами и издавали резкие, пронзительные звуки, вызывая большое волнение.

Когда они заметили, что рептилия вышла победительницей из борьбы, они вереницей направились к заросли, вновь и вновь возвращаясь к тому месту, где над трупом птицы толпились хищные гады. Время от времени некоторые из них стремительно падали вниз, поражая длинным острым клювом в глаза наиболее неосторожных амфибий.

Рептилии стало, наконец, неприятно соседство беспокойных хищников. Она вновь исчезла под водой, и на поверхности появилась пенящаяся борозда, от которой расходились такие сильные волны, точно здесь только что прошел огромный океанский пароход. Очаг этого страшного волнения заметно продвигался по направлению к берегу. И чем мельче становилась вода, тем крупнее были волны и больше было брызг и пены.

У самого берега волнение прекратилось, и из воды показалась лошадиная морда, затем длинная шея и, наконец, все туловище колоссальной рептилии.

Туловище этого удивительного существа превышало величину



современного слона в три-четыре раза. Его поддерживали, наподобие колонн, четыре толстых коротких лапы. Тонкая шея имела более семи метров в длину и кончалась удлинённой головой, которая, по сравнению с общей массой тела, была совсем ничтожных размеров. Она казалась ненужным придатком или скорей легким украшением тела и, повидимому, играла в жизни пресмыкающегося самую последнюю роль. Но тем более позаботилась природа о совершенстве хвоста, имевшего около двадцати метров в длину. Он был толстый, как ствол столетнего дуба у основания, и постепенно утончался, кончаясь тонким, как игла острием.

Несколько минут колосс (это был один из динозавров, известный под именем диплодока) стоял на берегу неподвижно. Затем вопросительно вытянул шею вперед, понюхал воздух и отщипнул несколько листьев сочного папоротника.

Место пришлось ему по вкусу. Тут было просторно и тепло на солнышке.

Но долго оставаться на открытой площади было небезопасно. И потому он медленно направился к пальмовой чаще, видневшейся неподалеку.

Тащить огромный хвост было нелегким делом, тем более, что кончик его пришлось подобрать повыше, чтобы его не откусил случайно какой-либо мелкий хищник. Поэтому диплодок продвигался чрезвычайно тихо, все время оглядываясь, приюхиваясь и прислушиваясь к шумам.

В тени гигантских древовидных папоротников можно было отдохнуть и, наклонив шею, спрятаться от врагов. Досаждали лишь тучи moskitов и назойливых мух, пытавшихся отложить яички в его мягкой коже. Он старался смахивать их с задней пслюзины тела хвостом, с передней же — вращением длинной шеи, но это мало помогало, и диплодока утешали лишь вкусные листья, которыми здесь можно было полакомиться.

Вдруг в глубине рощи раздались неприятные воюющие звуки. На мгновение они затихли. Затем опять послышались ближе и сильнее.

Диплодок откинулся назад, упираясь на хвост и задние лапы, приподнял туловище вертикально вверх и вытянул шею, так что голова его очутилась над вершинами высочайших пальм.

Зрелище, которое он увидел, возбудило в нем сильную тревогу и заставило помутиться взгляд его круглых выпуклых глаз. Пробираясь сквозь чащу, ломая на пути крупные деревья, как тростинки, к берегу мчалось чудовище, напоминавшее по виду диплодока, но меньшего размера и с более короткой шеей и хвостом. В нем нетрудно было узнать игуанодона, одного из самых распространенных представителей семейства динозавров. Это пресмыкающееся в паническом ужасе бежало от другого, значительно меньшего зверя, который, волоча за собой длинный

хвост, преследовал игуанодона высокими прыжками — наподобие кенгуру. Мощный четырехугольный череп и сильные челюсти с выступающими клыками изобличали в нем хищника. Его оскаленные зубы были остры как ножи, и ужас, который он внушал массивным травоядным, был так же понятен, как страх коровы перед волком.

Минутой позже оба мчавшихся животных выкатились на побережье, и здесь, в каких-нибудь десяти метрах от стоянки диплодока, беглец был настигнут. С победоносным ревом преследователь отчаянным прыжком вскочил на спину игуанодона и вонзил клыки в его мягкую шею.

Пораженное пресмыкающееся, дико взыв, припало к земле. Оно попыталось сбросить хищника, но неудачно. Его шея была прокушена насквозь. В следующий момент оно издохло.

Диплодок внимательно следил за происходящим. Хищник — такой, сравнительно, маленький — был быстр в движениях и представлял опасность даже для него.

Внезапно приступ сильного гнева обуял маленький мозг диплодока. Его длинный хвост взвился дугой вверх, туловище наклонилось вперед, и мускулы напряглись, как тетива лука. Затем так же быстро они ослабли, и хвост с высоты десяти метров всей своей массой рухнул на возившегося внизу хищника, размогил ему череп и смел жертву на песок побережья.

Но гнев диплодока еще не вылился в этом ударе. Он повернулся и, приблизившись к обессиленным телам, смял их вместе, обратив в одну кровавую бесформенную массу. Затем он устало пополз к воде и погрузился в прибрежную тину. Отыскав местечко поудобнее, он зарылся в ил целиком, высунув лишь маленькую, незаметную голову, чтобы иметь понятие о явлениях и событиях, происходящих вокруг.

Тишина опять продержалась недолго. Испарения, поднявшиеся от искромсанных тел, дали знать о происшедшем всему окрестному населению. В разных местах леса послышался топот и треск ломающихся ветвей, и вслед за тем на отмель выбежало около дюжины скачущих кенгуроподобных существ.

Они были разного роста — от четырех до шести метров в высоту. Около трупов они остановились на мгновение, враждебно и ревниво поглядывая друг на друга. Затем, решив, что добычи хватит на всех, бросились вперед, раздирая на части сочившееся кровью мясо.

Вскоре на пир прибыло еще несколько непрошенных гостей. Не обошлось и без участия свирепых ящероподобных птиц, подхватывающих на лету отдельные куски мяса, а иногда и вырывавших добычу из пасти наиболее слабых хищников.

Не прошло и четверти часа, как от обоих динозавров остались одни лишь кости.

2. ГИБЕЛЬ ГИГАНТА

Когда все затихло, диплодок принялся снова пощипывать водоросли и камыши. Его горло было узко, а желудок огромен. Поэтому ему нужно было немало времени, чтобы вполне насытиться.

Так прошло несколько часов. Солнце уже клонилось к закату, когда он почувствовал усталость от непрерывного жевания и слегка задремал.

Но сон его продолжался недолго. Место было полно всяких неожиданных приключений — возобновившийся шум заставил его встрепенуться.

Из леса медленно выползло новое пресмыкающееся, еще более чудовищное, чем все бывшие ранее. Оно имело до двадцати метров в длину. Мощное, тяжелое туловище поддерживали кривые, толстые лапы, столь короткие, что свесившееся между ними тело почти касалось земли. Маленькая продолговатая голова напоминала мордочку ящерицы, а широкая, массивная челюсть кончалась далеко позади подслеповатых, мутных глаз. Как и при взгляде на диплодока, было непонятно, каким образом столь могучий организм мог удовлетворяться головой такого ничтожного размера. Вся спина, от шеи до хвоста, была покрыта костяной броней, столь прочной и толстой, что, казалось, она могла бы противостоять артиллерийским снарядам. Че-

шущая имела роговое покрытие и переливалась всеми цветами радуги, повидимому, для того, чтобы враги в чаще не могли его отличить от пестрых солнечных пятен на листве и траве.

Но наиболее поразительна была средняя линия спины, от шеи до середины хвоста уставленная огромными костяными пластинками, имевшими форму пятиугольников с острыми краями. Они были мельче около шеи, увеличивались к середине спины и достигали метра высоты и ширины между лопатками. К хвосту они вновь понижались, а в конце его заменялись восемью длинными острыми шипами, сидевшими попарно, причем главная пара имела около метра длины.

Это был стегозавр. Он вышел к реке с намерением на-



питья и погреться на вечернем солнце, но открытое место пугало его, и он со страхом озирался кругом.

Не прошло и минуты, как его опасения оправдались.

Прыгая из стороны в сторону, по обоим бокам его появились две мелких плотоядных рептилии, напоминавших ту, которая на том же месте только что загрызла игуанодона.

Стегозавр, заметив их, остановился как вкопанный и весь сжался, пригнувшись к земле и втянув голову в широкие складки шеи, под защиту шейных пластинок. Это был тот же прием, к которому прибегают в целях самозащиты наши маленькие ежи. Разница была лишь в том, что стегозавр был несравненно больше и был снабжен более разнообразными средствами самозащиты. Он имел в этой позе до восьми метров в длину и почти столько же в ширину и казался настоящей крепостью, неприступной и неуязвимой.

Но хищники хорошо знали его привычки. Один из них подкрался спереди и стал дразнить его, пошелкивая хвостом по высовывавшемуся кончику его морды. И, когда обозленный стегозавр немного приподнялся, чтобы куснуть надоевшее ему животное, другой тотчас же вцепился в обнажившуюся мягкую часть его задней лапы.

В то же мгновение раздался звон повернувшихся и ударившихся друг о друга костяных пластинок, взвившийся хвост стегозавра вонзился острыми шипами в спину хищника и с силой отбросил его в сторону на расстояние нескольких метров.

В то время, как этот последний, воя, оправлялся от ран, его спутник поспешил на помощь. Он бросился на стегозавра спереди, пытаясь прокусить ему шею, но был тут же отброшен в сторону сильным ударом шейной пластинки.

Кашляя и кричтя, он трусливо попятился к лесу, и вслед за ним, оставляя кровавый след на песке, бросился и другой неудачник. Но для последнего поражение все-таки оказалось роковым. Судя по страшному реву, поднявшемуся в роще, он тут же пал жертвой своих собратьев, выжидавших в отдалении исхода начатой битвы.

На стегозавра же не решался более нападать ни один из них.

Слишком слабыми чувствовали себя эти хищники, чтобы часто рисковать нападением на колоссальных и превосходно защищенных травоядных рептилий, и потому им приходилось с голоду пожирать друг друга.

Позвякивая спинными пластинками и помахивая хвостом, точно пробуя его силу, стегозавр пополз обратно, в рощу саговых пальм. Место около реки казалось ему теперь неприятным, да он и забыл в пылу сражения о прежнем желании напиться.

Ни одна деталь развевывавшихся событий не ускользнула от внимания сидевшего в тине диплодока. Он был глубоко удовлетворен победой стегозавра. Право же, он начинал чувствовать некоторое презрение к этим плотоядным прыгунам, при всей их

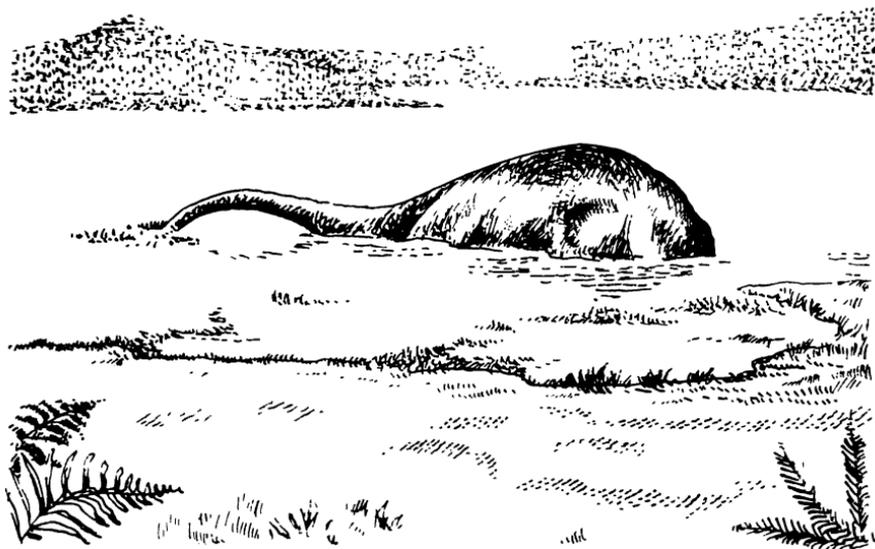
ловкости терпевшим тяжкие поражения от неповоротливых травоядных.

С усилившейся уверенностью в своих силах он гордо выступил из надежного, но неприятного убежища и беспечно растянулся на береговом песочке, отдаваясь ласкам нежных лучей заходящего солнца.

Забыв, что именно это место в течение всего дня было ареной кровавых столкновений, он тихо задремал, довольный собой и своей судьбой. Что до того, что у него мало мозгов, тупые зубы и незащищенная кожа, если он обладал столь могучим хвостом, что одним ударом его мог скосить любую из высочайших пальм или прорыть канаву в песке глубиной в несколько метров.

Между тем, в той части берега, которая густо заросла папоротниками и хвощами, растительность вдруг бесшумно разомкнулась, и показалась отвратительного вида огромная, страшная голова.

Челюсти этой новой рептилии были чрезвычайно тяжелы и вооружены кривыми зубами, похожими на кинжалы. Большие, яростные, сверкающие глаза были окружены сильно выступающими



костяными дугами, а впереди них, на переносице сидел мощный рог — длинный и острый как нож.

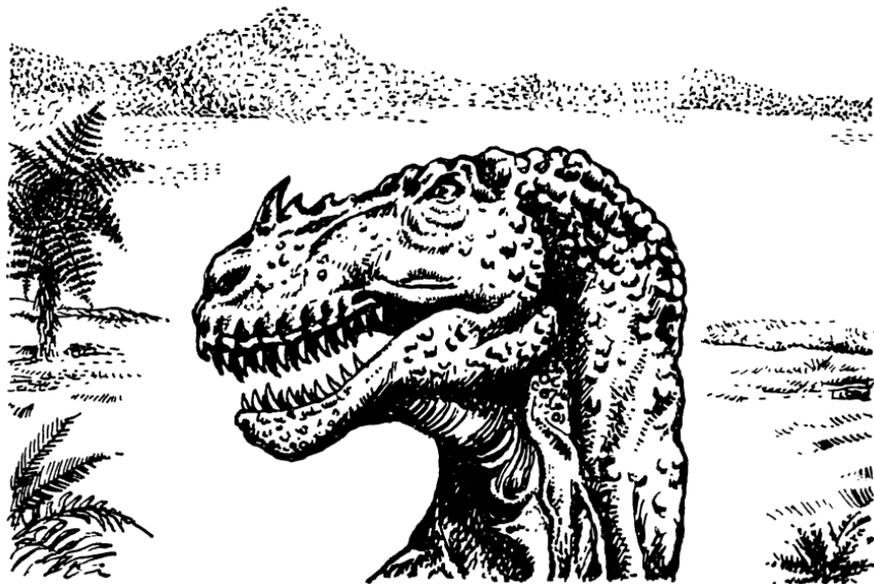
Несколько минут рептилия пристально вглядывалась в лежащего диплодока. Затем неслышно раздвинула папоротники и осторожно направилась вперед.

Туловище этого чудовища мало отличалось от остальных плотоядных динозавров. Оно было лишь шире и длиннее, достигая двенадцати метров в длину и отличаясь более стройным сложением.

Оно шло вперевалку, но все-таки так тихо, что ни один камешек не пошевелился под ногами. Хвост был приподнят дугою вверх, чтобы не задевать за песок и растения.

В этот момент диплодок, точно предчувствуя беду, поднял голову и оглянулся. Но он не успел даже встать на ноги, как рогатый зверь мощным прыжком преодолел разделявшее их расстояние и, вцепившись в спину диплодока, вонзил кинжалы клыков в основание его шеи.

Отчаянный, сильный рев, вырвавшийся из спазматически сжавшегося горла диплодока, оповестил окрестности о вновь начавшейся на берегу битве. Поднявшись на задние лапы, диплодок быстро



откинулся назад, пытаясь сбросить навалившегося на него зверя. Закинув хвост, он сильно ударил им врага сзади. Но все усилия были напрасны. Зверь прочно сидел на занятом месте и не намеривался выпустить добычу из цепких лап.

Тогда, с удивительной для его размеров быстротою, диплодок ринулся вперед и намеренно свалился в воду.

Рогатый гигант был также хорошим пловцом, но вода была не его стихия, и здесь он чувствовал себя не так свободно, как на суше. Увлеченный в глубину, он вскоре почувствовал недостаток воздуха и упадок сил. В последнем приступе ярости он ловко повернулся и с размаху всадил острый рог в грудь увлекавшей его на дно рептилии. Затем силы покинули его, и в инстинктивных поисках воздуха, он стал быстро подниматься на поверхность. Здесь он на минуту остановился, размышляя о том, что лучше — добивать ли израненного врага, или, не рискуя собою в столь неблагоприятных условиях, отправиться восвояси, в лес. Но, увидев вынырнувшего поблизости диплодока, испуганно поглядывавшего на него, он отбросил сомнения и, яростно взыв, бросился опять на него.

Однако на этот раз преследование оказалось безнадежным. Диплодок, хотя и обессиленный, мгновенно исчез в глубине, оставив позади себя кровавый след, и пропал бесследно.

Повертевшись еще некоторое время среди водорослей и камышей, хищник медленно направился к берегу и, злобно рыча, скрылся в лесу.

Между тем, диплодок, собрав последние силы, быстро плыл посреди реки на глубине пяти метров — вниз по течению, по направлению к морю. Теперь он хорошо усвоил, что солнечная площадка на берегу реки была смертельной западней для таких динозавров, как он, и решил искать нового убежища подальше от нее.

Но он слишком поздно принял решение. Рана, оставленная рогом хищника в его шее, была очень глубока, и кровь лила из нее безостановочно. Чтобы вздохнуть свободнее, он поднялся наверх, и тут заметил неподалеку длинную песчаную косу, едва выступавшую из воды.

Собирая последние силы, он попытался вылезть на песок, но не успел дотрестись и до середины косы, как с ужасом заметил, что лапы его погружаются в песок настолько глубоко, что он не в состоянии их более вытащить. Он думал повернуть обратно к воде, но его усилия приводили лишь к тому, что предательские пески все глубже и глубже засасывали его мощное тело. В отчаянии он поднялся на задние ноги и хвост, — и в то же мгновение вся задняя половина туловища ушла вглубь. Он вновь упал на передние лапы, — зыбкая почва втянула его по самую шею.

Лающий, жалобный вой вырвался из его горла, он понял, что попал в ловушку, из которой не в силах будет выбраться. Вой привлек внимание сидевших по утесам ящеровидных птиц. Они начали кружиться над ним, описывая все меньшие и меньшие круги.

Убедившись в том, что диплодок незащищен, птицы опустились на его шею и горб спины и, вырывая куски свежего мяса, усилили его мучения.

Некоторое время погибающему удавалось еще, вращая шеей, отмахиваться от нападающих птиц. Но вскоре он был ослеплен. Тогда не только сила, но и желание бороться оставили его. Он бессильно опустил голову и минуту спустя был проглочен песком весь без остатка.

Необыкновенная тишина стояла над рекой. Природа точно замерла, устав от дневной суеты и волнений. Солнце последними косыми лучами осветило песчаную могилу диплодока и быстро скрылось за горизонтом.

От величавого чудовищного динозавра на поверхности не осталось никаких следов. Но там, в глубине, его грандиозный скелет остался лежать целым и невредимым. Много миллионов лет спустя пески были размывы водой, и он вновь выступил наружу, — чтобы поразить и озадачить новых обитателей земли.

3. ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Это было несколько позже, когда земля и ее обитатели достигли уже значительно высшей степени развития. От прежних властелинов ее — динозавров и других гигантов — остались лишь кое-где отдельные выродившиеся роды и виды, погибшие и вымиравшие целыми стадами в неблагоприятных для них условиях жизни.

Зато млекопитающие — едва намечавшийся ранее тип — пришли на смену. Они быстро развились и расплодились, выделяя все новые и новые, крайне причудливые и жизнеспособные типы.

Растительность стала более разнообразной и богатой и так неудержимо быстро распространилась по земле, что даже полюсы оказались окруженными девственными тропическими лесами.

Последний вид чудовищных динозавров нашел себе пристанище в огромной лагуне, окруженной дремучими лесами и отделенной от моря узким перешейком заросших кустарником песков. Они, как прежде, питались исключительно водорослями и травами, а если хотели изредка полакомиться древесной листвой, то выбирали для этой цели маленькие островки среди лагуны, где чувствовали себя в большей безопасности, чем в кипевших всяким зверьем окрестных лесах.

Но вот один из них, — вероятно, более смелый, чем остальные, а может быть, лишь по своей молодости и неопытности, — внезапно выступил на песчаный перешеек, за которым вдали виднелось голубое море.

Солнце посылало жгучие полуденные лучи, и все кругом, казалось, спало и беззаботно грелось.

Он тряхнул массивной — широкой сзади и сужавшейся спереди — головой, и дождь водяных брызг посыпался от него во все сто-

роны. Вид у него был совершенно необыкновенный и ужасный, даже по сравнению с его вымершими предками.

Его круглые холодные глаза сидели в широких, высоко выступающих костяных буграх. Над ними, с каждой стороны, он носил по острому, прямому рогу. Такой же рог возвышался на передней части головы, которая заканчивалась острым, загнутым вниз клювом. Туловище имело до семи метров в длину и около трех в высоту, оно поддерживалось толстыми, короткими лапами, кончалось длинным и гибким хвостом. Оно все было покрыто круглыми костными наростами и спереди, у шеи, было охвачено, как веером, широким зубчатым костным щитом, казавшимся огромной согнутой пилой.

Некоторое время динозавр пугливо озирался кругом, точно раздумывая, идти дальше или нет. Потом разинул огромную пасть и протяжно завыл, как бы для того, чтобы устрашить невидимого врага или вызвать его на бой и тем разрешить сомнения.

В следующий момент, в ответ на его вызов, из чащи выступил огромный черный зверь и, как вкопанный, остановился на опушке, устремив яростный взгляд черных глаз на могучего динозавра.

Это был один из выдающихся представителей нового отряда млекопитающих, только что созданного природой в погоне за новыми, все более совершенными и удивительными животными формами.

Однако, эти ранние виды млекопитающих далеко еще не были так стройны и ловки, как современные их потомки. Наоборот, на вид это исполинское чудовище, которое появилось перед динозавром, казалось неуклюжим и громоздким. Его можно было счесть за нечто среднее между слоном и носорогом.

Диноцерас — как называли впоследствии черного зверя — уступал в размерах динозавру. Он имел лишь четыре метра в длину, но от этого количества на долю хвоста приходилось всего несколько сантиметров, так что он казался коротким, безобразным обручком. Его ноги были коротки и толсты, туловище раздуто и тяжеломерно, и он был бы, пожалуй, не особенно страшен, если бы не огромная, исключительного вида, голова. Нижняя челюсть заканчивалась толстым продолжением, напоминающим слегка закругленный топор. В верхней челюсти далеко вниз выдавались необыкновенно большие клыки — наподобие тех, которые мы видим у моржей. На верхней части черепа сидели три пары толстых костных наростов, удар которых, казалось, был способен сразить сильнейшего противника.

Диноцерас был, по-видимому, в сильнейшей ярости. Он только что выдержал жестокое столкновение с другими самцами своего стада и в результате был изгнан из него за непокорный нрав и чрезмерную заносчивость. Одинокий, всеми покинутый, он невольно выполнял роль разведчика стада, которое, кочуя с места на место, шло теперь через лес по направлению к лагуне.

Он, конечно, никогда не видел столь странного чудовища, как



то, которое стояло у края лагуны и не менее удивленно смотрело на него. Его поразили грандиозные размеры динозавра и замечательное вооружение его головы. Но он совершенно не был в настроении соразмерить свои силы с силами противника.

В слепой ненависти ко всякому животному существу, преграждавшему ему дорогу, он с диким ревом бросился вперед, наклонив голову и выставив вперед рога.

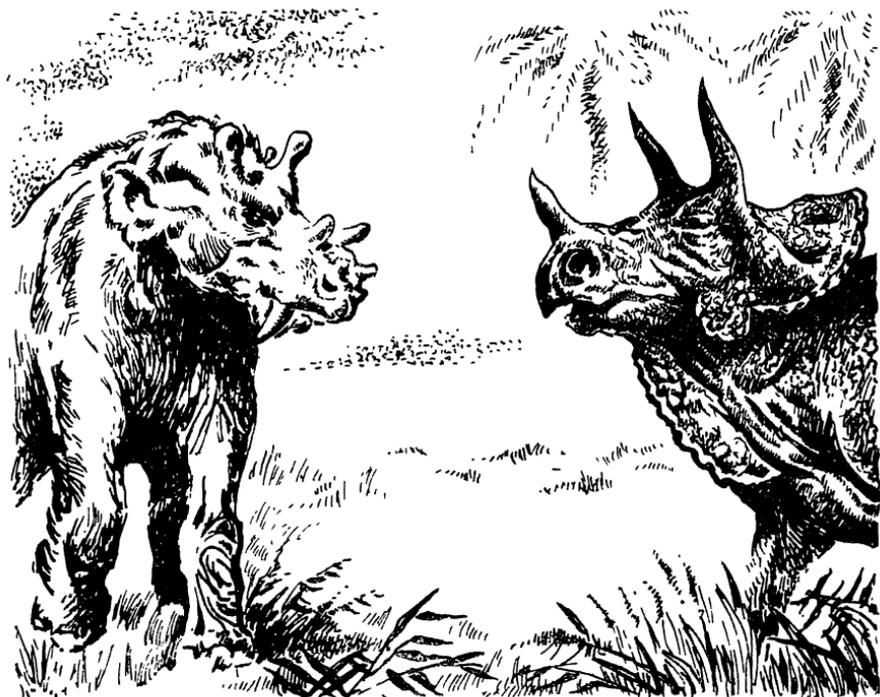
Но они не встретились прямо, голова в голову, как того ожидал динозавр и как ему приходилось обычно бороться с другими родственными ему пресмыкающимися. В диноцерасе жила уже хитрость его расы. В последний момент он ловко отклонился в сторону и бросился на динозавра сзади, минуя страш-

ную крепость его головы. Вскочив ему на спину, он попытался вонзить в нее острые клыки, но совершенно неожиданно для себя встретил и здесь непроницаемый костный панцирь.

Динозавр, опираясь на хвост и лапы, лишь слегка покачнулся, а затем, отряхнувшись, без особого труда отбросил в сторону зверя и вновь повернулся к нему головой и рогами. Тот, жалобно взыв, отбежал в сторону. Он совершенно не был подготовлен к такой полной неудаче и теперь опасливо поглядывал на неподвижно стоящего динозавра, не решаясь все же отказаться от сражения.

Этот удивительный поединок имел двух заинтересованных свидетелей. На вершине ближайшего дерева сидела странного вида птица, с перьями голубого и лимонного цвета, длинными когтями на лапах и острыми зубами в клюве. Взгляд ее был хищный, а окраска так живо напоминала окраску цветов той тропической глицинии, на которой она сидела, что окружающие совершенно не могли различить ее на этом фоне. Она была сильно возбуждена и то и дело порывалась принять участие в начавшейся битве.

Другой свидетель оставался все время совершенно безучастным и спокойным. Это было исключительное, невиданное ранее существо. Его можно было бы назвать человекоподобной обезьяной, если бы ясный, сознательный взгляд не выдавал несколько большего



развития ума. Было бы правильнее поэтому считать его обезьяно-подобным человеком.

Эта загадочная фигура сидела на ветке акации, непосредственно над сражавшимися, придерживаясь мохнатой сильной рукой за соседнюю ветвь. С ног до головы она была покрыта густой бурой шерстью, и только на голове были настоящие волосы, длинные и вьющиеся. Ноги были коротки, массивны и несколько изогнуты. Руки так длинные, что в стоячем положении свешивались до колен. Но все-таки это были настоящие руки человека, так как большой палец был отставлен от других, а не лежал вровень с ними, как у обезьян. Голова была маленькая, продолговатая, с широким плоским носом, а из-под густых бровей смотрели голубые глаза. Порой в них мелькал гнев, презрение и сознание своего превосходства. Существо внимательно следило за всем происходящим, как бы стараясь все запомнить. Этому первобытному человеку было совершенно безразлично, которому из двух гигантов достанется победа. Оба были его врагами, и он предпочел бы, конечно, чтобы они уничтожили друг друга.

Неудача черного зверя несколько удивила его. Он считал его более ловким и сильным, чем динозавр, приемы и уловки которого

были ему также малопонятны, как диноцерасу. Ему приходилось часто видеть динозавров издали — плавающих по лагуне и выходящих на дальние острова, но ни одного из них он не видел еще так близко. В его представлении они, при всей их громадности, были беспомощными, слабыми существами — и теперь он был крайне заинтересован их устойчивостью, непроницаемой броней тела и необыкновенным вооружением головы.

Заметив, что ни один из противников не решается начать новую схватку первым, он отломил толстый сучок и с размаха бросил его в глаза динозавра.

Последнему это показалось язвым издевательством со стороны черного зверя, и, не будучи в силах сдержать гнев, он, покачиваясь, двинулся по направлению к противнику.

Это дало возможность диноцерасу вновь подбегать к динозавру со стороны и попытаться прокусить его ногу.

Однако он считался лишь с силой рогов и пилы его и не имел никакого представления о том могучем оружии, которое представлял хвост этого исполинского пресмыкающегося.

А между тем, именно в этот момент динозавр пустил его в ход и со страшной силой ударил им по голове диноцераса.

Не ожидая удара, последний свалился на бок, и точас же рога динозавра пронзили его мягкое тело, поражая его насмерть. Еще несколько ударов хвостом и головной пилой, — и страшный черный зверь превратился в бесформенную, сочившуюся кровью массу.

Лишь ненавистный динозавру запах мяса и крови заставил его придти в себя, выпрямиться и оглянуться кругом.

Этим моментом воспользовался человек. Он свесился вниз на ногах и одной руке и с силой воткнул длинный шип акации в шею динозавра пониже пилы, там, где кожа свободно расправлялась и потому была нежнее, чем в других местах.

Чудовище, закинув шею, взвыло так ужасно, что от этого звука человек чуть было не слетел с дерева. Оно поднималось на задние ноги и хвост и корчило в диких судорогах, пытаясь освободиться от острой боли, причиненной шипом. От этих движений шип еще глубже уходил в плоть и вызывал все большие мучения.

Наконец, точно на что-то решившись, динозавр бросился в воду лагуны, быстро проплыл ее до ближайшего острова и скрылся в чаще покрывавшего его девственного леса.

Человек с вершины акации, где он чувствовал себя в безопасности, внимательно следил за всеми проявлениями бешенства динозавра и его быстрым бегством.

Он чувствовал глубокое удовлетворение. Одним движением руки он достиг того, на что не хватило всей жизни огромного хищного диноцераса.

Он слез с дерева, все еще не расставаясь с веткой, покрытой острыми шипами. Эти шипы сослужили ему хорошую службу, и он пришел к заключению, что они и впредь могут пригодиться.

Мало того, он надумал снабдить шипы деревянными рукоятками, чтобы ими было удобнее пользоваться.

Внизу он остановился у трупa диноцeраса, пощупал его рога и клыки.

Затем, собрав все силы, выломал клыки из верхней челюсти и спрятал их под одним из ближайших камней. Конечно, не без задней мысли: со временем он найдет им хорошее употребление. Потом он отобрал кусочек мяса помягче, сунул его себе в рот и жадно стал жевать его. Но оно, видно, не особенно понравилось ему, так как он поморщился и выплюнул его почти целиком. Вообще говоря, он ел сырое мясо, но неохотно, и предпочитал ему плоды, ягоды, мед и птичьи яйца. В это время года плодов было много, и поэтому он не чувствовал в мясе никакой потребности.

Он еще продолжал возиться около трупa, как вдруг услышал пронзительный крик и, обернувшись, увидел свою подругу с ребенком в волосатых руках, быстро бегущую к нему из леса.

Ни слова не говоря, она подбежала к той акации, с которой только что спустился ее муж, и ловко вскарабкалась на ее вершину.

Недоумевая, он отправился вслед за подругой и догнал ее на одной из верхних веток дерева.

Отсюда открывался далекий вид на окрестности — лес, лагуну, острова и обширную поляну между лагуной и морем.

Жена его молча протянула руку по направлению к морю.

Вглядевшись, он увидел на берегу моря огромное стадо черных рогатых зверей, точь в точь таких, каким был зверь, пораженный динозавром.

На лице человека появилось выражение явного недовольства. Он только что был свидетелем дикого нрава этих животных и мысленно поздравлял теперь себя и подругу с тем, что они жили на деревьях.

4. СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Человек недавно стал обитателем побережья большой лагуны.

Это место нравилось ему изобилием плодов, источников с вкусной студеной водой и отсутствием наиболее опасных врагов его — черного пещерного льва, красного медведя и главного бича человеческого племени — непобедимого саблезубого тигра.

Убедившись в пригодности места, он построил для себя и семьи жилище на ветвях густой, толстой и высокой акации, с вершины которой он теперь обозревал окрестности. Соединив крупные ветви сетью переплетенных мелких, он устроил род площадки, на которую набросал хвои и мха. Таким путем образовалось мягкое, уютное ложе, которое он окружил с боков и сверху более плотной сетью ветвей для защиты от дождя и ветров.

Здесь он находил пристанище в течении нескольких лет и так

привязался к своему зеленому дому, маленькой мохнатой жене и появившемуся вскоре малышу, что на защиту их готов был выступить с голыми руками — хотя бы против целого стада диноцерасов.

Почувствовав теперь опасность именно с этой стороны, он в течение многих дней не покидал своего гнезда и семьи. Но вот небольшие запасы плодов и зелени вышли, и ему пришлось отправиться в лес, чтобы набрать новых.

Перед уходом он строго-настрого наказал жене не слезать с дерева и не соблазняться никакой едой до его возвращения.

Когда он скрылся из глаз, она стала лениво оглядываться кругом. Вдруг у самой воды она заметила несколько свежих, сверкающих белизной яиц, оставленных, вероятно, чайкой.

Чувство голода, которое она сдерживала с утра, вспыхнуло тут с такой силой, что она была не в состоянии подавить его.

Она быстро поднялась на вершину дерева и, убедившись со сторожевого поста, что стадо диноцерасов все еще не покинуло той долины, на которой оно паслось у моря, спустилась с ребенком вниз и, забыв обычные предосторожности, побежала к лагуне.

Яйца оказались ей очень вкусными. Она вскрыла несколько штук, выпила их содержимое и начала кормить ими ребенка, как вдруг внезапно позади нее в лагуне раздался сильный шум и плеск воды.

Она едва успела вскочить и поднять сына, как вблизи выросли чудовищные фигуры двух гигантских динозавров. Они холодно смотрели на женщину, точно видели в ней злейшего врага, которому готовили страшную месть.

О том, чтобы добежать до леса или родной акации, нечего было и думать. Кругом было открытое место, на котором возвышалась лишь одна маленькая тонкая пальма.

С ловкостью обезьяны она одним прыжком достигла подножия пальмы и в следующий момент была уже на вершине ее.

Динозавры с ревом кинулись вслед за ней и с разбега ударились головами о пальмовый ствол.



Прижав к груди ребенка, охваченная ужасом, она посылала сверху крик за криком, еще надеясь на спасение.

Муж, действительно, был недалеко и услышал знакомый голос. Он, не задумываясь, бросил все собранное и, что было силы, помчался на помощь.

Но во власти динозавров было страшное орудие, при помощи которого они могли свалить любое дерево. Они пользовались для этого своими шейными щитами с зубчатым краем. Проводя ими из стороны в сторону, они спиливали таким образом даже толстые деревья, чтобы потом насытиться их плодами.

На этот раз разъяренному динозавру, еще помнившему обиду, причиненную ему человеком, было достаточно один раз мотнуть головой, чтобы тонкая пальма свалилась, срезанная, как тростинка косой.

Ловко извернувшись, женщина упала на ноги и хотела сделать прыжок в сторону. Занесенный для удара могучий хвост динозавра самым концом хлестнул ее и сшиб с ног, лишив сознания. Еще один меткий удар громадного хвоста, — и безжизненные, растерзанные тела женщины и ребенка смешались с землей и песком настолько, что было бы трудно отыскать их след.



Как раз в этот момент человек выбежал на опушку. Он видел последний удар хвоста динозавра и сразу понял его значение.

Не помня себя от горя и злобы, он бросился вперед с одной лишь деревянной палицей в руке и с силой ударил ею по голове ближайшего динозавра. Но она отскочила, как мяч от стены, не причинив ни малейшего вреда и лишь обратив на него внимание пресмыкающихся.

С минуту они тупо смотрели на него. Потом стали медленно надвигаться, наклонив огромные головы.

Человек мало думал о себе и о спасении перед лицом этих исполинских чудовищ, грозивших смести его с лица земли. Он чувствовал лишь непреодолимую потребность заставить их заплатить за гибель жены и ребенка. Они нанесли ему жесточайший удар, и это не могло пройти безнаказанным.

И план мести быстро созрел в его голове.

Овладев собой, он стал действовать осмотрительнее и осторожнее.

Конечно, эти неповоротливые, тяжеловесные животные не могли сравняться с ним в быстроте и гибкости движений.

И вот он начал отступать назад, ловко лавируя так, чтобы не попасть им на рога и не отойти от них настолько, чтобы они потеряли его из виду.

Время от времени, чтобы усилить их слепую ярость, он ухитрялся ударять их палицей, стараясь попасть в глаза или ноздри, и, таким образом, не давал им опомниться. Им казалось, что они приближаются к нему и уже настигают его, — и они совершенно не замечали, что все дальше и дальше удаляются от лагуны.

Когда они приблизились к огромной поляне, на которой паслись диноцерасы, динозавр-самец вдруг остановился. Он учуял знакомый запах врага, с которым ему недавно пришлось сражаться. Это заставило его выпрямиться и насторожиться. Тотчас же остановилась и самка.

Человек сразу понял причину их беспокойства. Он схватил полную пригоршню камней и метнул их в широко открытые глаза самца.

Ошеломленный и ослепленный, он с еще большей ненавистью опять погнался за человеком, увлекая за собой и самку и не замечая более ничего на пути. Еще момент, — и они все стремительно вынеслись на поляну.

Диноцерасы подняли головы и насторожились. Несколько мгновений они удивленно смотрели на мчавшихся прямо на них необычайных чудовищ. Потом среди них началось движение, в котором внимательный взгляд человека уловил некоторый план и порядок.

В стаде было много самок, лишенных клыков и отличавшихся от самцов меньшим ростом. Все они вместе с детенышами собрались в кучу и были окружены кольцом крупных рогатых самцов.

Несколько наиболее сильных диноцерасов выступили вперед, опустив головы и обнажив страшные клыки.

Все значение происшедшей в стаде перемены было учтено человеком, но оно не могло дойти до крохотного мозга разъяренных гигантских динозавров.

Они знали лишь одно — надо было схватить это маленькое, вредное существо, несшееся впереди них и неизменно ускользавшее как раз в тот момент, когда они готовились поразить его рогом или пилой. То, что делалось кругом на поляне, совершенно не останавливало их внимания.

А между тем, человек ловко направил бег к шеренге самых сильных животных, стоявших впереди стада. Маленький, незаметный и неинтересный для огромных черных зверей, он ловко прошмыгнул среди них и быстро взобрался на небольшое деревцо, одиноко росшее на поляне, как раз позади стада.

Когда он с довольным смешком на губах оглянулся назад, глазам его представилась страшная картина.

Диноцерасы с топотом и ревом, от которых, казалось, задрожала земля, кинулись на двух одиноких, растерянно остановившихся пресмыкающихся.

Но это длилось лишь мгновение.

Обратив всю накопившуюся ярость на новое неожиданное препятствие, динозавры с такой необыкновенной силой стали бить хвостами направо и налево, что тяжелые черные звери отлетали в стороны, как резиновые мячи, и вскоре образовали огромную грудку корчившихся в предсмертных судорогах тел.

Пробившись через оба ряда самцов, динозавры упрямо двинулись на сгруппировавшихся в отдалении самок.

Эта преграда оказалась более прочной. Самки хотя и уступали в силе и вооружении самцам, но были наиболее злобны и не жалели себя, чтобы сохранить жизнь потомству. Они набросились на динозавров так сплоченно, что на некоторое время последние совершенно исчезли в массе их тел.

Им все-таки удалось выдержать первый натиск, так как их рога и пилы вновь показали из-под кучи черных тел. Но за первой атакой шла вторая. И вскоре в массе сражавшихся нельзя было более отличить ни нападавших, ни защищавшихся. Что-то копошилось, металось из стороны в сторону с ревом и воем... Что-то билось и содрогалось... Что-то перекатывалось в судорогах... Но вот конвульсии динозавров стали слабее... Никто из вовлеченных в круговорот не остался более в живых... Поляна затихла.

Тогда выжившие самцы и самки бросились к замершей грудке тел, растолкали и растащили их в стороны и принялись насыщаться мясом павших. Они принадлежали ко всеядным млекопитающим и никогда не отказывались от мяса. Этим моментом воспользовался человек, чтобы покинуть малонадежное убежище и быстро скрыться в лесу. Гигантские пресмыкающиеся, с которыми с трудом совладало целое стадо диноцерасов, пали жертвой его

ловкости и смысленности. Правда, и он потерял немало — он потерял семью, — и сердце его сжималось от боли и горя.

Но он не терял бодрости и надежды. Что делать!.. Он возвратится к тем горам, среди которых оставил свое племя, найдет себе новую подругу, построит новое, еще более прочное и надежное убежище, и тогда ему не будут более страшны ни козни черного пещерного льва и красного медведя, ни даже смертельная вражда хищного саблезубого тигра.

5. ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Население Малых гор переживало тяжелые дни.

Напасти и невзгоды сыпались, как из тучи, и каждый новый удар грозил стереть с лица земли военный лагерь первобытного человека.

Вслед за первой грозной опасностью — нашествия с востока получеловеческих, полуживотных существ, бывших в действительности прямыми предками горных людей, — явились новые, не менее страшные гости: полчища гигантских пещерных медведей и саблезубых тигров. Прожорливые пришельцы не только принялись начисто истреблять дичь, от которой зависело существование горных людей, но, что было еще опаснее, старались лишить их жилища, захватывая пещеры. И неизвестно, каков был бы исход этой тяжелой борьбы, если бы не слепой инстинкт хищников, заставивший их уничтожать друг друга с таким же ожесточением, как и все кругом.

Лето прошло сравнительно спокойно для Малых Гор, и обитатели их успели залечить полученные раны. Но с началом зимы нахлынули новые незванные гости — громадные волки, охотившиеся настолько мощными стаями, что семьи, обитавшие на окраинах Малых Гор, были немедленно отрезаны и истреблены.

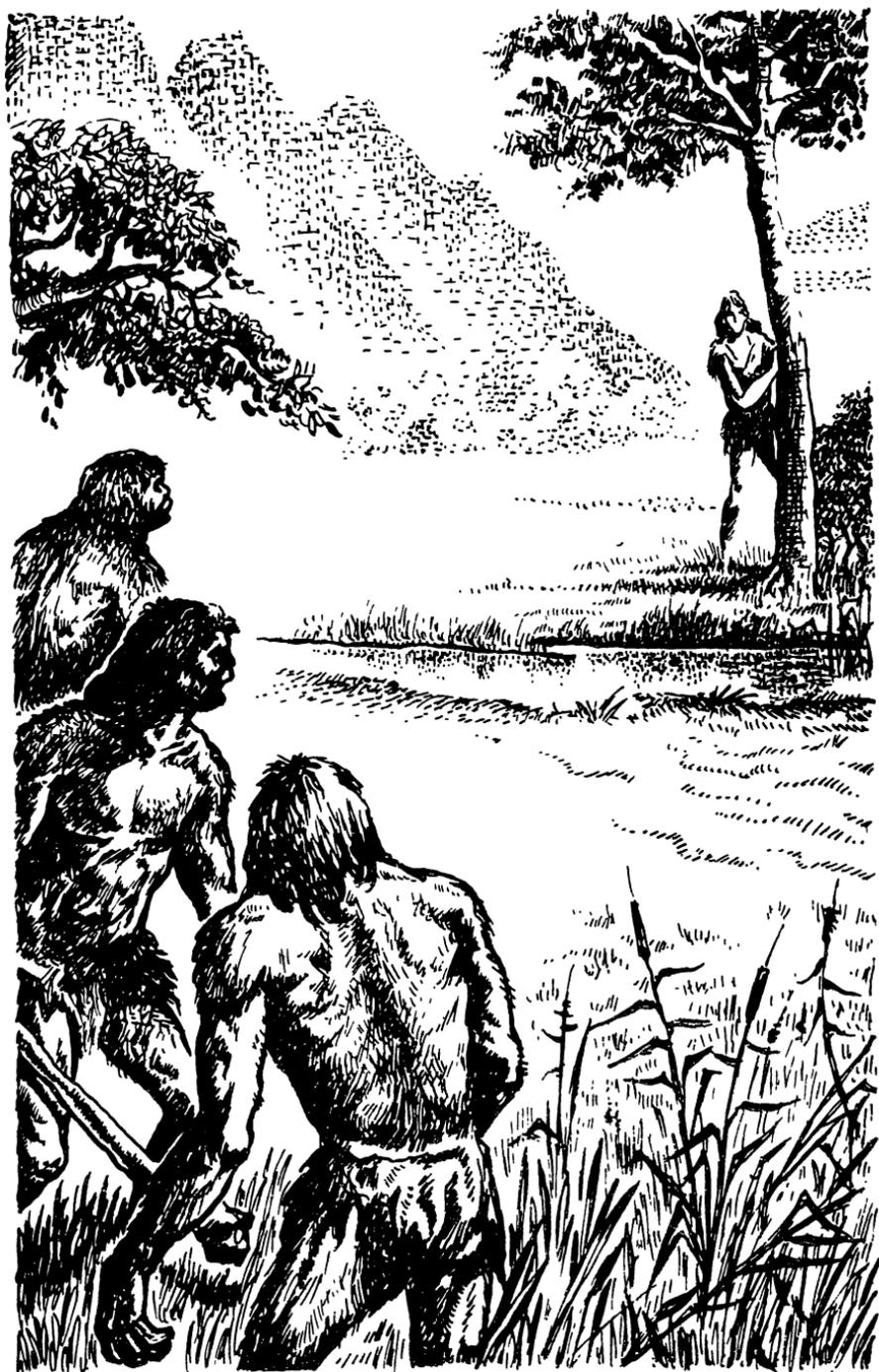
Так, ценою невероятных усилий, отстаявая каждый день существования, горные люди провели половину зимы.

Когда же волки, пожрав и разогнав всю дичь в окрестностях Малых Гор, устремились прочь и поредевшими стаями потянулись на юго-запад — и горные люди из сумрака пещер вышли на свет солнечного дня, их встретил другой, не менее грозный враг — голод.

Напрасно целыми днями рыскали они в чаще леса, взбирались на склоны гор и спускались к покрытым льдом болотам близ устья реки: дичь исчезла, и им оставалось лишь рыться в замерзших заводях и прудах в поисках рачков и моллюсков — пищи невкусной и не насыщавшей тела.

Но нашествие волков не прошло для горных людей бесследно.

Опустошительные набеги их принудили племя отступить вглубь гор, в область центральных пещер, и здесь, противопоставляя свою сплоченность несогласованным и случайным действиям



волчьих стай, оно научилось понимать значение дружной совместной борьбы. И когда свалилось новое испытание, обитатели Малых Гор не были уже более хаотическим сборищем разобщенных, чуждых друг другу групп и семей.

На этот раз беда снова пришла с враждебного востока, по тому же пути, что и пещерные медведи, обезьяны и свирепые волки.

Однажды ранним летним утром женщина из племени горных людей бродила по склонам горного ручья, заостренной палкой вырывая корни из земли, как вдруг внезапно цепкие лапы схватили ее, и она увидела перед собой двух коренастых, желтокожих людей, широкоплечих, на коротких кривых ногах, с плоскими лицами и широкими зияющими ноздрями.

Но женщина была молода и сильна. Она боролась за свою жизнь, как тигрица, нанося раны острой палкой, пока не была оглушена ударом по голове.

Однако крики ее подняли на ноги все племя. Нападавшие, не желая расстаться с добычей, подняли ее на руки и устремились в чащу, начинавшуюся по ту сторону ручья.

Три горных человека с бешенством бросились в погоню. Но едва они вступили в лес, как были окружены ордой коренастых незнакомцев, вынырнувших из кустов. После минутной схватки, три человеческих тела были разорваны на клочки и втопты в землю.

Вождь племени видел все — со своего сторожевого поста, на вершине склона, тянувшегося вплоть до маленького амфитеатра пещер.

Незгоды двух предыдущих годов сделали его хладнокровным и прозорливым. Вид этих грязных, косматых людей, их звериные прыжки и воющие крики сказали ему, что битва предстоит не на жизнь, а на смерть. Резким движением удерживая наиболее горячих из своих людей, в жажде кровавой мести порывавшихся устремиться вниз, в толпы врагов, — он испустил короткий могучий крик, призывавший все племя сплотиться на защиту узкого, горлоподобного ущелья, которое вело в амфитеатр. И по слову его, передававшемуся из уст в уста, старики и старухи с детьми на руках бросились собирать камни и, поспешно карабкаясь, усеяли собою скалы и утесы, возвышавшиеся по бокам прохода. Тем временем молодые женщины и девушки заняли места в рядах мужчин у входа в ущелье. Оружием для них служили дубины с прикрепленными к ним камнями, а также — длинные копы с отточенными кремневыми наконечниками.

И вот, в беспорядке, переплывая поток, хаотические толпы «колченогих» устремились вдоль склона — с резкими взвизгиваниями и вызывающими жестами, обращенными к молчаливой группе на вершине холма.

Это были два племени, две глубоко отличные породы, выросшие из одного общего жизненного корня.

Горные люди, прямые и стройные как пальмы, были выше своих звероподобных противников почти на тридцать сантиметров.

Они не были очень широки в плечах и массивны, но зато обладали могучей грудью, сильно развитой мускулатурой рук и ног, — а некоторая худощавость придавала их телам стройный и пропорциональный вид. Их кожа — матово-красная у взрослых, бледно-розовая у детей и юношей, выгодно отличалась от кричащей желтизны, которой лоснились на солнце тела колченогих.

Но лучшим доказательством превосходства горных людей была их голова с прямым носом, глазами, глядевшими непоколебимо, и высоким лбом под густой шапкой темнокоричневых волос. Их наружность была резким контрастом с наружностью колченогих — с их чернильно-черными жесткими клочьями жидких волос, покрывавших уродливые черепа.

В десять раз малочисленнее — горные люди молча стояли плечом к плечу и смотрели вниз — на врагов — без страха, но с отвращением. На короткое время толпы колченогих сомкнулись, визгливо переключаясь и возбужденно размахивая над головой тяжелыми дубинами.

Очевидно, у них не было вождя, не было плана атаки и дисциплины. Некоторые из них уселись на корточках между камней и неистово чесались, как обезьяны, с тупым лукавством поглядывая на небольшую колонну неприятеля и усиленно дыша через отворотные ноздри, казавшиеся на их плоских лицах парой глубоких красных ямок. Затем они начали игру, перебрасываясь страшным красным шаром, на котором еще висели обрывки волос.

Свирепый вой раздался сверху — из рядов горных людей, и некоторые сделали движение вперед, чтобы принять этот ужасный вызов. Но вождь преградил им путь своей дубиной. Затем он сам выступил вперед.

Возвышаясь почти на целую голову над своим войском, — с великолепно развитой грудью, с темной гривой, в которой серебрилась частая седина, — он отделился на несколько шагов и встал, опираясь на огромную красноголовую дубину, устремив спокойный зоркий взгляд на беснующуюся орду.

Колченогие на мгновение прекратили вой и с любопытством стали вглядываться в эту могучую фигуру.

Вдруг один из тех, которые сидели, скорчившись, на земле, схватил за волосы страшный шар и, описав им быстрое вращательное движение вокруг своей головы, швырнул вверх, по направлению к ущелью. И в тот же момент две женщины выскочили из ущелья и с быстротой горной лани понеслись по камням за катившимся обратно шаром. Передняя схватила его и, прижав к голой груди, испустила проклятье в сторону бессмысленно галдевших убийц. Еще одно мгновение — и обе женщины скрылись в рядах горных людей.

Вид этих женщин — с развевающимися волосами, с ловкими, сильными движениями — послужил тем толчком, который необходим был колченогим, чтобы объединить их волю и заставить их открыть действия. Толпа заволновалась, как муравейник от бро-

шенного камня, — сидевшие на земле проворно вскочили на ноги, и вся масса пошла на приступ.

Тут произошло то, чего опасался вождь и что он был не в силах предотвратить. Долго сдерживаемая ненависть не выдержала напряжения, и передние ряды осажденных метнулись навстречу врагу. Этот авангард был смертоносен для колченогих. Все накопленное бешенство горных людей вылилось в ударах дубин, с молниеносной быстротой опускавшихся на черепа наступавших. Но, как и предвидел вождь, фланги оказались беззащитными. Численное превосходство колченогих принудило горных людей отступить, и они заняли прежнюю позицию у пасти ущелья. Здесь, под защитой каменных стен с боков, они сами были непоколебимы, как гранитная стена.

На эту сомкнутую фалангу в неистовой ярости набегали волны колченогих и каждый раз с уроном катились назад. Деревянные палицы их не могли противостоять тяжелым дубинам с камнями и кремневым остриям копий. Но в слепой ярости борьбы, они в самозабвении ныряли в самую гущу врагов, хватали своими обезьяньими руками за ноги горных людей и, увлекая наземь, разрывали их на части крючковатыми, цепкими, как клещи пальцами.

Немало борцов было вырвано из рядов горных людей в этой свалке. Но из женщин ни одна не была взята в плен живою. Каждый раз, когда колченогие увлекали какую-нибудь женщину к себе и освободить ее было невозможно, — из собственных рядов вылетало освобождающее копье, предупреждавшее бесчестье племени. И этот страх перед бесчестьем, смешанный с инстинктом материнства, вдыхал в женщин безудержную ярость волчиц и делал их для колченогих не менее страшными, чем сильнейшие из мужчин.

Центральное место авангарда занимал вождь. Его массивная дубина, которой он владел очень искусно, создала перед собой опасный круг, куда не мог проникнуть ни один колченогий.

На левом фланге, где каменная стена ущелья, падая менее круто, чем правая, обнажала слабое место сражавшихся, — защитой руководил воин, по имени Гром.

Его дубина также сеяла смерть и ужас вокруг. Но, бо-



лее тонкая и легкая, эта дубина отличалась своим оригинальным видом. Очень длинная рукоятка ее оканчивалась гладко сточенным кремнем, вследствие чего это оружие служило для Грома одновременно и палицей и пикой. С изумительной ловкостью, перебрасывая его в своей руке, он то опускал тяжелый молот камня на головы наступающих, то, вытянув его во всю длину, поражал врага в грудь острым конусом кремня.

Этот воин, несмотря на то, что его слава, как охотника и бойца, уступала репутации лишь одного вождя, не возбуждал в последнем никогда подозрительного или ревнивого отношения к себе. Всегда охотно признавая авторитет вождя, он много способствовал укреплению в племени дисциплины подчинения.

Чуждаясь племенных раздоров и неурядиц, он обитал во время нашествия волков в уединенной пещере на наружной границе Малых Гор и первый встречал грозные набеги волчьих стай.

Там он жил в обществе своей семьи, состоявшей из старухи-матери, двух жен и четырех детей. Однажды, когда он был на охоте с младшим из них, десятилетним мальчиком, — явились волки.

Вернувшийся Гром нашел в пещере лишь кости своей семьи да ключья волчьей шерсти, говорившие о страшной борьбе.

Теперь — в великой схватке с колченогими — мальчик находился на стене ущелья, метрах в шести над головой отца, и бросал камни в воюющие толпы врагов. И в короткие промежутки между схватками Гром с тревогой оглядывался назад, туда, где стоял его сын.

Вдруг со скалы раздался пронзительный крик. Гром в разгаре борьбы инстинктивно повернул голову в сторону сына. Мгновенно один из колченогих схватил его дубину и дернул к себе. В то же время другой, изловчившись, метнулся к его ногам и захватил их крючьями пальцев. Гром потерял равновесие и упал.

С резким криком из рядов вырвалась молодая девушка с нежной кожей и волнами длинных темных волос — и одним прыжком очутилась над распростертым Громом. Мелькнувшее в ее руке копьё ударило меж глаз ближайшего из нападавших.

Так неожиданно было ее появление, что колченогие растерялись.

Этим моментом воспользовались горные люди, чтобы схватить упавшего бойца и унести его за линию прикрытия.

Через минуту он был уже снова впереди, сражаясь с удвоенной яростью, несмотря на кровь, покрывавшую его голову и спину. А за ним, вперив в него взгляд широко раскрытых глаз, забыв о том, что эта кровь была не только его, но и ее кровью, стояла девушка, вырвавшая его из объятий смерти.

Правда, до сих пор все атаки не могли сокрушить шеренги бойцов, но для умудренных жизненным опытом стариков, толпившихся на скалах над ущельем, было очевидно, что еще немного, и ряды их родичей будут опрокинуты. Но вот, с вершины правого утеса, — там, где каменная стена падала вниз почти вертикально, раздалась два протяжных резких свистка.



Это был сигнал, которого ждал истекающий кровью вождь.

Из уст его вырвалось рычание команды, и ряды горных людей угрюмо и в полном порядке отступили назад, наполовину очистив узкий проход.

С ликующим лаем, толкая друг друга, топча раненых, толпы колченогих понеслись вперед, и не прошло и пяти минут, как горло ущелья было набито ими битком.

Непрерывный град камней полетел на их головы с правой стены. А слева в течение нескольких минут сыпался густой дождь песка, слепивший их глаза и забивавшийся внутрь безобразных, раздернутых ноздрей.

Над этим облаком пыли замелькали седые бороды, и показались лица с выпученными глазами и вздувшимися от напряжения жилами... И камень подался. Огромная глыба камня начала медленно сползать вниз, и работавшие наверху люди с развевающимися гривами седых волос стремительно отхлынули назад.

Гром падающей глыбы наполнил собою все вокруг, и увлекаемая ею огромная масса камня и земли рухнула на желтую орду, сдавленную в горле ущелья.

Оглушительный, долго несмолкавший крик триумфа понесся из рядов горных людей...

Немного воинов уцелело из орды колченогих. Они добрались до приближавшихся отрядов своих сородичей и поведали им о страшном племени высоких краснокожих демонов, непобедимых в бою и низвергающих горы на головы врагов.

И с этих пор кочующие орды колченогих изменили свой путь и, уклонившись на юго-запад, далеко обходили территорию Малых Гор.

6. В ПОИСКАХ НОВОГО МЕСТА

Бледный месяц освещал амфитеатр, где, сидя на корточках перед пещерами, держали совет покрытые рубцами воины племени.

Покойники были погребены, как того требовал обряд, под кучками камней на ветреных склонах холмов.

Вождь, сидя на утесе, возвышаясь над всем собранием, внимательно прислушивался к шумливому спору, переводя взгляд прищуренных глаз с одного говорившего на другого, и лишь изредка вставляя свое слово.

Внезапно вождь издал резкое восклицание, и все смолкли. Он стоял, сгибаясь от полученных ран, и все равно казался чрезмерно большим при свете месяца. Он изрек свое решение.

— Я слышал много безумных слов, — произнес он, — но также и немного мудрых. И наиболее мудрыми были слова отца нашего, старого Альпа. Глаза отца моего ослепли от прожитых лет, но сквозь эту темноту они видят то, что нам недоступно. Они увидели, что все несчастья последних лет пришли к нам с востока. Они видят, что и новые опасности придут с востока, потому что мы, народ Малых Гор, стоим на их пути. Сколько же еще опасностей можем мы встретить лицом к лицу и не погибнуть? Ни одной! Поэтому я говорю: нам нужно оставить место это, родину наших отцов, и пойти на закат солнца, чтобы найти новую родину, вдали от врагов. Я сказал.

В ответ на его слова раздалось тихое ворчание, потому что многие, не смея открыто высказать свое мнение, с неудовольствием и страхом думали о предстоящих опасностях пути и о том, что придется покинуть свои удобные жилища. Но Гром, который слушал вождя с горевшими глазами, теперь выступил вперед и вошел в круг.

— Боор — наш вождь, — произнес он ясным, спокойным голосом, — не только потому, что он самый сильный из нас, но и потому, что он — мудрейший на совете. Когда мы выступим?

Вождь подумал короткое мгновение. О ропоте несогласных он не заботился, но поддержка Грома была ему приятна.

— Через два месяца от этого дня, — ответил он, — наши раны должны зажить, потому что нам нужно быть сильными в пути. Мы идем далеко, не зная сами — куда, и нам нужно собрать много пищи для пути. Когда месяц дважды совершит полный круг, мы оставим эти пещеры и страну Малых Гор.

— Тогда, — сказал Гром, — если Боор возьмет к себе моего сына и позаботится о нем во время моего отсутствия, я пойду один вперед, чтобы найти для нас место, вернусь быстро назад и поведу племя отсюда кратчайшим путем.

— Я позабочусь о твоём мальчике, — сказал Боор. — Когда ты выступишь?

— На заре следующего дня, — ответил Гром.

В этот момент молодая девушка Айя в сильном возбуждении вскочила на ноги. Увидев это, рослый юноша, сидевший все время вплотную к ней на корточках и пожиривший ее лицо жадными глазами, подпрыгнул с яростным криком.

— Гром — изменник! — вскричал он. — Он бросает нас в нужде. Не позволяй ему уходить, вождь!

Ропот протеста пронесся по рядам слушателей. Девушка посмотрела ему в лицо сверкающими глазами, но Гром бросил на него безразличный взгляд и отвернулся в сторону, со скрытой усмешкой на губах.

Вождь ударил дубиной по скале и произнес холодно:

— Мауг молод, и слова его безумны. Гром — верный человек. Он пойдет.

Лицо юноши исказилось гримасой, говорившей о внутренней борьбе. Но затем черты его разгладились, и он коротко рассмеялся при мысли, что из такого опасного путешествия его соперник вряд ли возвратится живым. Он искоса бросил хитрый взгляд на девушку, снова повернувшуюся к нему спиной.

По знаку вождя совет закончился. Горные люди, переговариваясь, разбрелись по своим пещерам.

Не успело еще солнце своими лучами коснуться верхушек окрестных утесов, как Гром был на ногах и, притронувшись в знак прощанья к спящему сыну, вышел из пещеры. Он чувствовал необычайный прилив сил. Это было как раз такое предприятие, которого хотел его испытующий, жадный ко всему неизвестному дух.

Юный пыл сверкал в его глубоких глазах из-под густых, сдвинутых бровей, когда он бесшумно пробирался через горло ущелья, с легкостью мальчика перепрыгивая через чисто обглоданные кости вчерашних врагов. Затем он повернулся спиной к солнцу и направил свой путь вдоль потока.

Его оружием была все та же боевая дубина, два легких охотничьих копья и кремневый нож, болтавшийся на поясе из волчьей кожи.

К полудню он достиг широкой и быстрой реки — на границе его прежних вылазок. Он перебрался через нее не без труда и дальше пошел уже с большими предосторожностями, охваченный ощущением враждебной, стерегущей неизвестности.

Когда солнце склонилось к земле, Гром остановился, подыскивая дерево, на вершущке которого он мог бы найти надежное убежище на ночь. В этот момент его слуха достиг пронзительный крик ужаса. Он побежал в ту сторону, откуда он доносился, и уви-

дел бегущую девушку с развевающимися по ветру волосами. За нею гнались три пещерных волка.

Гром метнул копье, которое вонзилось одному из волков в грудь. Тогда два другие остановились в нерешимости. Но при виде высокой человеческой фигуры, большими прыжками приближавшейся к ним, они повернули и мгновенно скрылись в чаще.

Девушка сделала несколько шагов вперед и склонилась к коленям Грома.

Воин смотрел на нее с удивлением и досадой. Но затем он узнал ее. И взор его смягчился при виде глубокого красного шрама, тянувшегося по ее плечу: он знал, что кровь из этой раны обогрела его плечи и спасла ему жизнь там, на пороге ущелья. Это была Аяя.

Однако он был смущен ее неожиданным появлением, осложнявшим его трудное предприятие, и коротко спросил ее, зачем она последовала за ним.

— Я боялась за тебя, — отвечала она, не вставая с колен и не подымая на него глаз. — Ты идешь навстречу стольким опасностям! Я не могла остаться с племенем и ждать.

— Ты думала, что мне нужна помощь? — спросил он с легкой усмешкой.

— Я нужна была тебе в бою! — ответила девушка гордо.

— Верно! — промолвил Гром. — Если бы не ты, я бы спал теперь под камнями.

Он взглянул на нее с внезапно нахлынувшей нежностью, которая удивила его самого, потому что подобного чувства он никогда до того не испытывал к женщине. Его жены были покорными и исполнительными женщинами, и он был вполне доволен ими, но ему пришло в голову, что ни одна из них не решилась бы добровольно разделить с ним опасный путь.

— Я не могла оставаться без тебя, — я боялась Мауга, — сказала девушка со скрытым лукавством в голосе.

Волна ревнивой ярости пробежала по лицу Грома.

— Если бы он коснулся тебя, я бы убил его, — произнес он гордо, и в глазах его мелькнул холодный огонь уверенности в своей силе. И, быстро наклонившись к девушке, он поднял ее с земли и на мгновение прижал к своей могучей груди.

— Но почему же ты шла за мной весь день скрываясь?

— Я боялась, что ты рассердишься и отошлешь меня назад, — ответила девушка с легким вздохом облегчения.

— Неужели я мог бы приказать тебе вернуться? — сказал Гром, совсем забыв свое прежнее равнодушие. — Теперь идем, нам нужно найти место для ночлега.

И, взявшись за руки, они быстрым шагом направились к дереву, которое Гром уже раньше наметил для ночного убежища. Когда они укрылись на его верхушке, быстро надвинулся сумрак, и громкий рев крупного зверя донесся из глубины леса, а в ближайшей заросли послышался легкий треск сучьев под тяжестью лап вышедшего на охоту тигра.

7. СВЕТАЩИЕСЯ ПЛАСУНЫ

В течение трех недель Гром и Айя безостановочно стремились вперед. Им пришлось уклониться на север, чтобы обогнуть обширное озеро, болотистые берега которого были покрыты следами невиданных еще ими чудовищ.

Несмотря на то, что высокие деревья давали надежный приют в своих густых кронах, они проводили без сна опасные часы ночной темноты, так как зверей кругом было очень много.

Если бы Гром был один, он, вероятно, давно изнемог бы под бременем этого непрерывного чуткого бдения. Но девушка, в глазах которой постоянно светилось счастье молодого, вольного зверя, казалось, не знала утомления, и Гром наблюдал за ней со все возрастающим восхищением.

Когда озеро и низкие болота остались позади, они вступили в незнакомую страну с плодородными, полными жизни долинами, покрытую голыми конусообразными холмами.

Эти холмы казались темными островками среди зеленого волнующегося моря. Дальше, вдоль горизонта, они тянулись непрерывной цепью, поднимая к бледной синеве неба причудливые очертания острых вершин. Некоторые из этих холмов курились нежными струйками легкого дыма, а из одной вершины взвивался к небу густой, темный столб, принимавший в верхних слоях неподвижного воздуха форму гигантской пинии.

Девушке этот ландшафт казался зловещим. Он наполнял ее сердце жуткими предчувствиями, она охотно обогнула бы эти места. Но, видя, что Гром полон интереса к открывающимся перед ними новым явлениям, она отбросила в сторону страх и с прежней смелостью пошла вперед.

Однажды, когда солнце стояло высоко, они подошли к двум могучим деревьям, одиноко возвышавшимся среди открытого луга, немного в стороне от густого леса. Маленький ключ с ледяной водой выбивался из-под их корней на земную поверхность.

Это было время полуденного отдыха, и деревья манили к себе темной листвою, обещая надежный приют. Айя напилась, освежила лицо прохладной влагой, откинула назад спадающие волосы и одним сильным упругим движением поднялась на ближайшую ветвь дерева. Гром помедлил несколько мгновений, полными пригоршнями ополаскивая разгоряченные ходьбой мускулы. Затем он припал к земле и стал пить большими глотками.

В этот момент, когда его обычная звериная чуткость была ослаблена, послышался шорох раздвигаемых ветвей, и из чащи вышел гигантский косматый бурый медведь. Одно мгновение он смотрел налитыми кровью глазами на распростертого на земле человека, затем ринулся на него с быстротою огромного валуна, низвергающегося вниз по склону холма. Девушка испустила пронзительный предостерегающий крик.

В следующую секунду Гром был уже на ногах и стремительно бросился к дереву. Но зверь уже настигал его, — как вдруг копьё со свистом пронеслось над головою Грома, задев его волосы, и вонзилось медведю глубоко в плечо. С ревом животное остановилось, движением спины силясь вытолкнуть его вон. Этим воспользовался Гром и в два прыжка поднялся на сук, уронив при этом оба свои копыя.

Такой оборот дела не остановил медведя. Обезумев от боли и ярости, он подступил к дереву и начал взбираться наверх. Гром попытался ударить его дубиной, но в неудобном, согнутом положении трудно было как следует размахнуться, и медведь почти не заметил удара.

— Надо заманить его наверх, потом спуститься и бежать, — сказал Гром.

И оба стали проворно подыматься на верхушку.

Зверь не отставал от них, и, когда ветви стали трещать и гнуться под тяжестью его огромного тела, Гром и девушка быстрым движением перенеслись на соседнее дерево.

В этот момент другой медведь показался под ними и, взглянув на людей умным и неуловимым взором хищника, сопя и ворча, обхватил мохнатыми лапами ствол дерева.

Гром посмотрел на девушку глазами, в которых внезапно появился испуг.

— Можешь ли ты бежать очень быстро? — спросил он.

Девушка коротко засмеялась.

— Я убежала от волков, — напомнила она ему.

— В таком случае нам нужно бежать, — продолжал он, — быть может, очень долго, до тех пор, пока мы не найдем места, где сможем обороняться.

Когда оба медведя были высоко на деревьях, Гром и девушка с быстротой коршуна, сомкнувшего крылья, скользнули вниз, и, подобрав лежавшие на земле копыя, понеслись по направлению к линии дымящихся холмов. А за ними тяжелым галопом понеслись хищники.

Действительно, девушка бежала так хорошо, что Грому, славившемуся в племени своим быстрым бегом, не пришлось заметно умерять шаг ради нее. Он бежал позади нее — на случай внезапного истощения ее сил — и зорко выискивая подходящее убежище, умело сокращал путь, желая сберечь ее силы. Он знал, что, если она упадет обессилев, он остановится и над ее телом совершит свою последнюю битву.

В продолжении часа девушка бежала легко, затем она стала обнаруживать легкие признаки изнеможения. Лицо ее потемнело, прерывистое дыхание вырывалось из раскрытых губ и дважды она уже споткнулась. В приступе шемящего страха Гром заставил ее опереться на свою мускулистую руку и, ободряя, указал вперед. Прямо перед ними ясно выделялись контуры гор, рассеченных узким ущельем.

— Там должны быть скалистые уступы, — сказал он, — где мы сможем защищаться. Там тебе можно будет отдохнуть.

Обогнув опушку непроходимой чащи, они внезапно вынеслись на край зеленой равнины и увидели перед собою, не дальше чем в полумиле, ровное ущелье. Его стены, обнаженные или покрытые ползучим кустарником, представляли собою хаотическое скопление горных обломков и скал и казались верным убежищем от преследователей.

Но поперек пасти ущелья тянулся страшный барьер. Из зигзагообразной трещины в раскаленной земле от одной стены к другой выходили языки красного пламени, поднимаясь кверху на несколько метров, падая назад, снова взвиваясь и клонясь в стороны, как бы в фантастическом танце.

Гром остановился — с сердцем, исполненном трепета и изумления. Девушка опустила глаза, в которых горел невыразимый ужас зверя перед непонятной стихией природы, колени ее подогнулись, и она стала падать. Это вернуло Грому самообладание. Медведи были так близко, что он слышал их тяжелое, свирепое дыхание.

Резким движением поставив девушку на ноги, он сказал ей несколько слов голосом, который привел ее в сознание. Затем, крепко дернув ее за кисть руки, он устремился прямо на барьер. Девушка прижалась к нему и проворно бежала, не подымая опущенных к земле глаз.

Когда они приблизились к пылающему барьеру, немного справа в линии огня показался прорыв длиной в несколько метров, и Гром направил свой бег в центр этого места. Когда они проносились мимо огненной трещины, сильный жар охватил их полунагие тела, и девушка обезумела от ужаса и отчаяния. Слепленная, она пробежала еще десять шагов и с глубоким протяжным криком упала без чувств. Но, прежде чем тело ее успело коснуться земли, Гром подхватил ее и поспешно оглянулся.

Медведи не преследовали их больше. Воя и рыча, они остановились на расстоянии брошенного копья и в яростной нерешимости топтались на месте.

— Они боятся Светящихся Плясунов, — сказал себе Гром и добавил со взрывом ликования: — А я их не боюсь.

Тут только, очнувшись от возбуждения, заметил он, что земля в этом месте, сухая и голая, жестоко жгла ступни его ног. Он сделал несколько шагов вперед, где снова начиналась зелень, и положил свою ношу на густую траву. Затем снова обернулся к медведям.

Видя, что их добыча не делает дальнейших попыток ускользнуть, хищники пришли в еще большую ярость. Некоторое время Гром боялся думать, что они отважатся пойти сквозь барьер, но затем с радостью убедился, что огонь вселял в животных непреодолимый ужас. В нерешительности потоптавшись на краю зеленого



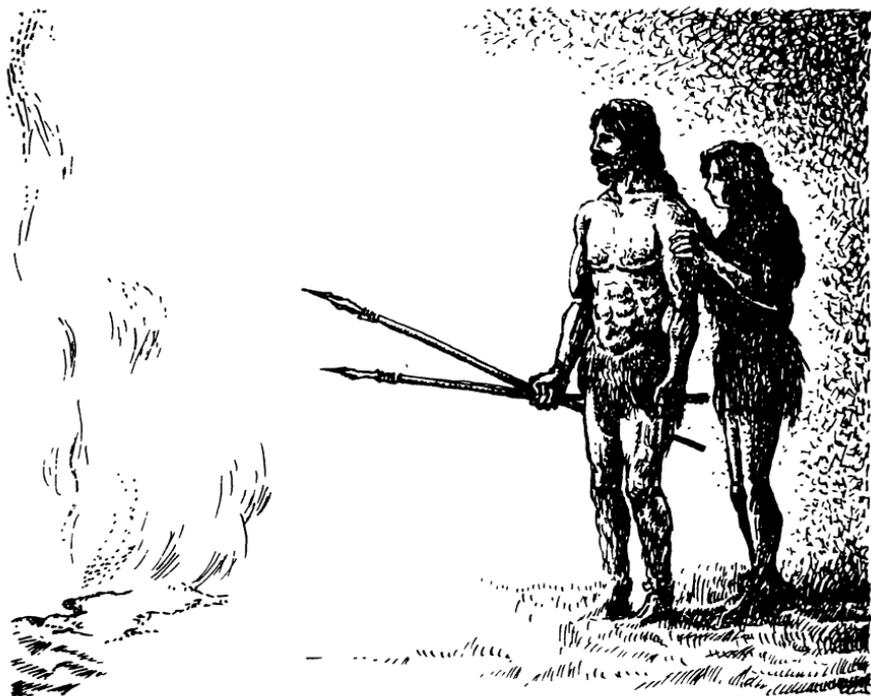
луга, они, как бы по взаимному соглашению, метнулись прочь и скрылись в густой чаще.

Гром слишком хорошо был знаком с непобедимым упрямством их породы и не думал, что хищники отказались от охоты.

Но, чувствуя себя сейчас в безопасности и видя, что девушка очнулась и сидит, устремив пристальный взгляд на линию огня, он обратил все свое внимание на эти странные — сияющие и прыгающие — огненные образы, которым они были обязаны своим спасением.

Насторожившись, держа дубинку и копые наготове, он стал медленно приближаться к барьеру, к тому месту его, где пламя было ниже и менее опасно, чем в других местах. Сильный жар заставлял его все время остерегаться, но под устремленным на него взглядом девушки он не обнаружил ни малейшего признака страха. На расстоянии двух метров он остановился, наблюдая за острыми извивающимися языками света. Излучаемый ими жар на этом расстоянии был почти невыносим для обнаженных членов его тела, но чем дольше стоял он здесь, тем сильнее укреплялась в нем надежда. Пылающие Плясуны не выказывали намерения напасть на него.

Под конец он отважился протянуть копые и коснулся — очень почтительно — верхушки пламени. Кожанные ремешки, которыми



было привязано к древку кремневое острие, задымились и с шипением сморщились.

Он с беспокойством отдернул оружие и стал щупать верхушку копья. Оно почернело и жгло пальцы при прикосновении. Но, видя, что огненные языки продолжают по прежнему свою пляску, он повторил этот опыт еще несколько раз, сиюсья понять все детали этого явления, в то время как девушка со своего места следила за его движениями глазами испуганного ребенка.

Под конец сухое дерево вспыхнуло ярким пламенем. Когда Гром потянул к себе копьё обратно, он с изумлением увидел, что уносит на нем часть светящегося существа, и в приступе страха швырнул оружие наземь. Недостаточно разгоревшееся пламя затрепетало и исчезло. Но на черном дереве осталась сверкающая красная искра. Упорный в своем безграничном любопытстве, Гром прикоснулся к ней пальцем. Он почувствовал острый укол и с криком боли отдернул палец. Но под его пальцем искра потухла.

Посасывая палец, Гром с изумлением смотрел на верхушку копья, которая за мгновение до того была такой светлой, а теперь совсем почернела.

Обратившись к Аие, он произнес громко:

— Светящиеся Плясуны — наши друзья, но они не любят, когда их трогают. Если их тронуть, они кусаются.

Сердце его наполнилось огромной, неясной надеждой. Возможности, которые он был не в состоянии охватить, пронеслись в его мозгу, и в сознание его проникла мысль, что он переступил порог нового мира.

Он взял копьё и снова повернулся к огню.

Теперь он дал пламени охватить конец древка и тогда поднял перед собою этот пылающий факел. И в то время, как он пожирал его жадным взглядом, резкий крик девушки достиг его слуха. Она вскочила на ноги и стояла, повернув голову назад, не смея ступить вперед из страха перед огнем. А за ее спиной, не далее как в двадцати шагах, из чащи наполовину высунулись огромные морды медведей, сочившиеся слюной бессильной ярости.

Испустив дикий боевой клич, Гром устремился на врага, высоко подняв горящее копьё. Звери попятились, завывли и, повернувшись, обратились в бегство.

Несколькими прыжками Гром настиг их. Пламя дошло уже до рукоятки, лижа его пальцы.

Могучим движением руки он метнул копьё, и оно, описав в воздухе огненную дугу, поразило в бок ближайшего хищника. Длинные космы шерсти вспыхнули, и в паническом ужасе звери понеслись через чащу, ломая и давя все, попадавшееся на пути.

Гром чувствовал себя на вершине гордости, но он не показал этого и, обернувшись к девушке, сказал спокойно:

— Они не вернуться.

Гром долго сидел без движения, наблюдая острым взглядом из-под сдвинутых бровей извивы пламени, и думал. Девушка не решалась прерывать его мысли.

Когда солнце зашло и со склонов подул холодный ветер, Гром подвел девушку ближе к огню и снова уселся. Когда Айя почувствовала ласковую теплоту огня, ее страх уменьшился. Она несколько раз повернулась всем телом, подставляя его горячему дыханию огня, потом свернулась, как кошка, у ног Грома.

Наконец, Гром поднялся еще раз. Он взял в руки оставшееся копьё и, приблизившись решительно к огню, всунул в него рукоятку копья. Когда копьё было охвачено пламенем, он бросил его на кучку увядшей травы. Сухая масса ярко вспыхнула и сгорела.

Гром стал катать по земле пылающую рукоятку копья до тех пор, пока она не погасла. Искры, еще мелькавшие в траве, он гасил ладонью руки. Они кололи его, но гасли.

Тогда он поднялся во весь рост, озаренный багровым светом огня в сумраке быстро спускавшейся ночи, и повернулся к девушке, вытянув вперед почерневшую руку.

— Смотри, — сказал он, — я покорил Светящихся Плясунов. Огонь должен прийти сюда, и мы станем господами этой земли.

И широким жестом руки он обвел кругом всю местность.

8. НЕПОПРАВИМАЯ ОШИБКА

Из узкой вулканической трещины, тянувшейся от одного края ущелья до другого, навстречу спускавшейся ночи металась и плясали огни.

То поднимаясь кверху на несколько сантиметров и затем внезапно пропадая из виду, то взвиваясь порывами на высоту полутора метров и багровым светом озаряя камни и траву вокруг, легкие, бесплотные существа вели безостановочную игру. Ярко-желтые, темно-оранжевые и нежно-фиолетовые, трепетно движущиеся — они казались Грому такими же живыми существами, как он сам.

И, сидя на корточках на согретой земле, человек не мог оторвать от них очарованного взгляда.

Девушка, свернувшаяся у его ног, обращала мало внимания на игру огней. Она не понимала пляски огней, но ей были хорошо понятны тяжелые шорохи, вой и дикие крики, явственно доносившиеся из леса и со склонов гор. Она чутко прислушивалась, а Гром был всецело поглощен чудесной игрой пламени и, казалось, совсем забыл об опасностях, таившихся за их спиной.

Сердце его горело неиспытанной никогда раньше гордостью и, казалось, мозг его не выдержит напора огромных сверкающих перспектив. Впервые он не чувствовал себя зверем среди прочих зверей. Никогда еще он, храбрый из храбрых в своем племени, не мог слушать без животного страха рев пещерного медведя, гиены или тигра, видя спасение лишь в бегстве. Теперь этот страх исчез.

Громкое рычанье донеслось из темноты, и Гром увидел, как расширились темные зрачки девушки. Быстрая усмешка скользнула по его костистому лицу, и упругим движением мышц он встал на ноги, подымая вместе с собой Айю.

С горячим чувством удовлетворения он увидел, сколько мужества и упорства было в ее сердце, потому что прямо против них, на краю освещенного пространства, выступив из лесной глубины, стояли чудовищные звери, которых больше всего страшился горный человек.

Первым, вытянувшись во всю длину своего гибкого, мягкого туловища, вышел из чащи гигантский саблезубый тигр. Не больше тридцати или сорока шагов отделяли его от людей, и в отблесках пламени его клыки величиною в двадцать пять сантиметров казались кроваво-красными, а прямой, голый хвост мерно раскачивался из стороны в сторону, как бы понуждая зверя ступить ближе к огню.

Шагах в двадцати далее, вдоль опушки, в причудливом сплетении света и тени, наполовину скрываясь в заросли, стояли два бурых пещерных медведя, злобно мотая низко опущенными мордами. В ослеплении ярости перед человеческими существами, безбоязненно укрывшимися под защитой страшного огня, они не



обращали внимания на тигра, с которым находились в непрерывной смертельной вражде.

Слева, явственно выделяясь между деревьями, сидели на задних лапах, высунув длинные красные языки, две огромных пещерных гиены. Обладая челюстями, которые в состоянии были разгрызть бедро буйвола, два хищника все же не решались обнаружить свое присутствие, как перед саблезубым, так и перед гигантскими медведями.

Медведи и гиены не внушали Грому страха, но он считал возможным, что тигр отважится проникнуть за линию огня. Подняв с земли сухой сук, он схватил девушку за руку и отступил вместе с нею ближе к огню. Устрашенная его жарким дыханием, Айя пала на колени и закрыла лицо волосами. Смеясь над ее испугом, Гром сунул ветвь в огонь. Когда пламя разгорелось, он поднял ветвь на головой и устремился на тигра.

Первое мгновение зверь стоял неподвижно, но Гром заметил, что ужас мелькнул в глазах хищника, и бесстрашно продолжил движение вперед. Действительно, громкий рев огласил равнину, тигр попятился назад и прыгнул в чашу.

Тогда Гром повернулся к медведям. Но они на стали дожидать-

ся своей очереди. Вид пылающего пламени, которое, как казалось, выходило из косматой головы человека, был для них невыносим, и они мгновенно скрылись в тени.

Гром бросил наземь горящую ветвь, накидал сверху сучьев и хвороста, и костер весело загорелся. Тогда он взял головешку и швырнул ее в гиен. Поджав хвосты, хищники понеслись прочь, к своим логовищам на склонах гор.

Тогда он стал бросать в огонь хворост, пока сильный жар не заставил его отступить. Усевшись рядом с изумленной девушкой, он созерцал дело своих рук с возрастающей гордостью.

Когда костер прогорел, он покрыл пылающие угли огромной кучей сухого топлива, и пламя снова взвилось к вершинам ближайших деревьев.

Да, это была несомненная, решительная победа! По воле Грома длинные красные языки поднимались к небу и в следующую минуту бессильно припадали к земле.

Принеся несколько охапок травы и листьев, Гром устроил постель и указал на нее девушке. Сам он, несмотря на страшное физическое утомление, еще несколько часов продолжал опыты с огнем, создавая вокруг себя кольцо из маленьких пылающих кучек.

Затем, сидя на корточках рядом со спящей Айей, он размышлял о будущем своего племени, о тех переменах в судьбах его, которое принесет с собою необычайное новое явление.

Когда протекла половина ночи, он разбудил девушку и, приказав ей не смыкать глаз, мгновенно заснул, равнодушный к вою и лаю, который несся из темноты ущелья и с окраин родника.

Ущелье было обращено на восток. Когда взошло солнце, и под первыми лучами его стали почти невидимыми побледневшие языки огненного барьера, Гром проснулся.

Подкрепленные несколькими часами сна, в соседстве с живой теплотой огня, мужчина и женщина стояли, выпрямившись под прохладным дуновением горного ветра, и новым взглядом окидывали расстилавшийся перед ними ландшафт.

С чувством удовлетворения заметил Гром тучные, темные луга на некотором расстоянии от линии огня, а на пологих склонах вулканических сопок — расщелины и скалистые уступы. От его зоркого взгляда не укрылись также зияющие своды пещер, наполовину прикрытые хмелем и ползучим кустарником.

То, что вся местность была наводнена чудовищными зверями — лютыми врагами его племени, не казалось Грому заслуживающим серьезного внимания. Явление, которое покорило он, Гром, станет защитой от этих хищников. Он намекнул о своих замыслах девушке, и она выслушала его — с глазами, в которых светились собачья преданность и поклонение.

Покидая место ночной стоянки, чтобы отправиться назад в сторону Малых Гор, Гром захватил с собою пучок пылающих

ветвей. Ему пришла в голову мысль — сохранить в пути живым это могущественное вещество, все время питая его топливом, а на ночь разжигая костер.

Однако с первых же шагов затея доставила обоим немало хлопот; огонь держал хищников на почтительном расстоянии, но головни все время стремились потухнуть, и Гром переживал тоскливые тягостные минуты, снова вдыхая в них жизнь. Кроме того, непрерывная забота об огне вынуждала их продвигаться вперед очень медленно.

На ночь Гром разложил три костра в корнях могучего дерева, устроил запас хвороста из сухих сучьев и провел часы темноты, раньше столь страшные, в пренебрежении к хищникам, которые выли и рычали по ту сторону пылающего кольца. Он приказал девушке спать, сам же ни на минуту не сомкнул глаз, еще не доверяя покоренному огню и опасаясь как бы он, лишенный бдительного надзора, не изменил ему.

На следующий день, когда, измученный бессонной ночью и зноем жаркого дня, Гром забылся тяжелым сном, огонь погас. Это произошло по вине Айи. Когда пламя стало гаснуть, она, желая заставить его вновь разгореться, навалила сверху слишком много топлива.

В приступе отчаяния и страха она наклонилась к Грому и, разбудив его, глазами, полными ужаса, показала ему, что она сделала. Он бросил на девушку свирепый взгляд, затем подошел и вступил в молчаливую борьбу с черными мертвыми угольями. Айя, плача, подползла к нему. Несколько мгновений он не обращал на нее внимания. Она ждала беспощадного удара — так поступил бы всякий мужчина из ее племени на месте Грома.

Сильнейшие чувства боролись в груди Грома. Под конец чувство привязанности и нежности взяло верх над инстинктивной яростью, он поднял плачущую девушку с земли и прижал ее к себе.

— Ты позволила свету ускользнуть, — сказал он, — но не бойся. Он живет там позади, в ущелье, и я снова возьму его в плен.



9. КОЗНИ ВРАГОВ

Самолюбие Грома было уязвлено. Ему, победоносно пролагавшему свой путь среди царства хищников, в страхе отступавших перед его сверкающим оружием, приходилось теперь скрываться, постоянно держать дубину и копье наготове, а по ночам искать приюта на деревьях, подобно обезьянам.

Но он не обнаружил и признака досады и быстро освоился с новым положением. Отважный охотник, он воспользовался всем своим прежним опытом и искусством.

В это время они находились вне района охоты бурого медведя и саблезубого тигра. Но другие, не менее хищные, звери бродили вокруг. Дважды пришлось им бежать перед натиском огромного черного носорога, и Гром даже не сделал попытки метнуть копье, зная, что оно отлетит от прочной кожи животного, как легкое перышко. Но неуклюжее чудовище не могло состязаться с ними в беге, и они скрылись от него без труда.

В другой раз они столкнулись с зубром — колоссальным белым зверем с гладкими двухметровыми рогами.

К счастью, встреча эта произошла в густом лесу, и они избежали неумолимой ярости животного, ловко спрятавшись в листве дерева. Затем, с искусством обезьян перепрыгивая с дерева на дерево, они удалились из опасного места и, спустившись на землю, весело убежали, со смехом представляя себе взбешенного зверя, ожидающего их под деревом.

Так, противопоставляя чуткую осторожность и хитрость враждебным силам леса, они приблизились, наконец, к окраине своей страны и снова увидели закругленные, обвеваемые ветром вершины Малых Гор и курганы предков.

День клонился к закату, и волны горячего воздуха проносились над маленьким амфитеатром, где собралось поредевшее племя, когда Гром переправился через поток и, быстро поднявшись по склону, появился перед сородичами. За ним с покорным видом, как того требовал обычай, шла Айя.

Приветственный клич не встретил пришельцев. Не замечая зловещего молчания, которое воцарилось при их появлении, Гром крупными шагами направился к вождю, сидевшему на судейском камне, и бросил к его ногам палицу и копье в знак верности и подчинения.

Но от следовавшей за ним Айи не скрылось странно враждебное отношение племени. Подозрительный и недоверчивый взгляд ее бродил по группам воинов и женщин и всюду встречал глаза, сверкавшие злобой и злорадством. Она не могла понять этого, но чувствовала, что против Грома существует какой-то заговор. Сердце ее исполнилось гневом, и она вызывающе подняла голову: сильнейшие и мудрейшие из племени казались ей детьми в сравнении с Громом.

Чувствуя себя беспокойно под устремленными со всех сторон

враждебными взглядами, она быстро подошла к Грому и крепко сжала рукоятку послушного копья. Она увидела широкое, искаженное яростью лицо Мауга, возвышавшегося над группой родичей, и в его жадном взоре хищника прочла, что это он был душой заговора.

Судорога прошла по лицу Грома. Он распрямил широкие плечи и устремил на вождя суровый вопрошающий взгляд.

— Я исполнил повеление вождя Боора, — сказал он, и звучный голос его разнесся по всему амфитеатру. — Я нашел место, где племя может жить без страха перед врагом. Я вернулся, как было условлено, для того, чтобы повести туда племя, прежде чем враги рассеют и истребят наш род. Я не щадил себя, я верно служил своему племени. Почему вождь Боор отказывает мне в привете?

Ропот донесся из угла, где стоял Мауг со своими родичами, но быстрый взгляд вождя заставил их замолчать. Он, казалось, взвешивал слова Грома, испытующим взглядом проникая в глубину глаз этого человека.

Под конец суровые морщины на его лице разгладились, потому что он знал людей. Этому воину, самому опасному сопернику своему, он верил инстинктивно.

— Ты был обвинен, — произнес он медленно, — в том, что покинул племя в нужде...

Недоумение выразилось на лице Грома при этих словах. Затем его глаза вспыхнули и, будучи не в силах сдержать себя, он прервал вождя.

— Покажи мне моих обвинителей! — гневно крикнул он.

Вождь поднял руку в знак молчания.

— В нужде! — повторил он. — Но ты вернулся назад, и я вижу, что обвинение было ложным. Также ты был обвинен в том, что украл девушку Айю. Но ты привел ее обратно. Итак я не вижу, что могут иметь против тебя твои обвинители.

Гром повернулся и быстрым движением поставил Айю рядом с собою.

— Вождь Боор знает, что Гром — его слуга и верный человек, — сказал он твердо. — Я не украл девушку. Она последовала за мною без моего ведома.

Свирепые крики раздались из группы Мауга, но Гром холодно усмехнулся и продолжал:

— До вечера первого дня, когда на нее напали волки, она не решалась обнаружить передо мной свое присутствие. И когда я понял, почему она пошла за мною, я взглянул на нее и увидел, что она красива и отважна. Тогда я взял ее к себе. Теперь она — моя жена, и я оставляю ее у себя, вождь! Но я уплачу тебе за нее, что следует по обычаю. А теперь пусть Боор укажет моих обвинителей, и я быстро расправлюсь с ними! Потому что мне многое нужно рассказать вам.

— Не надо Гром, — сказал вождь, протянув руку. — Я удостоверил, что ты не изменил нашему племени. О девушке мы по-

говорим после. Я не хочу указывать тебе твоих обвинителей, потому что и без того мало воинов осталось у нас, и внутри племени не должно быть борьбы. Пойдем — поговорим вдвоем о том, что предстоит нам впереди.

Он встал с камня, огромный и величественный, и направился к своей пещере, но Гром колебался последовать за ним, не решаясь оставить Айю одну среди врагов.

— А моя женщина, вождь? — спросил он. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь обидел ее.

Боор обсрнулся и бросил повелительный взгляд на молчаливую толпу.

— Женщина Айя, — сказал он громовым голосом, отчетливо произнося слова, — жена Грома. Я сказал.

И он направился к себе. Гром поднял дубину, копьё и пошел за ним. Девушка с напускным равнодушием подбежала к группе старух — родственниц вождя, на попечении которых находился сын Грома.

Мауг, только теперь поняв значение слов вождя и бесповоротность его решения, яростно прыгнул вперед и поднял копьё на Грома. Но, прежде чем он успел метнуть копьё, родичи его, которым совсем не улыбалась мысль навлечь на себя гнев Грома и вождя, плотным кольцом окружили его и вырвали оружие из поднятой руки. Сильный, как лев, он, наверно, освободился бы из их объятий, но другие воины, примиренные с Громом, помня его прежние заслуги перед племенем, также преградили ему путь.

Несколько мгновений Гром презрительным взглядом наблюдал эту сцену. Затем он не спеша повернулся и последовал за вождем, не устаивая соперника дальнейшим вниманием.

Гром скрылся. Мауг поднялся на ноги. Его взгляд упал на гибкую, высокую фигуру Айи, стоявшей у входа в пещеру, и он готов был ринуться на нее. Он посмотрел на своих родичей, но те мрачно опустили голову. Ослепленный яростью, он решил, что все племя против него.

— Ты еще вспомнишь меня! — крикнул он девушке, схватил с земли дубину и копьё, выбежал из амфитеатра, спустился по склону и исчез в темноте леса по ту сторону потока...

Эту ночь Гром провел без сна, опасаясь, как бы вернувшийся соперник не застиг его врасплох и под покровом ночи не увел с собою Айю.

Под утро он заметил пять человеческих фигур, в сером сумраке пробирававшихся вниз по ущелью. Но, не придав этому значения, он не стал поднимать тревогу.

Когда же наступил день, оказалось, что три сородича Мауга с двумя молодыми женами покинули пещеры, чтобы присоединиться к беглецу, ожидавшему их в чаще леса.

Возмущенный этим новым ослаблением племени, вождь объявил их вне закона и провозгласил, что при каждой новой попытке бегства изменник будет предан смерти.

10. НА НОВОМ МЕСТЕ

Гром был в большом затруднении, стараясь дать вождю хотя бы приблизительное представление о сущности необычайного явления. В конце концов ему удалось, пользуясь сравнением с горящими лучами полуденного солнца, объяснить Боору, что в цветущей зеленой равнине у порога гор живет могущественный светлый бог, способный обратить в мгновенное бегство саблезубого тигра и пещерного медведя, и что он, Гром, сумел заставить это таинственное существо служить на пользу человека.

Боор долго и внимательно изучал странное черное пятно, оставшееся от укуса светлого бога на копье Грома. И он понял, что с подобным союзником горные люди будут в силах выдержать новое вторжение колченогих с востока.

Тем временем старания Айи рассказать об огне и о чудесном подчинении его воле Грома посеяли страх во всех сердцах. Ужас перед неизвестным Светящимся Существом, способным пожрать их всех, был сильнее ужаса перед ордами колченогих, к вторичному появлению которых большинство относилось очень недоверчиво. К этому присоединилось естественное нежелание менять старые родовые жилища на неизвестные места, по признанию Айи, населенные хищниками, которых племя имело основания больше всего опасаться.

Ропот, ворчание и громкий плач доносились из всех пещер. Но так как вождь, после отпадения Мауга и его сородичей, не был склонен терпеть какое-либо сопротивление своей воле, то приготовления к походу шли быстро, как будто среди них царило единодушие.

Сборы в дорогу не требовали много времени и труда — самый богатый из воинов мог положить все свое имущество на плечи слабейшей из жен, — и прежде чем солнце поднялось высоко, племя уже выступало из амфитеатра, предводительствуемое Громом и Айей.

Последним шел вождь, наблюдая за тем, чтобы не было оставших. Когда хвост отряда вышел из горла ущелья, он быстро поднялся на вершину утеса и острым взглядом окинул расстилавшуюся впереди местность.

Он увидел Грома и девушку, а за ними племя, тянувшееся унылой лентой вдоль подножия голого холма, и внезапная скорбь легла на его суровые черты. Затем он повернул голову налево. Очень далеко вверх по течению потока, на открытых берегах его, он заметил движение смутной массы, темным пятном видневшейся на зеленом фоне. Более пристальный взгляд убедил его, что этой движущейся массой были люди — новые орды звероподобных людей — колченогих.

— Гром — верный человек, — пробормотал он и, спустившись по склону огромными оленьими прыжками, догнал племя.

Когда грозная весть передалась из уст в уста, умолк всякий





ропот и шум, и даже наиболее строптивые и ленивые лихорадочно устремились вперед, как будто из каждой расселины между скалами, из каждой лесной просеки мог ринуться на них ненавистный враг.

Поход протекал без особых приключений. Так как вождь знал, что даже саблезубый тигр боится звука многих человеческих голосов, то, по его приказанию, племя двигалось вперед, громко разговаривая и перекликаясь. Малые Горы уже остались далеко позади, и можно было не опасаться, что шум этот достигнет слуха колченогих.

На ночь делали привал, когда солнце стояло еще высоко. Они окружали лагерь густым кольцом колючих акаций, срубленных при помощи кремневых топоров, и звери не могли проникнуть через этот барьер.

На четвертый день кочевки они встретили безумца, которого не испугал шум голосов.

Огромный зубр, быть может, тот самый, который за несколько дней до того загнал Грома и Айю на верхушки деревьев, вылез из своего убежища в окруженном тростниками болоте и с ревом бросился на людей.

С предостерегающими, испуганными криками племя рассыпалось во все стороны. Некоторые воины успели метнуть копья, и острые кремни вонзились в бока животного, не останавливая, однако, его натиска.

Гигантский зверь наметил взглядом жертву — старика с густой шапкой седых волос — и с яростью бросился на него. Несчастный заметался в отчаянии между деревьями, прыгая как кролик и испуская жалобные, визгливые крики.

Когда животное настигло его, он упал, парализованный ужасом, и острый рог пригвоздил его к земле.

В это время подбежал с тыла вождь. Бесстрашно подступив к обезумевшему от запаха крови зверю, он изо всей силы ударил его дубиной по голове и вышиб один глаз. В этот же момент подоспевший Гром, рассчитав точно удар, вонзил копьё в его разинутую пасть и быстрым вращающим движением выдернул его назад из раны.

С громким отрывистым хрипом зубр качнулся огромным телом,

упал на колени и стал медленно склоняться над своей жертвой, обливаясь кровью.

Это происшествие задержало кочевников на целый день. Мертвый был предан земле по обряду и над могилой был насыпан курган из тяжелых камней, как того требовал возраст покойника. Далее нужно было нарезать на куски огромную тушу животного, жестким мясом которого нельзя было пренебречь в походе, полном неизвестности.

При приближении к Долине Огня, Гром намеренно уклонился в сторону и обогнул равнину так, чтобы вулканическая трещина не была видна издали. Он повел племя вдоль лесной опушки, предупреждая соплеменников о том, что ждет их впереди.

Лес внезапно кончился. Не далее, как в ста шагах открылась долина, и у порога ее тянулась длинная тонкая полоса зыбких багряных языков пламени.

В оцепенении стояли горные люди перед непонятным явлением, тяжело переводя дух и испуская тихие, протяжные возгласы. Затем, как по сигналу, упали на колени, касаясь лбами земли. Лишь двое остались стоять на ногах — Гром, в сознании своего превосходства, и прижавшаяся к нему, немного побледневшая Айя.

Когда вождь, все время шедший позади, вышел из-за леса и увидел своих людей распростертыми перед светящимся неведомым явлением, он испытал сильное желание последовать их примеру. Но не даром он стал вождем — он умел владеть собою с таким же совершенством, как и другими.

Не колеблясь ни мгновения, он двинулся вперед и встал рядом с Громом, высоко подняв голову и опираясь на свою массивную дубину. Возвышаясь над неподвижной толпой, эти два человека казались пастухами, в спокойном величии созерцавшими местность среди безгласного стада испуганных животных.

Гром бросил на вождя быстрый взгляд.

— Прикажи людям, — сказал он, — последовать за мною через тот узкий проход в долину. Там мы немедленно разобьем лагерь, потому что кругом много хищников. Запрети им приближаться к Светящемуся Существо, чтоб оно не укусило их. Но пусть они не боятся, — оно не нападет на них первым.

Когда племя, пугливо сторонясь пылающих языков и вздрагивая от излучаемой ими странной теплоты, благополучно пробралось в свободном пространстве между линией огня и лесом, Гром подвел вождя к огню.

Поспешно объяснив ему, как следует обращаться с этим опасным существом, чтобы держать его послушным своей воле, он с помощью Айи стал сооружать костры вдоль чащи для защиты от вторжения хищников. Горные люди, растерянные и безвольные, следили пристальными взглядами за его непонятными действиями.

Зажигая и гася пылающие веселые языки на сухой ветви,

вождь обдумывал последствия, вытекавшие из создавшегося положения.

Твердая уверенность в честности Грома делала его свободным от ревнивого отношения к славе этого воина, а наблюдательность и знание людей говорили ему, что равнодушный к власти Гром не станет оспаривать его главенства. Но были другие, готовые, без сомнения, всегда воспользоваться первым же его промахом, чтобы свергнуть его с судейского камня.

И действительно, один из них, огромный, чернобровый парень, по имени Небу, следил сейчас за вождем внимательным, подстерегающим взглядом. Тогда, приняв быстрое решение, Боор прижал пылающую ветвь к своей руке. Могучим усилием воли скрывая невыносимую боль, он думал: «я позволил себе слишком свободное обращение со Светящимся Существом, и в отплату за это его острые зубы оставили на моей руке черный шрам. Хорошо, пусть кто-нибудь другой попробует сделать то же самое».

Спокойным движением он поднес ветвь к огню и, когда почти вся она превратилась в красный пылающий уголь, он знаком позвал к себе Небу. Тот подошел нерешительный, но полный любопытства.



— Возьми это и держи крепко, — сказал вождь, протягивая ему раскаленный уголь. Дрожа всем телом, Небу схватил его обеими руками, но сейчас же отдернул их прочь. Падая, головешка скользнула по его ноге, — безумев от боли, он бросился на землю, умоляя огонь пощадить его.

— Странно! — произнес вождь громким голосом. — Светящееся Существо не подпускает Небу к себе.

Затем он шепнул подошедшему в этот момент Грому:

— Пусть никто, кроме нас, не притрагивается к Светящемуся Существо.

Гром, занятый совсем иными мыслями, кивнул в знак согласия, не спрашивая о причинах этого странного распоряжения. Он думал сейчас о том, как водворить племя в пещерах, которые он заметил на крутых склонах ущелья еще во время предыдущего своего пребывания в Долине Огня.

Ночью при багровом свете пламени горные люди сидели тесными кучками, дрожа и дивясь. По ту сторону фантастического огненного кольца мелькали легкие тени хищников, а воздух то и дело оглашался ревом и воем, но пламя служило людям надежной защитой. Что легкие, прыгающие языки умеют кусаться, в этом горные люди убедились уже, видя черные раны Небу, и им был отчасти понятен страх зверей. Но в то же время на их глазах вождь и Гром обращались с огнем безнаказанно, а девушка Айя свободно приближалась к нему, лишь слегка отводя в сторону взгляд.

Но самое сильное впечатление на умы племени произвело то, что последовало дальше.

Гром и вождь, потрясая пылающими сучьями, ринулись на двух гигантских саблезубцев, отважившихся подойти слишком близко к огню, и, всегда бесстрашные, хищники устремились в чащу, как робкие зайцы. Повторяя свой прежний прием, Гром бросил ветвь вслед беглецам, и примеру его тотчас же последовал вождь.

Результат был поразителен.

Ветви случайно упали на кучи хвороста и сухих листьев. Запылал огромный пожар, и с громким ревом хищники понеслись вверх по ущелью.

При ярком свете вспыхнувшего пламени видны были вытянутые в паническом бегстве тела тигров. За ними, как вспугнутое стадо овец, ослепленные ужасом, мчались другие хищники, грозные жители лесов и гор.

Сам Гром был поражен этим зрелищем, но он скрыл свое изумление и держался так, как будто именно этот результат имел в виду, бросая горящую ветвь.

Вождь подражал ему, хотя он ждал каждую минуту, что бушующий огненный ураган повернется вспять и пожрет его, Грома и весь лагерь.

Но ничего подобного не случилось. Поток огня неуклонно под-

нимался вверх по долине, выжигая лесную просеку шагов в пятьдесят шириною и оставляя позади себя дымящиеся деревья и горящие пни.

Когда взошло солнце, вождь и Гром, вооруженные горящими факелами и сопровождаемые Айей с вязанкой сучьев и хвороста за спиною, овладели двумя большими пещерами на южном склоне ущелья. Обитатели этих пещер — медведи и гиены, наученные горьким опытом предыдущей ночи, обратились в мгновенное бегство при появлении огня.

На некотором расстоянии перед порогом каждой пещеры был разложен костер, как грозная весть всем хищникам, что их владычеству пришел конец. Затем племя начало расселяться в новых жилищах, в твердой уверенности, что даже орды колченогих, если бы они забрели в эту долину, не отважились бы встретиться лицом к лицу с новым могущественным защитником горных людей.

Когда все было устроено, вождь отозвал Грома в сторону. Оба воина стояли на краю утеса и следили взглядом за высокой фигурой Айи, переходившей от одного костра к другому и служившей огню так почтительно, как будто она совершала строгий обряд.

— Следует сделать так, — сказал вождь тихим голосом, — чтобы служение Светящемуся Существу было недоступно для племени. Оно должно быть предоставлено только нам и тем, кого мы захотим взять в помощники. Я назначу двух лучших людей из моего рода — твоего сына и еще одного, кого ты укажешь, служителями Светящегося Существа, и эти люди должны будут поклясться, что не откроют секретов своего ремесла никому. Я прикажу, чтобы отныне племя поклонялось одному лишь Светящемуся Существу и отвергло прежних богов — Гром, Ветер и неизвестных Духов, которые, как я вижу теперь, мало приносили нам пользы. Этот светлый бог есть истинный бог, и в нем мы можем быть уверены. Ты и я — мы будем его жрецами. И только мы одни будем знать всю тайну служения ему.

— Хорошо, — сказал Гром, занятый мыслью, каким образом еще можно заставить огонь служить на пользу человека. — Но, — добавил он, — есть еще Айя. Она знает нового бога так же хорошо, как мы оба.

Вождь подумал одно мгновение.

— Или она умрет, — сказал вождь, глядя Грому в глаза, — или она должна стать жрецом вместе с нами.

— Я думаю, она будет очень хорошим жрецом, — ответил Гром.

Затем, поднявшись на камень между двумя кострами, вождь обратился к племени с речью. Он немного говорил об огне, лишь столько, сколько считал необходимым сообщить своим слушателям. Он объявил, что избрал несколько человек для великой чести служения огню и что избранники будут охранять Светящееся Существо денно и ночью, защищая его ценою своей жизни. Поэтому,

если племя допустит гибель хотя бы одного из этих избранных, то великое несчастье постигнет весь род.

— Отныне, — так закончил он свою речь, — вы уже не будете более называться народом Малых Гор, потому что эти хребты не похожи на те нагие склоны, под которыми покоятся кости наших отцов. Отныне вы будете известны и страшны врагам вашим как Дети Огня, который будет покровительствовать вам.

11. ВНЕЗАПНОЕ ОТКРЫТИЕ

Два года прошло с тех пор, как племя поселилось в Долине Огня.

За это время выходцы из страны Малых Гор успели собраться с силами и окрепнуть от потрясений предыдущих лет. В пещерах копошились здоровые, крепкие дети. По приказанию вождя, каждый воин обязан был взять к себе двух или трех жен, и вследствие этого в племени не осталось ни одной вдовы. Лишь Гром продолжал жить вдвоем с Айей, хотя его исключительное положение среди воинов обеспечивало ему возможность широкого выбора между красивейшими и сильнейшими девушками.

Вполне счастливый в семейной жизни с Айей, он не имел желания ввести другую женщину в их маленький грот, отделенный узким проходом от главной пещеры. Но, не желая нарушать обязательное для всех постановление вождя и этим поколебать его авторитет, он счел нужным оправдать свой образ действий. Явившись к вождю, он заявил ему, что исключительное положение Айи среди остальных женщин, как жрицы Огня, лишает его, Грома, возможности взять еще одну женщину — так как этот поступок, несомненно, вызвал бы гнев могущественного бога. Зная глубокую привязанность Грома к Айе и видя его твердую решимость, вождь согласился с таким объяснением, и семейный очаг Грома был узаконен.

Под защитой нового божества жизнь племени протекала сравнительно спокойно и счастливо. Зима с ее свирепыми северными ветрами и непрекращающимися ливнями не была уже более тем врагом, который раньше загонял племя вглубь холодных пещер и превращал его в стадо беззащитных животных. Даже вид белого снега, редкого гостя в этих широтах, не наводил на них ужаса. Сидя у пылающих костров, они со смехом смотрели, как таяли белые снежинки от горячего дыхания огня.

Но, когда налетел ураган, извергая из туч стремительные дождевые потоки, приходилось ценою неимоверных усилий отстаивать костры, горевшие у входов в пещеры, расточая имеющиеся запасы топлива. Маленький кружок служителей огня изнемогал в эти дни под бременем изнурительной, лихорадочной работы.

Это состязание между огнем и дождем Боор, присоединивший



к званию вождя титул Главного Жреца, представил племени как борьбу светлого божества в защиту своих детей.

Ранней весной Айя родила ребенка — крупного, крепкого мальчика, громкий крик которого то и дело оглашал маленький грот, где жила семья. Это событие, а также вид счастливой матери наполнили сердце Грома радостью, которую он с трудом скрывал под маскою сурового воина.

Склонившись над мальчиком и устремив на него взгляд своих глубоких глаз, он испытывал чувство, подобное которому, может быть, еще не знал до него ни один мужчина.

Ему казалось, что этот ребенок растет для того, чтобы стать знаменитым воином и совершить великие деяния на славу и пользу своего народа. Гром спокойно и сознательно любил своего старшего сына, превратившегося теперь в стройного, бесстрашного юношу, и воспитал из него хорошего воина и охотника. Но этот ребенок, дитя нежно любимой женщины, был для Грома вторым и настоящим продолжателем его рода. Однажды, охотясь в долине, Гром заметил на свежей кучке песка, которую выкопал в поисках корней проходивший медведь, странный отпечаток ступни. Мгновенно Гром приник к земле и пополз вперед, как змея.



Это был человеческий след, но значительно крупнее его собственного.

Изучая этот отпечаток, он как будто видел перед собой человеческую ступню. Пальцы были очень длинные и мускулисты, а пятка слишком широка. Оттиск края подошвы был необычайно глубок, как будто человек ходил на внешней стороне ступни.

Этого было достаточно для Грома, — он понял, что один из колченогих прошел здесь не более пяти минут назад.

Гром прижался к ближайшим кустам и пополз вперед по направлению, указанному следом, останавливаясь каждую секунду, чтобы оглянуться, прислушаться и втянуть ноздрями воздух.

Внезапно он услышал голоса — гортанные, захлебывающиеся звуки — и снова замер на месте. Послышался новый голос, и пораженный Гром едва не вскочил на ноги. Это был голос Мауга.

Значит Мауг перешел к колченогим. Лоб Грома собрался в морщины. Почему он не убил изменника тогда, в амфитеатре, когда увидел копы в его вытянутой руке? Сдерживая kloкочущую ярость, он продвинулся еще на несколько шагов и, осторожно взглянув из-за густой заросли на краю скалистого уступа, увидел под собой говоривших.

Их было пятеро. Все колченогие, как и Мауг, были вооружены копьями и камнеголовыми дубинами. Было очевидно, что перебежчик научил своих прежних врагов выделять и применять это грозное оружие.

Не имея никакого представления о языке колченогих, Гром не мог понять смысла их оживленной речи, но, видя их жесты в сторону востока, догадался, что они затевают что-то против его племени.

Гром не сомневался, что видит перед собою отряд разведчиков, который привел сюда Мауг с целью выяснить расположение племени в Долине Огня и состояние его сил, — и решил, что лазутчики вернутся к себе, чтобы затем предпринять такое нашествие, которое сотрет с лица земли Детей Огня.

Тогда он понял, что слушать дальше непонятную речь, — значит терять драгоценное время. Осторожно попятившись назад, он отполз на некоторое расстояние от опасного места, встал на ноги и помчался вниз по ущелью, сначала с предосторожностями, а под конец тем быстрым бегом, которым он прославился в своем племени.

Достигнув пещеры, он в нескольких словах рассказал о происшедшем вождю, и через пять минут отряд из двенадцати воинов выступил под его предводительством из пещер. Кроме обычного

оружия, Гром и вождь имели при себе «огненные бичи» — трубки из толстой зеленой коры, прикрепленные ивовыми прутьями к длинным палкам и наполовину наполненные тлеющим мхом. Это приспособление было изобретением Грома и служило испытанным средством против саблезубцев и медведей. Набитая сухой травой и мелким хворостом трубка, при быстром вращении вокруг головы, давала неожиданную вспышку яркого пламени, мгновенно обращая хищников в бегство.

Как легкие тени, мчались вперед воины, проворно и неслышно пробираясь сквозь росу и нагибаясь под низкими ветвями деревьев. При приближении к месту, где был обнаружен след колченогого, — по знаку Грома, все распластались на траве и поползли вперед,



держа наготове оружие и каждое мгновение, вслед за Громом, замирая на месте. Но пришельцы исчезли. Внимательное изучение их следов показало, что они поспешно бежали, встревоженные появлением Грома.

Вся картина стала ясной, когда было установлено, что Мауг, легко опознанный по более тонким отпечаткам ног, поднимался на скалистый уступ к тому месту, где лежал, спрятавшись, Гром.

Видя, что они открыты, и рассудив, что открывший их отправился в лагерь, чтоб поднять тревогу, колченогие решили, что единственное спасение их — в бегстве.

Направление следов указывало на восток, и было очевидно, что лазутчики бежали к своему племени. Вождь отдал распоряжение немедленно отправиться в погоню. Грому не понравился этот план, не только потому, что он питал мало надежды нагнать быстроногих беглецов, но также потому, что не хотел оставлять надолго пещеры. Он предвидел возможность нападения на лагерь другого отряда разведчиков во время отсутствия лучшей части воинов. Но он подчинился приказанию вождя.

Сначала погоня была безрезультатна. Следы говорили, что Мауг умело и искусно вел свой отряд.

Преследователи достигли верховьев ущелья и находились в почти неизвестной им местности. Благодаря обилию скал, она была как нельзя лучше приспособлена для засад, и маленькая кучка людей, удобно расположившись, могла оказать здесь длительное сопротивление неприятелю, значительно превосходящему по силе и численности.

Хорошо понимая всю невыгодность положения своего отряда и уступая настояниям Грома, вождь готов был дать приказание прекратить погоню, как вдруг они услышали пронзительный крик ужаса, раздавшийся из-за утеса над их головой.

Знаком приказав воинам скрыться за камнями, вождь и Гром крадучись залезли на утес и осторожно заглянули по ту сторону его.

Прямо под ними находился крутой склон сопки. На середине его, прижавшись спиной к камню, ползал один из колченогих, неистово отражая атаку двух леопардов. Он стоял на одном колене, другая нога неловко тащилась по земле. Позиция его была в высшей степени неудобна и почти лишала его возможности бороться.

— Сумасшедший! — сердито пробормотал вождь. — Он не умеет драться с леопардами.

— Он хромает! У него сломана нога! — сказал Гром.

Внезапно новая идея озарила его мозг, и он устремился на помощь колченогому, размахивая над головой огненным бичом.

Вождь посмотрел ему вслед, недоумевая, с какой стати Гром вздумал вмешаться в эту схватку.

Но потом он позвал своих людей и осторожно, опасаясь засады, последовал за ним, также держа огненный бич наготове.

Один из леопардов был уже близок к тому, чтобы повалить на

землю раненого колченогого, но при виде Грома и вождя, огромными прыжками приближавшихся к ним, оба хищника отбежали в сторону и, злобно рыча, скрылись в чаще. Колченогий поднял голову, желая понять, чему он обязан своим неожиданным спасением. Увидев перед собой две высокие фигуры с огненными кольцами над головами, он испустил дикий крик и упал ниц, закрыв руками лицо.

Гром в задумчивости остановился над уродливым, покрытым кровью телом. Вождь наблюдал за ним, стараясь понять его намерения. В этот момент подоспели воины, радостно потрясая копьями при виде врага, попавшегося в их руки живым. Их ярость была так велика, что они готовы были разорвать раненого на куски, но Гром предостерегающе поднял копьё.

— Я объявляю этого человека своим пленником, Боор! — сказал он.

— Ты взял его, — ответил вождь, — поэтому он твой.

Он готов был прибавить: — Хотя я не знаю, для чего он тебе нужен. — Но следуя своему обычному правилу — не выказывать незнания там, где другой мог что-нибудь знать, — благоразумно промолчал.

Повернувшись к воинам, он приказал им подчиниться закону и относиться почтительно к пленнику. Гром подошел к вождю вплотную и сказал ему на ухо:

— Много вещей важных и необходимых для племени Боор узнает теперь от этого человека.

Вождь тотчас же понял его мысль и, к изумлению воинов, взглянул на пленного врага с усмешкой удовлетворения.

— Недаром назвал я тебя Правой Рукой Вождя, — ответил он Грому тихо. — Я мог бы назвать тебя также Мудростью Вождя, потому что, спасая жизнь этому человеку, ты оказался более дальновидным, чем я.

Раны пленника были перевязаны мягкой травой, а ноги его помещены в лубок и, положив его на грубые носилки из ветвей, отряд быстрым шагом отправился обратно к пещерам.

Воинам было непонятно мягкосердечие их предводите-





лей. Вождь, вдвойне уверенный в своей власти вследствие могущественной поддержки Грома, мало считался с их недовольством и не обращал внимания на их злобное настроение, пока оно таилось внутри.

Но, когда воины внезапно пришли в хорошее расположение духа и, весело переговариваясь, ускорили шаг, он счел необходимым осведомиться о перемене их настроения.

Оказалось, что один из воинов, считавшийся проницательней других, высказал предположение, что пленник будет вылечен, чтобы послужить достойной жертвой огню. Так как это предположение было встречено единодушным одобрением, вождь счел излишним разъяснять их заблуждение. К тому же он сам предвидел возможность такого исхода в случае, если бы расчеты Грома на пленника не оправдались.

Естественно, что появление в пещере уродливого, отвратительного чужестранца вызвало горячий протест Айи. Но, когда Гром рассказал ей о своих намерениях, а также о внезапно появившейся угрозе нашествия колченогих, она быстро уступила, так как ужас перед Маугом еще не изгладился из ее памяти.

Она охотно взяла на себя обязанность ухаживать за раненым

пленником и стала помогать Грому обучать его несложному языку племени.

В течение нескольких дней пленник находился во власти ужасного страха быть в любой момент разорванным на части. Но ожидание это отнюдь не влияло на его аппетит. Он проворно хватал предлагаемую пищу и, закрыв ее своим телом, уползал вглубь пещеры с лицом, обращенным к стене, а затем пожирал ее с необычайной жадностью и животным чавканьем.

Но, встречая непонятно мягкое обращение, он начал проявлять робкую благодарность и послушание. В частности, за высокой фигурой Айи его маленькие глазки следили всегда с выражением обожания и преданности.

Так как неприятный запах его тела вызывал отвращение всего племени и был особенно невыносим для отличившихся чистоплотностью и брезгливостью Грома и Айи, то последняя, пользуясь своим положением жрицы, соорудила в гроте маленький очаг. Подкладывая в огонь ароматные травы и ветви хвойных деревьев, она достигла того, что противный запах был почти незаметен.

Колченогий относился к Айе, как к существу, которое, по непонятным для него причинам, обращалось с ним милостиво и внимательно, но которое могло в мгновение ока уничтожить его, если бы он чем-нибудь вызвал ее гнев.

По отношению к Грому, который рассматривал его лишь как средство достижения определенной цели, как на пешку в крупной игре, он держался как покорный раб, вверивший свою судьбу в руки господина.

Остальные люди племени, постоянно толпившиеся в пещере с злорадными криками и проклятиями, вызывали у него ужас и ненависть попавшей в западню рыси.

Обожание, которое пленник тайно от самого себя питал к Айе, перенеслось и на ее ребенка и быстро приняло характер страстной собачьей преданности.

Айя поняла это с безошибочным инстинктом матери. Сердце ее смягчилось, и она не только помогала Грому учить колченогого их языку, но старалась также сделать его менее отталкивающим и невыносимым.

Раны пленника скоро зажили, а сломанные кости ноги срослись. Но он навсегда остался хромым и мог двигаться лишь неуклюжей, медленной походкой. Так как было очевидно, что он лишен возможности бежать, то его оставили без надзора.

Но столь же очевидным оказалось, что никакая сила не могла оторвать его от близости к ребенку Айи. Подобно огромному сторожевому псу, он лежал у порога пещеры Грома, привязанный к ней цепями более сильными, чем выкованные человеческой рукой.

И те из племени, кто надеялся большой кровавой жертвой почтить Огонь и память родичей, убитых в ущелье Малых Гор, с злобным недовольством увидели, что эта надежда была тщетной.

12. РЕШИТЕЛЬНАЯ БИТВА

Пленник назывался Укск. Это шелкающее, гортанное имя не мог произнести правильно никто, кроме Айи.

Когда он научился немного владеть языком Детей Огня, он выказал живейшее желание отплатить за гостеприимство семье Грома, выкладывая весь запас своих знаний о намерениях колченогих. Как ребенок, которому льстит серьезное отношение взрослых, он с радостной готовностью отвечал на вопросы глжка.

К своему собственному народу он относился с горячей ненавистью и с горечью рассказывал, как они бросили его, беспомощного, среди скал, когда он сломал ногу во время поспешного бегства. Он с гордостью отождествлял свои интересы с интересами своего господина и называл себя не иначе, как рабом Грома.

Сведения, которые сообщил Укск, вызвали у его слушателей лишь самые серьезные опасения за будущее Детей Огня. Как оказалось, колченогие, придя в себя после панического ужаса от битвы в ущелье Малых Гор, решили, что это поражение должно быть отомщено. Но битва эта послужила для них хорошим уроком, и они перестали считать своих противников слабыми, вследствие их малочисленности. Они поняли, что для успеха новой атаки необходимо подготовиться к ней, научившись пользоваться своими силами.

Как раз в это время в руки колченогих попал Мауг с его родичами, и, вместо того, чтобы немедленно разорвать их на части, они заставили пленных научить их всему, что те знали сами. И Мауг, предвидя удобный случай отомстить Грому и отнять у него желанную женщину, — отдался своей новой обязанности с жаром и упорством.

По словам Укска, нашествия следовало ожидать в близком будущем, как только орды колченогих будут все снабжены новым оружием. — Это, — говорил Укск, — произойдет после того, как наступит сухое время года. — Во всяком случае, по его словам, орды принуждены ждать этого времени, так как путь с востока в Долину Огня лежит через топкие болота, непроходимые в течение сезона дождей.

Так как период жары и засух был близок, Боор и Гром с лихорадочной поспешностью отдались организации защиты. Но положение их казалось безнадежным.

Считая всех старших мальчиков, выросших со времени последней большой битвы, и всех крепких девушек и женщин, они имели в своем распоряжении не более десяти дюжин воинов. Они сознавали, что поражение означало бы полное уничтожение племени, а для женщин — рабство и бесчестие. Но также хорошо сознавали они, что успешная защита лишь на короткое время отдалила бы их гибель, потому что вслед за тем они были бы неминуемо сметены громадной лавиной врагов или передушены в своих пещерах.

Спасти племя могла не оборона, а разрушительная, неслыхан-

ной силы атака, хотя их и было всего десять дюжин на многие тысячи врагов. Вот что имели в виду эти два человека.

Одна из двух больших пещер, занятая племенем, была теперь оставлена, как негодная для защиты. Испытанному в бою глазу Боора она представлялась скорее ловушкой, чем убежищем, так как с возвышавшегося над ней утеса враг легко мог блокировать ее камнями. А остроконечная крутая скала, у подножья которой находилась другая пещера, была совершенно неприступной.

В эту естественную крепость переселилось все племя. Туда же перетащили весь запас корней и мяса.

По приказанию вождя взрослые и дети занялись сбором сухого и полусухого топлива. Огромное количество коротких, быстро воспламеняющихся сучьев было навалено в кучи у порога пещеры с внутренней стороны ее, куда не мог проникнуть дождь. А снаружи, справа и слева, тяжелые деревья, положенные в несколько рядов, образовали искусственные валы, за которыми могла укрыться линия защиты.

Прямо напротив пещеры расстилалось веерообразное плато. Узкий проход справа, в котором не могли бы разойтись два пешехода, вел — между огромными круто опадающими скалами — от первой пещеры ко второй. Слева плато окаймляла зубчатая кайма нагроможденных в беспорядке скал, и с этой стороны атака была заранее обречена на неудачу. Спереди площадка кончалась отвесным, но неглубоким обрывом, а под ним мягко поднималось вверх ложе долины, покрытое густым лесом и испещренное множеством звериных троп.

Прямо против входа в пещеру и в центре плато горел всегда — днем и ночью — Священный Огонь, поддерживаемый поочередно членами группой хранителей очага, назначенными вождем для этой цели.

По указанию Боора, вся площадка была очищена от кустарников и сорных трав и по краю ее растянута цепь из невысоких кучек топлива, готовых каждую минуту вспыхнуть веселым пламенем.

Тем временем Гром работал над осуществлением замысла, от которого, согласно плану кампании, должен был зависеть исход битвы.

Целые дни племя было занято сбором сухого хвороста с противоположного склона долины и пучков увядающей травы из тучных саванн, расстилавшихся по ту сторону каменного барьера. Весь этот горючий материал Гром разбросал в огромном количестве в чаще перед плато, так что под конец для площади леса — не менее километра в поперечнике — нужен был только факел, чтобы здесь вспыхнул гигантский пожар.

Пока шли эти лихорадочные приготовления, вождь снарядил небольшой отряд разведчиков и послал его в отдаленные ущелья. Воины были избраны из числа лучших бегунов племе-

ни, и дальновидный Боор назначил две смены по двенадцать часов, чтоб усталость не ослабляла бдительности сторожевого поста.

Когда все было готово, наступило время мучительного ожидания. Стояли безоблачные, жаркие дни, и в неподвижном горячем воздухе едва колыхались языки священного огня. Так как враг не являлся, люди начали забывать про нависшую над ними опасность. Изнывая от нестерпимого зноя, они стали тяготиться состоянием постоянной напряженности и подняли ропот против запрещения отлучаться из лагеря. Но вождю потребовалось немного времени, чтобы водворить молчание.

Один только хромой Укск, проводивший все время у порога пещеры с ребенком Айи в обезьяньих руках, становился с каждым днем все тревожнее. Он высказал свое соображение Грому: чем дольше не являются колченогие, тем значительнее будут их силы, собранные для нападения.

Не имея никакого представления о стратегических планах Грома, он унылым взглядом смотрел на кучки топлива вдоль окраины площадки. Он желал бы видеть их значительно крупнее, так как опасался, что колченогие, несмотря на весь свой ужас перед огнем, под напором неисчислимых полчищ, против воли ринутся вперед и затопчут невысокий пылающий вал. Спокойствие вождя и Грома перед лицом грозной опасности изумляло его.

Наконец, в один из этих тягостных дней, когда солнце уже клонилось к западу, в лагере появились разведчики, задыхаясь от бешеного бега. С широкими от ужаса глазами они рассказали о бесчисленных полчищах колченогих, могучим потоком вливавшихся в горловину ущелья под предводительством Мауга и темнолицего вождя, такого же высокого, как сам Боор.

— Их так же много, как раньше, когда они напали на нас в Малых Горах? — спросил Гром.

Дрожащие люди в ужасе подняли руки.

— Они и мы — это неисчислимая туча саранчи и стая скворцов, — ответили они.

При этой страшной вести, к их изумлению, на лице вождя появилась усмешка злобного удовлетворения.

— Хорошо, — сказал он.

Поднявшись на обломок скалы рядом с пещерой, он устремил свой взгляд в сторону верховьев ущелья, стараясь увидеть авангард приближающегося врага. Тем временем Гром расставил вдоль края плато служителей Огня, готовых по первому знаку зажечь кучи топлива.

Прошло не менее часа, прежде чем глухой шум, как будто поднимающийся из глубины земли, возвестил, что орды неприятеля близко.

Сгущался вечерний сумрак, и в бледном небе зажглись первые звезды. При взгляде на верхнюю часть долины, можно было различить смутное, неопределенное движение в чаще. Казалось, что

между деревьями двигались мириады гигантских червей. Быстро, но спокойно Боор произнес слова команды, и воины выстроились в два ряда перед пещерой, защищенные справа и слева деревянными баррикадами.

Они были вооружены камнеголовыми дубинами разной величины, соответственно силе каждого, и каждый имел при себе не менее трех копий. Перед проходом, спускавшимся ко второй пещере, встали полдюжины женщин, подобным же образом вооруженных. Боор поставил их сюда потому, что у каждой из них в пещере позади был оставлен ребенок, и он знал, что ни один враг не проникнет через этот проход, пока жива хотя бы одна из них. Лишь Айти не было в числе этих шести матерей — она занимала место в центре плато, у огня.

Зловещий шум катился все ближе и ближе, и все явственнее выделялась темная масса людей между деревьями леса. Взмахнув огромной дубиной, вождь прыгнул, наконец, вниз со своего сторожевого поста и занял место впереди. Гром отдал приказание, и огонь был внесен в костры.

Они весело вспыхнули. И в тот же момент большой жертвенный огонь в центре площадки, до этого времени таившийся в куче раскаленных угольев, поднялся вверх пылающей колонной. Внезапная иллюминация озарила долину, и в багровом свете стали видны толпы колченогих, кишевшие между деревьями.

Передние ряды мгновенно остановились, и глухое ворчанье превратилось в оглушительный рев. Высокая фигура Мауга появилась впереди, а вслед за ним, после короткого колебания, показался главный вождь орды, такого же роста, как Боор, с кожей почти черного цвета.

Этот гигант вместе с Маугом огромными прыжками пронесся вдоль линии своих людей, принуждая их двинуться вперед и указывая на врагов, которые, стоя рядом с огнем, оставались невредимыми.

Однако, на передних эти убеждения, очевидно, не действовали. Задние же ряды, не понимающие причины сумятицы, напирали, и тогда те, что



находились впереди, поняв, что у них нет выбора, тронулись с места. Через несколько мгновений они сделали новую попытку остановиться, но, встречая непреодолимый натиск сзади, ринулись, как волны из прорвавшейся плотины, прямо на полукруг огня.

Едва этот человеческий поток устремился вперед, черный вождь и Мауг проворно отскочили прочь и поднялись на группу скал, возвышавшихся с левой стороны плато. Отсюда поле битвы было перед ними, как на ладони, и они могли успешнее руководить атакой. Было очевидным, что они считали передние ряды обреченными на гибель и видели неизбежную победу лишь в подавляющем численном перевесе.

Стоя молча и неподвижно среди огней, вождь и Гром ждали грозного врага. Ни одного звука не раздалось из жалкой кучки Детей Огня, ни один стон не вырвался из мужской или женской груди. Но многие сердца в эти минуты замерли, потому что казалось, что этой живой реке нет конца.

Внезапная туча копий поднялась из вражеских рядов. Но все они не достигли цели, и не более дюжины долетело до края плато. Мгновенно раздался могучий крик вождя, и смертоносный ответ последовал из-за линии огня.

Копья, брошенные опытными охотниками племени, врезались в тесные толпы колченогих, но вызвали лишь мгновенное колебание, так как места убитых тотчас же занимали их товарищи.

Второй залп с плато имел больший результат: он сильно поразил толпы неприятеля, и каждое отточенное острие нашло свою цель. Воюющие и падающие жертвы задержали на несколько мгновений задние ряды, но затем бешеный поток снова устремился вперед и приблизился к плато на расстояние не более тридцати шагов.

И тут воздух огласился долгим криком Грома. Это был сигнал для передней линии бойцов, находившихся под его командой.

Во всех кострах на краю площадки со стороны, обращенной к пещере, лежали кучки смолистых сучьев, горящих ярко и долго не гаснущих. Воины стали швырять эти факелы в звероподобные лица наступавших.

Эти лица исказились от ужаса и боли — и, неистово отбиваясь от огненных снарядов, вся передняя линия отхлынула назад.

Но катящуюся лавину желтолицых это не остановило.

В короткой, страшной давке пытавшиеся бежать были свалены на землю и растоптаны. Колченогие были встречены новым залпом пылающих факелов, и ужасная сцена повторилась. Но теперь результат был иной. Колченогие, поняв, что отступление невозможно, рвались вперед, бесстрашные перед огнем и копьями. Несколько минут, по указанию вождя в центре и Грома на левом фланге, с площадки летели огненные стрелы, но они были направлены уже не в лица подступавших вплотную колченогих, а далеко через их головы, туда, где лесная чаща была усеяна сухим, как порох, хворостом.

Озаренный багровым светом пылающих огней, с налитыми



сталью мускулами, Гром отдался свирепой, радостной игре. С молниеносной быстротой хватая горящие ветви, он осыпал врагов каскадами огненных стрел. Он сражался за жизнь своей семьи и рода, он забыл про все...

Длинные, извивающиеся языки пламени стали появляться повсюду. Пожар разгорался.

Дикий крик ужаса, вырвавшийся из тысяч глоток, заполнил долину, поднимаясь к вершинам далеких сопок. Море тел дрогнуло и остановилось.

С оглушительным треском загорались деревья, брызжа фонтанами ослепительных искр, и густые облака дыма окутали лес. В безумной панике пытались колченогие вырваться за пределы пылающего леса, давя, топча и разрывая друг друга на части, и гибли массами, задыхаясь в едком дыму и сгорая заживо.

Охваченные безудержным восторгом и злобою, Дети Огня сорвались с места и стали прыгать через край площадки вниз, к толпе копошащихся врагов. Но эти последние боролись теперь в безвыходном отчаянии, как звери в ловушке. И многие люди из пещер приняли смерть как раз тогда, когда считали битву оконченной.

Айя готова была последовать за Громом в гущу кровавой битвы, как вдруг резкий крик из пещер заставил ее обернуться назад. Она успела еще увидеть, как Укс метнул копьё в высокую фигуру Мауга, огромными прыжками приближавшегося слева. Полдюжины колченогих следовали за ним. Бросив Грому предостерегающий крик, она устремилась обратно к пещере.

Но Гром не слышал ее. Он был сброшен без чувств на землю и погребен под грудой окровавленных тел.

С развевающимися по ветру волосами, с дикими глазами тигрицы, защищающей своих детенышей, Айя ринулась к порогу пещеры. Но она не достигла ее. Тяжелая дубина опустилась на ее голову, и женщина упала замертво. Тотчас же она была схвачена цепкими лапами и связана.

В следующее мгновение из пещеры вынырнули трое колченогих в сопровождении Мауга, обливавшегося кровью. Мауг взвалил гибкое тело Айи на плечи, и похитители поспешно скрылись среди скал...

Через пять минут последняя смертельная схватка перед плато кончилась, и Боор, оставшийся в живых вместе с третью своих людей, вывел ликующих воинов к пещере.

Дорого обошлась эта победа Детям Огня. Но для их врагов она означала почти полное истребление. Потоки пламени бушевали на большом протяжении вверх по долине. Мрачная ночь вздрагивала от криков, а в свете пожаров далеко впереди были видны толпы беглецов, гонимые и настигаемые языками пламени.

Опираясь на свою огромную дубину, вождь смотрел на эту сцену страшного разрушения и говорил себе, что до тех пор, пока

будет жива в памяти картина этой ночи, ни один колченогий не решится выступить против Детей Огня.

Дикие рыдания женщин вывели его из задумчивости, и он пошел в пещеру. Здесь он увидел, что больше половины детей были передублены во время короткого вторжения Мауга, и что почти все старики и старухи, защищавшие детей, были перебиты.

У входа в грот Грома, вцепившись зубами в глотку уже мертвого колченогого, лежал хромой пленник Уксск. Заметив, что он еще дышит, и видя ярость, с которой он дрался, защищая жизнь детей, воины осторожно подняли его с земли. Под ним — скрытый его косматой рукой — лежал невредимым ребенок Грома.

Женщины, защищавшие проход с правой стороны площадки, рассказали о похищении Айи, и вождь отдал младенца на попечение одной из своих жен.

Затем приступили к поискам Грома. Вождь мало верил в успех этих поисков, так как склонен был думать, что Гром устремился в погоню за похитителями. Но воины нашли его под грудой мертвых тел — в состоянии, близком к смерти. Считая его погибшим и зная, что ему племя обязано своим спасением, они пали на колени и, жалобно причитая, начали раскачиваться во все стороны — обряд, который до тех пор совершался только над трупом верховного вождя. Но Боор приказал им замолчать и торжественно поклялся, что Гром не умрет. Затем он поднял героя на руки и отнес его в пещеру.

Раны Грома оказались очень глубокими, но не смертельными для могучего сына каменного века.

Прошло несколько дней, прежде чем он пришел в себя и узнал, что Айя похищена колченогими. С громким криком он вскочил на ноги. Раны его открылись, и он упал без чувств.

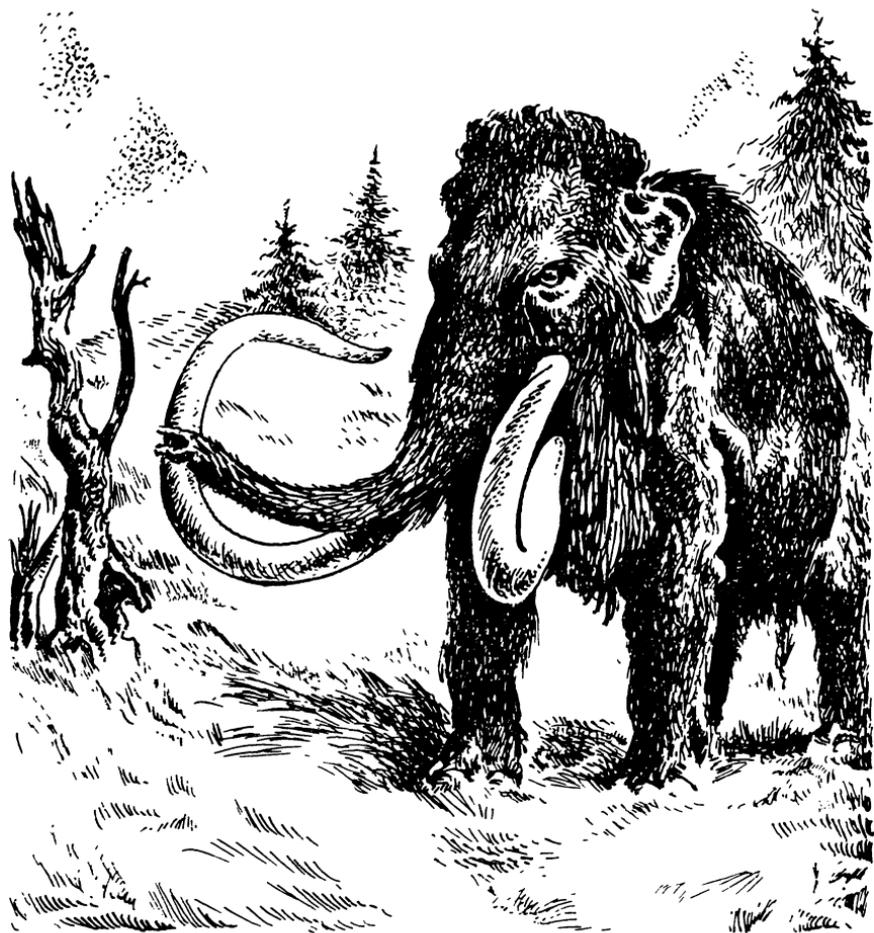
Когда Гром снова пришел в себя, он проводил целые дни, не произнося ни слова, и можно было подумать, что он умирает, но не от ран, а от горя. Но Уксск, который лежал, поправляясь, рядом с ним, напомнил ему, что он должен жить, чтобы отыскать врага и отнять свою жену, и Боор намекнул, что даже такой подвиг, как освобождение Айи, будет по плечу покорителю огня и истребителю орды колченогих.

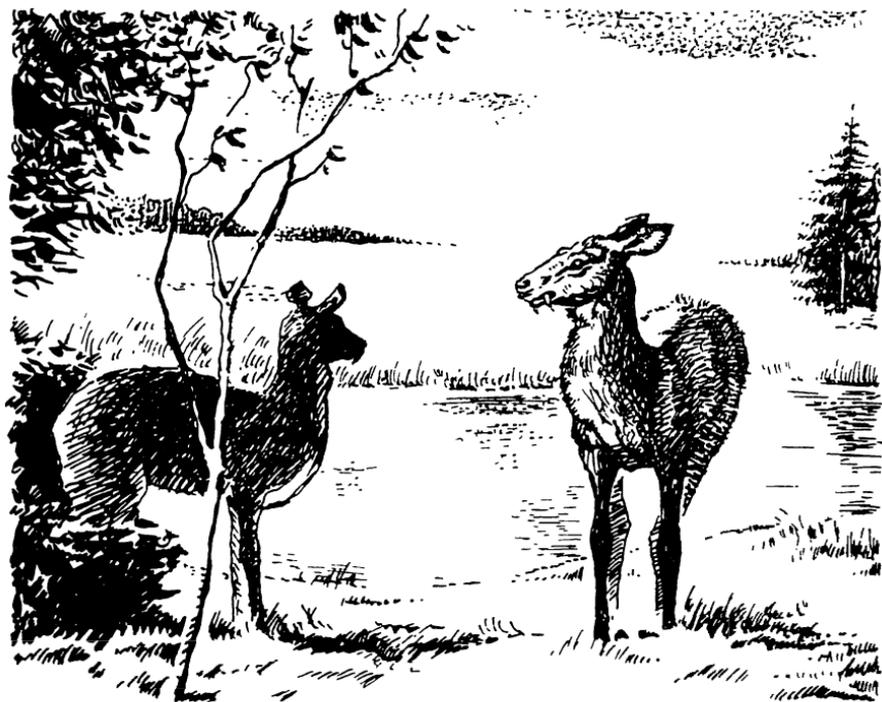
С этого момента началось возвращение Грома к жизни...



ЭДУАРД ШТОРХ

**Охотники
на
мамонтов**





Часть I

НА БЕРЕГАХ ДЫИ

Моравия любит солнце и вся тянется навстречу ему. Самые высокие горы — на севере, самая большая низменность — на юге. Посредине — удивительно живописный горный крах Крас с зияющими бездонной глубиной пропастями и сталсктитовыми пещерами.

Все воды ее по склонам гор устремляются на юг, лишь у самой границы сливаясь в один могучий поток. Это Крас не давал им объединиться раньше. Это он разделяет Моравию: в западной половине все воды вбирает в себя своенравная Дыя, восточная — отдает их реке Мораве. Обе реки сливаются далеко на юге, в краю болот. Древнее слово «морава» означает «трясина».

Там, где мощная Дыя последней большой дугой обнимает известняковые Павловские горы, находится поселение Дольни Вестонице — поселение, известное сегодня всему миру. В слое желтой гончарной глины, на котором оно стоит, в 1924 году было найдено множество костей мамонтов и других давно вымерших животных и обломки кремневых орудий. Так ученые уз-

нали о том, что здесь, под Павловскими горами, на берегу реки, в далекие-далекие времена было большое становище древних охотников.

МОЛОДЫЕ ОХОТНИКИ

Солнце уже взобралось на вершину гор, и его теплые лучи купаются в озерах и заводях огромной низменности.

Кто знает, куда катится река Дья. Могучая, она извивается по низменности, растекаясь рукавами, пробегает через заросшие тростником болота. Иногда и не разберешь в буйной зелени, где вода, а где земля.

Иглава и Свратка сплетают на бескрайней равнине свои раскидистые рукава, и трудно сказать, где, собственно, они вливаются в Дью.

Тучи комаров и мух носятся над болотистой низменностью; они жалят всех, кто попадаете им на пути: животных и людей, кочующих по этому обширному краю. Кто может, спешит укрыться от насекомых в лесах и на склонах гор.

На холме близ Дьи играет стайка голых детей. Свежий ветерок отгоняет надоедливых комаров и злых мух. Еще минуту назад мальчишки ни за что не хотели принимать в игру девчонок, даже замахивались на них камнями. Ведь мальчишки скоро станут охотниками, будут сражаться с медведями, мамонтами и носорогами! А девчонки? Они умеют только готовить пищу да выделывать звериные шкуры!

Мужчина — это господин, даже если он всего-навсего мальчишка, который и тетиву-то как следует натянуть не может.

Однако скоро, захваченные игрой, позабыв недавние распри, и девочки и мальчишки уже весело играют в прятки. Что им законы разделения первобытного общества, — все одинаково ловки, одинаково быстро бегают, прыгают, лазят по деревьям. И даже самые маленькие не отстают от старших.

Один малыш ушиб плечо и голову, на колене — огромный синяк. Глаза полны слез, он так и кривится от боли. Его окружили остальные ребята и замерли в ожидании — не поднять ли на смех расплававшегося малыша. Но малыш не плачет, грязной ладонью вытирает глаза, шмыгает носом и улыбается.

Насмешки друзей страшнее боли, голода и холода. Легче прикоснуться к огню, чем перенести их. И малыш преодолагает боль. Он хорошо знает закон охотников, закон, который передается из поколения в поколение: тот, кто боится боли, — ни на что не способен. Слабому духом не уйти от злых насмешек сородичей, все знают, что в трудную для племени минуту борьбы за жизнь он окажется только обузой.

На этот раз повеселиться и посмеяться над неудачником не пришлось. Жучок — смелый парнишка, хоть и не умеет еще

без чужой помощи влезть на дерево или забросить далеко камень. Сегодня его поведение заслуживало одобрения, и мальчишки хором заревели по-медвежь:

— Хоу-у! Хоу-у!
Хоу-у!

Жучок гордо улыбался. Кому не приятна похвала!

Девочки спугнули куропаток. И все, задрав головы, следили за птицами. Где они сядут?

Проворный мальчишка лет двенадцати, со шнурком на шее, на котором наизаны лисьи зубы, показывает вверх — в ясной синеве над Вестоницким становищем кружит хищник. Он снижается, распластав в воздухе неподвижные крылья.

Едва куропатки опустились, как большая птица камнем упала на землю и исчезла в кустарнике. Мгновение — и хищник уже взмыл в небо. В когтях — куропатка.

— Ястреб... молодой! — сказал мальчишка со шнурком на шее.

Голос его звучал глухо. Казалось ему трудно говорить. Слова он сопровождал выразительными жестами и мимикой. Так разговаривали все люди, жившие в те времена.

— Копчем, идем ловить куропаток! — предложил мальчику его друг и побежал в ту сторону, где сели птицы.

Копчем кивнул в знак согласия и последовал за своим лучшим другом, неистощимым на веселые выдумки Бельчонком. За ними увязались еще двое ребят, остальные вернулись к прерванной игре — бегали и прятались в зарослях терновника.

Четверо ребят пробирались среди густого кустарника и валунов. По дороге каждый подобрал несколько небольших камней — пригодятся во время охоты. По всему видно — быстрый Копчем у них за предводителя. Остальные во всем стараются подражать ему.

Добравшись до середины склона, Копчем остановился и огляделся по сторонам.

Вдаль уходила бескрайняя равнина, иссеченная на горизонте



синими зубчатыми холмами. На северо-западе подпирали небо высокие Хршибы. На холмах за Дыей зеленые роши сменялись поросшими кустарником полянами. Вдоль Дыи поблескивали прозрачные озерки и тихие заводи. А внизу, под холмом, на берегу реки разбросаны хижины, покрытые шурами — стоянка охотничьего племени. Дым от костра столбом поднимался к небу. Ни один звук из становища не долетал сюда к ребятам.

Копчем ползком обогнул колючий кустарник и устремился дальше, вниз, туда, где сели куропатки. Его друзья отстали — увидели землянику. Мальчишки набросились на спелые ягоды. Они набивали рты вкусными ягодами и лишь изредка выплевывали попавшие в рот листики и травинки.

Копчем презрительно посмотрел на лакомок и продолжал осторожно пробираться вперед. Он умело пользовался попадающими на пути укрытиями из камней и кустарника, переползал на животе скалистые склоны, совсем как ящерица. Скоро он будет настоящим охотником! Мальчишка совсем не похож на тех ребят, которые еще ничего не умеют делать и рассчитывают только на подачки взрослых. Копчем уже сам кое-что может. Ожерелье из лисьих зубов, украшающее его шею, красноречиво говорит о том, что он победил в бою не одну лисицу. А уж о зайцах, пугливых сурках и вкусных сусликах и говорить не приходится. Такими победами сильному и ловкому парню хвастаться не пристало! Это под силу и некоторым девчонкам. Вчера суслика поймал даже маленький Цебик, Цебик, который и плавать-то не умеет, и на дерево не взберется без чужой помощи. Копчем может схватиться даже с хитрым волком, не испугает его ни свирепая рысь, ни коварная росомаха!

Совсем недолго осталось ему ждать, скоро он будет ходить на охоту со взрослыми парнями, такими, как Онаш и Стебелек. А те всего на полголовы выше Копчема. Взрослые охотники пока не разрешают ему охотиться вместе с ними. В последний раз, когда он увязался следом, они отогнали его камнями, как маленького мальчишку. А ведь Копчем уже умеет бесшумно передвигаться в густом лесу, идти по следу зверя, и может быстро бегать и метко бросать дротики и, конечно, не был бы помехой охотникам. Но что об этом толковать! Сегодня он будет доволен, если ему удастся подбить хотя бы куропатку.

Эй! Что это за знаки подает ему Бельчонок? Наверняка он что-то заметил!

Копчем, бесшумно раздвигая кусты, вернулся к другу.

Бельчонок, ровесник Копчема, — его верный друг и помощник. Что это он показывает вытянутой рукой на колючий кустарник?

На спрятанном среди кустов маленьком скалистом выступе, который пригревает солнце, распластавшись, лежит лиса. Она неподвижна.

— Спит! — шепчет Бельчонок Копчему.

И оба мальчика ползком приближаются еще на несколько ша-

гов к лисице. Прижавшись к земле, они только изредка тихонько приподнимают головы, чтобы получше разглядеть хищницу. У лисицы длинный, блестящий желто-коричневый мех; только около пасти и на конце пышного хвоста ярко-белые пятна. Такой добычей позавидует и взрослый охотник!

Над скалой кружат несколько ворон. Они возбужденно каркают.

— Лисица не спит — она мертвая! — тихо шепчет Копчем другу, кивком указывая на ворон.

Мальчики уже хотели было подняться, чтобы захватить так легко доставшуюся им добычу, как вдруг неподвижная до сих пор лисица сильным рывком взметнулась вверх и схватила за крыло одну из ворон. Остальные, подняв оглушительный крик, бросились на коварную хищницу. Зажав в пасти добычу, лисица кинулась наутек.

Она уже подбегала к тропинке, когда камень, ловко пущенный Копчемом, попал ей в переднюю лапу. Но это не остановило хищницу: выбравшись на тропинку, она неровной рысцой уходила вниз по расщелине. Ее хвост, упругий, как струна, мелькал в густой траве, отмечая путь бегства.

Оба мальчика бежали за подбитой лисой. Неожиданная охота захватила их, и они продолжали преследование, забыв обо всем на свете.

Около кизилового куста лисица остановилась. Она уже заме-



тила, что ее преследует враг, куда более опасный, чем горластые вороны, и после короткой передышки побежала еще быстрее.

Копчем и Бельчонок — хорошие бегуны. Их твердые, загрубелые подошвы не чувствуют ни острых камней, ни колючек. Мальчишек не остановят ни цепляющиеся за ноги ветки ежевики, ни заросли крапивы. Они, не сговариваясь, бегут так, чтобы лисица все время была между ними. Это правило охоты. Они не дают лисице уйти в сторону и каждую ее попытку свернуть с дороги предотвращают броском камня. Лисица вынуждена бежать прямо к реке. Там, как надеются мальчишки, они схватят ее и добьют.

У подножия холма склон спускается к реке, трава здесь очень высокая, и мальчишкам приходится особенно внимательно следить за коварной хищницей, чтобы не потерять ее из виду.

Теперь надо приналечь, а то лиса уйдет в тростники, а тогда ищи-свищи. Последний раз они увидели лису, когда обходя кусты, она выронила из пасти ворону, потом подхватила ее и исчезла в густых зарослях тростника.

Мальчики растерянно посмотрели друг на друга.

Охота не удалась.

Бельчонок взмахнул рукой и поймал большую луговую саранчу. Быстро оборвал ей ножки, крылышки и съел. Копчем вытер пот с лица и посмотрел на склон холма, где теперь играли дети.

Там что-то происходило.

Мальчики застыли, напряженно вглядываясь в даль.



НАПАДЕНИЕ НА ЗУБРОВ

Из роши на склоне холма вышло несколько зубров. Даже издали их нетрудно было узнать по высокой, могучей груди.

Впереди вышагивал огромный бык, за ним — три коровы и теленок. Бык остановился у одинокой сосны и потерялся о нее. Потом в избытке сил склонил голову до самой земли и, резко подняв ее, вспорол рогами кору дерева снизу вверх; на стволе повисли длинные плети. Бык еще раз наклонил голову, чтобы повторить сделанное, и вдруг замер на месте. Его темные глаза удивленно заморгали...

Ветер донес до него детские голоса.

Зубр медленно поднял голову, все его могучее тело напряглось.

Среди деревьев в лесу мелькали играющие дети.

Бык ударил копытами о землю — так он предупреждал стадо об опасности. Коровы пощипывали траву, но, услышав призыв вожака, остановились, ожидая нового приказа.

Какой-то малыш, наткнувшись на колючий куст, громко завопил, и несколько ребят поспешили ему на помощь, продираясь сквозь густой молодняк. Треск ломаемых веток спугнул зубров.

Бык взмахнул хвостом, резким прыжком повернул в сторону травянистого луга. Мелкими прыжками мчался он по склону, не заботясь о стаде, хорошо зная, что оно следует за ним. Сзади раздавался топот копыт.

Дети уже заметили бегущих зубров. Позабыв об игре, они с любопытством наблюдали за отступлением спугнутого стада.

Внезапно тихое удивление сменилось ликующими криками, и все они, обрадовавшись неожиданному приключению, бросились к Дые вслед за животными.

Копчем и Бельчонок с берега заметили эту погоню. Сначала это их обрадовало, но, увидев, что дети гонят стадо прямо к реке, они беспокойно заворчали и начали, перепрыгивая с ноги на ногу, хлопать себя руками по бедрам. Мальчики выражали свое неудовольствие.

Стадо зубров — великолепная добыча для охотничьего племени, а ведь эти глупцы могут все дело испортить: гонятся за стадом и не дают ему возможности остановиться там, где охотники из становища могли бы его окружить. Еще немного — и зубры достигнут реки, переплывут ее и скроются на другом берегу. Племя останется без добычи, о которой уже давно мечтали в их поселении. Плохо пришлось бы детям, если бы Копчем с Бельчком оказались в этот момент рядом. И за волосы бы они их оттаскали, и по спинам бы поколотили за такое неразумное поведение. Вместо того чтобы предупредить взрослых, они ведут себя как безумные. И это будущие охотники! Слепые кроты! Стадо зубров — у самого становища, а охотники сидят себе у огня, гложут старые кости и даже не подозревают об этом.

Копчем взобрался на пригорок, поросший низкими вербочками

и березняком, и, заслонив рукой глаза от солнца, посмотрел в даль. Потом, довольный, кивнул другу.

Дети не выдержали погони и отстали.

Зубры были теперь совсем близко от обоих мальчиков и шли свободной рысцой.

Копчем скрутил из травы жгут и повязал его вокруг головы. За жгут он заткнул длинные стебли тростника. Получилось что-то вроде большой коровы. Бельчонок, не раздумывая, сделал то же.

Согнувшись, пробирались они в высокой траве, время от времени выпрямляясь и тряся головами, чтобы обратить на себя внимание быка.

Стадо остановилось в недоумении и с интересом присматривалось к странным существам, идущим навстречу.

Мальчики шли медленно и ритмично, они то склоняли головы к земле, то поднимали их над травой. Наконец совсем остановились.

Ребята стояли с подветренной стороны, и зубры успокоились. Коровы терлись боками друг о друга, давя комаров и мух, густым слоем облепивших их. Теленок беззаботно лакомился щавелем, клевером и одуванчиками. Но бык, вдруг насторожившись, перестал жевать и поднял голову. Что-то его беспокоило.

Копчем и Бельчонок, охваченные волнением, тихонько заворчали. Они увидели, как от становища в их сторону бегут охотники, вооруженные топорами и копьями.

Значит, там уже узнали о зубрах! Теперь только бы не подпустить животных к воде!

Но охотники еще далеко, а вода совсем рядом. Кто преградит зубрам путь?

Огромный бык, почуяв опасность, побежал, остальные зубры — за ним. И прямо к Дые.

Копчем и Бельчонок выскочили из укрытия и отважно стали на пути стада. Скачут в траве, размахивают ветками и орут во все горло.

Но зубры, не обращая на них внимания, бегут напролом. Испуганные мальчишки едва успели отскочить в сторону и спрятаться в зарослях вербы.

Когда ветер, изменив направление, подул с реки, бык находился всего в нескольких шагах от мальчиков. Неприятный запах человека заставил его остановиться, он зафыркал и повернул в сторону. Коровы с теленком последовали за ним.

Мальчишки с радостным воплем выскочили из укрытия. Теперь зубры останутся на этом берегу Дьи. Юные охотники скачут около стада, они отважились даже отогнать теленка от коровы. Копчем, забыв об осторожности, слишком близко подошел к зубрихе, и та, разогнавшись и пригнув к земле голову, двинулась на него с явным намерением посадить на рога дерзкого мальчишку. В тот же миг мальчик упал на землю и приник к ней, вдавливаясь в мягкую, рыхлую почву. Это спасло его от разгневанного жи-



вотного. Зубриха облизала спину теленка и вместе с ним рысью побежала за быком.

В это время из неглубокого оврага навстречу зубрам выскочило несколько охотников. Бык на мгновение остановился, у него явно не было желания вступать в схватку с людьми. Он круто повернул и в три прыжка достиг воды. Коровы, пробившись сквозь поросли ольхи, ринулись вслед за быком. Зубриха подтолкнула головой уставшего теленка, и тот с шумом плюхнулся в неглубокую заводь.

Однако плыть зубры не могли: здесь было мелкое, топкое место. И животные, попав в трясины, с трудом переставляли ноги в вязкой тине.

Копчем в охотничьем азарте не обратил никакого внимания на опасность, которую таила трясины, и прыгнул в воду вслед за зубрами.

Напрасно Бельчонок кричал, пытаясь его остановить, — Копчем не слышал.

Вода в заводи едва доходила до колен, но рыхлый ил расступался под ногами, и мальчик погрузился почти по пояс в воду. С трудом вытягивая ноги из вязкой тины, он все же приблизился к быку. Сделав еще шаг, он вцепился в хвост огромного животного и изо всех сил стал тянуть его из болота. Отчаянная смелость мальчишки очень развеселила охотников, которые уже столпились на берегу.

А зубры, стремясь выбраться из трясины, все больше увязали в ней. Иногда им удавалось сделать два-три шага, но тут же болото разверзлось под ними, и тяжелые животные снова оказывались по брюхо в иле.

Охотники с громкими криками ломали ветки деревьев, вырывали с корнями кустарник и бросали в болото, чтобы легче было добраться до зубров. Они заранее радовались богатой добыче. Некоторым уже удалось окружить одну корову, и они с остервенением вонзили в мочуе тело животного свои копыта.

Вторую корову поглотила трясины, а третья, добравшись до глубокой воды, отфыркиваясь, плыла к противоположному берегу.

Копчем все еще держал зубра за хвост и палкой бил его по спине. Взбешенный зубр резко бросался из стороны в сторону — плохо придется мальчишке, если разбушевавшийся великан заденет его копытом.

Бельчонок, волнуясь, бегал по берегу, криками и жестами подгоняя запоздавших охотников и женщин. Успех охоты зависит от совместных усилий. Сейчас все должны действовать сообща. Женщине, появившейся на берегу позже других, он указал на сражающегося с быком Копчема. Это была его мать.

Женщина, жалобно вскрикнув, начала уговаривать сына вылезти на берег.

Копчем едва взглянул на нее и ничего не ответил. Как может сейчас кто-то, даже мать, требовать, чтобы он отказался от такого захватывающего сражения на глазах у всего племени! Ну разве

женщина знает, что такое охотничий азарт?! Не может же он осрамиться перед всеми, уйти с поля боя, когда есть возможность отличиться.

Мать поняла, что все уговоры напрасны. Она, не теряя времени на слова, стала пробираться к сыну. В это время увязший по брюхо, свирепо сопящий зубр повернул голову, намереваясь поддеть мальчика рогом. Женщина успела схватить сына за руку и с силой отшвырнула его к берегу, но сама при этом глубоко, по горло, провалилась в трясину.

Охотники, подобравшись в это время к зубру с другого бока, вонзили в его тушу сразу несколько копий. Бык взревел от боли, рванулся, но затем вдруг грузно осел. Заваливаясь на бок, он придавил мать Копчема. Охотники поняли свою оплошность. Охваченные гневом, они яростно колотили каменными топорами по мохнатому телу животного. Они хотели помочь несчастной женщине, но никак не могли справиться с огромным чудовищем, которое все еще представляло угрозу для нападающих.

Тем временем на берегу женщины и дети обступили теленка и дразнили его. Они даже не заметили, что бедную Ниану поглотила трясина.

Только две старые женщины, державшие в руках запасные копыя, печально смотрели на схватку мужчин с могучим животным. Они думали о бедной Ниане, которая так быстро простилась с жизнью. Они не плакали — по охотничьему закону о погибших во время боя не плачут.

Смерть матери Копчема не произвела на людей большого впечатления. В жизни племени это было обычное, естественное событие. Никто не знает утром, будет ли он жив вечером. В постоянной борьбе за пищу иногда побеждает человек, а иногда зверь — так было, и так будет.

Но Ньян, муж и господин Нианы, потрясен и опечален происшедшим: он часто моргает, даже всхлипывает. Ньян потерял жену, смелую и надежную помощницу, которую он когда-то выменял на прекрасную медвежью шкуру. Трудно будет найти замену. А пока его ждут заботы и невзгоды. Кто будет во время походов носить его шкуры? Кто будет их выделывать?

Охотники подтягивают убитую зубриху к берегу. Они вязнут в болоте и прилагают немало усилий, чтобы не утонуть.

Копчем уже пришел в себя. Неотрывно смотрит он на цветок кувшинки, обогранный кровью. Ждет, что охотники отвалят наконец зубра и его мать поднимется из поглотившего ее болота.

Победные клики возвестили об окончании охоты. Уставшие мужчины вылезли из болота и растянулись на траве, теперь женщины будут вытаскивать обоих зубров. Только сейчас они заговорили о случившемся, о гибели Нианы, верной подружки мужественного охотника Ньяна.

Женщины влезли в болото и, схватив зубра за ноги, рога, гриву и хвост, с трудом поволокли его к берегу. Крик и шум стоит

над болотом. С берега несется веселый хохот мужчин. Они довольны — охота была удачной.

Наконец, перемазанные грязью, женщины вытащили тушу убитого зубра на берег, но удержать им его не удалось, и животное снова сползло в воду, едва не придавив их своей тяжестью. Вода фонтаном взметнулась вверх, и мужчины принялись громко смеяться. Ну конечно же, без их помощи женщинам не справиться. Это им льстило. Охотники медленно поднялись, гордо улыбаясь, посмотрели на суетящихся женщин и взялись за зубра. Напрягшиеся мускулы, выкатившиеся глаза, стиснутые зубы и резкие короткие выкрики, срывавшиеся с губ, — для них эта работа тоже оказалась нелегкой.

Наконец огромный бык лежит на берегу.

Потом, не очень себя утруждая, мужчины проверили место, где погибла Ниана. Не было никакого смысла искать ее тело. Теперь ей все равно нельзя было помочь. Вестоницкое племя поймало зубров и заплатило за них дань — жизнь Нианы. Так было, и так будет.

На берегу уже началось пиршество. Два огромных зубра! Хотя мальчишки принесли огонь из становища и развели костер прямо на берегу, нетерпеливые охотники выпотрошили зубров и с удовольствием поедают печень, легкие и другие внутренности прямо сырыми.

Дети и женщины ждут, когда мужчины насытятся. Сегодня будут сыты все! Наедятся так, что впору только дивиться, куда это все помещается!

Мужчины передали женщинам снятую шкуру, и те, расстелив ее на траве, тотчас начали соскабливать остатки мяса острыми каменными скребками. Другой шкурой занялись дети.

В кустарнике заскулили лисицы: их привлек запах крови. Бельчонок бросил в них камень, а когда и после этого те не убралась, схватил палку и принялся отгонять назойливых хищниц. Охотники весело смеялись над напрасными усилиями мальчишки — дерзкие лисы, отбежав, тотчас подползали с другой стороны, ожидая удобного момента, чтобы ухватить кусок добычи.

Бельчонку наконец надоело это занятие, он со злостью швырнул палку в свору назойливых лисиц.

Вскоре к месту пиршества сбежались все лисы, жившие в окрестных норах.

Каждый охотник держал в одной руке кусок мяса, а в другой — палку, чтобы отгонять наиболее наглых хищниц.

В костре уже выросла куча горячего пепла, и охотники могли жарить над ним куски мяса, насаженные на прутья. Все мужчины были перемазаны кровью, но они и не думали смывать ее. С удовольствием размазывали они кровь по всему телу, словно хвастаясь своей кровожадностью. Они ухмылялись, скалили зубы и выглядели не очень привлекательно. Однако это им нравилось.

Ведь они были твердо уверены, что, чем больше будут мазаться кровью, тем сильнее и мужественнее станут.

Копчем все еще сидит под кустом и задумчиво смотрит на воду. Он лакомится жареным хвостом зубра, объел мясо, а теперь, громко чавкая от удовольствия, высасывает из костей мозг. Что-то хрустнуло рядом. Копчем прислушался. Повернувшись, он увидел за кустом голодного волка.

Мальчик вздрогнул от неожиданности. Волк исчез. Копчем не стал звать на помощь — ведь он не какой-нибудь трус! — поднялся потихоньку и огляделся, нет ли поблизости брошенного оружия. Вдали заметил несколько копий, воткнутых в землю. Взял одно из них и хотел было вернуться к кусту.

Но в это время Космач, старый, но сих пор еще очень сильный охотник, бросил Копчему большую необглоданную кость. Мальчик ловко поймал ее левой рукой и пошел посмотреть, куда скрылся хищник. Откусывая куски наполовину прожаренного мяса, с копьем в правой руке он осматривал высокую траву около куста. Волка нигде не было. Он пошел дальше по берегу... И вдруг что-то зашелестело и промелькнуло рядом!.. Волк взметнулся в траве и схватил кость из руки Копчема.

Прежде чем мальчик опомнился, дерзкий хищник исчез в кустах, и Копчему ничего не оставалось, как только погрозить ему вслед копьём.

Как жаль, что он не может об этом рассказать охотникам, — ведь они его засмеют.

Дело, конечно, не в кости. Он совсем уже не чувствует голода...

Копчем думал о матери. Зубры отобрали ее у племени. Жизнь за жизнь.

Мальчик опустился на выступ скалы и глядел на несчастное болото. Несчастное? Ведь оно принесло племени такую богатую добычу!.. Но погибла его мать. Женщина, которая заботилась о нем с малых лет! Та, у кого он всегда находил защиту...

— Мама, мама! — печально сорвалось с губ мальчика. Копчем безутешно зарыдал...

Любовь к матери — первое пробудившееся в первобытном человеке чувство.

В СТАНОВИЩЕ ВЕСТОНИЦКИХ ОХОТНИКОВ

Два дня пировало племя на берегу Дьи. Потом, захватив с собой запасы мяса и шкуры, вернулось в становище. Теленка, к сожалению, сохранить не удалось. Хотели привести его в поселение и приберечь на будущее, но ночью беднягу спугнули волки. Он убежал в рошу, а там уж хищники с ним разделались. Сейчас у племени было много мяса, поэтому о потере теленка недолго го-

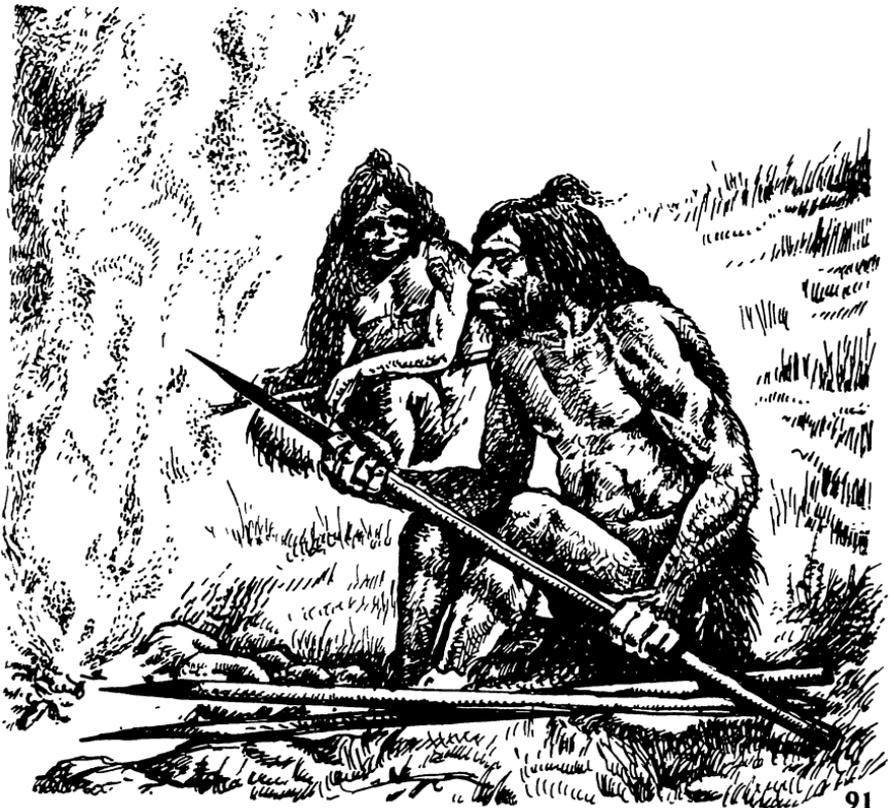
ревали. Случись это в другое время, плохо пришлось бы сторожам-ротозеям.

Уставшие от обильного пира охотники, развалившись на траве отдыхали у родника, среди покрытых шкурами хижин. Женщины готовили запасы, развешивали на ветках куски мяса.

Жиру набралось столько, что его невозможно было съесть. Сегодня каждый может натереть тело толстым слоем жира, и никто не остановит его, не стукнет палкой за расточительство. Жир спасает от комаров и мух. Все следят за тем, чтобы слой жира на теле держался как можно дольше. Чем толще слой, тем больше зловоние — оно-то и отгоняет насекомых.

Над костром поднимается смрадный дым — это женщины коптят куски мяса, подвешенные на прутьях. Две девочки, Невезучка и Палуша, принесли охапки наломанных в лесу веток и сложили их вблизи костра. Когда Шкута предложила им по куску мяса, обе только поморщились, не говоря ни слова перепрыгнули через ручей и пошли собирать щавель, росший за хижиной Космача. Щавелем так приятно заесть жирное мясо!

К костру подошел быстроногий Заяц и, усевшись, положил рядом с собой две ровные, хорошо зачищенные палки. Взяв одну из них, он сунул ее тонким концом в горячий пепел. Потом вытащил



палку из костра, отшлифовал дымящийся конец камнем. Теперь у Зайца будут великолепные копыта!

Зяец тоже отказался от предложенного Шкутой жареного мяса; даже отвернулся с отвращением. Да что там Зяец — даже Зверина Глотка, известный всему племени обжора, и тот, отдуваясь и вытирая с лица пот, отвел руку Шкуты, когда она протянула ему дымящийся кусок.

Никто в племени уже смотреть не мог на мясо, все наелись досыта. И самое большее, на что еще были способны, — это жевать щавель или полынь. Может быть, только вечером, переварив съеденное, охотники будут выбивать мозг из костей, обглоданных и сложенных в кучу. Мозг, извлеченный из поджаренных костей, — самое вкусное лакомство на свете! От него невозможно отказаться даже тогда, когда желудок переполнен.

Дети хоть и не отставали от взрослых в еде, никак не угомонятся. Минуты спокойно не могут посидеть на месте. Бельчонок вылепил из куска желтой глины фигурку зубра. Воткнул в туловище четыре прутика — это ноги, а две веточки на голове — рога.

Всем мальчишкам очень понравился глиняный зубр. Они перенесли его на полянку недалеко от становища и затеяли игру в охоту на зубров. Во время игры они во всем подражали охотникам. Пробовали наслонявленным пальцем, с какой стороны дует ветер, прятались в надежных укрытиях и ползком бесшумно подкрадывались к «зубру». Крик поднимался невообразимый, когда кому-нибудь удавалось попасть в цель и стрела застревала в теле «зубра».

Сын Мамонта, один из лучших охотников племени, направился к роднику, чтобы утолить жажду. Он разразился страшной бранью, когда, подойдя ближе, нашел вместо чистого родника грязное, мутное болотце.

Остальных охотников это лишь развеселило — уж очень забавно выглядел злой, мучимый жаждой Сын Мамонта. Посыпались шутки.

— Сын Мамонта, ну как, вкусна ли в болоте вода? — обратился к охотнику Куница, известный всему племени остряк.

— Эй, смотри не выпей всю! — злорадно заметил Задира.

Сын Мамонта посмотрел на всех с укором и сказал возмущенно:

— Все топтали родник. Теперь никто не будет пить воду: ни Крепыш, ни Задира, ни Сын Мамонта — никто! Это плохо, река далеко...

Его слова подействовали. Только теперь охотники поняли, что натворили. Все ходили запивать пищу и затоптали родник. Как всегда, они не думали о будущем. Сын Мамонта им напомнил, что они поступили легкомысленно, лишив становище чистой воды, которая была так близко. Мужчины виновато улыбались, перебрасываясь камешками, горстями травы, всем, что попадалось под руку,



и упрекали друг друга в неосмотрительном поступке. В общем, вели себя, как провинившиеся дети.

Сын Мамонта отошел от охотников. Он взял большую плоскую кость и стал выгребать грязь из родника. Волчий Коготь и Укмас пришли ему на помощь. Юркая Жабка и черная Палуша вырыли руками желобок для стока грязной воды. Это понравилось и детям. И скоро около родника уже копошилась целая стайка помощников.

Сын Мамонта подкатил большой камень и укрепил его на краю родника. Потом еще несколькими камнями обложил его со всех сторон, чтобы он не замутился, если кому-нибудь вздумается напиться из него*. Снова в роднике будет чистая вода!

Грязью, вычерпанной из родника, тут же вымазались дети.

* Каменное ограждение родника было обнаружено при раскопках становища вестнического племени в 1937 году на глубине 5 метров.

Теперь хоть комары не будут кусать! Особенно усердно мазались мальчишки — им так хотелось походить на взрослых мужчин, вернувшихся с удачной охоты! Девочки вымазали только лица, а на теле провели по нескольку полос — этого вполне достаточно для украшения.

Вязкая желтая глина очень хороша для лепки. Скоро на ближайшем выступе скалы стояло целое стадо.* Жабке лучше всего удавались медведи. Один стоял на задних лапах, другой карабкался по скале, третий чесал лапой затылок. У Крушанки хорошо получались лисички с огромными хвостами.

Прибежал и Бельчонок; его зубра кто-то поломал, и ему не терпелось сделать еще что-нибудь интересное. Он вылепил большего мамонта, только бивни у него так и не получились. Как он ни пытался приладить раскатанную в жгут глину, ничего не выходило. В конце концов Бельчонку надоело возиться с бивнями. Мамонт и без них обойдется, решили ребята.

Потом Бельчонок принялся лепить нового зубра. Однако хорошей глины ему хватило только на голову. Но что это была за голова! Даже взрослые охотники пришли полюбоваться его творением. Сын Мамонта сказал, что нужно сохранить эту голову, и сунул ее в горячий пепел. Теперь голова зубра будет храниться в племени и поможет ему в охоте на зубров.

Возле хижины, удалившись от всех, сидел Ньян. Острым кремнем он что-то вырезал из бивня мамонта. В глазах его была тоска, он словно искал взглядом Ниану. Ему не раз хотелось позвать ее, но он вспомнил, что ее уже нет. Ее гибель он принял спокойно, как волк, потерявший в бою подругу. Но теперь ему было невыносимо одиноко. Ему недоставало близкого человека. Ниана не была ему равной, но и не была рабыней. Она была его помощницей, это Ньян всегда знал и чувствовал. Он не мог бы всего этого объяснить, но гнетущая грусть переполняла его душу.

Не сказавши никому ни слова, Ньян поднялся и легким шагом двинулся из становища. В руках у него не было ни топора, ни копья — это сразу заметили охотники, отдохавшие невдалеке. Ни один мужчина даже ненадолго не покидал становище без оружия. Мужчины проводили удаляющегося Ньяна удивленным взглядом, но промолчали.

Ньян бродил вокруг становища. Неожиданно он оказался на болотистом берегу Дьи. Под ольховым кустом кто-то сидел. «Видно, рыбу подкарауливает», — решил Ньян и прошел мимо. Однако что-то заставило его оглянуться. Он увидел, что это Копчем, один из его сыновей. Ньян тихонько заскулил.

Мальчик вскопчил от неожиданности, но, узнав отца, успокоился и улыбнулся.

* Фигурки зверей из обожженной глины были обнаружены при раскопках в 1924-1925 и 1934-1935 годах.

Ньян остановился.

Отец и сын одновременно посмотрели на блестящую поверхность воды. Влажные от слез глаза мальчика обратились к охотнику, который долго был другом его матери и его отцом.

У Ньяна не было желания болтать с сыном, и он хотел было уйти. Но в это мгновение Копчем подбежал к воде и что-то проворчал, указывая на воду.

Только теперь Ньян понял, что стоит над болотистой заводью, в которой погибла его подруга. Да, это случилось здесь...

Копчем ворчал и продолжал на что-то показывать. Что он увидел?

Ньян внимательно пригляделся. Что это? Из воды торчит конец ветки.

Мужчина вошел в воду.

Погружаясь в тину, Ньян чувствовал, как мелкие пузырьки щекочут ему ноги. Забыв об опасности, охотник сделал несколько шагов. Нашупал в воде ветки. Они остались здесь после охоты на зубров. Собрав ветки, Ньян кинул их перед собой — теперь можно и наступить. Вязкая трясина тем не менее затягивала охотника, он с трудом передвигал ноги.

Копчем наблюдал, как Ньян все больше погружается в коварную тину, он поспешил на помощь, бросился в воду и подал отцу длинную ветку. Нет, он помогал не своему отцу; он точно так же пришел бы на помощь любому из своего племени. Копчем чувствовал настоящую привязанность только к матери, которая заботилась о нем с малых лет. Защитником ему было все племя. Копчем был сын племени, как и Бельчонок, Жучок, Мямля, Цебик, Кривляка и все остальные мальчишки и девочки, у которых были только матери и которые не признавали своих отцов. Каждый ребенок находился под защитой всего племени, и это было гораздо важнее, чем если бы о нем заботился один отец.

И к тому, что Ньян называл Копчема сыном, мальчик относился совершенно равнодушно, как если бы к нему обращались просто: «Ну, ты, чумазый мальчишка». Правда, он уважал Ньяна как хорошего охотника, одного из первых в племени. А если Ньян к тому был и его отцом, тем лучше.

Из раздумий Копчема вывел крик:

— Ниана!..

Это отец нашупал тело утонувшей и потянул его за волосы. Но в тот же миг от резкого движения Ньян по самую шею погрузился в тину.

Копчем бросился на помощь отцу. Он помог ему выбраться из трясины, а потом уже вместе они вытащили из воды тело Нианы и положили его на цветущий луг.

Немного отдышавшись, Ньян взвалил труп несчастной женщины на спину и пошел в становище...

Сын Мамонта любовался делом своих рук. В роднике снова была чистая вода. Охотники один за другим наклонялись к роднику и с удовольствием глотали свежую воду. Что за голова у Сына Мамонта!

Настало время вечерней трапезы. Усевшись у костра, мужчины поджаривали кости, разбивали их и, чавкая и облизываясь, поедали теплый мозг, а кости отдавали женщинам и детям.

— Гейюа-а!

Крик удивления пронесся по становищу, когда посреди поселка появился Копчем, а следом за ним его отец, согнувшийся под тяжестью тела погибшей Нианы.

Ньян положил тело женщины на землю и оглядел собравшихся. Люди ответили одобрителем ворчанием. Так они выразили согласие Ньяну, решившему похоронить свою жену. Как это подобало охотнику сильного и славного племени, к которому он принадлежал. Никто не спрашивал, как отыскал он тело погибшей в болоте.

Ниана принадлежала их племени, а ее муж был одним из лучших охотников. Теперь Ниана навсегда останется с племенем, и после смерти она не разлучится с ним. Ее похоронят в центре становища, там, где всегда горит костер.

Не сказав ни слова, Ньян, Волчий Коготь и Сын Мамонта подняли тело женщины с земли и положили в костер. Ньян снял с шеи длинное ожерелье и бросил его рядом с умершей. Это были зубы лисиц и волков, нанизанные на тонкий ремешок. Охотничьи трофеи в два ряда охватывали шею Ньяна и были предметом гордости хозяина.

Каждый каким-нибудь подарком старался одарить погибшую. Бросали в огонь кремневые ножи и мелкие украшения из раковин, костей и зубов. Некоторые приносили из хижин любимые игрушки — красивые разноцветные камушки, раковины мелких улиток, куски рогов. Теперь все это было отдано Ниане.

Ньян притащил огромную лопатку мамонта и прикрыл ею тело женщины. Потом все по очереди начали забрасывать могилу глиной*. И скоро тело Нианы исчезло под ее покровом. Дым столбом поднимался к небу...

Как будто что-то вспомнив, Копчем внезапно заворчал, подбежал к костру и вытащил из него головешку. Он отошел в сторонку, положил ее на землю и начал раздувать. Поняв, в чем дело, все одобрителем заворчали. Ведь они чуть было не забыли об огне! Копчем вовремя вспомнил о нем — догадливый мальчишка!

Кто-то подбежал к мальчику и положил на ветку горсть сухой травы. Огонь разгорелся. Теперь можно было не беспокоиться: огонь получил пищу, теперь он не угаснет.

Вскоре над старым племенным очагом вырос могильный холм...

* Такая могила была обнаружена 4 ноября 1927 года.

Он становился все выше и выше. Охотники рыли глину рогами оленей, широкими лопаточными костями, подносили глину в кожаных мешках. Дети помогали взрослым. Дым, поднимавшийся над могилой, понемногу слабел, исчезал.

Заходило солнце.

Ньян удовлетворенно кивнул. Могильный холм был уже достаточно высок. Все расположились вокруг могилы и начали петь. Пение это походило на грубые выкрики, но все же в нем можно было различить определенный ритм, и скоро все присутствующие раскачивались в такт песне.

Издали доносился вой волков и гиен. Над горами опускались черные сумерки, от реки веяло холодом...

ВЕСТОНИЦКАЯ ВЕНЕРА

Копчем остался у нового костра. Сидел на камне, подкладывая в огонь ветки и разбитые кости, и следил за сизым дымом. Его кольца поднимались вверх и исчезали в вышине.

Огонь — это великая сила. Он отгоняет хищников, согревает озябшее тело, на нем можно поджарить мясо. Без огня нечего и думать пережить зиму... А ведь племя чуть было снова не лишилось огня! Глина душит огонь. Дождь тоже может залить очаг. За огнем надо ухаживать. Угасший огонь ничем не оживишь.

Теперь Копчем будет беречь огонь. Его огонь никогда не погаснет. Это огонь его матери Нианы. Она тоже будет с ним охранять огонь. В огне — частица Нианы. Вместе с белым дымом Ниана будет постоянно возноситься к небу.

Копчем подбросил в костер новую охапку хвороста и с удовольствием наблюдал, как веселые языки пламени лижут сухие ветки и превращают их в белый клубящийся дым. Положит в огонь кусок дерева — и вот уже через минуту дерева нет, только пепел в костре, а в вышине — дым. Как это удивительно! Никто этого не поймет. Так же как у человека: тело остается неподвижным, а жизнь улетает.

Когда у племени есть огонь, оно чувствует себя сильным. Старики часто рассказывают молодым, что когда-то во время трудной переправы через бурную реку племя потеряло огонь: охотник, несший дымящуюся корягу, упал в поток, и огонь утонул. Это было великое несчастье! Много времени прошло, прежде чем удалось добыть новый огонь. Его выменяли у другого племени на множество шкур. И во время долгой зимы, когда не было огня, многие погибли от холода и болезней. Это была страшная пора! А если бы и у чужого племени не оказалось огня? Или если бы вестоницкие охотники встретили враждебное племя? Без огня племя погибло бы, это все понимали...

К пылающему костру подошел Укмас; в руке у него был кусок мяса. Он отбил сго палкой, выгреб из костра раскаленный камень

и положил на него мясо. Укмас ждал, пока мясо изжарится. Он подогнул ноги, обнял их руками и положил голову на колени. Его волосы, связанные в пучок на темени, торчали кисточкой. Вокруг костра царил беспорядок. Укмас укоризненно покачал головой. И тотчас Огнош схватил несколько веток и начал мести раскиданные возле костра головешки. Копчем тоже взял палку и стал подгребать к центру костра большие обгоревшие ветви. Он был рад, что Укмас просто сделал замечание, а не надавал подзатыльников, как это обычно делают другие охотники, наступив нечаянно на горячую головешку. Конечно же, вокруг костра должно быть все убрано.

Укмас не обращал никакого внимания на ребят.

Копчем закашлялся и далеко сплюнул — он видел, что именно так делают взрослые охотники. Потом обратился к Укмасу:

— Без огня нельзя жить. Огонь всегда родится от другого огня.

Укмас молча наблюдал за куском мяса, которое уже начинало шипеть.

Копчем указал рукой на свой весело пылающий костер:

— Дождь на огонь — огонь исчезает. Нигде нет огня — что делать?

Охотник будто и не слышит, что говорит мальчик, только время от времени бросает в его сторону косые взгляды. Нужно еще подумать, стоит ли ему вступать в серьезную беседу с незрелым юнцом. И не дерзко ли это со стороны мальчишки — обращаться с вопросом к взрослому охотнику?

Немного поразмыслив, Укмас все же решается ответить. Кажется, ему пришлось по душе мальчишеское любопытство.

— Огонь — великое чудо. Копчем еще очень мал, но и он знает, наверно, что от кремня отлетают искры. Кремень и камень — крес-крес! — и во все стороны разлетаются искры. В кремне спрятан огонь, но, может, Копчем не знает, что от искры почти невозможно разжечь костер. Это под силу не каждому — только старейшина племени Седой Волк умел высечь огонь. Но Седой Волк больше не вождь своего племени. Он покинул племя...

Охотник говорит медленно. С трудом подыскивает слова, стараясь выразить свои мысли. Это ему удается не всегда. Тогда он помогает себе жестами и мимикой. Давно не приходилось ему говорить так много. Он устал. Перевернул мясо и снова сел, положив голову на колени.

Копчем задумался. Что из кремня вылетают искры, известно даже малому ребенку, и Копчем не раз наблюдал это, когда охотники готовили ножи, наконечники для копий и скребки. Он сам уже несколько раз отбивал себе от кремня нож или скребок для выделки шкур. Искр было много, но никогда он не видел, чтобы они что-нибудь подожгли. Это правда, что в кремне скрыт огонь, но только Седой Волк знал, как от искры разжечь костер. А Седой Волк уже давно мертв.

Укмас насадил мясо на острый осколок кости и отошел.

Копчем снова бросил в огонь камень, на котором Укмас жарил мясо, и подложил новых веток.

Бельчонок издали свистнул, призывая приятеля принять участие в игре. Копчем только отмахнулся. Сегодня он не пойдет играть, он будет охранять огонь.

— Огнош, принеси-ка мне осколки кремня, — приказал он своему помощнику.

Мальчик побежал к скале, где охотники обычно делали каменное оружие, инструменты, и поднял несколько осколков.

Копчем отобрал куски побольше и начал ударять ими друг о друга. Вылетающие искры он пытался поймать кусочками сухого мха. Огонь не возникал. Как он ни бился, ничего не вышло. Значит, решил Копчем, тайной великого чуда огня ему не владеть...

Женщины принесли свежие охапки веток и отпустили Копчема и Огнаша. Они сами будут следить за огнем. Нужно приготовить еду для мужчин и довялить запасы мяса.

Скршегула и Крушанка пошли к яме, где хранилось мясо. Хранилище было рядом, всего в нескольких шагах, за старым очагом, а теперь могилой Нианы.

— Что такое? — удивилась Крушанка. — Хвоя вся раскидана!

Девушка заглянула в яму и всплеснула руками. А болтливая Скршегула начала громко причитать, ударяя себя руками по бедрам. Женщины, бросив костер, поспешили к ним. Яма была пуста. Там не осталось ничего, кроме нескольких кусков на самом дне.

— Все мясо исчезло! Ох, ох, ох, ау!

На крики сбежались охотники, они заглядывали в пустую яму.

Мужчины покраснели от гнева, стиснули зубы, а потом начали издавать гортанные звуки и возбужденно подпрыгивать.

Сын Мамонта решил осмотреть землю вокруг, прежде чем ее успели затоптать сбежавшие охотники. Так и есть — следы широких лап, похожих на медвежьи, только немного поменьше.

— Это росомаха! — сказал Сын Мамонта.

— Росомаха, росомаха! — кричали охотники и женщины, хром проклиная ночного грабителя.

Этот дерзкий хищник ничего не боится. Бывает, что росомахи проникают в хижины к спящим людям и сжирают все съестное.

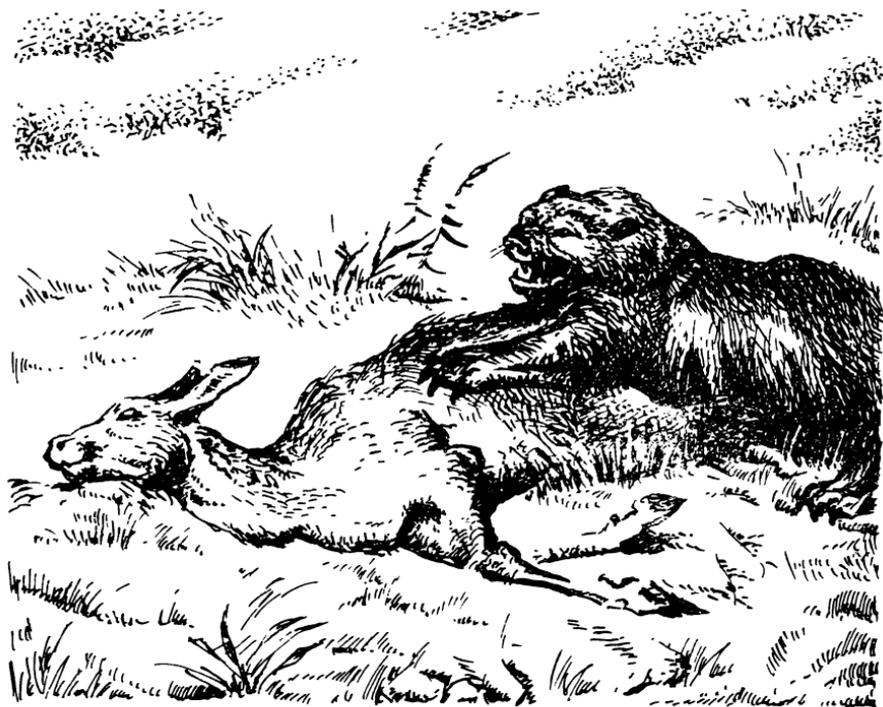
Теперь из-за ловкой росомахи все племя осталось без пищи!

Кто сторожил яму этой ночью? Нечего сказать, хороши сторожа — даже не заметили, что разбойник проник в поселок! Пусть виновные отправляются на охоту, и горе им, если они вернутся без добычи!

Двое сторожей нехотя покидают становище. Вслед им несутся насмешки.

А вскоре Сын Мамонта, Волчий Коготь, Укмас и еще несколько мужчин, захватив дубовые и ясеневые копыя и хорошо наточенные топоры, тоже отправились на охоту. Они не надеются на нерадивых сторожей.

Племени нужны новые запасы, иначе ему грозит голод.



Ньян с утра сидит перед своей хижинкой, не очень интересуясь происходящим вокруг. Наверное, он даже и не слышал, что натворила россыпь.

Перед Ньяном на плоском камне горсть глины, он лепит из нее какую-то фигурку. Уже дважды он разбивал ее о землю, когда ему казалось, что работа не удалась, и вот он принимается за дело в третий раз. Теперь он подмешивает к глине немного муки из растертых костей. Рог зубра, полный воды, воткнут рядом в землю.

Фигурка величиной с ладонь взрослого мужчины имеет формы человека: голову, круглое туловище и ноги по колени. Ньян работает тонкой костью и старательно выравнивает поверхность фигурки, иногда сбрызгивает ее водой. Вот обозначилась грудь, небольшим углублением отмечает он пупок, косые линии на голове — глаза. Фигурка готова.

Подошел Копчем и с интересом посмотрел на фигурку. Ньян вытянул руку, с удовлетворением разглядывая свое творение.

— Мама! — закричал вдруг Копчем.

Он узнал Ниану.

Отец кивнул и понес фигурку к костру. Под горящими ветками он выкопал ямку, очистил ее палкой от угольков и на чистое место положил фигурку. Влажная масса быстро высыхала, над ней

поднимался белый пар. Фигурка затвердела и приняла красноватый оттенок.

Скоро она будет совсем готова.

Копчем предложил отцу присмотреть за ней, опасаясь, как бы кто-нибудь случайно не повредил творение Ньяна. Мальчик невольно опять принял на себя обязанность хранителя огня, и верный Огнош тотчас прибежал ему на помощь. Женщины, которым нечего было жарить на костре, занялись другими делами, оставив огонь без присмотра.

Ньян заметил это и стал громко возмущаться. В племени нет порядка, говорил он. Ньян хотел, чтобы его слышали все, кто остался в становище.

Так бывает всегда, когда каждый себе хозяин. Нерадивые сторожа оставили племя без мяса. На охоту идут кто хочет и куда хочет. За рыбой не ходят вообще. Запасы шкур плесневеют, их забыли обработать. А корзины для лесных ягод уже давно пусты.

Охотники слушали Ньяна и кивали в знак согласия. Племени нельзя долго оставаться без сильного вождя — это было ясно всем. И он должен быть не только хорошим охотником, но и решительным, твердым человеком, способным подчинить соплеменников собственной воле.

Старый вождь утвердил свою власть, положив на лопатки всех мужчин племени. Но однажды его раздавил раненый мамонт, и в племени не оказалось больше ни одного такого силача. Охотники умели подчиняться только грубой силе. Преимущества разума они не признавали. Племя давно нуждалось в сильном предводителе.

— Ньян, будь вождем! — закричали сразу несколько охотников.

Ньян улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Ньян не может быть вождем. У Ньяна нет жены! Будет жена — станет Ньян вождем!

Все поняли — Ньян не хочет взваливать на себя заботы о племени. К тому же многих охотников не было сейчас в становище. Без них не стоило решать такое серьезное дело.

На том и разошлись. Каждый принялся за какую-нибудь работу: кто исправлял кремневые орудия, кто обжигал копья и заострял их. Завтра предстояла охота.

Ньян пошел к своей хижине и начал наводить в ней порядок. Выбросил из хижины все шкуры — надо проветрить их, некоторые уже покрылись плесенью. Нашел нож из ребра мамонта и начал размахивать им над головой так, что свистел воздух. Потом осмотрел его и решил немного подточить на камне.

Присев на траву за хижинкой, Ньян острым кремнем начал выбивать на гладкой поверхности ножа черточки и точки, и скоро они превратились в пасущегося зубра. При этом охотник тихонько напевал. Работа спорилась. Женщины, глядя на Ньяна, тоже вынесли шкуры из хижин и разложили их на солнышке. Некоторые принялись украшать свои одежды, они пришивали к кожаным

фартукам ракушки и косточки, острым кремневым шилом протыкали шкуру и протаскивали в отверстие гладкую косяную иглу с толстой ниткой-жилой.

Где работают женщины, там всегда звучит песня. Вот и сейчас женщины запели:

— Ханга-а-ха, ха-а!

Копчем принес отцу обожженную в костре фигурку. Все обошлось благополучно, фигурка нигде не потрескалась.

Ньян натер фигурку смесью из сала и золы и подвесил ее в хижине*. Отныне Ниана постоянно будет с ним, теперь он не одинок.

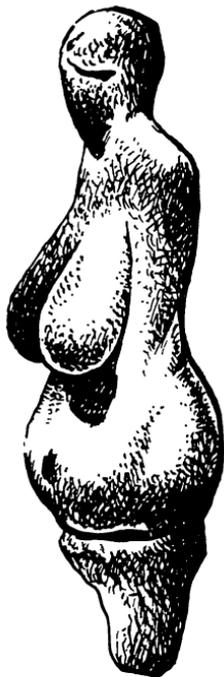
К вечеру вернулись охотники. Охота была неудачной: две лисицы, которых никто не хотел есть, и маленький олененок.

Да еще Сын Мамонта принес двух сурков и несколько куропаток.

Во время ужина вновь разгорелся спор, кому же быть во главе племени. Соглашались, когда говорили о смелом вожде, и тут же умолкали, когда надо было кого-нибудь назвать. В каждом находили недостатки.

— Этого не хотим! — кричали всякий раз.

Никто не хотел считаться с мнением другого. Каждый защищал то, что ему пришло в голову. Охваченные гневом, люди походили на свору собак. Так ни до чего не договорившись, они разошлись. Но из многих хижин еще долго раздавалось недовольное бормотание.



* Эта глиняная статуэтка была найдена при раскопках в 1925 году и известна теперь в науке как Вестоничская Венера (Венера — богиня красоты в античной мифологии).

— Этой ночью буду сторожить я, — заявил Сын Мамонта. Он не мог простить прожорливой росомахе ночного грабежа и хотел сам рассчитаться с хищницей. — Кто со мной? — обратился он к сидящим у костра охотникам.

Старый Космач встал и присоединился к Сыну Мамонта.

Из хижины коварного Задиры донеслось, как всегда, ехидное:

— Космач будет сторожить? Считайте, что у росомахи сегодня праздник!

Все промолчали. С Задирой никто не хотел связываться.

Копчем с Бельчонком подтащили шкуры и устроили себе постель перед хижинкой Ньяна, положив рядом новые копыя. Вместо кремневых на них были острые костяные наконечники. Ребята надеялись ночью подкараулить росомаху.

Становище погрузилось в сон.

МАМОНТЫ

Ночь прошла спокойно. Никто не появился вблизи стоянки. Но Задира все-таки что-то заметил. Прошелся несколько раз по становищу, словно отыскивая какую-то вещь, а потом подошел к костру и громко заявил:

— Росомаха унесла Ньяна! Росомаха украла Ньяна!...

И действительно, Ньян исчез. Росомаха, конечно, тут была ни при чем. Ньян не вернулся ни к вечеру, ни на следующий день, ни на третий.

Дни проходили за днями, а в племени по-прежнему царил беспорядок, и пожилые охотники напрасно старались объединить перессорившихся мужчин.

Недалеко от становища появился табун диких лошадей, но охотники не спешили на охоту и вернулись ни с чем. Потом они пожалели, что не выставили на холмах дозоры, которые вовремя могли бы предупредить их о приближении табуна.

Однажды Дыю перешел лохматый носорог, но, обнаружив становище, скрылся раньше, чем охотники успели к нему добежать.

Мужчины переругивались, сваливая вину один на другого. Волчьему Когтю надоело слушать их пререкания, и он вместе с Зайцем отправился в дозор на холмы. Космач с Укмасом решили пойти к реке. Остальные мужчины продолжали спорить о том, куда следует идти на охоту, кто с кем пойдет и кто будет во главе. Как обычно, Задира и Куница над всеми насмехались, но никто не стал их останавливать. Все были недовольны друг другом, и никто в племени не пользовался таким уважением, чтобы к его голосу прислушались.

Всем хотелось, чтобы в племени наконец воцарился порядок, но никто не хотел никому подчиняться, никто никого не хотел слушать.

Ясно было, что это до добра не доведет. И результаты не заставили себя ждать.

Наступили голодные дни.

Благо, что еще люди отъелись после удачной охоты на зубров, не то совсем бы плохо пришлось.

Ньян отсутствовал уже целую неделю, и никто не знал, что случилось со смелым охотником. Может быть, волки давно уже обглодали его кости?

И вдруг совсем неожиданно Ньян появился в становище.

Уставший, окровавленный, едва державшийся на ногах, он шел, ведя за собой молодую женщину со связанными руками.

Сбежалось все племя.

— Ньян привел жену! Ньян привел жену! — раздавались возбужденные голоса.

Такого интереса и удивления уже давно не вызывало ни одно событие.

Ньян наклонился к роднику и долго пил. Потом встал, и не отирая воды, стекающей с усов и бороды, развязал женщине руки, сказав при этом только одно труднопроизносимое слово:

— Щекта!

Это было имя новой жены Ньяна.

Охотники ждали от Ньяна рассказа о том, где он был и как ему удалось заполучить жену, но Ньян, ни слова не говоря, тяжело опустился на камень. То, что ему много пришлось пережить, было видно и так, об этом нечего было рассказывать, но о чужой женщине, о ее племени Ньян мог бы что-нибудь сообщить. Ведь могло случиться и так, что Ньян украл эту женщину у какого-то сильного племени и чужаки теперь могут явиться вслед за Ньяном, чтоб потребовать выкуп.

Охотники расположились на траве, с нетерпением ожидая объяснений. Щекта, присев около камня, спокойно переводила взгляд с одного охотника на другого, очевидно смирившись со своей участью. Вокруг бедер у нее был повязан широкий кожаный пояс, похожий на короткую юбку, а на шее висели шнурки с несколькими костяными колечками. Однако это было не все: подбо-



родок женщины украшали черточки — шрамы. Все тут же обратили на них внимание и поняли, что это знак племени, к которому принадлежит Шчекта. А какого — этого никто не знал, так как ни разу вестоницкие охотники не встречали людей с таким знаком.

Женщины с любопытством разглядывали прическу Шчекты. Это было нечто удивительное! В вестоницком племени волосы у женщин были свободно распущены по плечам и спине; самое большее, что они себе позволяли, — это перевязать их ремешком. У чужой волосы были так замысловато убраны, что их необходимо было рассмотреть поближе, и женщины не удержались от искушения. Они подходили к пришельце, прикасались к ее голове, поворачивая ее из стороны в сторону, громкими криками выражая свое удивление. Они выяснили, что волосы у Шчекты заплетены во множество маленьких косичек, а те, в свою очередь, связаны между собой поперечными ремешками.

— Еей-сей!.. — пришелкивали женщины от удивления языком.

— Эта прическа неудобна! — заявила лентяйка Шишма. — Как можно ловить вшей в такой голове!

— Правда, правда! — присоединились к ней и остальные после некоторого размышления.

С этого момента прическа молодой женщины перестала им нравиться.

Ньян наконец отдышался, встал и произнес четко:

— Мамонты, мамонты, мамонты.

Эта весть вызвала оживление среди охотников. Ньян говорит — «мамонты»? И не один, а много мамонтов! Вот удача! Все давно уже ждут такого случая!

— Ньян, где ты их видел?

— Они идут сюда?

Вопросы сыпались со всех сторон, но как только Ньян начал рассказывать, тотчас наступила тишина.

— Мамонты идут сюда, много мамонтов идет сюда!

Шумным ликованием встретили охотники эту весть.

Они повскакали со своих мест, кувыркались, хлопали в ладоши и весело смеялись. Снова наступит благополучие, снова в племени будут большие запасы мяса!

Опытные охотники Космач, Укмас, Волчий Коготь и Сын Мамонта не разделяли общего веселья. Одно сообщение о приближающихся мамонтах еще не означает верную добычу. Мамонты могут перейти Дыю где-нибудь в другом месте... И наконец, мамонты — это не зайцы и даже не олени. Охота на мамонта — дело трудное, к ней нужно хорошо подготовиться.

Однако большая часть племени веселилась и вела себя так, словно мамонты уже были пойманы. После долгого и шумного спора было наконец решено, что несколько охотников тотчас отправятся на разведку: одни пойдут на холм обозреть равнину, а другие останутся в становище и будут готовиться к большой охоте.

Во главе охотников, посланных на разведку, пошел следопыт Космач. Ньян указал ему, в каком направлении идут мамонты; если их ничто не задержит по дороге, то они будут здесь уже сегодня.

Волчий Коготь с несколькими охотниками отправился на холм.

Оставшиеся в становище мужчины принялись совещаться, как лучше организовать работу. На подготовку ям-ловушек времени не было. Оставалось одно — напасть на какого-нибудь отбившегося от стада одиночку и копьями нанести ему как можно больше ран, чтобы мамонт ослаб от потери крови. Если это удастся, охотники оставят добычу на поечение женщин и будут дальше преследовать стадо; возможно, они сумеют убить еще одного или двух мамонтов. Надо лишь нападать всем вместе, с разных сторон. Как только мамонт ринется на кого-нибудь из охотников, остальные тотчас должны напасть на него, стараясь отвлечь животное и спасти товарищей от верной гибели.

Таков закон охоты.

Эта охота будет опасной — ведь разъяренный мамонт может схватить человека своим длинным гибким хоботом и ударить о землю или растоптать огромными, похожими на стволы вековых деревьев ногами. Такие истории часто вспоминают бывалые охотники у вечернего костра.

Однако предчувствие опасности только подзадоривало мужчин: чем больше опасность, тем больше славы выпадает на долю охотников в случае удачи.

Совет уже подходил к концу, когда Сыну Мамонта пришла в голову великолепная мысль:

— Зубры в болоте — мамонты в болоте!

Охотникам понравился план Сына Мамонта: они загонят стадо мамонтов в болото, как сделали это с зубрами.

— Гой, гой, гой! Мамонтов в болото! — весело кричали мужчины.

Теперь все принялись готовить к охоте особо прочные острые копья — основное оружие первобытного охотника. Сегодня их понадобится очень много. Мужчины выбирали подходящие прямые ветки дуба, ясеня или граба, заостряли их концы, затем обжигали на огне, а после всего отбивали камнями.

Задира, переходя от одной хижинки к другой, всех поучал, заводил разговоры о выборе вождя и о том, что в племени надо навести порядок. В одной руке у него было сразу три копья, а в другой — тяжелый топор из грубо обтесанного камня. Он размахивал им над головой, желая обратить на себя внимание — посмотрите, мол, какой я сильный.

Болтливая Скршегула льстиво заметила, что только такой силач, как Задира, может быть достойным вождем племени. Задира самодовольно ухмыльнулся, но не поддержал болтуню. Еще не пришло его время.



Вдруг послышался трижды повторенный свист. Это Волчий Коготь с холма подавал сигнал:

— «Мамонты идут! Будьте готовы. Большая охота начинается!»

Теперь уже не до споров. В такой охоте одиночкам не место! Действовать сообща — только тогда их ждет удача. Женщины в этой охоте тоже помощники — они понесут запасное оружие, будут во время охоты помогать окружать мамонта, оглушать его криками. Нескольким старшим мальчикам поручено быть связными между отдельными группами, да и дозорные из них отличные; мальчишке, если понадобится, ничего не стоит взобраться на самое высокое дерево.

Уставший Ньян спит крепким сном в своей хижине. Его Щекта тихо сидит перед хужиной, ей чуждо волнение, охватившее все становище.

Поселок опустел. Только две старые женщины остались у костра да совсем маленькие дети.

Вернувшийся из дозора Волчий Коготь рассказал охотникам, собравшимся на краю поселка, что стадо мамонтов действительно появилось невдалеке между пологими отрогами гор и Дыей. Они двинутся вдоль реки. Их много, и идут они несколькими группами.

От Космача прибежал мальчишка. Они тоже заметили мамонтов. Теперь надо получше укрыться. Мамонты не должны обнаружить охотников раньше времени. «Они могут свернуть в другую сторону, и тогда прощай добыча!» — велел напомнить старый охотник.

— Будто мы сами не знаем, что надо делать! — пробурчал Задира. — Пусть Космач дает советы детям, а не нам.

Однако Сын Мамонта решил не пренебрегать советом и разбил охотников на несколько групп. Волчий Коготь будет охранять возвышенность, Космач расположится на берегу Дыи и преградит мамонтам путь к воде, а Сын Мамонта с несколькими охотниками, спрятавшись в зарослях, пропустит стадо вперед, а потом погонит его перед собой прямо в болото. Женщины останутся в долине и криком будут пугать животных, если они повернут в сторону становища.

— Так волки охотятся зимой, — одобрили охотники действия Сына Мамонта и поспешили разделиться на группы.

Только Задира продолжал ворчать:

— Незачем дробить племя! Все вместе должны идти на одного мамонта!

Ему никто не ответил.

Стадо мамонтов приближалось. Уже можно было различить отдельных животных. А за березовой порослью колыхались волосатые спины второго стада гигантов. Иногда над деревьями возникал длинный хобот, размахивающий обломанной веткой, светились белые дуги огромных бивней.

Охотники заметно волновались. Глаза их блестели, руки судо-

рожно сжимали копыя. От напряжения у многих на лбу выступили капельки пота.

Наконец Волчий Коготь закаркал вороном. Это означало, что все идет как задумано.

От реки тоже несется карканье — это уже Космач. Остальные, спрятавшись в укрытие, ждут. Сын Мамонта из укрытия внимательно наблюдает за каждым шагом животных.

Они приближаются.

Огромный мамонт ведет стадо, размахивая хоботом из стороны в сторону, обламывает на ходу ветки и побеги и сует их в рот. Уши его похожи на листья огромных лопухов, он хлопает ими, отгоняя назойливых насекомых. За ним шествуют остальные, и скоро узкая тропинка под ногами мохнатых гигантов превращается в широкую дорогу. Один из мамонтов потерся о ствол дерева, и оно переломилось, словно тростинка. Маленький детеныш сорвал с поваленного дерева верхушку и волочит по земле.

Спокойно шествует стадо мамонтов, не подозревая об опасности.

ПОТЕРЯННАЯ ДОБЫЧА

Еще минута — и произойдет схватка.

Но тут Сын Мамонта замечает в задних рядах стада странное движение. Чем-то напуганные мамонты сходят с тропы и призывно трубят.

Что могло испугать могучих великанов? Волки напасть на мамонтов не отважатся, да и медведь вряд ли рискнет связаться с целым стадом. Может быть, лев или тигр выбрались из своего логова, привлеченные заманчивым запахом?

Среди мамонтов поднялось смятение. Несколько испуганных животных мчатся вперед с поднятыми вверх хоботами.

Обе боковые группы охотников под предводительством Волчьего Когтя и Космача, решив, что охота началась, вышли из укрытия и бросились на стадо, еще больше усилив смятение.

Сын Мамонта попытался было направить стадо к болоту, но ему это не удалось. Один мамонт, пробившись сквозь заросли, оказался прямо перед охотником. Сыну Мамонта удалось уклониться от гибкого хобота, и он изо всех сил вонзил острое копые в пах животного. Он не успел даже вытащить копые, а мамонт уже помчался дальше.

Сын Мамонта ожидал схватки с разъяренным животным, а раненый мамонт бежит, словно не замечая тяжелой раны. Почему? Чем же так напугано животное?

Охотники ждали мамонтов, чтобы сразиться с ними не на жизнь, а на смерть, а те бегут! Они увидели только, как, протискиваясь между двумя деревьями, раненый мамонт обломил копые,

упал на колени, но тотчас поднялся и помчался дальше, догоняя стадо.

А следом бегут еще несколько мамонтов. Топот сотрясает воздух. С вывороченными корнями валятся огромные деревья.

К Сыну Мамонта подбежал Копчем. В глазах страх, удивление, отчаяние.

— Чужие охотники! — выкрикнул он и в изнеможении рухнул на траву.

Это сообщение подействовало на охотников, как удар грома. Как?! Столько усилий, столько надежд — и все напрасно?!

Рассерженный Сын Мамонта грубо схватил мальчика и поставил его на ноги.

— Что ты говоришь? Ты сам видел? Где они?

Копчем с трудом пришел в себя.

— Какие-то охотники, их очень много, идут следом за мамонтами!

Да, нерадостное известие для вестоницкого племени! Если мамонтов гонят какие-то чужие охотники, то столкновение неизбежно. Племени предстоит сражение с незваными гостями. Об этом должны знать все, сейчас это самое главное.

Джган и Клух побежали сообщить остальным об опасности. Сын Мамонта и еще несколько охотников отправились на разведку. Про мамонтов они уже забыли. Их интересовало только одно: что это за племя объявилось вдруг на их земле и какова его сила.

Внезапно раздался пронзительный крик. Что это? Охотники поспешили на крик и наткнулись на группу Волчьего Когтя, которая упорно сражалась с раненым мамонтом. Уже несколько копий торчало в теле огромного животного. Взбешенный мамонт топтался на месте, обливаясь кровью.

Огромным своим бивнем мамонт ранил уже одного охотника и раздавил бы его ногами-колоннами, если бы другой охотник не подбежал сзади и двумя сильными ударами топора не подрезал жилы на задних ногах гиганта. Мамонт грузно осел, поднял хобот и открыл рот, похожий на жерло вулкана. Метко брошенное копьё погрузилось в открытый рот. Мамонт хоботом тотчас вырвал его и резко вскочил.

Охотники бросились врассыпную. Слепленный яростью мамонт преследовал обидчиков, сметая все на своем пути. Вон он взбежал на маленький пригорок и остановился на мгновение — путь ему преградила группа чужих охотников.

Прежде, чем те приготовились к схватке, разъяренный мамонт двинулся на них и раздавил одного. Он растоптал бы и всех остальных, если бы они в последний момент не разбежались.

Мамонт остановился. Он раскачивал головой из стороны в сторону, при этом его могучее тело содрогалось. На равнине показались еще два мамонта: самка с детенышем. Раненый мамонт растоптал несколько низких березок и бросился через луг к призывно трубящему стаду.

Сын Мамонта и Волчий Коготь вышли из укрытий и набросились на пришельцев, спрятавшихся в кустах. В таких случаях внезапность решает все. Незнакомцы, с одинаковыми шрамами на подбородках, совсем не ожидали такой встречи. Видимо, они даже не подозревали о существовании вестоницкого племени, и им ничего не оставалось, как обратиться в бегство, а вестоницким охотникам — радоваться легкой победе. Прогнав чужих охотников, они решили вернуться к стаду мамонтов и благополучно закончить начатую охоту.

— За нами! — кричали Сын Мамонта, Волчий Коготь и Клух, ободренные успехом.

Теперь стало ясно, почему мамонты так поспешно бежали: их преследовали эти пришельцы.

Вестоницкие охотники не любили, когда на их территории охотилось чужое племя. Никто не может безнаказанно нарушать границы их охотничьей округи. Здесь действует закон, всеми признанный:

«Все звери могут быть добычей только живущего в этих краях племени; земля, в границах которой виден дым племенного костра, для каждого чужого охотника — табу, запрещенная территория».

Чужое племя нарушило этот закон и должно понести наказание. Незнакомцы со шрамами на подбородках расплатятся за свою дерзость.

Громкие крики сопровождали отступление незваных гостей. И неповоротливый Толстяк, и ленивый Окунь, и всегда плетущийся в хвосте Неура на этот раз были рядом с Сыном Мамонта, Волчьим Когтем и силачом Пайдой. Сегодня день великой победы и удачной охоты!

Гойя! Гойя!

Но случилось то, чего меньше всего ожидали вестоницкие охотники: спасавшиеся бегством враги, выбежав из редкого лесочка на открытое место, где победители надеялись с ними расправиться, внезапно остановились. Они уже не искали спасения, не спешили укрыться — они ликовали, сопровождая крики радости выразительными жестами.

А вестоницкие охотники, недавние победители, пришли в смятение! По степи навстречу им двигалась огромная толпа пришельцев.

Незнакомцы издали воинственный клич и ринулись на противника. Закон табу перестал действовать! Сейчас все решала сила.

Несколько легких копий упало к ногам еще не пришедших в себя от удивления вестоницких охотников. Крики чужеземцев сменились ревом, и, поняв, что вступать в схватку с таким многочисленным противником было безумием, люди начали беспорядочно отступать.

Вестоницкие охотники спешили укрыться в лесу — единственном надежном убежище. Здесь можно было сбить врага со следа и выиграть время. Сейчас каждая минута промедления означала

смерть. Охваченные отчаянием, охотники старались держаться вместе, слабые — поближе к опытным и сильным. Кто заблудится в лесу, уже никогда не догонит своих соплеменников.

Где найти спасение от неприятеля? Неужели этот ужасный день станет днем гибели всего вестоницкого племени! Как предупредить о беде оставшихся в становище?

Ведь пришельцы всех перебьют и новые хозяева разожгут победный огонь на месте Вестоницкого становища, станут охотиться в здешних краях, богатых птицей и зверьем.

Группа охотников во главе с Сыном Мамонта и Укмасом все же пытается сдержать натиск незваных гостей, отдалить страшную минуту гибели, но их порыв уже не может остановить лавину. Вскоре и им приходится отступить.

Внезапно из зарослей выбежал раненый мамонт. В его косматом, поросшем длинной шерстью теле торчало несколько сломанных копий. Вестоницкие охотники теперь уже бежали от косматого чудища. Пришельцы же, разгоряченные боем, недолго думая бросились на мамонта, вонзая копыя в его огромное тело. Мамонт, потерявший много крови, оборонялся слабо и сам не нападал. Занявшись мамонтом, пришельцы забыли о вестоницких охотниках. И этого было достаточно для спасения.

У Дьи ждали Космач и еще несколько человек. Они видели беспорядочное бегство племени, но сначала ничего не могли понять. Потом, увидев, как велика опасность, они собрали женщин и детей на берегу Дьи и стали ждать. Единственным спасением было переправиться через реку.

Наконец племя объединилось. Страх обуял людей. Они видели гибель близких, видели, как чужие насильники похищали женщин. Что ждет их?

Передышка окончилась. Ветер доносил воинственные крики неприятеля. Бежать, бежать как можно дальше! Вот когда нужен был вождь, смелый и решительный. Никто не может подсказать людям, что следует делать в эти трудные минуты! Нет единства, нет послушания, смятение царит в племени!

Космач, Сын Мамонта, Волчий Коготь наскоро совещались. Крепыш предлагал вернуться в становище и захватить хоть что-нибудь из запасов.

— Замолчи ты, скряга! — отмахивался Космач от скупого охотника. — До шкур ли нам сейчас!

— Все в воду! — раздался приказ.

И люди послушно начали входить в реку. Место это знакомое. Дья здесь неглубокая, можно перейти вброд. Однако сегодня, как нарочно, очень бурное течение, оно сбивает с ног даже сильных, а медлить нельзя. Кто перейдет реку, останется жить.

— В воду! — снова призывает Сын Мамонта замешкавшихся на берегу мужчин.

— У меня в хижине рысья шкура, — не унимался Крепыш, — и волчья — на зиму...

Космач подтолкнул Крепыша, и тот плюхнулся в воду.

Сова и Заяц идут впереди, они показывают дорогу и уже почти добрались до противоположного берега. Женщины с маленькими детьми на спинах борются с потоком, ища поддержки у мужчин. Подростки отважно пробираются сами, а если кого-нибудь поток и сбивает с ног, ближайший охотник спешит на помощь.

Первыми на берегу оказались Бельчонок и Копчем. Мальчики, всегда веселые и шумные, сегодня притихли, они напуганы. Они слышали, как охотники говорили, что из становища ничего уже нельзя спасти. Кто остался там, будет убит, пришельцы захватят их хижины, все запасы шкур, оружие. Они потеряли все! Спящему Няню, который остался в становище, не уйти живым. Не пощадят они ни женщин, ни детей...

Но Сын Мамонта и Космач торопят. Тем, кто замешкался, протягивают копыя. Каждый одной свободной рукой сжимает амулет, висящий на шее. Волшебная сила, скрытая в нем, поможет одолеть стремительный поток, придаст бодрости, спасет от опасности!

Переправа через реку прошла благополучно — всем удалось выбраться на берег.

На берегу все поспешили укрыться в зарослях. Передохнули немного и двинулись за Космачом, указывавшим дорогу; нужно было действовать бесшумно: только осторожность могла сейчас спасти беглецов.

Преследователи еще не показались; они, вероятно, были заняты мамонтом.

Люди шли вдоль берега Дни. Чтобы обмануть врага, если тот все-таки отправится по их следу, часть пути беглецы прошли по воде. Но, добравшись до большого болота, которое протянулось вдоль рукава спокойной Свратки, вышли из воды и повернули на север.

Шли мрачные, все молчали. Сегодня они потеряли все. У них нет теперь ни шкур, ни оружия, ни кремней — все осталось в становище. Трудности и невзгоды ожидают их.

Выбившиеся из сил женщины умоляли устроить привал и, опустив детей на землю, присели отдохнуть. Заяц и Сокол, взбравшись на высокий пригорок, смотрели в сторону Дни; багровое солнце опускалось в воды могучей реки.

Кругом расстилалась равнина. Только на юге вздымались в небо гребни гор. Где-то там лежит оставленное Вестоницкое становище... Так и есть, вот белый столб дыма — он явно поднимался над костром их становища. Чужие охотники нашли убежище в их жилищах, разожгли их костер, который не угасал долгие три зимы! Они убили мамонта и теперь весело пируют... Заяц и Сокол посмотрели друг на друга и горько улыбнулись. Они вспомнили о недавнем пиршестве. С каким удовольствием они съели бы сейчас по куску жареного мяса!

— Посмотри туда! — вдруг испуганно прошептал Сокол.

Юноша увидел группу охотников. Они изучали их следы и шли по ним.

— Это они! Они нас преследуют! — закричал Заяц и со всех ног бросился сообщить эту страшную весть племени.

Снова измученные люди должны были продолжать путь.

Нет сомнения, чужое племя очень многочисленно, если они могут послать в погоню такой большой отряд! Вестоницкое племя не может вступить в сражение даже с этим отрядом; люди слишком устали. Теперь их спасение только в бегстве. Ни слабые, ни раненые не должны задерживать. Кто отстанет — погибнет. Врбаш и Кршивик ранены в голову, Узг и Квач — в ноги; обессиленные, они упали по дороге, а люди даже не остановились. Крепыш, Толстяк и Укмас тоже ранены, но они еще держатся на ногах. Идут вместе со всеми, стиснув зубы и склонив голову. Главное — не отстать.

Голодные дети все время оглядываются назад. Они еще не пришли в себя от ужаса. Молча бегут за взрослыми, тихонько всхлипывая и спотыкаясь о кочки и кусты.

Расстроенная Шкута сняла плачущего ребенка со спины и отшлепала его. Ребенок раскричался еще громче, и охотники зашикали на него — ведь преследователи могут услышать плач. Но голодный ребенок не унимался.

И тогда выведенная из себя мать схватила девочку за ногу и швырнула через кусты в болото. Крик прекратился. А племя продолжило путь, словно ничего не произошло. Мать может делать со своим ребенком все, что хочет. Никто не смеет ее упрекнуть. Шкута избавилась от мешавшего ей ребенка — он принадлежал только ей. Нельзя задерживаться, надо идти вперед!

Сумерки, спустившиеся на землю, спасли беглецов от преследования. Темнота скрыла их следы.

Отряд преследователей остановился, охотники устроились на ночлег, чтобы передохнуть и утром вновь продолжить погоню. Днем следы видны лучше, по ним они наверняка настигнут беглецов.

Изнемогавшие от усталости вестоницкие охотники бежали еще часть пути. Потом вдруг один за другим рухнули на землю.

Люди настолько устали, что им уже было все равно, догонит их неприятель или нет. Обессиленные, они тут же погрузились в тяжелый сон.

Лисица подбежала и обнюхала спящего Бельчонка. Когда она ткнулась мордой в его лицо, мальчик только отмахнулся, и коварная хищница, испугавшись, убежала.

Ветер шумел в молодняке, перебирая тонкие ветви.

Луна, наполовину скрытая тучами, слабо освещала спящих.

Уже никогда больше племя не вернется к Дые.

Сильные побеждают, слабые уступают им или гибнут.

Часть 2

В ПЕЩЕРЕ

В ПОИСКАХ НОВОГО ПРИСТАНИЩА

На следующий день отряд преследователей добрался до устья Чесава, до того места, где она впадает в Свратку. Охотники поднялись на холм, который возвышался на левом берегу реки, и перед ними открылась равнина, разделенная холмом на две части.

С севера из неоглядной дали течет сюда спокойная Свратка. Прямо под холмом, в самом узком месте низины, с востока заворачивает сюда Чесава и вливается в Свратку. Низина между обеими реками вся в болотцах и озерах. Конечно, вестоницкое племя, решили преследователи, выберет для отступления более удобный путь — через холмы. Однако они увидели, что беглецы уже переправились через Чесаву и скрываются в зарослях за рекой.

Это привело пришельцев в ярость. Им не удалось настичь вестоницкое племя, они не перебили этих трусов, как приказал им вождь, а теперь те бегут, и у охотников совсем нет желания их преследовать. Они и так слишком далеко ушли от своего племени, от великой охоты на мамонтов, ушли от огромного костра, на котором теперь жарилось вкусное, пахучее мясо. Собственно, почему они должны преследовать этих несчастных, которые уже не могут помешать им быть хозяевами всего края? Вполне достаточно и того, что они отогнали их за реку.

Сперва они посмотрели на север, вслед беглецам, потом на юг, туда, где высятся горы, а потом друг на друга. Пора возвращаться. Уговаривать никого не пришлось. Все хотят одного: спуститься с холма и отправиться в обратный путь. Пусть вождь останется недоволен. Им здесь тоже делать нечего, тем более что остальные пируют в становище.

К тому же их поход не так уж и безуспешен. Одно раненого охотника из вестоницкого племени они добились, а из болота вытащили плачущего ребенка и прихватили с собой. Их племя вырастит его — оно в состоянии прокормить много таких сверчков. Глядишь, из этой грязной девчонки вырастет трудолюбивая женщина...

Только холмы приостановили паническое бегство вестоницкого племени. Осмотрев с самой высокой горы окрестные холмы и равнину, растилающуюся перед ними, охотники вздохнули с облегчением. Даже самые зоркие из них не смогли обнаружить никаких следов преследователей.

Племя устроило привал. Решено было задержаться здесь на несколько дней, чтобы отдохнуть и поохотиться.

Мальчишки не дожидаясь взрослых, отправились искать какую-нибудь пищу. Они были так голодны, что не могли ждать до вечера.

Внизу три реки сливались в одну. Место вполне подходящее для охоты!

— Посмотри, какие здесь рыбы! — радостно закричал Бельчонок, для убедительности показывая руками, какой они величины.

Мальчишки влезли в неглубокую реку и погнали рыбу на отмель. Вспугнутая рыба бросалась врассыпную, и две-три из них выскочили прямо на прибрежный песок. Бельчонок выбежал из воды и схватил довольно крупную рыбину раньше, чем та успела соскользнуть обратно в воду. С жадностью вонзил он зубы в трепещущую рыбу.

Успех Бельчонка вдохновил и остальных ребят. Они кинулись в реку и окружили стайку рыб, но поймать им удалось только трех малюсеньких рыбешек. Копчем не принимал участие в общей охоте. Он перебрался на другой берег и отыскал там среди коряг двух спрятавшихся налимов, потом вытащил из норы рака, крепко зажав его в руке, прежде чем тот успел его ущипнуть. Свою добычу он выбросил на берег малышам, а сам съел несколько улиток, которых нашел у воды.

Бельчонок досел рыбу и, довольный, произнес:

— Рыбы здесь много, а комаров мало!

Копчем указал ему рукой на стрекоз, кружащихся над прибрежным тростником:

— Стрекозы — это хорошо, они отгоняют комаров!

Но удача оставила ребят. Рыбу спугнули, и она ушла. Мальчишки напрасно ждали, что она вернется.

Тогда Копчем предложил перебраться в другое место. Они обошли заводь извилистой реки, и на солнечном лугу между кустами Копчем внезапно остановился. Все поняли, что он что-то заметил, и тоже остановились. Было тихо. Глаза ребят следили за каждым движением вожака.

Копчем стоял словно окаменевший, переводя взгляд с одного цветка на другой. И вдруг сделал прыжок — один, потом еще один. Под его босой ногой что-то пискнуло. Мальчик наклонился и поднял за хвост раздавленную полевую мышь.

Теперь рванулся вперед Кривляка; ему тоже удалось схватить полевую мышь, убегающую по узкой тропинке. Вскоре уже все были заняты охотой на мышей. Мыши были такие жирные и вкусные, а в брюшках так много пахучих корешков! Такая мышка — настоящее лакомство.

Следом за мальчишками пришли девочки. Еще издали они увидели, что те что-то жуют. Бедные, они были так голодны, что отважились даже пойти вслед за мальчишками!

На этот раз мальчишки их не прогнали. Пусть посмотрят эти плаксы, на что способны их братья! Но похвастаться все-таки не



удалось. Спугнутые полевые мыши попрятались в норки, и ребята ждали, когда они снова появятся.

Обманутым в своих ожиданиях девочкам быстро наскучило это занятие, и они ушли, громким пофыркиванием выражая свое презрение. Оскорбленный этим, Бельчонок отодрал одну из насмешниц за волосы. Несколько длинных волосинок осталось у него в пальцах.

Внезапно Копчем, что-то сообразив, подскочил к Жабке и, держа ее одной рукой за плечо, другой вырвал из головы прядь волос.

Жабка завопила во все горло.

Копчем ударил девочку по спине:

— Тише ты, Жабка! Получишь мышь!

Он взял из рук Бельчонка волосы, которые тот еще не успел стряхнуть, и, добавив к ним вырванные у Жабки, скрутил из них тонкий шнурок, а на конце сделал большую петлю.

— Дай-ка кусочек! — обратился он к Жучку, который в это время сдирал с пойманной мыши тонкую шкурку.

Не дожидаясь, пока Жучок сообразит, что надо Копчему, тот выхватил у него из рук добычу и оторвал лапку. Осмотрелся вокруг и залег около норки полевой мыши.

Все, затаив дыхание, наблюдали за ним. Ведь Копчем парень умный, и, кажется, он придумал новый способ охоты!

Копчем положил лапку мыши возле самой норки, а вход обвил петлей. Зажав конец шнура в руке, он замер.

Не прошло и нескольких минут, как из норки высунулась мышка.

Копчем рванул шнурок и вскочил — на конце шнура вертелся пойманный за голову зверек.

Дети вытаращили глаза от удивления.

Скоро со всех сторон неслись истошные вопли девчонок. Это мальчишки выдирали у них пряди волос.

Теперь охотились уже все мальчишки. Они распластались на земле возле мышиных нор.

Девочки издали понаблюдали за ними, а потом сами принялись плести шнурки из надерганных волос. Делать они это умели гораздо лучше мальчишек. Ведь почти все взрослые девчонки щеголихи и носят на бедрах сплетенные из тонких полос кожи шнурки, украшенные красивыми птичьими перьями, собранными в лесу. У некоторых такое украшение висит и вокруг шеи, и они им особенно гордятся.

Вскоре девочки охотились, ничуть не уступая в ловкости мальчишкам. А мышей все не убывало.

...Вестоницкое племя задержалось в этом благодатном краю на несколько дней. Люди устроились в уютной долине* и понемногу оправлялись от пережитого: набирались сил, отдыхали, отъедались.

Им очень не хватало хижин, шкур и оружия, особенно же они горевали о потере огня, без которого обходиться было очень трудно. Хорошо хоть, ночи были теплые, но ведь зима не за горами.

В период невзгод распри в племени на время прекратились. Все, не сговариваясь, признали опыт и осмотрительность Космача, мужество и жертвенность Сына Мамонта, преданность и силу Волчьего Когтя, и только зависть некоторых членов племени помешала выбрать кого-нибудь из них вождем племени. А вождь им был действительно нужен; это стало особенно ясно в эти тяжелые дни.

Криворог, Задира и Длинная нога уже не делали попыток захватить власть. Они поняли, что им это не удастся. Но все большое влияние приобретал в племени жадный Крепыш. Он постоянно ныл, переживая потерю богатств, оставленных в становище, и твердил, что племя должно добиться прежнего богатства. Крепыш был неплохим охотником, что правда, то правда, а когда он повел отряд и им удалось заманить в ловушку стадо кабанов, Крепыш был молча признан вождем.

Любому, кто пытался сказать или сделать что-либо против него, тотчас затыкали рот все те, кому надоели бесконечные распри и кто радовался, что в племени хоть на время установился порядок.

* В настоящее время в этой долине расположен город Брно.

Единое мнение мужчин — это закон, обязательный для всех. Тот, кто не признает его, должен покинуть племя. А это все равно что осуждение на смерть, ибо один человек слишком слаб, он неизбежно погибнет.

Крепыш управлял племенем рассудительно и хорошо: в общем, был вполне подходящим вождем. Он следил, чтобы охотники не забывали охотиться, чтобы не ссорились по пустякам и добычу делили справедливо. Правда, при этом самые лучшие куски он всегда забирал себе.

Каждый день охотники уходили в лес и почти никогда не возвращались с пустыми руками. Несколько волчьих и лисьих шкур уже было приготовлено для детей. И хотя это были летние шкуры, в дождливые дни и они могли пригодиться.

Однажды охотники заметили табун лошадей и быстро настигли его.

Это была желанная добыча!

Но и такая, казалось бы, простая охота не обошлась без потерь. И долго еще этот день с горечью вспоминали в племени.

Едва охотники разбились на группы и приготовились к нападению, как из тростника выбежал вспугнутый ими носорог. Огромное мохнатое чудовище с двумя острыми рогами на носу подняло голову и, увидев людей, вылетело из болота, далеко разбрызгивая грязь.

Предупреждая друг друга криками об опасности, охотники собрались все вместе, чтобы отразить нападение.

Однако носорог тоже не терял времени. Наклонив голову к земле и угрожающе неся впереди себя огромный острый рог, он промчался со скоростью, неожиданной для такого громоздкого животного, и вспорол живот одному из охотников. Несчастный закричал и рухнул на землю, обливаясь кровью. А носорог уже выбрал себе другую жертву. Охотник увернулся от страшного рога, но разъяренное животное сбilo его с ног и растоптало бы, если бы не Волчий Коготь, который в этот момент всадил копые в спину носорога.

Рана еще больше разъярила зверя. Он метался из стороны в сторону, гнался за каждым оказавшимся рядом человеком. Охотники сломя голову спасались от свирепого чудовища. Их оружие не могло одолеть толстокожего великана. Сын Мамонта, Волчий Коготь, Сова и Заяц ловко уклонялись от взбешенного животного, но даже эти смельчаки дальше не могли подвергать свою жизнь опасности и вынуждены были бежать.

Наконец носорог замер перед кустарником, в котором скрывалось двое мужчин. Он моргал маленькими глазками и злобно фыркал. Незаметно подкравшиеся сзади охотники по сигналу разом всадили свои копыя в тело животного. Одно копые его только оцарапало, второе вошло в бок, а третье — в брюхо.

Однако носорог с удивительным проворством повернулся и бросился на смельчаков. Хромой Пайда не успел отскочить, и в



следующее мгновение носорог подмял его под себя. Сын Мамонта, лишившись копыя — оно застряло в теле носорога, — бросился наутек, но, увидев несчастного Пайду, обливавшегося кровью, остановился. Схватив большой камень, Сын Мамонта бросил его в животное и угодил ему в голову. Еще двое охотников, пришедшие на помощь, попытались отвлечь носорога от лежащего на земле Пайды. Подбежал и старый Космач с остальными охотниками. Они кольцом окружили носорога, но одолеть его своим слабым оружием были не в состоянии. Раны только сильнее разъярили животное. Еще несколько охотников получили серьезные увечья. Крепыша он загнал в колючий кустарник, а отважный Сын Мамонта разбил себе голову, налетев на дерево.

Схватка была явно не в пользу людей. И Крепыш, придя в себя, подал сигнал к отступлению. Двое охотников подняли потерявшего сознание Пайду. С ними двинулись в путь и другие раненые. К счастью, они могли передвигаться сами. Оставшиеся еще некоторое время отвлекали раненого носорога, уводя его в сторону. Они скрылись раньше, чем опомнившееся животное снова ринулось в бой.

Носорога, потерявшего из виду своих врагов, охватило бешенство. Злобно принялся он топтать кустарник, рогом взрывая землю, разбрасывая комья земли. Потом он плюхнулся в воду и долго еще чавкал, охлаждая раны.

Охотники отводили и относили обессилевших раненых в безопасное место. Возвращение их было печальным. Они столько надежд возлагали на эту охоту. Женщины встретили их криками ужаса. Увидев бедного Пайду, они жалобно запричитали. Когда же хмурые охотники сообщили, что молодой Клух уже никогда не вернется к ним, одна из женщин без чувств опустилась на землю.

Неудача за неудачей сваливались на вестоницкое племя!

На другой день отыскиали труп несчастного Клуха и похоронили его недалеко от места гибели, между горой и излучиной Свиставы. Похоронили вместе с ожерельем: несколько сотен ракушек и костяных колечек, нанизанных на тонкий ремешок.*

Прежде чем могила была засыпана, заплаканная подруга Клуха положила рядом с телом погибшего куклу, когда-то вырезанную им из кости мамонта. Женщина постоянно носила эту куклу-амулет в мешочке на поясе и никогда с ней не расставалась. Она верила, что с помощью этого амулета у нее когда-нибудь родится веселый мальчишка. Теперь, плача, опустила она в могилу амулет, навсегда прощаясь со своими надеждами.

Раненые охотники выздоровели удивительно быстро. Их раны зажили, оставив на теле смельчаков только большие шрамы.

Скоро охотники поняли, что оставаться в этих краях не имело смысла. Охота все чаще была неудачной. Коней уже больше не

* Такая могила была обнаружена в Брно в 1891 году при прокладке канализационных труб.

встречали, а оленей охотники вообще ни разу не видели. И было решено пробираться дальше, по берегу, против течения реки, в холмистые, поросшие лесом края.

Люди снялись с места и пустились в путь вдоль берега реки. Какая это была река, им было все равно. Любая должна привести к горе, это они знали, а на горе, в лесу можно укрыться от надоедливых комаров.

Путь был нелегким. Река шумным потоком бежала среди скалистых берегов, и людям не раз приходилось обходить крутые известняковые склоны.

Однажды охотники заблудились и далеко ушли от большой реки. Теперь кругом были только мелкие потоки. Они шли вдоль одного из них и вдруг заметили, что земля внезапно поглотила его. Вся вода ушла в землю! Такого они никогда не видели. Они остановились, пораженные чудом, текущий ручей пропадал на глазах, дальше были сухие гольши. Целая маленькая река исчезла! С губ их срывались слова удивления.

А в это время дети разбрелись по кустам, собирая малину. Внезапно раздался крик Копчема:

— Пещера!

И прежде чем взрослые охотники успели остановить ребят, несколько любопытных уже забрались внутрь, оглашая своды скалисто-го подземелья громкими криками.

Сын Мамонта, Волчий Коготь, Заяц и другие охотники тотчас принялись осматривать найденную пещеру. «Пещера вполне подходит для жилья!» — решили они. Дети попытались пойти дальше, но тьма и холод остановили их.

Пещера переходила в коридор, который сворачивал в сторону и терялся где-то во тьме. В передней, светлой части она была большая, просторная, а дальше, за поворотом, резко сужалась. Даже став на четвереньки, охотники ударялись головами о каменные сосульки, свисавшие с потолков или колоннами поднимавшиеся с земли. Им было неудобно ползать в темноте, и они заторопились к выходу, где можно было стоять свободно. Приятный сквознячок, обдувавший собравшихся в пещере, свидетельствовал о том, что она соединена с какими-то другими подземными пещерами.

Копчем уселся на скалистый выступ у входа, раздумывая, куда исчез его друг Бельчонок. Он не знал, что тот прячется в кустарнике совсем рядом. Но через минуту из кустов раздался свист молодой сикорки, а из листвы высунулась голова с губами, сложенными трубочкой. Копчем улыбнулся приятелю, как бы говоря: «Я ведь знал, что ты где-то недалеко!». Потом подмигнул многозначительно: «Подумай только, а ведь эту пещеру нашел я, и здесь мы, пожалуй, обоснуемся!»

По лицам охотников, выходящих из пещеры, было видно, что здесь им очень понравилось. Дети, раскрыв рты, ждали, что скажет вождь племени. Уже и женщины с детьми побывали там. В

передней части спокойно разместится племя, а если некоторые расположатся в узком коридоре, места будет с избытком.

— Пещера наша, — важно произнес Крепыш. — Здесь перезимуем!

Мальчишки радостными криками встретили это решение и тотчас принялись помогать женщинам устраиваться. Охотники встретили слова Крепыша довольным ворчанием. Пещера в известняковой скале была удобной. Здесь они найдут прибежище на время долгой зимы.

Жаль только, что у них нет огня. Тогда, устроив очаг, они осветили бы и обогрели всю пещеру. Да, собственно, и так им будет здесь неплохо, лучше, чем где-нибудь на морозе в занесенном снегом кустарнике.

Женщины сложили в пещере принесенные с собой шкуры, выбросили кости, валявшиеся по углам и говорившие о том, что здесь находили приют не только люди. Потом уселись, скрестив ноги, криками выражая свою радость по поводу вновь обретенного жилища.

Дети бегали перед пещерой — матери выгнали их: пусть падутся в лесу, собирают грибы и ягоды. Склон над пещерой порос вереском, а выше белела ромашка. То тут, то там поднимались березы, дубы, сосны и яворы. Ветер колыхал их вершины.

Вестоницкое племя обрело новое пристанище.

СУРКИ

Копчем с Бельчонок оставили маленьких детей собирать чернику и малину, а сами решили осмотреть все вокруг жилища. Напились из ручья и снова подивились, как это он исчезает в земле. Поискали отверстие, куда бы мог втекать ручей, но ничего не нашли. Видели только, что воды постепенно становится меньше — и через несколько шагов русло ручья уже совершенно сухое. Копчем даже отвалил несколько камней, но никакого отверстия под ними так и не обнаружил.

— А как же рыбы? — спросил Бельчонок.

Копчем не смог объяснить ему, куда исчезает рыба, и ребята, вернувшись к ручью, туда, где он еще был многоводным, принялись искать рыбу. Хоть бы попалась какая-нибудь мелочь!

— Ручей маленький — рыбы нет! — рассудительно заметил Копчем.

Бельчонок только вздохнул.

— Так пойдем поищем зайца! — Бельчонок больше всего на свете любил рыбу и зайчатину.

— Пойдем! — поддержал Копчем друга и указал на противоположный, освещенный солнцем склон холма.

Бельчонок вместо ответа только присвистнул, но уже все было ясно: попробуют поймать зайца.

Мальчики разговаривали мало — как все люди, жившие в те времена, — и выражали свои мысли больше интонацией или жестами, которыми они владели. О многом они вообще не могли говорить, потому что еще не нашли необходимых слов. Однако они прекрасно понимали друг друга с помощью мимики, различных звуков и жестов. Есть старое охотничье правило, гласящее, что во время охоты нужно избегать криков и многословия. Кто идет на охоту и шумит, возвращается домой с пустыми руками. Молчаливый охотник всегда приносит добычу, о которой потом много говорят.

Это правило знали и мальчики, хотя их оружием пока были только камни. Поэтому Копчему было достаточно слегка заворчать, чтобы Бельчонок понял, в чем дело. Оба взяли в руки камни, не слишком маленькие и не слишком плоские, и начали тихо взбираться по склону. Заяц долго ждет, прежде чем выскочить из укрытия, но зато потом несется как ветер. Нужно мгновенно, без колебаний бросить камень, чтобы он угодил в зайца. Чем ближе они подкрадутся, тем вероятнее камень попадет в цель.

До вершины холма всего несколько десятков шагов, и мальчишки так были поглощены охотой, что не обращали никакого внимания на окружающую их красоту. Сейчас их интересовала только добыча, то, что можно будет съесть.

С камнями, зажатыми в кулаках, легко и бесшумно ступали они, хорошо зная правила охоты.

Вдруг совсем рядом что-то пискнуло.

Мальчики остановились и напряженно прислушались. Две сойки пролетели у них над головой и скрылись в ближайшем лесу. Через минуту снова раздался писк. Что это?

Приятель осторожно взбирался на пригорок между двумя скалами. Теперь писк и нервное хрюканье слышны были совсем отчетливо.

Молодые охотники весело подмигнули друг другу:

— Это сурки!

Копчем сделал несколько прыжков. Он заметил двух или трех зверьков величиной с хомяка, толстых, совсем круглых. Спугнутые, они тут же попрятались в норки.

Бельчонок очутился рядом, держа в руке прямую ветку. Мальчики напряженно ждали, не появятся ли снова маленькие грызуны. Наверняка вылезут, чтобы погреться на солнышке.

Долго не было никакого движения, только слабое попискивание и верещание раздавалось из нор.

Копчем отступил на несколько шагов, и тут прямо у него изпод ног из норы выскочил мохнатый сурок. Безбоязненно встал он напротив мальчика с явным намерением защитить свое убежище от неприятеля.

Сурок злобно хрюкал и, задрав голову, поднялся на задние лапки. Зверек маленькими круглыми глазками зло смотрел на Копчема. Копчем хотел его схватить, но сурок подскочил вверх и

запищал. Мальчик отдернул протянутую было руку и остановился в растерянности, не зная, что предпринять.

— Дай палку! — крикнул он Бельчонок.

Бельчонок, наблюдая эту сцену, удивился смелости маленького зверька. Однако должны же были мальчишки победить его! И лучше всего, если они поймут сурка живым. Вот будет развлечение в пещере! Скорее на помощь Копчему.

Бельчонок хотел прижать сурка к земле, но, как только он приблизил к нему палку, сурок тотчас вцепился в нее зубами. Бельчонок потащил его на палке по траве. Мальчишек это так развеселило, что они, громко смеясь, повалились в траву. При этом Бельчонок отпустил палку, и сурок тотчас юркнул в норку. Копчем бросил в него камнем, но было уже поздно, зверек исчез в своем надежном укрытии и тут же высунулся снова, как будто дразня мальчишек.

Несколько раз молодые охотники бросали камни, но ни разу им не удалось попасть в маленькую подвижную цель. Вскоре у них уже не осталось камней. Бельчонок подполз к норе и, как только сурок высунул голову, ударил по ней палкой. Но сурок успел спрятаться раньше. Палка сломалась.

А сурок, как нарочно, снова высунулся из норы!

Бельчонок со злостью швырнул в него обломок палки, но тот снова успел скрыться. Копчем даже крикнул от огорчения и гнева.

Не помня себя от злости, Бельчонок бил палкой по отверстию норы до тех пор, пока не устал. Однако старался он напрасно. Сурок каждый раз успевал высунуть голову и снова спрятаться. Казалось, он смеется и издевается над неудачливыми охотниками.

Тогда, выведенный из себя, Копчем вырвал палку из рук друга и сунул ее в нору. Довольно! Он просто проткнет насквозь это насмешливое животное!

Но не тут-то было! Едва мальчик запихнул палку в нору, как почувствовал, что на другом конце кто-то крепко держится за нее.



Копчем потянул палку — она не поддавалась, тогда он с силой рванул ее, и сурок, вцепившийся зубами в ее конец, оказался на поверхности!

Тут настала очередь Бельчонка. Он кинулся на сурка и обеими руками начал его душить. Сурок яростно сопротивлялся, пустив в ход свои острые зубы и когти. Однако Бельчонок не выпускал его из рук до тех пор, пока не задушил, а задушив, швырнул бездыханного зверька на землю.

И тогда друзья вздохнули с облегчением. Все-таки победили!

Успех придал им сил, и они решили продолжить охоту. Им действительно удалось поймать еще несколько сурков. Связав зверьков за задние лапки, они повесили добычу на палку и, гордые своим успехом, заторопились в пещеру.

Весело переговариваясь, мальчики спустились в долину.

Из леса, покрывавшего склон холма, доносилось призывное воркование голубей.

Мальчишки не могли удержаться, чтобы не попробовать спелой малины. Однако, попав в густые заросли колючек и крапивы, они поспешили выбраться из них и пошли вниз к потоку, чтобы водой охладить обожженные места.

Они освежились в потоке, напились досыта чистой холодной воды и затеяли шумную возню. Копчем загнал Бельчонка под скалу и начал выплескивать на него пригоршни воды. Искристые брызги разлетались в разные стороны.

Не успел Бельчонок протереть глаза и отплатить тем же своему приятелю, как на скале появился высокий мужчина с копьём в руке. Он сердито прикрикнул на ребят.

Мальчики узнали свирепого Задиру. Он никогда не понимал детских игр, и мальчики поспешили вылезть из ручья, чтобы успокоить рассерженного охотника. Им было хорошо известно, как скор Задира на расправу и на какие злые шутки способен.

Вчера Копчем хотел подбить белку, сидящую на буке, и пустил стрелу, но не попал. Стрела застряла в толстой ветке. Копчем с Бельчонок попытались влезть на бук, но не смогли взобраться по толстому стволу, и тогда Задира предложил им помощь. Он действительно влез на дерево и достал стрелу, но не отдал ее, а воткнул еще выше. Потом слез, усмехаясь, и ушел. С трудом упростили они Сову вынуть стрелу из бука.

— Остановитесь! — кричал Задира, обращаясь к мальчишкам.

Они остановились и ждали, чего еще от них потребует охотник.

— Сурки! — крикнул Задира, жестом указывая на скалу, где он находился.

Ребята поняли, что Задира наблюдал за ними и теперь хочет воспользоваться их добычей.

Они послушно протянули ему палку с сурками.

Охотник не двинулся с места. Ему ничего не стоило наклониться и взять сурков, но он не сделал этого.

Копчем попытался взобраться выше на скалу и ухватился рукой за выступ, а Бельчонок, помогая ему, поднял вверх палку с висевшими на ней сурками. И тогда Задира ногой наступил Копчему на руку. Пальцы мальчика разжались, и он полетел в речку, улекая за собой друга. Оба сильно ушиблись, но, не желая доставлять удовольствие злобному Задира, не закричали, а только крепче сжали зубы и снова полезли на скалу. Теперь Бельчонок оказался на скале, но и ему Задира наступил на руку, и он тоже упал.

Копчему все же удалось задержаться на скале, и тогда Задира пригрозил ему копьём. Мальчик, разжав пальцы, свалился, оказавшись рядом с Бельчком под скалой.

— Га-га-га! — весело хохотал Задира.

На этот раз, вылезая из воды, мальчики подмигнули друг другу, явно договариваясь удрать. Но насмешливый Задира быстро понял, что они замышляют, улыбнулся и приказал:

— Сюда!

Но, увидев, что тем явно не хочется подчиняться ему, злобно прикрикнул:

— Вы что, не слышите?

Мальчики снова полезли на скалу. Теперь уже Задира нагнулся и взял добычу. Но при этом он палкой с сурками резко ударил ребят по голове и громко рассмеялся, когда увидел, что они снова упали. Наконец он ушел, перекинув через плечо так легко доставшуюся ему добычу.

Так бывает всегда: сильный забирает у слабого.

Мальчики сидели в воде и печально улыбались. Все тело у них ломило, но больше всего им было жаль потерянной добычи. Ведь в пещере их могли похвалить за нее.

— Задира — лисица, э-э! — крикнул Бельчонок.

— Задира — волк, э-э! — добавил Копчем. — Задира — гиена, э-э!

Злобные выкрики принесли облегчение. Мальчишки поднялись и медленно поплелись в пещеру.

Они пришли в тот момент, когда охотники складывали перед пещерой свою дневную добычу.

Перед вождем лежали две лисицы, два зайца, утка, две вороны, два суслика, серна и пять рыб, продетых на прут. Крепыш с удовольствием делил добычу, время от времени поднимая ее и показывая. Племя приветствовало удачливого охотника довольным ворчанием.

Задира тоже подошел к вождю и подал ему шесть сурков, подвешенных на палке за задние лапки.

Крепыш ощупал зверьков одного за другим и сказал:

— Жирные!

Люди одобрительно загудели.

Копчем и Бельчонок стояли в стороне, стиснув зубы.

Проходя мимо них, Задира наклонился и неожиданно гаркнул:

— Гэ-э-э!

Мальчишки, вздрогнув, стукнулись головами, а губы их искривила гордая усмешка. Хорош охотник! Отнял у них добычу да еще хвастает!

Остальные весело рассмеялись шутке Задиры.

В этот день ужин был обильный и вкусный. Запах освежавших туш разносился вокруг, привлекая к пещере волков и лисиц. Однако они скрылись, спугнутые камнями, которыми их забросали мальчишки.

— Волки придут ночью! — Опытный Космач был уверен, что хищники обязательно вернуться, чтобы захватить то, что им причитается.

Племя устраивалось на ночлег. В сухой и теплой пещере все чувствовали себя в полной безопасности. Радовались надежному убежищу. Сегодня у входа на страже будет стоять Задира, так приказал вождь. В полночь его сменит Волчий Коготь.

Прежде чем все улеглись, маленькие мальчишки не забыли пошутить над неудачливыми друзьями, приставая к ним с ехидными расспросами об охоте. И девочки весело подсмеивались над Копчемом и Бельчонком, вернувшимися домой с пустыми руками. Одним они надавали затрещин, других оттаскали за волосы; в общем, досталось тем, кто оказался поближе.

Наконец все уgomонились, и в пещере наступила тишина.

Матери уложили детей и прикрыли их шкурами. В пещеру слабо доносился шум ветра, гулявшего в листве деревьев.

Бледный свет луны освещал долину, над землей поднимался легкий туман.

На освещенном склоне завыл одинокий волк. Из долины ему ответили другие. Дразнящий запах крови шел от пещеры. Но к нему примешивался отвратительный запах большой толпы людей. Это настораживало волков, заставляя держаться на расстоянии.

СХВАТКА С МЕДВЕДЕМ

На скалистом выступе перед пещерой сидит Задира. Он смотрит на долину, освещенную луной, охраняет сон племени. Ждет волков. Тишина. Только изредка эту глубокую тишину нарушает крик совы.

Задира тихонько ворчит себе под нос. Он недоволен сегодняшним днем. Если бы не сурки, он ничего бы не принес... А еще хотел быть вождем! Задира зло сплюнул.

Положив копьё на колени, он развязал ремешок на шее. Снял со шнура маленький костяной амулет и долго его ощупывал. Под пальцами разбегались волшебные линии рисунка. Этот амулет должен был принести ему удачную охоту, а между тем все племя будет над ним смеяться, если мальчишки расскажут, как он отнял у них сурков. И Задира снова сплюнул.

Бросив амулет на землю, он начал топтать его ногами.

— Не нужен мне такой амулет! — зло причитал он.

Вдруг Задире показалось, что он слышит ворчание какого-то зверя. Охотник прислушался.

Вокруг царила тишина, и Задира успокоился. Но через минуту ветер снова донес до него какие-то странные звуки: не то ворчание, не то похрюкивание. Не иначе, рядом бродит какое-то животное. Нужно быть настороже.

Задира влез в пещеру и задержался у входа, размышляя, куда он положил свою каменную дубину, которая вполне могла бы ему пригодиться в схватке с ночным гостем. Однако дубины нигде не было. Очевидно, кто-то из охотников спал на ней. Разбудить? Но кто знает, как поведет себя разбуженный. Задира плюнул и вышел из пещеры. В случае опасности есть копьё!

Спокойный храп спящих наполнял пещеру и терялся где-то в неизведанных просторах сталактитового коридора. Только изредка чей-нибудь беспокойный крик нарушал тишину.

«А это Толстяк вступил в схватку с волком или медведем», — подумал, уходя, Задира. Как и все люди, жившие в те времена, он верил, что во сне все происходит на самом деле. «Этот теперь будет утром рассказывать все, что пережила ночью его душа».

Задира посмотрел на луну, она все ниже опускалась на небо-склоне.

«Скоро полночь», — решил он и уселся поудобнее.

Его начал одолевать сон.

Но тут из пещеры вышли двое ребят. Замешкались у входа. Задира почувствовал их присутствие и проснулся.

— Заверните-ка за скалу! — накинулся он на полусонных мальчишек, которые хотели присесть прямо у входа.

Те послушно отошли в сторону. Один из них споткнулся и ухватился за большой куст можжевельника. Тут же раздался его испуганный крик. Из-за куста, фыркая и кряхтя, поднялось огромное, страшное чудовище.

Мальчишка отпрянул и с воплем скатился с обрыва прямо в колючий кустарник.

Второй от страха втиснулся в расщелину скалы. Это было лучшее, что он мог придумать. Чтобы надежнее спрятаться от огромного зверя, он закрыл глаза руками. Теперь он не видел страшилища. Он наивно полагал, что и сам невидим.

Задира подбежал посмотреть, что произошло. Копьё выскользнуло у него из рук. И он не мог его найти в темноте, да и времени на поиски уже не было. Задира только поднял руки, как бы пытаясь остановить надвигающуюся опасность.

В трех шагах от охотника ожил огромный камень, которого раньше там не было. Глыба заколыхалась, завертелась и поднялась.

— Медведь! — вскрикнул Задира и кинулся к пещере.

У входа он столкнулся с двумя охотниками, которые встали, разбуженные криком испуганного мальчишки.

Огромный пещерный медведь обнюхивал следы, ведущие к пещере. Дразнящий запах крови так ошеломил его, что он не сразу напал на человека, находящегося рядом с ним.

Задира влетел в пещеру и принялся всех будить, бессвязно выкрикивая что-то о страшном медведе, который рвется внутрь. Проснувшиеся люди не могли понять, что происходит, и в страшной суматохе, мсяая друг другу, искали разбросанное по пещере оружие.

Какое несчастье, что у них нет огня! Если чудовище заберется в пещеру, плохо придется ее обитателям — не так-то легко будет справиться с медведем в темноте и тесноте.

Женщины металась по пещере, плакали испуганные дети. Охотники, выставив вперед копыя и тяжелые дубины, загородили вход.

Задира рассказал, что двое ребят, Мямля и Жучок, находятся снаружи.

Люди испуганно ахнули.

Волчий Коготь и Сын Мамонта вышли из пещеры. Они осторожно озирались по сторонам. Стояла тишина. Вдруг снизу, из-под скалы, до них донеслись чьи-то всхлипывания.

Охотники поспешили на помощь ребенку. Внезапно из-за туч выглянула луна, и они увидели медведя. Он был совсем рядом.

Они чуть было не наскочили на него. Зверь обнюхивал землю, слизывая кровь.

Медведь поднял голову и увидел перед собой двух мужчин. Он встал на задние лапы и, наклонившись всем туловищем вперед, ринулся на охотников. Сын Мамонта замахнулся топором, увидев, что чудовище протянуло лапу, и отскочил в темноту, налетев при этом на спрятавшегося Жучка. Схватив мальчишку за руку, Сын Мамонта потянул ребенка в пещеру. Но медведь оказался удивительно проворным; он повернулся и хотел сгрести Жучка своей мохнатой лапой со страшными когтями, так что Сын Мамонта едва успел прикрыть мальчишку своим телом.

Медвежья лапа выбила из рук охотника топор, в следующее мгновение зверь сорвал с его плеч волчью шкуру, и когти скользнули по телу охотника. Но тут подоспел Волчий Коготь, который вовремя нанес медведю сильный удар дубиной. Сын Мамонта, не теряя времени, схватил Жучка и отнес его в пещеру.

Не обращая внимания на свою рану, он хотел поспешить на помощь оставшемуся один на один с чудовищем Волчьему Когтю и тут увидел, что Волчий Коготь вбежал в пещеру, преследуемый разъяренным хищником.

Несколько копий, выставленный ему навстречу, медведь с легкостью выбил из рук растерявшихся людей и оказался внутри. От страшных лап не было спасения. Несколько человек уже замертво упало на землю. Женщины и дети в страхе бежали по коридору,

ища спасения в глубине пещеры. Их вопли и крики нападающих охотников еще больше разъяряли зверя.

Сгрудившись на небольшом пространстве в полной темноте, охотники с трудом уклонялись от медвежьих ударов.

Крики раненых приводили сражающихся охотников в отчаяние. Беснующийся зверь уничтожал все, что попадалось ему на пути. Казалось, спасения не было. Тяжелыми каменными топорами в пещере невозможно было как следует размахнуться — они задевали потолок, и удар получался слабый, не причинявший никакого вреда медведю.

Сын Мамонта, споткнувшись о раненого охотника, упал и сломал копьё.

— Копьё! Копьё! — кричал в отчаянии охотник, но никто не мог протянуть ему новое оружие.

Прижавшись к стене пещеры, стоял испуганный Копчем; затаив дыхание наблюдал он за ночным побоищем. Около его ног свалился раненый охотник. Копчем наклонился и ощупал его руки. В одной тот держал копьё. Мальчик попытался взять его, но раненый судорожно сжимал оружие. Копчему все-таки удалось разжать сведенные пальцы, и он извлек копьё из рук охотника.

Где Сын Мамонта?

Медведь сильным ударом свалил на землю еще одного мужчину, и безоружный Сын Мамонта в отчаянии бросился сзади на зверя и начал его душить. Для огромного хищника нападение охотника — что укус комара, он только слегка шевельнулся.

Сын Мамонта нащупал в темноте камень. Он зажал его в кулаке и принялся бить им зверя по черепу. Но разве мог он нанести серьезное увечье могучему хищнику?

— Сын Мамонта, вот копьё! — закричал Копчем, протягивая охотнику крепкое ясеневое копьё, и тут же отскочил едва не сбитый медведем с ног.

— Спасайтесь! — раздался приказ Крепыша.

Женщины оттащили Космача вглубь коридора: лапа медведя прошла по его голове, и все лицо теперь было залито кровью.

Надо было покинуть пещеру. Но как? Медведь, как будто догадываясь, что единственное спасение для людей — бегство, заслонил собой выход; проскользнуть мимо невозможно. Сталактитовый коридор также не спасет от гибели. Медведь в пещере — хозяин. Охотники могут только обороняться, сдерживая дикого зверя. Уже все поняли, что одолеть чудовище невозможно. Только сознание, что после них жертвами его станут женщины и дети, заставляло мужчин сражаться.

Из многочисленных ран, нанесенных медведю, сочилась кровь, но все они были легкими и не причинили зверю серьезного вреда. Не было видно конца кровавой схватке. Крепыш, Волчий Коготь и Сын Мамонта оттеснили медведя к входу. Остальные охотники по приказу вождя отошли, освобождая пространство для решительной схватки.



В этот момент Волчий Коготь изловчился и всадил копые глубоко в медвежье брюхо. Медведь глухо заревел, сотрясая своим ревом своды пещеры, и этот дикий рев понесся по сталактитовому коридору, усиленный многократным эхом. Охотники в страхе потянулись.

Медведь резко повернулся и оказался перед Сыном Мамонта. Раскрыв пасть, хищник поднял передние лапы. Теперь все зависело от ловкости и смелости охотника! Сын Мамонта, опершись ногой о стену, зажал копые в обеих руках, готовясь отразить нападение. Зверь всей тушой надвигался на смельчака. И тогда, собрав все силы, охотник вонзил острое копые в открытую пасть хищника, не просто в пасть, а острием в небо... Он едва успел увернуться, спасаясь от падающего животного.

Медведь, рухнув на землю, начал кататься по ней, испуская страшный рев. Он попытался лапами вытащить копые и при этом сломал его. Глубоко засевший в небо кусок копыя торчал поперек пасти, и чем больше медведь сжимал челюсти, тем глубже острие вонзалось в него. Обезумевший от боли хищник катался по земле и колотил лапами, тщетно пытаясь освободиться от засевшего в пасти осколка. Теперь ему уже было не до охотников!

А те постепенно пришли в себя и сообразили, что удачный удар Сына Мамонта решил исход боя. В слабом свете уходящей с небосклона луны они увидели, как беспомощно мечется медведь, и вновь обрели силу и уверенность в себе. Они дождались, когда ревуший хищник, обессилев, затих, и начали добывать его топорами и копьями. Медведь уже не реагировал на эти удары.

Тогда, воспользовавшись передышкой, охотники оттащили раненых товарищей вглубь пещеры, передав их на попечение женщин.

А схватке не видно конца. Иногда охотникам казалось, что медведь уже мертв. Это было в те мгновения, когда он затихал без движения. Однако свирепый хищник не хотел расставаться с жизнью, и Крепыш, беззаботно ухвативший медведя за шкуру, чуть не поплатился за это головой.

Наконец жизнь покинула могучее тело. Хищник лежал мертвый, и крики ликования огласили пещеру. Женщины и дети вернулись из сталактитового коридора. Медведь был побежден! Пещера волновалась и бурлила.

— Гойя, гейя, гейса!..

Но Крепыш приказал прекратить веселье и отложить пиршество до утра.

Люди потихоньку успокаивались. Дети подползли к убитому медведю и начали играть с его косматой шкурой, слизывая кровь, сочившуюся из ран. После тяжелого сражения все начали укладываться спать. Затихли стоны раненых. И тогда снаружи послышались рыдания.

Сын Мамонта поднялся, вышел из пещеры и пошел на голос.

Вскоре он вернулся, неся на руках маленького Мямлю, замерзшего и обессиленного от плача.

Лучи восходящего солнца застали охотничье племя погруженным в крепкий сон.

ОГНЕННЫЙ КАМЕНЬ

Раненые поправлялись. Даже тяжелые раны, нанесенные медведем, заживали удивительно быстро, оставляя после себя только огромные шрамы. Выздоровел и Космач. К счастью, глаза у него остались целы, и это охотника радовало больше всего. Но лицо его, перечерченное шрамом, теперь постоянно улыбалось.

Огромная медвежья шкура досталась Крепышу, а зубы получил Сын Мамонта. Он прибавил их к ожерелью, украшавшему его шею.

Теперь он будет таким же сильным, как побежденный им медведь.

Долго вспоминали обитатели пещеры об ужасной ночи. Все говорили, что племя осталось без огня. Медведь никогда не осмелился бы приблизиться к пещере, если бы перед ее входом полыхал костер.

«Если бы был огонь!» — вздыхали люди, с тоской вспоминая о времени, когда в их становище ярко пылал костер...

Сын Мамонта, Сова, Волчий Коготь, Заяц и другие охотники вызвались пойти к Дыс, к старому становищу, но Крепыш не позволил — нельзя было дробить племя. Кто знает, вернутся ли они назад.

Чужое племя, осевшее на берегах Дыи, сильное и наверняка хорошо охраняет свой очаг. Убьют любого, кто отважится взять головешку из их костра.

Дни проходили за днями, приближалась зима. Люди уже привыкли к своей пещере. Но до конца ее коридора так никто и не дошел. Самые смелые охотники рассказывали, что коридор кончается опасным обрывом и без огня там нельзя ступить и шагу. А когда добавляли, что из глубины доносится шум воды, все с удивлением смотрели на рассказчиков. Вода — под землей! Удивительно!

Жилось племени в этих краях привольно и сытно. Только иногда на день-два люди оставались без мяса. Обычно охотники всегда приносили какую-нибудь добычу. Одно было худо — не было кремневых камней. Нечем было пополнить разбитое и поломанное оружие. Охотники должны были довольствоваться обычным кварцем и другими твердыми камнями. Они мало чего стоили по сравнению с кремнем*.

* Кремль — прозрачный камень, осколки которого остры, как стекло. При ударах о железный колчедан дает искры, от которых можно разжечь огонь.

Часто, взобравшись на высокий холм, они осматривали окрестности, не заметят ли где-нибудь дым костра кочующего племени, у которого можно было бы получить головню или кремневые осколки. Однако напрасно искали они следы человека.

Да и что могли они отдать за драгоценный камень? Шкуры, которые у них есть, — все летние, они непрочные, и вряд ли кто возьмет их в обмен. Красивые густые и мягкие зимние шкуры, которые некогда были основным богатством племени, все остались в Вестоницком становище... Теперь люди вынуждены были обходиться без огня и без привычного оружия.

Хорошо еще, что среди них есть хорошие охотники, следопыты и бегуны. Они могут идти по следу оленя целый день, не потеряют его и не оставят преследования, пока обессиленное животное бездыханным не свалится на землю.

Начало зимы принесло неожиданную удачу племени: люди добыли огонь!

И получили они его совсем просто.

Однажды дети играли в пещере. Им не хотелось выходить наружу: было холодно, шел мокрый снег с дождем.

Они накопили немного глины и принялись лепить из нее медведя. Воткнули в глиняное туловище кусочек стебля подорожника — хвост, из шишек сделали уши, а из ягод можжевельника — глаза. Зубами стали мелкие кости, а языком — красный осенний лист... И сражались они с медведем совсем по-настоящему. Крики и смех оглашали своды пещеры.

Копчем и Бельчонок оставили играющих. Они считали себя слишком взрослыми, чтобы принимать участие в таком баловстве. Но глину копать им нравилось. Куском дерева или кости они рыли канавы, норы, пещеры. Вскоре к ним присоединились две девочки, Жабка и Кукушка. Подкладывая в «норки» камни, шишки и желуди, они весело приговаривали:

— Это волк, это лиса, а это выдра!

— Еще нору для ежа, — предложила Жабка.

И Копчем принялся копать землю.

Внезапно его рука наткнулась на какой-то предмет. Он вытащил его и продолжал копать дальше. Жабка и Кукушка отбрасывали выкопанную глину в сторону.

Мальчик добрался уже до самой стены и несколько раз больно ударился головой о низкий свод пещеры, но не переставал копать и наконец вырыл яму глубиной почти по колено. Он мог уже сесть на ее край и даже свесить ноги.

— Эй, — окликнул его Бельчонок, показывая найденные в глине угольки.

Это был уголь, древесный уголь!..

Значит, когда-то в этой пещере был огонь! Кто сидел у него? Наверное, это тоже были охотники. Они нашли здесь прибежище и, вернувшись с охоты, жарили на костре мясо.

Прошло время, очаг занесло глиной, и вот спустя много лет здесь снова поселились люди.

Копчем с интересом разглядывал угли и нашел среди них обгорелую кость.

— Надо поискать — здесь наверняка найдется еще что-нибудь интересное, — решили мальчишки и с азартом принялись копать дальше.

Вскоре они отрыли еще целую горсть углей и куски раздробленных костей. Попался им и кусочек оленьего рога. Это была уже ценная находка. Такая вещь всегда может пригодиться в хозяйстве.

— Посмотри, камень!

Копчем костью начал его выкапывать. Жабка ему помогала, и через минуту из пещеры вылетел камень ве-

личиной в два мужских кулака.

В это время к пещере приближался Космач, неся на плече убитую рысь, и камень угодил ему в ногу. Охотник отбросил рысь в сторону и поднял брошенный из пещеры камень.

— Копчем, прячься! — посоветовал Бельчонок. Он опасался, что разгневанный Космач может наказать их.

Но что это старый Космач делает?

Охотник, перепрыгивая с одной ноги на другую, исполняет какой-то удивительный танец, подбрасывает в воздух камень и весело кричит. Он совсем не рассержен, а, скорее, наоборот — чем-то страшно обрадован.

Дети не удержались и выбежали из пещеры посмотреть на танцующего охотника.

— Кремьень, кремьень! — ликовал Космач, продолжая подбрасывать камень в воздух.

Пришедшие из леса охотники сначала тоже не могли понять, что происходит с их товарищем, но, когда тот показал им прекрасный большой кремьень, все обрадовались не меньше его. Теперь у них снова будут острые кремневые ножи, острые наконечники, скребки и шила!

Космач схватил Копчема сильными руками. Мальчик думал, что пришел час расплаты, и весь сжался от страха, но старый



охотник вдруг притянул его к себе и нежно погладил по щеке. Потом он так же погладил Бельчонка и Жабку. Ведь это им повезло отыскать кремень, удивительный камень.

Право разбить драгоценный кремень принадлежало вождю. Крепыш внимательно осмотрел находку и показал самым опытным охотникам. На камне было несколько тонких трещин, и Сын Мамонта объяснил:

— Кремень в огне, потом в воде!

Это означало, что когда-то кремень был сначала раскален в огне, а потом горячим был брошен в холодную воду. Это повторялось несколько раз, пока прочный камень не растрескался.

Теперь его будет легко разбить. Крепыш взял камень в руки и направился к ближайшему выступу скалы. Охотники двинулись следом и обступили его. Вождь поднял камень обеими руками высоко над головой и изо всех сил бросил его на скалистый выступ. Кремень отскочил. Теперь его взял Волчий Коготь, стал на место Крепыша и также ударил камнем о скалу. Кремень по очереди переходил из рук в руки, пока наконец не разлетелся на три куска. Взяв каждый по куску, вождь, Космач и Сын Мамонта уселись на выступ скалы и стали камнями отбивать тонкие острые пластинки.

Все внимательно следили за священнодействием. Для этого были нужны огромный опыт и осторожность. От ядра откалывали тонкие пластины — ножи или неправильной формы слои, прозрачные по краям; такие идут на скрепки для шкур и костей.

Племя получит новые орудия — этому радовались охотники. Все ждали, когда вождь приступит к делу.

А в это время Копчем, Жабка, Бельчонок и Кукушка продолжали трудиться в пещере. Теперь они не были так неосмотрительны и внимательно разглядывали каждую находку. Внезапно Жабка вскрикнула от боли — из пальца у нее потекла кровь. Девочка порезалась обо что-то острое.

Копчем с Бельчком обкопали глину вокруг острия и вытащили странный кремневый предмет, заостренный с обоих концов. Они одновременно схватились за него и вместе понесли находку к охотникам, расположившимся перед входом в пещеру.

— Ну, что вы там еще откопали? — спросил, улыбаясь, Крепыш.

Ребята разжали руки и показали вождю овальной формы прекрасный кремень*.

— О-о! — удивленно выдохнули охотники, рассматривая драгоценное оружие.

Как прекрасно он отделан! Как тонко отбит и отшлифован, совсем как лист лавра!

«Лист лавра» переходил из рук в руки, вызывая всеобщее восхищение. В племени были искусные камнетесы, но с такой

* Среди археологов эта форма известна под названием «лавровый лист».

отделкой вряд ли кто-нибудь из них справился бы. «Лист» получит вождь. Он наденет его на копье и будет иметь великолепное оружие.

Теперь счастливым первооткрывателям пришлось обороняться от добровольных помощников. Все дети хотели искать в пещере кремневые листья и страшно мешали, заслоняя свет. Поэтому Копчем быстро разогнал их, и они, разобидевшись, начали копать каждый самостоятельно.

Женщины возвращались из леса с корзинами, полными грибов, желудей, шиповника и рябины. Войдя в темную пещеру, те, кто сначала не заметил вырытых ям, едва не переломали себе ноги.

Но азарт, охвативший детей, быстро прошел. Они устали, а ничего не найдя, бросили бесполезную работу. Только Копчем с Жабкой и Бельчонок продолжали поиски. Они обнаружили еще несколько кремневых обломков и нижнюю челюсть оленя. Они изрыли чуть ли не половину пещеры, но больше ничего интересного не нашли.

Начавшийся дождь загнал всех в пещеру. Проголодавшиеся мужчины с жадностью набросились на еду. Женщины и дети, как всегда, ждали своей очереди.

В углу пещеры шептались ребята. Теперь они хотели найти горящие угли, а из них раздуть огонь.

— Найти бы огонь! Вот было бы здорово! — мечтали они.

Кто-то из охотников во время еды рассказал, что видел на скалистой вершине козерога:

— Вот с такими рогами!

— Да, этот умеет прыгать!

— Никто не поймает козерога!

— Хорошая стрела догонит его!

— Хорошая стрела, хороший бегун, хороший ветер!

Каждый рассказчик должен был садиться у входа, там где было светлее. Нужно было видеть говорящего, иначе его нельзя было понять. Жесты сопровождали речь, помогали понять смысл. Хороший рассказчик должен был быть и хорошим актером. Поэтому люди не любили беседовать в темноте.

Если какому-нибудь рассказчику не хватало слов и жестов, чтобы избежать насмешек товарищей, он, как правило, разводил руками, как бы говоря: все вы глупы и ничего не понимаете, и, сплюнув, возвращался на свое место. Временами раздавались взрывы хохота — это мужчины потешались над неумелым оратором.

— Что это у тебя? — спросил Копчем сидящую рядом Жабку.

Девочка все время с чем-то играла, и теперь, когда охотники вышли из пещеры, свет нечаянно упал на блестящий предмет, зажатый в ее руке.

— Это я нашла в глине! — Жабка спрятала руки за спину.

Копчем повалил девчонку, стал коленом ей на живот.

— Сейчас же покажи! — Это уже приказывал господин.

В ответ Жабка показала ему язык, но, к сожалению, в темноте он этого не заметил, и, отказавшись от сопротивления, Жабка позволила разжать себе руку.

Копчем увидел у нее на ладони желтый блестящий камушек. Он уже хотел было ударить ее по руке, чтобы выбить его, как вдруг несколько лучей снова упали на камень, и он весь заискрился. Это понравилось Копчему, и он забрал игрушку у девочки. Теперь он сам будет играть с желтым блестящим камнем. Повесит его на ремешок и будет носить на шее.

— Ты нашла это в моей глине, — попытался объяснить Копчем свой поступок, а когда Жабка ехидно усмехнулась, ударил ее. — Копчему кусок — Жабке кусок! — добавил он, ища примирения и давая понять, что разделит находку пополам.

Потом пощекотал Жабку под мышкой, и мир был восстановлен.

Копчем вытащил из щели в стене спрятанный там кусок кремня. Он хотел на нем поучиться откалывать ножи, а теперь решил им разбить желтый камень. Так ли тверд этот блестящий камень? Кремень скользнул по камню. Ой! Светящиеся искры разлетелись в стороны и исчезли в темноте. Мальчик ударил еще раз, и снова рассыпались искры. Копчем начал бить по камню, околдованный брызгами искр.

Появление светящихся искр в темной пещере тотчас заинтересовало охотников. Они повскакали со своих мест, в восторге глядя на руки Копчема, которые так и мелькали, выбивая из огненного камня разлетающиеся искры.

— Огненный камень! У нас есть огненный камень! У нас будет огонь! Будет все!

Охотники кричали, прыгали, танцевали, головами ударяясь о своды пещеры, и хлопали себя руками по бедрам.

— Копчем, сюда! — позвал Космач мальчика к выходу и положил на землю кусок сухого мха.

Копчем высекал искры. Руки у него тряслись. Тогда Космач взял из рук мальчика огненный камень* и кремень и начал ударять их с такой силой, что искры трещали, разлетаясь во все стороны. Через минуту над мхом закружилось облачко дыма.

Космач отложил камень и, наклонив голову почти до земли, слегка подул на мох. Облачко дыма как будто сдуло ветром. Космач подул еще раз. Во мху показался красный язычок. Охотник еще раз дунул. Пламя подскочило, весело затрепетав.

— Горит! Горит! — вопили охотники, сотрясая пещеру криками и еще более сумасшедшим танцем.

* Огненный камень — железный колчедан. Встречается главным образом в местах залегания каменного угля (Кладно), при ударах дает искры.

Люди потеряли голову от радости. У них снова был огонь!

Копчем и Космач осторожно подкладывали в огонь сухие листья, занесенные ветром в пещеру. Заяц и Сова выбежали наружу набрать немного сухой травы и хвороста.

Все племя с восторгом наблюдало за происходящим. А когда над костром поднялся столб дыма и вырвались первые языки пламени, ликование не было конца.

Женщины с воплями бегали вокруг пещеры. Дети прыгали около огня.

У племени снова огонь! Огонь!

Дым щипал глаза, в пещере стало трудно дышать. Сначала на это не обратили внимания, но когда веток подложили побольше, стало невыносимо дымно. Щекотало в носу, слезы градом катились по щекам, люди задыхались в кашле.

Тогда Крепыш предложил перенести костер поближе к выходу. Так было удобнее. Теперь дым уходил наружу, и воздух в пещере быстро очистился.

Сухих веток в пещере не оказалось, а принесенные были мокрые и страшно чадили, но и это не слишком огорчало обитателей пещеры. Когда дрова подсохнут, огонь будет гореть нормально, а сегодня собрали кости, кожу — ими будут поддерживать огонь всю ночь.

Женщины и дети старались протиснуться поближе к огню, подкладывали хворост, грелись. А какое удовольствие играть у костра! Просто не верится, что они так долго жили без огня.

Мужчины принесли хворосту и сложили его в углу пещеры.

Теперь огонь не угаснет никогда, они будут хорошо его кормить!

Копчем молчаливо был признан хранителем очага. Ведь это благодаря ему племя снова обрело огонь. Маленькие дети плакали, им очень хотелось поближе пробраться к огню. Но когда малыши подходили слишком близко и случайно наступали на горячие угли, они с криком отбегали и прятались за спины матерей, испуганно смотря на такое заманчивое и такое коварное пламя.

Сегодня в пещере будет тепло.

Замерзшие и продрогшие в лесу охотники с удовольствием возвратились в теплую пещеру, а женщины положили перед ними только что поджаренное благоухающее мясо.

Теперь им нечего опасаться медведя. Ни один зверь не рискнет забраться к ним в пещеру.

Копчем сидит у потрескивающего огня. В руке у него ветка, ею он подравнивает горящие головешки. Глядит на огонь и не слышит, что вокруг него щебечут дети. Он весь погружен в себя.

Сегодня такой счастливый день!

ЗИМА

После короткой осени наступила суровая зима.

Костер горел дном и ночью, и людям в пещере было уютно и тепло.

Теперь все племя охраняло огонь. О нем заботились все, и никто не возвращался в пещеру, не захватив с собой хоть немного хвороста. Каждый день у костра кто-нибудь дежурил. Копчем только слегка помогал: он должен следить, чтобы стража не оставила свой пост, чтобы вовремя были подложены сучья, чтобы огонь был не слишком большой и не слишком маленький и чтобы не очень чадил. Теперь его место было у огня — ведь он его постоянный хранитель, и Бельчонок редко может заполучить друга, чтобы сходить с ним на охоту.

Маленькие дети перестали резвиться в долине, на склонах холмов и в лесу. Только изредка, воспользовавшись хорошей погодой, они выбегали поиграть на воздухе. Остальное время сидели в теплой пещере.

Волки стали часто навещать пещеру. Изголодавшись, они становились все более дерзкими. Теперь их уже нельзя было отогнать просто камнем или криком, как летом. Маленького Жучка, любимца всего племени, страшно испугал волк. Однажды, когда мальчик, сидя в нескольких шагах от пещеры, выбивал мозг из кости, хищник вырвал кость из рук ребенка и ободрал ему пальцы. Жучок так завопил, что переполошил всех обитателей пещеры. Охотники погнались за волком, но того и след простыл.

Потом произошло еще более печальное событие. За детьми, возвращавшимися из леса с хворостом, увязалась целая стая волков. Стоило кому-нибудь из детей отстать, хищники тотчас на него набрасывались. Это возвращение домой сделалось дорогой страха и отчаяния. Дети плакали и бежали за Жабкой, а она в одной руке держала охапку хвороста, а в другой — палку и отбивалась ею от волков.

По бокам маленькой группы шли Копчем, Бельчонок, Онаш и Стебелек, отгоняя наиболее дерзких хищников.

Девчонки вопили так, словно волки рвали их на части. Наконец уставшие, измученные дети, боясь идти дальше, остановились. Самые маленькие испуганно жались к земле, как перепелки, закрыли головы руками и тряслись от страха. Копчем принялся их бранить и уговаривать, но они были так напуганы, что не могли двинуться с места.

Остановились и волки, будто чего-то выжидая. Из открытых пастей свисали красные языки. Глаза горели голодным блеском, тощие бока вздымались. Волки не нападали, и это несколько ободрило детей, они снова двинулись вперед, вслед за Жабкой.

Но далеко уйти детям не удалось. Волки снова преследовали



их. На этот раз они обступили детей плотным кольцом. Сели на задние лапы и, не двигаясь, уставились на свою добычу.

Копчем понимал, что им не добежать до пещеры, хотя она была уже совсем недалеко — нужно было только обойти скалу и немного подняться вверх по склону.

Самый крупный волк — очевидно, вожак стаи — зевнул, широко раскрыв пасть. Дети зажмурили глаза. Волк между тем поднялся и, подойдя почти вплотную к детям, схватил одну девочку за руку. На девочке были меховые рукавички из оленьей шкуры. Пытаясь укусить ребенка, волк сдернул рукавицу, и девочка от неожиданности упала. Но в тот же миг Стебелек так ударил волка палкой по голове, что тот заскулил и вцепился зубами в палку. Он тут же получил второй удар. Это уже Бельчонок изо всех сил огрел осмелевшего хищника. Волк отскочил за куст.

Бельчонок ударил палкой по кусту, чтобы спугнуть волка, но тот не удрал, а, схватив палку зубами, вырвал ее из рук мальчика. Палка упала на землю, и волк, как хозяин, положил на нее передние лапы. Мальчик наклонился за палкой, но хищник грозно зарычал и оскалил зубы. Бельчонок выпрямился и застыл на месте. Волк тоже стоял не двигаясь напротив него.

Однако Бельчонка не так-то просто было провести. Он осторожно пододвинул ногой палку и, прежде чем волк напал снова, зажал в руке свое единственное оружие и так огрел им волка по хребту, что хищник обратился в бегство.

Нападение волка и плач девочки вызвали смятение. В испуге дети хотели разбежаться, но, как только кто-нибудь из них трогался с места, хищники поднимались и бежали следом, и напуганный ребенок тотчас отступал, а волки снова садились на задние лапы.

Медленно смыкалось кольцо вокруг детей. Только палки в руках готовых к отпору подростков останавливали хищников. Копчем стянул с головы меховую шапку и швырнул ее волкам. Те тотчас же вцепились в добычу.

— Бельчонок, шапку! — крикнул Копчем.

И Бельчонок, не размышляя, последовал его примеру.

— А теперь бежим! — крикнул Копчем приятелю. — В пещеру — за помощью!

Оба мальчика, как стрела, сорвались с места. Волки припустились следом.

Среди детей поднялся страшный крик и плач. Они решили, что приятели бросили их в беде, и принялись вопить во все горло, нарушая тишину зимнего леса.

Мальчишки бежали со скоростью ветра, но серые хищники лязгали зубами совсем за спиной. Теперь никакие палки не могли помочь. Плохо придется, если волк схватит за ногу! Один осмелевший хищник уже вцепился зубами в шкуру на спине Бельчонка и не отпускал до тех пор, пока мальчишка не сбросил ее. Теперь он оказался совсем голым. Только на ногах его болтались обмотки из заячьих шкурок.

Волки набросились на шкуру и принялись ее терзать, и это дало возможность мальчишкам выиграть время. Однако двое хищников опять настигли беглецов. Задышающиеся, выбившиеся из сил мальчишки стали спиной к скале и приготовились к обороне. Они были почти у самой пещеры и принялись громко кричать, призывая на помощь.

У пещеры на страже стоял Заяц. Уже давно ветер доносил до него какие-то крики из леса, но охотник думал, что это дети, возвращаясь, веселятся по дороге. Он позвал охотников, отдохавших в пещере.

— Что-то случилось! Они зовут на помощь! — закричали мужчины и словно лавина бросились вниз по склону.

Мгновение — и охотники уже были рядом с мальчишками, воздух рассекли тяжелые дубины. Один волк был убит, второй, не дожидаясь такой же участи, дал тягу.

— Скорее в лес! — только и успел крикнуть Копчем и устало опустился в снег рядом с Бельчком.

Охотники поняли, что остальные дети тоже где-то недалеко, и побежали по следам.

Они подросли вовремя. Дети уже не в силах были бороться, а хищники только этого и ожидали. Охотники топорами уложили несколько волков, а остальные разбежались.

Все-таки две девочки были искусаны. Охотники взяли их на руки и вернулись в становище. Убитых волков они прихватили с собой. Заплаканные дети, забыв о недавно пережитом страхе, весело смеясь, бежали вверх к дому по протоптанной дорожке.

В пещере Крепыш заявил, что отныне дети никуда не будут ходить одни.

Ласка и Волчица подложили в костер кости. Жирные кости хорошо горят. Пусть дети как следует обогреются.

С этого дня дети постоянно оставались в пещере, придумывая для себя разные игры.

Девочки играли в куклы-чурбачки из дерева, коры или из кожи, а мальчишки лепили из глины различных зверей.

В теплой пещере все чувствовали себя легко и привольно, резвясь целый день нагишом. И только когда охотники выводили их на свежий воздух побегать, они надевали шапки, ноги обматывали заячьими шкурками, а на плечи накидывали теплые шкуры.

— Дай мне волка, — выпрашивала Жабка у Копчема глиняную фигурку.

Молодой охотник гордо осмотрел свои творения, лежащие на плоском камне, немного подумал, потом взял фигурку сидящего волка и положил ее отдельно, но отдать игрушку сразу не рискнул — это наверняка бы его унизило. Жабка тотчас схватила волка и в спешке отломала ему голову; правда, потом она сама ее исправила и поставила фигурку в маленькое углубление в стене пещеры.

— Еще волка! — продолжала клянчить девочка.

Копчем подал ей второго волка. Жабка и его поставила в щель в стене.

— Еще волка! — снова обратилась она к Копчему.

На этот раз Копчем отказался:

— У тебя и так два!

— Нет, — заявила Жабка.

— Что ты выдумываешь, здесь один, здесь другой — два волка.

— Это ты болтаешь чепуху. Где же два волка? — защищалась девчонка, которой никогда не приходилось считать. — Здесь один волк, а здесь тоже один волк! Один и один!

Копчем наклонился и стал объяснять непонятливой подруге, что один волк и еще один волк — это два волка!

— Хи-хи-хи, Копчем, зря думаешь, что Жабка так глупа! Жабка видит одного волка и здесь тоже одного волка...

— Но, Жабка, ведь это же два волка! — Копчем явно чувствовал свое превосходство.

— Э, нет, ты просто плохо видишь, — настаивала на своем девочка. — Это не два волка — пусть меня сожрет медведь!

— Это два волка, — не сдавался Копчем.

Он был умный парень и умел считать до трех. Складывал и вычитал до трех без единой ошибки, а в эти зимние вечера он начал учиться считать до пяти.

В племени умели считать только вождь Крепыш да Сын Монта, даже старому Космачу не всегда это удавалось, и он должен был пересчитывать одно и то же по нескольку раз. Все, что было больше пяти, было «много». Остальные охотники, которые умели считать до трех, говорили «много» обо всем, что было больше трех.

Часто Копчем удивлял своей ученостью даже взрослых охотников, помогая им пересчитывать пальцы на руках или копыя, которые они перед ним раскладывали. Поэтому он совсем не хотел уступать девочке и настаивал на том, что один и один — это два.

Жабка считать не умела и теперь уже закричала возмущенно:

— Глупый парень! Это один волк! — и ударила куском глины по первому волку, — И это тоже один волк! — и швырнула глину во второго.

Копчем спокойно посмотрел на вылепленные фигурки животных и сказал, не сдаваясь:

— Один олень и один олень — два оленя, один медведь и один медведь — два медведя.

— Нет! — вопила Жабка. — Перестань, это непонятно! — и зажала уши руками.

Бельчонок, привлеченный шумным спором, подошел к ним. Посмотрел на комки глины, прилипшие к стене, и громко рассмеялся:

— Этот зубр скорее похож на жабу.

— Какой зубр? — переспросил Копчем.

— Вот этот! — Бельчонок указал обожженным прутиком на размазанную по стене глину и подрисовал к ней два рога.

И правда — случайное пятно вдруг стало похоже на зубра, оставалось только подрисовать ему хвост.

— А здесь глаза! — добавил Бельчонок.

— А здесь копые! — присоединилась и Жабка, втыкая в тело зубра тонкую ветку. — Ребята, зубр! — вдруг закричала она пронзительно.

Дети сбежались, и зубр на стене им всем очень понравился.

Теперь уже все рисовали на стене.

Копчем с Бельчком с азартом выводили на стене всех известных им животных. Остальные дети рисовали, глядя на них, и скоро все стены пещеры были покрыты рисунками. Но интерес улетучился так же быстро, как и возник. И дети снова принялись за прерванные игры. Рисовать глиной было нелегко, она крошилась и осыпалась.

Но Копчем с Бельчком уже придумали новый способ. Они принесли снаружи немного снега и смочили им глину. Теперь глина перестала осыпаться. По дороге в пещеру Копчем запустил руку в закопченный очаг у стены. Вернувшись, он рисовал пальцами, вымазанными в саже, до тех пор, пока она не стерлась. Потом снова пошел за сажой и набрал ее побольше. Скоро мальчик уже знал, что лучше всего рисуется сажой, смешанной с жиром.

Бельчонок мочил в приготовленной краске кусочек шкурки, намотанной на палку. Картинки маленьких художников заинтересовали и взрослых. Некоторые охотники сами попробовали нарисовать медведя или мамонта.

Копчем использовал для своих картин даже форму стены. Минуту присматривался к выпуклой растрескавшейся стене, а потом сказал:

— Вот мамонт!

Трещины в известняке стали контурами тела. Не обращая внимания на ранее нарисованных здесь зверей, мальчик подрисовал мамонту хобот, ноги и бивни, и все удивились: до чего же это было похоже на настоящего мамонта!

В уголке пещеры снова началась драка. Вцепившись во что-то, дети вырывали вещь друг у друга.

— Моя-а-а!

Оказывается, они откопали хорошо сохранившуюся нижнюю челюсть медведя и устроили из-за нее свалку. Ведь по праву она принадлежала тому, кто ее нашел первым, и об этом теперь спорили.

Крепыш спокойно взял кость и оставил ее себе.

Медвежья челюсть очень полезная вещь. Она еще послужит племени — на ней очень удобно дробить кости.

Женщины, сидя у огня, сшивали волчьи шкуры. Они даже не замечали, что снаружи смеркалось. Только старая Верба что-то бормотала, жалуясь на больные глаза.

Зимой день проходил быстро.

ЛЕВ

Несколько дней бушевала непогода. Охотники не могли ходить на охоту, и племя голодало.

Наконец снежная метель затихла, появилось мутное зимнее солнце, и охотники отправились попытать счастья. Свежий снег должен был облегчить им поиски добычи.

Долго спорили мужчины, куда лучше пойти. В конце концов разделились на две группы. Сын Мамонта, Волчий Коготь, Заяц, Космач и Сова пошли на каменистое плоскогорье; Задира, Длинная Нога, Укмас, Сокол и Джган отправились в долину. Остальные мужчины остались охранять становище.

И той и другой группе сначала не везло. На снегу были только следы воронов. Правда, позже охотники напали на след лисицы. Но мясо у нее невкусное, и решено было оставить лису в покое. Потом попались хорошо знакомые следы мягких длинных лап — здесь пробежал длинноухий.

Космач и Сова, придя к выводу, что заяц не такая уж плохая добыча, если нет ничего покрупнее, пошли по его следам. Трое охотников во главе с Сыном Мамонта пересекли долину и на плоскогорье обнаружили следы нескольких оленей. Вот это уже была добыча! Если бы им удалось поймать хоть одного! Следы совсем свежие, даже не тронутые ветром; значит, стадо надо искать где-то поблизости. Охотники прикоснулись к волшебным амулетам, висевшим у них на шее, и двинулись по следу, проваливаясь по колени в снег и с трудом продвигаясь по равнине. Они не обращали внимания на усталость и старались идти как можно быстрее. Желание овладеть добычей гнало их вперед.

Следы вели вдоль оврага, огибавшего лес, а потом через каменистый пригорок. Там вдаль охотники и заметили небольшое стадо оленей. Изголодавшиеся животные разрывали копытами снег, пытаясь достать из-под него лишайник.

Отправляясь на охоту, Волчий Коготь прихватил с собой не только копыя, но и лук и несколько стрел, считая, что это самое подходящее оружие на зайца. Теперь лук ему очень пригодился. Проверив направление ветра, охотник пополз в сторону стада. Сын Мамонта и Заяц укрылись в кустах, чтобы напасть на оленей, если те вдруг, заметив Волчьего Когтя, попытаются бежать.

Сквозь низкий кустарник, занесенный снегом, охотники наблюдали за животными. Внезапно те пустились бежать по равнине. Очевидно, их спугнул Волчий Коготь. Животные бежали прямо на спрятавшихся в засаде охотников. У одного из оленей в боку торчала стрела.

Когда олени почти поравнялись с кустами, они вдруг обнаружили присутствие человека и тотчас бросились в другую сторону. В тот же миг оба охотника выскочили им навстречу и метнули копыя. Копье Сына Мамонта вонзилось в шею ближайшего оленя. Второй удар оказался неудачным. Копье Зайца запуталось в ветвистых рогах и упало, не причинив вреда животному.

Смущенный Заяц некоторое время стоял в недоумении, а потом, огорченный, пошел за своим копьем. Сын Мамонта его утешал:

— Это был хороший удар — прямо в голову, но олень слишком внезапно остановился!

Волчий Коготь спешил к ним, что-то крича на ходу. По его крику можно было понять, что он считает охоту удачной.

— Стрела попала, — похвалил Сын Мамонта задохнувшегося от быстрого бега охотника.

Заяц уже нашел кровавые следы обоих оленей, и охотники, не



мешкая, пошли по следу. Они поднялись на пригорок. Вон у скалы две темные точки резко выделяются на белом снегу.

— Это они!

Вскоре стало заметно, что один из раненых оленей все больше отстает. Сбежав по скалистому спуску, мужчины окружили раненое животное. Олень, опустив голову с копьём в шее, шел, спотыкаясь и обливаясь кровью.

Охотники бросились на раненое животное и добили его, а потом припали к огромной ране, жадностью глотая горячую кровь.

После короткого отдыха Сын Мамонта предложил:

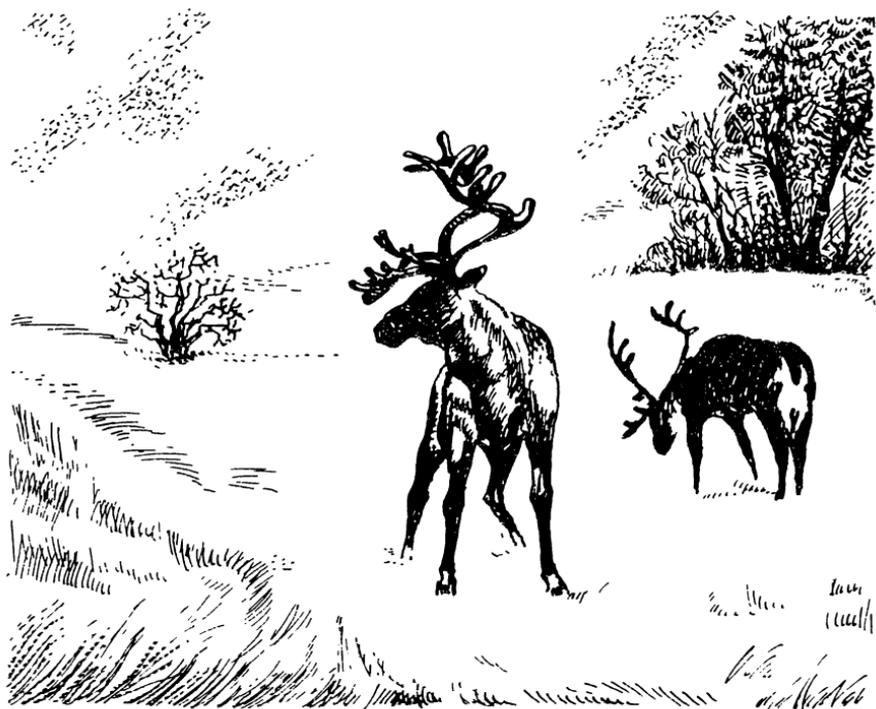
— Оленя оставим здесь, пойдем за другим!

Волчий Коготь и Заяц кивнули в знак согласия и тотчас поднялись.

Два оленя — прекрасная добыча! Вот будет радость в племени.

Вторая группа, во главе с Задирой, обходила плоскогорье с другой стороны. Охота их была безуспешной. Наконец неудачливые охотники обнаружили следы росомахи. Она ползла по снегу — наверняка впереди была добыча!

Отправившись по следу росомахи, они действительно вскоре заметили следы небольшого стада оленей. Среди них два раненых — об этом говорили пятна крови на снегу. Добыча была совсем близко!



Но что это! Рядом — следы людей...

Три охотника преследовали оленей. Это могли быть следы их сородичей. Но ведь их было больше.

Задира вслух перечислил всех, кто пошел с Сыном Мамонта: Волчий Коготь, Заяц, Космач, Сова — их было больше, чем следов! Однако Задира не был убежден, что не ошибается. Ведь он не умел еще считать до пяти. Поэтому, став рядом со следами, он копьём стал делать заметки на снегу: это Сын Мамонта, это Волчий Коготь, это Заяц, а для Космача и Совы следов не оставалось.

— Это не наши! — решили охотники и пошли по следам чужаков, которые забрели сюда и теперь вводили у них из-под носа добычу.

Группа Задиры прошла по скалистому ущелью и, поднявшись наверх, увидела недалеко лежащего на снегу убитого оленя.

Мужчины уже хотели было с радостными криками ринуться на добычу, когда Джган, шедший впереди, внезапно упал в снег. Охотники поняли: что-то случилось — и последовали его примеру. Когда они подползли к Джгану, он, указывая глазами в сторону, с ужасом прошептал:

— Медведь или зубр — что-то огромное!

Охотники недоверчиво оглядели снежную равнину и действительно недалеко от оленя заметили огромное животное. Это был

не камень, как им показалось издали. Голова косматая, как у медведя, рогов нет — что же это такое?

Длинная Нога беззаботно заявил:

— Что медведь, что зубр — он убит, я иду! — и охотник попытался вылезти из укрытия.

Но Джган схватил его за руку, шепча:

— Он не убитый, живой. Будь осторожен!

Остальные охотники согласились с Джганом.

— У тебя есть лук. Ну-ка, выстрели! — предложил Задира Укмасу. — Действительно ли мертво это огромное животное?

Укмас минуту колебался — ему было страшновато, — но потом, решившись, начал переползать от камня к камню. Остальные ждали в укрытии.

Укмас приготовился. Потом решил подползти поближе и, добравшись до маленького кустика, залег. Стрела вылетела со свистом, рассекая воздух. Огромный зверь взвился вверх со своего снежного ложа.

— Лев, — выдохнули охваченные ужасом охотники, чувствуя, как кровь леденеет у них в жилах.

Страшный хищник, против которого бессильны все, стоял, напрыгавшись, разметая хвостом снег.

Потревоженный лев заревел, и его рев разнесся над заснеженной равниной.

Куда он теперь бросится? Вконец испуганные охотники тряслись от страха. Если лев заметит их, все будет кончено. Никому не удастся уйти живым.

Но что это там, вдали?

Какие-то три охотника по холму спешат сюда. Они тащат за собой оленя. Но вот они услышали рев льва, бросили добычу и бегут, объятые смертельным страхом.

— Так это же чужие охотники! — Задира и его друзья не отрывают глаз от хищника.

Лев озирается по сторонам, он ищет того, кто дерзнул нарушить его покой. Внезапно заметив трех охотников, хищник заревел, присел, готовясь к прыжку, и огромными скачками пустился вслед за убегающими мужчинами.

«Горе им!» — подумали лежащие в укрытии охотники, отважившись наконец высунуть головы из-за кустов. Лев не заметил их. Но расплатятся за них те трое неудачливых чужаков. Горе им! Лев растерзает несчастных...

Незнакомцы исчезли среди скал. Ах, как отчаянно они убежали! Падали в снег и, поднявшись, снова бежали, не надеясь на спасение. Им не уйти от хищника. Лев вот-вот настигнет их. Наконец и хищник скрылся среди скал, исчезнув из поля зрения объятых ужасом наблюдателей.

Охотники вздохнули с облегчением. На этот раз они счастливо отделались. Теперь можно и поговорить, обсудив все происшедшее. Нажравшийся лев, очевидно, уснул около оленя. Как хорошо, что

они не пошли прямо к нему! Охотники поглаживали свои амулеты.

Тишина, никакого движения на снежной равнине. Мужчины с опаской вылезли из укрытия и отважились подойти даже к мертвому оленю. Хищник здорово поработал над ним.

Но и после пиршества льва им все же кое-что осталось, Джган схватил оленя за задние ноги и поволок его к становищу.

Охотники еще раз огляделись. А что, если лев откуда-нибудь ринется на них?

Страшно подумать!

Двое тащили оленя. Когда они были уже в ложбине, Длинная Нога вспомнил:

— Олень тут — олень там! — и указал рукой назад.

— Ну, так и иди за ним, — усмехнувшись, предложил Задира.

Никто не проявил желания вернуться за вторым оленем, которого бросили чужие охотники. Даже если бы там было целое стадо убитых оленей, ничто не заставило бы людей приблизиться к страшному месту.

Ведь лев мог вернуться! Одна эта мысль заставляла охотников напрягать последние силы.

Еще засветло они добрались до пещеры.

Космач и Сова уже готовили освежеванного зайца.

Наступила ясная морозная ночь.

В пещере у огня Задира, Длинная Нога, Укмас, Сокол и Джган рассказывали с бесконечными подробностями о сегодняшнем приключении — встрече с огромным пещерным львом.

Копчем и Бельчонок лежали, прикрывшись шкурой. Подперев руками подбородок и вытаращив глаза, они слушали взволнованный рассказ охотников.

Вот бы увидеть такого льва! Правда, хорошо при этом взобраться на высокое-высокое дерево... На земле встречаться с таким чудовищем совсем не хотелось!

В ЖЕРЛЕ МАЦОХИ

Охотники долго беседовали и долго ели. Сбежавшиеся на запах жареного мяса лисицы и волки до утра бродили вокруг пещеры. Ночной мороз покрыл деревья и кусты белым хрупким инеем.

Сын Мамонта, Волчий Коготь и Заяц не вернулись. В племени все считали, что ночь застала их где-нибудь далеко от становища и они наверняка придут днем.

Джган и Укмас, поднявшись на холм, долго всматривались в даль, но никого не заметили.

Что же случилось с этими тремя? Все они хорошие, опытные охотники, о них нечего беспокоиться. Но что, если... И люди отгоняли дурные мысли, убеждая себя, что ничего плохого случиться не могло.

Молодой охотник Сова, подмигнув Копчему и Бельчонку, предложил им пойти с ним.

Ребята вышли, захватив с собой все необходимое для охоты.

— Вы слышали? — начал Сова. — Еще один олень остался там!..

Ребята кивнули, тотчас сообразив, что затевает их приятель. Им понравился план Совы. Вечером у костра они услышали все подробности славной охоты. Дружина Завиры не испугалась даже льва и отняла у него одного оленя.

— Мы возьмем второго! — решили друзья.

Сова хороший следопыт, он точно знает, в каком направлении нужно идти, — ведь охотники несколько раз подробно рассказывали, куда они ходили.

Они пересекли несколько холмов и ущелий. Устав от долгого пути, устроили короткий привал.

Наконец добравшись до плоскогорья, они заметили на снегу следы оленей и охотников. А вот и залитое кровью место, где лежал убитый олень. Узнали они и глубокие следы, оставленные могучими лапами огромного льва.

Только теперь их охватил ужас.

Они боязливо озирались по сторонам. Однако кругом стояла тишина, и мальчики понемногу успокоились. Лев наверняка уже где-нибудь далеко от этих мест, и бояться его нечего.

Рядом, в кустах, они нашли труп волка. Лев безжалостно расправился со своим соперником. Обнаружили они и следы росомачи; по ним было видно, что хищница близко подползала к убитому оленю, но проснувшийся лев отогнал ее.

Но где же тот, второй олень?

Искали, искали и действительно нашли второго оленя. Он лежал на снегу окоченевший, там же, где его бросили чужие охотники. Их-то теперь нечего опасаться — они наверняка стали добычей льва.

Молодые охотники были очень довольны удачным походом. Они принесут домой прекрасную добычу. Еще раз внимательно осмотрев окрестности, ребята собрались в обратный путь. До пещеры далеко, а зимний день короток. Надо спешить.

Копчем и Бельчонок проверили, не слишком ли тяжел олень. Пожалуй, они легко дотянут его до пещеры по замерзшему снегу. И ребята взялись за тушу.

Подтягивая оленя, они перевернули его на другой бок, и тут заметили, что в боку животного торчит стрела. Сова вытащил сломанную стрелу и показал ее мальчикам. Все с интересом рассматривали ее. Кремневый наконечник был вставлен в расщепленный прут, замазан смолой и перевязан тонкой ниткой из оленьей жилы. Прекрасная работа.

— Стрела Волчьего Когтя! — закричал вдруг Копчем.

Сова и Бельчонок замерли на месте. С ужасом, ничего не говоря, смотрели они друг на друга. Так, значит, это не чужие охот-

ники убегали от страшного льва, это были Сын Мамонта, Волчий Коготь и Заяц. Какой ужас! Лев разорвал самых смелых охотников их племени!

Снова и снова разглядывали молодые охотники обломки стрелы и в конце концов вынуждены были признать, что Копчем был прав. Стрела принадлежала Волчьему Когтю... Глаза молодых охотников были полны слез.

Теперь они уже знали, почему те не вернулись!.. Хога! Какую ужасную весть принесут они в пещеру!

И мальчишки решили выяснить, как погибли их несчастные соплеменники. Наверняка им недалеко удалось уйти от преследователя и их обглоданные кости валяются где-нибудь поблизости. Сова вел своих друзей по следам обреченных. Они нашли эти следы, нашли отпечатки могучих лап хищника.

Внезапно в скалах появился просвет. Исчезли деревья и кусты, покрытые снегом, исчезли скалы, исчезла и земля... под ногами разверзлась бездонная пропасть*. Из глубины поднимались белые скалы, но это уже был другой мир. К нему не было пути. Только птицам он был доступен...

Потрясенные, стояли молодые охотники над жерлом страшной пропасти.

Следы оканчиваются прямо на ее краю. Следы охотников и следы льва... Темная бездна поглотила их!

Копчем дрожал от страха. Только Сова набрался храбрости и отважился подойти к самому краю.

Оба мальчишки, гонимые любопытством, на четвереньках подползли к березкам и, схватившись за них, наклонились над бездонной глубиной. У них закружилась голова, и ребята поспешили закрыть глаза.

У пропасти не было дна. Куда же делись Сын Мамонта, Волчий Коготь и Заяц?

Наклонившись еще раз над пропастью, Копчем громко крикнул и тотчас отпрянул назад. Его голос, подхваченный глубиной, зычно разнесся по пропасти. Бельчонок и Сова тоже крикнули и внимательно прислушались к гулкому эху.

— Гой-я! — закричали они все вместе.

В пропасти их голоса ударились о скалы, загремели и исчезли. Минуту ребята стояли в наступившей тишине.

И вдруг вздрогнули.

В ответ раздался какой-то слабый голос.

Голос был странный, но сомнений быть не могло — он принадлежал человеку.

Стон отчаявшихся неся к ним из жерла пропасти.

Сова прошелся по краю. Между выступами нашел место, где спуск был более пологий, и по нему добрался до скалы, выдвинутой

* Известная во всем мире пропасть Мацоха, глубиной 138 метров. Верхняя окружность пропасти равна 440 метрам.



далеко вперед. Но подойти к самому краю не рискнул, боясь, как бы снежный покров не обвалился под его тяжестью. Мальчишки внимательно следили за ним, а потом осторожно стали пробираться следом. Отсюда было видно гораздо лучше, чем сверху.

Копчем лег, попросив Сову придержать его за ноги. Теперь смельчак повис над выступом и тут же крикнул взволнованно:

— Там наши!

Снизу неслись крики, но совсем не со дна.

— Это Волчий

Коготь!

— Это Сын Мамонта!

— Это Заяц!

— Там все наши! Они не упали на дно! Живы и лежат в расщелине на выступе! — рассказывал Копчем своим друзьям.

В ответ на вопрос Копчема, как им помочь, снизу донеслось:

— Топор!

Молодые охотники не стали размышлять, для чего нужен топор, а поспешили выполнить просьбу. Копчем предложил нарезать ремни из своей рубашки, сшитой из двух оленьих шкур. Шкуры были довольно мягкие, а у Совы в мешке нашелся хороший нож. После больших усилий ребятам удалось связать полоски кожи в длинный ремень. Сова привязал к его концу свой топор, а Копчем снова лег на край и стал осторожно спускать топор в пропасть.

Крики снизу означали, что топор опустился в предназначенное место. Пустой ремень Копчем подтянул наверх и смотрел теперь, что будут делать охотники.

Мужчины на скалистом выступе начали высекать во льду ступеньки. Теперь ясно, почему они не могли выбраться: скала покрыта льдом.

Скоро удары прекратились, снизу снова что-то кричали.

Копчем передал: им нужны ветки, они будут делать колышки.

Оставив ребят на скале, Сова вылез наверх и наломал березовых веток. Перевязав их ремешком, он спустил вязанку вниз. Вскоре удары топора возобновились.

Копчем объяснил: забивают колышки в скалу.

Вбивая колышки в трещины скалы и в лед, пленники поднимались все выше и выше.

Удары раздавались уже совсем близко — охотники работали без отдыха. И вдруг испуганный крик — топор полетел в пропасть!..

Мороз пробежал по спинам. Они были так близки к спасению, а теперь конец? Ведь второго топора нет, а копыя вряд ли могут пригодиться! Охотники в отчаянии смотрели друг на друга.

Все потеряно?!

Снизу раздался крик. Копчем наклонился.

— Они требуют ремень!

Схватив конец спущенного ремня, Сын Мамонта обмотал его вокруг руки и начал взбираться по ступенькам, прорубленным во льду, и колышкам, забитым в отвесную скалу.

— Держите крепче! — просили снизу охотники.

Сова и Бельчонок держали ремень, изо всех сил упираясь ногами в скалу. Они знали — от этого зависела жизнь тех, внизу. Мальчишки стали красными от напряжения, а глаза от натуги, казалось, выскочат из орбит.

Тогда Сын Мамонта решился: оттолкнувшись от последнего колышка, он цеплялся ногтями, нащупывая выбоины в отвесной стене, искал ногой опору. Доберется ли он? Копчем замурил глаза.

Вскоре Сын Мамонта уже стоял на утесе, а потом, обессиленный, свалился в снег.

Копчем так и сиял от радости. Он снова опустил ремень, чтобы им мог воспользоваться ожидающий своей очереди Волчий Коготь.

Все шло прекрасно, тому тоже удалось добраться до утеса, и Волчий Коготь в изнеможении упал рядом с Сыном Мамонта.

Потом пришла очередь Зайца. Расшатавшийся колышек вырвался у него из-под ног, и Заяц едва успел схватиться сведенными пальцами за трещину в скале. Теперь он висел на одном ремне. Если ремень оборвется, Заяц свалится вниз.

Сова осторожно подтягивал ремень, а Заяц медленно поднимался, цепляясь за трещины. Наконец ему удалось добраться до скалистого уступа, где уже отдыхали друзья.

Сын Мамонта оправился настолько, что уже мог двигаться, и начал медленно взбираться выше. Теперь дело пошло гораздо лучше. Широкую расщелину из огромных камней преодолеть сущий пустяк. Наверху Сова подал ему руку.

Следом за Сыном Мамонта поднялись и остальные. Ослабевшие, они едва могли держаться на ногах, и мальчишки помогали им. Сова с Бельчонок тянули Сына Мамонта, Копчем помогал Волчьему Когтю, Заяц пытался вылезти сам, но, обессиленный, свалился в снег.

Сова и Бельчонок уложили Сына Мамонта на твердой безопасной земле, а сами вернулись за Зайцем. Наконец-то все вздохнули с облегчением!

Охотники медленно приходили в себя, с трудом веря, что они живы и все ужасы позади.

— Вы голодны? — спросил их Сова.

Сын Мамонта и его друзья дружно кивнули.

Сова ушел.

Внезапно почувствовал голод и Копчем. Только сейчас понял, как продрог без меховой «рубашки». Беличьи шкурки на плечах — не очень-то подходящая одежда в мороз. Хорошо еще, что ноги в тепле!

Сова вернулся, неся куски мяса и печень.

— Это от твоего оленя, — сказал он, протягивая кусок Волчьему Когтю.

Тот с жадностью вонзил свои зубы в печень. Отрезал себе большой кусок и передал оставшийся кусок Сыну Мамонта, а тот — Зайцу.

Насытившись, охотники почувствовали себя совсем хорошо, а Копчем даже согрелся.

Сын Мамонта сначала обнял Копчема, потом Сову и Бельчонок и похлопал их по спине. Слов он не произносил. Они были не нужны. Так он благодарил их за спасение.

Он встал и попытался сделать несколько шагов.

— Домой, — заторопил он друзей, и все с радостью с ним согласились. Убитого оленя поволокли по снегу с собой.

По дороге Копчем развеселился. Мороз ему не был помехой, и он пел и плясал.

Начало смеркаться, закружились снежинки, и охотники ускорили шаг.

Ночью снова будет метель.

Пещера спала.

Джган сторожил у входа, присматривая за огнем в очаге.

Он услышал какие-то голоса. Схватился за копье и вышел наружу. Снова послышались голоса в темноте...

Кто бы это мог быть? Не Сова ли с мальчишками? Ну и достанется им от Крепыша! Сова сам молодой и неопытный охотник да еще прихватил двух мальчишек. Заблудиться ничего не стоило. Хорошо, если это они!

— Гоу-о! — закричал Джган во тьму.

В ответ ему понеслись веселые крики. Сын Мамонта, Волчий Коготь, Заяц, Сова, Копчем и Бельчонок возвращались домой да еще тащили за собой оленя!

Джган как ветер ворвался в пещеру:

— Они здесь! Они здесь!

Люди вскакивали с нагретых шкур, тискали и обнимали вернувшихся. Радость охватила племя, и ликующим крикам не было конца. Пещера сотрясалась от шума и топота.

Тотчас стали жарить мясо, и проголодавшиеся охотники дружно принялись за еду. Рассказам не было конца. И уж конечно, о сне никто не помышлял. Люди, затаив дыхание слушали о страшном пещерном льве и о том, как охотники были спасены от гибели.

Когда настала очередь Сына Мамонта и он принялся рассказывать, как разъяренный лев гнался за ними до края пропасти, слушатели не могли отвести от охотника глаз.

— Мы шли, чтобы взять убитого оленя, и вдруг навстречу нам ревуший лев. Хоу-а! Хоу-а! Мы побросали все. Со львом шутки плохи! Такие когти! Такие зубы! Один прыжок — и конец. Мы — бежать. Лев — за нами. Он уже почти настиг нас. Но впереди пропасть, страшная пропасть! Отвесная скала, а внизу бездна... Лев ревет — хоу-а! Громы гремят в пропасти, и скалы сотрясаются и гудят, хуру ачуа... Мы скользим и падаем вниз! Скала покрыта льдом. Удержаться невозможно. Сын Мамонта не знает, куда летит... Съезжаем на заснеженный выступ скалы над пропастью и останавливаемся. Лев — за нами! Скользит по льду. Его когти царапают и крошат лед. Шкп-ум! Лев прыгает на выступ. Гуп! Замахивается лапой, и в этот миг под ним обрывается снежный навес. С ревом лев летит в пропасть — гуа-ха! — переворачивается в воздухе и плюхается на дно! Тишина. Мы одни. Руками разгребаем яму в снегу. Прижимаемся друг к другу. Так проходит ночь. Долгая ночь. Холод, холод. Мы совсем окоченели. Солнце, день! Едим снег. Сын Мамонта пытается карабкаться по скале. Ничего не получается. Неосторожный шаг, и он чуть не падает следом за львом в пропасть. На скале лед. Мы не можем выбраться наверх, сидим в снегу. Замерзаем — конец нам. Оа-оа! На горе крики! Гойя! Снова крик. Гойя! Там кто-то есть? Сын Мамонта кричит в ответ. Он узнает Копчема. Ремень — топор — колышки! Наверх — спасение. Эй-я! Айо!

Никогда еще в пещере никто не произносил такой длинной и такой блестящей речи. Все увидели происходящее, будто сами были участниками событий. Сидели затаив дыхание.

Едва Сын Мамонта умолк, его принялись расспрашивать: люди хотели знать все подробности необычного приключения.

Дети засыпали. К утру заснули и Копчем с Бельчонком. Охотники все еще сидели у огня. Но страсти уже утихли, шла мирная беседа.

Снаружи бушевала метель.

ТАМ, ГДЕ СКРЕЩИВАЛИСЬ ПУТИ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

ПЕРЕД МОРАВСКИМИ ВОРОТАМИ

Племя зимовало в пещере. И хоть огонь весело потрескивал в очаге, людям было холодно и голодно. Часто после многодневных поисков охотники ни с чем возвращались в пещеру, и тогда дети жевали старые шкуры, чтобы хоть как-то обмануть желудок. А где голод, там и болезни.

Измучившиеся люди с нетерпением ждали весны, а когда она пришла и все кругом зазеленело, Крепыш решил, что пора двигаться в новые края. На вечерних советах у очага охотники часто вспоминали, что на востоке лежит равнина, где наверняка пасутся богатые стада оленей, коней, а может быть, даже и мамонтов. Земля, похожая на богатую зверьем и дичью долину Дьи, о которой люди не могли забыть до сих пор.

Во время охоты, взобравшись на холм, охотники обращали свои взоры на восток. Что-то неодолимо влекло их туда.

Женщины плели из лыка корзины, из нескольких мягких шкур сшили мешки. Все это должно было пригодиться в пути. Их радовала возможность побыть на воздухе. Зимой женщины почти не покидали пещеру, и глаза их от пыли и дыма покраснели и затекли.

Копчем и Бельчонок тоже сшили себе мешки. Продырявили острым кремнем отверстия по краю кожи. Прошнуровали их со всех сторон, одну короткую сторону они оставили открытой. Эту сторону они свяжут ремешком.

Взяв готовый мешок, Копчем подошел к Крепышу:

— Копчем хочет нести огненный камень.

Вождь кивнул и обратился к людям:

— Кто видел огненный камень?

Все в недоумении пожимали плечами. Никто в племени не знал, куда он девался. Огненного камня нигде не было.

Копчем едва сдерживал слезы. Как же теперь в пути разжечь огонь?

Обыскали всю пещеру, но огненный камень исчез. Люди были огорчены, они хорошо помнили, как им было трудно без огня и как все радовались, когда нашли огненный камень. Но они были так легкомысленны и так беспечны! Теперь в дорогу им придется взять тлеющие угольки — другого выхода нет. Что, если угольки погаснут? Страшно подумать!

Копчем никак не хотел примириться с потерей. Он все искал и искал.

«Во всем виноват я сам. — думал мальчик про себя. — Только

бы найти огненный камень! Теперь бы я берег его, как свой собственный глаз...»

Солнечным днем племя снялось с насиженного места и тронулось в путь.

Впереди шел Крепыш, за ним — охотники. Вслед за охотниками шли женщины с детьми. Они несли все имущество племени. У каждой на спине — ребенок или связка шкур. Девушки тащили мешки с сушеным мясом. Шествие замыкали два охотника — это охрана.

Весенняя земля была покрыта ковром мелких цветов. Подснежники и фиалки осыпали склоны, а в скалистых расщелинах проглядывали синие и желтые белокопытники, фиолетовые головки анемонов и желтые солнышки одуванчиков. Среди них одиноко поднимались столбики темного можжевельника.

Земля расцвела красками, приветствуя солнце. Но кочующему племени было не до красот. Ведь цветы, даже самые красивые, нельзя есть. Зато исчезли комары.

Вечером устроили привал у маленькой реки. Разожгли огонь из углей, которые несли в трухлявой, полусгнившей коряге. Поймали трех зайцев и двух уток, мальчишки приволокли корзинку яиц. Девочки набрали кислого, весеннего щавеля.

Когда наступил третий день пути, исчезли холмы, и племя вышло на равнину. Все говорило о том, что попали они в благодатный край.

Бескрайняя степь, множество следов животных. Исчезли скалистые гребни, по которым так трудно было идти. Земля была покрыта зелено-лиловым лишайником. Изредка попадались перелески из березы и ольхи.

Крепыш считал, что еще два-три дня надо идти вперед, в сторону холмистой долины, зажатой заснеженными горами. Это ворота, через них с гор тянутся многочисленные стада. Там будет прекрасная охота, такая, как в долине Дыи.

Племя переправилось через несколько больших и малых рек и двигалось теперь вдоль Бечвы к Моравским воротам.

Следопыты донесли, что раньше здесь уже кто-то прошел. Поэтому действовать нужно очень осторожно. Да и трудно было надеяться, что в таком благодатном краю они окажутся первыми.

Копчем, Бельчонок и Сова шли впереди. Это разведчики племени.

С небольшого пригорка они увидели тучу. Туча низко стелилась над землей, она приближалась к ним. Что бы это могло быть?

Гонимая сильным ветром туча рассеивалась, редкие клубы взлетали ввысь, а у земли она была темной, коричневой.

— Олени, олени! — вдруг завопил Сова.

Скорее к своим!

Впереди большая охота. И вот уже охотники схватили оружие и по приказу Крепыша разбились на группы.

Туча росла и неумолимо приближалась. Уже доносился грозный топот копыт. Огромное стадо спугнутых оленей неслось по равнине, как ураган.

Сотни твердых, тонких ног били землю в едином порыве. Олени в смятении сгрудились в кучу, их разветвленные рога походили на непроглядную лесную чащу. Тучи пыли вздымались в небо, застилая горизонт.

Вожака не видно впереди. Он затерялся в несущемся стаде, как воронье перо, занесенное ветром в густой лес.

Олени бежали, объятые смертельным страхом: рядом был их враг — человек.

Волчий Коготь, Укмас, Заяц и Сова уже приблизились к стаду и, охваченные охотничьим азартом, кричали во всю глотку, обнажая сильные, крепкие зубы.

Два оленя были убиты, несколько ранены, а один, сраженный стрелой Волчьего Когтя, добит каменными дубинами.

Внезапно животные остановились. Они толкались, испуганно подскакивали и сворачивали в заросли.

Из травы навстречу животным поднялись несколько охотников. Среди них — Крепыш и Сын Мамонта. Охотники покинули укрытие и с ревом погнали испуганное стадо назад.

Это был удивительный день! Такой охоты давно никто не помнил. Со свистом рассекали воздух ясеневые копыя с хорошо отточенными наконечниками. Охотники добивали раненых животных: захлебываясь, пили кровь и вновь бросались за новой добычей.

Стадо разделилось. Теперь олени неслись в разные стороны. На помощь охотникам пришли женщины и дети. Размахивая ветками и громко крича, они гнали испуганных животных прямо на копыя и дубины.

Животные разбежались, стих топот копыт, осела пыль.

Племя бросало к ногам вождя богатую добычу.

Жадный Крепыш, опершись на окровавленное копые, довольный, разглядывал убитых оленей. Наконец-то наступят дни, когда все в племени будут сыты, настанет конец всем горестям!

Раскатистый клич вождя — сигнал, и все племя набросилось на добычу. Ловко растаскивались жирные олени. Острые кремни разделявали туши.

Женщины и дети бросились в лес за хворостом. Старый Космач пытался раздуть огонь из куска дымящейся коры. Ее передал ему Копчем, который теперь хранит огонь как драгоценный клад.

Несколько умелых ударов ножа, и туша первого оленя разделана. Первый кусок принадлежит вождю.

Крепыш с удовольствием вонзил в него зубы. Ножом отрезал кусок перед самым ртом и с жадностью проглотил.

Сын Мамонта, Волчий Коготь, Заяц и другие мужчины поделили желудок и кишки. Каждый отрезал себе по огромному куску. У Космача, занятого разделкой оленя, от нетерпения по подбородку текли слюни. Криворог острым камнем скоблил содранную шкуру. Волчица и Ласка помогали ему, ловко орудуя широкой лопаткой из кости оленя: они снимали со шкуры остатки мяса и жира.

Голову оленя Космач отложил в сторону, при этом крикнув только одно слово:

— Рога!

Волчий Коготь хотел было поднять голову оленя, но Сын Мамонта опередил его.

— Сын Мамонта сам отрежет рога! — сказал он, усаживаясь и укладывая голову на колени.

Охотник по праву гордился своим умением. Никто в племени не мог это делать лучше Сына Мамонта. Раньше, когда еще был жив старый вождь, рога отрезали обычными кремневыми ножами. Однажды Сын Мамонта вместо камня с ровным краем по ошибке взял зазубренный. Он уже хотел было его отбросить как непригодный, но потом решил попробовать. Сначала все не ладилось, и даже при сильном нажиме нож не резал. Но случайно он сделал несколько движений вперед, а потом в обратную сторону, и на роге появился глубокий след.





Сын Мамонта стал водить ножом по рогу, в недоумении наблюдая, как нож все глубже и глубже вонзается в кость. И тогда охотник закричал от радости и стал прыгать вокруг костра, пока все не решило, что он сошел с ума.

Так Сын Мамонта изобрел пилу.

С тех пор люди его племени стали делать пилки сами, выламывая зубцы в хороших кремневых ножах.

Не успел Сын Мамонта нанести своей пилкой, закрепленной в рукоятке из кости, след вокруг рога, как Пайда крикнул:

— Эй! Посмотрите, они уже возвращаются!

Невдалеке, среди ольховых порослей, показались женщины и дети. Они шли, неся охапки хвороста.

Сын Мамонта отбросил голову оленя и вскочил, напряженно вглядываясь в

приближающуюся толпу.

Что-то случилось. Ему показалось, что женщины шли слишком быстро, подгоняя впереди себя детей. Они не несли, как обычно, на головах охапки хвороста, просто держали в руках по несколько веток. Что-то заставило женщин раньше времени вернуться в становище!

Поспешное возвращение женщин заметили и другие охотники. Быстроногий Заяц заторопился им навстречу.

Женщины что-то кричали. Охотники схватились за оружие. Сын Мамонта с копьем в руке и каменным топором за поясом стоял, приготовившись к бою. Большие шрамы на шее и спине набухли и побелели. Это следы ран после схватки с медведем.

Космач и Волчий Коготь стали рядом с Сыном Мамонта. Крепыш, как всегда, мешкал. Шкуры и мясо интересовали его больше всего.

Женщины наконец прибежали в поселок. С ужасом они рассказывали, что в зарослях видели нескольких незнакомых охотников.

Сын Мамонта издал воинственный клич, напоминающий крик раненого жеребца, и быстрыми прыжками обежал место стоянки.

В ожидании нападения женщины и дети сгрудились возле убитых оленей, охотники стали вокруг них. И в тот же миг чужие охотники вышли из зарослей и направились прямо к удивленной толпе. В волосах у каждого было воткнуто длинное перо.

Незнакомцы подходили со всех сторон. Вот уже число их удвоилось, их стало больше, чем охотников в племени Крепыша. Они размахивали оружием, скалились, угрожающе ворчали и злобно тарасили глаза.

Их вождь, огромный сильный мужчина, опоясанный волчьей шкурой, приближался, грозно размахивая тяжелой дубиной, и что-то выкрикивал. Волчий Коготь, Заяц, Космач, Сова и остальные охотники из племени Крепыша отвечали криками и угрозами.

Задира поднял камень, намереваясь запустить его в злобного незнакомца, но Сын Мамонта схватил его за руку.

Рассудительный охотник приказывал племени отступить перед грозной силой. В этот момент все почувствовали, что настоящий вождь — это Сын Мамонта. Испуганный Крепыш метался по становищу, переноса с места на место свои шкуры.

Решение Сына Мамонта было правильным, и никто не стал ему перечить. Все приготовились к обороне. Женщин и детей прикрывали вооруженные охотники. Сын Мамонта отступал последним, лицом к врагу.

Крепыш, Волчий Коготь и Криворог тянули за собой убитого оленя.

Толпа неприятеля надвигалась словно туча. Вождь пришельцев возмущенно кричал, жестаами приказывая оставить на месте оленя.

Сын Мамонта кивнул, и охотники молча оставили оленя врагам.

Племя отступало поспешно. Едва люди добрались до первых кустов, как отступление превратилось в беспорядочное бегство. Женщины бежали, придерживая привязанных к спине малышей. Остальные дети бежали следом. Охотники отступали последними, в любой момент готовые защитить племя от врагов.

Сын Мамонта сопел от гнева... Если бы не было женщин и детей, он бы показал этим, с перьями, чего они стоят!

Крепыш, весь кипя злобой, кусал губы. Он потерял ни за что ни про что столько жирных оленей! Когда еще такая удача придет к ним?

Наконец Сын Мамонта остановился на небольшом пригорке. Он с грустью смотрел на оставленный лагерь.

А там уже царило веселье. Пылал большой костер. Готовилась обильная трапеза. Никто и не пытался преследовать беглецов. Богатая добыча вполне устраивала врагов.

Теперь племени некуда было торопиться. Все устали и тяжело дышали. Дети тихонько попискивали, не поспевая за взрослыми. Взрослые тоже шли из последних сил.

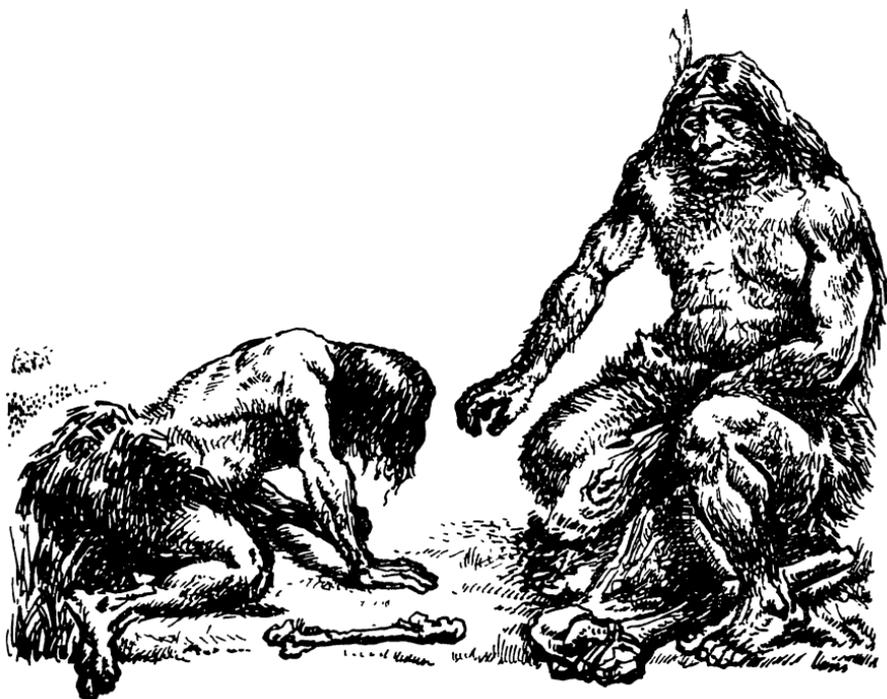
Племя переправилось через реку и расположилось на ночлег. Печаль и голод вернулись в племя. Дети кричали, прижимаясь к матерям. Копчема нигде не было. Никто не знал, куда он исчез. Была выставлена охрана, охотники заснули, сжимая в руках оружие.

В ПЛЕНУ

Плоская, слегка волнистая, поросшая травой и мхом равнина теряется где-то вдали. То тут, то там поднимаются заросли вербы, ольхи и березы. Изредка попадаются кустики земляники и черники. В низинах блестят озерки и речки.

Такие места привлекают к себе коней и оленей, особенно весной, пока еще не появились тучи комаров и оводов. Потом олени будут искать спасения от своих несносных мучителей в местах более высоких, гористых. Очевидно, от комаров спасалось и стадо, которое встретили охотники Крепыша.

Копчем тоже участвовал в охоте. И конечно, рядом с ним был его друг Бельчонок. Теперь мальчикам все чаще разрешали охотиться вместе со взрослыми. Это случилось после того, как были спасены Сын Мамонта и его друзья. Бельчонок, ловкий, быстро-



глазый, со слегка приплюснутым носом, вел себя как заправский охотник — ведь в становище давно говорят, что из него будет толк.

Сегодня мальчишки помогали взрослым загонять оленей. Их обнаженные загорелые тела невозможно было различить в траве, где они подстерегали животных. Они кричали и размахивали ветвями так, что испуганные животные ринулись в сторону.

Стадо разбежалось, охота кончилась, а Копчем все еще продолжал преследовать спугнутых животных. В охотничьем азарте Копчем не заметил, что забежал слишком далеко. Когда он пришел в себя, оленей уже нигде не было, пора было возвращаться.

Копчем обошел несколько кустов и, к своему ужасу, не нашел никого из охотников. С малых лет его обучали отыскивать след, но сегодня в такой суматохе этого не смогли бы сделать ни Сын Мамонта, ни Космач — самые лучшие следопыты племени. Спугнутое стадо уничтожило, затоптало все следы человека.

Копчем растерялся. В какую сторону идти?

Напившись воды из потока, мальчик посмотрел на небо. Солнце склонялось к западу, и он понял, что должен спешить, чтобы до сумерек добраться к своим.

И Копчем побежал, хотя ноги уже отказывались идти, а дыхание было тяжелым и прерывистым.

Он остановился только тогда, когда заметил, что вокруг все незнакомо. Повернулся и побежал в другую сторону. Он должен найти свое племя, иначе он погибнет в незнакомом краю.

Вдруг рядом промелькнуло что-то живое. Волки!

«Они-то мне и помогут! — обрадовался Копчем. — Волки наверняка почуяли запах убитых оленей и бегут в ту сторону.»

Забыв об усталости, мальчик пустился следом за волками. Они несколько раз мелькнули и исчезли. О, волки умеют бегать! Но Копчем больше не волновался. Он уже знал, в каком направлении ему следует бежать. Поднявшись на небольшой пригорок, он увидел лагерь. Мальчик радостно взвизгнул и припустился во весь дух.

Но что это?

Где Сын Мамонта, Космач, Волчий Коготь, остальные охотники? Где Бельчонок и Жучок? Он не знает этих людей, они совсем чужие!

— Эй, геш, геш! — закричали от удивления незнакомые охотники, когда Копчем вдруг появился среди них.

Они обступили испуганного мальчика и принялись смеяться над ним, подталкивая его со всех сторон, а один даже выхватил из рук Копчема палку с явным намерением ударить мальчика. Только Копчем не стал этого дожидаться. Он ринулся вперед и, словно ящерица, проскользнул между обступившими его незнакомцами. Объятый страхом, он бежал, спасаясь от злых преследователей.

Однако далеко уйти ему не пришлось. Его схватили и потащили к костру.

Вождь величественно восседал на камне возле костра и грыз жареную оленью ногу. Копчем взглянул на него, и его начало трясти от страха — такой свирепый вид был у этого вождя. В длинных спутанных волосах его торчало перо. При каждом движении оно угрожающе покачивалось.

Кто-то толкнул Копчема, он упал.

Недолго думая мальчишка повернулся и вцепился зубами в руку обидчика. Тогда на него накинулось сразу несколько человек, и только все вместе они усадили мальчишку на землю.

Начальник покатывался со смеху. Ему пришлось по душе мальчишеское упорство. Поэтому он приказал, чтобы мальчика не обижали, и даже бросил Копчему кость, чтобы тот обгрыз с нее остатки мяса. Это было знаком благосклонности.

Кость осталась лежать. Голодный Копчем не прикоснулся к ней.

Вокруг пленника толпились мальчишки, с интересом разглядывая его. Некоторые пытались даже заговорить с ним, но Копчем их не понимал.

Он сидел скорчившись на земле, а когда кто-нибудь хватал его за ногу или за волосы, угрожающе ворчал и скалил зубы, и это очень смешило собравшихся.

Вечерняя трапеза затянулась до полуночи.

У Копчема от голода сводило желудок и, не выдержав, он подтянул к себе кость и стал обгладывать мясо. Потом отбросил ее в сторону и увидел, как два волка вцепились в добычу.

Пленный мальчик не мог сделать и шагу — с него не спускали глаз.

Где Сын Мамонта, Волчий Коготь и Космач? Почему они не идут освободить Копчема из рук этих свирепых людей?

Свернувшись клубочком, мальчик тихонько заплакал.

Костер догорал. Сильные порывы ночного ветра раскидали прогоревшие угли, и потоки искр полетели в сторону спящего мальчика.

ПОБЕГ

К утру похолодало. Уже перед рассветом кто-то подбросил в костер хворосту.

Копчем подполз поближе к огню и снова уснул.

Когда он проснулся, солнце уже высоко стояло над далекими горами. Прикрыв глаза, Копчем наблюдал за тем, что происходило в становище.

Все племя было уже на ногах. Мужчины готовили мясо, разделывали оленей, потрошили их, разрезали на куски.

Копчем знал, что и сегодня, и завтра, и все последующие дни

люди будут есть мясо до тех пор, пока оно им не опротивест. Он знал — так бывает всегда после удачной охоты. Потом племя перекочует в другое место, и несколько дней охотники будут возвращаться домой с пустыми руками. За эти дни все основательно проголодаются. Но так всегда — то слишком много еды, то наступит голод...

Копчем тоже знает, что такое голод. Его даже озноб пробирает при воспоминании о страшных днях, когда погибла почти половина племени. Это с тех пор оно сделалось таким слабым. Тогда Копчем был на целую голову ниже.

Однажды он пошел с матерью посмотреть капканы, но в них ничего не оказалось. Тяжелый ствол, с одной стороны приподнятый и слегка подпертый палкой, торчал из снега нетронутый. Он не обнаружил даже следов зверей. То же самое было и у другого капкана.

Звери покинули этот край. Вернувшись в становище, мать и сын нашли только опустевшие снежные норы. Люди тоже ушли из этих мест...

Женщина с ребенком шли по следам на снегу, уверенные, что племя снялось так быстро потому, что разведчики обнаружили где-нибудь поблизости стадо оленей или степных коней.

Но вечером повалил снег, и следы исчезли под толстым покровом.

Путники переждали ночь под шкурами, устроившись в кустарнике, а наутро разыгрался буран, и идти дальше было невозможно.

Когда метель утихла, Ниана вышла из леса поискать что-нибудь съестное, а ему велела лежать в снежной яме и ждать ее возвращения. Копчем знал, что у матери нет никакого оружия, которое помогло бы ей в охоте на зверя. Но мать сказала, что принесет мясо, и он твердо верил, что она его принесет, а пока сосал замерзшие пальцы.

Ой, как долго ему пришлось ждать ее в тот раз! Он даже расклапался от голода.

— Мама, приходи! Мама, Копчем голоден, голоден! — так призывал он мать, испуганный одиночеством.

Наконец мать пришла. Он видел, с каким трудом пробиралась она по глубокому снегу. Вздохнула, пошатнулась и упала. Копчем закричал, и Ниана привстала. Не в силах подняться, она поползла по снегу.

— Мама, ты чего-нибудь принесла? — спрашивал мальчик.

Женщина подняла голову и тоскливо улыбнулась. Копчем никогда не забудет, как тогда она посмотрела на него. В ее блестящих от слез глазах он увидел что-то такое огромное, что весь затрепетал. Ниана подняла посиневшую руку с зажатым в ней прутиком, на котором висели три большие рыбы!..

Копчем весь просиял от восторга и вонзил зубы в промерзшую рыбу.

Когда же, насытившись, они прижались друг к другу, чтобы

согреться, Копчем принялся расспрашивать мать, как ей удалось поймать таких больших рыб.

И женщина рассказала ему сбивчиво и скупно, что нашла в своей одежде рыболовный крючок. Крючок из рыбьей кости и нож были единственным оружием, которое у нее было. Но она была готова на все, даже на схватку с медведем! Подойдя к озеру, женщина разгребла снег, тяжелым камнем пробила во льду отверстие, привязала костяной крючок к ремешку и опустила в воду.

— Мама, но ведь это невозможно без наживки! — недоверчиво перебил ее Копчем.

Он сам часто ходил на рыбную ловлю и знал: на крючок надо посадить какую-нибудь приманку — муху или небольшую рыбку.

— Невозможно, невозможно, Копчем, — согласилась мать и приподняла шкуру на ноге.

Копчем громко вскрикнул, увидев на ноге матери свежую, едва затянувшуюся рану.

Что это? И вдруг понял: это мать, не найдя другого выхода, вырезала кусок мяса из собственной ноги.

— Ах, мама, мама!

Мальчик кинулся в объятия матери и зарыдал. Так он плакал до тех пор, пока не уснул.

Еще несколько дней мать с ребенком оставались на этом месте, питаясь пойманной рыбой. Наконец племя вернулось, и они снова встретились со своими.

О, это были тяжелые времена...

Копчем отполз от костра.

А в становище снова началось пиршество. Охотники жарили мясо, с удовольствием заглатывая огромные куски. Лица блестели от жира, стекавшего по подбородкам.

Вождь, которого все называли Нунук, сам разделявал мясо. Женщины жарили его на раскаленных камнях.

Охотник Уминк вырыл яму глубиной по колено и развел в ней огонь. Когда яма разогреется, они будут тушить в ней мясо, прикрыв его листьями и камнями.

Другой охотник на соседнем костре коптил мясо, насаженное на прутья. Эти запасы они возьмут с собой, когда отправятся в путь.

Девушки приносили пучки щавеля. Люди обрывали листки и жевали их, чтобы снова приняться за мясо.

Один из охотников разбивал на камнях кости и подавал их вождю. Нунук из каждой высасывал мозг, облизывал и отбрасывал в сторону. Дети дрались из-за этих костей, пальцами и веточками выковыривали остатки жирного лакомства.

Копчему тоже удалось подхватить несколько костей. Он высасывал мозг и смотрел при этом на старую, очень толстую женщину, которая готовила для вождя олени языки. Языки были

покрыты пылью и облеплены травой. По ним ползали мухи. Толстая женщина брала язык, стряхивала с него грязь, облизывала и клала на большой лист лопуха — она чистюля и прекрасно знала, как угодить вождю племени. Нунук брал готовый язык, откусывал кончик и передавал кому-нибудь из охотников. Тот тоже откусывал кусок и передавал соседу.

Внезапно трапеза была прервана сигналом тревоги. Какое-то новое охотничье племя появилось поблизости, видимо привлеченное дымом костра и запахом жареного мяса.

Нунук и его охотники застыли с оружием в руках. Вождь подготавливал своих людей к возможному нападению.

Но пришельцы шли спокойно, ничем не выдавая агрессивных намерений. Они остановились поодаль и жестами начали показывать, что они голодны.

Вождь чужого племени выступил вперед и положил на землю шкуру, потом вытащил из кожаного мешка несколько кремней и бросил их поверх шкуры.

— Тукта! Тукта! Тукта!

Это означает: «Олень! Олень! Олень!»

И всем становится ясно — чужое племя хочет получить три убитых оленя и предлагает за них кремневые камни.

Вождь вернулся к своим, кремни лежали посредине, между двумя племенами.

У Нунука загорелись глаза. Рука с оружием опустилась. Ему очень нужны кремни. Их уже давно не хватает. А охотники без кремневого оружия слабы, как овцы.

И Нунук приказывает отнести одного оленя и положить его в обмен на одну шкуру с кремневыми камнями.

Чужой вождь отрицательно покачал головой. Он не согласен. Кремни слишком дороги, они принесены из страны, что лежит далеко у моря.

Тогда Нунук приказал положить еще одного оленя.

Вождь махнул рукой, выражая несогласие.

Нунук недовольно оглядел поселок. Нет, он не может лишиться свое племя запасов мяса. Он не даст третьего оленя.

И Нунук закричал:

— Тукта! Тукта! Хек, хек!

Это означало: «Два оленя, и конец»

Чужой вождь отвечал криками и жестами: он недоволен, его не устраивают два оленя. Он подошел к шкуре и спрятал кремневые камни в мешок.

Нунук видел, как кремни исчезали в мешке, и весь задрожал от негодования. Его племя должно получить эти кремни! Внезапно взгляд вождя упал на пленника, сидящего на земле. Нунук что-то закричал, и два охотника, подхватив Копчема под руки, потащили его и бросили рядом с двумя оленями.

Чужой вождь удовлетворенно кивнул, наклонился и коснулся рукой земли. Торг был окончен.

С удивлением наблюдал Копчем за всем происходящим. Он и оглянуться не успел, как был продан чужому племени.

Забрав оленей и Копчема, охотники ушли, а племя Нуука получило драгоценные кремневые камни.

Кажется, новые хозяева были ничуть не лучше прежних. Мальчик не мог понять ни того, что они говорят, ни того, что ему приказывают. Наконец по жестам он догадался, что ему велено следовать за ними и не пытаться бежать, иначе они его просто убьют.

Охотники торопились, им хотелось подальше уйти от воинственного племени Нуука. Хоть обмен и был дружеским, однако в любую минуту могла вспыхнуть свирепая схватка.

Копчема тянули и подгоняли. Все вперед и вперед — так требовал вождь племени.

Наконец на равнине, поросшей кустарником, охотники устроили привал, по приказу вождя сбросили на траву туши. Вскоре уже пылал костер. Голодные люди с нетерпением ожидали горячей пищи. Но едва они принялись за еду, как, чем-то обеспокоенные, повскакали с мест.

Из леса неслись громкие звуки — это трубили мамонты!

В племени поднялся переполох.

И не успели люди прийти в себя, как на поляне появился ог-



ромный мамонт с высоко поднятым хоботом. За ним, круша деревья и кусты, следовали две самки с маленьким детенышем.

Мамонты фыркали: они явно были чем-то встревожены. Длинными острыми бивнями они прокладывали путь в кустарнике, сметая все, что попадалось на пути.

У Копчема от ужаса перехватило дыхание.

Мамонты прямо направляются к тому месту, где люди устроили привал. Еще немного — и все погибнут под могучими ступнями гигантов.

Внезапно из кустарника выскочил огромный тигр и вонзил свои длинные саблевидные клыки в детеныша мамонта.

Охотники в страхе разбежались, среди кустов мелькали только их спины.

Тигр убил мамонта и водрузил на него свои передние лапы.

Он был готов растерзать всякого, кто помешает ему. Страшный рев сотрясал всю округу, возвещая победу хищника.

Копчем, воспользовавшись замешательством, решил бежать. И он побежал, почти теряя сознание, спасаясь не только от зверя, но и от людей.

Он споткнулся о корень, упал, но тут же поднялся и бросился вперед, боясь, что тигр гонится за ним. Наконец, совсем обессилив, он повалился на землю. Голова болела, тело ныло, он весь дрожал от ужаса.

Отдышавшись, Копчем поднялся и медленно побрел куда глаза глядят. Теперь он будет действовать осмотрительно. Теперь его не проведешь!

Но как здорово снова почувствовать себя свободным!

Теперь надо найти свое племя. Бельчонка, Жучка и остальных ребят. Хотя иногда они и ссорятся, но в общем-то очень дружны.

ЗА ПЛЕМЕНЕМ

Ноги у Копчема болели. Ему хотелось прилечь, но он чувствовал, что не сможет встать.

«Добраться хотя бы до тех черных елей! — мечтал мальчик. — Здесь так мокро и так тяжело вытаскивать ноги из болота!»

По дерну идти гораздо легче. А сколько кругом черники! Она еще незрелая, но голодный мальчик не замечал этого, отправляя в рот полные пригоршни ягод.

«Гирлиу, Гирлиу!»

«Это кричит куропатка», — решил Копчем, продолжая собирать ягоды. «Гирл-гирл!»

Пройдя несколько шагов, он наклонился, чтобы сорвать спелую землянику, и чуть было не наступил на птицу. Несчастливая прижалась к земле, уставившись черными, как бусинки, глазами на мальчика. Стоило Копчему пошевелиться, и куропатка, взмахнув хвостом, мгновенно исчезла в траве.

— Не бойся, Копчем тебе ничего не сделает! — крикнул мальчик.

Но ее и след простыл.

Невдалеке заколыхалась трава, хотя ветра не было.

«Что-то живое там копошится», — подумал наблюдательный мальчик и в ожидании застыл на месте.

И в тот миг, когда лиса подпрыгнула в траве, ввысь взметнулась целая стая куропаток.

Испуганные птицы, шумно трепыхаясь, тяжело опустились где-то за сосновым бором.

Копчем проглотил еще несколько ягод и двинулся дальше. На берегу мелкого озера, поросшего тростником, он остановился.

Одна утка пролетела совсем близко от него и уселась на ольхе. И только тогда Копчем заметил на дереве гнездо. «Что это утка делает в вороньем гнезде?» — подумал Копчем и тотчас полез на дерево. Ольха была ветвистая, и мальчик без особого труда добрался до гнезда. Утка, заметив Копчема, начала беспокойно ерзать в гнезде, и маленькие утята попадали вниз. Так бывает всегда: мать скорее выбросит из гнезда своих птенцов, чем позволит их взять.

Мальчик слез с дерева и подобрал утят. Их было много. В действительности их было семь, но до семи Копчем не умел считать. До пяти еще куда ни шло, но все, что было больше пяти, было уже «много». Никто в племени не умел считать больше чем до пяти.

Насытившись, Копчем с удовольствием облизнулся.

К вечеру он добрался до скалистого ущелья. Здесь он наверняка найдет место для ночлега в одной из пещер, где тепло и безопасно.

Пробираясь между скал, мальчик наконец заметил пещеру и решил ее обследовать.

Но едва Копчем просунул руку в отверстие, как услышал злобное рычание... Похоже, что медведь пробудился ото сна...

В глубине пещеры блеснули два зеленых глаза, потом послышалось фырканье, ворчанье, и своды пещеры содрогнулись от олушительного рева. Испуганный мальчик свалился вниз.

Что произошло дальше и какого зверя он потревожил в пещере, Копчем не знал. Он бежал что было мочи, стараясь поскорее укрыться в кустарнике. Ничего себе, чуть было не угодил в лапы к медведю! Бр-р! А что, если это был страшный хозяин земли — лев? О-е! Еще немного — и Копчему не пришлось бы заботиться о ночлеге!

Отдышавшись, мальчик решил продолжить поиски. Ему удалось найти совсем небольшую пещеру. На этот раз он был осмотрительнее: сначала бросил в пещеру камень и, убедившись, что внутри никого нет, забрался в нее.

Заложив вход камнями и ветками, Копчем свернулся клубоч-

ком и через минуту уже спал крепким сном. Не разбудил его даже рев дикого зверя, разорвавший тишину ночи.

Утром, проснувшись, Копчем высунул голову из пещеры и огляделся. Кругом стояла тишина.

Мальчик вылез наружу, потянулся, перекувырнулся через голову и зашагал дальше.

Выбравшись из ущелья на плоскогорье, он заметил невдалеке двух волков. Волчица отгоняла волка от логова — это Копчем сразу понял!

Наверное, где-то рядом спрятаны ее детеныши и она боится за них. Ведь волк может их съесть!

Пройдя еще несколько шагов, Копчем заметил трех маленьких волчат, игравших перед логовом. Были они желтые и мохнатые, с яркими глазами и острыми мордочками.

Копчем лежал за кустом и наблюдал, как волчата дерутся из-за червя. Один его проглотил, а другие повалили обжору и кусали за уши и нос. Откуда-то вылетела большая стрекоза и неподвижно повисла в воздухе. Один волчонок подскочил, но стрекоза тут же взвилась ввысь. Волчата размахивали лапами, пытаясь поймать ее, они спотыкались, переваливаясь друг через друга.

«Где им поймать стрекозу! — размышлял Копчем, посмеиваясь над неискушенными зверенышами, — Червя легко поймать, потому что он лежит и спит. Хуже дело обстоит с жуком — он ползает. А еще труднее поймать мышь — она бежит. Ну, а для того чтобы поймать то, что летает, вам, дорогие мохнатикки, еще многому придется учиться!»

И вдруг Копчема осенило: а не поймать ли ему одного волчонка? Мальчик даже вспотел от этой мысли, так она его обожгла. Пытаясь поближе подползти к волчатам, он неловко задел камень, и тот с шумом повалился. Волчата замерли, ожидая, что будет дальше. Они, наверно, решили, что это мать их возвращается с охоты и несет им пищу.

Копчем, поняв, что ему не удалось подобраться незамеченным, выскочил из кустов и, схватив одного волчонка, крепко сжал его в объятиях. Остальные волчата скрылись в норе.

Однако волчонок был не из робких: ударив мальчика лапой, он вырвался из его рук и исчез следом за другими. Огорченный Копчем показал ему язык и пошел своей дорогой.

Теперь он шагал по плоскогорью в сторону гор. Может быть, сверху он скорее обнаружит следы своего племени?

Но что это? В траве что-то мелькнуло. Заяц!

Копчем пустился вслед за ним, схватил и только тут увидел, как в сторону отскочила ласка. Заяц был раненый. Копчем взял его за задние ноги и несколько раз ударил головой о землю.

Это будет жаркое что надо!

Только бы найти своих, тогда он испечет зайца на костре. Только бы найти! Мальчик с надеждой оглядывался по сторонам, но нигде не было ни людей, ни дыма от костра.



Копчем уселся под сосной, положил зайца перед собой и задумался.

И вдруг — скак! С дерева соскочила рысь, схватила зайца и, заворчав, исчезла в кустах...

Копчем от испуга даже вскрикнуть не успел. Опомнился, когда рысь уже скрылась в лесу.

«Ах, ты разбойница! — Мальчик погрозил похитительнице кулаком, но все было напрасно, заяц был потерян. — Если бы у меня в руках была хоть палка!» — сокрушался Копчем.

Вечером Копчем устроил себе ночлег в старом дупле. Это было немного неудобно, но что поделаешь, другого выхода нет, да к тому же Копчем вообще привык спать, свернувшись клубочком. Так ему было теплей.

Долго не мог он уснуть и чуть не расплакался, вспомнив родное племя. Ему так не хватало товарищей! Он был один, совсем один среди окружающего его бескрайнего мира.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В племени Копчема воцарился голод. Напрасно пытались охотники выследить какую-нибудь добычу. Не потеряй они тех оленей, еды им хватило бы на много-много дней. Укладываясь спать, го-

лодные охотники долго посылали проклятия пришельцам, отобравшим у них добычу.

Нашлись и такие, которые начали ворчать на Сына Мамонта, обвиняя его в малодушии и трусости. Не следовало отдавать оленьей, нужно было вступить в бой с чужим племенем. Но старый Космач прикрикнул на ворчунов: он считал, что Сын Мамонта поступил правильно.

Стоянку устроили на берегу, под отвесной скалой. Небольшой костер, разожженный под скалой, красноречиво свидетельствовал о том, что готовить на огне было нечего.

Дети лежали у костра. Они не играли, не бегали, не кричали. Вот уже несколько дней людям нечего было есть.

Бельчонок бродил вдоль реки и печально смотрел вдаль, вспоминая те времена, когда они вместе с Копчем ходили на охоту. Как это было хорошо! Встретится ли он когда-нибудь со своим пропавшим другом?

В становище вернулись разведчики. Вести их были неутешительными. Вокруг не нашли ни одного звериного следа... Через этот край прошло много охотничьих племен, — спугнутые звери разбежались.

Надо было снова собираться в путь.

Но кто может сказать, что их ждет впереди.?

И снова племя готовилось к дальней дороге. Мужчины проверяли копыя, каменные дубины. Женщины привязывали за спину мешки с маленькими детьми. Все молчали, сейчас было не до разговоров.

Даже веселая Жабка и та не смеялась, а Бельчонок сидел в стороне, мрачно постукивая палкой о землю. А как, бывало, он веселился! Теперь он был голоден и ему очень не хватало его верного друга Копчема.

Внезапно тишину над озером разорвал цокот множества копыт. Охотники вскочили и, задрав головы, стали смотреть вверх, на отвесную скалу. Топот несся оттуда. Что-то громадное, подобное каменной глыбе, рухнуло вниз.

Эй-ух-эй!

Вот так чудо! Лошади срывались со скалистого обрыва и летели вниз. Одна, другая. От неожиданности охотники еле пришли в себя и, схватив оружие, набросились на раненых животных.

Сын Мамонта своим копыем поразил уже трех.

Космач, Волчий Коготь, Заяц и остальные мужчины тяжелыми дубинами добивали других. Крики ликования и рев оглашали округу.

Женщины спешили на помощь мужчинам. Дети кричали и прыгали от радости.

Будет мясо, снова наступят благодатные времена!

Скоро под скалой уже лежало пятнадцать жеребят и лошадей, остальные неслись вдоль берега озера.

Люди ликовали. Мужчины и женщины суетились около убитых

животных. Бегали на четвереньках, скакали, как олени, валялись по траве, словно медведи.

Даже старый Космач, позабыв о возрасте, стал на голову и болтал в воздухе ногами.

Внезапно головы всех обратились к скале. Кто-то спускался по отвесному склону. Кто это?

— Да ведь это Копчем!

— Вот так парень! Ну и храбрец! Слава Копчему! Как хорошо, что ты снова среди нас!

Сын Мамонта, Космач, Бельчонок, большие и малые обитатели становища обнимали Копчема, теребили его.

— Ах ты, уродец! — бранил мальчика Космач, а сам добродушно ухмылялся и тянул Копчема за волосы. — Где это ты так долго пропадал? Уж не твоих ли рук это дело — такая добыча?

И Копчем сбивчиво начал рассказывать, как он отыскал родное племя. Глаза у него блестели, он весь так и сиял от радости и, заикаясь от волнения, продолжал рассказ:

— Копчем сюда. Копчем туда. Заблудился. Племени нигде нет. И вдруг навстречу Копчему табун степных лошадей. Копчем испугался, поднял ветку и закричал. Кричал долго и громко. Лошади испугались и поскакали прочь. Копчем за ними. Бежать пришлось долго-долго. И вот он здесь!..

Охотники подхватили Копчема под руки и обнесли вокруг костра. Бельчонок и остальные дети присоединились к процессии. Конец голоду, Копчем пригнал лошадей! Ух-хей-я!

А потом был пир, какого не помнили даже старые охотники. Яркое пламя высоко вздымалось в небо.

Костер пылал и днем и ночью. Все наелись до отвала, так что у многих даже начал болеть живот. Сам вождь разбивал кости и подавал их Копчему, чтобы тот мог полакомиться мозгом. А Копчем передавал их Бельчонку.

Ветер разносил далеко вокруг запах жареного мяса. Со всех сторон, задрав носы, сбегались голодные волки. Здесь им наверняка что-нибудь перепадет.

БОЛЬШОЕ СРАЖЕНИЕ

Дни пиршества приближались к концу. Охотников невозможно было узнать — так они все поправились. У некоторых даже живот появился. А на кого стали похожи женщины, как они растолстели! Лица у всех лоснились от жира, при ходьбе они покачивались, и стоило немного ускорить шаг — начинали задыхаться. Дети резвились и катались, словно маленькие шары. На мясо уже никто не мог смотреть, ели только кислые и горькие травы, листья и щавель.

Сушеного и копченого мяса заготовили целые груды. Охотники

лениво перекладывали запасы с одного места в другое, пытаясь уберечь от лисиц, волков и росомах.

Необычное оживление царило в становище. По поселку, оглушая его обитателей, разносился громкий свист. Это ребята надедали свистулек. А ведь это все выдумка Бельчонка и Копчема. Извлекли остатки мозга из полых костей, подули в отверстие, и раздался свист. Это было занятно. Теперь уже свистели все до изнеможения. Испробовали, все ли кости свистят, оказалось — только полые. В свистульках продырявили отверстия и устроили шумное шествие вокруг хижин.

Но всему приходит конец. Кончились и благодатные дни отдыха. В один прекрасный день, когда людям меньше всего хотелось сниматься с насиженного места, Крепыш приказал готовиться к дальней дороге.

Племя вернулось к бурливой Бечве, где оно уже однажды побывало. Все были веселы, полны надежд. Недалеко от реки следопыты обнаружили следы мамонтов. Если бы встретить хоть одного!

Однако дальний путь — это не только надежды. Он полон опасностей и неожиданностей.

На другой день Сова и двое его приятелей — Копчем и Бельчонок, — идя, как всегда впереди племени, обнаружили на дороге множество следов. Какое-то племя шло впереди вверх по Бечве. Следы были совсем свежие — незнакомцы не могли уйти далеко.

Мальчики тотчас вернулись к своим.

Крепыш призадумался. Соседство чужих охотников всегда неприятно. Того и гляди, произойдет стычка, а в данный момент она совсем нежелательна.

И группа Совы снова отправилась на разведку. К ней присоединились двое опытных охотников.

Сова с мальчишками решили обойти незнакомцев. Они пробрались сквозь низкие заросли, стараясь ничем не выдать себя.

Ребята услышали шумный разговор раньше, чем ожидали. И тут же увидели чужаков.

Затаив дыхание, напрягая слух, наблюдали они сквозь ветки за ничего не подозревающими людьми.

Те явно что-то затевали. Они перебегали с места на место, хватались за оружие. Было похоже, что они готовились к нападению на мамонтов или зубров.

Особенно интересен был охотник с пером в волосах. Копчем чуть не вскрикнул, узнав в нем того самого вождя племени, где он побывал в плену. Вот этот, кажется, Уминк, а тот, возвышающийся над всеми, конечно же, вождь Нунук; его перо так и раскачивается угрожающе из стороны в сторону.

Сова тоже узнал их: ведь только недавно они забрали у их племени всю добычу — жирных оленей.

Да, эта встреча была не из приятных! Необходимо было немедленно предупредить Крепыша. Приказав мальчишкам хорошо укрыться и не спускать глаз с пришельцев, Сова отполз в сторону,

а потом припустил к своим. Так мог бежать только голодный волк, преследуя раненого оленя.

Чужое племя — это то самое, которое отняло у них добычу. Охваченные гневом, люди потрясали оружием, ударяли им о землю и посылали проклятия в адрес похитителей.

— А ну-ка, пойдём взглянем на этих храбрецов! — Задира так и кипел от негодования, размахивая тяжелой дубинкой. — Может, разомнемся немного...

К нему присоединились и другие охотники. Всем давно наскучило безделье и хотелось испытать свою силу.

Напрасно Крепыш и Космач призывали их к благоразумию.

— Нас мало — их много! — напомнил Сын Мамонта.

Но никто не обратил на него внимания.

Боевой пыл охвачил охотников, и удерживать их было бесполезно. Только женщины и дети остались в становище.

Сова шел впереди, остальные тихо следовали за ним. На пути им повстречался Копчем.

— Они сражаются! — выдохнул мальчик и спрятался за спины охотников.

— С кем? — вскричали все разом.

— С каким-то другим племенем! Это племя Нунука напало на чужое становище. Вон там, под той скалой!

— Вперед! — выкрикнули охотники, охваченные жадой мести.

Вскоре до них донесся шум сражения. Гортанные выкрики перемешивались со стонами раненых, рев сражающихся несся над равниной.

С воинственными криками охотники ринулись к месту сражения, где кипел жестокий бой. Местное племя отчаянно отбивалось от пришельцев, в волосах которых раскачивались длинные перья, а лица были разрисованы желтой краской.

Неожиданное вмешательство совсем нового племени вызвало большое смятение у обеих сражающихся сторон. Но когда Волчий Коготь, Космач, Задира, Крепыш, Укмас, Джган, Заяц, Сын Мамонта и другие начали наносить удары охотникам с перьями в волосах, обороняющиеся с ликованием приняли неожиданную помощь, и схватка закипела с новой силой.

Охотники с перьями совсем растерялись. Кольцо вокруг них сжималось, и они вынуждены были трусливо бежать. Объединившиеся племена победителей гнали их до самой Бечвы, посылая им вслед камни и громкие ругательства. Потом все вместе вернулись на поле боя. Говорили они на разных языках, но радость общей победы сделала понятным язык жестов.

Местные жители принесли дары своим освободителям и угощали их как могли. Они приносили из своих хижин шкуры, драгоценные кремневые камни, оружие и все это складывали к ногам Крепыша, прекрасно понимая, что без помощи его охотников им никогда не удалось бы победить могущественное племя Нунука.

Многие защитники становища погибли в этой неравной схватке. Тела погибших мужчины перенесли к скале и подолгу причитали над каждым, восхваляя его славные подвиги и проклиная его врагов. Больше всего они плакали над телом вождя. Они окружили его, вложили ему в руки топор и, кивая в такт головами, затянули протяжную песню без слов.

Женщины занялись ранеными. Они прикладывали к их ранам разжеванные листья подорожника, обматывали большими, прохладными листьями и перевязывали ремешками из древесной коры. Даже тяжелораненые не жаловались, они переносили боль стойко, веря себя судьбе. Кто останется жить — хорошо, снова будет ходить на охоту, кто не выдержит — что ж, таков закон суровой жизни охотников.

Вечером разложили большой костер. Все, кто принимал участие в сражении, по очереди рассказывали о своих подвигах, и слушающие громкими одобрительными криками выражали им свою похвалу и восхищение. Подвиги особенно отличившихся в бою разыгрывали в лицах, стараясь точно воспроизводить движения и мимику.

На другой день хоронили восемь погибших воинов. Это были рослые мужчины. Погибли они в честном бою, и покинувшие их души носились теперь над их неподвижными телами. Умершие просто спали, они навсегда уснули долгим, непробудным сном.

Рядом с погибшими воинами положили двенадцать убитых женщин и детей. Нападавшие не щадили никого. Двадцать погибших, почти половина племени, — печальный результат жестокого боя двух охотничьих племен.

Прежде чем ров был засыпан, к нему приблизилась женщина и посыпала тело убитого ребенка украшениями и игрушками. Все приносили к могиле мелкие камешки, мамонтовые кости и множество всяких предметов. Скоро тела погибших скрылись под этими приношениями. Наконец могила была обмазана глиной*.

Под отвесным склоном холма, одиноко поднимающегося над Бечвой, выросла могила.

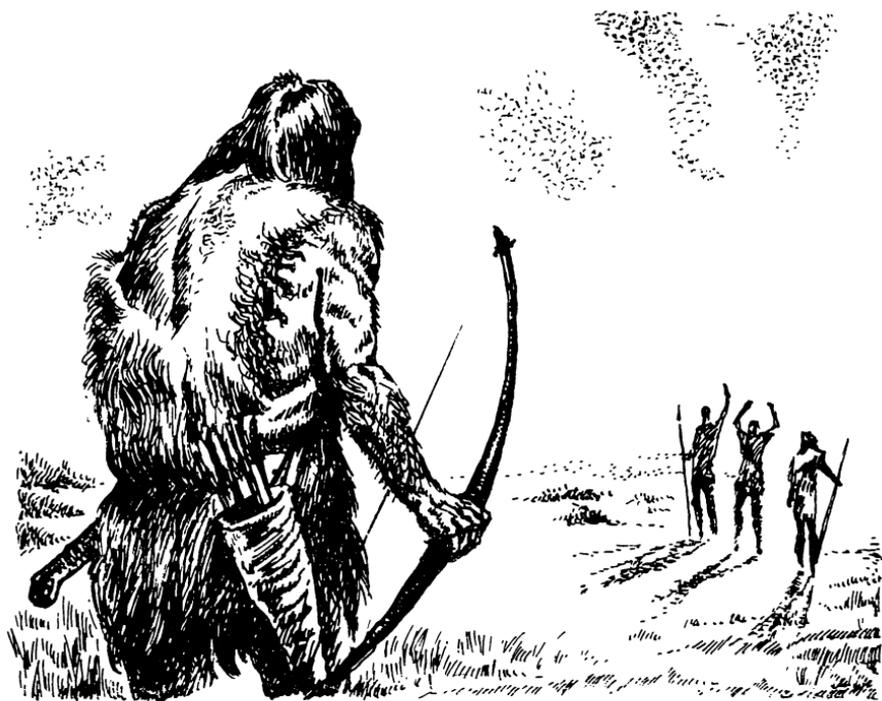
Ночью ее посетила дерзкая лисица; она начала разгребать землю и так увлеклась, что даже не услышала тихих шагов стража.

Утром ее нашли в могиле, проколотую легким копьём. Она лежала в выкопанной ею яме. Никто не притронулся к хищнице. Ее засыпали камнями и глиной. Она была захоронена вместе с мертвыми.

Врагов не хоронили. Они не заслужили этого.

Их просто стащили в середину становища, и пиршество началось. Оба побратавшихся племени уселись рядом, каждое у своего костра.

* Такая общая могила была обнаружена в 1891 году в Пршедмости, у Пршедова на месте стоянки охотников на мамонтов.



Победители обоих племен получили в знак особых почестей сердца убитых врагов. Сила погибших мужчин теперь вольется в тела победителей, и они станут вдвое сильнее.

После пира еще долго говорили о жестокой битве. Воины вспоминали все новые и новые, ранее забытые подробности.

— Они остались без вождя, — заметил Космач в беседе с Крепышом.

— У нас его тоже нет! — съехидничал Задира.

— Что ты мелешь, Задира? — спокойно остановил его старый охотник.

— Я сказал правду, — отрезал Задира и поднялся со своего каменного сиденья. — Крепыш — не вождь: он во время боя прятался за нашими спинами... Их вождь был героем.

Задира сказал вслух то, о чем думали все: Крепыш во время сражения действительно вел себя недостойно. Поэтому слова Задиры на этот раз были встречены гулом одобрения.

Крепыш встал и, заикаясь, начал оправдываться. Но в ответ неслись только громкие насмешки. Тогда он повернулся и ушел.

Но тотчас возвратился и решительно заявил, что не хочет быть больше вождем племени.

Как ни смеялись собравшиеся над Крепышом, все же его отказ удивил всех. Однако надо было решать вопрос посложнее. Кого же выбрать вождем?

Вперед выступил Задира. Он явно рассчитывал на поддержку своих приятелей.

— Задира, а ну-ка отойди! У нас есть и получше тебя! — осадил дерзкого охотника рассудительный Космач.

— Это кто же? — насмешливо спросил Задира.

— Сын Мамонта, — ответил серьезно Космач.

И тут же его поддержало еще несколько голосов:

— Да, да, Сын Мамонта!

Задира подошел к Сыну Мамонта и процедил:

— Ну, это мы еще посмотрим!

Сын Мамонта ничего не ответил, только искоса взглянул на Задиру, который стоял, стиснув зубы, и бросал злобные взгляды на него, потом скинул с плеч шкуру и стал против Задиры.

Их сразу же окружили. Будет борьба!

Задира сплюнул, тоже сбросил шкуру и двинулся на соперника.

Сын Мамонта не ожидал такого бурного натиска и отступил, но потом обхватил Задиру сильными, мускулистыми руками и повалил на землю. Тот попытался встать, но Сын Мамонта снова с силой прижал противника к земле. Железные пальцы сомкнулись на горле поверженного, и он начал задыхаться.

— А ну-ка, покажи ему! — подзадоривал Сына Мамонта Копчем, протягивая каменную дубинку.

Но охотник не взял оружия, оно уже было не нужно. Кровь хлынула изо рта Задиры, и тело его обмякло.

Сын Мамонта встал и победно осмотрел собравшихся. Он видел, что все были рады поражению хвастливого Задиры, и с достоинством принял медвежью шкуру, которая по праву принадлежала ему, но которую до сих пор носил Крепыш. Сын Мамонта перекинул ее через плечо, с этого момента он сделался вождем племени.

Происшедшее не требовало никаких обсуждений. То, что случилось, было принято как должное.

Задира вскоре очнулся. Подошел к ручью, напился, намочил голову и присоединился к остальным. Казалось, он смирился со своей участью. Присев на камень, он стал слушать, что говорил его новый вождь.

Спор был разрешен. Если бы Задира не подчинился, он был бы изгнан из племени. А это то же, что осуждение на смерть.

За борьбой наблюдало и другое племя. Сын Мамонта им понравился. Они поняли, какой спор был разрешен у них на глазах.

Мужчины этого племени посовещались, а потом остановили Сына Мамонта:

— Ты вождь — мой — твой!

Охотник не сразу понял, чего от него хотят.

— Ты вождь — мой — твой, — повторили те, кланяясь и прикладывая руки к голове.

Космач, раньше всех сообразивший, в чем дело, подскочил к ним и подал им руку:

— Сын мамонта — вождь всех!

Все радостно закричали, начали пожимать друг другу руки, тереться носами. Это были знаком полного доверия и дружбы.

Охотники местного племени привели Сыну Мамонта краснолицую Дяргу, дочь своего погибшего вождя. Отныне она будет его женой.

Так Сын Мамонта стал вождем сразу двух племен. Оба потерпели поражение, понесли потери и теперь, объединившись, снова будут сильными. Вместе легче добывать пищу, легче обороняться от врагов.

— Гейя ух! Сын Мамонта, Сын Мамонта! Сын Мамонта!..

На одинокой скале у реки Бечвы горел большой костер. Здесь праздновали победу два охотничьих племени — властители широкой долины Моравы.

Со скалы над Бечвой ни стадо животных, ни враждебное племя не оставалось незамеченными. Все, кто проходил через этот край, не отваживались напасть на становище в Пршедности; все старались проявить дружеские чувства, поднося дары, обменивая кремни и раковины на шкуры.

В племени воцарился покой. Разведчики сообщали о появлении мамонтов. Здесь, через Моравские ворота, проходил их путь. Обычно охотники окружали какого-нибудь отбившегося от стада одиночку и убивали его, обеспечивая себя едой на много дней. Кости мамонтов и их клыки складывались в хранилище. Чужеземцы, попав в эти края, удивлялись такому невиданному богатству.

У охотников было много времени, и они обрабатывали кости мамонта, делая из них различные орудия: иглы, шила, вилки, скрепки, большие ложки, гарпуны для ловли рыб. Особенно удавшиеся изделия украшались резьбой и знаками. Меченое орудие принадлежало только тому, кто его сделал. Нашлись и любители вырезать на гладких костях рисунки — главным образом силуэты животных. Иногда охотники выпиливали из костей фигурки людей и берегли их — это были талисманы.

День проходил за днем. В становище над Бечвой было тихо. Только однажды в поселке поднялась тревога: исчезла молодая жена вождя — Дярга!

Охотники во главе с Сыном Мамонта отправились искать пропавшую женщину. При этом выяснилось, что исчезло еще несколько мужчин: Криворог, Окунь, Задира, Длинная Нога и Толстяк. Припоминали, что в последнее время часто видели их вместе: казалось, они о чем-то сговаривались.

Только к полудню Космач привел отряд к месту, где неподвижно лежала Дярга. Сын Мамонта подбежал к ней, приподнял голову. Женщина открыла глаза, но тут же вновь потеряла сознание.

Охотники принесли в шкуре воду и начали поливать женщину.

Дярга вздохнула и вскоре пришла в себя. Она рассказала, как Задира выманил ее из поселка, а потом заставил идти с ними, как она сопротивлялась, поняв их коварный замысел. Она пробовала убежать, но ее снова поймали. Однако ей удалось схватиться за дерево, и она так крепко вцепилась в него, что Задира не смог ее оторвать. Тогда, разъярившись, он ударил женщину камнем по голове. Несчастная без чувств упала на землю. Что было дальше, она не знала.

А в это время Космач, который продолжал поиски, обнаружил, что следы дружины Задиры кончаются у воды. Очевидно, беглецы вошли в воду, желая сбить со следа: они знали, что их будут преследовать.

Оправившаяся от потрясения Дярга встала и попыталась сделать несколько шагов.

Космач спросил Сына Мамонта, должны ли они преследовать беглецов. Сын Мамонта отрицательно махнул рукой и приказал всем возвращаться в поселок.

Поступок Задиры возмутил охотников. Но они знали: беглецы далеко не уйдут — им все равно грозит гибель.

Вечером у костра люди долго говорили об этом. И тут только выяснилось, что беглецы унесли с собой все оружие и несколько шкур.

— Хорошо, что они ушли, — сказал Космач.

И все поддержали его, о Задире никто не жалел.

— Племя и без них сильное, — заявил Сын Мамонта, желая прекратить разговоры.

Больше о Задире никто не вспоминал. День проходил за днем.

И благополучие, посетившее племя, обернулось другой стороной. Охотники устали от каждодневной настороженности. Mimo все время проходили чужие племена: правда, они не решались напасть на становище, но оно жило в постоянной тревоге. Еще хуже было то, что с избытком мяса на племя обрушились тяжелые болезни. От множества разбросанных по становищу гниющих остатков, кишок и костей шел зловонный смрад. Даже внутри хижин было невыносимое зловоние.

У многих выпадали зубы, появились язвы. Все люди были покрыты паразитами, от которых спастись не было никакой возможности.

У вечернего костра было решено покинуть становище и двинуться в путь.

И племя Сына Мамонта снялось с насиженного места в Пршедмости и направилось по Моравской долине на север, низиной под Белыми Есениками. Путь все время шел вдоль реки Моравы.

Когда удавалась охота, племя останавливалось на несколько дней, а потом снова двигалось вперед. Однако животных в этих краях было значительно меньше, чем на берегах Нижней Бечвы, но племя не голодало, и больные понемногу начали поправляться.

Уже несколько недель шло племя. Горы с двух сторон подсту-

пали к долине, по которой двигались охотники. Долина становилась все уже и уже, и наконец люди достигли места, когда всем стало ясно, что продолжать путешествие невозможно. Они повернули назад и через день пути нагнали большое стадо оленей.

— Пойдем следом за ними, — решил Сын Мамонта и приказал охранять стадо.

Каждый день охотники убивали по два-три оленя, отбившихся от стада, и продолжали идти следом.

Олени вели их на запад, через широкую речную долину. С обеих сторон тянулись низкие холмы. Животные искали места, где бы они могли избавиться от надоедливых комаров и мух, от которых в теплой Моравской долине не было спасения.

Тучи насекомых носились над головой, жужжали, впивались в тело. Они покрывали лицо, лезли в глаза, забивались в нос и рот. Ударом руки можно было уничтожить сразу сотню, но тут же новая сотня садилась на освободившееся место. Это был худший враг охотничьего племени. Он изматывал силы, и от него не было никакого спасения. Звери и люди с трудом переносили боль, и облегчение приходило только тогда, когда тело было обмазано глиной. Единственным спасением было бегство в другие края.

Через несколько дней олени не выдержали и побежали.

Теперь племя шло вдоль реки, которая текла на запад. Опытные охотники говорили, что река всегда ведет к низине и что эта река приведет их в богатые живностью края. Поэтому долго на одном месте не задерживались.

Они не ошиблись. Вскоре перед ними оказалась могучая Лаба. В первый же день охотники поймали мамонта. Здесь они устроили стоянку и задержались на несколько дней.

Разведчики предлагали идти дальше. Впереди было плоскогорье, где паслись многочисленные стада степных лошадей и оленей.

Часть 4

В СРЕДНЕЙ ЧЕХИИ

ПОХИЩЕННАЯ ДЕВУШКА

Космач — лучший следопыт в племени Сына Мамонта. Уже третий день он преследует стадо оленей, которое переселяется с полабских болот на летние пастбища, в более высокие места Южной Чехии. Прозвище «Космач» он получил потому, что все его тело покрыто длинными густыми волосами. Перебегая от куста к кусту, скрываясь среди ветвей, охотник внимательно наблюдал за встревоженными чем-то животными.

Каменная дубина дрожала в его руках. Космач от возбуждения

сильно моргал, а лицо его постоянно ухмылялось, рассеченное глубоким шрамом. Это была память об отчаянной схватке с пещерным медведем, который чуть было не снес охотнику голову. Космач причмокивал губами, будто пережевывал вкусное мясо. В этот день в племени еще никто ничего не ел...

Олени чем-то были напуганы. Только начали пастись — и вдруг отошли вдаль. Вожак все время стоял, напряженно принюхиваясь, и не щипал траву.

Космач таращил глаза, переступал с ноги на ногу. Добыча была так близка! Если бы рядом оказались остальные охотники! Чем только занимаются эти лентяи? Если они не придут вовремя, рогатые уберутся за реку, и снова племя будет голодать.

Всего несколько дней назад племя лишилось богатой добычи. Большое стадо оленей поднималось по Лабе, преследуемое тучами назойливых комаров и мух. Космач обнаружил стадо и успел сообщить об этом охотникам. Однако более сильное племя опередило их.

Отгнав Космача и его друзей, чужаки тяжело ранили двух охотников. Космач сам видел, как во время бегства они упали и уже не смогли подняться. Оставив раненых на растерзание волкам, племя отступило, ибо кому нужен охотник, который не может бежать? Он только обуза. Так племя лишилось двух воинов и добычи...

Чужое племя, преследуя оленей, распугало их, и животные небольшими группами разбежались во все стороны. Космач заметил одно такое стадо, и теперь все шли по его следам до самой реки Сазавы.

«Наверняка они потеряли след!» — подумал Космач и поспешил навстречу отставшему племени.

Медлить было нельзя. Теперь все решала быстрота: если эти олени успеют соединиться с главным стадом, тогда прощай вкусное жареное мясо.

Пробираясь через кустарник, охотник даже не обратил внимания на белку, которая соскочила с сосны на землю. Из-за нее задерживаться не стоило. В другое время он не пренебрег бы этой маленькой, но вкусной добычей, но сегодня должна быть настоящая охота.

Взбежав на небольшой пригорок, Космач наткнулся в зарослях на своих. Громко крикнув, он стал размахивать над головой каменной дубиной. Вскоре все племя уже собралось вокруг Космача. Следопыт, отчаянно жестикулируя, спешил сообщить своим соплеменникам, что ему удалось разведать.

Выслушав Космача, Сын Мамонта приказал готовиться к охоте.

Несколько охотников, а с ними и подростки отправились с Крепышом, который на ходу объяснял им, как нужно действовать во время загонной охоты. Надо было торопиться, чтобы обойти стадо оленей спереди.

Через несколько минут охотники скрылись в кустах. Оставшиеся женщины и дети расположились на отдых у ручья. Здесь они будут ждать возвращения охотников. Хорошо, если бы они вернулись с богатой добычей!

В пути каждая женщина несла на спине связку шкур или ребенка. Все очень устали и были рады отдыху.

А дети, едва передохнув, вновь принялись прыгать, бегать, знакомиться с новым местом.

Сова не мог участвовать в охоте. Он хромал — у него было разбито колено. По приказу вождя охотник остался охранять огонь. Он нес его, спрятав в коре, и заботился, чтобы пламя не погасло. Теперь вместе с женщинами юноша разжигал костер. Глаза у него были большие и выпуклые, этим он резко отличался от остальных членов племени, у которых глаза глубоко сидели под надбровными дугами. Поэтому в племени его и прозвали Совой.

Женщины разбрелись по лесу в поисках чего-нибудь съедобного; веселыми криками сопровождали они каждую удачную находку. Дети тянули в рот все, что попадалось под руку: щавель, траву, грибы. Немного утолив голод, они снова принимались играть, брызгаясь и плескаясь в потоке.

За Бельчонок всюду следовала дикая утка со сломанным крылом. Когда-то он поймал ее, и с тех пор она была с ним неразлучна. Она позволяла ему себя гладить и тотчас бежала на призывный крик: «Утя, утя!» Вот и сейчас она купалась в воде вместе с детьми.

Несколько раз утке угрожала смерть, и только защита мальчика спасала ее от гибели. Бельчонок ни за что не хотел с нею расставаться. Он ухаживал за ней и во время переходов таскал ее в кожаном мешке за спиной. Однажды утку чуть не съела лиса, но мальчишка и тут спас ее.

Копчем часто посмеивался над приятелем и грозился когда-нибудь, обмазав ее глиной, испечь на углях. Вот будет вкусный обед! Но таких издевательств Бельчонок не выдерживал и, повалив друга в траву, садился на него верхом и сидел до тех пор, пока Копчем не клялся, что это только шутка.

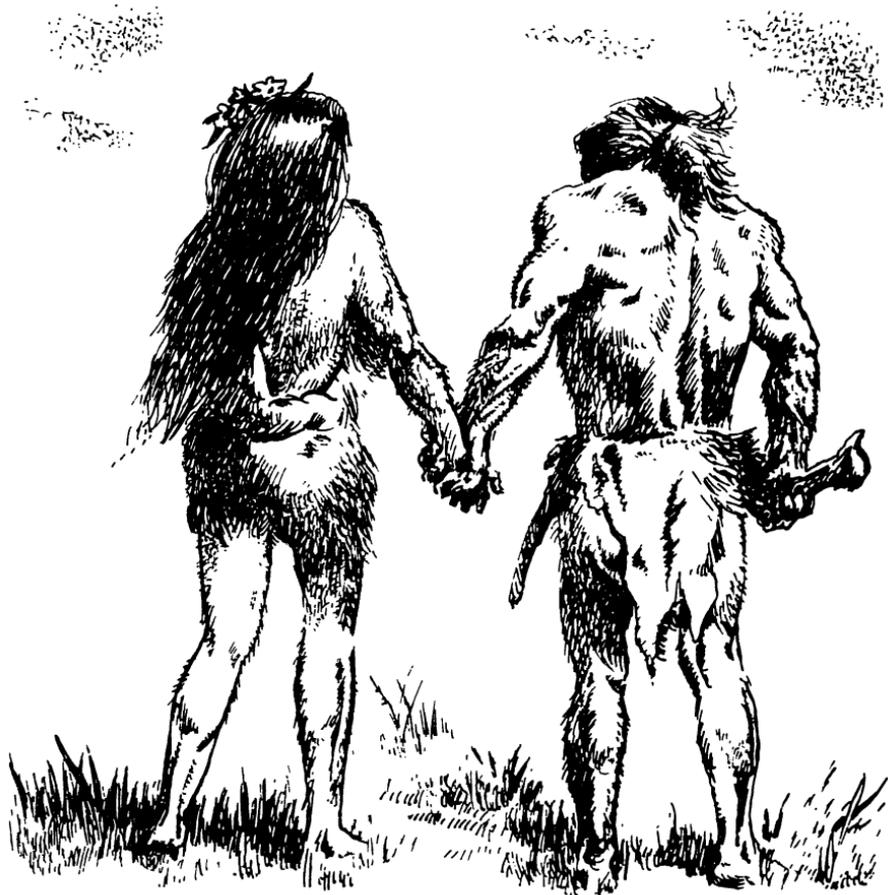
Утка, искупавшись, сидела на берегу и чистила клювом блестящие красивые перышки. Бельчонок кормил ее из рук, утка хватала его за пальцы, и мальчик весело смеялся: уж не хочет ли утка его съесть?

Женщины вернулись к костру и устраивались на ночлег. «Если бы охотники поймали хоть одного оленя, мы бы опять поели досыта», — думали все.

Внезапно утка расправила крылья и, размахивая ими, стала громко кричать.

Дярна и Волчица подняли головы и прислушались, а потом начали сговариваться, как приготовить из утки хорошую еду.

— Было бы жаль, если б она улетела.



Никто и не подозревал, что в кустах, совсем рядом, скрывался чужой разведчик.

Это был сильный молодой охотник. Лицо и все тело его были покрыты желтой краской.

Он лежал, прижавшись к земле, и разглядывал женщин, сидящих у костра. Звали его Уж. Это был опытный охотник из сильного племени, от которого недавно бежало племя Сына Мамонта.

Уж попал сюда, обнаружив следы большого числа людей. Он шел по следу, пока не набрел на стоянку. Сейчас он уже знал все, что требовалось. Юноша тихонько отполз обратно в лес, поднялся и побежал по редкому мелколесью. Внезапно он снова припал к земле и притаился в кустарнике. В нескольких шагах от него шла Ласка, девушка из племени Сына Мамонта. Она держала в

руках корзинку, сплетенную из травы, и настороженно озиралась: ей послышался какой-то шорох.

Уж подполз совсем близко.

Ласка между тем, не увидев никакой опасности, успокоилась и сделала несколько шагов. Юноша заметил, что она прихрамывает — очевидно, с ней что-то случилось. И действительно, усевшись на вывороченный ствол сосны, Ласка поставила корзинку с ягодами на землю и начала вытаскивать занозу.

Подозрительный шум спугнул ее. Похоже, что это хвоя зашуршала у кого-то под ногами. Девушка оглянулась и прислушалась — рядом стучал по сосне неутомимый дятел.

Снова что-то затрещало в кустах, и прежде чем Ласка успела вскочить, кто-то с силой толкнул ее на землю и в следующее мгновение во рту у нее оказался кусок шкуры.

Уж склонился над девушкой, угрожая ей каменным топором. Ласка поняла, что кричать бесполезно.

Молодой охотник вытащил кляп изо рта девушки и подтолкнул ее, предлагая подняться. Ласка вскочила, испуганно глядя на свирепого охотника. Уж, держа в руке каменный топор, давал ей понять, что она должна молчать, иначе он убьет ее. Теперь он ее господин, и она должна следовать за ним туда, куда он прикажет.

Ласка стояла неподвижно, и тогда Уж схватил девушку за руку и потащил ее за собой. Насмерть перепуганная, боясь позвать кого-нибудь на помощь, Ласка безропотно подчинилась.

Но когда, перепрыгивая через ручей, девушка почувствовала, что похититель ослабил железные тиски своих пальцев, она рванулась и бросилась бежать совсем как настоящая ласка. Однако ловкий Уж быстро догнал ее и сильным ударом по голове сбил ее с ног. Девушка упала и потеряла сознание.

Уж плескал воду из ручья прямо ей в лицо. Наконец она пришла в себя и поднялась. Теперь Ласка уже больше не сопротивлялась. Она знала, что ее ждет. Отныне она будет женой молодого охотника, который ее похитил.

У ЗОЛОТОГО РУЧЬЯ

Дети играли у ручья. Строили запруды из камней и напускали воду в маленькие вырытые ямы. Весь перемазанный глиной, Цебик перевалился через камни в воду и теперь ревел, бил руками по воде так, что брызги летели во все стороны.

Кукушка его утешала, она показывала малышу красивые искрящиеся камешки, которые нашла на берегу ручья. Дети набрали их в пригоршни и побежали в поселок похвастаться. Однако женщины без всякого интереса взглянули на находку — к чему эти камни, ведь есть их нельзя.

Дети, ожидавшие похвалы и не получившие ее, вернулись к ручью. Они уже больше не собирали золотистые зернышки, они

строили каменную плотину. Вода в ручье поднялась, и играть стало намного интереснее.

Бельчонок увидел в ручье рыб и закричал, призывая друзей: — Эй, сюда! Здесь рыба, рыба!

Все попрыгали в воду. Бельчонок наклонился, расставил руки и ждал, когда испуганная рыба окажется между пальцами, чтобы быстро схватить ее. Однажды он видел, как медведь передними лапами ловко схватил рыбу и выскочил с нею на берег.

Теперь Бельчонок хотел попробовать поймать рыбу по-медвежьи.

— Гур-гур! Все за рыбой! — закричал он и побежал на более мелкое место.

За ним побежали и остальные и начали гнать рыбу впереди себя.

— На берег! — приказал Бельчонок.

Все припустили к берегу. Брызгаясь и крича, они гнали на мель мелкую рыбешку.

Рыбешка ускользала, но несколько — еще билось у берега, а две-три покрупнее даже выпрыгнули на песок. Бельчонок подбежал к большой рыбе, схватил ее и победно поднял над головой.

Кривляка обнаружил маленького ежа и побежал за ним:

— Колючка, колючка!

На крик сбежались все и склонились над ежиком; тот свернулся, выставил свои иголки и притворился мертвым.

Тем временем в становище возвращались охотники. Они убили двух оленей и тащили их за собой.

В овраге устроили привал. Все устали и с удовольствием растянулись на траве, заранее предвкушая обильный ужин.

Сын Мамонта поднялся раньше других, чтобы исследовать путь. Внезапно рядом послышался треск. По сигналу тревоги охотники вскочили и схватились за оружие. Не медведь ли?

Снова хрустнули ветки, и из кустов прямо на охотников выскочил выкрашенный желтой краской юноша, а следом за ним Ласка!

Уж был поражен, увидев перед собой группу вооруженных мужчин. Быстро сообразив, какая опасность ему угрожает, юноша повернулся и скрылся в кустах.

Сын Мамонта бросился за ним. Но Уж недаром назывался Ужом. С быстротой молнии он вскарабкался по склону оврага, пронесся сквозь густые заросли, и, если бы не отвесная скала, преградившая ему путь, вряд ли преследователям удалось бы его настичь.

Подбежавший первым Сын Мамонта схватил выбившегося из сил юношу за ногу и стянул вниз. Подоспевшие охотники набросились на него.

Вождь сам связал побежденному руки и потащил его через кусты, не обращая внимания на то, что острые ветки обдирали в



кровь тело юноши. Внизу он бросил его рядом с убитыми оленями, пригрозил топором.

Ласка между тем стояла у дерева и ждала, чем кончится погоня за беглецом. Теперь она принялась рассказывать, что с ней случилось.

Охотникам не терпелось тут же, на месте, расправиться с похитителем девушки, но Сын Мамонта повелительным рыком остановил слишком ретивых:

— Мы рассчитаемся с ним в становище, а теперь — в путь.

Становище радостно встретило охотников. Теперь несколько дней все смогут пировать, не заботясь ни о чем!

Пленного Ужа поместили в стороне от костра, предварительно связав ему ноги, чтобы он не мог убежать, а рядом посадили стражника — молодого парнишку Онаша. Мужчины занялись убитыми оленями.

Вспорыв животы, вытаскивали внутренности и тут же принимались их есть.

Женщины и дети сидели вокруг, дожидаясь своей очереди.

Ласка одна из первых получила кусок жареного мяса. Она быстро проглотила его и пошла к ручью напиться.

Возвращаясь, она решила взглянуть на связанного пленника. Девушка притаилась в кустах и стала за ним наблюдать.

Запах жареного мяса долетал и сюда, и маленький сторож, не выдержав, подполз ближе к огню.

Ласка приблизилась к юноше. Она наверняка что-то задумала, иначе зачем бы она стала с опаской оглядываться по сторонам? Уж не собралась ли она отомстить безоружному связанному пленнику?.. Но что это?! Ласка запищала тонко, как мышь.

Через минуту писк повторился. Пленник медленно повернул голову и увидел в кустах пригнувшуюся Ласку.

Та быстро подскочила к Ужу и зажатым в руке кремневым ножом стала перерезать ремни на руках. Однако быстро сделать ей это не удалось, и девушка, боясь быть застигнутой на месте преступления, снова скрылась в кустах. Нож упал на землю.

Очевидно, стражу что-то почудилось, он повернул голову и внимательно оглядел связанного пленника.

Тот не шевелился.

Когда же Онаш снова отвернулся к огню, Уж наклонился, схватил зубами нож и начал перерезать путы на руках. Еще немного, и вот уже руки свободны. Продолжая лежать, юноша осторожно перерезал ремни и на ногах.

Свободен! Теперь он может бежать... Но Уж продолжал лежать на земле, только расправил затекшие конечности. Ласка кивала ему, торопила. Но Уж только мотнул головой: он не тронется с места один... Только с ней, с Лаской!

Ласка в ответ показывала ему, что не пойдет с ним.

Уж привстал и приготовился к прыжку. Ласка продолжала жестами показывать ему, что она остается здесь.

Онаш снова повернулся и посмотрел на пленника. К счастью для Ужа, он был ослеплен огнем, иначе мальчик заметил бы, что у пленника свободны руки. Уж растянулся на земле.

Онаш окликнул его: «Лежишь?» — и бросил в юношу искрящийся золотой камень. Потом вырвал стебель травы и принялся жевать.

Уж еще раз призывно посмотрел на Ласку.

Девушка наконец решилась и утвердительно кивнула головой.

Через минуту беглецы скрылись в лесу.

УГАСШИЙ КОСТЕР

В становище все были заняты дележом мяса. Громкий крик и споры неслись по лесу.

Онаш снова повернулся к пленнику. Но что это? Он не верил своим глазам. Юноша вскочил и в несколько прыжков оказался на месте, где только что лежал связанный Уж. Пленника не было.

Громким криком Онаш поднял тревогу.

Охотники, схватив топоры и копья, поспешили к юноше. Показывая на примятую траву, он, заикаясь, пытался объяснить, что произошло.

Но как мог связанный по рукам и ногам пленник исчезнуть? Разгадать тайну предстояло позже, а пока надо было действовать. Разгневанный Сын Мамонта схватил несчастного за плечо и с си-

лой швырнул его на землю. Им они займутся потом, а сейчас — в погоню за беглецом.

— Догнать его! — кричали охотники, направляясь к лесу. Беглец наверняка скрылся там. Охотники разглядывали следы и бежали по ним. Сын Мамонта впереди. Его зоркий взгляд сразу приметил, что перед ними двойной след.

Самый опытный следопыт, Космач, определил:

— Мужчина и женщина! — Он наклонился к земле, обнюхал след и добавил: — Женщина из нашего племени!..

Никто ничего не мог понять! Но сейчас об этом не думали. Сейчас надо было догнать беглеца и расправиться с ним и с женщиной, совершившей предательство...

Становище опустело.

Ведь невозможно было упустить самое интересное — когда будет схвачен охотник, выкрашенный желтой краской.

Костер догорал, никто не подбрасывал в него хвороста...

Дерзкая гиена забежала в становище и схватила кусок мяса. Ручей, вышедший из берегов, разлился по поселку.

Уж и Ласка бежали не останавливаясь. Они знали, что их будут преследовать, знали, что им грозит страшная смерть, и поэтому бежали, не чувствуя ни камней, ни колючек под ногами, позабыв об усталости, не обращая внимания на то, что сердца их разрывались от боли.

Они поднялись по скалистому склону, сбежали вниз — перед ними была река.

Уж первым прыгнул в Сазаву. Ласка без колебаний последовала за ним.

Река была неглубокой. Они переплыли ее и вышли на противоположный берег.

Уж махнул рукой, приказывая девушке идти следом за ним по воде. Это поможет им сбить с толку преследователей, громкие вопли которых раздавались совсем рядом.

Выбравшись из воды, беглецы под прикрытием прибрежных зарослей направились в сторону ближайшего леса. Солнце садилось, заливая расплавленным золотом горизонт.

Преследователи спустились к реке. Космач указал место: здесь они вошли в воду.

— За ними! — приказал Сын Мамонта.

И охотники, первыми добежавшие до реки, бросились в воду. Но на противоположном берегу они, к своему удивлению, не обнаружили никаких следов...

— Смеркается. Плохо видно, — утрюмо оправдывался Космач. Подбежали и остальные.

— Вода скрыла следы, — объяснил им Сын Мамонта.

— Это Ласка убежала! — переговаривались между собой женщины, с отвращением добавив: — Змея!

— Ласка? — Сын Мамонта удивленно развел руками.

— Этот вымазанный ее заворожил.

В стусившихся сумерках продолжать погоню было бесполезно. Люди медленно возвращались в становище.

На полпути охотники нагнали женщин и маленьких детей, которые, не добравшись до цели, тоже повернули обратно. Вскоре лес кончился, и они очутились на плоскогорье. Но почему яркое пламя костра не приветствует их возвращение в становище?

Что случилось?

Кто дал огню угаснуть?

Не враги ли напали на становище, пока их не было? Видно, они забрали добычу и погасили огонь.

Сын Мамонта и наиболее смелые охотники осторожно приблизились к становищу.

Кругом была тишина, только мелькали тени — это спугнутые волки, захватив добычу, спешили покинуть поселок.

Но что же все-таки случилось с огнем?

Подойдя к костру, Сын Мамонта разгреб топором пепел. Пепел зашипел, и над очагом поднялось облако белого пара.

Огонь погас!

Вода проникла в становище и залила огонь. Кругом были лужи. Но как вода попала сюда? Ведь дождя не было!

И тогда женщины сообразили: это днем дети во время игры запрудили ручей. Ну конечно же, вода перелилась через запруду и затопила костер.

Сын Мамонта заревел от огорчения и начал размахивать топором над головой.

Женщины и дети тряслись от страха, ожидая расправы. Горе тому, на кого падет гнев разъяренного вождя!

Жабка и Кукушка разгребли костер, они дули на пепел, в надежде найти хоть один уголек!

Огонь потух. Огонь, который они так долго берегли! Который согревал их в холод и кормил их. Горе! Горе! Горе! Стоны и крики стояли над становищем.

— Где Сова? — закричал Сын Мамонта.

Из-за толпы женщин вышел испуганный юноша. Он больше всех виноват в том, что случилось. Он — хранитель огня, он не должен был покидать поселок.

Теперь он знал, что его ждет, и готов был повиниться.

Дети, предчувствуя недоброе, заплакали. Тогда Космач подошел к вождю.

— Остановись, Сын Мамонта! Мы знаем, что ты разгневан, но гнев — плохой советчик. Убьешь Сову — лишишь племя еще одного охотника, а огонь все равно не вернешь. Подожди. Я пойду искать новый огонь и принесу его, если даже меня сожрет медведь. Смотри, у нас хватит пищи еще дня на три. Подожди, пока я вернусь!

Люди одобрительно заворчали.

Сын Мамонта переводил взгляд с одного на другого, он заметил, как Копчем и Бельчонок заслонили собой Сову. Ему припомнился лев, страшная пропасть...

Взгляд вождя потеплел, и он добавил уже более спокойно:
— Хорошо. Иди, Космач, и принеси новый огонь! Три солнца мы будем ждать тебя...

И он трижды описал в воздухе дугу, определяя так три солнечных дороги на небосводе.

— Я пойду с тобой, Космач! У Совы болит нога, он не может идти, — предложил молодой Заяц.

— И я пойду, — заявил Копчем и стал перед вождем.

Старый Космач погладил мальчика по голове, но взять с собой отказался. Путь предстоит долгий и опасный.

Женщины собрали остатки мяса, разбросанные по становищу спугнутыми волками.

Космач и Заяц взяли по куску.

Племя провожало их воинственными криками, и оба отвечали до тех пор, пока не скрылись в лесу.

В становище наступила тишина.

По приказу вождя люди перебрались повыше, в более сухое место.

Дети устроились в кустах, с ними женщины, поодаль — охотники, не расставшиеся со своим оружием.

Бельчонок не пошел спать, он бродил по становищу, что-то разыскивая.

Вдруг в тишине ночи послышалось тихое: «Утя, утя!» — это Бельчонок звал утенка.

— А ну-ка, замолчи! — прикрикнули на него. — Твою утку давно сожрала лиса!

Мальчик, не обращая внимания на насмешки, продолжал бегать вокруг становища, пытаясь отыскать исчезнувшую утку.

Скоро все уснули, и Бельчонок, расстроенный, забрался под шкуру. Только двое охотников не спали, охраняя сон остальных. Бельчонок метался во сне, звал утенка, пока Копчем не ущипнул его. Бельчонок затих. Светящиеся точки окружили поселок. Это были волки.

В ПОХОДЕ

Космач и Заяц осторожно пробирались по лесу. На ремне у каждого — по куску мяса. Время от времени они отрезали понемногу и отправляли в рот.

— Куда мы? — спросил Заяц. Не этой ли дорогой удирал желтолицый с Лаской?

— Их следы приведут нас в чужое становище. А там мы найдем Ласку и огонь, — ответил Космач.

Охотники перебрались через ров, и Заяц снова спросил:

— Мы не нашли следы днем, а как же мы найдем их ночью!

— Ты прав, Заяц. Ночь скрывает следы, но огонь ночью хорошо виден.

Луна стояла уже высоко, когда они добрались до каменистого пригорка на берегу реки.

— Здесь мы передохнем, — сказал Космач, отыскивая удобное укрытие.

Внизу под ними текла Сазавка, а за ней бесконечная равнина. Заяц свернулся клубком, обернулся шкурой и закрыл глаза. Он больше не мог бороться с усталостью и сном.

Космач тоже устал. Но он не лег спать, а, присев на камень, еще долго всматривался в даль за рекой.

Вдруг охотник вскочил. Он увидел огонь. Могучее, возносящееся ввысь пламя. Сомнений быть не могло — это праздничный костер, такой не разжигают во время обычного ужина.

— Они уже там, — прошептал Космач, стараясь запомнить месторасположение костра.

Затем он устроился рядом с Зайцем, натянул на себя шкуру и тут же уснул крепким сном.

Солнце и утренний холод разбудили охотников. Заяц покатался по траве, поболтал ногами, вскочил и бодро предложил:

— Идем!

Космач кивнул.

Они спустились к Сазавке, переправились через нее, но не стали задерживаться, отыскивать следы, а направились к лесу.

Космач ни единым словом не обмолвился о том, что видел ночью. Он только держался выбранного им направления.

Они вышли из леса и оказались на степном плоскогорье.

Заяц заворчал и повел носом. Невдалеке паслось стадо антилоп. Космач выскочил из оврага, и оба охотника притаились, наблюдая за пугливыми животными. Стадо двигалось от них, против ветра, и запах человека не тревожил животных.

Антилопы резвились в траве. С необыкновенной легкостью переносили животные свои тела высоко над травянистой порослью. Их короткая грязно-желтая шерсть блестела на солнце, длинные, слегка изогнутые рога были устремлены вверх. Вид животные имели грозный, но охотники знали — антилопы никогда не нападают на человека.

Космач и Заяц стояли, не силах оторвать от стада замороженного взгляда. Космач даже подмигнул Зайцу, предлагая попытать счастья.

Какое это удовольствие — уложить антилопу ловким ударом топора!

Забыв обо всем на свете, в охотничьем азарте Заяц подполз поближе к пасущимся животным. Внезапно он заметил, как одна антилопа, что-то почуяв, задвигала ноздрями.

И тут же из кустарника взметнулось что-то огромное. И Заяц в ужасе увидел, как пятнистый леопард вонзил свои когти в шею испуганного животного и повалил его на землю.

Все это произошло совсем рядом, и Заяц видел и раскрытую пасть голодного хищника, и белые острые клыки, сведенные на

шее антилопы. Он в страхе прижался к земле, как молодой птенец, выпавший из гнезда. Когда же он пришел в себя, то поспешил укрыться в безопасном месте, предоставив леопарду терзать несчастную жертву.

Космач притаился за небольшим пригорком, ему тоже хорошо было видно все происходящее. Там он поджидал своего друга. Спугнутые антилопы разбежались.

Выждав немного, Космач запищал, подражая пisku мыши. Со всем близко колыхнулась трава, и Заяц очутился рядом. Случившееся так потрясло его, что он никак не мог прийти в себя. И тут же охотники решили немедленно продолжать путь.

Добравшись до пригорка, они остановились, и Космач огляделся вокруг.

— Мы уже близко от цели, — сказал он тихо и вдруг, забыв об осторожности, закричал: — Смотри — вот там! Над теми буками!

Заяц посмотрел туда, куда указывал Космач.

— Вижу! Дым! — удивленно произнес он.

За лесом над неглубоким оврагом поднимались кольца синего дыма...

Осторожно пробирались охотники вперед. Перебегали от дерева к дереву, используя каждое укрытие. Они подошли так близко к становищу, что уже могли различать людей.

Они боялись, что их могут заметить, поэтому предпочли влезть на могучий бук и спрятались в его кроне. С дерева чужое становище было как на ладони.

Поселок был большим, и это свидетельствовало о многочисленности и силе племени. Если бы Космач умел считать, он сказал бы, что в этом племени было полторы дюжины охотников. Женщин и детей он в счет не принимал.

Вождь сидел на возвышении, покрытом медвежьей шкурой, и о чем-то оживленно разговаривал с мужчинами. Неподалеку резвились дети.

— Посмотри, посмотри, там Ласка! — прошептал Заяц.

И действительно, они увидели Ласку.

Она свободно расхаживала по поселку, делая все, что приказывал молодой охотник.

Заяц и Космач долго наблюдали жизнь чужого становища. Но что они могли сделать? Их было всего двое.

Они видели, как несколько женщин отправились в лес за травами. Вместе с ними пошла и Ласка. Она ходила по опушке и в конце концов приблизилась к буку, в листве которого прятались охотники. Космач раздвинул ветки, чтобы лучше было видно, наклонился и чуть не свалился с дерева.

Заяц, который устроился на толстом суку, увидел, как начали раскачиваться ветки.

— Осторожно! Нас могут заметить!

Ласка, нарвав травы и надергав кореньев, уже собиралась было



вернуться в поселок, когда Космач, не выдержав, издал клич. Клич этот походил на крик зверя, столь привычный в лесу. Узнать его мог только тот, кто принадлежал их племени.

Ласка вздрогнула, остановилась и, когда клич повторился, заворчала по-звериному, что должно было означать: нет! И бегом вернулась в становище. Никто из чужих охотников не обратил внимания на эти звуки. Тогда Космач сказал Зайцу:

— Она уже принадлежит им!

Охотники не спускались с дерева до тех пор, пока не увидели, что все мужчины во главе с вождем покинули становище. Как видно, они пошли на охоту. Космач по их жестам понял, что где-то вблизи разведчики обнаружили стадо мамонтов.

В становище осталось несколько женщин и детей, охраняли их два охотника.

Космач и Заяц слезли с бука и поползли к становищу.

Вот теперь-то они и украдут огонь. Они залегли в небольшом

овражке, скрытые густым кустарником, выжидая удобный момент, когда можно будет вытащить из костра горящую головешку. Лежа в кустах, они наблюдали за становищем.

Возле костра сидели два охотника. Они ворочали над огнем огромный кусок оленьего мяса.

И вдруг Заяц, отвалившись назад, начал давиться от смеха. Он даже покраснел от натуги.

Он барахтался на земле так, что рассерженный Космач вынужден был сильно тряхнуть его.

— Что с тобой, слепой барсук? Какая муха тебя укусила? — прикрикнул на него разгневанный Космач.

— Ты только посмотри, — задыхался Заяц, — как они едят! — И, уткнув лицо в траву, продолжал хохотать.

Космач посмотрел на костер, пытаясь понять, что так рассмешило его молодого друга. Но так ничего и не понял.

— Ну, теперь видишь? — простонал Заяц и снова уткнул голову в кусты. — Мы, когда едим, отрезаем куски мяса от носа к подбородку, а здесь наоборот. Га-га-га! Ха-ха-ха! От подбородка к носу! Ой, я лопну от смеха!

И Заяц снова принялся хохотать. Космач встряхнул его, приказывая замолчать. Они увидели Ласку. Она была в трех шагах от них.

Космач тоненько пискнул. Девушка вздрогнула, осторожно огляделась и, будто случайно, присела неподалеку от тернового куста.

— Ласка, бежим с нами? — прошептал Космач.

Она отрицательно покачала головой. Их старания напрасны, она останется здесь.

— Ласка, у нас нет огня!.. — снова зашептал Космач.

— Идите прочь! — ответила Ласка.

— Ласка, дай нам огонь, — попросил Космач и бросил ей кусок коры.

Ласка подвязала ремешком волосы, не спеша подняла кору и неторопливо пошла к костру. Через некоторое время она вернулась и, проходя мимо куста, незаметно обронила дымящуюся кору, предупредив при этом:

— Поторопитесь, охотники скоро вернуться!

Заяц скользнул в траве, как змея, схватил кусок коры и вернулся к Космачу. Глаза его сияли от радости.

— А теперь бежим! — предложил Космач, выбираясь из овражка.

— Подожди немного! — попросил Заяц, что-то высматривая в становище.

— Чего еще ждать? Ласка с нами не пойдет...

— Я бы хотел прихватить с собой вон ту девушку, — прошептал Заяц, указывая на молоденькую хохотушку.

И тут же вскрикнул, получив хорошую затрещину от Космача, которого страшно разозлило легкомыслие Заяца. Космач трижды

прошептал клич племени — приказ беспрекословно подчиниться. Старший приказывал младшему от имени всех. Непослушание каралось изгнанием. А это было хуже, чем смерть.

Заяц тотчас опомнился и смотрел на Космача, ожидая приказания. Тот огляделся и, не увидев опасности, кивнул Заяцу, оба переползли в другой овраг и направились к лесу. Пригнувшись, они перебежали от куста к кусту и вдруг наткнулись на след огромного животного.

— Мамонт! — воскликнули они, озираясь по сторонам.

След был свежий.

Но вокруг было тихо.

Охотники двинулись дальше. В другое время они бы пустились по следу толстокожего гиганта, но сейчас, когда до племени так далеко и за каждым кустом подстерегает опасность, — сейчас не до этого.

Солнце приятно грело. Где-то куковала кукушка, кружились шмели.

Благополучно миновав равнину, охотники спустились по лесистому склону в ущелье и устроили привал. Они съели по куску мяса, отбив его камнем и, напившись воды из ручья, растянулись на траве.

Вдруг совсем рядом послышались голоса. Охотники вскочили.

— Их много... — прошептал Космач.

— Бежим!

И в тот же миг, разведя руками кустарник, на тропу вышел охотник. Все тело его было выкрашено желтой краской. Он увидел чужих охотников и громко вскрикнул.

Но Космач недолго думая бросился в кусты, Заяц — за ним. О ужас! Это же тот, кто еще вчера был их пленником! Вот так встреча! Вступить в схватку? Но за ним, вдоль ручья, движутся еще охотники. Их много.

Космач схватил камень и запустил им в Ужа. Камень угодил в голову, тот зашатался и принялся звать на помощь. По изуродованному шрамом лицу Уж тоже узнал Космача.

Однако, прежде чем сбежались остальные охотники и Уж успел им все объяснить, Космач и Заяц были уже далеко. Деревья и кусты скрыли их от врагов, и тем не оставалось ничего другого, как пуститься по следу, а это безусловно затрудняло погоню.

Космач сжимал в одной руке дымящуюся кору, другой раздвигал ветки. Пена появилась у него на губах. Заяц стонал от напряжения и боли. Он сильно поранил палец на ноге. Кровавый след облегчал поиски беглецов.

Уже слышны были голоса преследователей, жаждущих расправиться с пришельцами, переступившими границы их владений.

Но тут неожиданно на пути беглецов оказался спящий носорог. Космач даже вскрикнул от неожиданности. Могучий зверь мгновенно проснулся, но охотники уже пронесли мимо и вскоре исчезли в кустах.

А грозный зверь уже был настороже. Склонив голову к земле и выставив рог, он встретил Ужа и других охотников, бегущих по следу Зайца и Космача.

Что произошло потом, Космач и Заяц не знали. Они только слышали крики ужаса и громкое сопение.

Преследователи, натолкнувшись на страшного зверя, разбежались в разные стороны. Только Уж и еще трое охотников продолжали погоню. Кровавый след привел их к Сазаве. Долго не раздумывая, они бросились в воду и перебрались на противоположный берег.

— Они не сразу вышли из воды. Хотят сбить нас со следа! — заключил Уж, изучая прибрежный песок. — Мы тоже пойдем по воде, эти хитрости нам знакомы!

И преследователи пошли по правому берегу реки, вниз по течению. Вскоре они скрылись из виду.

И тогда совсем рядом, в густой листве вербы, растущей на левом берегу, послышался знакомый свист. Тотчас вниз спрыгнул Космач.

Беглецы были довольны. Они обманули преследователей.

— Ге-ге-ге! — радовался Космач, хлопая себя ладонями по бедрам.

— Га-га-га! — смеялся Заяц.

Они внимательно осмотрели берега реки и, не найдя ничего подозрительного, вошли в воду.

— Подождем еще немного, — предложил осторожный Космач и прислушался. — Кажется, они возвращаются. Надо бы спрятаться.

Но искать укрытие было уже поздно, и Космач погрузился в воду, только голова и рука с корой остались на поверхности. Заяц сделал то же самое. Они успели заметить, как четверо преследователей вышли на берег. К счастью, в воде было много больших камней, иначе беглецы сразу же были бы обнаружены.

Преследователи изучали реку, ее берега, от их зорких глаз ничто не должно было укрыться. Следы исчезли. Но ведь этого не могло быть.

Заяц высунул из воды нос: не заметят ли его? Тогда плохо придется им с Космачом. Двое против четверых!..

Заяц видел, как Космач подтягивал к себе плывущую по воде ветку ольхи, и тут же сообразил, что задумал его друг. И вот уже оба охотника, прикрыв головы ветвями, осторожно погружаются в более глубокое место. Дымящаяся кора наколота на сломанный сук.

По Сазаве плывет полузатопленный куст ольхи.

Преследователи обыскали весь правый берег, решили вернуться и осмотреть следы на левом.

— Исчезли, — сказал Уж. — Где они могли спрятаться? — И, подняв топор, начал переправляться через реку там, где были камни и где еще несколько минут назад находились Космач и Заяц.

Плывущая ольха была уже далеко, и на нее никто не обратил внимания.

Но зоркий Уж вскоре обнаружил следы крови у старой вербы. Охотник заглянул в дупло — никого. Только лужица свежей крови.

— Они сидели на этой вербе! — заключил другой охотник, рассматривая обломанные ветки.

Нет, они должны поймать беглецов! Куда же ведут следы от вербы? Но больше нет никакого следа. Он затоптан, и виноваты в этом они сами.

— А ведь чужаки и не переходили на другой берег, здесь, у вербы, кончаются их следы! Куда же они делись?

Ужас объял преследователей. Куда могли исчезнуть люди? Четверо охотников ползали по траве под деревом. Следопыты, которые по три дня могли идти по следам зверя и не потерять их, были охвачены испугом и недоумением. Произошло что-то, что было выше их понимания.

Молчал хитрый Уж, ничего не говорил опытный Чан, молчали отважный Бык и стремительный Острыж.

ЮНЫЙ СМЕЛЬЧАК

В племени царила печаль. Убитого оленя нельзя было изжарить. Привыкнув к жареному и копченому мясу, обитатели племени с трудом жевали сырое. Все ждали отправившихся на поиски огня Космача и Зайца. С чем они вернутся? И возвратятся ли вообще?

Время от времени кто-нибудь поднимался на пригорок: не видно ли вдали каких-либо признаков приближения человека?

Мужчины и женщины обходили убитого оленя, даже не глядя на него. Ах, если бы у них снова был огонь!

Охотники чинили оружие, перетягивали новыми ремешками каменные топоры. Сын Мамонта ловко откалывал кремневые лезвия от большого камня и вставлял их в рукоятки из оленьих костей.

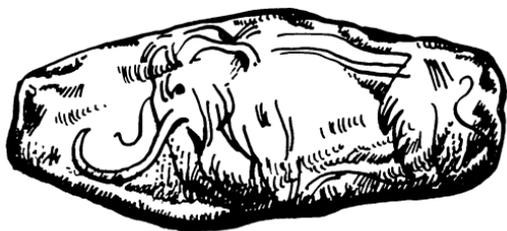
Дети веселились и кричали. Им было все нипочем, и долго печалиться они были не с состоянием.

Бельчонок после безуспешных поисков своей исчезнувшей утки возвращался в поселок. Малыши насмешливо кричали ему вслед: «Утя, утя!». Выведенный из себя, Бельчонок схватил палку и погнался за ними, но те разбежались и попрятались в кустах.

— Ну подожди, противная Жабка, я разорву тебя на куски и выброшу воронам! — погрозил Бельчонок своей приятельнице, которая, весело крича, бегала вокруг тернового куста.

Жаль, что Копчема не было рядом, он бы наверняка ему помог.

Решив, что вымещать злобу на маленьких недостойно будущего охотника за оленями и мамонтами, Бельчонок покинул играю-



ших малышей и побежал прочь. Что у него может быть общего с ними? Ему так жаль пропавшую утку, а они над ним смеются!

Расстроенный Бельчонок решил оставить становище и уйти далеко-далеко. Пусть пожалуют о нем так же, как он жалеет о своей утке. Ведь он знает, что даже противная Жабка будет плакать.

Ведь ей не с кем будет бегать наперегонки и драться за место у костра. Он поймает жирного оленя и съест его целиком, так что у него живот станет, как у барсука. Даже обглоданной кости он не даст этим мальчишкам. Даже кусочка рога, а шкуру...

Бельчонок не додумал. Погруженный в свои мысли, он забрел довольно далеко. Он ничего не слышал и не замечал, шел, склонив голову, куда несли его ноги, и прутиком сбивал цветы. Внезапно мальчик остановился, охваченный странным беспокойством. Перед ним на мягкой земле отпечатались какие-то следы. Забыв обо всем на свете, он углубился в их изучение, во всем подражая старым охотникам.

«Нет, это не олени, — говорил он про себя. — И не антилопы. Кто же это?»

Присмотревшись, он установил, что животные прошли недавно: у них раздвоенные копыта с острыми краями. Заметил он и общипанный лишайник, обглоданные побеги вербы, смятый и оборванный плющ. Его тоже попробовали животные. Все-таки кто бы это мог быть?

Однако Бельчонок недолго пребывал в неведении. Выйдя на равнину, он увидел стадо туров, возле которого кружили два волка.

Для сильных животных это нападение не было неожиданным, и они, сгрудившись, выставили вперед рога. Вожак стада мужественно отбивал нападение хищников.

Бельчонок видел, как он поднял одного волка на рога и отбросил в сторону. Но в тот же самый миг другой волк вцепился в горло одного из туров. Это вызвало смятение среди животных.

Туры во главе с вожаком обратились в бегство. Волки пресле-

довали их, пока не растерзали двух животных, отбившихся от стада.

У Бельчонка дух захватило при виде этой трагедии.

Совсем рядом что-то затрещало. Это раненый тур с разорванным горлом с трудом пробирался через кусты, заливая их кровью.

«Вот это добыча! — подумал Бельчонок и безбоязненно подошел к раненому животному. Тур как раз опустился на землю и тяжело дышал. Своей длинной черно-коричневой шерстью тур походил на медведя.

Он поднял голову и посмотрел на мальчика. Бельчонок решил, что тур, заметив его, попытается убежать, поэтому он схватил животное за рога, стараясь прижать его голову к земле.

Однако тур еще не был так слаб, как это сначала показалось мальчику, да и Бельчонок не был так силен, как бы этого ему хотелось. Поэтому, когда тур, слышав рычание волка, резко поднялся, мальчик оказался сидящим верхом на спине раненого животного. Теперь надо было только держаться!

Спугнутый волками тур несся, не разбирая дороги. Он, наверное, даже и не чувствовал, что на спине у него ноша, судорожно вцепившаяся в лохматую шерсть. Волки уже давно отстали, а животное от боли и страха все продолжало бежать.

Занятые игрой, дети и не заметили исчезновения Бельчонка. Взрослым было не до них. Раньше Крепыш иногда развлекал их — то бегал, как медведь, то выступал, как мамонт, то прыгал антилопой, — а сегодня и он лежал, вовсе не обращая на них внимания.

Старая Верба, всегда такая добрая и приветливая, сегодня только ворчала... Все были чем-то озабочены. Ложились на шкуры, вставали, бродили бесцельно по поселку и снова садились.

Вождь острым камнем очищал оленью шкуру, зло поглядывая на неудачника Сову.

Женщины, видя омраченного вождя, тоже приуныли.

Время еще никогда не тянулось так медленно. Если бы был огонь...

Внезапно Сын Мамонта выпустил шкуру из рук и прислушался. Другие охотники тоже что-то услышали, вскочили со своих мест и схватились за оружие. Перепуганные женщины и дети начали кричать.

Что это диковинное несется на них из кустов? Топот? По облику похоже на медведя, по бегу — олень... А что это там на хребте у животного?

— Тур! И, кажется, раненый!

А на нем мальчишка... Вот чудеса!

Дети уже узнали его:

— Бельчонок едет! Бельчонок едет!

Охотники кинулись наперерез раненому животному, которое ворвалось в становище.

Дети и женщины кричали, мальчишки прыгали, ударяя себя руками по бедрам. Копчем старался больше всех.

Бельчонок, сидевший на шее у тура, поднял голову. Удивлению его не было конца — он дома, в становище, среди своих!

Сын Мамонта взмахнул топором и ударил тура между глаз.

Подоспевшие охотники навалились на раненое животное.

Бельчонок никак не мог прийти в себя. Он с таким триумфом въехал в становище! Разве кому-нибудь из взрослых удавалось такое?

Все обнимали Бельчонка, удивлялись его храбрости, хвалили его.

Жабка кричала во все горло как одержимая и прыгала вокруг Бельчонка. Мальчишки не сводили с него глаз. Копчем радовался больше всех — ведь это его друг совершил такое!

Тишину в поселке сменили крики. Даже опытных охотников захватил рассказ мальчика, и каждую подробность они встречали громкими криками и одобрительным ворчанием.

Вождь вынул из кожаного мешочка драгоценный камень, тонкий, острый, в виде листа, и, похвалив Бельчонка за смелость, отдал ему камень.

Мальчик был ошеломлен. Он схватил острый камень и прижал его к груди. Наконец-то осуществилась его давнишняя мечта — у него будет копье, как у настоящего охотника! Теперь он будет охотиться наравне со взрослыми!

Дети, женщины и охотники одобрительно загудели. Им пришелся по сердцу поступок вождя.

НОВЫЙ ОГОНЬ

Солнце село. Закат окрасил весь горизонт. Поднялся холодный ветер.

Женщины звали детей спать, но те, захваченные игрой, долго не возвращались. Только угроза заставила их поторопиться к своим матерям.

Три охотника и две женщины вернулись из леса, волоча за собой огромные охапки хвороста.

— А это зачем? — спросил огорченно Сын Мамонта.

— Вот увидишь, они вернутся. И у нас снова будет огонь! — пообещал Крепыш.

Надвигалась ночь, и, выставив стражу, вождь велел всем ложиться спать. Вскоре взойшла луна и осветила погружившееся в глубокий сон становище.

В полночь Сокол услышал подозрительные звуки. Он осторожно тронул за плечо второго стража — Крепыша. Оба подползли к кустам, откуда раздавались эти звуки.

Какая-то тень двигалась по траве. Не гиена ли? Охотники подползли ближе. Теперь сомнений быть не могло — человек. Охот-

ники подскочили к нему — и человек приподнялся. Это был Космач. Они узнали его при свете луны по рассеченному шрамом, ухмыляющемуся лицу. Подхватив под руки обессилевшего охотника, они дотащили его до становища.

Поселок всполошился. Проснувшиеся охотники схватились за оружие, решив, что на становище напал дикий зверь.

Все собрались вокруг Космача:

— Ты ранен?

Тот отрицательно покачал головой и опустился на траву.

Подошли и несколько женщин, разбуженных шумом. Правда, они держались в стороне, не смея вмешиваться в беседу мужчин. Случилось что-то ужасное!

Космач едва жив. Заяц, наверное, погиб... Космач вернулся, но огня нет! О горе! О несчастье!

Космач понемногу приходил в себя:

— Я не ранен — только очень устал! Заяц жив, он ранен, он остался внизу в лесу. Я нес его на спине через два холма, не выдержал — донес только до скал, пришел за вами.

Кто-то принес в шкуре воду из потока и плеснул на ослабевшего охотника.

Хорошо хоть оба посланца остались в живых. После ухода Задиры тяжело потерять еще двух охотников.

Скоро отдышавшийся Космач уже мог подняться. Сын Мамонта принес несколько костей и, расщепив их топором, протянул охотнику, чтобы тот подкрепился.

— А огонь? — осмелился наконец спросить неудачливый хранитель огня Сова.

Но Космач, казалось, не расслышал его вопросов. Он поднялся и, опираясь о палку, сделал несколько шагов.

— Идемте! — позвал он.

— Космач, подождем до утра, — предложил кто-то. — Ты еще слаб, куда идти?

— Заяц ранен, он совсем один в лесу...

— Он подождет до утра, останься и отдохни, — настаивали охотники.

— Тогда я пойду, а вы оставайтесь здесь! — Космач осуждающе посмотрел на сородичей и направился к лесу.

— Ты не можешь идти один! — крикнул ему вслед Сын Мамонта и, разбив людей на две группы, одну отправил за Зайцем, а второй приказал оставаться в становище.

Космач шел впереди, указывая дорогу.

Поселок смотрел вслед уходящим, пока их не поглотила ночная мгла. Потом все снова улеглось, укрывшись теплыми шкурами. После полуночи заметно похолодало. Стражи обошли становище и, не заметив ничего подозрительного, успокоились.

Когда небо на востоке начало светлеть и запели пробудившиеся птицы, из леса показалась странная процессия.

Впереди шли два охотника. За ними еще четверо несли сде-

ланые из ветвей носилки с раненым Зайцем, а следом за вождем Сломанный Зуб и Волчий Коготь тащили медвежью шкуру, перекинутую через палку. Шествие замыкали охотники с огромными кусками свежего медвежьего мяса.

Едва завидев возвращающихся, стражи тотчас разбудили становище. Голые ребятишки вылезли из-под шкур и кинулись навстречу охотникам. Им первым хотелось все разузнать и сообщить новости взрослым.

— Скорей все сюда!

— Они поймали огромного медведя!

— И несут огонь!

Сова, услышав, что несут огонь, вскочил и, ковыляя, заторопился навстречу охотникам.

Вождь сам разжег костер.

Пламя взвилось ввысь и осветило становище.

— Слава! Снова огонь! Ей, гей, ей!

Кто-то подносил хворост, кто-то подкидывал сухую траву. Прочь печаль, снова в становище вернулась радость!

Охотники тотчас накололи мясо на прутья и, устроившись у огня, принялись жарить его. Женщины и дети стояли вокруг. Место у огня принадлежало только взрослым охотникам. Самое почетное — против ветра, — как всегда, занимал вождь племени. Всех разбирало любопытство, всем хотелось узнать, что же произошло, но никто не отважился первым начать разговор: все ждали, когда заговорит Сын Мамонта. Только он один мог нарушить молчание.

И он заговорил. Его речь походила на шум леса, свист ветра и звериный рев. По звуку голоса, движениям тела, по выражению лица все племя понимало его.

— Космач все расскажет, как только отдохнет. То, что он принес огонь, вы видите. Я расскажу, как мы нашли Зайца. Приложили к ране подорожник? Хорошо. Он будет бегать, пальцев на ноге осталось достаточно, но крови он потерял много... Космач долго вел нас лесом, потом равниной. И вдруг мы заметили под скалой небольшой костер. Космач сказал, что там Заяц. Он оставил ему кору, потому что сам боялся потерять ее по дороге. Мы поспешили к Зайцу, а когда подошли, нас охватил страх. Костер догорал. Заяц горячей головешкой отбивался от огромного медведя. Мы прокричали клич нашего племени, чтобы подбодрить его, и поспешили на помощь. Это был большой самец. Такой шкуры у нас еще не было.

— Это Сын Мамонта убил его! — выкрикнул кто-то из охотников.

— Не перебивай! — потребовал вождь и продолжал: — Мы спасли Зайца — отвлекли зверя на себя. Бедный Заяц даже не мог дожидаться конца сражения, без сил свалился у костра. Потом мы подбросили в огонь сучьев и ободрали мохнатого. Дайте-ка сюда лапу, я ее поджарю.

Вождь умолк, и только теперь началась настоящая беседа. Каждый что-то знал, каждый о чем-то спрашивал, каждый что-то хотел добавить.

Дети, затаившись, слушали рассказы охотников. Чумазый кривляка ловко поймал кость, кем-то брошенную, облизал ее и с удовольствием начал обглаживать свежее, только что схваченное огнем мясо.

Рассветало. Солнечные лучи, пробившись сквозь тучи, спешили обласкать и согреть землю.

Женщины перенесли Зайца поближе к огню. Нога его была обернута листьями и обвязана ремешками. От сильной боли он время от времени стискивал зубы и тихо стонал.

Космач сидел возле Зайца. Он был доволен, что его друг остался в живых.

Вытащив из огня поджаренную медвежью лапу, вождь подул на нее и сильными зубами оторвал кусок мяса, потом передал ее Космачу.

Все одобрительно загудели. Это было знаком высшей похвалы. Старый охотник был настоящим героем — он принес огонь и спас друга.

Уже несколько дней племя пирило. Мяса было в избытке, и насытившиеся обжоры громким иканием выражали свое блаженное состояние. Потрескивание вновь обретенного огня было приятнее самой чудесной музыки на свете. Все были счастливы. Но надолго ли!

События не заставили себя ждать. Однажды, когда охотники сидели вокруг костра, из леса до них донеслись испуганные крики детей. Громко вопя, дети бежали к становищу. Впереди — Копчем с Жабкой. Они неслись, не замечая препятствий, перепрыгивая через кочки и пни. Внезапно Копчем замедлил бег и захромал.

Охотники поднялись и принялись смеяться, глядя на бегущих детей. Волчий Коготь не поленился даже встать на камень, чтобы все получше разглядеть.

У Копчема что-то случилось с ногой — Жабка выиграет. Нет, что-то не похоже на то, что это игра. Копчем не из тех, кто даст себя обогнать девчонке... Что-то действительно случилось!

А запыхавшаяся Жабка уже кричала:

— В лесу люди!

Мгновенно все оказались на ногах. Охотники схватились за оружие. Кто знает, что несет с собой появление вблизи становища чужих.

Жабка рассказала, что по лесу идет небольшая группа мужчин. Сколько их, она не знала.

Космач, уже совсем отдохнувший, бегал по становищу, подгоняя замешкавшихся. «Все-таки эти волки выследили! Я-то считал,

что нам удалось от них скрыться, а они пришли следом за нами. Но ничего, мы им покажем!» — думал Космач.

Сын Мамонта с несколькими наиболее сильными охотниками устроили засаду в кустах. Остальные залегли в траве, выжидая, когда неприятель покажется из леса. Если преследователи Космача и Зайца доберлись сюда, они не захотят вернуться назад с пустыми руками.

Наконец из леса вышла группа вооруженных мужчин. Однако топоры их мирно покоились за поясами, а копья были опущены вниз наконечниками. Было ясно, что они не собираются нападать. Двое охотников вели за руки отставших детей. Шли открыто, ни от кого не прячась...

Космач повертел головой, заслоня солнце, вглядываясь в приближающихся.

Что это! Из кустов навстречу пришельцам поднялся Копчем. Почему он не бежит?.. Уж не желает ли он помериться с ними силой?

Сын Мамонта свистом приказал мальчику тотчас вернуться в становище. Но мальчик, ковыляя, сделал несколько шагов в сторону незнакомцев, угрожающе размахивая палкой.

Мужчины что-то закричали Копчему и обступили его. Что они с ним сделают?.. Ничего! Копчем поворачивается и, опираясь о палку, направляется вместе с ними в становище.

Что же за люди эти пришельцы?

Наконец из кустов раздаются возгласы удивления. Охотники узнали незнакомцев. Да ведь это Задира, а за ним Окунь! Посмотрите, Криворог ведет нашу маленькую Крушанку!

Задира и его спутники вернулись в поселок, однако пойти дальше первой хижины не решались. Они сильно исхудали, на теле у многих появились новые шрамы. Теперь они стояли, ожидая, когда их пригласят к огню.

Но никто не предлагает им подойти ближе. Становище встретило их холодно и отчужденно. Даже маленькие дети не бегали и не кричали, как обычно, а тихонько сидели возле своих матерей.

Задира был растерян. Нерешительно переступал он с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам, ища поддержки или хотя бы дружеского взгляда.

Охотники во главе с вождем сидели вокруг костра, обгладывали кости, не обращая никакого внимания на своих бывших соплеменников, вовсе не замечая их.

Только двое карапузов, Цебик и Жучок, бесцеремонно устались на пришельцев. Они переводили взгляд с одного на другого, какие-то смутные воспоминания бродили в их памяти. Наконец дети узнали их.

Общий любимец Жучок вдруг схватил Окуня за кожаную рубашку, потянул его к огню:

— Идем, у нас новый огонь, посмотри!

Окунь медленно двинулся за ребенком, а потом взял его на руки и подсел к костру.

Другой карапуз, Цебик, как и Жучок, потащил к костру Толстяка, и для того нашлось место. Толстяк был страшно смущен и не знал, куда глаза девать. Расшалившийся Цебик воткнул свой топорик в рот Толстяку. Тот закашлялся, из глаз его потекли слезы.

Все принялись смеяться.

Смех растопил лед неприязни.

Задира и остальные расположились у костра. Никто не прогнал их, никто не упрекал. Дети вернули племени его охотников.

У костра они долго рассказывали о своих злоключениях, о голодных днях, которые им пришлось пережить, о том, как они нашли остатки медведя и следы привели их в становище.

Бельчонок валялся на шкуре, с удовольствием обгладывая большую кость. Внезапно, отбросив кость в сторону, он вскочил. Ему показалось, что он слышит криканье. Уж не ошибся ли он? «Кря, кря!» — слышалось где-то рядом.

— Утя, утя! — звал Бельчонок, подбегая к ручью.

Там, у воды, утка, размахивая крыльями, не то бежала, не то летела навстречу мальчику. Громко крикая, она тыкалась в него клювом, будто торопясь рассказать ему о своих приключениях.

— Ах ты бродяга! — Бельчонок радостно сжал ее в своих объятиях и припустил в поселок, крича на ходу: — Вот видите? Она вернулась! Я же говорил, что она вернется!

Дети стремглав бежали ему навстречу. Всем хотелось потрогать утку.

Часть 5

НА БЕЛОЙ СКАЛЕ

МАЛЬЧИК И МАМОНТ

Преследуемый разъяренными пчелами, мальчик бежал к соннам на Черной скале.

Бельчонка уже и след простыл. Он боялся пчел куда больше, чем Копчем! Вот уж Копчем над ним посмеется вечером у костра!

«Спустишь вниз и там искупаюсь в озере», — решил Копчем, почесывая покусанные места. Раздвинув ветки, он от удивления застыл на месте. Прямо перед ним был огромный мамонт с трехметровыми, загнутыми вверх бивнями.

Копчем стоял в нескольких шагах от мохнатого толстокожего гиганта, сжимая в руке ветку, будто желая этим оружием остановить грозного великана. Оба, не двигаясь, смотрели друг на друга.

Мальчику казалось, что мамонт смотрит на него вовсе не зло. Но возможно ли это? Какие у него ноги! Как дубы, ствол которых

не в состоянии обхватить даже взрослый охотник! Они передвигаются по земле, уничтожая все, чего ни коснутся. Копчем мгновенно вспомнил, как охотники у костра рассказывали об ужасной гибели своих соплеменников, раздавленных взбесившимся мамонтом...

Однако этот мамонт совсем не злой, он ничего плохого не делает Копчему. Глядит добродушно, как барсук.

— Мамонт, не тронь Копчема! — просительно прошептал мальчик, с испугом глядя на стоящего перед ним колосса.

Но мохнатый гигант сдвинулся с места и, склонив голову, медленно пошел на мальчика. Тот обернулся и, бросив палку на землю, кинулся к ближайшему дереву. Только добравшись до самой макушки сосны, Копчем остановился. Сердце громко стучало, лицо горело, многочисленные ссадины кровоточили. Притаившись на дереве, мальчик ждал, что будет дальше.

Огромное животное спокойно паслось на поляне под деревом, хоботом обрывая ветки, выдергивая пучки травы, поедая целые маленькие деревья. Понравилась ему и сосна, на которой нашел убежище мальчик, и мамонт принялся обрывать с нее ветки.

Копчем сидел затаив дыхание. Ах, если бы ему снова очутиться в становище, где у полыхающего костра сидят смелые охотники и его друзья мальчишки! Теперь он всегда будет слушаться опытных охотников, никогда больше не будет подкидывать горячие угольки в постели, не будет держать под водой плачущую Жабку, не набрасает в костер орехов, чтобы они, трескаясь, разлетались во все стороны и пугали окружающих.

Ничего этого он делать больше не будет! Копчем станет самым послушным парнем во всем племени. Ах, только бы снова оказаться в становище!

Наконец, разозлившись, мальчик закричал:

— Прочь, мохнатое чудище! Уйди от Копчема!

От озера послышался призывный трубный звук.

Копчем был не из пугливых, но никогда прежде ему не было так страшно, как теперь. Немало приключений пришлось ему испытать за свои двенадцать лет. Вот и имя свое он получил после одного случая, происшедшего на охоте. Копчем хорошо помнит, как две зимы назад, когда они были далеко от этих мест и играли в лесу, он увидел след молодого олененка. Они все вместе побежали по следу и вскоре наткнулись на спящее животное. Копчем вместе с остальными бросился на олененка, и во время схватки тот больно лягнул его копытом. С тех пор в племени все стали называть маленького охотника «ударенный олененком», что на языке его племени сокращенно звучало «Копчем». Так это имя за ним и осталось.

Отзываясь на призыв стада, мамонт затрубил, потом, ухватившись за толстую ветку сосны, попытался ее оборвать. Дерево закачалось, и крона наклонилась в сторону. Мамонт рванул еще раз, верхушка резко выпрямилась, и Копчем полетел на землю, даже

не успев крикнуть. Стиснув зубы и зажмурив глаза, он ждал, когда мамонт его раздавит. А в это время довольный мамонт с обломленной веткой во рту исчез среди деревьев. Он устремился к воде на зов своего стада.

Копчем лежал на земле, медленно приходя в себя. Тело болело, и при каждом движении он жалобно стонал. Однако ждать помощи было неоткуда, и мальчик, с трудом поднявшись, медленно побрел на Кораб, чтобы скорее добраться до своего племени.

С вершины Кораба он повернул к лесу и там оказался на хорошо знакомой ему тропе, ведущей прямо к становищу.

Копчем брел, еле передвигая ноги.

Как еще далеко до становища! И кругом нет никого, кто помог бы ему добраться до дому. Наверное, все уже сидят у огня и ужинают. Даже если он будет кричать, вряд ли его услышат.

Одно только немного утешало Копчема, что все это случилось во время стоянки. Иначе ему пришлось бы догонять своих, и кто знает... Правда, Копчем был уверен, что вождь никогда бы не оставил его на растерзание волкам... Как хорошо, что тут, на Белой скале, постоянно горит огонь и вождь еще ни разу не заикнулся о том, что они покинут становище!

Здесь, на берегах Влтавы, племя обосновалось, видимо, надолго. В Пражском озере, заполнившем всю котловину, полно рыбы, в лесах и на холмах много зверей.

Их племя уже с весны обитает в этих краях и пока не собирается сниматься.

Племя нашло себе удобное место для стоянки. Они хозяйева Пражского озера, берега которого с трудом можно обойти за день.

Копчем не прошел еще и полпути, а сумерки уже спустились на землю. Огонь пылал в становище племени, он был скрыт от ветра отвесной скалой. Женщины готовили уставшим охотникам ужин. Жарили мясо над горячими углями. Дети резвились на траве. Вождь сидел на камне у костра. Это было его постоянное место, которое никто не смел занять. Рядом с ним у самого огня разместились старейшие охотники племени. Здесь строго соблюдался закон старшинства, и вряд ли кто-либо отважился бы занять место, которое ему не полагалось.

В углублении, заполненном горячими голышами, заботливая Дярга жарила Сыну Мамонта рыбу, пойманную утром в озере.

Охотники сегодня были не слишком разговорчивы. Лишь время от времени перебрасывались словами. Говорили тихо, не перебивая друг друга.

Вождь прислушивался к беседе, но сам участия в ней не принимал. Главная новость, которая у всех сегодня на языке: вблизи озера появилось стадо мамонтов.

В это лето охотникам еще ни разу не удалось поймать мамон-

та. А как хорошо было бы убить хоть одного и обеспечить спокойную жизнь всему племени на многие дни! Бивни можно было бы выменять на кремневые камни, а из них сделать ножи и наконечники, в которых люди снова ощущают недостаток.

Кто-то проаукал в лесу. Сломанный Зуб вскочил и ответил призывным кличем своего племени. В лесу снова раздалось ауканье, на это раз прозвучавшее прерывисто и тихо.

Разговор прекратился, все прислушались. Голос зовущего показался им необычным и чужим. Кто бы это мог быть?

— Это не наш... — заметил кто-то из охотников.

Только встревоженный Бельчонок жалобно закричал:

— Это Копчем! Я слышу голос раненого. С ним что-то случилось! Скорее на помощь!

Несколько охотников спустилось вниз. Бельчонок бежал, опережая всех. Матери проверили, все ли дети на месте, и действительно не хватало одного Копчема. Вождь подошел к краю скалы и заглянул вниз. Сгущались сумерки. Не случилось ли что-нибудь ужасное? Правда, Копчем смелый парень, настоящий охотник. Сейчас в племени дорога каждая пара рук.

Наконец в становище появились охотники, они несли на руках потерявшего сознание мальчика. Когда они положили его перед вождем, Копчем открыл глаза и улыбнулся.

— Ушибся, — заявил Сын Мамонта, осмотрев мальчика, — скоро поправится.

Охотники начали гадать, что могло случиться с Копчемом.

— Опустошал вороньи гнезда?

— Упал со скалы?

Космач даже предположил, что Копчем попытался напасть на крупного зверя.

Вождь приказал накормить мальчика рыбой и поручил его заботам Дярги, а сам вместе со всеми стал есть мясо.

Когда Копчем наконец насытился, вождь подошел к нему и сказал осуждающе:

— Копчем, неоперившийся птенец, выпал из гнезда.

Мальчик ответил одним словом:

— Мамонт.

— Гейя-гей! — в восторге закричали охотники и окружили Копчема. Пусть он расскажет, что произошло.

— Ну берегись, противный мамонт, мы тебе покажем! — угрозил Бельчонок в сторону леса.

— Подожди, злой мамонт, скоро солнце осветит твой труп! — злобно ворчала беззубая Верба, самая старая женщина в племени!.

Собравшись вокруг огня, охотники начали обсуждать предстоящую завтра охоту. Вождь смотрел на огонь, о чем-то размышляя.

Старая Верба принесла лисью шкуру и укрыла спящего Копчема.

ОХОТА НА МАМОНТА

Утром после скудного завтрака все племя направилось к озеру искать следы мамонта. Вождь шел впереди и молча, внимательно изучал каждый след.

— Эка! Эка! Эка! — сказал он наконец, обращаясь к охотникам.

Это означало: мамонт, мамонт, мамонт.

Осмотрев следы около поваленного дуба, Сын Мамонта произнес:

— Мамонтов — рука, — и показал пальцы одной руки. Это означало, что здесь побывало пять мамонтов.

Охотники стояли, ожидая приказаний.

Вождь повел их через лес вверх, к гребню холма.

У песчаных скал они остановились. Указав на большой, размытый водой овраг, через который проходила тропа мамонтов, он сказал:

— Здесь будет западня! — и сел на вывороченное с корнем дерево.

Две дюжины сильных рук тотчас принялись за дело.

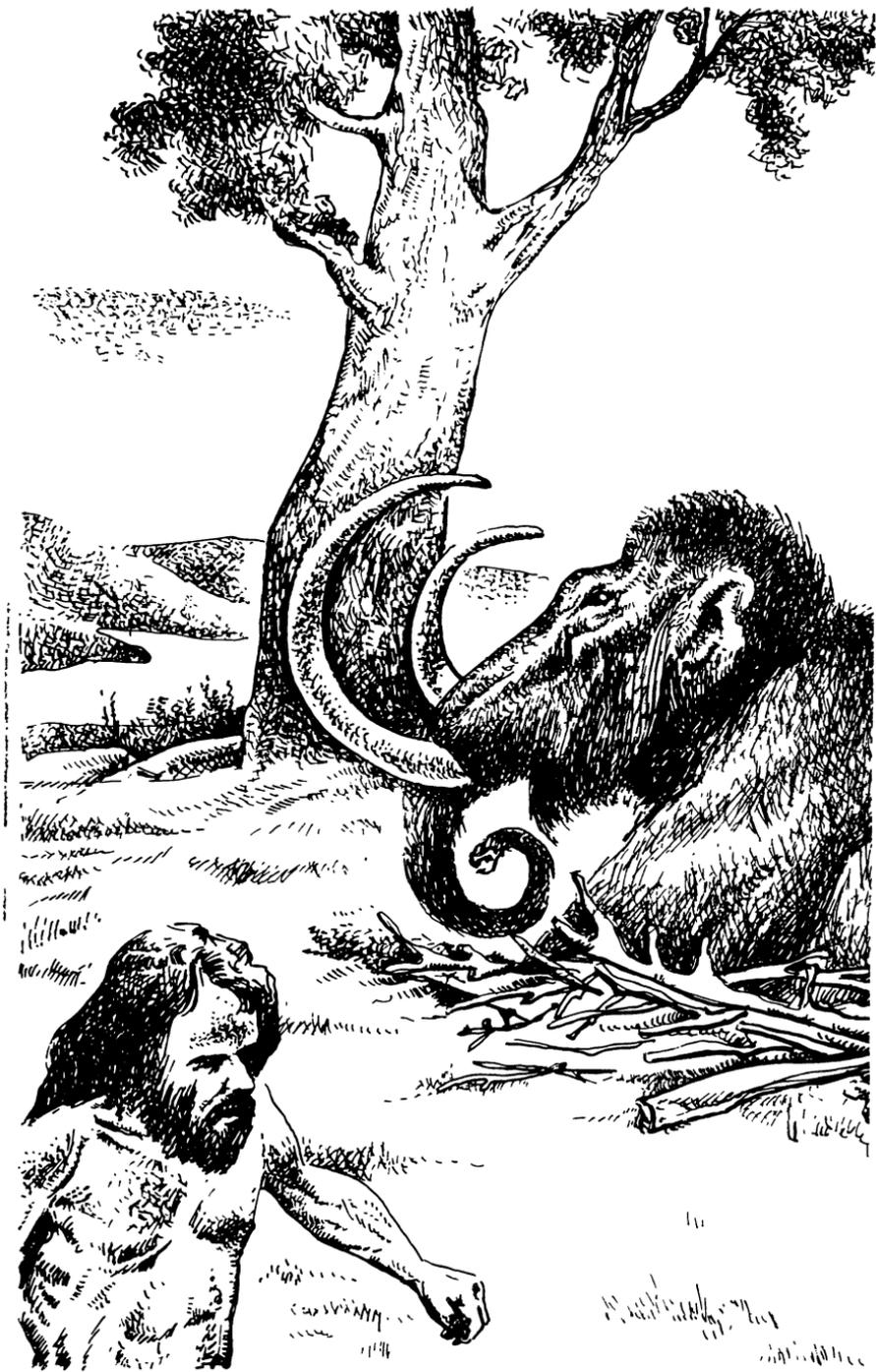
Охотники выгребали песок, глину и камни, так что пот ручьями тек по их лицам и обнаженным телам. Яма увеличивалась, а вождь все торопил, подгоняя их, и посылал гонцов на Белую скалу за помощью.

Сын Мамонта с любовью оглядел своих соплеменников. Подумать только, такие исхудавшие люди — и могут так хорошо работать! Они сильны и выносливы. Их мышцы упруги и жестки, похожи на толстые веревки. Они обнажены, только у некоторых вокруг пояса подвязаны шкуры — скорее для украшения, чем по необходимости. У охотников все тело покрыто редкими черными волосами, белеют только шрамы от страшных ран. Это признак жестоких схваток с дикими зверями. Охотники гордились ими. Женщины тоже не отставали от мужчин, украшая себя искусственными шрамами. На лице и на груди многие модницы даже надрезали кожу, ранки посыпались древесным пеплом, и образовавшийся шрам становился постоянным украшением.

Двое охотников выволакивали из ямы большой камень. Из их груди вырывались тяжелые хрипы, от напряжения лица были свирепы. Мощные ноги проваливались в мягкой глине.

Солнце было уже высоко, когда вождь разрешил передохнуть. Яма была почти готова. Овраг, размытый водой, облегчил их работу. Женщины и дети наломали веток и прикрыли ими яму. Сверху набросали траву, глину и листья.

Теперь можно было возвращаться в становище, на Белую скалу. Женщины, оставшиеся там, конечно, приготовили еду из остатков мяса для проголодавшихся мужчин. Сегодня они съедят все, ведь впереди — охота на мамонта.





Дети играли. Мужчины отдыхали, наблюдая за стаей диких уток над озером, и только вождь беспокойно вглядывался в нахмурившийся горизонт. Время от времени кто-нибудь высказывал опасение, что солнце не один раз совершит свой путь по небосводу, прежде чем мамонт попадет в их западню.

А в это время от песчаных скал по лесу шел молодой мамонт. Он шел по проторенной дороге вниз к воде, срывая по пути сосновые и еловые ветки. И вдруг — яма! От злости мамонт заревел и начал крушить все, пытаясь выбраться из ямы.

На Белой скале поднялась тревога. Они услышали рев попавшего в западню животного. Усталость как рукой сняло, все устремились к яме. Копчем неся из всех сил, стараясь не отстать от остальных.

У западни охотники пустились в пляс. Теперь можно было не торопиться. Мамонт был в ловушке, нужно только набрать побольше тяжелых камней, чтобы когда он устанет, расправиться с ним.

Когда все было кончено, люди попрыгали в яму. Они припали к ранам убитого мамонта и пили горячую кровь животного. Острыми ножами они рвали мясо на куски, сопровождая все это громкими криками. Впереди — обильный ужин и много-много вкусного мяса!

Однако до ужина дело так и не дошло.

Вождь, которого вот уже несколько дней мучила жестокая лихорадка, стиснув зубы, приковывая к ликующим охотникам и отрывистыми выкриками приказал вытащить из ямы куски мяса и спрятать их в укрытие. Надвигалась буря.

Горизонт затянули коричневые тучи. Вот уже затрещали ветки, и деревья склонились под порывами сильного ветра. Вихрь нес тучи пыли.

Песчаный ураган сменился страшным ливнем с молнией и раскатами грома.

Когда буря утихла, охотники вышли из укрытий, протирая от пыли глаза. Ураган принес горы желтой пыли, дождь превратил ее в грязь. Только открытые ветру места оставались голыми и сухими. Яма, где был мамонт, сравнялась с землей.*

Собрав припрятанные в укрытиях куски мяса, охотники направились на Белую скалу готовить ужин.

Но в становище не пылал костер, он был залит водой и погас.

Огонь погас! Опять несчастье обрушилось на племя.

Все побежали смотреть на мамонта и забыли об огне. Вихрь разметал костер, дождь dokonчил злое дело. Огня не было. И готовить ужин не пришлось.

По лесу неслись жалобные стоны.

У Копчема по лицу катились слезы. Он хорошо помнил, как трудно им пришлось в прошлый раз, когда ручей залил огонь.

* В 1906 году при прокладке канализационных труб на глубине четырех метров был обнаружен скелет мамонта.

Тогда они клялись быть осторожными и беречь огонь. Ведь он был добыт с таким трудом!

И вот снова огонь покинул их становище, и никто не знает, удается ли им найти новый.

Но Копчем уже взрослый охотник. Он может сам попросить, чтобы его послали за огнем... Да, он сделает это, он принесет огонь своим сородичам. Он сильный, смелый и достаточно хитрый, и он почти здоров...

Прибежал Бельчонок, тоже очень огорченный. Копчем подождал друга к себе. Он, Копчем, решил искать огонь. Бельчонок его лучший друг. Они вместе отправятся на поиски. Копчем ничего не боится, он готов даже пожертвовать жизнью, если это понадобится!

Но кто же сторожил огонь, кто дал ему покинуть становище? Племя должно наказать виновника. И тогда кто-то закричал:

— Сегодня Волчица была хранительницей огня!

К погасшему костру приблизился разъяренный Задира, размазавшая тяжелой дубиной.

— Где она? Задира накажет ее по-своему, вождь — размазны.

Волчица сжалась от страха. Задира подошел к ней и с силой ударил женщину по голове. Она упала у самого края скалы. К Волчице подбежал ребенок, он с ненавистью смотрел на жестокого охотника. Остальные при этом только ворчали. Было неясно: то ли они соглашались с поступком Задиры, то ли осуждали его.

А Задира продолжал буйствовать. Он схватил прижавшегося к женщине ребенка и поволок к обрыву. И в этот миг Сын Мамонта резко оттолкнул его в сторону. Задира, потеряв равновесие, закачался и, соскользнув с края скалы, полетел вниз. Сын Мамонта, тяжело ступая, вернулся на свое место у костра.

Задира взобрался на скалу, зло усмехаясь. Он уселся в стороне, что-то ворча про себя и потирая ушибленные места. Никто не обращал на него внимания.

Пожилые охотники собрались около вождя на совет. Надо было что-то предпринимать.

Племя не могло жить без огня.

Старый Космач что-то придумал и теперь объяснял собравшимся, указывая на реку. Шкура сползла с его плеч, и солнце осветило старые раны на спине охотника.

Совет мужчин довольным рычанием подтвердил, что Космач прав. Вождь тоже кивал в знак согласия. Однако Сын Мамонта не мог допустить, чтобы Космач вновь пошел за огнем к чужому племени, живущему за большой рекой. В племени есть охотники и помоложе, они не боятся опасностей — пусть покажут, на что способны.

— А почему бы не пойти вождю? — выкрикнул Задира из своего укрытия. — Ведь вождь племени тоже сильный и смелый! Га-га-га!

Все знали, что Сын Мамонта очень ослаб за время изнуритель-

ной болезни и ему не под силу такой поход. Поэтому никто не поддержал обнаглевшего Задиру.

Несколько охотников вызвались идти за огнем. Среди них — Волчий Коготь, Укмас, Сова, Сокол и Сломанный Зуб, но первыми оказались Копчем и Бельчонок.

— И все-таки пойду я, — произнес Сын Мамонта. — Сам до стану огонь — или совсем не вернусь!

Он закашлялся и снова заговорил:

— Задира прав: кто, как не вождь, должен заботиться о людях своего племени. Я пойду. Вы останетесь и будете слушаться Космача.

Охотники еще долго совещались, наконец согласились с Сыном Мамонта:

— Да минуют тебя несчастья! Счастливо возвратиться назад!

— Но с огнем! — выкрикнул Задира.

Копчем и Бельчонок потянули Сына Мамонта за медвежью шкуру:

— Возьми нас с собой!

Охотник с улыбкой посмотрел на мальчишек и вдруг сказал:

— Ты, Копчем, кажется, хотел пойти и в прошлый раз. Хорошо, я беру тебя! Бельчонок подождет здесь. Больше людей — больше опасности... Мы справимся вдвоем, не так ли?.. Дярга, дай мне краску!

Дярга подала Сыну Мамонта горсть мокрой глины, и он нарисовал Копчему на лице и груди полоски и круги — магические знаки, спасающие от несчастий. Такие же знаки Дярга нарисовала на теле мужа.

— Я не могу тебя отпустить, — прошептала женщина. — Ты еще так слаб... Это неразумно...

— Прогулка мне не повредит, — усмехнулся Сын Мамонта. — У меня великая цель, и я чувствую, как все мое тело наливается силой. Я скорее погибну, чем вернусь без огня!

Вождь с Копчем спустились вниз к озеру, подтянули спрятанную в тростнике лодку-бревно и влезли в нее. Обитатели поселка на Белой скале долго смотрели им вслед. Сильное течение сначала относило бревно, но гребцам удалось добраться до спокойной воды, и они уже могли управлять им.

Охотники сидели верхом с двух концов ствола. Весла у них были сделаны из толстых веток. В углублении посредине лежало оружие.

Они гребли прямо к острову, а потом в его тени подплыли к Подбабскому заливу. Солнце, показавшееся из-за туч, словно очищенное и прояснившееся после бури, начало опускаться за горы.

На Белой скале наступила тишина.

Охотники молча смотрели вдаль. Старый Космач встал, подошел к краю скалы, раскинул руки и глядел в лицо раскрасневшемуся солнцу.

Медвежья шкура, скрепленная на плече ремнем, развевалась

на ветру. Остальные в молчании сидели вокруг. Как только солнце коснулось земли, старый охотник, казалось, стал выше ростом, глаза у него загорелись, и из горла вырвались восторженные звуки, напоминающие пение.

Он прославлял животворящее светило:

Солнце мое,
Ты приносишь тепло,
Согреваешь мое тело.
Приди завтра снова!
Оживи меня!
Свети, чтобы была хорошая охота,
Наше солнце!

Потом все взяли камни и принялись отбивать мясо, а затем стали пережевывать его, высасывая влагу. Наконец расстелили шкуры и улеглись спать. Бельчонок уснул последним.

ЗА ОГНЕМ!

Когда стемнело, Сын Мамонта и Копчем добрались до Подбабского берега. Лодку втянули в тростник и по тропинке, протоптанной животными, идущими на водопой, выбрались на берег. Сделав несколько шагов, Сын Мамонта вдруг резко засвистел, и оба кинулись на землю, укрывшись за кустом. На берегу стоял могучий зубр с детенышем. Передние ноги его были зарыты в землю, голова наклонена, хвост трубой — животное чего-то ждало, готовое обрушить свою силу на целый мир. Детеныш жалобно мычал.

Прошло несколько минут в напряженной тишине.

В лесной чаще, начинающейся у самой воды, послышался протяжный рев, и огромное гибкое существо выползло из кустов всего в нескольких шагах от смельчаков.

Лев! Охотники задрожали.

Самый страшный хищник этих времен, огромный пещерный лев готовился к прыжку на молодого зубра.

Шарецкий лев — гроза всех, кто охотится близ Пражского озера. Никто не видел его логова. Любого охотника, выслеживающего дичь, он повергал на землю одним ударом своей мощной лапы и разрывал на куски. Шарецкое племя трепетало перед могучим хищником. В этом году оно потеряло трех охотников, покинуло пещеры Дикой Шарки и перенесло свое становище в зеленую долину, подальше от страшного соседства.

Лев снова заревел.

В скалах над озером разнеслось эхо. Зубр отступал, и оба охотника вынуждены были вскочить, спасаясь от его копыт. Лев тоже вскочил и бил хвостом по земле. Теперь надо было сделать выбор!

Не дожидаясь нападения льва, зубры бросились в одну сторону, а охотник с мальчиком — в другую. Без оглядки неслись они

сквозь густой тростник. Добравшись до воды, они прыгнули в лодку и отплыли на середину озера.

Шарецкий лев, не переставая рычать, бродил вдоль берега. Иногда останавливался, озирался по сторонам и, заревев, бежал дальше.

Уже последние лучи погасли на западе, и тьма окутала вершины гор, когда охотники отважились наконец вылезти на берег. Они взобрались на высокий пригорок и спустились по нему в Шарецкую долину. В руках они держали каменные дубины.

Шарецкое племя было погружено в сон. Сын мамонта и Копчем, притаившись в зарослях, выжидали, когда можно будет подползти поближе.

Уставшее шарецкое племя охраняли четыре горящих костра. Вокруг были разбросаны разбитые кости, кремни и скребки для шкур.

Потерять огонь — значит лишиться тепла и защиты, поэтому каждое племя так ревниво его охраняет. Сын Мамонта может заплатить за похищение огня жизнью. Достаточно наступить на сухую ветку или задеть камень — люди проснутся, а тогда все решит быстрота ног.

Леопард не так осторожен, как искусный охотник, неслышно подползающий к самому огню. На счастье, никто из племени не поднялся, чтобы подложить хворосту в костер, иначе он сразу заметил бы, как между спящими сородичами крадется чужой. Пришелец осторожно вытягивает из костра хорошо обгоревшую ветку и стремглав несется к лесной чаще.

Сын Мамонта даже не заметил, что Копчем тоже вытащил обгоревшую ветку из соседнего костра и что-то бросил в огонь. С трудом взбирался Сын Мамонта по отвесному склону. Иногда ему казалось, что от слабости он свалится и уже больше не сможет подняться.

Копчем тоже карабкался вверх. Колючки впивались в тело. На вершине они побежали в разные стороны, чтобы хоть один мог уйти, если начнется преследование.

Заметив на небольшой поляне слабый свет, Копчем пошел на него.

«Это наверняка вождь!» — подумал он и проворчал клич племени. И тотчас услышал тихий ответ.

Сын Мамонта уже поджидал его. Он тяжело дышал, глаза лихорадочно горели, его бил озноб. Но Сын Мамонта боролся со слабостью, не желая поддаваться болезни. Он выполнит свое обещание или погибнет. Поднявшись, Сын Мамонта приложил свою горящую ветку к обгоревшей ветке Копчема. Ввысь взвился узкий красный язык. Теперь все в порядке. Можно продолжать путь. Племя, спокойно спящее у костров, осталось далеко позади.

Внезапно в долине раздался странный треск.

— Что это? — спросил Сын Мамонта, прислушиваясь.

Копчем весело засмеялся.

Треск повторился.

Копчем засмеялся еще громче.

— Это ты, Копчем? — подозрительно глядя на мальчика, спросил вождь.

— Я бросил горсть орехов в костер, — признался мальчик, лукаво улыбаясь, и тут же отскочил в сторону, увидев, как рассердился Сын Мамонта.

— Ты неразумный мальчишка, а не охотник! — возмутился Сын Мамонта. — Сейчас проснется все племя.

Копчем бежал по склону вниз, к Влтаве. Он был весел, он уже не боялся, что шарцекие охотники заметят их горящие ветки. Однако если бы орехи растрескались чуть раньше, могли бы быть большие неприятности. А что, если бы Сын Мамонта не ушел от погони? Но ведь все так хорошо удалось, и теперь они скрыты гребнем холма, им даже нечего торопиться. Ветка Копчема разгорелась, на нее даже не нужно было дуть, и вождь больше не сердился.

— Сын Мамонта, — начал Копчем, — ведь это смешно: стражи спят возле костров, и вдруг бух! бух! — орехи разлетаются прямо в нос! Ги-ги-ги!

— Проказник! — только и сказал Сын Мамонта и потянул Копчема за ухо.

Это было не больно, но для виду Копчем все-таки заскулил.

Внизу, у реки, они отыскивали спрятанную лодку, разожгли в укрытии костер, и, когда горелого угля набралось много, Копчем вырвал кусок дерна, положил на него тлеющие угольки и понес их в лодку.

В темноте было плохо видно. Копчем хотел влезть в лодку, но оступился, лодка закачалась, и он полетел в воду. Горящие угольки зашипели...

Копчем умел хорошо плавать и ему ничего не стоило выбрать-ся из воды. Но угольки?..

Мальчик жалобно смотрел на вождя и отфыркивался. Дерн вместе с уголками покоились на дне Влтавы...

— Теперь снова за огнем? — серьезно спросил Сын Мамонта.

Копчем заплакал.

Охотник нагнулся и начал раздувать несколько оставшихся в костре угольков.

Увидев, что делает вождь, Копчем подскочил к нему и тоже стал дуть на угольки.

Вскоре появился язычок пламени. Огонь был спасен.

Лодка бесшумно двигалась по ночному озеру.

На востоке еще не рассвело, когда охотники очутились у Белой скалы. На вершине стоял старый Космач. Он не спал всю ночь и

первым увидел на гладкой поверхности озера полузатопленный ствол, а на нем — два маленьких черных силуэта. Это они! Но почему не видно никакого огня... А старый охотник так мечтал о тепле!

Ветви зарослей затрещали, и в становище на Белой скале появились Сын Мамонта и Копчем. Космач первым встретил их. Нет, он не будет будить спящих — ведь они не принесли огня. Но смеющийся Копчем уже раздувал угольки на дерне, до сих пор он прятал их за спиной.

Космач от радости громко свистнул, и все мгновенно проснулись.

Огонь запылал, и в утренней прохладе все заспешили к теплу.

Снова у них есть огонь! Слава огню!

Пламя высоко взметнулось ввысь. Если шарецкие охотники рано отправятся на охоту, они могут заметить огонь, полыхающий на Белой скале.

Все восхваляли находчивость и мужество смельчаков.

Только вождь не радовался вместе с ними. Он лежал и кашлял, то дрожа от холода, то обливаясь потом. Дярга ухаживала за ним, подкладывая в ложе нагретые, завернутые в шкуры камни.

Крепыш позвал Задиру:

— Иди погрейся!

Тот что-то невнятно пробормотал в ответ.

Старый Космач взял кусок припрятанного мяса и положил его в горячий пепел — он мог есть мясо, только хорошо прожаренное: сырое ему уже не по зубам. Кроме того, он утверждал, что мясо, поджаренное в пепле, имеет соленый привкус. Сидя у костра, он вспоминал:

— Давно. Я еще был маленький. Мы остались без огня. Ливень залил костер. Не на чем было поджарить мясо. Негде было обогреться. И вдруг удар! Отломился кусок солнца. Пронесся стрелой среди туч. Зарычал громче, чем стадо пойманных мамонтов. Вцепился в бук и разорвал его. Я упал. А когда пришел в себя, дерево горело. Было много огня!

Так молния помогла племени добыть огонь.

Охотники молча смотрели на костер. Им было хорошо, они были довольны, что Сын Мамонта вернулся. И у них снова был вождь, какому может позавидовать любое племя.

Бельчонок подтолкнул Копчема:

— Ну-ка, расскажи, как вам это удалось.

Охотники обступили их.

Крепыш подтолкнул Копчема поближе к огню. И мальчик принялся рассказывать о ночном приключении.

Горизонт на востоке бледнел, запели птицы.

Когда солнце взошло, племя отправилось на охоту. Охотники не всегда обходились одной силой, они прибегали и к хитрости. Они могли выследить любого зверя, знали их повадки, могли не-



заметно приблизиться к своей жертве и с невероятной быстротой и ловкостью нанести ей смертельный удар.

У каждого охотника были свои достоинства. Длинная Нога умел подражать крику любого животного и зазывал жертву на место охоты. Серны и лани особенно легко попадались на эту уловку, когда он, подражая им, свистел на тонком листке березовой коры.

Волчий Коготь с волосами, завязанными на макушке в пучок, умел делать нитки из оленьих жил и плести из них сети для силков на животных и рыб. Он хоро-

шо ловил лис и росомах в капканы, которые сам придумал. Волчий Коготь всегда знал, где надо поставить ловушку на волка, где на медведя и носорога. Это он отыскал тропинку к озеру, по которой мамонты ходили на водопой.

Что же касается вождя, то он умел делать все. Никто лучше его не мог сделать из любого камня тонкие граненые ножи и топоры, изготовить дубину или подобрать подходящую ветку для лука.

ДИКИЕ ЛОШАДИ

Стебельку медведь повредил ногу, и с тех пор он с трудом передвигался. Теперь его любимым занятием было сидеть у огня, камнем разбивая обглоданные оленьи кости, и высасывая из них мозг. Не было большего лакомства, чем это: даже птичьи яйца, жареное оленьё мясо уступали ему. Однажды утром, собирая ягоды и мед диких пчел, Стебелек случайно заглянул вниз, на текущую Рокитицу, и увидел табун диких лошадей.

Полюбовавшись ими, он поспешил через лес на Белую скалу предупредить племя.

Но пока охотники собирались, лошади скрылись за песчаными скалами. Преследовать их не было никакого смысла.

Единственная надежда — что кони вернуться... Но сможет ли он снова участвовать в охоте? Ах, охота на коней! Юноша вспомнил прошлогоднюю охоту. Тогда у него была здоровая нога и он сам мог бегать, как лошадь.

Погрузившись в свои мысли, Стебелек поднял кусок оленьего рога и начал кремнем вырезать на нем черточки. Вот чудо! Получилось что-то похожее на коня.

Охваченный радостью, он резал и резал до тех пор, пока не осталось ни кусочка свободного места. Вот все изумятся, когда увидят, что он умеет делать!

Готовый рисунок он показал женщинам. Они любили украшения, и им очень понравился разрисованный рог.

Солнце стояло уже высоко, когда в становище прибежал запыхавшийся Бельчонок: вблизи становища появился табун лошадей.

Бельчонок так волновался и кричал, что Сын Мамонта проснулся. Он заявил, что чувствует себя хорошо и пойдет на охоту вместе со всеми. Напрасно Дярга пыталась его отговорить.

— Что я, женщина — сидеть и следить за огнем? Разве я так слаб? — возмутился Сын Мамонта.

Бельчонок подскочил к вождю и подал ему копьё. Вождь свистнул, и тотчас со всех сторон к нему сбежались охотники.

— Вы тоже можете идти! — сказал Сын Мамонта подросткам.

Вождь шел, опираясь на копьё, слегка покачиваясь, но не убавляя шага. На лугу его ждали остальные охотники.

Они приветствовали вождя воинственными криками, указывая в сторону, где пасся большой табун диких лошадей.

Сегодня будет великая охота! У всех от нетерпения горели глаза. Каждому хотелось показать себя. Женщины тоже были здесь. За ними прибежали и подростки.

Кони спокойно паслись, медленно приближаясь к спрятавшимся в укрытии людям.

Охотники шептались, решив разбиться на несколько групп, и разошлись в разные стороны. Одни остались ждать на тропинке, другие поднялись на плоскогорье, где паслись кони.

Когда табун приблизился, охотники выскочили из укрытия и с гиканьем погнались коней на горный хребет над озером.

Дети и женщины схватили горящие ветки и принялись поджигать сухую траву по всему гребню. Восточный ветер гнал дым в сторону табуна. Бежали и кричали дети.

Сын Мамонта подал сигнал, и со всех сторон, размахивая палками и топорами, охотники кинулись на коней. Испуганные лошади шарахнулись в разные стороны. Охотники гнали их к краю скалы, обрывающейся к озеру. Двое коней в испуге ринулись вниз. Путь остальным преградили вооруженные люди.

Вожак табуна, заметив просвет в дыму, устремился по каменистой тропе, еще не охваченной огнем, за ним бросились остальные. Вскоре кони исчезли вдали.

На гребне их хотел остановить Задира, но дикие животные оп-

рокинули охотника вместе с его дубиной, топча копытами распротертое на земле тело. Никого из племени не было рядом. Никто не пришел ему на помощь. Дым скрыл от охотников последние минуты жизни Задиры.

Когда все было окончено, несколько лошадей с переломанными ногами барахтались под скалой.

Охотники ликовали, они прыгали от радости и кричали. Охота была удачной, теперь будет пир!

Племя собралось на берегу озера, под скалой.

Укмас пришел последним, неся в руках прекрасную волчью шкуру. Он рассказал, что Задира лежит мертвый на плоскогорье — кони растоптали его. Он, Укмас, повернул лицо умершего Задиры к солнцу и воткнул вокруг его тела ветки.

Все затихли. Охотники смотрели друг на друга в недоумении. Не может быть! Задира мертв! Он ни с кем не мог ужиться, этот дерзкий и насмешливый человек, но теперь его нет, и это кажется невероятным.

— Кони растоптали его!

— Теперь его сожрут волки!

— Кончатся ссоры.

— Он был хорошим охотником!

Так было встречено известие о смерти Задиры. О Задире особенно никто не жалел. У него не было настоящих друзей.

Женщины развели костер и принялись жарить и коптить мясо. Мужчины отдыхали, ели сырую печень и вспоминали утреннюю охоту.

Сын Мамонта, забыв об усталости, расхваливал смельчаков.

Все были счастливы. Сегодня никто не думал о том, что будет завтра.

ОБМЕН

На следующий день после небольшого совета вождь объявил, что племя должно пополнить запасы кремневых камней. Мяса у них достаточно, пришло время позаботиться об оружии, ибо зима не за горами.

Сын Мамонта приказал собрать все, что составляло богатство племени: шкуры, оленьи рога, клыки мамонтов, и послал четырех охотников обменять их. Посланцы переправились через озеро и пошли на Летненское плато. Мешки они несли на голове и шли через Петршин на юг, туда, где над долиной Далекой реки поднимался голубой дым костров дружественного племени.

Однажды они очень выгодно обменяли часть вещей, захваченных для обмена. Так они добрались до Прокопской пещеры, в которой зимой находило приют местное племя.

Перед пещерой на выступе горел огонь. Посланцы племени, приблизившись, издали свой клич, опасаясь, как бы хозяева не

выпустили им навстречу острую стрелу. Прокопские охотники вышли из пещеры, приветственными криками встречая друзей из соседнего племени. Пригласили пришельцев к костру, усадили на шкуры. Выражая дружеские чувства, подошли, поклонились, потерлись носами. Охотники разложили свои товары и просили обменять их на кремни.

После того как все церемонии были выполнены, вождь прокопского племени подошел, посмотрел на разложенные предметы, а потом, захватив двух охотников, скрылся с ними в пещере. Пещера была не слишком просторная, но очень длинная. Один охотник шел впереди, освещая путь горячей веткой, зажатой в руке.

Так шли они друг за другом по длинному темному коридору, пока не оказались в хранилище. Каждый охотник взял по несколько кремневых камней, и все вернулись к костру. Положив перед пришельцами камни, охотники присели к костру. Гости не шевелясь смотрели на огонь.

Через некоторое время вождь снова поднялся и, как и в первый раз, исчез с двумя охотниками в пещере. Вернулся он, неся в руках еще несколько камней. И опять положил их перед послами. На этот раз они закивали в знак согласия и, собрав камни, сложили их в мешок. Обмен был закончен.

Прокопское племя само выменивало кремневые камни у других кочующих племен. Их приносили с севера, с меловых скал Северного моря или с Балтийского; кремни путешествовали на юг к Дунаю и на Мораву.

Чтобы закрепить сделку, послы хорошо угостили, а затем в знак дружбы прокопский вождь подозвал двух девушек, предлагая обменять их на девушек, живущих на Белой скале.

Послы остались довольны и, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, увели с собой прокопских девушек. С ними пошли и двое охотников, решивших выбрать себе жен из племени Сына Мамонта.

К вечеру послы были уже на Белой скале. Поселок радовался их благополучному возвращению и удачному обмену; теперь у них будет много острых ножей и скребков для кожи, наконечников и шил.

Кремневое оружие бережно хранилось. Ножи смолой закреплялись в костных рукоятках. Иногда рукоятки делали деревянные и пробивали в них отверстия, чтобы нож можно было подвесить к поясу. Пользовались не только кремневыми камнями. С севера приносили хрусталь, халцедон, яшму, сердолик, порфир. Из них тоже можно было изготовить орудия. Однако ни один из этих камней не мог сравниться с кремнем. Из кремня получалось самое лучшее оружие, из него при помощи огненного камня всегда можно было добыть огонь.

Несколько дней под скалой у озера пировало племя. Мяса было вдоволь, можно устроить передышку и не охотиться.

Но Сын Мамонта давно мечтал разделаться с семейством пе-



щерных медведей, поселившихся в песчаных скалах над Либни. Они приносили немало огорчений. Однажды медведи растерзали женщину из их племени, а мальчика, который бросился ей на помощь, сильно ранили.

Охотники приготовили к охоте несколько новых луков, копий и топоров. Дети с удовольствием учились обращаться с оружием, похваляясь друг перед другом своим бесстрашием. Женщины судачили о том, кому достанется новая медвежья шкура. Сын Мамонта сидел, погрузившись в думы; впереди было опасное дело — схватка с пещерными медведями.

СЛЕДОПЫТЫ

Все последующие дни после удачной охоты на степных коней прошли весело и беззаботно. Вокруг костра валялись груды обглоданных и разбитых костей. Всем нравилось состояние сытости и хотелось, чтобы эти дни тянулись бесконечно. Проснувшись утром, люди готовили еду, а насытившись, засыпали прямо на траве.

Когда запасы свежего мяса истощились, племя вернулось в становище на Белой скале. Охотники собрались у огня и лениво смотрели на чадающий голубой дым. Слишком обильная еда всех

утомила. Только дети не знали отдыха, они играли с лосенком и щенком.

Сначала щенок ворчал и царапался, но скоро привык к детям и через несколько дней уже бегал за ними по пятам и стал непременным участником всех их игр.

Дети умоляли Сына Мамонта оставить им собаку. До сих пор всех пойманных собак рано или поздно убивали. Иногда к приبلудному животному привыкали, но, если в племени начинался голод, вождь, долго не размышляя, приказывал убить животное. Теперь в племени царило благополучие, и веселому щенку не грозила смерть. Сын Мамонта отдал собаку детям с условием, что они сами будут заботиться о ней.

Охотники видели, как дети резвились, и у них не было ни малейшего желания сделать из веселого пса жаркое. Гораздо хуже дело обстояло с лосенком. Он доставлял много хлопот и плохо привыкал к людям.

Сломанный Зуб любил рассказывать историю этого лосенка.

Однажды бродил он в долине Рокитицы и вдруг заметил в болоте лосиху с детенышем. Недолго думая он подскочил к лосенку и схватил его за шею. Тот пустился бежать, волоча за собой повисшего на шее охотника. Это было путешествие не из приятных! Лосенок налетал на деревья, падал вместе с охотником, но Сломанный Зуб так и не выпустил свою жертву. Наверху Волчий Коготь ставил силки на зайцев. Заслышав странный шум, он спустился в долину и увидел, как Сломанный Зуб борется с животным. Волчий Коготь поспешил на помощь своему другу. Вместе они дотащили лосенка до Белой скалы. Так он и прижился в племени.

В полдень тучи заволокли небо, пошел дождь. Собака спряталась от дождя под огромную шкуру, забралась туда и Жучок с Жабкой. А вскоре уже все дети хотели быть вместе с собакой.

Сын Мамонта принес несколько толстых веток, воткнул их в землю и связал вверху. Дети, увидев, что делает вождь, тотчас начали строить такой же шалаш из веток. Потом покрыли его шкурами, и получилась настоящая хижина. Всем очень понравилось новое жилище, в нем было тепло и уютно. А когда вода стала просачиваться внутрь, дети выкопали вокруг канавки, чтобы она стекала.

Вождь, осмотрев сооружение, решил, что такая хижина будет спасать от дождя, а ночью — от холода, и приказал из оставшихся шкур сделать еще три.

Охотникам, как обычно, не очень хотелось приниматься за дело, зато женщинам понравилась эта затея, и еще до вечера на Белой скале стояло четыре хижины. Внутри они были выстланы сухой травой. Дярга наломала веток хвой и обложила ими верхушки хижин, чтобы дождь не проникал внутрь.

Ночью дождь усилился, и ленивые охотники с удовольствием отдыхали в теплых, сухих жилищах. Со стороны Влаховца послы-

шался вой диких собак. Щенок проснулся, забеспокоился. Копчем взял его к себе под шкуру, и он тотчас уснул.

Прошло несколько дней. Охотники проголодались. Они снова вынуждены были отправиться на поиски пищи. Но все их походы оканчивались неудачей.

Вечером у костра решено было дождаться осеннего перехода оленей через Влтаву близ Белой скалы. Если добыча будет такой же, как в прошлом году, племя осядет в этих местах. Иначе до наступления зимы надо будет искать новую стоянку.

В степь за Белой горой отправились разведчики. Они должны были выяснить, есть ли там олени вообще и не заметны ли их приготовления к обычному переходу через Влтаву в Полабские низины.

Каждый год весной огромные стада оленей тянулись из Полабья в более прохладные южночешские горы.

Стада обычно шли вокруг Ладви, переплывали Влтаву и спустились через Летненское плато в Белгородскую степь, а потом дальше, в горы, пока где-нибудь снег и ледники не преграждали им путь.

Осенью, отъевшись на пастбищах, они возвращались тем же путем обратно. Трудно сказать, почему они облюбовали это место вблизи Белой скалы для перехода через Влтаву. Скорее всего потому, что течение здесь было медленное и здесь легче было переправиться через могучую реку. Но главное, очевидно, заключалось в том, что именно около Белой скалы был удобный подъем на степное плоскогорье.

Два опытных охотника, Сокол и Сломанный Зуб, отправились на разведку. У Сокола был лук, а в кожаном колчане у пояса — стрелы с каменными наконечниками. Сломанный Зуб нес копье с острым, хорошо заточенным наконечником из кремня, похожим на лавровый лист. За поясом у каждого было по каменной дубине.

В первый день им удалось поймать только пугливого сурка. На следующий день они увидели вдали небольшое стадо пасущихся оленей. Но когда они совсем близко подошли к ним, то оказалось, что это вовсе не олени, а просто большие бурые камни. Обманутые в своих ожиданиях, охотники расположились на привал, а отдохнув, решили идти дальше.

Край этот был пустынным и безрадостным. Только кривой, приземистый ольшаник возвышался на плоскогорье. Спустившись в неглубокую долину, охотники направились к ручью, чтобы утолить мучившую их жажду.

И вдруг увидели убегающее стадо спугнутых оленей. Ничего не понимая, смотрели они вслед удаляющимся животным. Вдруг Сокол ударил себя по голове и начал причитать:

— Сокол — младенец с неотточенными ногтями, он вовсе не охотник, который вызывает на бой тура!

— Сломанный Зуб — слепой крот. Он увидел камни и холмики, поросшие сухой травой, а теперь эти камни и холмики убега-

ют! — вторил ему Сломанный Зуб. — Нас попутала нечистая сила!

К вечеру охотники все-таки настигли стадо оленей. Животные паслись на скалистом склоне.

Сокол и Сломанный Зуб замерли, боясь выдать себя неосторожным движением. Потом пригнулись, припали к земле и поползли.

Добравшись до середины склона, они замерли: один из оленей, отделившись от стада, приближался к ним.

Стадо мирно паслось. Вдруг вожак забеспокоился: это ветер принес запах опасности. Он забил копытами и побежал. Олени поспешили за ним. Однако острая стрела, пущенная метким Соколом, настигла одно животное. Раненый олень продолжал бежать, оставляя за собой кровавый след.

Неожиданно из кустов выбежали три волка. С воем погнались они за убегающими животными. Они настигли раненого оленя, окружили его и набросились на бедное животное. Олень бил копытами, помогал себе ветвистыми рогами, но силы были неравны. Когда одному из волков удалось наконец вонзить клыки в длинную шею оленя, его участь была решена.

Подбежавшие охотники, тотчас же накинулись на разъяренных волков, чтобы отнять у них добычу. Один волк был убит на месте, остальным удалось убежать.

Добив оленя, Сокол и Сломанный Зуб содрали с него шкуру, срезали рога, потом вырвали клыки у убитого волка и поделили их.

Затем они выпотрошили оленя, съели его печень, а потом, найдя подходящее убежище, устроились на ночлег. Волки не будут их беспокоить сегодня ночью — мяса у них вдоволь.

Утром, прихватив с собой шкуру оленя, разведчики пошли дальше.

Когда солнце уже клонилось к западу, недалеко пронеслись легконогие антилопы, но они скрылись так же поспешно, как и появились.

Охотники пошли вслед за антилопами и еще до сумерек добрались до ручья, впадавшего в большое озеро. Антилоп там уже не было, зато на скалистом берегу паслось большое стадо оленей.

Укрывшись шкурой, Сокол и Сломанный Зуб начали подкрадываться к стаду, надеясь обмануть вожака.

Они уже были шагах в пятидесяти от животных. Те мирно паслись, не чувствуя никакой опасности. Шкура скрывала охотников, вслед за оленями они повторяли их движения. Вороны, трясогузки и скворцы сажались на спины животных и выклевывали в густой шерсти личинки оводов. Олени не отгоняли птиц — птицы облегчали их страдания. Олени паслись на лугу, птицы сидели на их спинах.

Сокол уже прикидывал, на какого оленя напасть, как вдруг

внезапно сползшая шкура закрыла ему глаза, и он оступился. Сокол, а за ним и Сломанный Зуб полетели с небольшого обрыва.

Стадо разбежалось в разные стороны. Когда охотники пришли в себя, оленей уже след простыл.

Промыв водой ссадины, они присели на берегу, уставившись друг на друга. Наконец Сокол произнес:

— Соколу, кажется, сегодня не везет!

Его приятель подтвердил:

— Сломанный Зуб тоже не может похвастаться удачей.

— Не вернуться ли нам в становище? — предложил Сокол.

Сломанный Зуб согласился.

И они пустились в обратный путь.

НЕЗНАКОМЦЫ

А между тем в становище на Белой скале ждали возвращения разведчиков, не сводили глаз с Пражского озера и Белой горы, откуда должны были появиться охотники. Но день проходил за днем, а Сокол и Сломанный Зуб не возвращались. У костра все чаще стали поговаривать, что они вообще не вернуться.

Однажды, когда Кукушка и Жабка сидели у огня, а весь поселок после еды погрузился в сон, они вдруг услышали голоса:

— Эй-эй-уга!

— Что это? — спрашивали проснувшиеся Жабку, вылезая из под теплых шкур.

— Посмотрите. На острове! Действительно, на острове кто-то размахивал большой веткой.

— Они идут! Они уже здесь!

Жабка и Кукушка подбросили хвороста в огонь, чтобы по дыму, поднявшемуся над костром, охотники поняли, что их заметили.

Двое подростков тотчас сбежали вниз, к воде, чтобы на лодке переправить возвратившихся разведчиков. Другой, сильно обмелевший рукав, что за островом, оба охотника перешли вброд.

С Белой скалы было видно, как лодка приблизилась к острову и оба охотника сели в нее. Вскоре без всяких препятствий лодка причалила к берегу под скалой. Сокол и Сломанный Зуб, окруженные подростками, поднялись наверх.

Сын Мамонта уселся на почетное место и принялся расспрашивать охотников о том, что им удалось разведать. Все молча слушали.

Сокол и Сломанный Зуб, положив у ног вождя шкуру убитого оленя, начали рассказывать обо всем по порядку.

Сын Мамонта удовлетворенно кивал головой:

— Хорошие новости. Оленей много. Чужих поблизости нет. Дождемся, когда олени пойдут на север.

Несколько дней племя ждало прихода оленей.

Наконец однажды становище огласили громкие крики:

— Олени, олени, олени!

Они плыли от острова через Влтаву. Животные направлялись к долине у Белой скалы. Побросав все, охотники, женщины и дети спустились к реке.

Но прибежали они слишком поздно. Олени уже успели переправиться через реку и теперь неслись вверх по ущелью. Племени ничего не оставалось, как вернуться на Белую скалу.

Вождь созвал охотников к костру:

— Оленей много! Они еще придут. На этот раз будем ждать внизу!

Последний раз все спали на Белой скале. Появившееся стадо было первой весточкой. Главная сила придет позже, и тогда охотники покажут, на что они способны.

Утром недалеко от костра кто-то из охотников обнаружил зайца, пронзенного двумя стрелами.

Что бы это могло означать?

Осмотрев стрелы, решили, что они принадлежали чужим. Значит, какой-то чужой охотник ночью положил этого зайца у костра?!

Собрались на совет. Как же это могло произойти?

Наконец все сошлись на одном: где-то неподалеку находится чужое племя и убитый заяц — это весточка от него. И она означает: убирайтесь отсюда, бегите, как зайцы, иначе вас постигнет его участь!

Это было печальное известие.

Чужое племя хочет овладеть этой богатой землей. И скорее всего, не остановится перед насилием. Очевидно, придется выдерживать бой.

Сын Мамонта долго размышлял и наконец заявил:

— Сокол — сильный, Сломанный Зуб — сильный, Волчий Коготь — сильный, Пайда — сильный, Толстяк — сильный. Кто посмеет выступить против нас? Ведь не сильнее же они мамонта, тура или медведя? А мы не боимся тура, не боимся медведя, не боимся никого!

Сопровождая свои слова воинственными выкриками, Сын Мамонта повел людей вниз к озеру, чтобы на берегу в засаде дожидаться прихода оленей.

Был уже полдень, когда Копчем, которого оставили на Белой скале для наблюдения, сообщил вниз о приближении оленей. Он видел, как огромное стадо животных подошло к озеру и начало переправляться на остров.

Сын Мамонта приказал каждому занять свое место.

Было видно, как олени вышли из зарослей острова и бросились в воду. Одно за другим животные погружались в волны озера. Впереди плыли самки с детенышами, а сзади — самцы. Лес ветвистых рогов поднялся над водой, и казалось, что озеро поросло кустарником, который колыхается от порывов ветра.

От берега под скалой отделились две лодки. На каждой — по два охотника. Один управлял лодкой, другой держал в руках гарпун.

Лодка с вождем первой подплыла к стаду, и Сын Мамонта бросал гарпун за гарпуном, метя в спину животного, как только оно показывалось из воды.

Вожак стада уже достиг берега. Стряхнув воду, он устремился вперед, остальные пустились за ним. Едва олени достигли прибрежных кустов, как охотники выбежали из укрытий и начали метать в них свои острые копья. Олени испуганно шарахались из стороны в сторону, но, потом, пробившись сразу в нескольких местах, бросились вверх по котловине к лугам Влаховца.

Однако несколько оленей было убито. Подоспевшие женщины и дети помогали добывать животных, раненых гарпунами и копьями.

Но случилось непредвиденное: олени перевернули лодку, которая заплыла слишком далеко. И Сын Мамонта и Волчий Коготь начали тонуть посреди перепуганного стада. Перевернутую лодку уносило течением.

Где же вождь? Где смелый Волчий Коготь?

В азарте охоты никто не заметил случившегося. Только Копчем, дежуривший у костра на Белой скале, увидел, как Сын Мамонта исчез среди оленей.



Копчем заволновался. Если олени подомнут охотника, ему не уйти живым.

Мальчик бросился вниз с воплем:

— Сын Мамонта утонул.

Все поспешили к берегу, и Копчем показал место, где перевернулась лодка.

Но в это самое время Сын Мамонта вылезал на берег, повиснув на шее оленя. На отмели Сын Мамонта отпустил оленя и упал на землю. Охотники подбежали к своему вождю и оттащили его за руки в сторону, спасая от копыт животных. Сын Мамонта лежал на животе, давился и выплевывал воду. Потом он поднялся, задыхаясь, и оперся о дерево.

Почти все стадо уже переправилось через озеро, и охота подходила к концу. Последние отбившиеся от стада животные исчезали в зарослях, спеша за своим вожаком.

С радостью волокли охотники к ногам вождя убитых оленей. Вышел из воды и Волчий Коготь, которому удалось благополучно доплыть до берега.

В этот день было шумно и радостно в долине под Белой скалой. Давно уже не было такой удачной охоты. Теперь будет много мяса, много рогов и шкур на зиму!

В разгар веселья из-за деревьев показался незнакомый человек. Все удивленно посмотрели на незнакомца с копьём в руках. Его шею укрывали шнуры с волчьими и медвежьими клыками. По всему было видно, что охотник не из трусливых.

Сын Мамонта встал. Он еще не совсем оправился, но не хотел показывать свою слабость пришельцу, который молча направился в его сторону.

Незнакомец начал что-то говорить, обращаясь к Сыну Мамонта, но тот ничего не понял.

Тогда пришелец повелительным жестом указал, что он требует, чтобы ему была оставлена вся добыча.

Сын Мамонта опирался о дерево, но голова его была гордо поднята, а взгляд пристально изучал дерзкого гостя. Отрицательным покачиванием головы он отвечал на жесты незнакомца.

Тот показывал, что рядом еще много охотников, таких, как он. А несколько взмахов руки означало, что великое множество его соплеменников вскоре будет здесь. Видя, что ему не собираются уступить, незнакомец схватил за рога одного из оленей и попытался его оттащить. Но в тот же миг к нему подскочила Жабка и укусила его за руку. Незнакомец отдернул руку, зло посмотрел на толпу и отбежал. Через некоторое время он вновь появился, на этот раз уже не один. Его сопровождала толпа вооруженных людей.

Такого оборота Сын Мамонта не ожидал. Едва завидев приближающегося неприятеля, он понял, что племя пришельцев сильнее их и бой будет неравным. Оставалось одно — уступить.

Женщины и дети бежали впереди. Сын Мамонта с несколькими охотниками прикрывали отступление.

Чужаки с громким криком высыпали на берег озера, усеянный тушами убитых оленей. Люди прыгали и кричали, а потом, опомнившись, пустились вслед за убежавшим племенем. Ради спокойствия их следует отогнать как можно дальше!

Неприятель нагонял беглецов. Люди очень устали во время охоты, и если бы каждая тропинка не была им хорошо знакома, кто знает, удалось ли бы им уйти от преследователей. Когда задыхающиеся охотники достигли наконец высоких скалистых гор, женщины наотрез отказались туда идти: ведь это был край пещерных медведей. Но вождь настаивал, доказывая, что это единственный путь к спасению. И все начали взбираться в гору.

Охотники карабкались по скалам. Но, только миновав медвежьи пещеры, беглецы вздохнули с облегчением. Счастье, что медведи в эту пору спят!

Копчем и Бельчонок лезли по отвесной скале. Уже несколько раз они сползали вниз, едва успев ухватиться за камни, которые с шумом вырывались у них из-под ног и катились вниз.

Наблюдая за ними, Сын Мамонта внезапно что-то придумал и закричал:

— Бросайте камни! Много камней!

Грохот осыпающихся камней покрыл его голос. Копчем быстро сообразил, чего от него хочет вождь, и с большим удовольствием стал сталкивать вниз огромные камни. Скоро целый поток их утремился по склонам в ущелье, подняв невообразимый грохот.

Камни ложились прямо у входа в медвежью пещеру, и в тот самый момент, когда преследователи очутились у скал и собирались лезть наверх, из отверстия показалась голова хозяина скал — пещерного медведя. Люди застыли от ужаса, а медведь, раздраженный тем, что ему помешали, с ревом вылез из логова. За ним показался второй, еще больших размеров. Потом появился третий. Охваченные яростью, хищники набросились на испуганных охотников чужого племени, и в тесном ущелье закипел страшный бой. Несколько убитых уже лежало на земле, тяжелораненные отползали в укрытия. Остальные, потеряв голову от ужаса, пустились бежать. Но не так-то легко было уйти от чудовищ, преследующих свои жертвы с бешеным упрямством.

Беглецы попрятались в гротах, не рискуя в этот день покинуть свои укрытия, и переночевали в скалах.

Рано утром разведчики донесли, что в медвежьем ущелье лежат несколько трупов, но всюду уже спокойно.

Сын Мамонта, решив, что противник больше не рискнет появиться в этом опасном месте, повел свое племя обратно к Белой скале. Стоянку они нашли нетронутой.

Щенок, забытый в становище, встретил вернувшихся жалобным воем. Он был очень голоден. Жабка вытащила его из ямы, и он вместе со всеми побежал на берег, где лежали олени. Девушки принесли с Белой скалы горящее дерево и разожгли огромный костер.

Женщины укладывали в пепел целые туши, чтобы накормить проголодавшихся мужчин.

Из осторожности Сын Мамонта выставил стражей, которые должны были сообщить о появлении неприятеля, если тот вдруг снова попытается напасть на них. Однако покой никем не был нарушен, и племя готовилось к пиру. Щенок резвился вместе со всеми.

Едва охотники принялись за еду, как прибежали стражи:

— Неприятель!

Поднялась паника. Женщины хотели бежать, но Сын Мамонта приказал страже взять по куску поджаренного мяса и отнести навстречу врагу.

Проголодавшиеся вражеские охотники, которых распугали пещерные медведи, вышли из своих укрытий. После некоторого колебания они решили воспользоваться присланными дарами и принялись за еду. Потом медленно стали приближаться к костру.

Сын Мамонта приказал разложить невдалеке новый костер и подтащить туда еще двух оленей.

Незнакомцы некоторое время стояли в нерешительности, а потом подошли и уселись вокруг костра.

Гости, видя, что их никто не прогоняет, разделали оленей и стали жарить мясо на костре.

Теперь оба племени, еще недавние враги, мирно пировали на берегу Пражского озера.

Огромный костер пылал день и ночь, а запасы мяса все не иссякали. Охотники разделили с пришельцами свою добычу, и теперь оба племени были довольны друг другом.

Проснувшись однажды утром, вождь обнаружил, что чужое племя исчезло. Никто не знал, когда оно снялось и куда направилось. Племя Сына Мамонта осталось под Белой скалой.

На этот раз им удалось остаться на месте, но что будет дальше?

Охотники не заботились о будущем. Перед ними лежат груды мяса, они испытывают блаженство и умиротворение, не думая о том, что ждет их завтра.

ГОЛОД

Охотничье племя зимовало на Белой скале. Оно пыталось найти себе новые места для охоты в устье Влтавы и Лабы, но было вытеснено оттуда сильным полабским племенем.

Зима в том году стояла лютая, и племени на Белой скале приходилось очень туго. Звери покинули здешние края, и голодные охотники часто возвращались в становище с пустыми руками. Дети начали болеть, да и взрослым было не легче. Всем пришлось подтянуть животы и вместо вкусного мяса жевать старые кожи,



кору деревьев и даже глину. Веселый щенок, любимец детей, давно был съеден.

У охотников уже не было сил сражаться и преследовать зверей. Люди бродили вокруг становища, как приведения. Иногда, когда очень везло, им удавалось подстрелить ворону или снежную куропатку.

Охотник, который утром пробил во льду озера прорубь, чтобы наловить рыбы, был найден днем замерзшим.

— Холод, холод! — повторяли люди, кутаясь в шкуры.

Печаль царила на Белой скале, и напрасно Сын Мамонта искал первых весточек весны.

Люди вырыли в снегу пять нор и выстлали их шкурами. Они грелись друг о друга, предчувствуя неминуемую смерть.

В один из дней Сын Мамонта вылез из снежной норы, оглядел бескрайнюю белую равнину и позвал Копчема.

Сегодня вождь решил сам попытать счастья и добыть что-нибудь для людей. Копчем подал вождю копье и схватился за свое.

Сын Мамонта улыбнулся:

— Хочешь пойти на охоту? Идем!

Копчем радостно подскочил и замахал копьем. Он пойдет с вождем.

Сын Мамонта и Копчем направились вдоль леса на Либенский хребет. Вождь шел впереди. Копчем бежал следом. Снег искрился в солнечных лучах, так что глазам было больно. Тяжелые, занесенные снегом деревья склоняли свои ветки до самой земли.

Добравшись до скалы, путники устроили привал. Повезет ли им сегодня? До сих пор они не обнаружили следов животных.

Поверху охотники добрались до самого хребта. На юге простиралась широкая Либенская долина, холмы ее были покрыты лесом. На севере тянулось каменистое плоскогорье, — нигде никаких признаков жизни. Сын Мамонта заметил лишь следы зайца и куropsатки, которые здесь побывали.

Копчем что-то проворчал.

— Ты устал? — спросил охотник мальчика.

— Я голоден, — ответил тот, с трудом вытаскивая ноги из глубокого снега.

Сын Мамонта вздохнул.

Подул резкий ветер.

Тяжелая туча затянула горизонт. Начиналась метель.

Сын Мамонта и Копчем поспешили укрыться в кустах. Копчем потянул в рот горсть сыпучего снега. У него пересохло в горле и в глазах потемнело. Он так устал!.. И был так голоден!

Ветер свистел в лесу, шумел в кустарнике. Деревья раскачивались, клубами летел снег.

Но что это? Какой-то новый шум прорывается сквозь шум метели.

Охотники вскочили. Черное чудовище двигалось прямо на них. Вождь, забыв о буряне и опасности, поднялся ему навстречу. Сегодня он готов вступить в схватку с любым зверем, даже со львом или с мамонтом.

Но прежде чем Сын Мамонта успел приготовиться, огромный носорог оказался рядом.

Копчем закричал, но вождь со всей силой вонзил копые в спину огромного зверя. Бегущий носорог отбросил смельчака в сторону и, не в силах сдержать бег, повалился с крутого обрыва. Копые дрожало в спине носорога, раненое животное барахталось в сугробе, тщетно пытаясь выбраться из него.

Сын Мамонта лежал неподвижно, подняться он не мог. Копчем не знал, что делать. Метель усиливалась. Повалил густой снег, и скоро уже в двух шагах ничего не было видно.

Буря стих так же внезапно, как и начался. Издалека снова донесся шум. По равнине приближалась туча, ее подгонял вихрь. Огромное стадо оленей бежало, объятые смертельным страхом. Внезапная буря спугнула животных, и они неслись теперь как бешеные к обрыву. Они не видели опасности, страх гнал их вперед, остановить их не могла уже никакая сила. Задние ряды напирали на передние, и олени летели с обрыва прямо в снежные наносы. Некоторым животным удалось выбраться к реке, но большая часть оленей увязла в снегу и низверглась вниз со снежной лавиной.

Стадо пронеслось мимо Копчема и исчезло в белой пыли. Коп-

чем так растерялся, что ему и в голову не пришло метнуть копьё в несущихся оленей. Он так устал и так проголодался, что мог лишь свернуться клубком и прилечь рядом со своим вождем.

Он вспомнил, как два дня назад нашел в тихой заводи рыбку, замерзшую во льду, и как потом в норе лед растаял и ему показалось, что рыбка ожила. Все дети сбежались посмотреть на чудо! Эта рыбка, продетая на палку и поджаренная на огне, стала его последней едой.

Метель утихла, и сквозь тучи пробивалось замерзшее солнце.

Бурана как не бывало. Наконец Сын Мамонта пришел в себя и стал есть снег. Копчем обрадовался, увидев, что Сын Мамонта жив, и мальчику сразу же расхотелось спать. Теперь он может пойти посмотреть, куда же девался носорог. Снег проваливался под его ногами, но Копчем все же сделал несколько шагов к краю склона. Внезапно нависший снег обвалился под ним, и Копчем с криком съехал вниз, в сугроб, точно также, как раньше раненый носорог, а потом и олени.

Мальчик провалился в сугроб и сначала ничего не мог разобрат. Но вдруг он почувствовал — что-то живое барахтается рядом. Он протянул руку и наткнулся на рога оленя.

Гей-э, да тут целый олень!

Мальчик проткнул каменным конечником шею оленя и напил теплой крови. Он передохнул и окликнул Сына Мамонта. Но тот не отозвался. Тогда Копчем полез вверх по склону, нащупывая кусты и выступы, за которые можно было ухватиться.

Он чувствовал прилив сил, а радость находки его подхлестывала. Наконец он очутился наверху. Сын Мамонта смотрел на него широко открытыми глазами. Он сразу понял, что Копчем что-то нашел. Да об этом и нетрудно было догадаться: ведь мальчик весь, с ног до головы, был перемазан кровью.

— Там, внизу, — олень! — крикнул Копчем.

Сын Мамонта оживился, встал и, с трудом передвигая ноги, направился к обрыву, с которого Копчем недавно съехал вниз. Тот показал, как он это сделал, и вождь последовал за ним.

— Вот так удача! И кровь еще теплая!

Силы прибывали с каждым глотком. Потом Сын Мамонта откопал в снегу почти половину оленя. Это было крупное животное.

— Копчем, достань большую ветку! Положим оленя.

Взвалив оленя на ветку, они потащили ее.

Наверх тянуть было трудно, пришлось идти в обход.

На склоне Либуше им повстречался один из охотников. Он был послан им навстречу.

— Гола-гей!

Сломанный Зуб был страшно рад, найдя их после бури, да еще с такой добычей.

Из нор на Белой скале выползали обитатели. Сегодня будет пир. Конец голоду и страданиям!

На следующий день Сын Мамонта и еще несколько охотников

пошли проверить, нет ли в сугробах еще оленей. Их ждала удача. Замерзшие туши они переправили в становище, опасаясь, как бы волки и гиены не разделили с ними добычу.

В снегу нашли они и мохнатого носорога, в шее у него торчало сломанное копые.

Снежная буря погубила множество зверей и спасла голодающее племя. Теперь они дождутся весны.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ОГНЯ

Пир продолжался до конца зимы. Замороженное мясо не портилось; казалось, запасы его никогда не иссякнут. Только изобретательных росомах трудно было перехитрить. Те доставали мясо отовсюду, куда бы его ни поместили: из ям, которые сооружали охотники, с деревьев, на которые оно подвешивалось, из-под камней. А каждая росомаха, если нападала на мясо, съедала его столько, что просто диву давались, как она не лопалась.

Вождь приказал сторожить запасы и днем и ночью.

Однажды после обеда сторожить добычу были посланы Копчем с Бельчком. Мальчики топтались на месте, переступали с ноги на ногу и ругали росомах. Хоть бы одна забралась сейчас в становище и немного развлекла их!

До вечера еще далеко, а делать нечего.

Бельчонок нашел обглоданную кость и начал сверлить ее.

Но это было не очень интересно. Копчем тоже взял кость, но у него не было подходящего камня, и он начал сверлить ее сосновой веткой. Бельчонок только посмеивался над сво-



им приятелем. Копчем весь вспотел от натуги, а результата никакого.

Напрасно он тягается с Бельчонок — деревом кость не просверлить. Тогда Копчем отбросил кость и вытащил из груды хвои, которой было прикрыто мясо, еловую щепку. Не просверлить ли ее? Это наверняка получится, ведь дерево сухое и трухлявое.

Вот это другое дело. Копчем взялся за палку двумя руками. Бельчонок держал щепку, а Копчем вертел палку.

Вскоре в деревянной щепке появилось углубление, наполненное древесной пылью. Итак, затея Копчема удалась, он только время от времени отдыхал.

— Посмотри, — закричал Бельчонок, — здесь что-то дымится! Здесь!

Что же здесь может дымиться? И Копчем принялся вращать палку с новой силой.

Вскоре из углубления стал подниматься дымок.

Копчем устал, на смену ему пришел Бельчонок. У него тоже из углубления в щепке шел белый дымок. Потом снова вертел Копчем, вертел до тех пор, пока палка не вывалилась у него из рук.

Бельчонок хотел подать ему палку и вдруг заметил лук, валявшийся рядом в снегу.

Он уже вставил стрелу в лук и натянул тетиву, как вдруг Копчема осенило; он выхватил у друга лук и, вставив стрелу в отверстие, начал вращать.

Дело пошло гораздо быстрее.

Уже чувствовался запах горелого дерева. Огонь был где-то рядом!

Бельчонок наклонился к щепке, слегка дунул в углубление и стал утверждать, что там вспыхнула искра.

Копчем тоже дунул в ямку. Поднялся столбик дыма. Копчем вырвал из шапки Бельчонка несколько перышек, служивших ему украшением, — все равно, будет Бельчонок ворчать или нет, — и положил в ямку. Долго дул. Вдруг что-то действительно сверкнуло, переметнулось на перья — и появился огонь.

Бельчонок осторожно подложил к огоньку сухую траву и иглы. Пламя вспыхнуло.

— Огонь! Огонь!

Копчем прыгал и кричал от радости.

Теперь они владели великим чудом — научились добывать огонь!

Прибежали Космач и Сова. Что случилось? Почему они подняли такой крик? Уж не удрала ли от них рососомаха с мясом?

И вдруг охотники застыли — увидели огонь. А когда оцепенение прошло, они принялись кричать и танцевать вместе с мальчишками.

Прибежал Сын Мамонта, а с ним и другие охотники. На пути им попала лисица с куском мяса.

Они уже хотели было броситься в погоню за вором, но увидели огонь.

— Откуда? — спросил вождь. Он знал, что никто не брал угли из большого костра.

— Это Копчем! — торопился сообщить Бельчонок. — Он вращал деревянную палочку — и родился огонь...

— Без кремня? — спросил вождь недоверчиво.

— Без кремня, — серьезно ответил Копчем.

— Без огненного камня? — переспросил вождь.

— Без огненного камня, — ответил мальчик.

— Этого не может быть! — заключил Сын Мамонта и предложил Копчему показать, как он достал огонь из дерева.

Копчем проделал все спокойно, но щеки его пылали от возбуждения. Он показал все сначала, и на глазах у удивленных охотников снова родился огонь.

— Ах ты мой мальчик! Старый вождь, Седой Волк, добывал огонь из огненного камня. Ты мудрее Седого Волка — ты делаешь огонь из простого дерева!.. Теперь нам не грозят никакие беды. Теперь мы всегда будем с огнем!

Сын Мамонта говорил правду.

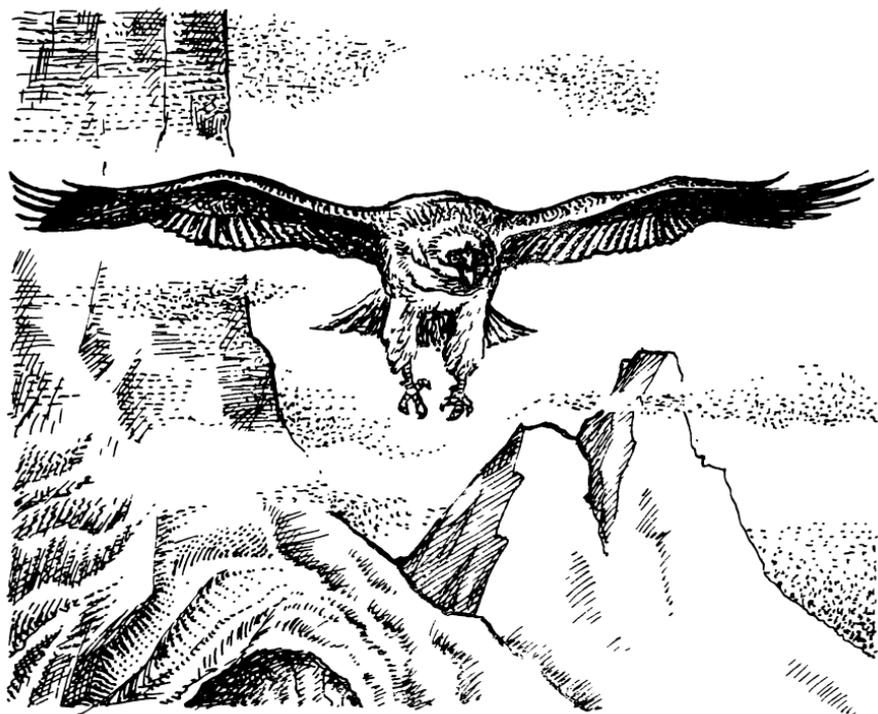
С тех пор огонь никогда не покидал их племя.





**Пещеры
Красной реки**

КЛОД СЕНАК



О т а в т о р а

Путешественник, посетивший департамент Дордонь (бывший Перигор) на юго-западе Франции, поднимаясь вверх по течению рек Дордонь и Везер, встречает на своем пути высокие обрывистые прибрежные скалы — красные и серые, — изрытые бесчисленными пещерами и гротами. Местами каменный берег нависает над самой водой, словно чей-то упрямый нахмуренный лоб. Под его естественной защитой к скалам прилепились маленькие домики с одной только передней стеной и передним скатом черепичной крыши.

В крошечных окошках пышно цветут красные герани, на крыльце играют дети, дремлют кошки и собаки. Здесь живут люди.

Они живут в этих местах очень давно: двадцать... тридцать... сорок тысяч лет и даже больше! Неисчислимые поколения перигорийцев сменились в этих каменных жилищах. С незапамятных времен они заселили эти пещеры, найдя под их сенью надежную защиту от враждебных стихий природы и свирепых лесных хищников. Забившись в самую глубину подземных коридоров, перво-

бытные люди ютились там вокруг пылающих день и ночь костров, рисуя еще неумелой рукой на каменных стенах первые изображения медведей и мамонтов, кабанов и бизонов.

Век проходил за веком. Тысячелетия сменяли друг друга.

Постепенно совершенствовались каменные орудия и оружие. Первобытные люди научились добывать огонь. Стало легче охотиться и легче жить. Сытые, тепло одетые в звериные шкуры, наши предки понемногу теряли свой сутулый, неуклюжий вид. Спины их выпрямились, глаза обратились к новым горизонтам, пальцы стали более ловкими, а знания — более обширными.

Двенадцать или пятнадцать тысячелетий назад великие безвестные художники доисторической эпохи украсили стены знаменитой пещеры Ласко, близ Монтиньяка, фресками с изображениями животных, фресками, которые теперь известны всему миру. Эти художники, чье искусство доньше считается непревзойденным, принадлежали к древней расе кроманьонцев — высоких и стройных людей с длинными прямыми ногами и правильными чертами лица. Ученые называют их кроманьонцами по имени французской деревушки Кро-Маньон, близ которой впервые были обнаружены остатки древних поселений этих людей.

Люди кроманьонской расы еще не умели писать и поэтому не смогли оставить нам письменных свидетельств своего существования. Но благодаря неутомимой, кропотливой работе и открытиям ученых-палеонтологов мы знаем довольно много о жизни наших далеких предков.

А то, что нам не известно... ну, то, что неизвестно, нетрудно представить себе, если дать немного воли воображению...

История, рассказанная в этой книге, — это история Нума, четырнадцатилетнего сына вождя одного из кроманьонских племен, жившего в пещерах Красной реки (нынешний Везер, правый приток Дордони) двенадцать или пятнадцать тысяч лет назад.

Глава 1

НУМ

Сидя на подстилке у входа в хижину, Нум нетерпеливо ждал возвращения старших братьев Тхора и Ури с Большого Охотничьего Совета. Братья уже имели право присутствовать на Совете. Нум — нет. Он был еще слишком молод, чтобы высказывать свое мнение — и увы! — слишком слаб, чтобы принимать участие в Большой Охоте. Разве что к тому времени его нога...

В зеленоватом сумраке летней хижины Нум снова — в который раз! — внимательно оглядел свою искалеченную лодыжку. Два месяца назад, переходя вброд реку во время весеннего кочевья племени, он поскользнулся на мокрых камнях, неудачно упал, разбив щиколотку, и с тех пор сильно хромал.

«Я, верно, никогда не смогу охотиться, — печально подумал мальчик, — и стану вечной обузой для племени Мадаев».

Он бросился ничком на ложе из сухой травы и листьев, кусая губы, чтобы не расплакаться. Большой Охотничий Совет вот-вот должен был закончиться, и Нуму совсем не хотелось, чтобы Тхор и Ури, вернувшись, застали его в слезах.

«Они, конечно, только посмеются надо мной. Разве могут они понять, как я несчастен!»

Близнецы — Тхор и Ури — вели беззаботную, ничем не омраченную жизнь. Они уже были почти так же велики ростом, как их отец Куш — вождь племени Мадаев, и в глубине души считали себя не глупее Главного Колдуна племени, Мудрого Старца Абахо. Тревога, сомнение и усталость были одинаково чужды обоим братьям, зато смеяться они могли в любое время и по любому поводу.

«Правда, в последние дни веселости у них поубавилось, — с горьким удовлетворением подумал Нум. — Голод терзает день и ночь их могучие желудки. Если дичь будет по-прежнему попадаться так редко, близнецы скоро станут слабыми, словно малые дети, слабее меня!»

Он тут же раскаялся в своих дурных мыслях. Несмотря на все поддразнивания и насмешки братьев, Нум любил их обоих. Он помнил, как после его падения в реку Тхор и Ури, сменяя друг друга, несли братишку на плечах весь долгий путь до летнего становища племени.

Перевернувшись на спину, Нум стал растирать ладонью впалый живот.

«Я тоже голоден... — вздохнул он. — Ах, если бы Большая Охота наконец состоялась и была бы для нас удачной!»

Нум думал «нас», хотя, конечно, сам еще не мог натянуть тугой лук или метнуть в добычу тяжелое дубовое копьё. Но он был Мадаем, и жизнь племени была его жизнью.

Ощупав свои икры, Нум заметил, что они стали еще тоньше. Разбитая же лодыжка, напротив, была вдвое толще здоровой.

«Она никогда не будет такой, как прежде, — пробормотал он, — не знаю, смогу ли я выдержать осенью долгий путь домой, к родным пещерам».

Нум стиснул зубы, сжал кулаки.

«Но я должен выдержать, должен во что бы ни стало!»

Желая подбодрить себя, мальчик закрыл глаза и принялся думать о родных местах, там, на далеком Севере. Он сразу увидел перед собой высокие, обрывистые берега Красной реки, размытые ливнями и паводками, серые скалы, подходившие к самой воде, изрытые глубокими пещерами, где царил теплый и таинственный мрак. Он вспомнил обширную пещеру, служившую жилищем его семье, с входом на уровне речной долины, и ту, где жила его маленькая подруга Цилла, расположенную на самом верху самой высокой точки скалистой гряды.

Нум любил Циллу, как родную сестру. Совсем крошкой Цилла потеряла своих родителей, погибших во время эпидемии. Ее приютил дед, Мудрый Старец Абахо, который, однако, не имел достаточно времени, чтобы надлежащим образом заботиться о сиротке: у него было слишком много дел. Абахо был одновременно советником Куша, художником, расписывавшим каменные стены Священной Пещеры и резавшим из дерева и кости амулеты для охотников, Мудрецом, изучающим Тайны Природы, врачом, готовившим целебные снадобья из трав, соков и ядов, костоправом, приводящим в порядок поврежденные руки и ноги, и, наконец, всеобщим другом и помощником, настоящим патриархом племени Мадаев.

Повседневные заботы о Цилле взяла на себя мать Нума, Мама, у которой своих дочерей не было. Она полюбила маленькую сиротку, как родную. Но вот уже скоро год, как Цилла переселилась к деду в его высокую пещеру «у самого неба». Несмотря на свой преклонный возраст, Мудрый Старец продолжал жить на этой головокружительной высоте и предпочитал свое подоблачное жилище всем другим. Он проводил там в трудах и размышлениях все долгие зимние дни. В обязанности Нума входила доставка дров для его костра.

Вспомнив о зиме, Нум невольно поежился, словно его обнаженной кожи коснулось ледяное дыхание северного ветра. В такие холодные дни хорошо укрыться под сводами теплой пещеры, за высокой оградой из камней и бревен, защищающей вход, и сидеть у костра, устремив мечтательный взгляд на танцующие языки пламени и держа в своей ладони маленькую ручку Циллы.

«Цилла разлюбила меня с тех пор, как я стал калекой, — с горечью подумал Нум. — Она должна презирать меня...»

Он яростно прижал кулаки к закрытым векам и решил больше ни о чем не думать. Но — увы! — это было невозможно. Помимо воли перед его глазами одна за другой вставали яркие картины, заставляя его снова и снова переживать унижительные последствия своего увечья.

Нум представил себе возвращение Мадаев в долину Красной реки: длинную вереницу мужчин, женщин и детей, медленно бредущих на Север вдоль ручьев и рек. Они то переваливают через холмы, то продираются сквозь заросли кустарников и деревьев, уже тронутые дыханием осени, то переходят вброд реку в том самом месте, где Нум весной повредил ногу. Огромные куски вяленого мяса — зимние запасы пищи, — которые Мадаи несут с собой, подвесив к длинным жердям, наполовину выделанные шкуры зверей, рога и кости, необходимые для изготовления оружия и рабочих инструментов, издают резкий запах, привлекающий гиен, шакалов и волков. Каждый вечер звери устраивают вокруг лагеря Мадаев леденящий душу концерт, и люди засыпают беспокойным сном под злобное завывание голодных хищников.

Мадаи спят плохо, едят мало и идут целыми днями, без отдыха

и передышки, до тех пор, пока высланные вперед разведчики не заметят наконец вдали широкую ленту Красной реки у подножия высоких утесов...

Погруженный в свои мысли, Нум внезапно вздрогнул, ощутив на лице струю прохладного ночного воздуха. Тхор и Ури вернулись; Большой Охотничий Совет закончился.

Нум приподнялся на локте и обернулся. Завеса из коры, закрывавшая вход в хижину, была откинута, удерживаемая могучей рукой с длинными смуглыми пальцами. Молочный свет полной луны озарял внутренность жилища. Стоя на пороге, близнецы обменялись несколькими словами со своим спутником, огромная тень которого могла принадлежать только Кушу, вождю племени Мадаев.

— Он спит, отец! — вполголоса сказал Ури.

— Пусть спит, — ответил тоже шепотом Куш. — Это самое лучшее, что он может делать. Бедный мальчик!

Нум резко выпрямился. Жалость прозвучавшая в словах отца, оскорбляла его. Он считал, что жалеть следует только дряхлых стариков, людей, больных неизлечимой болезнью, или совсем маленьких детей, которые страдают и мучаются, не сознавая того, что с ними происходит. Но он-то, Нум, не был ни стариком, ни больным и уже не считал себя больше ребенком.

«Я ранен... я только ранен... Но я хочу выздороветь и выздороветь... и они не будут больше говорить про меня: «Бедный мальчик!», они еще увидят, на что я способен!»

Наклонившись и пригнув головы, близнецы вошли в хижину. Но макушки их все равно касались толстых веток, служивших остовом крыши. Длинные черные волосы обрамляли загорелые лица юношей. Они заплетут их в косы, когда отправятся на Большую Охоту, если Совет назначил ей наконец время и место.

Тхор и Ури были похожи друг на друга как две капли воды. В детстве, когда они были совсем крошками, Мама, их мать, надевала на руки малышей браслеты из разноцветных камушков: красных — для Тхора и зеленых — для Ури. Но озорные мальчишки порой нарочно менялись браслетами, и Мамме лишь с трудом удавалось отличить сыновей друг от друга. Эту шутку Тхор и Ури повторяли бесконечное количество раз и неизменно получали при этом огромное удовольствие. Они хохотали во все горло, обнажая крепкие белые зубы, и все Мадаи, как один человек, смеялись вместе с ними.

Но теперь, несмотря на всю свою беспечность, близнецы уже много дней не помышляли о веселье. Вместе с другими Мадаями, молодыми и старыми, они страдали от голода, а главное — от мучительного беспокойства за будущее.

Озабоченность их была вызвана не сколько недостатком ежедневной пищи, сколько необходимостью заготовить за лето огромные запасы вяленого мяса и жира, достаточные для пропитания

племени во время долгой суровой зимы, которую Мадаи проводили, укрывшись в теплой глубине обширных пещер.

Все свои надежды племя возлагало теперь на Большую Охоту, проводимую ежегодно осенью, когда бизоны откочевывают с высокогорных альпийских пастбищ в глубокие, защищенные от зимних ветров долины. Если Большая Охота будет неудачной, Мадаи останутся на зиму без мяса, служащего им в эту пору года единственной пищей, и без шкур, защищающих от пурги и мороза их обнаженные тела. А это означает смерть для всего племени, медленную и мучительную смерть от голода и холода.

Инстинкт самосохранения вынуждал Мадаев каждую весну откочевывать всем племенем на юг, чтобы не истребить окончательно дичь, населявшую их родную долину. Там, у подножия южных гор, были расположены их четко ограниченные охотничьи угодья, которыми Мадаи пользовались с большим умом и осмотрительностью. Законы племени строго запрещали охотникам истреблять животных бесцельно, ради одного удовольствия: дичь разрешалось убивать только для пищи. Летом Мадаи охотились на диких лошадей, косуль, кабанов, каменных баранов, а осенью, во время перекочевки стад, — на северных оленей и бизонов. Они всегда щадили самок, особенно весной и летом, когда у них были детеныши, и старались не забираться на чужие охотничьи территории, чтобы избежать столкновений с соседними племенами.

Но в этом году Мадаев с самого начала лета преследовали неудачи. Лесной пожар уничтожил весной густые заросли деревьев и кустарников, простиравшиеся между обширным болотом, окруженным скалами, и первыми отрогами высоких гор. Стада травоядных, напуганные огнем, покинули долину, укрылись на крутых горных склонах и все лето оставались там. Охотники племени не отваживались забираться за дичью в горы, дикие и малодоступные, увенчанные белоснежной короной вечных снегов, и к тому же изобиловавшие волками, пещерными львами, огромными свирепыми медведями, а может быть, и другими, неизвестными еще людям чужаками.

Мадаи пытались добывать себе пропитание на уцелевшей от пожара территории. Но там оставалась лишь мелкая дичь: зайцы и кролики, куропатки и рябчики, небольшое стадо кабанов. Старики и дети ловили в болоте карпов, угрей и лягушек, а в горных ручьях, впадавших в болото — немногочисленных и мелких форелей. Женщины собирали грибы и ягоды, съедобные плоды и корни. Но эта скудная пища никак не заменяла мяса, сочного мяса настоящей крупной дичи, которое было так необходимо племени мускулистых и сильных охотников. И, главное, это была случайная и недостаточная добыча, которую не отложить в запас на зимнее время.

Голод угрожал Мадаям.

Оставалась только одна возможность спасти племя от ужасов голодной зимы — Большая Охота. Все предыдущие годы стада би-

зонов в конце лета проходили по долине, где находились охотничьи угодья Мадаев, переправлялись через болото и шли дальше на север, в места своих зимовок. Но весенний пожар мог заставить их изменить своим многолетним привычкам, и Мадаи с тревогой спрашивали себя: захотят ли огромные звери совершить свой осенний переход по обычному маршруту?

Три самых храбрых воина, увешанных с ног до головы оружием и священными амулетами, были отряжены на разведку в дикие горные ущелья. Они вернулись на стоянку только вчера измученные, отощавшие, с глубоко запавшими глазами. Бизоны, рассказывали они, все еще там и по-прежнему пасутся на альпийских лугах. По некоторым признакам разведчики поняли, что стада в самое ближайшее время собираются откочевать вниз. Но где? Когда? Как? Эти вопросы глубоко волновали Мадаев, потому что от верного ответа на них зависела жизнь и благосостояние племени.

Нуму все это было хорошо известно. Вынужденный мало двигаться из-за увечья, озлобленный сознанием своей неполноценности, избегавший общения с людьми из страха, что его могут лишиться раз пожалеть, он имел достаточно времени, чтобы хорошенько обдумать в одиночестве создавшееся положение.

Он не знал ничего о том, что говорилось на Большом Охотничьем Совете, поскольку возраст не позволял ему присутствовать на нем. А жгучее любопытство мучило мальчика.

Опершись на локоть, Нум полулежал в своем темном углу, внимательно следя за близнецами. Он без сожаления отдал бы свой острый кремневый топорик с гладко отполированной костяной ручкой, лишь бы узнать, что решили на Совете его отец Куш, Мудрый Абахо и другие старейшины племени. Что касается его, Нума, то он считал бы целесообразным устроить Большую Охоту на бизонов в горах, не дожидаясь, пока те спустятся, раз неизвестно, какой маршрут они в этом году выберут.

— Мы отправимся за бизонами в горы? — спросил он внезапно, не в силах сдерживаться долгие.

Близнецы удивленно посмотрели на него и разразились хохотом: смеялись они тоже совершенно одинаково.

— Ты воображаешь, что мы будем гоняться за бизонами по горам и ущельям, малыш? Но не забывай, что они бегают быстрее нас! Или, может, ты со своей хромой лапкой сможешь угнаться за ними? Спи-ка лучше, чем задавать глупые вопросы.

— Я не могу спать! — пылко воскликнул Нум. — Как можно спать, когда мы не знаем, будет ли у нас запас мяса на зиму?

— У нас будет много мяса, — обещал Ури. — Спи!

Нум опустил голову на подстилку. Много мяса — это хорошо. Но каким образом Мадаи добудут это мясо? Он снова приподнялся на локте и спросил:

— Но как?

— Что — как?

Тхор и Ури уже успели наполовину погрузиться в сон. С ними

всегда так: стоит обоим вытянуться на подстилке, как они тут же засыпают непробудным сном до следующего утра. Нум настаивал:

— Как мы разыщем бизонов, если они спустятся с гор в другом месте?

— Они, может быть, пройдут обычным путем, — пробормотал Тхор, сладко зевая. — Абахо узнает это сегодня ночью.

Черные глаза Нума широко раскрылись во мраке.

— Абахо? А как он узнает?

Тхор сердито стукнул кулаком по стенке хижины и перевернулся на другой бок, спиной к Нуму, давая понять, что младшему брату пора наконец оставить его в покое. Ури зевнул в свою очередь и сказал:

— Абахо — великий мудрец. Он всю ночь будет размышлять и колдовать, а завтра скажет Мадаям, когда и где бизоны спустятся с гор...

Нум вскочил на ноги, подошел прихрамывая к постели близнецов, схватил Ури за плечо и встряхнул его:

— Ури, а как же Абахо догадается о намерениях бизонов?

— Понятия не имею. Но даже если бы я и знал что-нибудь, я все равно не сказал бы тебе ни слова. Ты слишком мал, чтобы интересоваться подобными вещами.

Нум закусил с досады губу. Слишком мал! Слишком мал! Как он ненавидел этот вечный припев близнецов! Помолчав немного, мальчик спросил:

— Абахо остался размышлять в хижине Совета?

— Абахо ушел в сторону Большого болота, — ответил Ури, — и никому не позволено следовать за ним, даже нашему отцу. Тайны мудрецов не должны быть известны охотникам и воинам, не говоря уже о таких сопляках, как ты.

— Но я хотел бы все-таки знать... — упрямо продолжал Нум.

Ури проснулся окончательно. Он сел на подстилке и, схватив младшего брата за руку, сжал в своих сильных пальцах узкую мальчишечью кисть.

— Слушай внимательно, малыш, и никогда не забывай того, что я тебе сейчас скажу. Ни один из воинов племени не задал Абахо ни одного вопроса. А между тем все они со времени своего совершеннолетия приобщены к Тайнам, о которых ты и представления не имеешь. Сегодня ночью Абахо будет вопрошать Великого Духа...

— Великий Дух покровительствует нашему Мудрому Старцу, — живо сказал Нум, — все знают об этом.

— Но тебе он своего покровительства не окажет, если будешь лезть в дела, которые тебя не касаются! Иди-ка ложись спать! Спокойной ночи!

Ури выпустил руку Нума и протяжно зевнул.

— Вы могли бы, по крайней мере, сказать мне... — снова начал неугомонный Нум.

— Если ты сию же минуту не замолчишь, — взорвался внезапно Тхор, я встану с постели и тогда...

Младший брат одним прыжком очутился в своем углу и бросился на подстилку. Рука у Тхора была тяжелой, он знал это по опыту. Лучше не возбуждать его гнева...

Не успел Нум улечься и пристроить поудобнее больную ногу, как с постели близнецов донеслось мощное равномерное дыхание. Секреты мудрецов и Тайны Природы мало волновали воображение старших братьев: они уже спали.

Глава 2

ЧЕЛОВЕК-БИЗОН

Нум долго не мог заснуть. Недоуменные вопросы продолжали терзать его.

Почему Мудрый Старец Абахо предпочитает заниматься своими размышлениями посреди сырого и холодного болота, а не в хижине Совета, самой большой и благоустроенной из всех летних жилищ Мадаев?

Почему он потребовал, чтобы его оставили одного? В какие одежды он облачился, собираясь провести ночь на болоте? Какие моления возносит он Великому Духу, Отцу и Создателю всего сущего? Почему? Как? Почему?..

Нум ворочался с боку на бок на подстилке из сухой травы и листьев, стараясь не шуршать, чтобы не разбудить близнецов. К счастью Тхор и Ури спали как убитые.

«Хорошо им жить на свете, — думал Нум, — они никогда не задают вопросов, на которые не могут сразу же получить ответ. Когда придет время, они выполняют приказ — только и всего. Беспрекословное послушание, конечно, очень хорошая вещь, очень даже хорошая... но я... я все-таки хотел бы знать...»

С бесконечными предосторожностями Нум поднялся с подстилки, уперся здоровой ногой в земляной пол и взял в руки палку, с которой теперь не расставался: прямой и крепкий сук случайно уцелевшего от пожара каштана, на гладкой коре которого мальчик с грехом пополам нацарапал костяным ножом силуэт бизона. Два дня тому назад Мудрый Старец Абахо, увидев у Нума эту палку, взял ее в руки и внимательно осмотрел.

— Ты сам вырезал этого бизона, сын мой?

Нум покраснел до корней волос.

— Да, сам. Я теперь не могу играть и бегать с другими ребятами, и поэтому...

Слова оправдания замерли на его губах. Он был уверен, что такое занятие недостойно мужчины и сына вождя. Но Мудрый Старец смотрел на мальчика пытливо и задумчиво.

— А ты пробовал изображать других животных?

Нум опустил голову, словно чувствуя за собой вину. Мог ли он признаться Абахо, что в долгие часы одиночества он начал тихоньку рисовать пальцем на влажном песке, чтобы хоть на время забыть о своем несчастье? Мог ли Нум рассказать Мудрому Старцу о голоде, который мучил его до такой степени, что стоило ему закрыть глаза, как он сразу же видел перед собой тучные стада оленей и косуль, быков и диких лошадей? Разве будущему охотнику и воину пристало рисовать эти голодные видения?

Нум решил скрыть от Абахо свои недостойные истинного мужчины занятия. Все так же, не поднимая глаз, он пробормотал:

— Нет, нет... Нум ничего не рисует...

Абахо осторожно положил украшенную силуэтом бизона палку на землю и молча удалился. Костыль калеки — только и всего!

Нум постарался изгнать из мыслей это унижительное воспоминание. Бесшумно раздвинув завесу из коры, закрывавшую вход, он высунул голову наружу и огляделся.

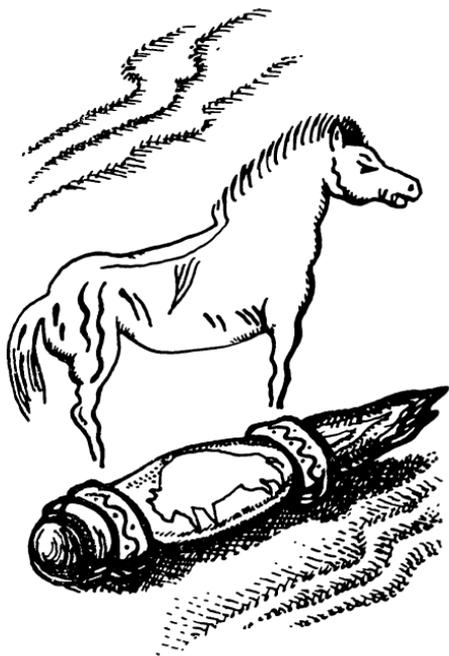
Перед хижинами летнего становища простиралось обширное пустое пространство. В центре его горел большой костер, который двое караульщиков должны были поддерживать всю ночь, отгоняя от стоянки волков и других хищников. Один из ночных стражей дремал, положив подбородок на рукоятку массивной палицы. Второй, по-видимому, отправился в обход становища. Где он мог находиться?

Нум ждал, затаив дыхание. Ночь была совсем светлой. Круглый щит полной луны сиял над опаленными пожаром вершинами ближнего леса. Было свежо, даже немного прохладно. Человек у костра тихонько свистнул; слева, из-за хижины Большого Совета, донесся ответный свист.

«Он на другом конце становища, — подумал Нум. — Я могу спокойно выйти».

Выскользнув наружу, он бесшумно зашагал прочь, стараясь держаться в тени хижин. Из-за тонких стенок летних жилищ до него доносилось равномерное дыхание спящих людей. Где-то заплакал во сне ребенок...

Миновав последние хижины, Нум выбрался на тропинку, которая вела к



Большому болоту, и пошел по ней так быстро, как только позволяла ему больная лодыжка. Земля под ногами была неровной и твердой. Каждый камень, каждая выбоина отдавались жгучей болью в исколеченном суставе. Пришлось закусить губу, чтобы нечаянно не вскрикнуть.

Наконец земля на тропинке стала мягче, и Нум остановился, чтобы отдышаться. Прошлым летом ему не раз случалось углубляться в лабиринт Большого болота, и он хорошо изучил опасные места. Но за год знакомые тропинки могли зарости травой и исчезнуть. А без них легко потерять направление, пробираясь среди густых и высоких зарослей камыша, или оступиться и попасть в бездонную топь, никогда не возвращающую своих жертв.

Нум осторожно двинулся дальше.

Влажный ночной воздух над болотом был полон таинственных шорохов и звуков, внезапно смолкавших при его приближении. Лягушки звучно шлепались в трясины и прятались под широкими листьями водяных лилий; выдры бесшумно ныряли в черную воду; перепуганные водяные крысы опростелью кидались к поваленным деревьям, под корнями которых скрывался вход в их жилище. Но болото продолжало жить своей загадочной ночной жизнью. На поверхности его то тут, то там с тихим шипением лопались пузырьки газа, что-то хлюпало по воде, что-то влажно чмокало; в камышах слышалось потрескивание сухих стеблей, осторожные шелесты и шорохи. Воздух был насыщен болотными испарениями, терпким запахом гнили и разложения.

Тропинка, по которой шел Нум, извивалась среди высоких трав с острыми режущими краями и вела к протекавшей посреди болота речке. Пружинящая, зыбкая почва хлюпала при каждом шаге. Ноги вязли по щиколотку в липкой грязи, брызгавшей сквозь траву. Прикосновение холодной болотной жижи к воспаленной лодыжке облегчало и успокаивало боль.

Палка Нума, глубоко вонзавшаяся при ходьбе в пропитанную влагой землю, мало помогала мальчику. В конце концов Нум сунул ее под мышку и продолжал осторожно продвигаться вперед, напрягая слух, зрение, обоняние. Он чувствовал, что его со всех сторон окружает враждебное молчание населяющих болото живых существ. Как человек, он внушал всем этим существам страх, но и сам, в свою очередь, опасался их.

Вдруг Нум остановился с бурно забившимся сердцем. Больная нога его ударилась с размаху о полусгнивший корень, очертания которого напоминали кольца огромной змеи. Слева от тропинки вспыхивали в тумане призрачные зеленые огоньки, мерцали несколько минут и также внезапно исчезали, словно растворившись в темноте ночи.

«Это души умерших без погребения, утонувших в болоте», — думал Нум, вздрагивая.

Он уже раскаивался, что покинул уютную хижину, где мирно похрапывали Ури и Тхор. Удастся ли ему разыскать на темной

тропинке следы Абахо? Вязкая грязь быстро затягивала его собственные следы. Нум посмотрел назад: дорога, которую он только что преодолел, казалось, делала ему тайные знаки, приглашая вернуться; тростинки приветливо покачивали верхушками, словно кланяясь; расхраб्रившаяся лягушка хрипло квакала у самого края тропинки.

Впереди простиралась неизвестность, зыбкая тьма, населенная невидимыми враждебными существами. Запретная область. Позади — все привычное, знакомое, безопасное.

Нум не поддался искушению.

— Я пойду дальше, — упрямо прошептал он. — Все равно пойду дальше!

Он оперся о палку и перешагнул через толстый корень, похожий на ползущую змею. Пальцы нащупали на гладкой коре очертания бизона, и Нум сразу почувствовал себя не таким одиноким.

Раздвигая руками высокую стену камыша, мальчик снова устремился вперед. Ближе к берегам речки узкая тропинка постепенно расширялась; по обеим сторонам ее валялись плетеные из камыша верши, которыми обычно пользовались рыболовы. Крупная чешуя карпов, усеивавшая тропинку, блестела и искрилась в мертвом свете луны. На кустах были развешаны для просушки шершавые шкурки угрей.

Нум продвигался во мраке, удерживая дыхание, лоя чутким ухом каждый звук. Но тишина была такой глубокой, что скоро он отчетливо услышал впереди тихое лепетание маленьких струек воды. Тогда, остановившись, он лег ничком на землю и беззвучно пополз, переставляя локти по земле. Палка мешала ему, но он боялся расстаться с ней, опасаясь, что потом, в темноте, не сумеет разыскать ее.

Тропинка превратилась в широкую, плотно утрамбованную площадку. По краям ее возвышались кучи срезанного тростника, на земле чернели следы костров, валялись обломки удочек и костяных рыболовных крючков. Особый запах, говорящий о частом присутствии человека, царил в этом месте, смешиваясь с острым запахом рыбных отбросов и горьким ароматом болотных трав.

Нум подполз к большой куче сухого тростника, заготовленного для костров, и, укрывшись за ней, медленно поднялся с земли.

Долина по ту сторону речки резко сужалась, и болото примыкало вплотную к невысокой скалистой гряде, подножие которой утопало в ковре зеленого мха; над мхом вздымались тонкие стебли цветущих ирисов и болотных лютиков.

Бледный свет луны озарял зубчатые серые скалы, и в его призрачном сиянии гребни их казались намного выше, чем при свете дня. На самой крутой вершине, четко выделяясь на фоне звездного неба, чернела странная фигура.

Непомерно огромную голову этого загадочного существа украшали короткие, загнутые кверху рога, выглядывавшие из густой

курчавой шерсти, а сзади свешивался короткий толстый хвост, шевелившийся на ветру.

Но вертикальной осанкой и руками, молитвенно вздетыми ввысь, к серебристому светилу ночи, фигура напоминала человека.

И Нум с первого взгляда узнал Мудрого Старца Абахо, закутанного в большую бизонью шкуру, ниспадавшую свободными складками вдоль высокой фигуры старика.

Абахо, рослый, как все Мадаи, сейчас, на вершине скалы, выглядел гигантом. Шкура делала его шире, массивнее, придавая могучий вид сухопарому старческому телу. Подняв к небу руки и обратив лицо к бледному диску луны, он тянул какую-то монотонную песню без слов, напоминавшую не то мычание, не то жалобу. Порывы ночного ветра доносили этот звук до болота.

Широко раскрыв глаза, Нум смотрел на невиданное зрелище, пытаясь понять, что оно означает. Ему уже не раз случилось присутствовать на ритуальных церемониях Мадаев и видеть Мудрого Старца, облаченного в самые фантастические одежды. Это были либо великолепная шкура пещерного льва, либо плащ из разноцветных птичьих перьев, либо пятнистый наряд оленя с царственной головой, увенчанной ветвистыми рогами, огромными и величественными.

Почему же сегодня Абахо завернут в грубую, невыделанную шкуру бизона с короткими рожками, похожими на маленькие кривые ножи?

Нум еще не нашел ответа на свой вопрос, как вдруг пение на скале смолкло. Мудрый Старец опустил руки и несколько минут стоял неподвижно, склонив голову набок и словно прислушиваясь к чему-то. Затем пошарил рукой в мешочке из оленьей кожи, который всегда носил у пояса и достал оттуда какой-то небольшой предмет, который Нум не мог разглядеть.

Абахо медленно выпрямился и снова поднял руку — теперь только одну! — к ночному небу. Нум увидел, что в пальцах старика зажат длинный узкий ремень из сыромятной кожи. Стоя в той же позе, Мудрый Старец начал медленно вращать ремень над головой, постепенно убыстряя темп. Нуму показалось, что к концу ремня привязан продолговатый предмет — быть может, просверленный камень или кусок выдолбленного дерева, — который вращаясь, протяжно свистел в воздухе.

Все быстрее и быстрее вращал Абахо свой странный снаряд; свист, который издавал этот снаряд, звучал то высоко и пронзительно, то низко и глухо. Казалось, голос какого-то дикого существа поднимается все выше и выше к звездному небу, голос, напоминающий то рев Красной реки во время весеннего паводка, то зловещий гул пламени лесного пожара, то жалобное завывание зимнего ветра, то яростное гудение океанского прибоя у скалистых суровых берегов на далеком Западе.

И вдруг все эти звуки слились в один, глубокий и мощный, словно издаваемый каким-то зверем. Нум узнал голос бизонов. Рев



заполнил собой всю округу; он поднимался ввысь, к звездам ночного неба. Дрожь пробежала по прибрежным ивам и камышам; вдали, за болотом, протяжно завыл волк.

Иллюзия была настолько полной, что Нум невольно оглянулся: не мчатся ли бизоны через болото, не рискует ли он погибнуть, растоптанный мощными копытами бегущего стада?

Но долина была по-прежнему пустынна, и рыхлая влажная почва не дрожала под тяжелой поступью четвероногих великанов.

Тогда Нум поднял голову и взглянул на вершину скалы, где Мудрый Старец с помощью обыкновенного ремня и куска просверленного камня заставлял рождаться эти магические звуки, эти могучие голоса воображаемого бизоньего стада.

Стоя на гребне скалы, с лицом, обращенным к безучастно льющей свой серебряный свет луне, один, в самом сердце враждебной человеку первобытной природы, Главный Колдун воссоздавал перед своим мысленным взором стада бизонов, стремящихся к тучным пастбищам. Он вслушивался в мощный рев бегущего стада и сам перевоплощался в бизона, стараясь понять устремления и намерения могучего животного, проникнуть в его мысли, во все его существо... И тогда, поняв инстинкты этого дикого существа, он сможет завтра уверенно сказать охотникам и воинам племени Мадаев: «Бизоны пройдут там-то и там-то... в такой-то день!..»

Потрясенный до глубины души странным зрелищем таинственного перевоплощения Абахо, Нум потерял всякое представление о времени. Он не сразу заметил, что глубокий, низкий голос внезапно смолк и болото по-прежнему безмолвно простирается вокруг, будто отдыхая после пережитой тревоги. Ни одно дуновение ночного ветерка не шевелило склоненные тростники, даже маленькая речка, словно уснув, не лепетала больше свою извечную песенку.

Нум бросил взгляд на вершину скалы: она была пуста. Высокая фигура Абахо не вырисовывалась на светлом фоне звездного неба.

Дрожь пробежала по телу мальчика. Абахо спускается со скалы, он, может быть, уже достиг ее подножия...

Испуганный этой мыслью, Нум припал грудью к земле за ворохом сухого тростника. До этой минуты ему и в голову не приходило, что кто-то может его обнаружить. В ушах мальчика прозвучал строгий голос старшего брата Ури: «Никому не дозволено следовать за Абахо, даже нашему отцу».

А он, Нум, несчастный хромой, ни к чему не пригодный калека, дерзко нарушил запрет и тайком, как вражеский лазутчик, прокрался за Мудрым Старцем. Только сейчас Нум осознал до конца свою беспримерную дерзость и глубину совершенного им преступления. Холодея от ужаса, мальчик представил себе кару, которая обрушится на него, если его проступок станет известен Главному Колдуну. Ночь сразу показалась ему враждебной и холодной, а болотная грязь, облепившая его обнаженную грудь и руки, — ледяной и липкой. Он повернулся на локтях, все также

стесненный в своих движениях палкой, которую держал под мышкой. Одна лишь мысль владела всем его существом: бежать как можно скорее обратно, добраться до становища прежде, чем кто-либо заметит его отсутствие.

Нум дополз до края площадки рыболовов, беззвучно проскользнул в заросли камыша, нащупал ровную, плотно утоптанную тропинку и поднялся на ноги. Острая боль в щиколотке пронзила его, словно в ногу воткнули копье. Он еле удержался от крика и шагнул вперед.

Нум шел, тяжело опираясь на палку, так глубоко вонзавшуюся в мягкую почву, что ему приходилось всякий раз делать усилие, чтобы вытащить ее из грязи.

Боль, которую он испытывал при ходьбе, была невыносимой.

Нум знал, что Абахо, несмотря на свой преклонный возраст, ходил легко и быстро, широкими шагами. Он, наверное, уже миновал переправу через речку...

Стиснув зубы, Нум ускорил шаг. О том, чтобы укрыться справа или слева от тропинки, нечего было и думать: он хорошо знал, как обманчив травяной покров болота, под которым скрывается подчас бездонная трясина. Но еще больший страх внушали ему зеленые огоньки, плясавшие над неподвижной черной водой. Спасаться бегством можно было только по тропинке, со всей возможной быстротой, пока Абахо не нагнал его.

Нум протянул руки вперед, раздвигая в стороны стебли камыша, больно хлеставшие его по лицу, и нырнул в зеленую чащу, как пловец в морские волны. Он бежал, увязая по щиколотку в жидкой грязи, звучно хлюпавшей у него под ногами, с трудом вытаскивая ступни из вязкой жижи, шатаясь от слабости и снова устремляясь вперед. Он не чувствовал острой боли в искалеченной ноге, не чувствовал, как жесткие болотные травы секут, словно кнутом, его обнаженные плечи и колени, он уже ничего не чувствовал... И почти ничего не видел перед собой. Синеватые ночные облака то и дело скрывали луну, склонявшуюся к горизонту. Мрак окутывал болото, сгущаясь меж стенами высоких камышей.

Нум совсем забыл про гнилой корень, лежавший поперек тропинки, словно туловище огромной змеи. Он налетел на него на всем бегу, споткнулся, потерял равновесие и упал, раскинув руки и разодрав кожу на груди о шершавую кору. Тут же вскочив на ноги, мальчик одним прыжком перемахнул через препятствие и снова ринулся вперед, охваченный безумным, все возрастающим страхом. Ему казалось, что Абахо уже настигает его. Волосы на голове Нума шевелились, он задыхался, словно загнанный зверь, и мчался вперед, не разбирая дороги.

О, как охотно отдал бы он сейчас любое знание, любой ответ на вечно терзавшие его вопросы за возможность очутиться здоровым и невредимым на своей подстилке из сухих листьев, рядом со сладко спящими близнецами!..

Только достигнув становища, Нум замедлил свой сумасшедший бег. Врожденная осторожность заставила его выяснить сначала, где находятся караульщики. К счастью, оба стража, мирно беседуя, сидели у костра, спиной к мальчику.

Нум прокрался между хижинами, прячась в их густой тени, и с замирающим сердцем раздвинул завесу из коры, скрывавшую вход в их летнее жилище. Тхор и Ури по-прежнему спали крепчайшим сном.

Удерживая дыхание, беглец скользнул внутрь хижины и опустился на свою подстилку. И тут только почувствовал, какая жгучая боль терзает его искаленную ногу, натруженную непосильной ходьбой по болоту и безумным бегом. Присев на подстилке, Нум стал осторожно растирать ее, пытаясь успокоить боль. И вдруг замер, пораженный ужасным открытием: палки не было. Он потерял ее во время бегства.

Глава 3

АБАХО

Лишь под утро Нум забылся тревожным, полным кошмарных видений сном. Когда он очнулся, был уже день. Подстилка близнецов пуста. Жаркие лучи солнца, пробиваясь сквозь зеленую крышу хижины, ложились золотыми пятнами и полосами на земляной пол. Стайки крошечных мошек исполняли в их сиянии свой беззвучный танец.

В воздухе уже чувствовался удушливый зной, грозовой зной конца лета.

Нум с трудом пришел в себя. Ему казалось, что он грезит с открытыми глазами или продолжает спать. Удивительнее всего было то, что снаружи до него не доносился привычный многоголосый шум становища: крики детей, призывные голоса женщин, сухое шелканье камней, раскальваемых в оружейной мастерской.

Слегка покачиваясь, Нум поднялся с подстилки, стал машинально искать палку и разом вспомнил все события минувшей ночи: свою дерзкую вылазку и отчаянное бегство по болоту, исполинскую фигуру Мудрого Старца, четко выделяющуюся на светлом фоне звездного неба... Он понял, что потерял свою палку, такую приметную, у гнилого корня, о который споткнулся во время бегства.

Ужас объел мальчика.

Теперь при ярком свете дня, его безрассудное поведение ночью казалось Нуму совершенно непонятным и необъяснимым. Как осмелился он нарушить священные законы племени? Какая странная сила заставила его пойти следом за Мудрым Старцем? И каким беспощадным будет наказание, если проступок его обнаружится!

Ноги Нума ослабели, он тяжело опустился на подстилку. Дол-

гое недоедание сделало мальчика таким слабым, что малейшее волнение истощало его, а растущий страх отнимал последние силы.

«Нет, я должен встать! — думал он. — Я должен пойти туда и посмотреть, не валяется ли моя палка на тропинке, около гнилого корня? Может быть, на мое счастье Абахо не заметил ее ночью в темноте?»

Эта мысль немного ободрила мальчика. Он осмотрел свою лодыжку, которая распухла, но болела не так сильно, как можно было ожидать. Зато лицо, руки и грудь, покрытые царапинами, кровоподтеками и ссадинами, горели огнем.

«Все будут спрашивать меня, где я так разукрасился? Что им отвечать?»

Прижав ладони к пылающим вискам, Нум пытался спокойно обдумать положение. Но тщетно! Его изобретательный ум отказывался служить ему. В ушах гудело, сердце билось часто и неровно. Он задыхался в жаркой духоте хижины, но не осмеливался выйти наружу, на свежий воздух.

Вдруг завеса коры раздвинулась. Широкий поток солнечного света хлынул в дверной проем, заливая золотым сиянием глинобитный пол, и звонкий голос спросил:

— Ты еще спишь, Нум?

Не поднимая головы, мальчик угрюмо пробормотал:

— Нет. Чего ты хочешь?

— Я принесла тебе поесть.

Полог опустился, поток света исчез. Прямо перед собой Нум увидел две босые ножки, тонкие и стройные. Он понял, что это его маленькая приятельница Цилла вошла в хижину. Нум узнал бы ее голос среди тысячи других. Как всегда, он почувствовал себя странно счастливым от ее присутствия, но, несмотря на эту радость, спросил, не меняя тона и по-прежнему не глядя на девочку:

— Что ты мне принесла?

— О, только ягоды шелковицы... только ягоды. Больше ничего не удалось найти. Но теперь осталось уже недолго терпеть. Знаешь ли, Нум? Сегодня на заре охотники...



При этих словах Нум вскинул голову, и Цилла, прервав свою речь, с изумлением уставилась на него, приоткрыв рот и широко раскрыв глаза.

— Что с тобой, Нум? Кто тебя так расцарапал?

Вся радость, которую испытывал мальчик от прихода Циллы, улетучилась. Надо объяснять; неприятности уже начались.

— Я упал, — сухо ответил он, отворачиваясь.

— Упал? Как же ты?.. Ах, понимаю, это из-за твоей ноги, не правда ли? Бедный мой Нум!

Так. Теперь уже и Цилла жалеет его! Нум готов был ответить, что не нуждается в ее жалости, однако сдержался, не желая причинить девочке хоть малейшее огорчение. Она так мила и добра!

Как все Мадаи, Цилла была высокой и тонкой, в последнее время, пожалуй, даже слишком тонкой. Стройностью фигурки и врожденной грацией она напоминала молодую лань; сходство это усиливалось большими черными глазами с кротким, чуть тревожным взглядом. Длинные темные волосы, схваченные повязкой из красноватой кожи, обрамляли смуглое личико со слегка выдающимися скулами и маленьким, прямым носом. В обнаженных загорелых руках Цилла держала самодельную корзиночку из широких листьев каштана, скрепленных колючками. Корзиночка была до краев наполнена крупными фиолетовыми ягодами.

Нум подумал, что, для того чтобы собрать эти ягоды, Цилле пришлось встать чуть свет и проделать долгий, утомительный путь далеко за пределы земли, опустошенной пожаром. Он подумал также о том, что, несмотря на мучивший ее голод, Цилла не поддавалась соблазну и не съела ягоды на обратном пути, а принесла их ему, Нуму.

Тронутый самоотверженностью девочки, он улыбнулся ей. Глаза Циллы просияли от радости. Протянув Нуму корзинку, она принялась весело болтать, а Нум тем временем не спеша отправлял в рот одну за другой сочные и сладкие ягоды.

— Ты долго спал, Нум! Солнце уже поднялось. Охотники выступили на заре, потому что мой дед Абахо...

Нум подскочил.

— Как? Они выступили? Уже? Но я ничего не слышал.

— Ты спал как убитый, Нум! И к тому же нынче не пели охотничьих песен: все очень спешили. Абахо сказал, что бизоны пройдут через болото сегодня после полудня.. Он сказал, что уже к вечеру у нас будет мясо — много мяса! — его хватит на всю зиму. Вот хорошо, правда?

Нум кивнул головой. Ему не хотелось говорить. Мысли вихрем кружились у него в мозгу.

— Все, кто не участвует в Большой Охоте, отправились в лес, — продолжала Цилла. — Они ушли, чтобы наломать побольше зеленых веток. Их понадобится много, очень-очень много, чтобы коптить и вялить мясо. В становище никого нет. Никого, кроме тебя и малышей!

Цилла весело рассмеялась и добавила:

— Присматривать за малышами поручено мне. Я не должна оставлять их надолго без надзора. На, возьми все ягоды, Нум! Я сейчас вернусь.

Она исчезла, грациозная и легкая; Нум снова остался один.

Из всего сказанного Циллой до его сознания дошла по настоящему только одна фраза: «В становище никого нет!» Нум поставил наполовину опорожненную корзиночку с тутовыми ягодами на землю и вскочил с подстилки. Если это так, то сейчас самый подходящий момент, чтобы, не привлекая к себе ничего внимания, отправиться на поиски потерянной палки.

Снаружи жара была еще удушливей. Тяжелые, набухшие дождем грозовые тучи клубились на горизонте. Нум, как, впрочем, все его соплеменники, панически боялся грозы. В раннем детстве Мама рассказывала Нуму, что Великий Дух, Отец и Создатель всего сущего любит порой проявлять свое могущество или свой гнев, посылая на землю слепящие молнии, которые пробивают облака и поражают, словно огненные стрелы или копья. А гром — это голос Великого Духа, и, когда он рокочет, сотрясая небо, людям и всем другим живым существам не остается ничего иного, как распластаться на земле, зажмурив глаза и закрыв голову руками.

Молния, зажигающая леса и степи, убивающая животных на пастбищах и людей в их хижинах, часто поражает случайную жертву. Но она способна превратить в ничто тех, кто совершил проступок, у кого совесть неспокойна!

Нум наслушался с детства подобных рассказов, а совесть его в то утро была далеко не спокойна. Великий Дух, который без сомнения, видит все, знал, конечно, что младший сын вождя Мадаев преступил священные законы племени. Он знал, что Нум подсматривал прошлой ночью за магическими заклинаниями Абахо, не смотря на сторожайший запрет.

Нум бросил последний взгляд на черные тучи, грозоздившиеся у края неба, и решил:

«Гроза еще далеко. Я успею дойти до болота. Я должен успеть!»

Он миновал последнюю хижину и зашагал по знакомой тропинке, которая вела к Большому болоту. Нум шел с трудом, сильно хромая, но не чувствуя больше острой боли в распухшей лодыжке. Впрочем, он мало обращал внимания на больную ногу. Все его мысли были сосредоточены на палке, украшенной силуэтом бизона, которая валялась где-то на тропинке возле гнилого корня, напоминающего водяную змею. В глубине души Нум продолжал надеяться, что Абахо не заметил ее в темноте.

Над болотом стояла чуткая, тревожная тишина. Животные, как и люди, чувствовали приближение грозы и охваченные смутным страхом, спешили укрыться в безопасных убежищах. Сухие стебли камыша ветрами тихо потрескивали под палящими лу-

чами полуденного солнца. В воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка. С поверхности болота поднимались ввысь горячие и зловонные испарения.

Нум подумал, что воины, участвовавшие в Большой Охоте, наверное, построили засаду на вершинах тех самых скал, где прошлой ночью Мудрый Старец Абахо заставлял звучать глубокий голос бизонов. Там, спрятавшись в укрытиях из ветвей, они терпеливо ожидают появления косматых великанов, покинувших наконец свои летние пастбища.

Как только стадо бегущих бизонов поравняется с утесами, где притаились охотники, Мадаи начнут осыпать животных стрелами, копьями, камнями. А затем, испустив боевой клич, ринутся в долину, чтобы прикончить добычу каменными топорами и тяжелыми дубовыми палицами, закаленными в огне костров.

Опасная охота, где все, даже самые сильные, ловкие и бесстрашные, рискуют получить смертельную рану или погибнуть под копытами разъяренных бизонов, пронзенные насквозь их острыми рогами...

И эти мужественные воины даже не подозревают, что один из Мадаев осмелился преступить законы племени и проникнуть в Тайны, тщательно оберегаемые мудрецами от непосвященных!

При мысли об этом сердце Нума томительно сжалось. А что, если Большая Охота окажется неудачной по его вине? Что, если Великий Дух, разгневанный неслыханной дерзостью Нума, решил покарать все племя за преступление, которое он этой ночью совершил? Если Большая Охота не будет успешной, Мадаи потеряют последнюю возможность сделать запас мяса на зиму — и тогда всему племени грозит голод, жестокий зимний голод, когда люди царапают ногтями мерзлую землю, выкапывая горькие корни трав, которые могут хоть на время заглушить нестерпимую боль в пустом желудке.

Нум содрогнулся. Подобные последствия его проступка до сих пор не приходили ему в голову. Он впервые понял, какие родственные узы связывают его со всеми членами родного племени, понял, что подверг своих сородичей смертельной опасности.

Нум не заметил, как дошел до гнилого пня, — так велико было его смятение. Как и ночью, он споткнулся о корень, вскрикнул и долго не мог прийти в себя.

Палка была на месте; она лежала у самого края тропинки. Светлая кора каштана почернела и покоробилась под жгучими лучами солнца; нацарапанный на ней силуэт бизона лишь с трудом можно было различить. Нум усмотрел в этом дурное предзнаменование, и сердце его упало.

Он медленно перешагнул через препятствие, поднял палку и посмотрел на нее безучастным взглядом. Все Мадаи, отправляясь на Большую Охоту, прошли сегодня утром по этой тропинке, но ни один из них не захотел нагнуться и поднять палку Нума. Даже сам Абахо, от проницательного взгляда которого ничто не усколь-

зало, не обратил на нее внимания: значит, Мудрый Старец ничего не подозревает, ни о чем не догадывается.

Это открытие не доставило Нуму никакого удовольствия. Тайная или явная, его вина не становилась от этого ни больше ни меньше, и он со страхом думал об ее ужасных последствиях для племени.

Широко размахнувшись Нум отшвырнул палку далеко в сторону.

— Зачем бросать палку? — спросил позади его насмешливый голос. — Она еще может пригодиться тебе.

Нум в ужасе обернулся. Высокая стена камышей раздвинулась, и он очутился лицом к лицу с Мудрым Старцем Абахо.

Главный Колдун племени Мадаев был одет в простую одежду из волчьей шкуры, изрядно потертую и поношенную. На нем не было никакой ритуальной раскраски, никаких обрядовых украшений: ни браслетов из просверленных камней и раковин, ни ожерелья из звериных зубов. Оружия при нем не было; значит, он не пошел с охотниками.

«Он ждал меня, — подумал Нум. — Он знает все. Я погиб!»

Другой на месте Нума, возможно, упал бы на колени перед Абахо и, протянув к нему руки, умолял о прощении. Но перед лицом неминуемой кары Нум неожиданно обрел мужество. Он выпрямился, вскинул голову и взглянул прямо в глаза Мудрому Старцу.

Абахо смотрел на Нума со странным выражением. Лицо его было, как всегда, суровым и строгим, но в глубине пронизательных серых глаз мелькали насмешливые искорки. Помолчав немного, Главный колдун сказал:

— Подними свою палку, Нум! Не так-то легко найти другой такой же прямой и ровный побег каштана. А палка еще понадобится тебе на обратном пути к Красной реке!

Нум послушно нагнулся и подобрал палку. Сухая кора жгла ему пальцы. Нуму нестерпимо хотелось забросить палку как можно дальше и увидеть, как поглотит ее черная болотная вода.

— Почему ты очутился здесь, сын мой? — спросил Абахо.

Нум ответил не сразу. Он размышлял. В серых глазах Абахо не было гнева, он смотрел на мальчика с чуть заметной лукавой усмешкой. Быть может, Мудрый Старец ни о чем не догадывается? Нуму достаточно наспех сочинить какую-нибудь историю и уверенным голосом рассказать ее Абахо. Например, сказать, что он одолжил палку одному из близнецов, а тот потерял ее на охотничьей тропе... только который из них: Тхор или Ури?.. Лучше Ури... Но зачем спрашивается, взрослому охотнику и воину простая палка, когда он вооружен луком, копьем и массивной палицей?.. Нет, это неправдоподобно... лучше сказать, что он... что он...

Мысли вихрем кружились в голове Нума. Он не любил лгать.

Ложь похожа на коварную зыбкую почву болота: в конце концов непременно увязнешь в ней!

— Я был здесь прошлой ночью! — одним духом выпалил он. — Я шел следом за тобой, о Мудрый, и потерял в темноте палку. Он умолк, тяжело дыша, и закрыл глаза.

— Бей! — проговорил он глухо. — Бей меня скорее, о Мудрый!

Нум знал, что он заслужил суровое наказание.

Но Абахо не шевельнулся, не произнес ни слова. После нескольких минут гнетущего молчания Нум осмелился наконец открыть глаза.

Мудрый Старец смотрел на него и улыбался.

— Зачем мне бить тебя, мальчик? — спросил он. — Разве ты уже не наказал себя сам? Разве не испытал раскаяние, страх, мучения нечистой совести? Разве ты не страдал телом и душой?

Нум низко опустил голову.

— Ты не знаешь, что я сделал, о Мудрый! — пробормотал он. — Мне было известно, что ты никому не позволил следовать за тобой, а я все-таки, невзирая на запрет, пошел... И я видел...

Абахо жестом прервал его:

— Ты видел очень мало, а понял еще меньше, — сухо сказал он. — Ты остался за порогом великой Тайны, как одинокий охотник на опушке непроходимого леса, не способный проникнуть в его чащу. Ты не узнал ничего.

Голос Мудрого Старца звучал сурово и жестко. Слушая его, Нум со стыдом уразумел, что в нелепом ребяческом самомнении он переоценил значение своего проступка. Он вообразил, что из-за него, ничтожного хромого мальчишки, может погибнуть все большое и сильное племя Мадаев. Да кем он был, чтобы навлечь на своих соплеменников страшный гнев самого Великого Духа и его разящие молнии? Он был ничем — да, да! — всего лишь жалким калекой, и ничем больше!

Слеза покатилась по щеке Нума.

Абахо вышел из тростников, наполовину скрывавших его. Он пересек тропинку и положил свою большую руку на плечо мальчика.

— Знай, что я не сержусь на тебя, о Нум! — сказал он торжественно. — Самоуверенность, конечно, дурная черта характера, но любознательность — неплохое качество. Расскажи мне откровенно, почему ты решил следовать за мной?

Нум поднял голову. Как объяснить Мудрому Старцу чувство, которое ему самому было не совсем понятно?

— Я хотел... — начал он, — мне хотелось...

Кровь внезапно прилила к лицу, и он торопливо закончил:

— Мне всегда хочется все узнать!

Он ждал, что Абахо рассмеется при этих словах, и он приготовился еще раз услышать ненавистную фразу: «Ты еще слишком мал!»

Но Мудрый Старец не сказал ничего подобного. Взгляд его небольших, глубоко посаженных глаз стал еще более острым, почти невыносимым. Серые зрачки, казалось, исторгали пламя.

— Что же ты хотел бы узнать, мальчик? — спросил он после паузы.

— Все! — пылко ответил Нум. — Я хочу знать, почему есть день и есть ночь, почему летом жарко, а зимой холодно, почему днем на небе солнце, а ночью луна и звезды, почему дует ветер и течет вода, почему... почему... Я хочу знать все!

Он умолк, тяжело дыша, боясь услышать насмешку. Он привык, что братья всегда отвечали смехом на его недоуменные вопросы.

— Итак, — сказал без улыбки Абахо, — итак, мой сын, ты задаешь вопросы? И ты, кажется, умеешь рисовать?

Нум опустил глаза.

— Да, — еле слышно шепнул он. — С тех пор как моя нога... с тех пор как я болен, я часто вспоминаю разных животных и рисую их пальцем на земле, когда остаюсь один.

Худая рука Абахо крепче сжала его плечо, принуждая наклониться к влажной земле тропинки.

— Нарисуй мне бизона! — приказал Главный Колдун. — Здесь, сию же минуту! Бизона или другого зверя, какого ты сам захочешь!

Нум разровнял рыхлую землю ладонью и, помедлив минуту, принялся рисовать. Весь вчерашний день он думал о стаде оленей, убегающих вдаль среди высоких трав. Вожак, мчащийся впереди, был огромным и могучим, с головой, увенчанной ветвистыми рогами. Он несся гигантскими скачками, почти не касаясь копытами земли.

Несколькими штрихами Нум попытался передать это двойное ощущение силы и легкости животного. Абахо, склонившись над ним, наблюдал за его работой. Рисунок был слаб в деталях, и Нум, едва закончив, тут же стер его.

— Я не умею рисовать по-настоящему, — сказал он печально. — Олень, о котором я думал, был прекрасен...

Абахо ласково поднял его.

— Если хочешь, — сказал он, — я научу тебя рисовать.

Нум посмотрел на Мудрого Старца, не смея поверить своим ушам.

— Вдвоем мы сможем сделать многое, — продолжал Абахо. — Я давно ждал этого часа...

Он крепко стиснул свои худые руки и посмотрел вверх.

— Я становлюсь стар, мой мальчик! Часто я спрашиваю себя, что же будет с Мадаями, когда Великий Дух призовет меня к себе? Кто будет лечить их, если они заболеют или получат раны на охоте? Кто будет поддерживать огонь в Священной Пещере? Кто украсит ее стены магическими изображениями животных? Мало-помалу Мадаи забудут все, чему я научил их, растеряют Знание,

которое я сам унаследовал от далеких предков. Они разучатся призывать на помощь силы Земли и Неба, перестанут жить в согласии с могущественной Матерью-Природой. Они будут убивать не только для того, чтобы насытиться, и в конце концов потеряют право называться людьми.

Стремительно повернувшись к Нуму, Абахо схватил мальчика за руку:

— Я всегда надеялся, что найду среди племени Мадаев человека, не похожего на остальных воинов и охотников, который мог бы стать моим учеником и преемником. Ему я передам светильник Знания, когда руки мои ослабеют и не смогут больше держать его. Он будет знать ответы на все вопросы. А позже, когда придет его час, он передаст Знание другому Мадаю. И племя владеющее знанием, будет жить, будет расти и крепнуть. Ты понял, чего я жду от тебя, сын мой?

Нум посмотрел на Абахо ошеломленный и растерянный. Глаза Мудрого Старца горели одушевлением. Длинные белые волосы, откиннутые назад, развевались за плечами.

— Я уже начал отчаиваться, — продолжал Абахо дрогнувшим от волнения голосом. — Все юноши племени похожи друг на друга. Все они подобны твоим старшим братьям: сильные, мужественные, отважные. Но ни один из них не способен день за днем, в тишине и мраке Священной Пещеры овладеть Знанием, постигать его законы и тайны. Для этого нужен человек совсем иного склада... Нум, этот человек — ты!

Низко наклонив голову, Нум смотрел на свою изуродованную ногу. Ну, разумеется, он не такой, как все остальные: он хромой! Непригодный к охоте и к бою, к далеким утомительным походам, ко всем играм и упражнениям, требующим физической закалки, выносливости и ловкости. Самолюбию мальчика льстило сознание избранности и вместе с тем его мучила тайная мысль, что Абахо остановил на нем свой выбор только потому, что Нум — калека. От нахлынувших на него противоречивых чувств, в которых он не мог разобраться, щеки мальчика вспыхнули ярким румянцем.

— Вдвоем мы сможем сделать многое, — повторил Абахо. — Мы будем изучать окружающий нас мир и откроем другие Тайны, разгадаем другие загадки... мы умножим священное Знание... усовершенствуем искусство изображения. Мы...

Внезапно оборвав свою речь, Абахо пристально взглянул на Нума, продолжавшего хранить растерянное молчание. Мудрый Старец выпустил худенькую кисть мальчика, которую он, увлекшись, стиснул так сильно, что кожа на ней покраснела, и спросил с тревогой в голосе:

— Ты молчишь, Нум? Я, кажется, сделал тебе больно?.. Взгляни на меня!

Нум поднял на Абахо свои большие темные глаза, так напомиравшие глаза маленькой Циллы. Ослепительное будущее, полное неизвестности и жгучих тайн, одновременно и привлекало и

пугало его. Он испытывал гордость при мысли о том, что в один прекрасный день станет Главным Колдуном племени Мадаев, мудрецом, у которого все будут искать совета и помощи. Но к этой гордости примешивалось ребяческое сожаление о том, что он лишен возможности, подобно другим мальчишкам его возраста, сидеть вместе со взрослыми охотниками в засаде, ожидая появления бизонов.

Абахо открыл рот, желая объяснить Нуму, что охота — лишь одна из граней человеческой жизни, самая простая и примитивная, которая делает человека подобным дикому животному. Он хотел сказать, что существует другая охота, более волнующая, доступная лишь малому числу избранных: охота пытливого ума в неизведанных просторах познания.

Но он удержался и не сказал ни слова, понимая, что говорить об этом с мальчиком сейчас бесполезно: Нум еще слишком молод, он все равно не поймет его!

Абахо умолк. Воцарилось молчание, нарушаемое лишь шумом ветра, который, усиливаясь, начинал раскачивать высокие тростники. Гроза приближалась.

Глухие раскаты уже доносились до них от краев горизонта. Нум бросил тревожный взгляд на небо. Но черные грозовые тучи были по-прежнему далеко. Внезапно его осенила догадка: « Это бизоны!»

Он бросился ничком на тропинку, приложил ухо к земле. Зыбкая почва болота еле заметно колебалась и вздрагивала.

— Кажется, их очень много! — сказал он грустно.

Он не добавил ни слова и опять с неприязнью покосился на свою злосчастную лодыжку. Это из-за нее он не может быть сейчас рядом с братьями там, на вершинах серых скал. Правда, он слишком молод, чтобы поражать бизонов стрелой или копьем, но он мог бы, по крайней мере, помогать охотникам: подкатывать камни, подавать дротики и стрелы, держать наготове топоры и палки...

Горькое сожаление о своем увечье на миг заслонило в сознании Нума таинственное и заманчивое будущее, открывшееся перед ним в словах Мудрого Старца. Сейчас он, не колеблясь, променял бы это блистательное, но, увы, чересчур отдаленное будущее на здоровую, такую, как у всех, ногу, которая позволила бы ему быть вместе с племенем в этот решающий час.

Глубоко вздохнув, Нум повернулся спиной к серым скалам. Пора возвращаться в становище! К чему оставаться здесь дольше, прислушиваясь к шуму битвы? Она начнется с минуты на минуту, совсем близко... слишком близко...

Опираясь на палку и прихрамывая, Нум с трудом двинулся по направлению к становищу. И вдруг снова ощутил руку Абахо на своем плече. Мудрый Старец тихонько повернул его и потянул за собой в сторону серых скал.

— Пойдем, — сказал он мягко. — Пойдем посмотрим на них!

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Глухой гул с юга быстро приближался и нарастал. Оставаться дольше в узкой долине, стиснутой с обеих сторон крутыми скалами, становилось опасным. Покинув летние пастбища, бизоны мчались к местам зимовок с бешеной скоростью, топча и сметая все на своем пути.

Абахо и Нум едва успели перейти вброд речку и вскарабкаться на невысокую гряду скал, за которыми с утра скрывались в засаде охотники.

Нум так обрадовался возможности присутствовать при Большой Охоте — пусть всего лишь в качестве зрителя, — что забыл на время о своей больной ноге. Завтра она, разумеется, напомнит о себе и доставит немало страданий, но сейчас ему было не до нее.

Весь цвет племени Мадаев был здесь. Притаившись за выступами скал или среди кустарников, охотники ждали сигнала, готовые ринуться в бой по первому знаку вождя. Огромные глыбы камня громоздились кучами у края обрыва. Метательные снаряды из дерева и кости, дротики с костяными или кремневыми наконечниками, деревянные копья, закаленные в огне костра, массивные каменные топоры и тяжелые дубовые палицы, в которые вставлены острые обломки кремней, были сложены на земле рядом с охотниками или же находились в руках подростков, счастливых и гордых оказанным им доверием.

Утром, покидая становище, охотники наскоро размалевали себе лицо и грудь красной глиной, которая успела высохнуть и растрескаться под жаркими лучами солнца. Кисти рук и лодыжки были украшены костяными браслетами, шею обвивали ожерелья из звериных зубов, нанизанных на тонкие сухожилия; длинные черные волосы заплетены в косы или связаны пучком высоко на затылке. Такой наряд, по мнению охотников, должен придать им грозный и устрашающий вид.

Отец Нума, Куш, вождь племени, стоял у самого края скалистой гряды. Обратив лицо к югу, он не отрываясь смотрел в ту сторону, откуда доносился нарастающий гул. Стоя рядом с отцом, Тхор и Ури ждали его распоряжений, чтобы мгновенно передать их остальным охотникам.

«Когданибудь, — с волнением думал Нум, — отец будет гордиться и мною! Тогда он не скажет про меня: «Бедный мальчик!»»

Нум придвинулся ближе к Абахо, хотел шепнуть Главному Колдуну, что согласен стать его учеником, но не успел раскрыть рта.

Куш вдруг выпрямился во весь свой огромный рост, высоко подняв в руке копье. В то же мгновение до слуха Нума явственно

донесся тяжелый топот, напоминавший грохот океанского прибоя, и мальчик понял, что бизоны близко.

Дрожь волнения, тревоги и восторга охватила охотников.

Высокие прически заколыхались, руки крепче сжали оружие, темные глаза на раскрашенных красной глиной лицах вспыхнули диким огнем.

Гул, прежде смутный, усиливался, вздымаясь, словно морской вал, разбивающийся у подножия скалистой гряды. Нум узнал глухой мощный голос, который он так отчетливо слышал прошлой ночью на этом самом месте, и сердце его замерло от волнения, когда он увидел первого бизона, продирающегося сквозь густой камыш.

Вождь сделал знак рукой и, повинуясь его приказу, охотники пропустили громадного одинокого самца, с низко опущенным упрямым лбом, который вел за собой все огромное стадо. Единичная добыча, которую к тому же было трудно поразить с такого большого расстояния, не представляла интереса для людей. А спугнутый копьями и дротиками вожак мог ринуться в сторону от скал, увлекая за собой всех бизонов.

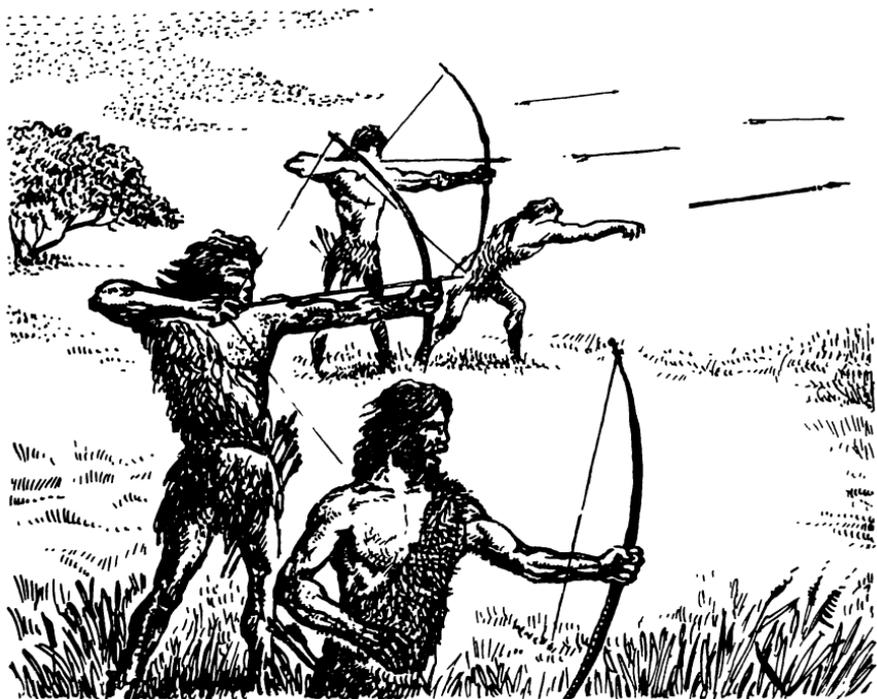
Шумно дыша и фыряя, вожак промчался мимо скал, топчя своими мощными копытами ирисы и лютики.

Секунда гнетущего молчания — и вот из зарослей тростника показалось стадо. Бизоны бежали бок о бок, плотной рыжеватой массой. Длинная волнистая шерсть их потемнела от пота и была забрызгана болотной грязью. Они мчались, не разбирая дороги, подгоняемые слепым инстинктом самосохранения, раздраженные укусами слепней и оводов, встревоженные приближением грозы, быстро нагонявшей их. Молодые держались в центре стада, охраняемые самками и громадными самцами, которые окружали телят грозным, несокрушимым кольцом.

Достигнув скалистой гряды, преграждавшей им путь, бизоны на мгновение замедлили бег и, изменив направление, двинулись вдоль скал, у самого их подножия. С вершины гряды горбатые рыжие спины исполинов напоминали поток остывающей лавы. Поток мчался, то вздуваясь, то опадая, в зависимости от неровностей почвы. Фонтаны жидкой грязи вылетали из-под сотен могучих копыт.

Как только основная масса бизонов поравнялась со скалой, за гребнем которой скрывались охотники, Куш выпрямился и громовым голосом прокричал боевой клич племени. Охотники разом вскочили на ноги, занося над головой метательные снаряды. В следующее мгновение десятки дротиков и копий просвистели в воздухе и обрушились на стадо; с грохотом покатались вниз, с уступа на уступ, низвергаясь на косматые спины бегущих великанов, огромные камни, которые столкнули со скалы подростки.

Испуганные внезапным и непонятным нападением, бизоны ринулись вперед с удвоенной скоростью. Могучие звери сталкивались



на ходу друг с другом, спотыкались, погружаясь иной раз по самую грудь в реку, встречное течение которой замедляло их бег.

Нум сжимал от волнения руки, в которых не было ничего, кроме палки. О, почему у него нет оружия, которым он мог бы, вместе со всеми охотниками поражать добычу? В неудержимом порыве мальчик вскочил на ноги. Его зоркие глаза не упускали ни малейшей подробности кровавой картины.

На всю жизнь запомнил Нум мощные фигуры взрослых бизонов, их несоразмерно тонкие ноги и огромные, с выпуклыми лбами головы, вооруженные грозными рогами, короткими и острыми. Он видел, как объятые ужасом телята жались к матерям и не покидали их даже тогда, когда те падали на землю, сраженные насмерть. Это зрелище — Нум не знал почему — причиняло ему боль.

Наконец на поле битвы осталось около полутора десятков бизонов, получивших смертельные раны. Часть из них безуспешно пыталась уйти на перебитых ногах, другие — стряхнуть глубоко засевшие в теле острые копыта и дротики. Кровь текла ручьями, заливая густую волнистую шерсть, розовая пена вскипала в углах губ... Раненные бизоны тоскливо и протяжно мычали.



Гроза, совсем близкая, уже грохотала над головой. Мадаи испускали громкие воинственные крики, вздымавшиеся к потемневшему небу, где уже кружили стаи стервятников, почуявших богатую добычу. Откуда-то издали донесся отвратительный, хриплый хохот гиены.

Тогда по знаку вождя, охотники ринулись вниз. Они бежали по уступам скал, увлекая за собой лавины каменных осыпей. Нум не думая, тоже бросился вперед...

Чья-то крепкая рука схватила его за плечо и удержала у края обрыва. Нум обернулся, готовый ударить непрошеного спасителя. Его горевшие жаждой боя глаза встретились со спокойным и суровым взглядом Главного Колдуна.

— Куда ты? — строго спросил Абахо. — Мешать охотникам? Ты же ничем не можешь помочь им.

— Я никогда ни на что не гожусь! — ответил сквозь зубы Нум, сжимая кулаки. — Я мог бы подобрать упавшее копьё или дротик и...

Абахо прервал его:

— Ты испытываешь такое сильное желание убивать, сын мой?

Нум ничего не ответил. Он отвернулся от Мудрого Старца и стал смотреть на жестокие сцены, разыгравшиеся у подножия утесов, меж растоптанных трав и кустарников. Затуманенный мучкой взгляд умирающего бизона поразил его выражением кроткой покорности. Нет, у него не было желания принимать участия в кровавой расправе. Просто ему хотелось быть вместе со всеми, чувствовать себя настоящим Мадаем. А Мадаи — от мала до велика — были храбрыми охотниками. Вся их судьба, судьба всего племени и всех будущих поколений зависела от их охотничьих успехов.

Нум не мог выразить словами обуревавшие его чувства. Он обернулся к Абахо и сказал с вызовом в голосе:

— Разве не ты сам устроил эту бойню, о Мудрый? А теперь жалеешь...

Абахо тихо покачал седой головой.

— Нет, я ни о чем не жалею, Нум. Жизнь всякого живого существа драгоценна, но человеческая жизнь драгоценнее во много раз. И пока в этом есть необходимость, человек вынужден убивать животных, чтобы обеспечить свое существование. Это один из великих Законов, данных нам Природой. Но он не мешает человеку относиться с любовью и уважением к тем существам из плоти и крови, которые умирают, чтобы мы могли жить. Я был бы огорчен, если бы ты испытывал желание убивать без необходимости, ради одного удовольствия...

Нум посмотрел снова в сторону долины. Бойня заканчивалась. Торжествующие охотники, с довольной улыбкой на размалеванных лицах, уже начинали разделять каменными топорами туши убитых бизонов. Это было мясо, огромная груда свежего мяса, которого должно хватить племени на много месяцев.

С замечательной сноровкой и ловкостью Мадаи снимали с убитых бизонов шкуры, отделяли рога, сухожилия, жир, мозговые кости. Сердце, печень и почки будут поджарены уже сегодня вечером на углях костра. А завтра с утра женщины начнут скоблить и выделывать шкуры, изготавливать из сухожилий и длинных волос хвоста нитки, которыми шивают меховую одежду. Все пойдет в дело, ничего не пропадет. Хищным птицам и гиенам достанутся лишь голые остовы да внутренности, которые они будут с боем оспаривать друг у друга.

Вдали слышалось глухое мычание убегающего стада, протяжное и жалобное, словно живые оплакивали мертвых.

— На стенах нашей Священной Пещеры, — тихо заговорил Абахо, — погибшие животные оживают вновь. Некоторые думают, что я рисую лошадей, кабанов и бизонов только затем, чтобы научить охотников правильно целиться и наносить удары. Да, конечно, и для этого тоже. Но если бы я изображал животных лишь для того, чтобы обучить охотников, мне достаточно было бы рисовать их контуры и отмечать на них точками те места, куда должен прийти удар. Ты увидишь, сын мой, что животные, которых

я рисую в Священной Пещере, — не мертвые изображения. Дыхание новой жизни оживляет их...

Он умолк, погруженный в свои мысли. Потом заговорил снова:

— Да, убитые животные оживают на стенах Священной Пещеры. Я стараюсь изображать их в расцвете сил, в стремительности движений... какими они были на воле, в лесах, степях... Эти рисунки — дань всемогущей Природе, чтобы она простила нам то, что ты здесь видишь! — Мудрый Старец простер руку в направлении долины, где Мадаи продолжали разделять убитых бизонов. — Но запомни хорошенько, Нум: это необходимо! Человек рождается беспомощным и беззащитным, без когтей, без рогов или клыков. Он бегаёт медленнее большинства животных и не так вынослив, как они: тело человека не покрыто мехом. Он одинаково боится и жары и морозов. И, несмотря на все это, именно человек будет когда-нибудь хозяином земли, хозяином всей Природы. Он будет владеть над ней благодаря разуму. И поэтому он должен выжить. А для того, чтобы выжить, он должен охотиться. Это — Закон!

Глава 5

К РОДНЫМ БЕРЕГАМ

После Большой охоты Мадаям удалось подстрелить еще несколько оленей-самцов и заарканить трех кормящих самок, которых охотники поместили в наскоро сооруженном загоне. Целую неделю женщины доили ланок и все племя лакомилось чудесным теплым молоком. Но никому из Мадаев не пришла в голову мысль, что можно приручить пойманных оленей, и тогда у племени всегда под рукой были бы готовые запасы мяса и молока. Даже сам Мудрый Старец Абахо не додумался до этого.

Приближалась осень. Большой Охотничий Совет решил, что пора покинуть летнее становище и возвращаться на зимнюю стоянку к родным пещерам у берегов Красной реки.

Однажды утром племя снялось с места и направилось на Север.

Теперь у Мадаев было много мяса и звериных шкур. Был у них и запас оленьих костей, из которых они делали шила и иглы: были бурдюки жира для светильников, которыми Мадаи освещали зимой свои подземные жилища. Люди не боялись теперь ни голода, ни холода, ни тьмы. Но множество других опасностей подстерегало их ежедневно и ежечасно.

Сильные грозы с ливнями следовали одна за другой, и уровень воды в реках поднялся. Для того, чтобы переходить вброд эти реки, Мадаям приходилось связываться друг с другом ремнями из сыромятной кожи. В иных местах вода достигала до плеч, и женщины высоко понимали над бурлящим потоком малышей, держа их перед собой на вытянутых руках. Дети постарше плыли, де-

ржась одной рукой за протянутые поперек реки ремни. Взрослые охотники несли на плечах оружие, драгоценные запасы мяса, жира и шкур. Старики медленно брели по пояс в воде, борясь со стремительным течением, сбивавшим их с ног. Всех воодушевляла и поддерживала надежда, что скоро они опять увидят родные места.

Во время коротких привалов Мадаи бросали тревожные взгляды на небо. Под низкими, гонимыми осенним ветром тучами торопливо летели к югу огромные стаи птиц. Их поспешный отлет предвещал наступление ранней зимы.

Ночи становились пронизывающе-холодными. Скорчившись на мокрой земле, неподалеку от чадивших костров, люди крепко прижимались друг к другу, стараясь хоть немного согреться. Они не распаковывали на ночь тюки с драгоценными шкурами, чтобы наутро не увязывать их снова и не терять на это драгоценное время. До самой зари дрожали они от холода в своих летних одеждах, лежа на голой земле близ жалкого костра из сырого хвороста, который поддерживали всю ночь дозорные.

Стаи голодных волков, угрожающе завывая, бродили вокруг стоянки; их глаза горели в темноте зловещим зеленым огнем.

Едва наступал рассвет, Мадаи снова пускались в путь, стараясь держаться весенних троп, пролегающих по непролазным дебрям или затопленным паводковыми водами лощинам. Порой тропа исчезала в мутном илистом потоке, и тогда приходилось идти в обход, углубляясь в чащу девственного леса, где люди вынуждены были проклядывать себе дорогу каменными топорами и продвигались осторожно, преследуемые по пятам стаями озверевших от голода хищников.

Пищу в походе не готовили. Довольствовались куском вяленого мяса, отрезанного от туши, которую носильщики несли на длинных и гибких жердях. Мясо было сухим и жестким; его с трудом удавалось разжевать. Но на приготовление еды времени не было. Некогда было разжигать костер и соорудить очаг, чтобы жарить на нем мясо и грибы, которые попадались на каждом шагу в осеннем лесу. Надо было идти вперед, все время вперед, невзирая на усталость, голод и холод, который становился все ощутимее.

Силы Нума таяли с каждым днем.

В начале пути он из самолюбия отказался от помощи, которая была ему предложена. Отец Нума, Куш, хотел соорудить для мальчика нечто вроде гамака из гибких ветвей и лиан, где тот мог бы время от времени отдыхать в пути. Но для того, чтобы нести гамак, нужно было выделить двух носильщиков, и Нум не мог допустить подобной жертвы. Носильщики и без того едва справлялись с огромным грузом мяса, шкур и оружия; каждая пара мускулистых рук была на счету.

Поначалу все шло хорошо. Правда, к вечеру Нум сильно уставал. Но на стоянке Абахо прикладывал к его распухшей лодыжке целебные травы и болотный ил, которые смягчали боль. Утром Нум выступал в поход наравне со всеми. Шагая часами по зава-

ленной буреломом тропе, он, стараясь придать себе мужества, думал о той благословенной минуте, когда Мадаи увидят наконец знакомые гребни серых утесов, высоко взнесенные над мутными стремнинами Красной реки, под небом родного края.

Нум думал также о своей необычайной судьбе, о драгоценном даре изображения, которому он был обязан вниманием и дружбой Главного Колдуна племени. Он думал о Священной Пещере, местонахождения которой никто не знал, потому что Абахо держал его в тайне. Любопытство снова мучило мальчика.

Нуму так не терпелось узнать, где находится вход в Священную Пещеру, что он, не удержавшись, спросил об этом как-то вечером, на привале, у Циллы. Но девочка в ответ только покачала головой.

Женщин эти дела не касаются. Абахо не посвящает ее в свои тайны.

Нум был уверен, что Цилла говорит неправду. Мыслимо ли жить столько времени в одной пещере с Мудрым Старцем и не подсмотреть кое-что из его тайн? Абахо часто уходит в Священную Пещеру рисовать. Куда он идет? Как добирается до входа? В какое время?

— Уверяю тебя, я ничего не знаю. — твердила Цилла.

Нум просил, умолял, даже рассердился наконец на свою маленькую приятельницу — тщетно!

Он не осмеливался задать этот вопрос своим старшим братьям, которые к тому же были утомлены тяжелыми ношами и отнюдь не склонны к праздным разговорам. Нуму пришлось переживать в одиночестве свое разочарование.

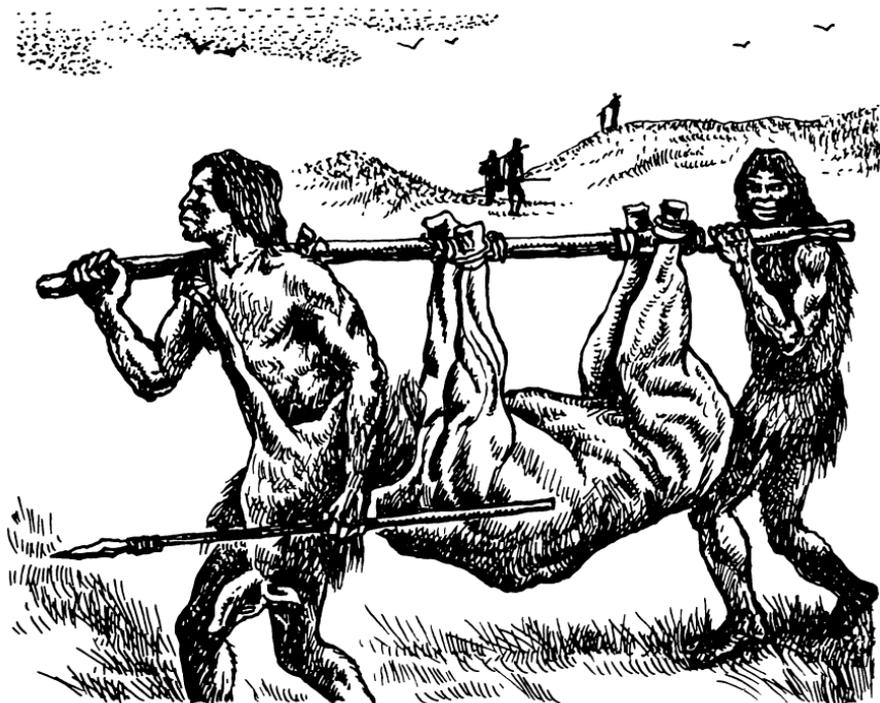
Но через несколько дней он перестал думать о своих обидах: ходьба причиняла ему слишком большие страдания. Силы мальчика были на исходе.

Дни сменялись днями, переходы — новыми переходами; Мадаи в угрюмом молчании продолжали путь. Даже Абахо, исхудавший так, что на него было жутко смотреть, часами не разжимал сухих бескровных губ.

На вечерней стоянке люди валились на землю и лежали неподвижно, не имея сил разжечь костер. Никто не смеялся, не болтал, не пел. Одна лишь мысль неотступно преследовала, подгоняла измученных путников: вперед, вперед... любой ценой вперед!

Вид местности заметно менялся. Бескрайние степи с густой травой, обширные моховые болота и непроходимые чащи уступили место гряде низких, лесистых холмов с мягкими очертаниями. Меловая почва сменилась красной глиной, а пологие холмы постепенно перерастали в невысокие горы. Они возвышались по сторонам узких долин, на дне которых стремительно неслись пенистые водные потоки. То тут, то там, меж густых хвойных лесов и каштановых рощ, одевавших склоны гор, выглядывали голые серые утесы. С их вершин слетали, громко каркая, стаи ворон и галок.

Мадаи были слишком изнурены, чтобы любоваться гармониче-



скими очертаниями холмов, голубоватой дымкой, в которой тонули их цепи вдаль на горизонте, причудливыми покрывалами тумана, лежавшими на заре в низинах, горделивыми очертаниями зубчатых скал, когда лучи заходящего солнца окрашивали их в огненно-рыжий цвет.

Но и холмы, и горы, и красноватая земля — это были приметы, которые говорили, что родные места близко.

Кое-где на скалах уже чернели входы в пещеры, промытые подземными потоками в толще камня. Вода бурных ручьев и речек была теперь окрашена в красноватый цвет. В некоторых пещерах жили люди; они ловили рыбу в мутно-рыжих от глины водах реки.

Дружественное племя Малахов, ближайших соседей Мадаев, успешно завершив охоту в своих летних угодьях на юге, уже успело вернуться на зимнюю стоянку. Были они такими же, как и Мадаи: высокие, статные, сильные, ловкие.

Тепло и приветливо встретили Малахи измученных долгим переходом Мадаев. И Куш и его соплеменники задержались у гостеприимных соседей на целых два дня. Вождь племени Тани пожелал непременно устроить праздник в честь дорогих гостей. И Мадаи, буквально валившиеся с ног от усталости, были вынужде-

ны болтать, смеяться, петь и даже плясать. Но дружественный прием, казалось, придал истощенным людям новые силы. Впрочем, этому в немалой степени способствовала горячая и вкусная пища, которой щедро угощали путников радушные хозяева.

Нум присутствовал на празднике, но не принимал участия в развлечениях. Он хмуро наблюдал, как маленькая Цилла с увлечением отплясывает веселый танец в паре с младшим сыном вождя Малахов, долговязым подростком лет шестнадцати, верхнюю губу которого уже оттенял первый темный пушок. К девочке снова вернулась ее природная жизнерадостность, и она от души веселилась.

Закончив танец, Цилла подбежала к Нуму, чтобы спросить, как он себя чувствует и весело ли ему? Но Нум, лежавший с самого утра в тени раскидистого каштана, с кислым видом что-то буркнул ей в ответ. Цилла только досадливо сморщила носик, повернулась спиной к приятелю и убежала. Ну и пусть!

Нет, Нуму не было весело! Распухшая лодыжка причиняла мальчику мучительную боль, но никого из близких это, по-видимому, не трогало. Отец и старшие братья, окруженные большой группой воинов и охотников, оживленно беседовали с вождем Малахов Тани. Женщины громко смеялись и тараторили, как сороки, сидя на корточках вокруг пылавшего костра и лакомясь сочными плодами, ягодами и медом диких пчел. Молодые девушки и подростки, ровесники Циллы и Нума, плясали как одержимые, выбивая дробь на самодельных барабанах из звериных шкур. Старики и старухи смотрели на них, покачивая в такт убеленными сединами головами, и задумчиво улыбались, должно быть вспоминая свою далекую юность.

Что же касается Абахо, то он, приложив компресс из целебных трав к больной ноге Нума, внезапно исчез. Нум догадывался, что Мудрый Старец решил посетить местную Священную Пещеру в сопровождении Главного Колдуна Малахов, маленького человечка с острым взглядом лукавых глаз, которые словно подсмеивались над всеми.

«И надо мной в первую очередь! — думал обиженно Нум. — Абахо, наверное, сказал ему, что собирается сделать меня своим преемником, а он находит, что у меня не слишком подходящий вид для будущего Главного Колдуна племени».

Даже мать Нума Мама и та забыла о больном сыне. Она встретила подругу своей юности, вышедшую замуж за одного из воинов племени Малахов. Подругу звали Рама. Обе женщины наперебой рассказывали друг другу о своей жизни, смеясь украдкой, как молоденькие девушки, и прикрывая рот смуглой ладонью. За спиной Рамы, завернутый в мягкую оленью шкуру и привязанный сыromятными ремнями, крепко спал пухлый младенец. Он сонно помахивал головкой и чмокал во сне губами. Мама не уставала восхищаться красотой и цветущим видом новорожденного; Нум же находил ребенка весьма безобразным. «Воображаю, каким противным, пронзительным голосом закричит этот жирный поросенок, ес-

ли его разбудить! — сердито думал Нум. — Мамме лучше было бы поинтересоваться собственным сыном, который так одинок и так ужасно страдает!»

В какой-то момент Нуму вдруг захотелось встать и присоединиться к обеим женщинам. Он мог бы вытянуться на траве у ног матери и положить ей голову на колени. Пусть Мамма коснется своей теплой рукой его лба, пусть погладит по голове, поворошит пальцами его волосы, как делала когда-то давно, когда он был еще совсем маленьким...

Но чтобы подойти к матери, Нуму нужно было подняться на ноги и пересечь площадку, где лихо отплясывали подростки и девушки. И тогда все увидят, как сильно он хромает. Сын Тани, этот верзила с намеком на будущие усы, начнет еще, чего доброго, передразнивать его ковыляющую походку, и Цилла, разумеется, будет смеяться вместе с ним. Нет, Нуму лучше остаться здесь, под сенью старого каштана!

Время от времени с дерева слетал сухой желтый лист, медленно кружил несколько секунд в воздухе и ложился, словно нехотя, на влажную землю, где ему предстояло сгнить.

Нум следил печальным взором за падением мертвых листьев и думал, что никогда на свете не было еще человека более несчастного, чем он.

Глава 6

В СВЯЩЕННОЙ ПЕЩЕРЕ

Отдохнув два дня у дружественных Малахов, племя Мадаев отправилось дальше и в несколько переходов достигло наконец родных пещер.

Погода заметно улучшилась. Свежий ветер гнал по небу легкие облачка, летевшие с севера вместе с последними стаями перелетных птиц. По утрам земля вокруг пещеры была белой от инея, совершенно преобразившего окрестный пейзаж. На фоне этой сверкающей белизны береговые утесы, розовевшие в лучах восходящего солнца, казались еще выше. По склонам скал чернели входы в многочисленные пещеры. Одни находились у самого подножия утесов, почти на уровне Красной реки, как та, где жил Нум, другие — повыше, а пещера, служившая приютом Мудрому Старцу Абахо, была на крутой вершине утеса.

С порога своего подоблачного жилища Главный Колдун племени Мадаев мог охватить взглядом вереницы убегающих вдаль лесистых холмов, а в ясные дни различить на самом горизонте высокую цепь горных вершин, над которыми кое-где курился легкий дымок. Абахо знал, что время от времени одна из гор выбрасывает вверх густые столбы дыма и пепла. Иногда извержение вулкана сопровождается землетрясением. Эти грозные явления

природы всегда приводили Мадаев в панический ужас. Объятые страхом люди обращались в беспорядочное бегство, кидались в воды Красной реки, с ужасом смотрели на скалистые утесы, которые не выдержав подземных толчков, могли обрушиться на них. К счастью, такой катастрофы ни разу не случилось, и только глубокие трещины, змеившиеся в каменных стенах пещер, напоминали Мадаям о страшной силе подземной стихии.

Пещера, в которой жил Нум, была самой вместительной и самой теплой. С незапамятных времен она служила жилищем вождю племени.

Это было обширное помещение со сводчатым потолком. Выступающий над входом в пещеру естественный навес прикрывал его от дождя и снега. Высокий частокол из толстых бревен, принесенных паводками с верховьев реки, подпертый обломками скал и оплетенный колючими ветвями, надежно защищал вход в пещеру от свирепых хищников и ураганных порывов зимнего ветра. Для входа и выхода из пещеры обитатели ее пользовались приставной лестницей, которую на ночь убирали. Укрывшись за таким частоколом, можно было спокойно спать в теплом полумраке пещеры, озаренной красноватыми отблесками не гаснущего день и ночь костра.

Пещера уходила вглубь каменного массива и заканчивалась небольшим тупичком, в котором Мама хранила рабочие орудия и съестные припасы. На задней стенке этой подземной кладовой, под самым потолком, чернело небольшое отверстие, достаточно широкое для того, чтобы в него мог пролезть человек небольшого роста. Но добраться до отверстия можно было только с помощью лестницы, и Нум при всем своем неуемном любопытстве не отваживался обследовать эту подземную отдушину, из которой всегда тянуло ледяной струей промозглого воздуха.

Когда Нум был совсем еще маленьким, отец его Куш, желая наказать мальчика за какую-нибудь шалость, не раз грозил посадить сына в этот каменный карцер и оставить там одного в обществе сотен летучих мышей, висевших гирляндами под потолком. И если Нуму в те годы случалось сопровождать мать в подземную кладовку, он, замирая от страха, жался к ее ногам, бросая боязливые взгляды на черное отверстие под потолком, выглядывшее еще более зловещим в колеблющемся свете смолистого факела, который держала Мама.

Сделавшись старше, Нум перестал бояться загадочного отверстия и, по правде говоря, мало думал о нем.

Маленькая пещера, служившая жилищем Главному Колдуну племени Мадаев, совсем не походила на обширное помещение вождя племени. Вход в нее был расположен на такой головокружительной высоте, что обитатель пещеры мог не опасаться нападения хищных зверей. Широкий выступ скалы не давал северному ветру проникнуть в пещеру. Другой выступ скалы, нависавший над входом подобно надбровной дуге, защищал жилище Абахо от

низвергавшихся с неба дождевых потоков и снегопадов. Вход в пещеру закрывал тяжелый занавес из медвежьих шкур.

Нум всегда испытывал странное удовольствие, поднимаясь к жилищу Главного Колдуна с очередной вязанкой хвороста. Он любил узкую тропинку, прилепившуюся к каменной стене и становившуюся все уже по мере того, как он взбирался по ней вверх. Нум продвигался осторожно, все время глядя под ноги, чтобы не оступиться, и, только добравшись до небольшой гранитной площадки перед входом, вскидывал голову и осматривался по сторонам. И всякий раз величественная красота открывавшейся перед ним картины захватывала мальчика, наполняя его душу восторгом.

Нум не говорил себе: «Ах, как это прекрасно!» — но он ощущал эту красоту всем своим существом. Бесконечность расстилавшейся перед ним панорамы, одновременно грандиозной и гармоничной, приводила его в состояние, близкое к экстазу. Чистый горный воздух наполнял грудь мальчика, аромат сухих трав, которые росли пучками в трещинах и углублениях скал, долетал до него с порывами свежего ветра. Крикливые вороны в блестящем черном оперении вихрем кружились вокруг, словно одержимые. Нуму казалось, что он сам, того и гляди, превратится в птицу; ему стоило большого труда удержаться и не прыгнуть, широко раскинув руки, в сияющую пустоту, чтобы улететь вслед за птицами и ветром к синевшему вдали горизонту.

В этот день, спустя неделю после возвращения Мадаев в родные места, Нум, как обычно, поднялся с вязанкой хвороста вверх по крутой тропке и опустил свою ношу на маленькую площадку перед входом. Он знал, что в этот час в жилище Мудрого Старца никого нет. Цилла помогала Мамме и другим женщинам вялить пойманную в реке рыбу, а дед ее еще на рассвете ушел в лес собирать целебные травы.

Нум предложил было Абахо сопровождать его, но Мудрый Старец отказал наотрез.

— Нет, нет сын мой! Я хочу, чтобы твоя нога зажила окончательно до наступления зимы. И кроме того, ты понадобишься матери.

Нум опустил глаза, чтобы скрыть свое разочарование. Как только нога, натруженная долгим переходом, перестала болеть, его снова стало мучить вчерашнее любопытство. Когда же он наконец станет признанным учеником Мудрого Старца? Когда тот разрешит ему проникнуть в таинственную Священную пещеру? Почему Абахо ни разу не заговорил с Нумом о его будущем после возвращения в родные места? Вдруг он раздумал, вдруг отказался от мысли сделать Нума своим учеником и преемником? Или он ждет наступления первых холодов, чтобы начать обучение? Нуму не терпелось получить ответ на все эти вопросы.

А пока что ему приходилось помогать матери в повседневной работе, и это, по его глубокому убеждению, было явно недостойно его будущего высокого звания и необычайной судьбы.

До наступления зимы Мадаям нужно было закончить множество неотложных дел.

Стоя на площадке перед входом в жилище Абахо, Нум смотрел, как его соплеменники с озабоченным видом сплывают по долине, словно муравьи вокруг муравейника. До его слуха доносились гулкие удары палиц — это забивали в частокотлы новые бревна и колья. Несколько подростков, сверстников Нума, ныряли с берега в реку, плыли, широко взмахивая руками, и вдруг молниеносно исчезали под мутными красноватыми струями, чтобы появиться через минуту у берега с крепко зажатой в руке рыбой. Женщины, сидя у входа в пещеры, шили зимнюю меховую одежду. Они прокалывали края шкур острым костяным шилом и протаскивали затем в отверстие нитку из сухожилий или конского волоса. Трое стариков возвращались из ближнего леса, неся на головах корзины полные грибов и каштанов. Чуть подалее двое мальчуганов, повиснув на выступе скалы, выкуривали из расщелины диких пчел, чтобы завладеть их сотами. Девочки поддерживали огонь небольших костров, бросая в него зеленые ветки. От костров поднимался густой дым, в котором коптились подвешенные связки рыб, нанизанных на тонкие крепкие прутья.

Нум сразу заметил среди девочек Циллу, грациозно склонившуюся над огнем. Длинные черные волосы Циллы заплела сегодня в две толстые косы. Они подпрыгивали у нее на спине при каждом шаге. Девочка подняла голову и увидела Нума, стоящего на площадке у входа в ее жилище. Она помахала ему тоненькой рукой и что-то крикнула, но слова отнесло ветром, и Нум ничего не расслышал. Он широко улыбнулся и ответил девочке тем же жестом.

Нум больше не сердился на Циллу за то, что та танцевала на празднике с сыном вождя Малахов. Цилла уверила друга, что находит сына Тани весьма недалеким: он только и делал, что хвастался во время танца своими охотничьими подвигами и изрядно надоел ей за вечер.



Слушая Циллу, Нум испытывал тайную, ни с чем не сравнимую радость.

«Я часто буду видеть ее этой зимой! — подумал Нум. — Абахо, наверное, захочет обучать меня в своем жилище».

Но главная часть Знания будет, конечно, преподана Нуму в Священной Пещере. А Цилла по-прежнему утверждала, что не знает где находится вход в нее.

Некоторое время Нум размышлял об этой новой, заманчивой жизни, которая скоро начнется для него. Взгляд его бесцельно блуждал по раскинувшемуся у его ног необозримому пространству. Солнце садилось. Первые вечерние тени уже заволакивали дальние долины голубой дымкой. На востоке, над цепью вулканов, виднелся столб густого черного дыма, медленно поднимавшийся к розовому небу. Нум, погруженный в свои думы, не обратил на него внимания.

«Если я буду настойчивее, — размышлял он, — и подарю Цилле мой кремневый нож с костяной ручкой, она, быть может, откроет мне, где находится вход в Священную Пещеру. Я уверен, что она знает секрет».

Нум осторожно повернулся на узком карнизе, следя за тем, чтобы нога его не соскользнула с края в пропасть, и посмотрел на медвежью шкуру, закрывавшую вход в жилище Абахо.

«Когда-нибудь я буду жить здесь, — внезапно подумал он. — И Цилла всегда будет возле меня!»

Нуму часто случалось заходить в пещеру Мудрого Старца, обычно для того, чтобы передать ему какое-нибудь кушанье, приготовленное Маммой для старика и его внучки. Но сейчас мальчик с изумлением вспомнил, что ни разу не осматривал жилища Главного Колдуна во время своих посещений. Он предпочитал играть с маленькой Циллой, вырезая для нее из дерева фигурки людей и животных.

Бросив через плечо взгляд в долину, Нум заметил, что на берегах осталось совсем немного народу. Рыбная ловля заканчивалась; женщины складывали свою работу: становилось слишком темно, чтобы шить. Циллы нигде не было видно.

«Она, верно, ушла в пещеру к Мамме, — подумал Нум. — Абахо обещал зайти к нам сегодня вечером. Цилла помогает матери готовить ужин».

Нум еще раз внимательно оглядел медвежью шкуру, словно никогда не видел ее раньше, и решил, что имеет право зайти ненадолго в эту пещеру, которая когда-нибудь все равно будет принадлежать ему. Повернувшись спиной к багровому закатному небу с фиолетовыми облаками, отороченными золотой каймой, и к далекой цепи вулканов, увенчанной зловещим султаном черного дыма, он решительным движением откинул медвежью шкуру и вошел в жилище Главного Колдуна.

Пещера была погружена во мрак, но в очаге тлело еще несколько головешек. Нум разгреб золу и подбросил в угасающий

костер охапку сухих веток; они сразу вспыхнули ярким пламенем. Затем, стоя посреди пещеры, мальчик окинул ее пытливым взглядом.

Справа от входа, у стены, были сложены примитивные орудия труда и обычная хозяйственная утварь. Слева возвышались груды мехов, служивших одеждой и постелью. На воткнутых в расщелины каменных стен палочках висели пучки сухих трав и кожаные бурдюки с какими-то неизвестными жидкостями. В естественных нишах, расширенных и углубленных человеческой рукой, виднелись кучки белых камешков, похожих на морские раковины и разноцветные кремни — от совсем темных до светлых и почти прозрачных. Скелеты каких-то небольших зверьков свисали с потолка на тонких кожаных ремнях.

Вокруг очага лежало несколько грубо обтесанных каменных глыб, служивших сиденьями. На широкой и плоской гранитной плите, опиравшейся на четыре других каменных обломка, были разложены вяленые форели, две куропатки и соты с медом диких пчел — приношения Мадаев Мудрому Старцу.

Сухие ветки прогорели, и огонь костра снова стал слабеть. Нум бросил в очаг еще охапку хвороста. Пламя взметнулось ввысь, озарив ярким светом внутренность пещеры. Причудливые тени заплясали на неровных каменных стенах, в орбитах звериных черепов вспыхнули искры, придавая им видимость жизни.

Нум с боязливым любопытством наблюдал за ними некоторое время, после чего решил, что ему пора уходить. Он окинул прощальным взглядом пещеру и вдруг заметил в дальнем ее углу зияющее темное отверстие. Сперва мальчику показалось, что он ошибся, потому что никогда не замечал этого отверстия раньше. Но до сегодняшнего вечера он всегда приходил в пещеру только днем, и хотя медвежья шкура бывала в это время откинута, яркий солнечный свет не проникал в пещеру на такую глубину.

«Должно быть, это вроде того отверстия, что у нас в кладовке, — подумал Нум, — подземная отдушина, только и всего!»

Вдруг сердце мальчика дрогнуло и забилось неровными толчками. Дерзкая догадка мелькнула в его мозгу.

«А что, если это вход в Священную Пещеру?»

Нум вернулся к очагу, разжег поярче огонь и подошел вплотную к темному углу. В глубине его, на уровне пола, открывался узкий проход, из которого тянуло сырым сквознячком. Нум просунул в отверстие кулак, потом всю руку до плеча. Пальцы его не встретили препятствия: у ниши не было дна.

И тут Нумом внезапно овладело то неистовое, безрассудное любопытство, которое повлекло его этим летом по следам Абахо в дебри Большого болота. Ему почудилось, что слабый ветерок, дувший ему прямо в лицо из черной щели, зовет его в таинственные недра земли и шепчет на ухо:

— Иди! Ну, иди же, Нум! И не бойся: никто ничего не узнает!

Рассудок мальчика всеми силами сопротивлялся этому сообра-

нительному зову. Он напоминал Нуму, что тот уже послушался однажды Главного Колдуна и с трудом получил прощение. Второй раз этого не случится. К тому же время позднее, и Мамма, конечно, уже беспокоится, куда он девался. А главное — Нум отчетливо понимал, как опасно углубляться одному в такой лабиринт, где можно легко заблудиться и не найти дороги обратно.

Но тот же внутренний голос услужливо подсказывал мальчику возражения на все эти доводы разума: Абахо ничего не узнает! Вернувшись из похода за травами, Мудрый Старец не сразу поднимется к себе в пещеру, коль скоро собирается ужинать с семьей вождя. Нум же пробудет в подземелье недолго и не заблудится, если будет внимателен и осторожен.

Схватив факел из смолистого дерева, воткнутой в расщелину стены, Нум зажег его и с замирающим сердцем приблизился к нише. Подземный лаз был достаточно широк для того, чтобы в него мог свободно пройти человек. Сжимая в руке пылающий факел, Нум решительно шагнул в темноту, не думая больше ни о чем.

Перед ним открылся длинный и узкий коридор, полого спускавшийся вниз. С потолка свисали гроздьями желто-розовые сталактиты. Свет факела отражался в бесчисленных капельках воды, сверкавших алмазными искрами на каждом их кончике. Зрелище было сказочно-прекрасным, но Нум уже видел такое не раз, исследуя другие подземные пещеры вместе со старшими братьями. Он быстро шел, почти бежал под уклон по влажному полу коридора.

Капли расплавленной смолы шипя стекали с дымного факела, обжигая пальцы мальчика; он то и дело ударялся локтями об острые выступы каменных стен. Чудовищная тяжесть нависших над ним пластов земли, казалось, давила на плечи, стесняя дыхание. Но Нум продолжал идти вперед.

Постепенно сталактиты на потолке исчезли, земля под ногами стала твердой и сухой. В лицо неожиданно ударила сильная струя воздуха, пламя затрещало и вспыхнуло ярче. Коридор расширился, и Нум очутился на пороге огромного подземного зала.

Сердце мальчика замерло на мгновение, потом бешено заколотилось. Он понял, что находится в Священной Пещере племени Мадаев.

Нум застыл на месте, потрясенный до глубины души открывшейся перед ним картиной.

Семь масляных светильников горели слабым огнем посреди обширного помещения, едва рассеивая глубокий мрак, царивший в подземном зале. Стояла глубокая, ничем не нарушаемая тишина, а между тем Священная пещера жила, жила чудесной таинственной жизнью. Вдоль выпуклых гранитных стен вереницы нарисованных животных, казалось, вели нескончаемый загадочный хоровод. Их изображения были так совершенны, движения столь естественны, что Нум затаив дыхание ждал, что они вот-вот отделятся от каменных стен.

Прямо перед ним четыре красавца оленя с могучими ветвисты-

ми рогами переправлялись вплавь через реку, вытянув тонкие шеи и скосив на мальчика влажные беспокойные глаза. За ними виднелись величественные буйволицы с маленькими телятами, коренастые дикие лошади с развеваемыми ветром гривами, угрюмые бизоны и гигантские дикие быки с длинными рогами, концы которых терялись во мраке под потолком. И все эти звери двигались, бежали, мчались, прыгали, падали, плыли, сражались друг с другом, убивали и умирали.

Изображения были выполнены желтой охрой, красной глиной, черным углем. Скупые, смелые штрихи подчеркивали мощь мускулатуры, изящество стройных ног, свирепый оскал зубов. Оперенные стрелы, казалось свистели в воздухе и впивались, дрожа, в трепещущую плоть. Дротики торчали из глубоких ран; ловушки и ямы зияли под ногами беглецов.

Осторожно ступая, Нум приблизился к стене, украшенной изображением огромного быка. Рисунок не был закончен; завершена была только голова с острыми, изогнутыми кверху рогами, влажной черной мордой и блестящим глазом, обведенным глубокой коричневой тенью. Краски казались еще не просохшими. Нум понял, что этот бык был последним творением Абахо, над которым Мудрый Старец трудился после возвращения Мадаев с летней охоты.

Подойдя вплотную к изображению быка, Нум увидел на земле несколько плоских камней с углублениями посредине. Углубления были заполнены разными красками: черным костяным углем, желтой и красной охрой, тщательно растертой глиной разных оттенков, сухой бычьей кровью. Рядом лежали тонкие трубчатые кости для распыления красок на большом пространстве, примитивные кисточки из звериного волоса, гладко отполированные дощечки, на которых смешивают краски, острые кремневые осколки, костяные шила и ножи различных размеров.

Нум поднял факел и снова встретился взглядом с большим быком. Огромное животное словно удивлялось неожиданному посетителю и взирало на него с кроткой жалостью.



Нумом вдруг овладело странное чувство, уже испытанное им ночью, на берегу болотистой речки. Тогда Абахо, вращая над головой ремень из оленьей кожи с просверленным камнем на конце, заставлял звучать глубокий голос бизонов. В этом подземном зале, полном чудес и тайн, как и летней ночью в сердце Большого болота, творилось что-то непонятное, что-то более могущественное, более сильное, чем даже сама смерть. Таинственные связи рождались здесь между животным, которое убивают, и человеком, заставляющим свою жертву снова жить на этих стенах своим могучим волшебством мастерства и вдохновения...

Сжимая в поднятой руке факел, Нум как зачарованный смотрел, не отрываясь, на громадного быка, потеряв всякое представление о времени и месте, где он находился.

Глухой подземный гул, исходивший, казалось, из самых недр земли, внезапно вывел мальчика из этого экстатического созерцания. Взволнованному воображению его на миг представилось, что он слышит могучий голос большого быка. Охваченный ужасом, Нум повернулся и со всех ног бросился к выходу. И тут только увидел на пороге зала высокую, закутанную в меха фигуру, в которой он, несмотря на владевший им испуг, тотчас же узнал Мудрого старца Абахо, Главного Колдуна племени Мадаев.

Глава 7

ЗЕМЛЯ СОДРОГАЕТСЯ

Обмирая от страха под суровым взглядом Главного колдуна, Нум медленно пятился назад. Колени его дрожали. Он умоляюще протянул к Абахо руку, но не успел произнести ни слова.

Из недр земли снова вырвался глухой гул, наполнивший сердце мальчика невыразимым ужасом. И внезапно земля под ним дрогнула, ушла из под ног, качнулась сначала вправо, потом влево, затем снова ухнула куда-то вниз. Стены Священной Пещеры зашатались. Подземный гул усилился и перешел в рев, подобный раскату грома. Каменные глыбы с грохотом сорвались с потолка, пол пещеры сдвинулся складками, потом разошелся, а местами раскололся на куски, между которыми зазмеились узкие, глубокие трещины.

Нум увидел, что Абахо бежит к нему, простирая длинную худую руку, и снова попятился, желая избежать удара. И в ту же минуту огромная каменная глыба обрушилась со свода и упала между ними. Острые гранитные осколки брызнули во все стороны. Светильники погасли. Факел выпал из рук Нума и покатился по земле. Густая удушливая пыль заполнила горло. Он бессознательно протянул руки вперед. Пальцы его уперлись в шероховатую поверхность камня, еще вибрировавшую после падения.

На мгновение наступила тишина, словно земля переводила ды-



хание после исполинского усилия. Затем пол под ногами Нума снова заколебался, но уже не так сильно, как в первый раз, однако в этом медленном упорном раскачивании было что-то еще более ужасающее. Казалось, земля не может остановиться, не может унять охватившую ее дрожь.

Нум хотел крикнуть, но не смог. Рот его сводило судорогой, он с трудом дышал. Тошнота подступала к горлу, ледяной пот струился по всему телу. Страшное, противоестественное колебание почвы под ногами наполняло его неизъяснимым ужасом. Наконец утробная дрожь земли завершилась новым, последним толчком, и наступила тяжелая тишина.

Нум поднялся, шатаясь, с отуманенной головой, не сознавая ясно, жив он или нет. Вдруг, сквозь звон в ушах, до его слуха донесся слабый голос, упорно повторявший его имя:

— Нум! Нум! Нум!..

Испуганному воображению мальчика на миг представилось, что Духи Тьмы зовут его к себе из подземных недр. Но, вслушавшись, он узнал голос Абахо, почему-то доносившийся к нему словно издалека.

Окончательно придя в себя, Нум почувствовал, что дрожит всем телом, меж тем как в груди растет и ширится странная, никогда не испытанная раньше тоска. Вечный мрак, без просвета и исхода, окружал его со всех сторон, сковывал его разум, его волю, его движения. Колени мальчика подогнулись, и он без сил опустился на холодный, усеянный острыми обломками, земляной пол.

Под руку ему попался какой-то предмет. Нум поднял его. Это был факел, который мальчик выронил, когда каменная глыба рухнула перед ним с потолка. На конце факела чуть тлела красноватая искорка.

Стиснув зубы, Нум постарался обрести немного хладнокровия. Это удалось ему, хотя и с большим трудом. Тогда он принялся потихоньку дуть дрожащими, непослушными губами на эту крохотную багровую точку, в которой заключалась для него единственная надежда на спасение. Терпеливые усилия мальчика увенчались успехом. Искорка понемногу разгорелась, и скоро факел снова вспыхнул ярким пламенем. В неверном, колеблющемся его свете перед глазами Нума предстала страшная картина царившего вокруг разрушения.

Пол Священной Пещеры был прорезан глубокими, узкими трещинами, загроможден упавшими со сводов гранитными плитами. Груда камней наглухо закрывала выход. Рядом с огромным обломком скалы неподвижно лежал Абахо, широко раскинув в стороны худые руки. Правая нога его была неестественно согнута и откинута в сторону; кровь текла из глубокой раны на бедре. Глаза были плотно сомкнуты, лицо бледно и безжизненно.

Нум воткнул свой факел в трещину пола, бросился к Мудрому Старцу, склонился над ним. Слезы душили мальчика.

— Учитель! — крикнул он хрипло и отчаянно. — Учитель, не умирай! Не умирай!

Но серые глаза Абахо не открывались. Дыхание не приподнимало его грудь. Руки были по-прежнему раскинуты крестом, раскрытые ладони перепачканы землей и кровью. Нум растерянно осматрелся по сторонам и встретился взглядом с большим быком. Длинная трещина змеилась вдоль могучей груди благородного животного, словно раздирая ее надвое; глаза смотрели на мальчика с гневным упреком.

Под этим суровым взглядом Нум ощутил всю тяжесть совершенного им преступления. Снова, во второй раз, он нарушил Священные Законы племени Мадаев и навлек таки на них гнев и месть таинственных и грозных сил природы. Как смел он оставаться в живых, когда самый благородный и мудрый из его соплеменников умер? Проклятие ногам, которые привели его сюда, проклятие рукам, схватившим горящий факел в пещере Абахо, проклятие глазам, созерцавшим тайну, скрытую от непосвященных! И пусть будет трижды проклята его глупая голова, полная самонадеянных и дерзких мыслей, ложной гордыни и дурного любопытства!

Повернувшись спиной к большому быку, раны которого, казалось, кровоточили от потеков красной охры, Нум дико вскрикнул и в порыве отчаяния ударился изо всех сил о неровную поверхность каменной стены. Острый выступ глубоко рассек кожу на его лбу, кровь хлынула из раны, заливая глаза. Нум ударился еще и еще раз и вдруг услышал позади себя слабый, прерывающийся голос Абахо:

— Нум! Нум! Перестань сейчас же! Не смей!

Но Нум уже не мог остановиться. Удары, которые он с такой яростью наносил себе, заглушали мучительный стыд и раскаяние, терзавшие сердце мальчика. Только после третьего окрика Абахо он справился с собой настолько, что нашел мужество оглянуться.

— Нум! Ты мне нужен! Подойди сюда.

Упав к ногам Мудрого Старца, Нум разразился отчаянными рыданиями:

— Прости! Прости меня, Учитель!

Абахо не останавливал его. Нум плакал, кричал, молил о прощении. Наконец Главный Колдун с усилием поднял руку, положил ее на голову мальчика и погладил его слипшиеся от крови и пота волосы, испачканные пылью и грязью. Прикосновение этой большой доброй руки немного успокоило Нума. Он закусил до крови губы и усилием воли подавил рыдания. Но отвращение к себе по-прежнему жгло его как огнем. Распухшие губы шептали:

— Я достоин смерти!

Абахо смотрел на мальчика с глубокой жалостью.

— Дитя! Смерть нельзя заслужить, ее можно только принять.

Сжимая в своих ладонях холодную руку Мудрого Старца, Нум страстно обвинял себя во лжи, непослушании и самомнении.

Абахо почти не слушал его. Острая боль в сломанном бедре

терзала раненого, он чувствовал, что вот-вот снова потеряет сознание. Но ни один стон, ни одна жалоба не сорвались с сухих, плотно сжатых губ. Когда Нум остановился, чтобы перевести дыхание, Абахо сказал еле слышно:

— Не будем больше говорить о том, что свершилось, сын мой!

Он закрыл глаза и замолчал, истощенный сделанным усилием. Глубокая, ничем не нарушаемая тишина сомкнулась вокруг них. Нум едва осмеливался дышать. Спустя несколько минут, показавшихся мальчику вечностью, Абахо вздохнул и, не открывая глаз, заговорил прерывисто, но внятно:

— Мадаи... Мадаи, быть может, погребены под землей, как мы... все до одного... Это землетрясение — самое сильное... самое страшное с тех пор... с тех пор как...

Он не смог окончить фразу и снова умолк, бессильно запрокинув назад седую голову. Нум огляделся вокруг, охваченный новым страхом. До сих пор он не представлял себе до конца весь ужас их положения. Груда камней наглухо закрывала вход в подземный коридор, выводивший на поверхность земли. Нечего было и думать о том, чтобы сдвинуть с места эти гранитные глыбы или проскользнуть в узкие промежутки между ними.

Нум отчетливо представил себе отца, мать, близнецов и маленькую Циллу, засыпанных обвалом, раздавленных каменными обломками в глубине их пещеры. И одновременно почти физически ощутил чудовищную массу земли, окружавшую его со всех сторон, давившую ему на плечи своей тяжестью. Он понял, что обречен умереть в этой пещере от голода и жажды вместе с раненым Абахо. Объятый паническим ужасом, Нум вскочил с места и кинулся, протянув руки вперед, к выходу. Одна лишь мысль владела им: найти лазейку, щель, просвет между камнями, сквозь которые он мог бы проскользнуть, проползти, протиснуться, чтобы выбраться наружу, в долину Красной реки, увидеть снова дневной свет и узнать, немедленно узнать, что с его близкими...

Но руки мальчика встречали всюду лишь холодный, твердый камень, плотный и непроницаемый. Он был замурован, погребен заживо в этих гранитных стенах.

Бессильно уронив руки, Нум застыл на месте, холодея от отчаяния.

И тогда позади вновь прозвучал тихий голос Абахо, звавший его к себе. Нум медленно обернулся. Приподнявшись на локте, Мудрый Старец манил его рукой и шептал:

— Нет, нет, не все потеряно, мой мальчик... у Священной Пещеры есть еще один выход...

Над долиной Красной реки занялся новый день, но пленники Священной Пещеры не знали об этом. Измученный пережитыми волнениями, Нум крепко спал на земляном полу рядом с Абахо. Невзирая на уговоры Мудрого Старца, мальчик ни за что не за-

хотел сразу же отправиться на разведку второго выхода из Священной Пещеры. Нет, нет, он сначала должен оказать помощь Учителю, перевязать его раны! Но операция оказалась сложной и отняла гораздо больше времени, чем они рассчитывали. Абахо вынужден был объяснять Нуму, что тот должен делать, и мучительно страдал из-за неловкости своего юного врача. Сильная боль несколько раз заставляла его терять сознание.

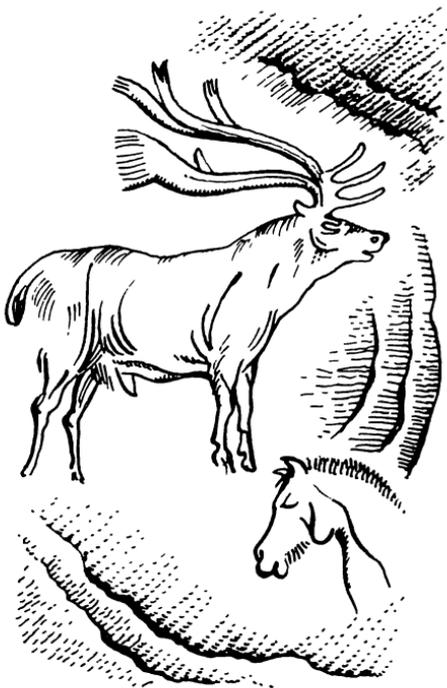
По указанию Абахо Нум разыскал в углу длинный тонкий шест, служивший Мудрому Старцу указкой, когда он обучал молодых охотников целиться в наиболее уязвимые на теле животных места. С трудом разломав шест на четыре части, мальчик оторвал несколько узких полос от края своей меховой одежды и кое-как привязал ими обломки шеста к сломанной ноге Абахо.

Получилось грубое подобие лубка, которым пришлось, к сожалению, довольствоваться.

По счастью, Абахо всегда носил на поясе кожаный мешочек с различными лекарственными травами и снадобьями. Достав из него несколько зерен растения, обладающего свойством успокаивать боль, Мудрый Старец пожевал их и скоро забылся чутким, тревожным сном. Нум зажег один из уцелевших светильников, погасил факел и примостился возле больного с намерением бодрствовать, охраняя его сон. Но усталость сморила мальчика, и скоро он крепко заснул.

В Священной Пещере царил глубокий мрак, едва рассеиваемый слабым светом единственного светильника. В его дрожащем, неверном мерцании нарисованные на стенах животные продолжали свой таинственный хоровод...

Абахо снова очнулся и, приподняв голову, огляделся вокруг. Губы его пересохли от внутреннего жара, он мучительно хотел пить. Сломанная нога болела невыносимо, словно пронзенная раскаленным копьём. Кусая губы, чтобы не застонать, Мудрый Старец посмотрел на спавшего рядом с ним подростка. На смуглых



щеках Нума виднелись следы слез, размазанных по лицу вместе с грязью и кровью. Посиневший и вспухший лоб был рассечен в нескольких местах кровавыми шрамами. А на губах блуждала счастливая улыбка: должно быть, ему снился хороший сон.

Тяжело вздохнув, Абахо отвел глаза от этого юного лица. Сам он готов был мужественно перенести долгую и жестокую агонию в подземном склепе, но при мысли о том, что такая же страшная участь уготована ребенку, едва начинающему жить, все существо его возмущалось. Надо было как можно скорее удостовериться, что второй выход из Священной Пещеры свободен.

С усилием приподнявшись на локте, Мудрый Старец отыскал на полу острый камень и принялся чертить им в пыли план запасного выхода. Закончив чертеж, он разбудил безмятежно спавшего мальчика.

Абахо не дал Нуму времени снова предаться отчаянию и панике. Твердым голосом он приказал ему зажечь факел и подойти к той части каменной стены, где четыре оленя переплывали реку, вытянув тонкие шеи. Повинуясь указаниям Мудрого Старца, Нум высоко поднял факел и увидел над головами оленей, под самым потолком, узкое устье подземного коридора, уходящего во тьму.



Толстая, сплетенная из кожаных ремней веревка, привязанная к выступу скалы, свисала до земли. Ухватившись за ее конец, можно было без труда добраться до входа в подземный коридор. Нум сообразил, что может подняться по веревке, держась за нее одной правой рукой, левая была занята факелом.

Приказав мальчику подойти к нему, Абахо заставил Нума тщательно изучить и запомнить план запасного выхода. Затем Нум стер сделанный Абахо чертеж и снова начертил его, чтобы крепче запечатлеть в памяти. После этого Главный Колдун и его ученик расстались не сказав друг другу ни слова на прощание, словно Нум отправлялся совсем недалеко, по какому-нибудь пустыковому поручению Мудрого Старца. Вскарабкавшись с помощью веревки наверх, мальчик обернулся и молча помахал раненому рукой.

Подземный коридор оказался прямым и узким; сухой каменный пол полого уходил вниз. Нум шел уже довольно долго, не встречая на своем пути ни трещин, ни каменных завалов, ни других следов землетрясения. С каждым шагом надежда на спасение росла и ширилась в его душе. Он миновал несколько боковых проходов, ответвлявшихся в сторону от главного коридора, и пересек два небольших круглых зала, стены которых были украшены странными изображениями. Вокруг неумело нарисованных человеческих фигур виднелись намалеванные черной и красной красками загадочные знаки: точки, волнистые черточки, квадраты, треугольники, окружности. Свет факела хватывал из тьмы эти таинственные рисунки, среди которых изредка попадался одинокий силуэт бизона или оленя, выполненный с необычайным мастерством и выразительностью.

Во втором зале Нум увидел человеческие маски, украшенные птичьими перьями и разноцветной бахромой. Маски были надеты на грубо отесанные деревянные чурбаны, имевшие отдаленное сходство с человеческими фигурами. Блестящие глаза масок смотрели на Нума в упор, толстые губы уродливо гримасничали, тени плясали на каменных стенах, словно живые...

В глубине зала зоркие глаза Нума заметили вырезанных из дерева птиц с человеческими лицами и людей с птичьими головами, а в самом дальнем углу — большого глиняного идола с опущенными веками и загадочной улыбкой на тонких, крепко сжатых губах.

Но Нум ни разу не остановился, чтобы полюбоваться творениями безвестных древних художников. Значение многих предметов и рисунков было ему непонятно, но суровая красота их поражала воображение. Нум подумал, что когда-нибудь позже он вернется сюда и рассмотрит подробно все собранные здесь чудеса.

Не задерживаясь, мальчик скорым шагом шел вперед, по-прежнему не встречая нигде признаков вчерашнего землетрясения. Подземный коридор постепенно сужался; потолок его опустился и скоро стал таким низким, что Нуму пришлось продвигаться пол-

зком, прикрывая ладонью колеблющееся пламя факела. Едкий дым щипал глаза. Над собой и под собой, слева и справа, впереди и сзади он ощущал страшную давящую тяжесть земных пластов, сжимавших его со всех сторон. С ужасом подумал он о том, что случится, если новый подземный толчок застанет его здесь, в этой каменной трубе, стенкам которой достаточно чуть сдвинуться, чтобы раздавить его как букашку.

Узкий лаз неожиданно вывел Нума в довольно обширный подземный зал, и вдруг в гробовом молчании, окружавшем его, мальчик отчетливо услышал слабое журчание.

Тоненькая струйка воды падала с потолка в круглый бассейн с гладкими, ослепительно белыми известковыми стенками. Прозрачные сталактиты, свисающие со свода, отражались колеблющимися очертаниями в его зеркальной поверхности.

Нум едва не бросил на землю свой факел. Наспех воткнув его в рыхлую, влажную почву, он опустился на колени, припал губами к живительной влаге ипил долго, большими глотками, пока не утолил сжигавшую его внутренности жажду. Он обмыл прохладной водой свой пылающий, воспаленный лоб, смыл с лица и рук присохшую грязь, пот и кровь.

Нум чувствовал, как жизнь снова возвращается к нему. Пить он больше не стал, зная по опыту, что это может оказаться для него губительным. Его удивляло, что Абахо, так же, как и он сам, невыносимо страдавший от жажды, ни словом не обмолвился о существовании этого крошечного подземного водоема. Но, подумав немного, мальчик понял причину молчания Мудрого Старца. Абахо не хотел, чтобы Нум возвратился к нему, не дойдя до цели, и отпустил мальчика, не дав ему с собой сосуда для воды.

Нум покраснел от стыда. Теперь он горько сожалел, что задержался так долго около бассейна, в прозрачной воде которого дробился золотыми бликами свет его факела. Проворно выжав воду из длинных волос, он откинул их назад, поднялся с колен и решительным шагом двинулся дальше, прислушиваясь к постепенно слабеющей музыке водяных капель, стекающих в белоснежный подземный водоем, вековой покой которого он на мгновение потревожил.

Глава 8

ВО МРАКЕ ПОДЗЕМЬЯ

Нум приближался к выходу из подземного лабиринта. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что выход этот находится в его собственной пещере, в глубине маленькой кладовки, где под потолком зияла черная отдушина, внушавшая ему такой страх в далеком детстве.

Завидев впереди слабо брезживший свет, Нум ускорил шаг и через несколько минут добрался до выхода. Воткнув факел в рас-

щелину стены, он спрыгнул вниз, выскочил из кладовки и очутился в отцовской пещере.

Сумрачный свет зимнего дня, проникая через наружный выход, слабо освещал просторное жилище вождя племени. В центре его сиротливо серела кучка холодной золы, свидетельствуя о том, что огонь в очаге уже давно угас. На земляном полу были в беспорядке разбросаны домашняя утварь, одежда, глиняная посуда и оружие. Многих знакомых Нуму с детства предметов не хватало. Количество мехов значительно уменьшилось, наполовину исчезли запасы вяленого мяса и рыбы, висевшие на перекладинах вдоль стен и под потолком. Несколько сухих рыбин валялось на полу, словно кто-то в неистовой спешке срывал их с тонких жердей, на которые они были нанизаны.

Пещера была пуста.

Сдавленным голосом Нум позвал:

— Мама! Тхор! Ури!

Никто не ответил ему. Нум кинулся к частоколу, защищавшему вход в пещеру. Частокол был цел, но лесенка с помощью которой перелезали через него, исчезла. Подняв глаза, Нум увидел над собой кусок серого зимнего неба с низкими отягощенными снегом тучами.

Шемящая тревога охватила мальчика. Он с трудом вскарабкался на частокол и обнаружил лестницу, брошенную на земле по ту сторону ограды.

Долина Красной реки казалась вымершей. Ни звука, ни движения, ни дымка костров. Внезапно Нум понял почему. Часть скалистого берега обвалилась и рухнула в реку вместе с несколькими пещерами, в том числе и с той, что служила жилищем Абахо и его внучке. Обломки скал, поросшие колючим кустарником и молодыми дубками, загромаждали речное ложе и замедляли бурное течение воды, которая с ревом бросалась на это новое препятствие, образуя вокруг него пенистые буруны, воронки и водовороты.

Приложив руки рупором ко рту, Нум издал протяжный призывный крик. Только эхо ответило ему. Теряя от страха голову, он спрыгнул с верхушки частокола, едва не повредив при этом снова больную ногу, и сбежал с обрыва вниз, к самой воде. Прибрежный песок был испещрен бесчисленными следами ног, словно люди беспорядочно метались по кромке берега, топтались на месте, шарахались в стороны. Чуть подальше, вниз по течению, следы становились более четкими, выстраивались рядами и длинной цепочкой вели к югу, следуя за всеми излучинами берега. Пятки беглецов вязали во влажной глине и песке, оставляя в них глубокие ямки.

Нум легко разобрался в следах, оставленных его соплеменниками. Он понял, что Мадаи, напуганные землетрясением, сначала поддались панике, бегая во всех направлениях по берегу и разыскивая своих близких. Затем они бросились в уце-

левшие после обвала жилища, схватили второпях продовольствие, оружие, одежду — все, что были в силах унести, — и, нагрузившись тяжелой поклажей, поспешно удалились в южном направлении.

Нум всей душой хотел верить, что его семья избежала гибели во время катастрофы. В момент землетрясения они, вероятно, находились в пещере вождя за ужином, — если только кто-нибудь не отправился в гости к соседям, как это часто случалось. Нум попытался обнаружить среди других следов отпечатки ног своих родителей и братьев, узкие следы маленьких ножек Циллы. Но берег был так истоптан, что разобраться в этом хаосе не сумел бы даже самый опытный следопыт. Поняв тщетность своих усилий, мальчик оторвал глаза от земли и посмотрел на небо, где ветер гнал с севера тяжелые свинцовые тучи.

Нум был один, он был здоров и свободен. Он мог немедленно броситься вдогонку за Мадаями; по их следам, которые, несомненно, приведут его туда, где племя нашло пристанище. Крепко стиснув кулаки и закрыв глаза, мальчик старался побороть охватившее его искушение. Но под горящими от волнения веками отчетливо маячили свежие следы людей на влажной глине и растоптанных травах.

Да, у Нума еще было время последовать за Мадаями. Никто не принуждал его вернуться, никто не заставлял проделывать долгий и опасный путь до Священной Пещеры. Бегом, не задерживаясь нигде, он мог нагнать своих охваченных паникой соплеменников уже к рассвету следующего дня. Мадаи были нагружены поклажей, обременены детьми и, возможно, ранеными. Они не могли уйти далеко.

Стараясь не думать о беспомощном раненом старике, неподвижно распростертом на полу во мраке и одиночестве Священной Пещеры, Нум двинулся вдоль берега по следам родного племени. Небо потемнело еще сильнее. Редкие снежинки закружились в воздухе; одна из них опустилась на пылающий лоб мальчика. Еще немного — и белая пелена укроет землю, скрыв под собой все следы Мадаев. И тогда в течение долгих зимних месяцев, до самой весны, дорога их бегства будет также неразличима, как путь птицы, пролетевшей над ним высоко в небе. Пройдет день, минует ночь, и Нум на всю зиму останется здесь наедине с тяжело раненым Абахо, а быть может, и совсем один, если Мудрый Старец умрет от ран...

Дважды Нум пускался в путь вдоль берега реки, вдогонку за убежавшими Мадаями. И дважды останавливался. Снег валил все сильнее; крупные хлопья, кружась, тихо ложились на землю, заполняя все неровности, все углубления почвы и постепенно скрывая под своим холодным покровом отпечатки человеческих ног на прибрежной отмели...

Еще несколько минут Нум отчаянно боролся с собой. Потом глубоко вздохнул и, закусив губы, чтобы не расплакаться, повер-

нулся спиной к берегу и, прихрамывая, побрел обратно к частоколу.

Возвратившись в Священную Пещеру, Нум обнаружил, что Абахо жив, но по-прежнему очень слаб. Руки старика были холодны как лед, лоб горел огнем. Нум осторожно приподнял с земли голову раненого и дал ему ^{И КИ!}напиться. Сделав несколько глотков, Мудрый Старец открыл глаза, взглянул на мальчика и пробормотал:

— Значит, ты вернулся?

Нум молча кивнул головой. Говорить он не мог. Горло его словно стиснула невидимая жестокая рука. Он слишком много пережил, слишком много выстрадал за последние несколько часов. Силы его были на исходе.

Абахо догадался о том, что происходило в душе мальчика, и не стал спрашивать его ни о чем. Крепко сжатые губы и отчужденный взгляд больших черных глаз красноречиво свидетельствовали о том, что Нум перенес суровое испытание, истощившее его душевные и физические силы.

Но внешне Нум выглядел очень спокойным. Он поставил на пол плетеную корзину, которую принес на спине, и достал из нее разные припасы: кусок вяленого бизоньего мяса, соты с медом диких пчел и несколько яблок, которые они с Циллой собрали накануне в ближней рощице. Неужели это было только вчера?

Нуму казалось, что целая вечность отделяла его от этой минуты.

Абахо съел яблоко, затем отломил кусочек пчелиных сот и высосал из него мед. Пока раненый подкреплял свои силы, Нум, повернувшись к нему спиной, бросил украдкой взгляд на большого быка. Прекрасные темные глаза животного смотрели теперь на него с глубокой нежностью. Судорога, сжимавшая горло мальчика, вдруг ослабела, и Нум, подойдя к раненому, опустился рядом с ним на пол. Ровным голосом он начал рассказывать.

Абахо слушал не прерывая, не задавая никаких вопросов. Он знал, что Нум заметил все, что нужно, до мельчайших деталей.

Услышав, что в долине Красной реки начался снегопад, Мудрый Старец пробормотал чуть слышно:

— Следы должны быть еще заметны. Ты мог бы нагнать племя.

Нум опустил голову и ничего не ответил. Губы его были плотно сомкнуты, но подбородок еле заметно дрожал. Абахо с усилием положил руку на плечо мальчика и повторил:

— Ты еще успеешь догнать их. Иди, сын мой, иди!..

Резким движением Нум сбросил с плеча худую старческую руку, вскочил на ноги и подошел к стене, где был изображен большой бык. Трещина, образовавшаяся после землетрясения, раздирала могучую грудь быка, словно кровавая рана. Нум дотронулся до нее кончиками пальцев, погладил холодный камень. Рука его скользнула вдоль очертания стройных ног, задержалась на то-

ченных копытах. Огромное спокойствие вдруг сошло в его истрадавшуюся, истерзанную суровым испытанием душу.

Печально, но уже без горечи подумал он о родителях и братьях, которых, быть может, никогда больше не увидит, о милой девочке, которую так любил... И когда ощутил наконец, что гулкие удары сердца стихли и предательская дрожь в голосе не выдаст обуревавших его чувств, он повернулся лицом к раненому и улыбнулся ему своей обычной светлой улыбкой.

— Мы дорисуем большого быка вместе, Учитель! — сказал он просто.

Начиная с этого дня, жизнь Нума проходила то в Священной Пещере, то в жилище вождя Мадаев.

Снаружи снег валил с утра до вечера без передышки и зимний ветер носился с воем и свистом над безлюдной долиной Красной реки. День можно было отличить от ночи только по более яркому сверканию снега за частоколом.

В Священной Пещере было относительно тепло. Ночью Нум спал рядом с учителем, завернувшись в меховое одеяло, днем отправлялся в отцовскую пещеру. Там он пек в золе очага каштаны или натерев их на терке, лепил из густого, вязкого теста толстые лепешки. Иногда он растапливал немного снега в кожаном бурдюке, подвешенном на трех колышках близ очага, клал туда кусок вяленого мяса и бросал в воду раскаленные в пламени костра камни. Скоро вода в бурдюке закипала и мясо потихоньку варилось, делаясь все мягче. Абахо очень одобрял такие супы, утверждая, что они возвращают ему силы.

Занятый с утра до вечера хозяйственными хлопотами, Нум проводил долгие часы в одиночестве. В голове его роилось множество мыслей и предположений. В конце концов он уверил себя, что все члены его семьи живы и Куш, быть может, придет в долину Красной реки двух-трех разведчиков еще до наступления больших холодов.

Но дни сменяли друг друга однообразной чередой, и никто не являлся к затворникам. Зима меж тем вступила в свои права, и морозы усилились настолько, что Нум боялся высунуть нос наружу, чтобы осмотреть окрестности с высоты частокола. Обломки скал, упавшие в реку во время землетрясения, покрылись толстым слоем льда, высокие сугробы снега на берегу ослепительно блестели в холодных лучах негреющего солнца.

Нум дрожал от стужи в просторной отцовской пещере, с тоской вспоминая прошлые зимы, когда в жилище вождя день и ночь пылал громадный костер, вокруг которого сидели, работали и спали его родные, а остальные Мадаи то и дело приходили в пещеру повидать Куша и потолковать с ним о разных делах. Они усаживались поближе к огню в своей пышной, заиндеветшей от мороза меховой одежде, от которой скоро начинал валить густой пар, и

вели с вождем неторопливые, прерываемые долгими паузами беседы.

Нум приходилось экономить топливо. Он не решался отправиться в такую метель на другой берег реки, в Большой лес, чтобы пополнить запасы дров и хвороста. Пищу ему тоже надо было расходовать бережно; ее оставалось не так уж много. Оленьи туши и связки вяленой рыбы Нум повесил снаружи у входа в пещеру, где они промерзли так основательно, что их приходилось рубить топором. Пополнить запасы пищи можно было только ставя силки на зайцев и белых куропаток, или прорубив лунку во льду реки, попытаться поймать хоть парочку форелей. Но для этого надо было выбираться наружу, а Мудрый Старец запретил выходить мальчику за пределы частокола.

— Зима в этом году суровая, — говорил Абахо, — и волки озверели от голода. Они знают, что Мадаи покинули эти места и, конечно, бродят возле пещер, надеясь поживиться чем-нибудь съестным. Увидев, что ты один, они не задумываясь накинутся на тебя и разорвут в клочья. А если погибнешь ты, погибну и я.

Нум действительно часто слышал вой волков, охотившихся на опушке Большого леса, на другом берегу реки. Временами два или три самых смелых хищника перебирались по льду через реку, подходили к частоколу и принюхивались, стараясь заглянуть внутрь сквозь просветы между толстыми колыями. И хотя Нум был уверен, что ограда непреступна и опасность не грозит ему, он не в силах был унять охватившую его невольную дрожь и старался ничем не обнаружить себя до тех пор, пока волки не уйдут.

Вечерами в теплом полумраке Священной Пещеры узники вспоминали тех, кого они так любили. Вечная ночь подземелья окружала их, давила на плечи своей тяжестью — и все же они строили на будущее самые радужные планы.

— Как только наступит весна, — уверял Абахо, — Мадаи непременно вернутся! Твоя мать не узнает тебя, мой мальчик, — добавлял, ласково улыбаясь, Мудрый Старец. — Ты так вырос за это время, так повзрослел. И — подойди-ка ко мне поближе! — ну конечно, вот и первый пушок на твоих щеках!

Нум краснел до самых ушей. Проходя по подземному залу с маленьким бассейном, он наклонялся над круглой водяной чашей, как над зеркалом, пытаясь проверить слова Абахо. Да, верно, над верхней губой что-то темнело, и щеки на ощупь не были больше такими гладкими, как раньше... Он то и дело трогал бессознательным жестом верхнюю губу, словно приглаживая воображаемые усы. Абахо, добродушно посмеиваясь, следил за его движениями.

Окрепнув, Мудрый Старец начал по вечерам заниматься со своим юным учеником, постепенно передавая ему Знание, которым владел сам. Речь шла не только о рисовании и живописи, но и о многих других вещах, о которых Нум не имел до сих пор ни малейшего представления. Абахо рассказывал ему о движении небесных светил, о смене времен года, о безбрежности океана, который Мудрому Старцу

довелось увидеть однажды, в дни молодости. Он описывал также симптомы различных болезней, нападавших временами на племя и косивших людей, как тростник; говорил о лекарственных травах и других снадобьях, которые следовало употреблять в тех или иных случаях недомогания или при лечении ран.

Нум был внимательным и прилежным учеником. Природа ода-рила его быстрым умом, цепкой памятью. Он выслушивал объяснения Абахо, а когда Учитель замолкал, повторял слово в слово все, что тот только что рассказал ему. Отвечая урок, мальчик мерно покачивался взад и вперед в такт произносимым словам, сохраняя в своей речи даже интонации Мудрого Старца.

Все интересовало Нума. Его жажда знаний была так велика, что он мог часами забывать о пище и сне, если бы Абахо не умерял его усердия. Но больше всего Нум любил чудесные истории, которые Учитель рассказывал ему в конце урока, желая вознаградить мальчика за прилежание и старательность.

Во время этих рассказов голос Абахо звучал в полумраке Священной Пещеры загадочно и таинственно. Изображенные на стенах животные, казалось, замирали в своем вечном движении, чутко прислушиваясь к словам Мудрого Старца. Речь большей частью шла об их далеких предках.

— В начале времен, — ровным голосом говорил Абахо, устремив глаза в пространство поверх головы Нума, — люди и звери жили в мире и согласии...

Нум слушал как зачарованный. До сих пор ему и в голову не приходила мысль, что другие племена населяли когда-то эти места до появления Мадаев, жили в тех же пещерах, охотились в долине Красной реки. Представление мальчика о прошлом не простиралось далее существования отца его отца, которого он лишь смутно помнил.

Рассказы Абахо раскрывали перед пламенным воображением Нума широкие горизонты. Под цветными картинками на стенах, выполненными им самим, Мудрый Старец показывал ученику следы других изображений, менее искусных и совершенных. А под ними — еще более примитивные рисунки, такие неумелые, что подчас можно было лишь с трудом догадаться, изображен ли здесь пещерный медведь, кабан или мамонт.

— Эти рисунки сделаны людьми, которые населяли наши пещеры в незапамятные времена, — объяснял Абахо. — А до этих людей здесь жили другие, которые не умели еще рисовать на камне или вырезать изображения на дереве и кости. Но они уже пользовались огнем, как мы, обтачивали кремни и хоронили своих мертвецов лицом, всегда обращенным в сторону восхода.

Абахо доставал из каменной ниши массивный череп с мощной, выдающейся вперед нижней челюстью и выпуклыми надбровными дугами, и рассказывал, что нашел этот череп в земле, как раз под тем местом, где они сейчас сидят. Нум испуганно косился на земляной пол, и ему казалось, что он видит сквозь его толщу черепа и кости этих первых обитателей Священной Пещеры.



Он засыпал Мудрого Старца вопросами. Откуда Учителю все это известно? Он догадался обо всем сам или кто-нибудь открыл ему Знание?

— В молодости я был, как и ты, учеником одного Мудреца из нашего племени, — отвечал Абахо. — Он научил меня всему, что узнал сам, будучи юным, от другого Мудреца, а тот — от предыдущего, — и так один передавал Знание другому с самого начала времен. Знание всегда передается ученикам в глубокой тайне. К сожалению, мы потеряли многое из того, что знали наши предки, и теперь нам надо снова учиться и снова искать, искать не переставая, снова постигнуть утраченные Тайны Природы и Мироздания.

Нум считал, что в этом вопросе Абахо неправ: знания Учителя казались мальчику исчерпывающими и всеобъемлющими.

Абахо только улыбался, покачивая головой, в ответ на пылкие уверения своего ученика.

— Ты не всегда будешь думать так, сын мой! Придет день, когда ты сам откроешь еще одну или две новые Тайны, разгадаешь еще одну загадку природы. И, в свою очередь, передашь приобретенное Знание своим преемникам. А вслед за вами придут новые Мудрецы и будут искать ответа на новые вопро-

сы и загадки. И так без конца — до тех пор, пока будут жить на земле люди, потому что для Знания нет предела и завершения...

Но Нум плохо представлял себе это слишком отдаленное будущее. Он морщил лоб, хмурил брови и рассеянно чертил пальцем в густой пыли неясные знаки. Тогда, чтобы развлечь мальчика, Абахо принимался учить его охотничьим и боевым песням племени Мадаев или с редким совершенством подражал голосам различных птиц и животных. Стены Священной Пещеры оглашались рычанием хищников, ржанием лошадей, птичьим свистом, пением и криканьем. Нум веселился от души, слушая эти импровизированные концерты, и молодой смех его будил звонкое эхо в отдаленных подземных гротах и коридорах.

Так проходила, день за днем, долгая суровая зима.

Глава 9

ВОЛЧОНОК

Как-то днем, сидя у очага в отцовской пещере, Нум услышал снаружи отрывистые, глухие удары и понял, что это трещит и лопается лед, сковывавший толстым панцирем буйные воды Красной реки. Морозы еще держались, вьюги и метели по-прежнему свистели и выли, проносясь над безмолвной долиной, но в воздухе уже ясно ощущалось нечто, возвещавшее близкий приход весны.

Нум чувствовал, как с каждым днем силы его прибывают. Он заметно раздался в плечах; на руках вздувались тугие бугры мышц. Поврежденная лодыжка больше не мучила его; он почти перестал хромать. Временами его охватывало неудержимое желание прыгать и бегать, чтобы как-то израсходовать переполнявшую его энергию. Он по десять раз на дню взбирался на частокол и подолгу озирали с его высоты пустынную, укрытую толстым ковром снега, безмолвную долину Красной реки.

Нум твердо верил, что при первых же признаках наступления весенних дней Мадаи вернутся в родные пещеры. Он старался представить себе удивление и радость своих соплеменников, когда они увидят его целым и невредимым, и узнают, что их Мудрый Старец, которого они, без сомнения, оплакивают как погибшего, жив.

Воображая себе эту встречу, Нум громко смеялся от радости.

Однажды мальчику пришлось на ум сделать себе новую меховую одежду: старая становилась узка в плечах и коротка. Нум не был искусным портным; честно говоря, ему до этого дня ни разу не приходилось брать в руки костяную иглу, — работа эта считалась у Мадаев сугубо женской. Он трудился в поте лица над плотной и неподатливой оленьей шкурой, прокалывая ее толстой иглой и протаскивая затем сквозь отверстие нитку из сухой бизоньей жилы.

Снаружи, за частоколом, бушевала пурга. Северный ветер, свирепо завывая, гнал над землей мириады колючих снежинок.

Вдруг сквозь вой метели до слуха Нума донесся какой-то новый звук. Мальчик поднял голову и прислушался. Чьи-то заунывно-зловещие голоса то примешивались к непрекращающемуся свисту ветра, то сливались с ним в одну монотонную жалобу.

Стая волков охотилась на опушке Большого леса.

Нум отложил в сторону свое рукоделье и проворно вскарабкался на частокол. Волки были так близко, что он без труда различал их. Хищники бежали рысью по нетронутому снегу. Нум не мог разглядеть, какую добычу они преследуют. Наверное, стая выследила зайца или одного из тех маленьких, похожих на лисичек зверьков, чей белый мех сливается с белизной окружающей местности, делая их почти невидимыми.

Потеряв интерес к происходящему, Нум вернулся в пещеру, уселся поближе к очагу и принялся за прерванную работу.

Между тем голоса хищников становились все явственнее. Никогда еще волки не отваживались подходить так близко к покинутым жилищам Мадаев. Обычно они появлялись только в одиночку или парами, крадучись приближались к пещерам под прикрытием прибрежных валунов и высоких сугробов, обнюхивали частокол с наружной стороны и, помедлив немного, уходили обратно, поджав хвост и прижимаясь брюхом к земле.

Но сегодня хищники, казалось, решили брать пещеру приступом.

Нум снова занял свой наблюдательный пост на гребне частокола, осторожно выглядывая наружу из-за верхушек дубовых кольев.

Нет, волки не преследовали на этот раз никакой добычи. Они бежали прямо к скалистой гряде. Должно быть, голод сильно мучил их, раз звери, забыв о своей привычной осторожности, выбрались из-под защиты деревьев на открытое место, не имея перед собой вспугнутой дичи.

Нум взглянул на три небольшие олени туши и связку вяленой рыбы, висевшие на шестах у входа в пещеру. Что, если безумевшим от голода хищникам удастся перескочить через высокую ограду, уничтожить эти скудные припасы и тем обречь Абахо и Нума на голодную смерть?

Испуганный этой мыслью, Мальчик снял мясо и рыбу с шеста и перетащил в маленькую кладовку в глубине отцовского жилища. Если положение станет угрожающим, он успеет унести запасы в Священную Пещеру. Затем Нум снова вскарабкался на частокол и, прикрывая лицо от режущего ветра, бросил быстрый взгляд наружу.

Волки с той же скоростью бежали к реке, от которой их теперь отделяло расстояние, равное полету стрелы. Впереди скакал большой волк с седой шкурой, изорванными ушами и облезлым хвостом — матерый зверь, когда-то, по-видимому, обладавший огромной силой. Рядом с ним, стараясь не отставать от старика, бежал совсем небольшой волчонок, прижимавшийся на ходу к тощему боку седого волка. Остальные хищники следовали за ними,

выстроившись полукругом, концы которого постепенно вытягивались и смыкались вокруг бегущих впереди.

Нум мгновенно догадался, что происходит. Абахо как-то рассказывал ему, что, когда вожак волчьей стаи становится стар и слаб, стая при отсутствии другой добычи обрекает его на съедение. Судя по всему, именно такая участь ожидала огромного седого волка, бежавшего впереди обезумевшей от голода своры хищников. Теперь уже не он вел за собой эту свору по охотничьей тропе, но сам превратился в добычу изголодавшейся стаи.

Преследователи гнали старого вожака прямо к обледеневшему берегу Красной реки. Стоило ему немного уклониться влево или вправо, как злоеший полукруг сразу же стягивался вокруг него петлей. Время от времени вожак оборачивался, чтобы убедиться, что волчонок по-прежнему следует за ним, а иногда, невзирая на возрастающую с каждой минутой опасность, слегка замедлял свой бег, чтобы малыш мог догнать его.

На что он надеялся? Хотел ли пересечь замерзшую реку, проникнуть в жилище людей и там, прислонившись спиной к стене, до последней капли крови защищать свою жизнь и жизнь маленького существа, доверчиво бежавшего рядом с ним на своих слабых лапках? Или он думал проскользнуть в какой-нибудь узкий лаз и спастись от преследователей в недрах подземного лабиринта?

Никто не знал, что на уме у беглеца. Но он бежал прямо к частоколу, за которым притаился Нум, бежал из последних сил!

Волк уже пересек реку, достиг обрывистого скалистого берега и начал взбираться по нему вверх, как вдруг, обернувшись на ходу, чтобы удостовериться, что волчонок не отстал, споткнулся об острый выступ и скатился обратно на речной лед. В то же мгновение волки, рыча и отталкивая друг друга, кинулись к нему. Но, прежде чем первый нападающий успел наброситься на свою добычу, старый вожак вскочил на ноги, обернулся и встретил врагов лицом к лицу.

Грозно оскалив огромные желтоватые клыки, все еще внушавшие стае почтительный страх, седой волк стоял во весь свой могучий рост перед преследователями, которые окружали его со всех сторон почти правильным кольцом, но не решались напасть. Медленно, но неуклонно хищники сжимали кольцо, подползая к добыче по снегу так незаметно и неощутимо, что казалось, они недвижно застыли на месте. Один из них, почти такой же огромный, как старый волк, был, по-видимому, новым вожаком стаи. Как только молодой вожак делал движение лапой, остальные тотчас же следовали его примеру. Это он подал сигнал к атаке.

Молниеносным прыжком молодой вожак ринулся на волчонка и рванул его зубами за плечо. Волчонок отчаянно взвизгнул и спрятался под брюхом старого волка.

И тотчас же, словно по команде, волки, щелкая зубами, бросились в бой.

С этой минуты Нум видел только рычащий клубок ошестинившихся серых тел, катавшихся по льду Красной реки. Перед гла-



зами его мелькали головы, хвосты и лапы, клочья вырванной шерсти, разинутые пасти с окровавленными зубами.

Сквозь вой и рычание сцепившихся в смертельной схватке зверей до ушей Нума временами доносился пронзительный, раздирающий душу визг маленького болчка.

Нум хорошо знал, что значит быть слабым и неспособным к защите. Он ясно представлял себе ужас несчастного малыша, отбивающегося в безнадежной борьбе от огромных, во много раз превосходящих его силой зверей. Острая жалость к волчонку пронзила сердце мальчика.

Не отдавая себе ясного отчета в своих действиях, Нум бросился в пещеру, схватил смолистый факел, зажег его в пламени костра, снова взобрался на частокол и, потрясая факелом, испустил боевой Крич Мадаев.

Поглощенные яростной борьбой, волки не сразу расслышали голос мальчика. Старый и новый вожак, схватив друг друга за горло, катались по льду. Седой волк дрался с мужеством отчаяния, но было очевидно, что победителем из этой схватки ему не выйти. Мощные клыки его противника впились мертвой хваткой в горло старика и сжимали его сильнее и сильнее. Вдруг глаза седого волка закрылись, голова упала на плечо... Все было кончено.

Остальные хищники, обезумевшие от борьбы, запаха крови и голода, яростно рычали.

Нум снова испустил боевой крич и, размахнувшись, швырнул свой факел в середину свалки, которая шла теперь у самого берега, напротив частокола. Факел просвистел в воздухе и угодил прямо в центр живого клубка, опалив шерсть двум или трем хищникам. Перепуганные волки кинулись прочь, поджав хвосты и жалобно воя от страха.

Нум тем временем зажег два новых факела и появился на гребне частокола, размахивая пылающими ветками и крича что было сил. Паника овладела хищниками. Они были уверены, что пещеры пусты, что в них никого нет, — но вот перед ними человек, их исконный враг, и в руках его самое грозное, самое страшное оружие — огонь!

Нум метнул второй факел. Он пролетел над головами волков и упал в сугроб, рассыпая вокруг тучи огненных искр. Волки шаркнулись в стороны, опасаясь новых, мучительных укусов пламени, — и Нум увидел седого волка, распростертого на снегу. Он лежал в луже крови, не шевелясь, а рядом с ним вытянулся волчонок, лапы которого временами слабо вздрагивали.

Нум высоко поднял над головой третий факел. Ветер раздувал красноватое пламя, искры летели вихрем. Напрягая голос, мальчик снова закричал, осыпая волков угрозами и бранью. Хищники смотрели на него ошеломленные, моргая глазами, прижав уши к голове и опасливо поджимая хвосты.

Вращая факел над головой, Нум сделал движение, словно собирался бросить его в сторону стаи. Но волки, не дожидаясь, пока

огонь настигнет их, кинулись врассыпную. Прижимаясь брюхом к синеватому льду, они пересекли реку и открытое пространство противоположного берега — черные на белом снегу — и скрылись за деревьями Большого леса. Оттуда с опушки, они, вероятно, будут следить за тем, что произойдет на льду реки, но вряд ли отважатся вернуться к месту кровавого побоища до наступления темноты.

Нум был опьянен своей победой.

Недолго думая он перекинул лестницу через частокол и спустился по ней на берег. Абахо категорически запретил ему выходить за пределы частокола. Но разве Нум не обратил только что в бегство целый десяток хищников?

Громко смеясь и крича от радости, мальчик двинулся к реке, шагая прямо по обледенелому снегу, звонко скрипевшему под его ногами.

Ах, какое это было наслаждение — очутиться наконец на свободе, под необъятным куполом зимнего неба, после стольких дней вынужденного затворничества в темноте подземелья!

Спускаясь по крутому откосу, Нум поскользнулся и, чтобы не скатиться вниз, ухватился за выступ льда. Жестокий холод обжег его пальцы. Он сам не понимал, что так неудержимо влечет его к месту кровавой схватки. Быть может, ему просто захотелось рассмотреть поближе простертого на снегу старого волка?

Ветер налетал яростными порывами и, казалось, задался целью сбить мальчика с ног. Нум шел согнувшись, отворачивая лицо, и чувствовал, как тысячи острых ледяных крупинок впиваются, словно иголки, в его щеки и лоб. Глаза то и дело застилало слезами. В одной руке он держал факел, который предусмотрительно захватил с собой, другой придерживал на груди меховую одежду.

Осторожно приблизившись к месту боя, Нум убедился, что опасаться ему нечего. Старый вожак был мертв. Темная кровь еще сочилась из его бесчисленных ран, но тут же застывала на морозе.

Нум подумал, что следовало бы оттащить мертвого волка к пещере и снять с него шкуру. Это был бы его первый охотничий трофей! Он подарит шкуру Цилле — то-то она обрадуется! Но — увы! — шкура старого волка была вся изорвана, мех висел клочьями. Нет, такой трофеей стоит немногого!

Нум наклонился, чтобы пощупать мех свободной рукой. И в ту же минуту волчонок, неподвижно распластавшийся на льду рядом со старым волком — Нум считал его также мертвым! — внезапно поднял голову и вцепился острыми зубами в онемевшие от холода пальцы мальчика. Туловище и задние лапы волчонка были придавлены телом вожака, свободны были только передние лапы и голова.

Нум вскрикнул от неожиданности и сделал шаг назад. Средний палец его слегка кровоточил, но особой боли он не испытывал. Волчонок злобно глядел на мальчика, оскалив маленькие белые клыки, и глухо рычал. Он был перепуган до смерти и очень несчастен.

Нум глядел на звереныша чуть усмехаясь. Впрочем, долго рассматривать малыша не приходилось. Холод сковывал все тело мальчика, руки и ноги застыли так, что Нум их совсем не чувствовал. Он представил себе, какая страшная участь ожидает волчонка, если оставить его здесь и уйти. Повинуясь внезапному порыву, Нум схватил зверька за шиворот, вытащил из-под труп старожоака и, не обращая внимания на его визг и отчаянные попытки вырваться, понес к берегу.



Перелезть через частокол с извивающимся волчонком в одной руке и факелом в другой было нелегким делом. Когда запыхавшийся Нум очутился наконец внутри пещеры, он был совершенно измучен и вдобавок продрог до самых костей. Он опрометью

кинулся к костру, волоча за собой маленького пленника. Отогревшись немного у огня, Нум обнаружил, что волчонок, ухватившись крепкими маленькими зубами за край его одежды, изо всех сил старается оторвать от нее клочок меха. Челюсти зверька были стиснуты, глаза воинственно сверкали, из горла вырывалось глухое рычание. Он был живым воплощением бессильной ярости.

Нум весело рассмеялся. Несмотря на свой грозный вид, волчонок был ужасно смешон. Нум обхватил ладонями шею зверька и слегка сжал ее. Волчонок сразу потерял дыхание, челюсти его разжались, рычание перешло в жалобный хрип.

Придерживая звереныша одной рукой, Нум снял со стены пещеры длинный ремень сыромятной кожи, сделал на одном конце его петлю и надел на шею волчонка. Другой конец ремня он привязал к колышку, вбитому в земляной пол. Затем отпустил волчонка и снова уселся на свое место у очага.

Почувствовав себя свободным, волчонок со всех ног кинулся к выходу. Но ремень натянулся, и петля едва не задушила его. Он упал на землю всеми четырьмя лапками вверх, вскочил, снова рванулся прочь, упал снова. Борьба была яростной, но бесполезной: ремень прочно держал малыша на привязи.

Сидя на корточках у костра, Нум с любопытством рассмат-

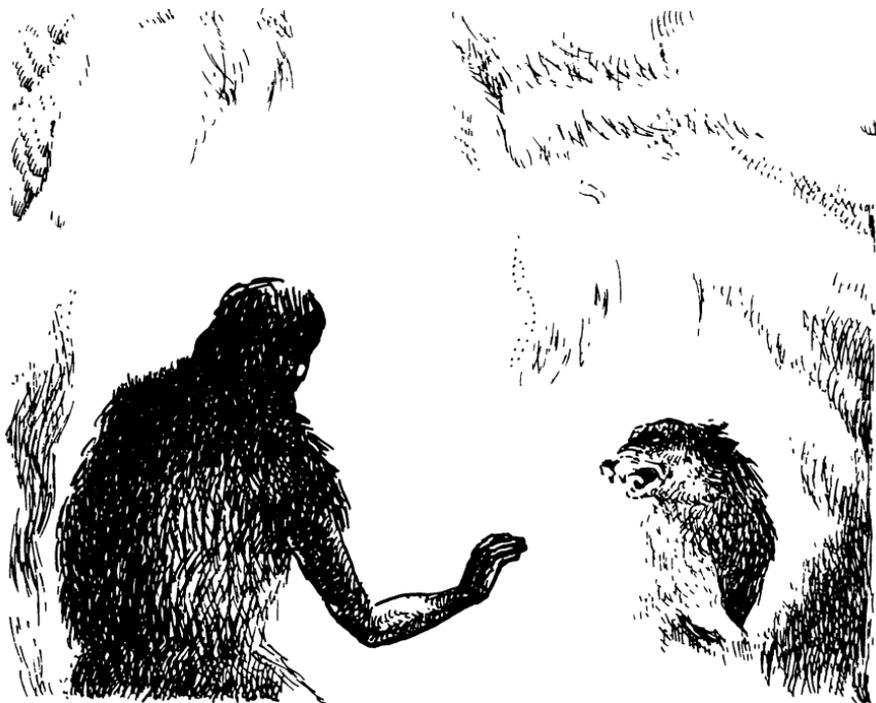
ривал свой неожиданный трофей. Волчонок был весь исцарапан и искусан, однако серьезных ран на его теле не было. Видно, старый волк до последней минуты защищал его, прикрывая своим телом. Но зверек так отчаянно рвался с привязи, все ту же затыгивая петлю на шее, что каждую минуту рисковал задохнуться.

Наконец, поняв тщету своих усилий, волчонок прекратил сопротивление. Он сел на задние лапки, поднял кверху острую мордочку и, глядя на потолок пещеры, словно он был небесным сводом, заскулил так тоскливо и отчаянно, что у Нума дрогнуло сердце.

Ему уже не хотелось больше смеяться. Он вспомнил ту пронзительную, щемящую тоску, которая охватила его, когда он счел себя погребенным в недрах земли. Вспомнил, какое отчаяние овладело им, когда он стоял один-одинешенек на пустынном берегу Красной реки назавтра после землетрясения.

И сердце мальчика наполнилось жалостью и нежностью к крошечному существу, потерявшему в один день, подобно Нуму, все, что было ему дорого, и испытывшему, вероятно, такую же тоску и боль, какую испытал когда-то он сам.

Поднявшись с места, Нум подошел к волчонку. Бедный зверек



задыхался от усталости и отчаяния, но глаза его по-прежнему горели лютой, неутолимой злобой.

— Ты остался один, — пробормотал Нум. — Ты слаб и беспомощен... Я тоже был слаб и тоже остался один...

Протянув руку, Нум хотел погладить своего пленника. Но волчок, хрипло рыча, вскочил на ноги и попытался укусить протянутую к нему руку, однако не дотянулся до нее и, обессиленный, свалился обратно на земляной пол.

Он не понимал намерений Нума и по-прежнему считал его своим заклятым врагом. Никаких иных отношений с человеком, лишившим его свободы, у него не могло быть.

Глава 10

ЯК И ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Однажды утром в долину Красной реки пришла весна.

Ночью лед на реке треснул и разошелся в стороны, оставив посреди русла широкую полосу чистой воды. Ветер дул с юга. Солнце ослепительно сияло в чистом, без единого облачка, голубом небе.

Нум проснулся на своем ложе из шкур и, подняв голову, прислушался. Снаружи, из-за бревенчатого частокола в пещеру явственно доносилась ликующая песня освобожденной от зимнего плена воды. Сосульки, висевшие у входа, таяли под утренними лучами солнца; веселая капель звенела хрустальным звоном.

— Учитель! Учитель! Весна!

Абахо открыл глаза и, откинув меховое одеяло, сел на ложе. Вот уже несколько дней, как старик и мальчик перебрались из Священной Пещеры в жилище вождя племени, чтобы присутствовать при великом событии, которого они так долго и так горячо ждали.

Давно пора было зиме кончиться! Запасы пищи у обоих затворников подходили к концу. Один волчок пожирал больше мяса, чем Абахо и Нум вместе взятые. Он не брезговал даже сухими, уже начавшими подгнивать каштанами.

Нум придумал волчонку имя: он назвал его Яком, потому что маленький зверь требовал пищу коротким отрывистым тьяканьем: «Як, як, як!»

Опираясь на плечо Нума, Абахо подошел к выходу из пещеры и с трудом поднялся по лесенке, между тем как Нум, гибкий и проворный, одним прыжком взлетел на гребень частокола. Они одновременно выглянули наружу и замерли от восторга перед открывшейся их глазам картиной.

Высоко в небе летели черные треугольники журавлей, направляясь к северу. Огромные птицы протяжно и звонко кричали, то и дело нарушая строй: каждый старался занять первое место позади вожака стаи.

По реке плыли голубоватые льдины, крутятся в водоворотах и

разбиваясь на тысячи сверкающих осколков у загромождавших русло каменных глыб. Снег в долине таял на глазах, веселые говорливые ручейки уже бежали там и сям к реке, пробираясь мимо зеленеющих кустиков первой весенней травки и голубых подснежников, которые успели раскрыться на их пути.

На голых, пригретых солнышком ветвях деревьев лопались почки, спеша выпустить на свет крохотные бледно-зеленые листочки. Ближе к берегу из красноватой влажной глины выглядывали острые стрелки ирисов.

Дрожащие губы Абахо шептали слова благодарности Великому Духу, позволившему ему еще раз увидеть чудо пробуждающейся от зимнего сна природы. А зоркие глаза Нума были устремлены на крутой откос берега, изрытый десятками отверстий птичьих гнезд. Скоро в этих гнездах появятся свежие яйца, которые он не преминет собрать. Нум с удовольствием думал об этом, поглаживая впалый живот и глубоко, всей грудью вдыхая весенний воздух, полный запахов тающего снега и влажной земли.

Услышав голоса людей, волчонок проснулся и заворочался в своем углу. Он приоткрыл один глаз и увидел, что ночь кончилась и наступил день. Печальный вздох вырвался из груди звереныша; он снова закрыл глаза и положил острую мордочку на вытянутые лапы.

Пленник чувствовал, однако, что там, за частоколом, происходит что-то необычное, новое. Это была первая весна в его коротенькой жизни. Кончики его толстых лап покалывало, словно он отлежал их за ночь.

Волчонок вздохнул так глубоко и протяжно, что облако пыли взметнулось вокруг его головы. Какое ему дело, что в мире весна и наступают теплые дни, раз он все равно обречен томиться на привязи в глубине темной и сырой пещеры?

Нум услышал этот вздох и понял, что его маленький пленник проснулся. Спрыгнув с частокола, мальчик подошел к волчонку и присел перед ним на корточки. Як вздрогнул и, не открывая глаз, прижал уши к затылку. Поведение Нума всегда приводило волчонка в замешательство. Молодой хозяин вообще обращался с ним вполне разумно, но временами вел себя так странно, что Як не знал, что и подумать.

Вчера, например, он пожелал во что бы то ни стало научить Яка танцевать на задних лапах!

Як ненавидел подобные шутки. Он не любил также слышать, как хозяин смеется: ему казалось, что Нум насмехается над ним.

Как раз в эту минуту Нум весело рассмеялся, и Як заворчал, сердито оскалив острые клыки, но не открывая глаз, потому что не выносил лукавого насмешливого взгляда молодого хозяина, когда на того находило его непонятное настроение.

— Як! Як! Слышишь? Весна!

Волчонок только крепче прижал уши к голове. Он не понимал языка людей; звуки членораздельной речи казались ему дикими и

неизменно вызывали удивление. Радостный голос Нума нестерпимо раздражал волчонка; вся шерсть на его спине встала дыбом.

— Вставай, лентяй, хватит спать! На дворе весна!

Абахо в свою очередь приблизился к маленькому волку. Рука его легла, мягкая и успокаивающая, на взерошенную серую шерстку. Як не шевельнулся. Он терпел с грехом пополам прикосновение этой большой худой руки, когда-то заботливо промывавшей и перевязывавшей его раны. Рука была ласковой, но твердой, и волчонок испытывал к ней некоторое доверие.

Мудрый Старец никогда не старался вывести Яка из терпения. Он разговаривал с волчонком ровным и спокойным голосом, маленький хищник иной раз тихонько скулил и повизгивал, когда Абахо гладил его, потому что эти мягкие прикосновения напоминали ему ласки матери-волчицы. Если бы Як жил вдвоем с Абахо, он, без сомнения, научился бы лизать эту дружескую и добрую руку.

Но с Нумом волчонок всегда держался настороженно; мускулы его были напряжены, шерсть на спине стояла дыбом. От молодого хозяина можно было ожидать в любой момент какого-нибудь подвоха. Не то чтобы Як ненавидел Нума — совсем нет! — он просто не доверял ему.

В маленьком диком сердце волчонка жило воспоминание о том, как Нум спас ему жизнь, и он ощущал смутное чувство благодарности к мальчику. Но это совсем не означало, что Як должен безропотно сносить бурные проявления дружеских чувств молодого хозяина, его непонятные выходки и оскорбительный, насмешливый смех.

Если Нум надолго оставлял волчонка в покое, Як любил, положив лобастую голову на вытянутые лапы, следить, как молодой хозяин быстро ходит взад и вперед по пещере, наклоняется и выпрямляется, гибкий словно тростник, и проворный, как белка, пытаясь разрядить накопившуюся в мускулах молодую энергию. С Нумом Як мог бы бегать до потери дыхания, прыгать через препятствия, взбираться на холмы и скатываться в лощины, с ним он мог бы играть!

Но, увы! Все усилия Нума были направлены к тому, чтобы зверек почувствовал его превосходство над собой. Зажав в своих ладонях острую черную мордочку, он заставлял волчонка глядеть ему прямо в глаза и торжествовал, когда Як, не выдержав пристального взгляда мальчика, опускал веки. Он непременно хотел научить волчонка давать лапу, а протягивая ему кусочки мяса, высоко поднимал их над головой Яка, чтобы тот встал на задние лапы или прыгнул вверх... И проделывая все это, он весело смеялся.

Як изо всех сил сдерживался, чтобы не укусить обидчика, потому что Нум был тем, кто давал ему пищу, а еще потому, что однажды попробовал огрызнуться и был строго наказан.

Нум искренне огорчался этой явной неприязнью, причины которой он не умел осознать. Мальчик всей душой хотел, чтобы они с Яком стали друзьями. Видя, с каким удовольствием волчонок позволяет Абахо ласкать и гладить его, Нум молча уходил в темный

угол пещеры и сидел там надувшись, снедаемый обидой и ревностью.

Абахо советовал Нуму проявлять больше терпения и выдержки, не кричать так громко на Яка, не насмехаться над ним. Но терпение отнюдь не было главной добродетелью его молодого ученика.

С каждым днем весна вступала в свои права. Долина Красной реки оживала и расцветала на глазах. Нум с такой тоской во взоре следил с высоты частокола за этим буйным обновлением природы, что в конце концов Абахо скрепя сердце разрешил ему покидать пределы пещеры, не удаляясь от нее, разумеется, слишком далеко. Абахо охранял мальчика во время этих вылазок, следя за ним с гребня частокола, где Нум соорудил из зеленых веток удобное ложе, чтобы Мудрый Старец не утруждал свою большую ногу.

Полулежа в этом подобии гамака, Абахо смотрел, как Нум бьет острой форелей на перекатах Красной реки, вздувшейся от быстрого таяния снегов и катившей мимо них свои мутные, красноватые от глины, буйные воды. Крепкое дубовое копьё, прислоненное к частоколу, было всегда у него под рукой на случай опасности. Но глаза Мудрого Старца частенько отрывались от созерцания юного ученика и задумчиво устремлялись вдаль, на юг, откуда должны были вернуться Мадаи, если они вообще когда-нибудь вернутся.

Нум сплел для волчонка новый, более длинный ремень, и перевел его наружу, за пределы частокола. Як быстро научился бегать вокруг молодого деревца, к которому был привязан, скакать и прыгать как можно выше. Мускулы его крепили и твердели, острые белые клыки обещали достигнуть внушительных размеров.

Присев на задние лапы, волчонок наблюдал за полетом ворон, носившихся над ним с громким карканьем, или, склонив голову набок, тревожно прислушивался к далекому рычанию двух пещерных львов, бродивших уже несколько дней по вершинам холмов, подстерегая стада оленей, перебирающих на летние пастбища. Но самое сильное впечатление производили на Яка рыболовные успехи Нума. Волчонок так полюбил неж-





ное розовое мясо форелей и лососей, что хвост его помимо воли начинал весело вилять, когда Нум подходил к нему с трепещущей рыбиной в каждой руке.

Первое время резкие движения рыб пугали волчонка. Нум украдкой посмеивался, глядя, как Як то пятится назад, то с бесконечными предосторожностями возвращается к своей добыче и снова удирает, визжа от страха, словно форель укусила его за нос. Однако очень скоро Як научился прижимать бьющуюся рыбу к земле и, оглушив ее, съедать без остатка, громко причмокивая от удовольствия.

Волчонку пришлось по вкусу не только лососи и форели. Он обожал яйца водяных птиц да и от самих птиц не отказывался. Нум ставил на диких гусей и уток хитрые силки и ловушки, а Мудрый Старец ошипывал птиц и жарил в пламени костра, нанизав на гибкий ореховый прут. Не брезговал Як и речными моллюсками, сваренными в бульоне из душистых трав по рецепту, известному одному Абахо.

Полный желудок делал волчонка добрее и уступчивее. Сидя под деревцем на берегу реки, он с доброжелательным интересом следил за ловкими движениями своего молодого хозяина.

Как-то погожим днем Нум, стоя на прибрежном валуне с ост-



рогой в руках, подстерегал громадного лосося, укрывшегося между двух подводных камней. Лосось отдыхал на пути к прозрачному горному ручью в верховьях Красной реки, где была его родина.

Все внимание мальчика было сосредоточено на этой великолепной добыче. Як смотрел на Нума затаив дыхание и время от времени облизывал губы острым розовым языком.

Абахо рыбная ловля интересовала мало. Взгляд Мудрого Старца был направлен в глубину долины, как это случалось теперь с ним все чаще и чаще.

Вдруг волчонок вздрогнул и глубоко втянул носом воздух. Тяжелый запах хищного зверя долетел до его чутких ноздрей. Як медленно отвел глаза от реки и повернул головку в ту сторону, откуда доносился зловещий запах.

Нум складывал свой улов на плоском камне, довольно далеко от воды, чтобы рыбы не могли попрыгать обратно в воду. И здесь, возле этого камня, держа большую форель в могучих лапах с длинными когтями, способными одним ударом вспороть брюхо оленю или бизону, возвышался, словно скала, огромный бурый медведь с полуоткрытой пастью, в которой сверкали чудовищные клыки. В мгновение ока медведь управился с форелью и нагнул

за следующей. Маленькие злые глазки смотрели то на мальчика, то на волчонка. Инстинкт подсказывал хищнику остерегаться людей и не подходить близко к их жилищу, но голод на этот раз взял верх над обычной осторожностью. Медведь только сегодня вылез из берлоги после долгой зимней спячки. Тусклая, свалывшаяся шкура болталась на нем, как на вешалке, жестокий голод терзал внутренности зверя.

Як замер от ужаса. Крепко привязанный к деревцу, в нескольких десятках шагов от огромного хищника, он был совершенно беспомощен и не мог даже спастись бегством. Злобный взгляд медведя, казалось, говорил волчонку: «Подожди, голубчик, вот управлюсь с рыбой и до тебя очередь дойдет!»

Нум между тем ничего не видел и не слышал. Медленным незаметным движением он поднимал вверх руку с зажатой в ней острой, собираясь поразить своим оружием большого лосося. Свинячьи глазки медведя жадно следили за всеми движениями мальчика.

Внезапно Як сообразил, что изголодавшееся чудовище, пренебрегая его поджарым, шерстистым тельцем, несомненно предпочтет ему эту изысканную добычу с тонкой кожей и сочным, нежным мясом. От этой мысли волчонок почувствовал огромное облегчение, но в ту же минуту в его мозгу мелькнуло смутное воспоминание о том, что Нум спас его от смерти, рискуя собственной жизнью.

Сердце Яка бурно забилося. Нет, он не может, не должен дать погибнуть этому человеческому существу, которое было его хозяином. Як приоткрыл было пасть, собираясь залаять, но медведь метнул на него яростный взгляд, приказывавший волчонку молчать: «Если ты поднимешь тревогу, ты погиб!»

Як часто заморгал глазами. Он дрожал всем телом — от кончика носа до кончика хвоста. Медведь казался волчонку все громаднее и громаднее, все страшнее и страшнее. Хищник меж тем доел последнюю форель, облизнулся и, опустившись на передние лапы, двинулся к реке. Его грузная и тяжеловесная походка вдруг сделалась совсем легкой. Он шел переваливаясь с одной лапы на другую, но совершенно бесшумно.

Изловчившись, Нум ударил лосося острой. Вода яростно забурлила между валунами. Лосось бился неистово, пригвожденный острой к каменистому дну.

А медведь продолжал свой страшный, беззвучный путь.

Як не колебался больше. Подняв острую мордочку к небу, он отчаянно и предостерегающе завыл.

Нум быстро выпрямился и бросил взгляд через плечо. Лицо его, только что сиявшее гордостью удачной охоты, внезапно помертвело. Он выпустил из рук острую, течение тут же унесло ее. Нум медленно обернулся. Руки его беспомощно висели вдоль тела, скованного смертельным ужасом.

Як не выл больше. Он молча и яростно рвался с привязи, кидаясь вперед и натягивая изо всех сил державший его в плену ремень. Позади себя волчонок слышал тревожные восклицания

Абахо. Старик перекинул больную ногу через частокол и с трудом спускался вниз по лесенке.

Медведь грозно заревел и поднялся на задние лапы. Он казался чудовищным, огромным... Як видел теперь только широкую спину хищника, заслонявшую от него Нума.

Рванувшись из последних сил, волчонок оборвал наконец ремень — как раз в ту минуту, когда медведь поднял передние лапы, готовясь обрушить их на плечи безоружного мальчика. Одним прыжком Як очутился на спине чудовища, вцепился зубами и когтями в густой мех, пополз по нему вверх, как по горе, и, добравшись до головы, впился своими острыми зубами в левое ухо страшилища.

Взревев от неожиданности и жгучей боли, медведь вскинул лапы к голове, чтобы сбросить со своего загривка маленького смельчака. Страшные кривые когти скользнули по мордочке волчонка, оставив на ней глубокие следы. Кровь хлынула из ран. Но Як не ослабил хватки. Напротив он вонзил зубы еще глубже, прокусив насквозь ушной хрящ.

Нум молниеносно отпрянул назад, схватил запасную острогу с острым костяным наконечником и ударил ею прямо по ноздрям косматого хищника.

Ярость медведя была неопишуемой. Выбросив вперед обе лапы, он рванул когтями обнаженную грудь противника. Нум пошатнулся от удара и упал навзничь в воду. Бурное течение подхватило его и бросило на возвышавшийся посреди реки обломок скалы. Ухватившись за него руками и ногами, Нум высунул голову из воды и увидел Абахо, бежавшего к медведю так быстро, как только позволяла ему больная нога. В руках у Мудрого Старца было тяжелое дубовое копьё.

Медведь, по-прежнему стоявший на задних лапах, был раза в полтора выше рослого Абахо и раз в десять сильнее его. Глядя на этого смелого человека, размахивавшего оружием и испускавшего воинственные крики, хищник на мгновение замер в нерешительности, видимо соображая своим неповоротливым умом, что ему делать дальше.

Воспользовавшись этим мгновением, Як выпустил ухо медведя, подтянулся чуть повыше и, распластавшись на огромной морде чудовища и закрыв ему своим телом глаза, вцепился зубами в его мокрый черный нос.

Долина Красной реки огласилась ужасным воплем. Медведь широко разинул свою зловонную пасть, длинный розовый язык свесился из нее, извиваясь, словно змея. Подняв к голове лапы, хищник пытался ощупью сорвать и сбросить с нее маленького волка.

И тогда Абахо, подбежав к ослепленному хищнику, страшным усилием своих худых, старческих, но еще крепких рук вонзил копьё прямо в сердце чудовища.

Медведь рухнул как подкошенный, увлекая волчонка в своем падении. Як покатился по земле, но тут же вскочил на ноги и с торжествующим лаем закружился вокруг поверженного врага.

Он был свободен, ничто не удерживало его. Он мог убежать и вернуться в лес, к дикой и привольной жизни. Нум с трудом выбирался из воды и не стал бы догонять его. Абахо вообще не мог бегать. Но Як даже не подумал воспользоваться долгожданной свободой.

Он кинулся к молодому хозяину, затем подскочил к Абахо, потом снова к Нуму и так бегал между ними обоими до тех пор, пока старик и мальчик не очутились рядом. Волчонок увидел, как они упали друг другу в объятия, и, подбежав, уселся у их ног, тихонько повизгивая, чтобы напомнить о своем присутствии.

Нум нагнулся к маленькому волку, протягивая ему обе руки. Як позволил хозяину ласково поднять себя с земли. Мальчик порывисто прижал своего нового друга к израненной груди. И кровь обогравшая тела обоих, в первый раз смешалась вместе.

Так был впервые заключен дружественный союз между человеком и волком. И дружбе этой, скрепленной кровью, суждено было стать нерушимой на все последующие времена.

Глава 11

БОЛЬШИЕ СТУПНИ

Шкура черного медведя, распяленная на шестах у входа в пещеру, сохла под горячими лучами солнца, и Нум уже думал через день-другой заняться ее выделкой, как вдруг уединенную жизнь двух отшельников нарушило неожиданное посещение.

Весенняя пора была на исходе, и лето вступало в свои права. С каждым днем Абахо и Нум все пристальней и тревожней всматривались в глубину долины, ожидая, что из-за пышных зарослей вдруг покажутся разведчики, посланные Кушем.

Но дни проходили за днями, не принося никаких известий о судьбе племени Мадаев.

Нум совсем пал духом. Он окончательно уверился, что Мадаи, спасаясь от землетрясения, заблудились в снежном буране, который начался на следующий день после их бегства, и погибли все до одного. Абахо старался как мог развеять его мрачные мысли.

— Твой отец осмотрительный и храбрый человек, — говорил Мудрый Старец, — и Мадаи, предводительствуемые им, несомненно, достигли пещер, где обитают Малахи. Ты знаешь, что до них всего шесть дней пути. Для наших соплеменников такое расстояние даже в самую лютую пургу не страшно.

Нум печально качал головой. Он сильно сомневался, что отец жив. А Мамма, а близнецы, а маленькая Цилла?

— Я думаю, — отвечал Абахо, — что Мадаи прожили всю зиму впроголодь и едва дождавшись весны, откочевали на юг, в наши охотничьи угодья, чтобы пополнить запасы пищи, как мы это делаем каждый год. Осенью они непременно вернуться сюда, вот увидишь!

Нум недоверчиво посмотрел на Мудрого Старца.

— Как только ты сможешь ходить, Учитель, — говорил он, вздыхая, — мы отправимся к Малахам и все разузнаем.

Абахо не хотелось огорчать мальчика, но в глубине души он был убежден, что Малахи, как и Мадаи, давно откочевали на юг, и пещеры их стоят пустыми. К тому же Мудрый Старец подозревал, что плохо сросшаяся нога не позволит ему преодолеть тяжелый путь через холмы и ущелья, отделяющие стоянку Мадаев от их ближайших соседей.

Старик и мальчик проводили долгие часы на берегу реки, напряженно глядя вдаль. Им так хотелось снова увидеть друзей и близких, снова зажить повседневной, привычной жизнью родного племени. С тоской они вспоминали охотничьи и боевые песни Мадаев, их танцы и пантомимы, изображавшие радость или горе, веселые трапезы и мирные вечерние беседы, когда все члены семьи собираются вокруг пылающего в пещере костра. Ах, какое это счастье — чувствовать, что ты не один в целом мире, отрезанный от всего, что тебе близко и дорого, видеть вокруг знакомые лица и слышать другие голоса, кроме собственного!

Абахо больше не уединялся в Священной Пещере, не украшал ее стены новыми изображениями. Длинный путь по подземным залам и коридорам был утомителен для его больной ноги, но, главное, Мудрый Старец не ощущал в себе священного огня творчества.

Нум сидел, погружившись в печальные думы. Як лежал рядом, положив голову ему на колени.

В такие минуты преданная любовь маленького волка была особенно дорога мальчику. Як словно понимал грустное настроение хозяина и пытался по-своему утешить его. Волчонок уже жалел о том времени, когда Нум целыми днями поддразнивал его и смеялся над ним! Теперь Як охотно разрешил бы молодому хозяину подергать его за уши и даже готов был добровольно плясать на задних лапах, лишь бы вызвать хоть тень улыбки на лице мальчика.

Но Нум только рассеянно поглаживал голову своего четвероногого приятеля, по прежнему устремив глаза на далекий горизонт.

Абахо мучили другие заботы. Он знал, что лето проходит быстро, и, если Мадаи осенью не вернутся, они с Нумом рискуют остаться на зиму без достаточных запасов пищи. Вяленой рыбы у них, правда, будет вдоволь, хватит и каштанов, за которыми Нуму придется ходить осенью в ближайший лес под охраной своего верного волка. Но всего этого, конечно, далеко не достаточно для того, чтобы встретить во всеоружии вторую суровую зиму.

«Как только лето кончится, — думал Абахо, — Нум должен отправиться один к пещерам племени Малахов. Они скоро возвратятся с юга, из своих охотничьих угодий. Дикие звери не осмелятся напасть на мальчика в пути, если Як будет рядом с ним. Малахи, конечно, окажут нам помощь. Мы не можем оставаться

здесь еще одну зиму... Но надо будет ждать до последней минуты, на тот случай, если Мадаи все-таки вернуться...»

Однако с каждым днем Абахо терял надежду на их возвращение, и Нум со страхом всматривался в осунувшееся лицо учителя. Тоска по родичам словно проводила по этому лицу резцом все новые и новые морщины.

Как-то под вечер, ясным осенним днем, Нум ловил раков на берегу Красной реки, ловко переворачивая подводные камни и коряги, и вдруг услышал тревожное восклицание Абахо, полулежавшего, как обычно, в своем гамаке на гребне частокола.

Нум пулей вылетел на берег и взбежал по крутому откосу. Як несся за ним по пятам. После случая с пещерным медведем они научились мгновенно кидаться под защиту частокола, не теряя времени на праздные вопросы.

Лишь очутившись в безопасности и убрав лестницу, Нум задыхаясь от волнения, спросил:

— Что? Что случилось, Учитель?

Дрожащей рукой Абахо указал на юг:

— Там... Там люди...

Нум проворно выпрямился и впился взглядом в глубину долины, приложив козырьком руку к своим зорким глазам. Он сразу разглядел пять человеческих фигур, двигавшихся вдоль берега вверх по течению Красной реки. Некоторое время Нум молча наблюдал за ними. Абахо, зрение которого уже не было таким острым, как у его ученика, стиснул до боли худые пальцы, но воздержался, по своей привычке, от нетерпеливых вопросов.

Скоро Нум смог разглядеть как следует цепочку людей, приближавшихся к их пещере. Нет, эти низенькие, коренастые и тяжело нагруженные огромными тюками люди ничем не напоминали высоких и статных Мадаев. Они брели, согнувшись, тяжелой неуклюжей походкой, выбрасывая вперед колени, — совсем не похожие на соплеменников Нума: стройных, стремительных и гибких, с горделивой осанкой.

— Наши? — спросил, не вытерпев, Мудрый Старец. Голос его еле заметно дрожал.

Нум тихонько покачал головой:

— Нет, Учитель!

Они посмотрели друг другу в глаза, полные отчаяния. Но Абахо тут же овладел собой.

— Быть может, мы узнаем от них какие-нибудь новости о племени!

Глаза Нума заблестели. Новости! Если этим людям известно что-нибудь о Мадаях, надо немедленно бежать к ним навстречу и все разузнать!

Он уже перекинул лестницу через частокол, намереваясь спуститься наружу, но Абахо удержал его, схватив за руку.

— Будь осторожен, сын мой! Дадим этим незнакомцам приблизиться. Пока они нас не увидели, у нас есть время укрыться в

Священной Пещере. Намерения их нам не известны: может, они дружелюбные, а может, и нет. Если это грабители покинутых пещер, они, не задумываясь, убьют нас. Понаблюдаем сначала за ними так, чтобы они нас не заметили!

Нум повиновался, хотя подозрительность Абахо показалась ему чрезмерной. Сколько он себя помнил, никогда еще не было случая, чтобы какой-нибудь человек забрел с дурными намерениями на территорию Мадаев. Даже самые отдаленные племена знали, что Мадаи хоть и миролюбивы от природы, но при необходимости сумеют постоять за себя и дать достойный отпор любому врагу.

Поэтому Нуму ни разу не пришлось еще видеть человека, поднимающего оружие на другого человека, чтобы пролить его кровь. Он с трудом представлял себе такую возможность. Но Мудрый Старец Абахо хорошо знал, что слабость и потворство поощряют коварные замыслы злых людей.

Они дали незнакомцам приблизиться к скалистой гряде на расстоянии полета стрелы. Тропинка, петляя, поднималась по глинистому откосу. Путники шли медленно, сгибаясь чуть не пополам под тяжестью своей поклажи, состоявшей из огромных, по-видимому, кожаных тюков, привязанных к спинам пришельцев широкими ремнями.

Мало-помалу фигуры чужеземцев становились отчетливее. Ростом они были намного ниже Мадаев, но зато гораздо коренастее. Руки, которые они время от времени поднимали, чтобы поправить на спине свой груз, свисали до самых колен. Ноги же у чужаков были, наоборот, короткие и кривые, с широкими и плоскими ступнями. Вся одежда пришельцев состояла из узкой набедренной меховой повязки. Мех был короткий и гладкий, красивого серебристого цвета. Нум никогда не видел такого меха. Кожа незнакомцев, очень белая, была густо усеяна рыжими веснушками. Длинные и прямые медно-красные волосы, обильно смазанные каким-то жиром и связанные на макушке узким кожаным ремешком, горели огнем в лучах заходящего солнца.

Нум с любопытством разглядывал чужаков, крепко сжимая ладонью морду Яка, чтобы волчонок не вздумал залаять.

Человек, шедший впереди других, остановился. Четверо остальных последовали его примеру, опустив свою ношу на землю. Вожак приложил руку к кустистым бровям, таким же огненно-рыжим, как и густая шерсть, курчавившаяся на его широкой груди, длинных руках и массивных плечах. В ноздри приплюснутого носа была продета тоненькая белая косточка, на обоих концах которой висели, покачиваясь в такт ходьбе, две маленькие розовые, закрученные спиралью, раковины.

Абахо откинулся назад со вздохом облегчения.

— Нам нечего опасаться этих пришельцев, сын мой! Я узнал их. Это люди из племени Больших Ступней. Они живут на берегу моря, далеко-далеко отсюда, в той стороне где заходит солнце. Большие Ступни — искусные рыболовы, но плохие воины и охот-

ники. Они не умеют обтачивать кремни и кости. Никогда не осмелятся они напасть на нас, тем более что с нами Як!

Услышав свое имя, волчонок заволновался. Он очень вырос за лето, клыки его достигли солидных размеров. Ростом Як был почти со взрослого волка, но в характере и в повадках его оставалось еще много щенячьего.

Волчонок мог бы, если захотел, без труда освободиться от руки Нума, по-прежнему сжимавшей его морду. Живые глаза Яка блеснули от нетерпения. Но он уже научился беспрекословно повиноваться во всем молодому хозяину.

— Эти люди приходят к нам, чтобы обменять дары моря на обточенные кремни и разное оружие, — продолжал Абахо. — Они, наверное, узнали от кого-нибудь, что пещеры покинуты Мадаями и явились, чтобы разведать: нельзя ли здесь чем-нибудь пожить? Как же они удивятся, найдя нас здесь! Думаю, что ты можешь показаться им, Нум! Я подержу Яка. Если они вдруг проявят враждебные намерения, я спущу на них волка. Впрочем, я уверен, что необходимости в этом не будет.

Нум не стал ждать, чтобы Абахо повторил свои слова. Он отпустил Яка, строго приказав ему сидеть смирно и слушаться Абахо, перемахнул через частокол и опроретью бросился навстречу пришельцам.

Радуюсь встрече с новыми людьми, кто бы они ни были, Нум бежал, подпрыгивая, словно дикий жеребенок, и во все горло кричал незнакомцам слова дружбы и приветия.

Большие Ступни, должно быть, приняли мальчика за привидение, потому что снова остановились и сбились в кучу с искаженными от страха лицами. Приблизившись к ним, Нум замедлил свой бег, и Абахо увидел, как он принялся объясняться жестами с вожаком. Видимо поверив наконец, что перед ними не призрак, а живой человек из плоти и крови, пришельцы мало-помалу оправились от испуга, вызванного неожиданным появлением мальчика.

Абахо в свою очередь, перебрался через частокол, оставив Яка в пещере.

Люди с берегов моря снова взвалили на плечи тяжелые тюки и двинулись к пещерам, бросая вокруг подозрительные и недоверчивые взгляды.

Абахо сделал несколько шагов навстречу пришельцам. Его высокая фигура с посохом в руке, благородный, полный достоинства вид и величавая красота лица, обрамленного белыми словно снег волосами, произвели на незнакомцев глубокое впечатление. Они опустили на колени перед Мудрым Старцем, касаясь лбами земли и восклицая что-то тонкими, жалобными голосами, так мало подходившими к их грубым лицам и массивным фигурам.

Ласковой, но твердой рукой Абахо поднял с земли вожака пришельцев. Рыжий человечек выпрямился и дважды ударил себя кулаком в волосатую грудь:



— Гоур! Гоур!

Мудрый Старец понимающе улыбнулся и, повторив его жест, ответил:

— Абахо! Абахо!

Затем он представил пришельцам Нума, а вожак Больших Ступней назвал по имени следовавших за ним людей:

— Ахим! Оук! Кохим! Омфи!

После этой церемонии все широко заулыбались, хорошо зная, что обмен именами — верный признак доброго расположения и мирных намерений.

День угасал. В косых лучах вечернего солнца рыжие волосы пришельцев пылали, словно крошечные костры. Абахо жестами пригласил прибывших провести ночь в его пещере. Рыжеволосые люди подняли свою поклажу и, тяжело ступая, двинулись вслед за Мудрым Старцем. Нум шел сзади, замыкая шествие, и с изумлением рассматривал следы, которые пришельцы оставляли на песке. Вот уж действительно Большие Ступни — ничего не скажешь! Сами маленькие, а ноги громадные, куда больше, чем у Мадаев!

Нум был ужасно рад этому неожиданному посещению. Он еле сдерживался, чтобы не бежать, как мальчишка, рядом с пришель-

цами. Все же, не утерпев, он украдкой протянул руку и тронул кончиками пальцев невиданный серебристый мех, в который были завернуты пожитки незнакомцев. Мягкий и шелковистый на ощупь, мех был усеян там и сям круглыми темными пятнышками.

Гоур заметил жест молодого Мадая. Обернувшись, он указал пальцем на мех и повторил дважды, широко улыбаясь:

— Тюлень! Тюлень!

И залился довольным смехом, отлично понимая, что его товар понравился мальчику и, значит, за него можно будет запросить хорошую цену.

Подойдя к частоколу, рыжие человечки ловко перебросили через ограду свои тюки, а затем перебрались сами.

Но едва ноги их коснулись земляного пола пещеры, как из глубины ее раздалось угрожающее рычание. Пришельцы в ужасе прижались друг к другу; слышно было как зубы их стучат от страха при виде вспыхнувших в темноте зеленых огоньков.

Взглянув на их испуганные лица, Нум громко расхохотался. Он шагнул вглубь пещеры и вернулся, держа Яка за загривок. Волчонок шел неохотно, упираясь толстыми лапами в глиняный пол, на котором его когти оставляли глубокие следы. Губы Яка кривились в недовольной гримасе, обнажая острые белые клыки. Вид у него был малоприветливый.

Увидев волка, рыжие человечки опрометью кинулись обратно к частоколу и с необычайным проворством вскарабкались на него один за другим. Они и вообще-то панически боялись волков, но этот странный волк, живущий вместе с людьми в их пещере, внушал пришельцам поистине суеверный ужас.

Гоур, вожак, вошедший в пещеру первым, оказался последним у лестницы, прислоненной к частоколу. Соплеменники мешали ему, толпясь и толкаясь, и Гоур никак не мог ухватиться за лестницу своими длинными волосатыми руками.

Возбужденный криками и шумом, Як вырвался из рук Нума, подскочил сзади к рыжему вожаку и вцепился зубами в его набедренную повязку. Волчонок хотел только поиграть с незнакомцем, как он делал это обычно со своим другом Нумом. Но увы! — бедняга Гоур ничего не знал о его благих намерениях. Почувствовав, что волк держит его, рыжий человекке пронзительно завизжал и сделал попытку взобраться на частокол. Но Як, расшалившись окончательно, повис на нем сзади и стал раскачиваться взад и вперед, очень довольный новой игрой. Когти его задних лап скользили по голым икрам Гоура.

Рыжий человек решил, что он погиб! Охваченный ужасом, он закрыл глаза. Силы изменили ему, пальцы выпустили перекладины лестницы, и Гоур, словно мешок, тяжело рухнул на землю, полуживой от страха...

Як нагнулся над ним и с явным любопытством стал обнюхивать упавшего. Гоуру же представилось, что волк выбирает на его теле самое нежное место, чтобы вонзить в него свои смертоносные

кльки. Маленькие, глубоко посаженные глазки Гоура едва не выкатились из орбит, с толстых губ срывались отчаянные стоны и крики.

Но Яку уже надоела игра. Он внезапно потерял всякий интерес к поверженному, жалобно вопящему человечку. Обнявав в последний раз рыжие волосы Гоура, густо смазанные каким-то сильно пахнущим жиром, Як вдруг оглушительно чихнул, изгоняя из своих нежных ноздрей этот резкий запах, и со скучающим видом удалился вглубь пещеры, брезгливо морща нос и отфыркиваясь.

Гоур, опрокинутый навзничь, все еще боялся пошевелиться и был похож на перевернутого на спину большого жука, беспомощно перебирающего в воздухе короткими лапками.

Взрыв хохота огласил обширную пещеру. Нум и Абахо, не смотря на всю их природную сдержанность и врожденное чувство гостеприимства, не смогли не рассмеяться, глядя на это забавное зрелище. Они так давно не имели повода посмеяться вволю, от всей души! Обоим казалось, что тяжкий груз печали и тоски спадает с их души от этого неудержимого смеха.

Сидя верхом на гребне частокола, рыжие человечки смотрели на Мадаев, широко разинув от изумления свои огромные рты, а предводитель их по-прежнему лежал распростертый в пыли, не решаясь встать на ноги.

Внезапно самый юный из пришельцев громко фыркнул и засмеялся; остальные последовали его примеру. Теперь, почувствовав себя в безопасности, они поняли наконец весь комизм происшествия и веселились, как дети, подталкивая друг друга кулаками и локтями, и хохоча во все горло.

Но Гоуру было не до смеха. Яростно вращая глазами, он кидал на соплеменников свирепые взгляды. Грудь его тяжело вздымалась, ракушки, украшавшие приплюснутый нос, тряслись и раскачивались. Он задыхался от обиды и гнева.

Удивленный поначалу громким смехом людей, Як, однако, скоро сообразил, что они смеются не над ним, и присоединился к общему веселью. Радостно визжа и твякая, он запрыгал вокруг Абахо и Нума.

Нахотавшись всласть, рыжие человечки вытерли тыльной стороной ладоней выступившие на глазах слезы, прыгнули с частокола и помогли своему предводителю подняться. Очутившись на ногах, Гоур тоже попытался рассмеяться, но смех его звучал фальшиво и было заметно, что он совсем не склонен относиться юмористически к нелепому положению, в которое попал благодаря Яку. Глаза его злобно сверкали, толстые волосатые пальцы судорожно сжимались и разжимались, словно собираясь сомкнуться на чьем-то горле...

Як яснее, чем люди, почувствовал эту затаенную ненависть и предусмотрительно удалился вглубь пещеры, смутно догадываясь, что нечаянно, играя, нажил себе врага.

Однако в последующие дни ничто не указывало на то, что Гоур сохранил какое-либо воспоминание о случившемся.

Пришельцы оказались жизнерадостными и очень смешливыми людьми. Отвагой и мужеством они, правда, не отличались, но были всегда веселы и деятельны. Смеялись Большие Ступни из-за любого пустяка, раскрывая во всю ширь свои огромные рты и запрокидывая назад массивные головы с приплюснутыми носами.

Проявляя замечательное умение и сноровку, они целыми днями трудились над постройкой плота, на котором рассчитывали спуститься вниз по течению реки, вплоть до самого океана. Нум с жадным любопытством присматривался к работе гостей и даже попытался перенять их мастерство. После долгих усилий ему удалось соорудить небольшой плот из древесных стволов, связанных кожаными ремнями.

Абахо тем временем изучал язык Больших Ступней и скоро овладел достаточным запасом слов, чтобы задавать пришельцам вопросы и отвечать на них. Так он узнал, что Большие Ступни не встречали на своем пути Мадаев. Но во время долгих странствий они слышали от других людей, что уцелевшие после катастрофы Мадаи нашли прибежище у дружественного племени Малахов. Оба племени объединились для совместной охоты на юге, откуда они в конце лета должны были возвратиться в родные края. Рыжие человечки не знали ни числа, ни имен тех, кто спасся от землетрясения, однако утверждали, что вождь племени Куш жив.

Нум готов был отдать пришельцам все, что имел, за эту радостную весть. Он мог без конца слушать их рассказы, сопровождавшиеся оживленной мимикой и выразительными жестами.

Абахо проявлял гораздо меньше энтузиазма. Он подозревал, что, получив эти сведения, Большие Ступни направятся в долину Красной реки, надеясь поживиться кое-чем в покинутых Мадаями пещерах. К счастью, они были слишком трусливы, чтобы замыслить зло против раненого старика и подростка. Главный Колдун племени Мадаев внушал рыжим человечкам глубочайшее почтение, смешанное с суеверным страхом.

Свои сомнения Мудрый Старец хранил про себя и был доброжелателен и при-



ветлив с чужеземцами, охотно обмениваясь с ними разными предметами.

Скоро тюки из тюленьего меха наполнились искусно обточенными кремнями и оружием. Взамен Абахо получил красивые раковины, кожаный мешочек с драгоценной морской солью и большую связку тонких и прочных иголок из костей океанических рыб. Мудрый Старец отлично видел, что Большие Ступни всячески стараются получить побольше, а отдать поменьше. За одну серебристую шкурку тюленя, которую Нум мечтал подарить Цилле, Гоур потребовал целую дюжину острых кремневых наконечников для стрел, три бурдюка из кожи бизона и два дубовых копья, закаленных в огне костра.

Среди скрытых в меховых тюках морских раковин была одна такая большая и красивая, что глаза Нума загорались от восторга всякий раз, когда он ее видел. Свернутая изящной спиралью и усеянная острыми шипами кораллового цвета, раковина была белой снаружи и нежно-розовой внутри. К тому же — о чудо из чудес! — каждый раз, когда Нум прижимал прекрасную раковину к уху, ему слышался смутный, таинственный гул. Абахо объяснил ему, что это голос самого океана.

Гоур сразу заметил, что Нум без ума от большой раковины. Однако все время, пока длился обмен, он давал понять мальчику, что не намерен расставаться с нею. Раковина принадлежит ему лично, объяснял Гоур, и уменьшать ее на что бы то ни было он не собирается. И, разумеется, чем категоричнее отказывал Гоур, тем сильнее становилось желание Нума обладать чудесным сокровищем моря. Он грезил о прекрасной раковине по ночам, представляя себе, как водрузит ее на каменной подставке посреди Священной Пещеры, и большой бык будет удивленно взирать на океанскую диковину своими большими грустными глазами...

Наступил канун отъезда рыжих человечков, но Гоур был по-прежнему непреклонен.

Большие Ступни в последний раз проверили крепления своего бревенчатого плота. Он был значительно больше, красивее и прочнее, чем тот, который построил Нум. Стволы деревьев у его плота были связаны менее искусно и кое-где уже грозили разойтись.

Рыжие человечки сложили на плоту свои тюки из серебристого тюленьего меха и привязали к бревнам. Чудесная раковина по-прежнему лежала в глубине одного из этих тюков, ей предстояло отправиться обратно на берег океана, где была ее родина.

Нум сидел на берегу, наблюдая за приготовлениями Больших Ступней к отъезду, и машинально поглаживал голову Яка, почесывая за ушами. Глаза волчка были закрыты от удовольствия. Давно минуло то время, когда прикосновение человеческой руки заставляло Яка ошетиниваться и рычать.

Но Нум был слишком поглощен своими мыслями, чтобы обращать внимание на четвероногого друга. Не заметил он и приближения Гоура.

Як учуял своего тайного недоброжелателя и поднял голову, навострив острые уши. Нум обернулся и увидел вождя рыжих чело-вечков, присевшего на траву рядом с ним. На коленях у Гоура лежала розовая раковина. Озаренная лучами солнца, она казалась еще прекраснее, чем когда-либо. Сердце Нума екнуло, но он про-молчал, не желая унижаться до новых просьб.

Гоур широко улыбнулся и посмотрел прямо в глаза маль-чику:

— Нум по-прежнему хочет иметь эту раковину?

Нум кивнул головой, не разжимая губ.

— Гоур согласен отдать раковину Нуму.

Лицо мальчика просияло от радости, и он невольно протянул руку. Но Гоур резким жестом прикрыл раковину ладонью.

— Гоур отдаст раковину Нуму, если Нум взамен отдаст Гоуру волка!

Волосатый палец указал на Яка.

Ошибиться было невозможно. Рыжий Вождь задумал обменять чудесную раковину на волчонка и, чтобы достигнуть своей цели, хитрил и тянул до последней минуты.

Рука Нума упала на колени. Отдать Яка! Нет, об этом не мог-ло быть и речи! Негодование душило мальчика: он не мог вымол-вить слова от возмущения. Ободренный его молчанием, Гоур продолжал:

— Волк очень забавный! Он будет забавлять Гоура! Забавлять жену Гоура, детей Гоура! Нум отдает Гоуру волчонка, а Гоур от-дает ему красивую раковину.

Нум молча покачал головой. Он лихорадочно перебирал в уме, что бы такое предложить рыжему вожаку вместо Яка? Новое ору-жие? Медвежью шкуру — его первый охотничий трофей? С тру-дом подбирая слова незнакомого языка, он проговорил:

— Як... очень злой... Он... может укусить Гоура...

Чтобы Гоур лучше понял, Нум жестом показал, как это про-изойдет. Рыжий вождь злобно усмехнулся:

— Если волк укусит Гоура, Гоур сделает вот так!

Он сплел пальцы волосатых рук и крепко стиснул их, показы-вая, как задушит зверя. Кровь хлынула к щекам Нума. Значит, Гоур хочет приобрести Яка лишь для того, чтобы отомстить за ис-пытанное по его вине унижение? Он наверное собирается связать волчонка и избить, а быть может, и убить!

Нум опустил ресницы, чтобы скрыть гнев, загоревшийся в его взгляде. Лучше избежать всяких недоразумений с пришельцами накануне их отъезда. С трудом сдерживая клокотавшую в нем ярость, мальчик пробормотал:

— Нум сказал: нет!

Вопреки его ожиданиям Гоур не стал настаивать. Он поднялся с места, подошел к своему тюку и сунул туда прекрасную рако-вину. Потом, возвратившись, снова уселся рядом с мальчиком и дружески улыбнулся ему.

«Зря я приписывал ему дурные намерения, — подумал Нум. — Он, оказывается, совсем не злопамятен!»

Глава 12

ПОГОНЯ

На следующее утро Нум проснулся рано. Солнце еще не встало, но небо на востоке уже посветлело, возвещая близость зари.

Перевернувшись на спину, мальчик блаженно потянулся и протер глаза. Давно не чувствовал он себя таким бодрым и полным надежд. Большие Ступни собирались сегодня отправиться во свояси, но теперь Нума совсем не огорчала перспектива снова очутиться наедине с Абахо.

У них было о чем потолковать на свободе, оставшись вдвоем. Накануне вечером Мудрый Старец рассказал Нуму о важном решении, которое он принял: если оставшиеся в живых Мадаи не вернутся в долину Красной реки до наступления холодов, Нум и Абахо отправятся сами к стоянке Малахов, чтобы соединиться с сородичами.

Поврежденная год назад лодыжка Нума зажила почти бесследно, и он мог без особых усилий выдержать несколько дней утомительной дороги. Зато сломанная нога Абахо внушала опасения. И тем не менее Мудрый Старец утверждал, что, делая небольшие переходы, он сумеет преодолеть долгий и тяжелый путь через долины и холмы. Если же во время перехода силы изменят Абахо и он не сможет идти дальше, Нум оставит его в надежном укрытии, а сам дойдет один до стоянки Малахов и попросит помощи. Як будет сопровождать мальчика, защищая его от диких зверей.

Вспомнив об Яке, Нум широко улыбнулся. Теперь он больше никогда не будет чувствовать себя одиноким. Як не только товарищ его игр, но и верный друг. Разве не он спас Нуму жизнь, отважно бросившись на страшного пещерного медведя? И не он ли, несмотря на свой возраст, внушил рыжим человечкам спасительный страх, который наверняка удержал их от поползновения ограбить покинутые жилища Мадаев?

Закинув руки за голову и мечтательно устремив глаза в потолок пещеры, Нум дал волю своему воображению. Как только они с Абахо разыщут Мадаев и соединятся с ними, он начнет приучать Яка к охоте. Волчонок с его тонким чутьем будет помогать Мадаям выслеживать дичь, а затем загонять добычу в заранее приготовленные западни и ловушки. Нум уже видел себя идущим по следу оленя или антилопы в сопровождении своего верного четвероногого помощника. Он видел, как они вдвоем выгоняют навстречу охотникам быков и косуль, горных баранов и диких лошадей. Голод перестанет угрожать Мадаям, если Як будет жить и охотиться с ними. Правда, Нум не знал точно, сколько лет живут

волки и когда они становятся старыми. Но тут новая мысль мелькнула в его разгоряченной мечтами голове, и он снова радостно улыбнулся.

Будущей весной Як достигнет зрелого возраста. Может случиться, что он отправится в лес отыскивать себе подругу и вернется вместе с ней в становище. Их потомство появится на свет уже в человеческих жилищах. Волчата с самого рождения будут жить с людьми, не помышляя о дикой и вольной жизни. Нум представил себе воинов родного племени, отправившихся на Большую охоту в окружении целой своры чутких, преданных и неутомимых союзников. И это еще не все! Прирученные волки будут охранять стойбища Мадаев во время весенних и осенних кочевий, и утомленные дневным переходом люди смогут спокойно спать у походных костров. При малейшей опасности четвероногие дозорные поднимут тревогу и будут сражаться бок о бок с людьми в случае нападения свирепых хищников. А быть может — почему бы нет? — Мадаям с помощью таких обученных волков удастся удерживать стада травоядных на определенной территории, чтобы всегда иметь под рукой свежее мясо? Нет, даже самому Абахо никогда не приходили в голову такие смелые мысли!

Представив себе в подробностях это чудесное время, когда впервые от начала времен люди и звери восстановят свой союз и будут дружить, Нум весело рассмеялся.

Мальчику захотелось немедленно приласкать Яка, сулившего его соплеменникам такие ослепительные перспективы, и он, приподнявшись на локте, бросил взгляд в дальний угол пещеры, где волчонок имел обыкновение проводить ночь. В пещере царила глубокая тишина, но мальчик несколько не удивился ей. Он знал, что Абахо еще с вечера удалился в Священную Пещеру, чтобы испросить у Великого Духа покровительства и помощи перед тем, как принять окончательное решение. Что же касается Больших Ступней, то они, вероятно, поднялись еще до света, чтобы заняться последними приготовлениями к отплытию. Иначе Нум, конечно, услышал бы их шумное дыхание и громоподобный храп.

Вглядываясь в темный угол пещеры, Нум позвал ласково:

— Як! Як! Пойди сюда.

Услышав свое имя, волчонок обычно сразу же подбегал к ложу хозяина и облизывал его лицо своим шершавым розовым языком. Но сегодня он, должно быть, спал так крепко, что не слышал голоса мальчика. Нум повторил свой призыв. Потом свистнул — сначала тихо, затем громче. Як не отзывался.

Нум поднялся со своего ложа очень недовольный.

— Ах, ты не желаешь просыпаться, лентяй! — проворчал он. — Ну погоди! Сейчас я до тебя доберусь.

Он ощупью направился к кладовке в глубине пещеры. У входа в нее волчонок устроил себе уютное логово из сухой травы и обрывков звериных шкур.

Подстилка была пуста.

Нум выпрямился так стремительно, что стукнулся макушкой о низкий каменный свод. Потирая вздувшуюся на темени шишку, он подумал, что Як, быть может, выбежал из пещеры вслед за Гоуром и его людьми, желая составить им компанию. Все это было, конечно, довольно странно. Нум знал, что волчонок не питал никакой симпатии к рыжим человечкам и их вожаку, и они, в свою очередь, платили ему такой же неприязнью. Тем более удивительным было вчерашнее желание Гоура выменять Яка на большую розовую раковину. Правда, вожак Больших Ступней не настаивал на своем предложении. Он сразу же прекратил разговор, как только увидел, что Нум не согласен. Гоур, по-видимому, не придавал этой сделке большого значения, иначе проявил бы, несомненно, больше настойчивости и упорства...

И вдруг страшная догадка мелькнула в уме мальчика. Гоур уж слишком легко, слишком быстро отступился от предложенной им сделки. У него, безусловно, был на уме какой-то другой, нечестный замысел...

Забыв о вспухшей на голове шишке, Нум опрометью кинулся к выходу и взобрался по лесенке на частокол.

Над долиной Красной реки занимался серенький ненастный день. Мелкий дождик сыпал с неба, покрывая тонкой рябью ровную гладь Красной реки. Не обращая внимания на дождь, Нум прыгнул с частокола и бросился к маленькой заводи, где был привязан построенный маленькими человечками плот. Заводь была пустынна: ни Гоура, ни его людей, ни плота с поклажей!

Нум приложил руки ко рту и крикнул отчаянно:

— Як! Як! Вернись!

На миг ему почудилось, что с дальнего конца долины до него долетел слабый, жалобный визг. Затем все стихло. Нум крикнул снова. Лишь эхо, отраженное скалистыми берегами, ответило ему: «Як! ак! ак! ак!..»

Сомнений больше не было: Гоур и его люди похитили маленького волка, увезли его с собой...

Гнев и возмущение охватили Нума. Глаза его словно застлало красным туманом, река заплясала в своих скалистых берегах, торчавшие из воды валуны то сходились, то расходились в разные стороны, деревья раскачивались, как пьяные, под порывами северного ветра, дождь хлестал по лицу: холодные струйки стекали вдоль щек и шеи, просачивались за вырез меховой одежды. Резким жестом Нум отбросил назад свои длинные намокшие волосы и побежал обратно к пещере. Решение созрело в его голове сразу: Большие Ступни не могли уплыть далеко; их плот тяжело нагружен, они должны передвигаться по реке с большими предосторожностями, особенно на порогах, где течение становится бурным и стремительным. У Нума есть все шансы догнать похитителей.

Он ворвался в пещеру, словно вихрь. Абахо еще не было. О том, чтобы предупредить Учителя, не могло быть и речи: это отняло бы слишком много времени. К тому же Нум не был уверен,

что Мудрый Старец одобрит его решение пуститься одному по следам Больших Ступней. Благоразумнее было уйти до возвращения Абахо из Священной Пещеры.

Нум в спешке сорвал с шеста кусок вяленого мяса и пару сухих форелей, сунул их в кожаный мешок, заткнул за пояс свой каменный топорик и, выхватив из костра обугленную головешку, нарисовал на стене пещеры картинку, которая должна была объяснить Абахо то, что произошло. Сначала он изобразил большую человеческую ногу и внутри нее — голову волка. Рядом с ногой нарисовал стрелу, упирающуюся в заштрихованный мелкими черточками квадрат; затем постарался с грехом пополам изобразить самого себя в виде маленького человечка, одна нога которого была заметно короче другой. Рисунок заканчивался второй, изгибавшейся назад стрелой, образующей почти замкнутый круг.

Это письмо-рисунок, по мысли Нума, должно было обозначать следующее: Большие Ступни похитили Яка и увезли его на своем плоту; Нум отправляется в погоню за грабителями; он скоро вернется.

Швырнув головню обратно в костер, Нум взял в руки мешок с провизией и перемахнул через ограду. Копье, которым Абахо убил весной пещерного медведя, было прислонено к наружной стене. Нум поднял его и положил на плечо. И тут только вспомнил про маленький плот, который он начал строить, пытаясь перенять мастерство рыжих человечков. Это весьма неустойчивое и непрочное сооружение было привязано в маленькой бухточке неподалеку от пещеры. Древесные стволы, составлявшие основу плота, были скреплены тонкими ремнями так неумело, что могли, того и гляди рассыпаться. Но ничего не поделаешь! Как бы плохо ни держался на воде этот недостроенный плот, придется воспользоваться им; при всех обстоятельствах он будет двигаться быстрее, чем человек, идущий пешком вдоль речного берега.

Бросив мешок и копье на бревна плота, Нум прыгнул на него и оттолкнулся от берега шестом. Течение подхватило плот и потащило за собой.

Красная река катила по равнине свои мутные глинистые воды; то справа, то слева в нее впадали прозрачные горные ручьи. Первое время Нум орудовал кое-как шестом, пытаясь избежать столкновения с гранитными валунами, загромождавшими речное ложе. Но шест был слишком коротким и зачастую не доставал до дна. Отталкиваясь от очередного встречного валуна, Нум не рассчитал силы удара и выпустил из рук шест, который тут же исчез в водовороте. Нум лег ничком на плот и попытался поймать шест, но все усилия его оказались напрасными. Осталось лишь довериться случаю и плыть по течению, в надежде, что хрупкое сооружение хоть сколько-нибудь времени продержится на воде.

Растянувшись на неровных бревнах и уцепившись руками за плот, Нум от нечего делать стал размышлять о вероломном поступке Больших Ступней. Время от времени размышления его

прерывал новый удар плота о встречную скалу или выдававшийся на середину реки каменистый мыс. Нум подгребал руками воду, старался как мог выправить положение плота на поверхности реки, и опасное плавание продолжалось.

Никогда еще мальчику не случилось передвигаться с такой головокружительной быстротой. Самый лучший бегун племени не смог бы сейчас состязаться с ним в скорости. Но ни свежий ветер, летевший ему навстречу и свистевший в ушах, ни дождь, хлеставший по лицу и обнаженным рукам, ни сменяющийся непрерывно по обеим сторонам реки пейзаж — ничто не могло отвлечь мальчика от терзавшей его тревоги за судьбу Яка. Его внимание не привлекло внезапное появление на поверхности реки выдры, а за ней — двух водяных крыс. Даже стадо пришедших на водопой коз, шаркнувших прочь при его приближении, не вывело Нума из оцепенения.

Около полудня до слуха мальчика донеслось громкое рыкание пещерного льва, бродившего где-то неподалеку. Чуть позже плот прошел в непосредственной близости от стада бизонов, стоявших по грудь в воде и с изумлением взиравших на невиданное сооружение. А ближе к вечеру наш путешественник мог полюбоваться дикими лошадьми, мчавшимися ему навстречу по берегу с развеваемыми ветром длинными гривами.

Руки и ноги Нума затекли от вынужденного бездействия, он промок до костей. Чтобы хоть немного размяться и согреться, мальчик стал снова грести руками. Но плот вдруг резко встряхнуло, бревна разошлись в стороны и Нум очутился в воде.

К счастью, глубина на месте первого в жизни мальчика кораблекрушения была небольшая, и Нум, выпрямившись, нащупал ногами дно. Река бежала здесь по каменистому ложу, устланному плоскими гранитными плитами, там и сям торчавшими из воды. Чуть дальше она, по-видимому, низвергалась вниз водопадом.

Выбравшись на берег, Нум различил вдали грохот падающей воды и понял, что плот развалился как нельзя вовремя, избавив его от верной гибели в пучине водопада. Разбитый плот, подхваченный течением, уже исчезал вдали, а вместе с ним и кожаный мешок с провизией и дубовое копые. Теперь единственным оружием Нума был каменный топорик, засунутый за пояс.

Лежа ничком на мокро-глинистом берегу, Нум предавался самым мрачным мыслям. Что ему теперь делать вдали от родного жилища? Чем кормиться, как защищаться от диких зверей? Как догнать наглых похитителей Яка, которые на своем большом и прочном плоту продолжают быстро спускаться по реке к неведомому морю?

Он представил себе на мгновение, что Большие Ступни уже расправились с Яком, и сердце его горестно сжалось. Закрыв лицо руками, Нум до крови закусил губу, чтобы не разрыдаться. Все кончено! Его мечте, такой заманчивой и прекрасной, не суждено осуществиться. Не будет в его жизни ни совместной охоты, ни

преданной дружбы, ни чудесного союза между человеком и зверем. Мадаям снова придется в полном одиночестве вести суровую борьбу со слепыми и враждебными силами окружающей природы.

Словно живая, возникла перед его глазами острая черная мордочка потерянного друга, его умные преданные глаза, розовый язык, свешивавшийся между белых клыков, когда Як, запыхавшись от жары и быстрого бега, усаживался у ног Нума, прижимаясь к ним теплым боком и заглядывая хозяину в лицо. Бессознательным движением Нум протянул руку и, не открывая глаз, пробормотал:

— Дай лапу, волчок!

Холодные капли дождя упали на раскрытую ладонь мальчика, и он, тяжело вздохнув, сжал пальцы в кулак и прошептал:

— Як! Як! Где ты?

И вдруг, словно во сне, услышал далекий-далекий вой.

Нум как ужаленный вскочил на ноги. Струйки дождя стекали по его лицу, шум водопада стоял в ушах, река по-прежнему катила мимо него буйные воды, покрытые мелкой рябью дождевых капель... Значит, он не спит, значит, ему это не пригрезилось! Нум напряг слух, надеясь снова услышать этот странный, неведомо откуда долетевший до него вой. Но, кроме однотонного шороха дождя и отдаленного грохота водопада, ничего не уловил.

Отряхнувшись, как после купания, Нум тихо побрел вдоль берега по направлению к водопаду. Течение становилось все стремительнее, и скоро Нум увидел вддали радужное облако пены и водяных брызг, висевшее над тем местом, где воды реки низвергались с высокого обрыва. Низкорослые деревья, судорожно цеплявшиеся за прибрежные скалы, склоняли свои искривленные вершины над водопадом; нижние ветви мокли в пенящейся воде, которая, казалось, норовила оторвать их и унести с собой.

Нум скользнул под сень этих мощных деревьев, узловатые корни которых обвивались вокруг прибрежных валунов, словно гигантские змеи.

«Для того чтобы переправиться через водопад, — думал Нум, — Большие Ступни вынуждены были, вероятно, вытащить свой плот на берег, разгрузить его, снести тюки вниз, к подножию водопада, вернуться за плотом и перетащить его туда же по суше. Эта работа, несомненно, отняла у них немало времени, и, поскольку ночь уже приближалась, вполне возможно, что они выбрали именно это место для ночлега».

Нум продвигался вперед с бесконечными предосторожностями. Он знал, что шум водопада заглушает его шаги, но не хотел, чтобы рыжие человечки заметили его на высоком обрыве, и старался не раскачивать деревья и кустарники, сквозь которые продирался.

Скоро он достиг невысокого утеса, возвышавшегося над самым водопадом, глянул вниз — и в страхе отпрянул назад. Огромная масса пенистой, словно кипящей воды, стиснутая с обеих сторон отвесными скалами, с грохотом неслась по узкому каменному ко-



ридору и в конце его стремительно падала вниз, разбиваясь на тысячи струй, подпрыгивая и крутясь, вскипая и клокоча. Над водопадом стояло плотное облако из мельчайших водяных капель.

Низвергнувшись вниз, Красная река, бурля и пенясь, мчалась дальше, ударяясь о гранитные скалы, постепенно замедлявшие ее бег, и затихала наконец, выплескиваясь маленькими волнами на низкий, отлогий берег, усыпанный белой галькой.

Преодолевая головокружение, Нум ухватился обеими руками за толстый корявый сук, склонился над бездной и, несмотря на туман и сгущающиеся сумерки, убедился, что не ошибся в своих предположениях.

Большие Ступни расположились лагерем ниже водопада, на отлогом берегу. Плот их лежал на белой гальке у самой воды, а чуть повыше его пылал костер, вокруг которого были сложены знакомые Нуму туки из серебристого тюленьего меха. Рыжие человечки суетились вокруг костра, поджаривая на ужин какую-то дичь. Гоур что-то рассказывал своим подчиненным, азартно размахивая длинными руками. Волосы его отливали медью в свете костра.

Увидев вожака Больших Ступней, Нум задрожал. Что сделал с Яком этот трусливый, подлый и жестокий человек? Волчонка нигде не было видно: ни у костра, ни около плота. Наверное, его уже убили...

Вдруг Гоур поднялся с места. Отсюда, с высоты, он показался Нуму еще ниже и коренастее, чем на самом деле. С увесистой дубиной в одной руке и с каким-то куском — должно быть, мяса — в другой, рыжий вожак медленно направился к ольховой рощице, начинавшейся сразу же за галечной отмелью. Он вошел под своды деревьев, и Нум потерял его из виду. Мальчик отдал бы многое, чтобы узнать, зачем Гоуру понадобилось идти в эту рощу. Вытянувшись и почти повиснув над кипящей водой, он смотрел, не отрываясь, на темную массу деревьев. Внезапно сквозь шум и грохот водопада до его ушей донесся пронзительный жалобный вопль. В одно мгновение Нум понял все. Як был привязан к рощице. Гоур принес ему еды, но волчонок, обезумев от ярости и страха, укусил своего похитителя. Теперь обозленный Гоур избивает беззащитного пленника дубиной...

Несмотря на оглушительный шум воды, Нуму показалось, что он слышит удары этой дубины, падавшие один за другим на спину его четвероногого друга. Теряя голову от бессильного гнева, мальчик готов был выпустить ветку дерева и дать водопаду увлечь себя вниз, в надежде, что бурлящий поток выбросит его прямо на галечник, в нескольких шагах от стоянки Больших Ступней. Он уже представил себе, как обрушивается, словно ураган, на их лагерь, сокрушая все на своем пути, чтобы отомстить за Яка...

К счастью, рассудок вовремя взял верх над бушевавшими в груди Нума чувствами. Увидев, что четверо оставшихся у костра людей тоже поднялись с места и направляются к ольховой рощице — вероятно, для того, чтобы помочь своему вожаку истязать вол-

чонка, — Нум вспомнил, что он один, что у него нет при себе никакого оружия, кроме каменного топорика, и понял, что, если даже ему удастся выбраться живым из водопада, Большие Ступни, впятером, справятся с ним за несколько минут...

Он выпустил ветку и отступил под сень деревьев, стискивая голову руками. Он не хотел, не мог больше слышать истошного визга избиваемого волчонка. Сделав несколько шагов назад, Нум споткнулся об узловатый корень и упал. Он лежал без сил на холодной, мокрой земле, вытянувшись вдоль толстого, похожего на огромную змею, древесного корня и прижавшись щекой к шершавой влажной коре. Дерево все время еле уловимо вибрировало у самого его виска и, казалось, старалось передать мальчику хоть часть той стойкости и упорства, с каким оно боролось за свое право на жизнь, вцепившись корнями в прибрежные скалы у края бездны, ежеминутно готовой поглотить его...

Думая об этом, Нум вдруг устыдился своего малодушия, и мужество вернулось к нему. Он медленно поднялся на ноги и пробормотал:

— Я здесь, Як! Я здесь!

Отойдя от водопада, Нум осторожно спустился с обрыва и под прикрытием наступившей темноты подкрался к ольховой рощице. Костер на берегу догорал, бросая вокруг красноватые отсветы пламени. Плот уже был спущен на воду и загружен тюками. Большие Ступни, видимо предпочитали ночевать не на суше, а посреди реки, где чувствовали себя в полной безопасности от ночных хищников. Они уже успели заснуть. Даже не сочли нужным выставить дозорного.

Нум продвигался медленно, вытянув вперед руки, чтобы не налететь впопыхах на дерево. Он совершенно не представлял себе местности и почти ничего не видел в густой тени деревьев, во мраке безлунной ночи. Пальцы Мальчика ощупывали шершавые стволы деревьев, то и дело натываясь на острые сучки и колючки. Изодранные в кровь босые ступни горели огнем. Он слышал, как из-



под ног с легким шорохом разбегаются какие-то зверьки, иногда касаясь на ходу его обнаженных икр. Дрожь пробегала по телу Нума всякий раз, когда он ощущал эти леденящие душу прикосновения. Стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть от неожиданности, он продолжал идти вперед в кромешной тьме.

Время от времени Нум останавливался и тихонько звал:

— Як! Як! Где ты?

Порой на опушке рощи заунывно вскрикивала ночная птица; откуда-то издали доносился зловещий хохот гиен; лягушки громко квакали в соседнем болоте. Но Як не отзывался.

Нум с отчаянием подумал, что Як, вероятно, не выдержал зверской расправы и погиб. Утратив уже всякую надежду, он машинально шел вперед, и вдруг его правая нога наткнулась в темноте на что-то теплое и мягкое, чуть дрогнувшее от его прикосновения.

Нум бросился на колени и судорожно запустил пальцы в густую шерсть. Да, это был Як! И он был жив! Но что сделали с ним негодяи! Все тело волчонка было исполосовано ударами, шерсть на спине и боках слиплась от крови, а кое-где была вырвана и висела клочьями.

Почувствовав руку Нума, лихорадочно ощупывавшую его тело, волчонок глухо застонал. Нум провел пальцами по морде Яка и обнаружил, что челюсти волчонка плотно стянуты сыромятным ремнем. Подсунув под ремень острый каменный топорик, Нум не без труда перерезал его и, приподняв израненную голову маленького волка, крепко прижал ее к своей груди. Со слабым счастливым визгом Як облизал горячим языком лицо своего спасителя. У Нума вдруг запершило в горле, и не в силах долее сдерживаться, он заплакал навзрыд, продолжая прижимать к себе мохнатую голову друга.

Но тут же он спохватился, что надо уходить, и как можно скорее!

Нум осторожно опустил голову Яка на землю, перерезал ремни, которыми были связаны его лапы, и шепотом приказал волчонку смиренно дожидаться его возвращения. Як, казалось, понял слова хозяина. Он послушно улегся на бок и принялся зализывать раны.

А Нум направился к реке, дошел до края галечной отмели и, придерживая у пояса кремневый топорик, вошел в воду. План местности возник в его голове сразу, как только он обнаружил, что Большие Ступни расположились на ночлег посредине реки.

Войдя в воду, Нум бесшумно добрался до гранитного валуна, к которому был привязан плот, и нащупал прочный, искусно сплетенный из кожаных ремней канат. Большие Ступни спали крепко. И мальчик беззвучно рассмеялся в темноте, представив какое безрадостное пробуждение ожидает трусливых похитителей Яка.

Нум отдохнул немного, прислонившись к скользкому валуну, затем вынул из-за пояса топорик и начал тихонько перепиливать

лезвием кожаный канат. Это был тот самый канат, который Гоур выменял у Абахо на маленький мешочек с морской солью. Канат был сделан прочно, на совесть; пропитавшая кожу вода делала его еще прочнее, а лезвие топорика уже изрядно затупилось, пока Нум разрезал им пути, связывавшие Яка. Трижды Нум прерывал работу, чтобы перевести дыхание и удостовериться, что Большие Ступни по-прежнему безмятежно спят.

Наконец последний ремешок в канате поддался судорожным усилиям мальчика. Нум выпустил из рук конец каната, и плот заскользил вниз по течению Красной Реки: сначала медленно, потом все быстрее и быстрее и через минуту исчез в темноте.

Нум подождал еще немного, жадно прислушиваясь. Внезапно тишину ночи огласили громкие отчаянные крики. Большие Ступни очнулись наконец от своего блаженного сна, очнулись на стремнине реки, увлекаемые ее бурным течением в кромешную тьму осенней ночи, не понимая спросонок, что же такое случилось с ними, но предчувствуя, чем может закончиться это неожиданное ночное плавание.

Нум расхохотался во все горло и крикнул вслед стремительно уплывающему плоту:

— Это я, Нум! Это я перерезал канат! Я, Нум из племени Мадаев, хозяин Яка!

Он выбрался на берег и направился в ольховую рощицу, продолжая смеяться от всего сердца над шуткой, которую он сыграл с мучителями своего четвероногого друга.

Як встретил мальчика изъяснениями самой бурной радости. Он уже оправился настолько, что мог держаться на ногах и потихоньку следовать за хозяином.

Целых четыре дня шли они вверх по течению Красной реки, питаясь ягодами и сырой рыбой. Когда же, на исходе четвертого дня, вдали возникли очертания скалистой гряды, крик изумления и восторга вырвался из груди Нума. Он увидел, что Мадаи возвратились наконец в свои родные пещеры.

Глава 13

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАДАЕВ

Нум понял, что Мадаи вернулись задолго до того, как они с Яком добрались до родного становища.

Поднявшись на вершину одного из холмов, господствовавших над долиной Красной Реки с юга, он увидел высокий столб дыма, медленно поднимающийся к вечернему небу.

Сначала Нум решил, что это Абахо зажег перед пещерой большой огонь, чтобы ему с Яком не пришлось плутать в темноте. Потом с замиранием сердца подумал, что загорелся запас хвороста и дров, заготовленный на зиму.

Но нет, этот огонь не был похож на пожар. Светлый дым уходил широкой струей прямо в небо, а через определенные промежутки времени вдруг начинал валить густыми клубами, как это бывает, когда в огонь подбрасывают большие охапки хвороста. Мудрый Старец не смог бы разжечь один такой громадный костер. А при пожаре огонь горит ровным пламенем, пока не уничтожит до конца все запасенное топливо...

Нум стоял на вершине холма, прижимая руки к бурно бьющему сердцу.

Як воспользовался остановкой, чтобы растянуться у ног хозяина. Он совершенно выбился из сил за время пути; раны его еще не закрылись и причиняли волчонку жестокие страдания. Он лежал, свесив язык между острыми белыми клыками, привалившись к ногам Нума. Отдышавшись, Як принялсялизывать раны, не проявляя никакого интереса к столбу серого дыма, производившему такое впечатление на его молодого хозяина. Для Яка Мадаи попросту не существовали. Правда, Нум часто рассказывал своему мохнатому приятелю об отце, о Мамме, о близнецах Тхоре и Уре и, конечно же, о маленькой Цилле, о том, как недостает ему подчас веселого смеха девочки, ее милого голоса и ясных глаз. Но



— увы! — хотя волчонок и понимал теперь многие отдельные слова человеческой речи, рассказы Нума были для него лишь пустым звуком. Як знал только двух людей: Абахо и Нума, которым он доверял и которых любил, да еще Гоура с его подчиненными, вызывавшими в сердце молодого волка страх и лютую ненависть.

Як плохо помнил свое раннее детство: волчицу-мать, кормившую и облизывавшую его в берлоге под корнями поваленного бурей дерева, других волчат, с которыми он играл на полянке близ логовища, отца, погибшего на льду Красной реки в битве с разъяренной волчьей стаей. А о будущем волчонок никогда не помышлял.

Як даже не представлял себе, что его жизнь может измениться. Он был уверен, что всегда будет жить с добрым старцем, у которого был такой ласковый успокаивающий голос, и с молодым хозяином, которому Як был предан всей душой, потому что тот дважды спас ему жизнь.

Як считал, что они втроем представляют собой отдельный, обособленный от всего остального мирок, где царят согласие, полная безопасность и уверенность в завтрашнем дне. Он не мог понять нетерпения Нума, понуждавшего его снова пуститься в путь.

— Быстрее, быстрее, мой волчок! Поднимайся, дружище, бежим! Мадаи вернулись, понимаешь? Это, конечно, они развели такой большой костер, чтобы отпраздновать свое возвращение в родные места. Сейчас все, наверное, пляшут вокруг костра, поют и веселятся... Мы должны быть вместе с ними на этом празднике! В путь, Як, в путь!

Як тяжело вздохнул. Он предпочел бы еще немного отдохнуть. Но Нум, схватив приятеля за передние лапы, заставил приплясывать вместе с ним веселый танец, не обращая внимания на жалобные повизгивания волчонка.

— Я увижу мою маму, моего отца, моих братьев! Я увижу маленькую Циллу!

В эту счастливую минуту Нум совсем забыл о том, что может не встретить кого-то из близких. Они, конечно же, все тут, они счастливы, что нашли его и Абахо живыми и невредимыми! Нуму казалось, что он слышит удивленные возгласы сородичей: «Как ты вырос, Нум! И ты больше не хромаешь! А кто с тобой? Твой ручной волк? Можно погладить его? Он нас не укусит?»

И Нум, счастливый и гордый, станет показывать всем, как надо гладить Яка, тихонько проводя по короткой и жесткой шерстке от лба к загривку, почесывая за ушами и приговаривая ласковые слова...

Он ничуть не сомневался в том, что эти ласки доставят Яку такое же удовольствие, как в тех случаях, когда он гладит его сам.

До родных пещер оставалось еще более двух часов ходьбы. Но, забыв о своей усталости и слабости волчонка, Нум несся как вихрь

сквозь каштановые и дубовые рощи, не обращая внимания на ветки, царапавшие и хлеставшие его по лицу.

Як бежал за ним с трудом, строптиво прижав уши к затылку и скривив губы в недовольной гримасе. Из горла его время от времени вырывалось глухое недовольное ворчание. К чему такая безумная гонка, в которой, по его, Яка, мнению, нет никакой надобности?

Наконец они достигли устья долины, и Нум остановился, чтобы перевести дыхание перед подъемом на крутой береговой откос.

Пока они мчались словно одержимые по лесам и холмам, ночь успела опуститься на землю, и Нум уже не различал больше впереди высокого столба серого дыма, возвещавшего о возвращении Мадаев. Но то, что открывалось его взору теперь, было несравненно прекраснее.

На широкой площадке перед входом в жилище вождя пылал гигантский костер. Бушующее пламя взвивалось алыми языками к ночному небу, озаряя багровым светом окрестные скалы. В его фантастическом освещении они казались отлитыми из золота или меди.

А вокруг этого великолепного костра, четко выделяясь черными силуэтами на его огненном фоне, кружились в стремительной пляске Мадаи, празднуя свое прибытие в родные края.

Все мужчины были в парадных одеяниях. Высокие прически украшали их головы, пышные меховые одежды развевались за плечами, на мускулистых руках и лодыжках красовались браслеты из резной кости, разноцветных камушков и раковин. Мужчины плясали боевой танец, высоко вскидывая колени и потрясая оружием, а женщины, усевшись в круг возле костра, ударяли ладонями в такт пляске или били в барабаны из кожи оленя, натянутой на высушенные и выдолбленные тыквы.

Громкая, радостная песня летела к темному небу, усыпанному крупными и яркими осенними звездами.

Нум не мог еще различить с такого расстояния лиц танцоров. Ему показалось, однако, что он видит среди них высокую, широкоплечую фигуру отца. Сердце мальчика радостно забилося. Он обернулся и возбужденно крикнул:

— Як, идем скорей! За мной!

Только тут Нум заметил, что волчонок отстал от него на несколько десятков шагов. Присев на задние лапы, навострив уши и подняв вверх острую морду, Як настороженно втягивал ноздрями ночной воздух. Вид у него был угрюмый и встревоженный.

«Мне незнакомы эти запахи, — казался, думал Як. — Насколько я могу понять, это запахи людей... чужих людей...» Шерсть на спине волчонка встала дыбом. Человеческие существа — за исключением Абахо и Нума — вызывали теперь в нем лишь недоверие и жгучую ненависть. Боль от нанесенных Гоуром ударов была еще свежа в памяти Яка. Правда, запах Мадаев ничем не напоминал едкого запаха прогорклого тюленьего жира, которым

так и разило от Больших Ступней, но дикое сердце молодого волка все равно было полно сомнений. Как узнать, будут ли эти новые люди добры к нему? Вдруг они тоже начнут обижать его?

Поняв настроение волчонка, Нум подбежал к нему и порывисто обнял за шею:

— Не бойся, мой маленький Як! Мадаи не причинят тебе зла! Нет, нет, они будут очень рады нам. И они непременно полкуют тебя, потому что я тебя люблю. Пойдем со мной, не бойся!

Як дал уговорить себя. Что ему оставалось делать? Бросить Нума и вернуться снова к дикой жизни? Ну нет, он даже думать об этом не хотел! Ведь он любил своего сумасбродного молодого хозяина.

Долгие месяцы провел Як вместе с людьми, деля с ними кров и пищу и засыпая вечером в блаженной уверенности, что никто не нападет на него врасплох во мраке ночи, а утром снова будет пища, которую не надо добывать. Пещеры Красной реки заменили ему родную берлогу, стали его жилищем, его собственной территорией.

Но именно по этой причине волчонок имел все основания считать Мадаев дерзкими захватчиками и чужаками.

Скрепя сердце Як последовал за своим молодым хозяином. Он понуро плелся позади Нума на полусогнутых лапах, готовый при малейшей опасности отпрянуть в сторону и спастись бегством. Боевые палицы и копыя, которыми размахивали в такт пляске танцоры, напоминали маленькому волку страшную дубину Гоура, и он не мог сдержать глухого рычания, вырывавшегося временами из его глотки.

А Нум уже забыл о своем четвероногом друге. Он вдруг увидел Мамму, подходившую к костру с большой ивовой корзинкой, наполненной доверху дикими яблоками и грушами.

Мамма выглядела немного постаревшей. Ее смуглое лицо, дышавшее, как всегда, кротостью и добротой, хранило следы перенесенных испытаний и какого-то большого горя, о котором Нум еще не знал. Укутанный в меха ребенок крепко спал за ее плечами, ничуть не обеспокоенный царившим вокруг шумом. Нум подумал, что мать малыша, вероятно, сильно устала с дороги или чувствовала себя нездоровой, и Мамма со своей обычной отзывчивостью взяла у нее ребенка.

Нум прорвался сквозь толпу танцоров, перемахнул через языки пламени, раздвинул ряды сидевших на корточках женщин, продолжавших ритмично ударять в ладони, и повис на шее Маммы:

— Мамма! Мамма! Это я!

Корзина выскользнула из рук Маммы; яблоки и груши покатились по земле. Нум услышал ее радостный, до боли знакомый голос:

— Нум! Мальчик мой!

Ах, какое это было счастье, какое блаженство! Уткнувшись лицом в материнское плечо, Нум чувствовал, как слезы, помимо во-

ли, наполняют его глаза. Он так долго ждал этой минуты, так долго мечтал о ней, так горячо надеялся, что его дорогая Мамма не погибла и он сможет когда-нибудь обхватить ее шею руками и прижаться, как маленький, к ее груди! Прильнув к матери и не смея поднять лица, залитого счастливыми слезами, Нум вдруг обнаружил, что Мамма почему-то стала меньше ростом. Ему пришлось даже немного нагнуться, чтобы обнять ее. Ребенок, разбуженный его бурным объятием, орал во все горло. И внезапно Нум понял, что не Мамма за время их разлуки стала ниже, а он, Нум, вырос.

Он поднял голову и радостно засмеялся, глядя на мать сияющими глазами:

— Мамма! Мамма! Это ты? Как я счастлив, что вижу тебя!

Теперь ему совсем не хотелось плакать, и он с недоумением смотрел на слезы, катившиеся по щекам матери. Положив ему на плечи обе руки, она лепетала, всхлипывая:

— Нум, мальчик мой! Как ты вырос! Тхор и Ури были бы так рады увидеть тебя...

И Нум вдруг понял, почему плачет Мамма. Смех его оборвался, он тревожно оглянулся вокруг. Все Мадаи — мужчины, женщины и дети — окружали их плотным кольцом. Сквозь ритуальную раскраску, украшавшую их красивые, мужественные лица, Нум узнавал большинство соплеменников: вот Соук, искусный резчик камней, вот Енок — лучший охотник племени, вот Ада, его жена, и Лоук, их старший сын, а вот старая Мафа, ее дочь Джила и внук Бару... Но скольких сородичей не хватает!

Большая тяжелая рука легла на плечо мальчика, и Нум стремительно обернулся:

— Отец! О, отец... это ты!

Куш, вождь Мадаев, стоял перед ним. Он тоже показался Нуму чуточку ниже ростом, но крупные, волевые черты его красивого лица дышали тем же достоинством и благородством, что и раньше.

Нум и Куш не бросились друг другу в объятия, не стали целоваться. Такие нежности между мужчинами не приняты. Но взгляды их были красноречивее всяких слов.

В глазах отца Нум прочел гордость за сына, которого он нашел таким рослым и широкоплечим, почти без признаков хромоты. Абахо, наверное, уже успел рассказать вождю, как Нум вел себя в течение долгой и суровой зимы. Теперь Куш больше не скажет о нем: «Бедный мальчик!» Но почему глаза отца так грустны и он даже не улыбается Нуму?

Побледнев от волнения, мальчик еле слышным голосом спросил:

— А где мои братья? Где Тхор и Ури? Где Цилла?

Куш скорбно склонил голову:

— Тхор был тяжело ранен в грудь во время землетрясения, Нум! Мы унесли его с собой на носилках. Он сильно страдал во

время перехода, и с нами не было Абахо, который умеет врачевать раны. Когда мы добрались наконец до становища Малахов, Тхор уже потерял сознание и бредил. Главный Колдун Малахов пытался спасти его, но было уже поздно...

Нум задрожал всем телом. Возможно ли это? Тхор, его старший брат, умер! Такой большой, такой сильный и жизнерадостный! Тхор, который был всегда весел и смеялся из-за всякого пустяка!..

— А Ури, — глухим голосом продолжал Куш, — с тех пор как брата его не стало, сделался сам не свой; бродит целыми днями как потерянный, словно лишился половины души... Он не желал вернуться с нами сюда и остался у Малахов, чтобы не покидать могилы Тхора... Но я надеюсь, что со временем он утешится и женится на старшей дочери вождя Малахов. А маленькая Цилла...

— Я здесь! — прозвенел в толпе высокий и свежий голос. — Мой дед Абахо сказал, что Нум пришел!

Нум порывисто обернулся. Он ожидал увидеть свою маленькую приятельницу, как всегда тоненькую и хрупкую, в коротком меховом одеянии с пестрой бахромой, с длинными черными волосами, перехваченными ремешком из красноватой кожи. Но Цилла тоже была не такой, как раньше, она тоже изменилась...

Вместо того чтобы бежать вприпрыжку, словно дикая козочка, она подошла теперь к ним неторопливой и плавной походкой, опустив густые ресницы, затенявшие удлинённые темные глаза. Волосы Циллы больше не падали свободно на худенькие плечи; они были искусно заплетены в десятки тоненьких черных косичек, стянутых на затылке нарядной повязкой из белого меха. Смуглые руки и щиколотки стройных ног, украшали красивые браслеты из разноцветных камушков и пестрых раковин.

Нум смотрел на Циллу, онемев от изумления. Неужели это та самая девочка, для которой он совсем недавно вырезал кукол из веток каштана?

Он не осмелился броситься к ней на шею, как сделал бы год назад, и удовольствовался тем, что неловким жестом протянул девушке руку. Цилла церемонно пожала кончики его пальцев, даже не удостоив взглядом бывшего товарища своих детских игр. Потом, повернувшись к Мамме, ласково обняла плечи своей приемной матери:

— Не плачь, Мамма! Не надо. Теперь, когда Нум нашелся, у тебя снова три сына!

Нум удивился еще больше. Три сына? Он ничего не понимал. Раз бедный Тхор ушел из этого мира, у Куша и Маммы теперь остались два сына: он и Ури! Но Ури остался навсегда в становище Малахов, и, значит, теперь у отца с матерью один сын — Нум, будущий Главный Колдун племени Мадаев.

Заметив недоумение Нума, Цилла искоса посмотрела на него насмешливым взглядом. Потом вытащила из-за спины Маммы

плачущего ребенка, поцеловала его пухлую щечку и протянула Нуму:

— Познакомься со своим новым братцем, Нум! Его зовут Эко!

В полной растерянности Нум взял у девушки младенца, неумело держа его перед собой на вытянутых руках, стал рассматривать крошечное личико. Ребенок тоже уставился на Нума мутными неосмысленными глазками. Незнакомое лицо, по-видимому, напугало малыша: он вдруг сморщился, широко раскрыл беззубый розовый ротик, сжал малюсенькие кулачки и снова оглушительно заревел.

Нум не знал, что делать с ребенком, как успокоить его. Он ухватил малыша под мышки и стал энергично трясти и раскачивать. Не привыкший к такому бесцеремонному обращению Эко завопил еще громче. Кто-то приглушенно фыркнул за спиной Нума, кто-то рассмеялся прямо ему в лицо.

Мамма торопливо взяла из рук Нума заходившегося криком ребенка и крепко прижала к груди. Лицо ее словно озарилось светом и стало совсем юным.

— Не плачь, мой маленький! Не плачь, мой хороший! Не плачь, мой любимый сыночек!

Сыночек сразу же замолчал и принялся с увлечением сосать свой кулачок. Мамма нежно улыбнулась. Слезы, которые только что текли из ее глаз, уже высохли на смуглых щеках.

Нум увидел, что окружавшие их Мадаи тоже улыбаются. Смерть Тхора не была для них, как для него, ошеломляющей новостью. Время смягчило остроту утраты. Что поделаешь, так уж устроена жизнь: одни покидают этот мир, другие вступают в него. Племя не погибло во время катастрофы, и это — главное.

Мамма удалилась в пещеру, сказав, что ей пора кормить Эко: потом она уложит его спать и вернется, чтобы поговорить обо всем на свободе со старшим сыном. Куш пошел провожать жену. Его суровое лицо светилось затаенной нежностью. Эко лепетал что-то на своем птичьем языке, крепко ухватившись крошечной пухлой ручкой за большой палец отца.

Двое мужчин принесли огромные охапки хвороста и подбросили их в костер. Яркое пламя взвилось к небу, озаряя окрестность. Женщины снова запели, ритмично ударяя в ладоши; мужчины закружились вокруг костра в стремительной пляске. Праздник возвращения продолжался.

Нум остался один на один с Циллой, с этой новой Циллой, которую он едва узнавал и которая внушала ему несобъяснимую робость. Девушка с веселым любопытством смотрела на него из-под длинных ресниц, наматывая на палец кончик одной из своих бесчисленных косичек.

— Я так рада, что ты остался жив! — сказала она звучным грудным голосом. — Мы были уверены, что вы оба погибли под развалинами нашего прежнего жилища — ты и мой дед Абахо. Я долго плакала...

Слова Циллы пробудили в сердце Нума горячую радость. Он откашлялся, чтобы скрыть охватившее его волнение. Надо было что-то ответить девушке, и ответить немедленно, а он не знал с чего начать. Ему хотелось рассказать ей так много!

Нуму казалось, что не год, а добрый десяток лет прошел с того дня, когда земля заколебалась у него под ногами, а стены Священной Пещеры пошатнулись словно деревья под напором ветра. Знала ли Цилла о том, что весной его едва не растерзал пещерный медведь? Знала ли, что Нум приручил волчонка, что волчонка зовут Як, что люди пришедшие с берегов далекого океана, похитили Яка, и тогда он, Нум, бросился за ними в погоню, спас волчонка и...

Да, да, Цилле все это уже известно. Абахо, ее дед, успел рассказать ей обо всех событиях в жизни двух невольных отшельников. Склонив голову на плечо и глядя в сторону, девушка сказала:

— Я тоже должна сообщить тебе важную новость, Нум! Ты помнишь младшего сына Тани, вождя наших друзей Малахов? Он хочет, чтобы я вышла за него замуж будущей весной!

Нум онемел от неожиданности. Сердце его упало. Он знал, что девушки его племени рано выходят замуж, но Цилла еще недавно, совсем недавно была ребенком, маленькой девочкой!..

— Это он подарил мне такие красивые браслеты, — продолжала кокетливо Цилла. — Они ведь красивые, скажи? Они тебе нравятся?

Нум посмотрел на девушку мрачным взглядом. Неужели это правда? Циллу, маленькую Циллу, подругу его детских лет, собирается взять в жены этот верзила и хвостун, отплясывавший с ней прошлой осенью на празднике встречи у Малахов? Нум вспомнил долговязого подростка с еле пробивающимися усиками, которые он поглаживал с важным видом, всячески стараясь показать, что он уже взрослый мужчина. Нечего сказать, нашла сокровище!

— Я иду за моим волком, — хмуро процедил Нум, стараясь не глядеть на Циллу. — Он побоялся прийти сюда вслед за мной. Он меня ждет!

Цилла весело рассмеялась. Она отлично видела, что Нум ревнует, что он вне себя от огорчения, и чувства мальчика отнюдь не были ей неприятны.

— Дай мне руку, — сказала она, грациозным жестом откидывая назад свои косы, — я пойду с тобой.

Глава 14

РАЗЛУКА

Сколько раз за долгую зиму, проведенную в суровом одиночестве, Нум представлял себе в мечтах тот счастливый день, когда этому одиночеству придет конец!

И вот долгожданный день наступил, но он оказался совсем не

таким счастливым и безоблачным, каким рисовался воображению Нума.

Мадаи с вежливым вниманием слушали рассказ о нелегкой жизни двух отшельников, но сами они пережили за этот год не меньше приключений и трудностей и торопились поведать обо всем Мудрому Старцу и его ученику. У Мадаев имелось теперь множество общих воспоминаний, которые были чуждыми и непонятными для Нума и Абахо. Прожив несколько месяцев в становище Малахов, Мадаи знали по именам всех членов дружественного племени. Разговаривая, они то и дело ссылались на мнения гостеприимных хозяев, вспоминали их поступки, слова, различные эпизоды совместной жизни. Мадаи переняли у новых друзей ряд приемов и обычаев, находя их более удобными и совершенными, чем те, что были приняты у них до сих пор. Они смеялись шуткам и намекам, которые Нум не мог разгадать.

К тому же у племени скопилось множество срочных и неотложнейших работ. Их надо было завершить до наступления суровой зимы. Самые сильные мужчины приводили в порядок пострадавшие от землетрясения жилища, очищая пещеры от обломков и мусора, укрепляя расшатавшиеся своды и стены. Другие чинили и крепили частоколы, защищавшие вход. Женщины торопились шить для всех зимние меховые одежды, высушить и провялить мясо и рыбу. Старики и дети целыми днями пропадали в лесу, собирая грибы и каштаны, плоды и ягоды, мед диких пчел и съедобные коренья. К вечеру все валились с ног от усталости. Но вместо того чтобы удалиться на покой в свое жилище вместе с семьей, приходилось укладываться спать вповалку на полу одной из немногих уцелевших пещер. Пещера вождя племени была самой обширной и потому самой перенаселенной. Целая орава ребятшек спала в плетеных колыбельках, подвешенных к потолку, и задавала по ночам оглушительные концерты, мешавшие спать взрослым.

Нуму совсем не нравилась эта шумная и беспокойная жизнь. Истощенные вопли младенцев будили его не один раз за ночь. В пещере было жарко и душно, воздух спертый и тяжелый. К утру, потеряв терпение и надежду уснуть, Нум вставал раньше всех, но, когда он пытался выбраться из пещеры наружу, шагая через тела спящих людей, кто-нибудь, проснувшись, сердито спрашивал мальчика, отчего ему не спится и почему он не дает покоя людям?

Но хуже всего обстояло дело с Яком. Мадаи никак не могли — да и не хотели! — привыкнуть к волчонку, смириться с его присутствием в человеческих жилищах.

Первая встреча Яка с Циллой глубоко разочаровала Нума. Ему навсегда запомнилась минута, когда девушка и волчонок вдруг очутились лицом к лицу в глубине каштановой рощи, где Нум оставил своего четвероногого друга в день возвращения Мадаев.

Цилла слышала, как ее дед Абахо рассказывал соплеменникам

о «маленьком волке» и решила, что ростом Як не больше зайца. Но с того далекого зимнего дня, когда Нум спас волчонка от неминуемой гибели, прошло много месяцев, и Як успел превратиться в почти взрослого волка.

Увидев в полумраке рощи присевшего на задние лапы большого зверя с горящими зеленым огнем глазами, в полуоткрытой пасти которого белели внушительных размеров клыки, Цилла побледнела как смерть и испуганно попятилась назад.

— Уйдем скорее, Нум! Мне страшно! Страшно!

Нум стал успокаивать девушку. Як очень ласковый, говорил он, очень послушный. Он никогда не кусается. Цилле совершенно нечего бояться его.

И Цилла желая доставить Нуму удовольствие, поборола свой страх и сделала несколько шагов вперед, крепко держа за руку друга.

Но тут Як сам все испортил. Увидев чужого человека, голос и запах которого были ему незнакомы, волчонок, как ужаленный, вскочил на ноги, и густая шерсть на его загривке поднялась дыбом. Он был еще полон воспоминаний о коварстве Гоура и его соплеменников. Жестокость людей сделала молодого волка недоверчивым.

Як стоял перед Циллой, весь ошетинившись и злобно рычал, опасаясь какого-нибудь враждебного выпада с ее стороны. А Цилле показалось, что волчонок собирается укусить ее. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, она вырвала свою руку из руки Нума и кинулась со всех ног обратно к пещерам, выкрикивая как безумная:

— Волк! Волк!

Услышав ее вопли, мужчины прервали танец и схватились за оружие, а женщины, прижимая к себе детей, бросились под защиту цастокола, громко визжа от страха.

Так в обстановке всеобщей паники и суматохи состоялось первое знакомство Мадаев с прирученным волком, знакомство, о котором Нум так долго и горячо мечтал.

Нум крепко держал Яка за загривок, чтобы тот не вздумал убежать. Он всячески успокаивал волчонка, как только что пытался успокоить Циллу. Но это было также тщетно! Перепуганный шумом и криками, Як дрожал всем телом и ложился на землю всякий раз, когда Нум немного ослаблял хватку. Нуму хотелось бы взять Яка на руки, чтобы показать Мадаям, насколько он безобиден и не опасен. Но — увы! — Як был теперь так велик и тяжел, что Нуму пришлось тянуть и волочить его за собой к костру по земле, успокаивая лишь голосом и жестами.

Як не узнавал больше знакомую местность возле пещеры. Гигантские языки пламени праздничного костра пугали его. Рослые, широкоплечие Мадаи, с ярко раскрашенными красной глиной и желтой охрой лицами и боевым оружием в руках, внушали волчонку ужас. Десятки незнакомых запахов вторглись в его чуткие

ноздри; пронзительные крики убегающих женщин и детей звенели в ушах.

Нум остановился в нескольких шагах от вооруженных до зубов мужчин. Он понимал, что страх — плохой советчик, и опасался бессмысленной кровавой схватки, которая могла вот-вот вспыхнуть. Взгляд мальчика искал в толпе сородичей отца, но Куша нигде не было видно. К счастью, на месте происшествия появился Абахо.

Мудрый Старец раздвинул шеренгу потрясавших оружием людей и твердым шагом направился к Нуму и его питомцу. Увидев Абахо, Як радостно взвизгнул. Если бы Нум не держал его так крепко, Як давно бы кинулся на грудь своему доброму старому хозяину. Подойдя вплотную к мальчику, Абахо сказал негромко:

— Отпусти его, Нум!

Спокойный и властный голос Главного Колдуна племени сразу разрядил напряженную до предела обстановку. Нум выпустил загривок волчонка, и судорожно сжатое, готовое к прыжку тело Яка распрямилось. Почувствовав себя свободным, волчонок, не помня себя от радости, рванулся к Абахо. Он совсем позабыл о Мадаях, стоявших в боевой готовности позади Главного Колдуна. Поднявшись на задние лапы, Як положил передние на грудь Мудрого Старца и принялся лизать ему лицо, тихо повизгивая от счастья.

Абахо гладил Яка по спине, почесывал за ушами, похлопывал по загривку:

— Ну, здравствуй, мой хороший! Здравствуй, мой волчок!

Онемев от изумления, Мадаи смотрели во все глаза на это невиданное зрелище. Они глубоко уважали и почитали своего Мудрого Старца и никогда не осмеливались критиковать или осуждать его решения и поступки. Но этот необычайный, неслыханный союз с одним из самых свирепых врагов человека казался им столь же невероятным и удивительным, сколь вызывающим опасения. Каким могучим колдовством, какими тайными магическими заклинаниями удалось Мудрому Старцу укротить кровожадного хищника? Никто — от самого начала времен — не видел и не слышал ничего подобного!

Оставив Абахо, Як бросился обратно к Нуму. Он уже совсем успокоился и теперь испытывал неудержимую потребность как-то выразить обуревавшую его радость встречи с любимыми хозяевами. Подскочив к Нуму, он с разбегу толкнул его головой в грудь. Это была их излюбленная игра. Нум, смеясь, опрокинулся на спину, Як надел на него, и оба стали кататься по траве, толкая друг друга и покрывая от удовольствия.

Безмолвно наблюдавшие за этой сценой Мадаи испустили дружный крик ужаса. Им показалось, что волк сейчас растерзает мальчика.

Но ничего похожего, разумеется, не произошло. Нум скоро взял верх над своим противником и, в свою очередь, прижал волчонка к земле. Як, фыркая, покусывал ему волосы, уши и пальцы,

не зная, как выразить распиравший его восторг. А Нум дергал приятеля за хвост и за лапы и весело смеялся.

Мадаи не могли прийти в себя от изумления.

Наконец игра закончилась. Нум поднялся с земли, отряхнулся и принял достойный вид, а Як уселся у его ног, щуря глаза на яркое пламя.

Абахо обернулся к соплеменникам и неторопливо заговорил:

— Вы все видели, о Мадаи! Этот волк никому не сделает зла. Он стал нашим союзником и другом с тех пор, как Нум спас ему, совсем маленькому, жизнь. А затем уже волчонок спас Нума от страшного пещерного медведя. Я рассказал вам об этом. И теперь мы связаны с ним такой крепкой дружбой, что никакая сила на свете не сумеет разрушить ее!

Дружба с волком! Мадаи молчали, подавленные и полные сомнений. Как ни говорите, а волк — это волк! Будут ли могущественные чары, сделавшие Главного Колдуна и его ученика друзьями этого странного представителя волчьей породы, охранять от его страшных зубов и когтей других членов племени? Женщины сбившись в кучку позади шеренги вооруженных мужчин, возбужденно перешептывались, глядя расширенными от страха глазами на невиданное чудо. Нум заметил среди них Циллу, еще бледную от пережитого испуга, и поманил ее рукой:

— Подойди сюда, Цилла, подойди! Да не бойся же!

Но девушка лишь отрицательно помотала головой и не двинулась с места.

Абахо сделал знак, что хочет что-то сказать. Взволнованный шепот женщин стих. Мудрый Старец простер вперед руку:

— Слушайте меня Мадаи, слушайте внимательно! Этот волк еще молод, но когда он достигнет зрелости, он будет хорошим охотником. Он поможет вам выслеживать добычу в лесу и в степи, загонять ее в западни и ловушки. А летом, во время кочевья, он будет охранять нашу стоянку от хищников. Когда же Як найдет себе самку, он, возможно, приведет ее в становище. Тогда мы вырастим их детенышей с самого рождения и у нас будет уже не один, а много верных и сильных помощников, которые станут нашими союзниками и будут служить нам преданно и усердно.

Глухой ропот толпы был ответом на речь Мудрого Старца. При всем безграничном уважении, которое Мадаи питали к Главному Колдуну, слова Абахо не вселили в них уверенности. Напротив, они испугали их своей неслыханной смелостью. Внезапно из толпы послышался глубокий, мужественный голос Куша:

— Речи Абахо полны великой мудрости. Почему бы нам не заключить союз с этим молодым волком? Я хочу попробовать.

Спокойным, твердым шагом вождь пересек открытое пространство, безоружный, с протянутой вперед рукой. Увидев его, Як вздрогнул и приложил уши к голове. Но Нум крепко обнял волчонка за шею и зашептал ему в самое ухо:

— Не бойся, Як! Это мой отец. Это Куш. Ты должен полюбить его.

Куш остановился перед ними и медленно нагнулся, протягивая руку к Яку. Волчонок обнюхал пальцы вождя, глубоко втягивая носом воздух, словно старался запомнить этот новый для него человеческий запах. Затем, видимо успокоенный, он широко раскрыл пасть и зевнул, обнажив белые клыки и розовый язык.

Нум облегченно засмеялся.

— Як! Дай моему отцу лапу. Дай лапу!

Як оглянулся на молодого хозяина, секунду помедлил в нерешительности, потом важно поднял толстую лапу с внушительными когтями и осторожно положил ее на широкую смуглую ладонь вождя Мадаев. Союз был заключен.

Куш выпрямился и, опустив руку на плечо сына, торжественно провозгласил:

— Это прекрасная мысль, Нум! Я очень доволен тобой.

Сердце мальчика радостно забилося. Он был счастлив, как никогда в жизни. «Теперь, — думал он, — битва за Яка выиграна!»

Разочарование наступило на следующий же день. Приручить дикого лесного зверя, жить все время в непосредственной близости со страшным хищником, надеяться, что он со временем начнет охотиться вместе с людьми, помогая им выслеживать и загонять добычу, что от него когда-нибудь родятся детеныши, которые появятся на свет в пещерах, где живут люди, — все эти представления были настолько новы и необычны, что Мадаи никак не могли освоиться с ними, поверить в их возможность и реальность.

Все новые, особенно самые гениальные идеи требуют долгого времени, для того чтобы люди осмыслили и осознали их.

Невзирая на пример, который подавали своим соплеменникам Абахо, Куш и Нум, Мадаи упорно не желали привыкать к присутствию Яка. Они не причиняли волчонку зла, но всячески избегали его. Женщины обходили Яка далеко стороной и сдвигались от страха голосами звали к себе детей, как только волчонок появлялся неподалеку от них. А Яку так хотелось поиграть с юными Мадаями! Он с любопытством и завистью следил за мальчишками, которые носились как угорелые по долине, плавали и ныряли в водах Красной реки. Порой, не выдержав соблазна, Як бросался в самую гущу играющих, и бывал страшно удивлен, видя, как ребятишки, отчаянно визжа, кидаются от него враспынную. Огорченный и недоумевающий, он отходил в сторону и, усевшись на задние лапы, поднимал острую морду к небу и обиженно выл. Женщины уверяли, что от этого воя волосы на их голове встают дыбом.

Старики ворчали втихомолку, что волчонок пожирает слишком много мяса. Придется заготовить для него на зиму не один десяток туш, иначе зверь, проголодавшись, начнет есть малых детей...

Нуму все это было известно. Но больше всего огорчало мальчика отношение Циллы.

Девушка ненавидела Яка и не старалась скрыть свои чувства. Ненависть ее вызывалась двумя причинами. Цилла панически боялась волчонка и при виде его не могла сдержать невольной дрожи ужаса. Кроме того, она считала, что Нум уделяет слишком много времени своему четвероногому другу. Раньше Нум сопровождал Циллу повсюду и не расставался с ней целыми днями; теперь же он ходил везде с Яком, не отстававшим ни на шаг от хозяина. Нум проводил долгие часы в Священной Пещере, куда женщины не имели права входить; Як не разлучался с мальчиком и там. Сердце Циллы терзалось страхом, ревностью и завистью.

Даже Мамма, такая добрая и кроткая, и та недолюбливала Яка. Опасаясь за своего маленького Эко, она не решалась оставить ребенка в колыбели или положить рядом с собой на землю, и весь день таскала его на спине. К вечеру она так уставала, что становилась угрюмой и раздражительной.

Проходя с Яком по долине или по берегу Красной реки, Нум с горечью замечал, как вокруг них возникает пустое пространство. Мужчины отворачивались, нахмуренные и недовольные, женщины замолкали и, подхватив на руки малышей, торопливо удалялись.

Правда, некоторых охотников, главным образом молодых, чрезвычайно пленяла и увлекала мысль о совместной охоте; они понимали, что тонкое чутье волчонка и его быстрые ноги могли бы оказать им неоценимую помощь. Но сторонники Яка были слишком немногочисленны, чтобы разрядить создавшуюся обстановку, которая накалялась с каждым днем все больше и больше.

Скоро начался отлет птиц на юг, затем полили холодные осенние дожди. Они лили не переставая, упорные до безнадежности. Мадаи вынуждены были не выходить по целым дням из перенаселенных до отказа жилищ.

Нум проводил все свободное время в Священной Пещере. Абахо возобновил занятия со своим учеником. Теперь он обучал Нума искусству живописи, показывая, как растирать на камне краски, как пользоваться самодельными орудиями для рисования. Як лежал у ног молодого хозяина и временами тяжело вздыхал. Эта уединенная и малоподвижная жизнь совсем не устраивала его. Волчонок худел с каждым днем. Бока его ввалились, живот впал, пышная густая шерсть потускнела и вылезала клочьями. Нум не решался кормить Яка на виду у всех и приносил ему еду в Священную Пещеру. Но Як, почти не покидавший теперь свое подземное жилище с его вечным мраком и сырью, спертым воздухом, быстро терял аппетит. Он нехотя обнюхивал мясо, перевертывал его, брезгливо скривив губы, и, отвернувшись, клал морду на лапы и тяжело вздыхал, вздымая тучи рыжей пыли вокруг исхудалой головы.

Нум с тоской думал, что, если им придется провести так всю долгую зиму, волчонок не доживет до весны.

Однажды, после длительных и безуспешных попыток заставить Яка поест, он в полном отчаянии заговорил о своих опасениях с Мудрым Старцем.

Абахо вздохнул:

— Я давно заметил все это, сын мой, — сказал он грустно, — но не начинал с тобой разговора; мне хотелось, чтобы ты сам понял, что так продолжаться больше не может. Яку стало плохо жить с нами. Надо вернуть ему свободу!

— Но он же на свободе, Учитель!

— Он был на свободе, пока мы жили здесь одни, мой мальчик. Разве ты не видишь преград, которые поднялись вокруг него с тех пор, как вернулись Мадаи? Преграда недоверия, преграда страха, преграда ненависти и даже — я знаю это — преграда ревности. Нет, Як не свободен больше, он стал пленником Священной Пещеры. Он не может выйти отсюда наружу, не может играть и бегать, как ему хотелось бы, а скоро не сможет больше жить!

Нум опустил голову; пальцы его судорожно сжались в кулаки. Абахо заметил его жест и, помолчав немного, продолжал:

— Не надо сердиться из-за этого на наших соплеменников, Нум! Вспомни, что они не видели, как мы с тобой, нашего Яка, когда он был совсем маленьким и беспомощным. Для них он — сильный, опасный хищник, извечный враг человека, звериные чувства которого могут когда-нибудь пробудиться. И, быть может, они не совсем неправы. Представь себе, что Як сорвется и произойдет несчастный случай. Какая страшная ответственность падет тогда на нас с тобой! И вот что я тебе скажу, сын мой: думается мне, что время для союза между человеком и волком еще не наступило...

Мудрый Старец поднялся с места и подошел к стене с изображением большого быка. Теперь рисунок был закончен. Благородное животное смотрело на своего творца кротко и задумчиво.

— Вспомни, чему я учил тебя, Нум! Когда-то, давным-давно, в этих пещерах жили люди, еще не умевшие рисовать. Обмакивая пальцы в красную глину, они чертили на стенах своих жилищ лишь самые простые знаки: черточки, точки, круги, треугольники. Ты видел их. Потом на смену этим неумелым людям пришли другие; острыми осколками кремня они выцарапывали на мягком камне разные изображения. А следующие поколения уже овладели мастерством рисунка: сначала они рисовали черным углем, потом красной и желтой охрой, потом несколькими красками одновременно. Но не сразу, не за несколько дней или месяцев достигли они мастерства: для этого понадобилось много, очень много времени, гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Так будет и с нашей мыслью о союзе людей и волков, с этой смелой и прекрасной мыслью, которая пришла нам в голову — тебе и мне. Когда-нибудь, много лет спустя, люди, без сомнения, привыкнут к ней, поймут ее пользу и необходимость. Они перестанут бояться прирученных волков, будут спокойно жить в одной пещере и спать

с ними рядом, вместе охотиться и добывать пищу, вместе сражаться с другими хищниками. Разум и воля человека объединятся с чутьем и выносливостью зверя. И — кто знает! — звери, быть может, будут помогать человеку и во многих других делах. Но этот человек будущего не будет, конечно, похож на теперешних людей. Он будет больше знать и больше уметь. Да и волки к тому времени уже не будут такими, как сегодня, и возможно, будут называться иначе. Чтобы понять это, сын мой, надо помнить и знать, что ничто в природе не стоит на месте. Мир вокруг нас непрестанно меняется, и мы меняемся вместе с ним, из поколения в поколение, хотя подчас и не замечаем этих изменений в повседневной жизни. Одним людям дано понимание великих Законов природы, другим — нет, пока еще нет... Мадаи, наши соплеменники, — простые сердцем охотники и воины, они не видят ничего дальше кончика своих копий...

— Но мой отец мог бы, во всяком случае...

— Твой отец мудр и прекрасно все понимает. Мы долго беседовали с ним. Он считает, что еще наступит время, когда люди установят союз с волками. Но он понимает также, что время для этого еще не наступило. Мадаи боятся Яка. Они не верят ему. Поверь моему опыту, сын мой, не следует срывать плоды, пока они не налились соком зрелости!

Нум, в свою очередь, поднялся с места. Он понимал, что слова Абахо полны глубокой мудрости, против которой ему нечего было возразить. В глубине его души уже много дней зрела решимость расстаться, пока не поздно, со своим преданным и верным другом, вернуть ему свободу и жизнь. Но как тяжела, как бесконечно тяжела была его сердцу эта вынужденная, эта тяжелая разлука!

Он подошел к лежавшему в углу пещеры Яку, присел перед ним на корточки и стал гладить волчонка по костлявой спине.

— Нам скоро придется расстаться, мой маленький Як!

— Завтра! — сказал Абахо. — Приближается зима. Як должен научиться добывать себе пищу до наступления больших холодов.

Нум стиснул зубы. Завтра! Уже завтра он не увидит больше этих добрых янтарных глаз, смотревших на него с такой безграничной преданностью и любовью. Никто больше не ткнется к нему в колени холодным мокрым носом, не оближет его пальцев шершавым розовым языком, не прижмется к его ногам, колотя хвостом по земле и чуть повизгивая от радости...

Закрыв глаза и крепко прижав к себе лобастую голову друга, Нум пытался собрать все свое мужество, чтобы не расплакаться, чтобы не возненавидеть лютой ненавистью соплеменников, которые не понимали, которые не могли еще понять...

Абахо видел, что Нум борется с собой, стараясь овладеть своими чувствами, и не говорил ему ни слова. Мудрый старец знал, что борьба будет трудной, но знал также, что у его ученика до-

станет силы духа, чтобы выйти победителем из этой мучительной борьбы.

Наконец Нум поднял голову и выпрямился. Всего за несколько минут черты его лица утратили свое открытое детское выражение: теперь это было суровое и замкнутое лицо взрослого человека.

— Мы уйдем на рассвете, — сказал он глухо, — я отведу Яка на опушку Большого леса...

— Мы пойдем вместе с тобой, — мягко отозвался Абахо, — я и твой отец Куш. Втроем нам будет легче сказать «прощай!» нашей прекрасной мечте.

Глава 15

СНОВА ВЕСНА

Потянулись долгие зимние месяцы.

С того дня как Нум согласился на разлуку со своим четвероногим другом, среди Мадаев вновь воцарились мир, спокойствие и согласие.

В первое время сородичи, испытывая горячую признательность к Нуму за принесенную им для блага племени жертву, всячески старались высказать мальчику свою дружбу. Встречая Нума, Мадаи широко улыбались ему, ласково подталкивали локтями и кулаками, дарили разные мелкие подарки. Но мальчик, поглощенный своим горем, равнодушно принимал эти изъявления симпатии, ни на минуту не забывая, что только из-за косности соплеменников ему пришлось расстаться с Яком.

И только после кратковременного облегчения Мадаи снова почувствовали смущение и неловкость, поняв, что причинили мальчику жестокое и непоправимое горе.

Нум проводил теперь долгие часы, сидя на гранитном валуне возле входа в отцовскую пещеру. Не отрывая глаз от темневшей вдаль опушки Большого леса, он лихорадочно прислушивался ко всем звукам, которые доносил до него оттуда порывистый, холодный ветер. Страшная мысль терзала его день и ночь: жив ли Як? Что, если дикие сородичи не захотели принять его обратно в свою стаю и прогнали волчонка, а быть может, растерзали, как некогда старого вожака, отца Яка? Глядя перед собой остановившимися от ужаса глазами, Нум видел Яка в луже крови, умирающего на холодном снегу, отвергнутого всеми: и волками и людьми. Это видение преследовало мальчика; он не в силах был отделаться от горького предчувствия.

Но однажды, вьюжным морозным вечером, когда ветер вздымал с земли мириады снежинок и со страшной скоростью гнал их перед собой вдоль берегов Красной реки, Нум вдруг отчетливо ус-

лышал сквозь вой пурги голос своего четвероногого друга. Глубокий и мощный, он поднимался к серому зимнему небу и, казалось, говорил:

«Я здесь, я здесь, о мой хозяин! Я помню тебя, я предан тебе по-прежнему!»

С этого вечера Нум словно ожил, стряхнув с себя владевшее им оцепенение. И все Мадаи ощутили, как с души у них свалилась огромная тяжесть. Воины и охотники, мужчины и женщины, старики и дети наперебой выражали мальчику свою любовь и внимание. А Цилла улыбалась ему так ласково и нежно, словно хотела испросить прощения за неведомую вину.

И тогда по вечерам, сидя у жаркого костра в отцовской пещере, Нум начал говорить соплеменникам о Яке. Он рассказал Мадаям, как спас волчонка от изголодавшейся, разъяренной стаи, как долго приручал его, стараясь лаской и терпением победить природную дикость и недоверие маленького хищника. Он рассказал про случай с пещерным медведем, когда Як впервые доказал свою преданность и отвагу; рассказал о Больших Ступнях, об их трусости, вероломстве и низости, о том, как ему пришлось в одиночку пуститься за ними в погоню, чтобы спасти Яка от верной гибели...

Струдившись вокруг пылавшего посреди пещеры костра, Мадаи, затаив дыхание, слушали Нума. Глаза их сверкали от возбуждения, яркое пламя отражалось в темных зрачках. Наивные и непосредственные, как дети, несмотря на внешнюю суровость, они обожали такие увлекательные, захватывающие дух рассказы и переживали все события так горячо и заинтересованно, словно сами были их участниками. Лица их то вспыхивали, то бледнели, они то вздрагивали, то замирали, то весело смеялись и хлопали в ладоши, то сжимали кулаки и потрясали ими в воздухе, и снова жадно слушали, боясь проронить слово и едва осмеливаясь дышать. В самых патетических местах рассказа лучшие танцоры вскакивали с места и изображали в пантомиме нападение пещерного медведя, испуг и унижение Гоура, крушение плота, на котором Нум пустился в погоню за Большими Ступнями, освобождение Яка.

Так мало-помалу молодой волк, изгнанный Мадаями, сделался в их глазах легендарным существом, сказочным героем, образцом отваги, дружбы и преданности.

Если погода позволяла, дети племени выбегали из тесных и душных жилищ на берег реки, чтобы хоть немного размяться. У них были теперь новые игры: «в волка и пещерного медведя», «в волка и рыжих человечков», «в спасение Яка». Но никто из ребят не хотел быть Гоуром, и каждый мечтал сыграть Яка. Прижав ладони к вискам, они поднимали над темноволосыми головками указательные пальцы, изображавшие острые уши маленького волка, или же носились вприпрыжку среди сугробов подражая волчьему бегу.

Нум веселился от души, глядя на эти новые, рожденные его рассказами игры.

— Видишь, сын мой, — говорил довольный Абахо. — Твоя жертва не была бесцельной. Она пошла на пользу нашей затее. Если бы мы с тобой упорствовали, не желая расставаться с Яком, дело кончилось бы тем, что Мадаи в один прекрасный день убили бы нашего питомца, потому что все племя жило в постоянном страхе. А теперь они узнали о волчонке столько хорошего, что многие в глубине души уже жалеют об его изгнании.

— Як вернулся к своей прежней дикой жизни, — грустно отвечал Нум. — Назад он не придет.

— Кто знает? — задумчиво улыбался Абахо. — Кто может это знать?

Нум молча качал головой, но в самой глубине души не мог запретить себе надеяться. Несколько раз с опушки Большого леса к нему долетал голос Яка, уже не визгливый и пронзительный, как в раннем детстве, а глубокий и мощный. Это был голос взрослого зверя в расцвете сил, торжествующая песня свободного и счастливого существа, разносившаяся далеко вокруг над заснеженными просторами. На исходе зимы к голосу молодого волка присоединился другой, более высокий и звонкий. Як больше не охотился один, он нашел себе подругу.

Нум понял, что теперь ему никогда не увидеть больше своего верного друга.

Но у мальчика не было времени предаваться отчаянию и горю. Другие волнения и заботы отвлекали его от горьких дум.

С приближением весны Мадаев охватило неясное беспокойство. Они по сто раз на дню поднимали вверх головы и зорко всматривались в небо на юге, мечтая увидеть наконец в весенней лазури первые стаи перелетных птиц, возвращающихся в родные места из жарких стран, где они провели зиму. По ночам люди просыпались и чутко прислушивались — не трещит ли на реке лед. Они выискивали на освободившихся от снега южных склонах холмов первые весенние ростки и, радостно смеясь, показывали их друг другу.

Мужчины приводили в порядок охотничье оружие и испытывали его. Из тесной пещеры Сика, оружейника, с утра до вечера доносились то звонкие, то глухие удары. Осколки кремня летели во все стороны. Наконечники для стрел, дротиков и копий выстраивались рядами вдоль стен, зубчатые и острые. Помощники Сика терпеливо оттачивали и шлифовали мелким песком затупившиеся лезвия каменных топоров и костяных копий.

Женщины готовили в дорогу меховые одежды и одеяла, собирали остатки зимних запасов пищи, закапывали в укромных уголках пещер ненужные в походе орудия и предметы домашнего обихода и то и дело ссорились из-за тесноты и перенаселенности жилищ.

Дети и подростки еле сдерживали свое нетерпение. Мысленно

они уже видели себя на необъятных просторах далекого Юга, забывая ожидавшие их на многодневном пути трудности, не помня изнурительного осеннего перехода, они думали только о переправах через многоводные реки и о новых горизонтах, открывающихся с высоты каждого горного перевала.

Жажда дальних странствий овладела всеми Мадаями — от ма-ла до велика.

Нум был совсем не прочь участвовать в этой всеобщей веселой суете и сборах. Он тоже чувствовал зуд в ногах и смутное беспокойство в сердце. Но Мудрый Старец не давал ему ни минуты роздыха. Он вдруг решил — неизвестно с какой целью — устроить Нуму генеральный экзамен и проверить, запомнил ли тот все Знание, преподанное ему за два года обучения. Уединившись с Абахо в Священной Пещере, Нум целыми днями повторял рецепты лекарств и снадобий, начатки примитивной анатомии, обрядовые песни, молитвы и заклинания. Он заучивал расположение ночных небесных светил, по которым следовало определять направление в дремучих лесах, горных ущельях и необъятных степных просторах. Все это он уже давно знал наизусть и бесконечные повторные вопросы Абахо раздражали и возмущали его до крайности. Но Мудрый старец, словно не замечая его нетерпения, снова и снова испытывал прочность его познаний и остроту ума.

Почему Абахо выбрал для проверки столь неподходящее время? Неужели он не видит, что Нум сгорает от желания закончить беседу и ждет не дождется, когда Мудрый Старец отпустит его собираться в дорогу вместе со всеми Мадаями?

Однажды к вечеру, Нум, не выдержав, спросил:

— К чему эти бесконечные повторы, Учитель? К чему они сейчас, когда на днях выступаем в поход и нам обоим давно пора заняться дорожными приготовлениями и сборами?

Помолчав немного, Абахо ответил:

— Настало время открыть тебе правду, сын мой! Я не иду с вами на Юг в этом году!

Нум растерялся от неожиданности. В полном недоумении смотрел он на Учителя. Абахо вздохнул:

— Да, мой мальчик, я не пойду нынче с вами. Моя больная нога не выдержит трудностей дальнего пути. А быть своим сородичам в тягость во время кочевья я не хочу. Ты заменишь меня в походе и на летней стоянке.

Сердце в груди мальчика упало. Абахо не будет с ними в походе! Нет, это немислимо, это просто невозможно себе представить! Широко раскрыв глаза, Нум смотрел на Абахо и вдруг заметил, как сильно сдал за эту зиму Мудрый Старец. Сломанная во время землетрясения нога его так и не срослась как следует, он передвигался с трудом и сильно хромал. Одышка мучила его. И Абахо решил остаться на берегах Красной реки в обществе трех

или четырех стариков, которым, так же как и ему, долгое путешествие на Юг было уже не под силу.

Пристально глядя на Нума, Абахо торжественно повторил, что поручает племя Мадаев ему, своему ученику и преемнику. Нум будет лечить больных и раненых, возносить молитвы духам Земли, Воды, Воздуха и Огня, созерцать утром и вечером небо, намечая по звездам путь, которого Мадаям следует держаться, или отыскивать дорогу, если путникам случится потерять ее и заблудиться. И — самое трудное, самое сложное! — он должен стать другом, советчиком и помощником для всех тех, кто нуждается в совете, поддержке и помощи.

Самонадеянный, воображавший, что он уже знает все, Нум вдруг с ужасом обнаружил, что еще не имеет представления о множестве вещей. Это открытие окончательно сразило его. Он почувствовал, что слишком молод и неопытен, что ему не по силам такая огромная, такая тяжкая ответственность. Бросившись на колени перед Абахо, он стал умолять Учителя не отпускать его одного на летнее кочевье. Пусть Мудрый Старец и на этот раз сопровождает племя Мадаев, даже если его придется нести всю дорогу на носилках!

Но Абахо не внял его мольбам. Он молча отвязал от пояса свой кожаный мешочек, вынул из него заветный талисман и торжественно вручил Нуму.

Нум узнал круглый, просверленный посредине камень на тонком кожаном ремешке, с помощью которого Абахо два года тому назад воспроизводил глубокий и мощный голос бизонов.

Нум, как и все его сородичи, безоговорочно верил в могущество талисманов. Он бережно спрятал на груди магический камень, но сознание непосильной ответственности не проходило.

Совсем недавно Нум потерял Яка, своего единственного преданного друга. Сегодня он теряет, — правда только на время, — мудрого и доброго Учителя, направлявшего его первые шаги по дороге Знания. Кого ему предстоит потерять завтра?

Нум поделился своими огорчениями с матерью, но Мамма выслушала его рассеянно и безучастно: мысли ее были заняты другим. Маленький Эко, ее младший сын, вот уже несколько дней заходил от приступов кашля, и Мамма думала только о том, как облегчить страдания малыша. Не знает ли Нум верного средства, чтобы избавить Эко от болезни?

Нум постарался применить для лечения братишки все знания, которые передал ему Абахо. Потом подошел к отцу и хотел поговорить с ним и посоветоваться. Но Куш был слишком занят приготовлениями к походу, чтобы выслушать Нума внимательно. На нем, как на вожде племени, лежала вся ответственность за удачу летнего кочевья.

Печально вздохнув, Нум отправился к Цилле. Он несколько пренебрегал ею этой зимой, занятый учебой и неотвязными мыслями об Яке. Разговоры молодой девушки частенько казались ему

пустыми и бессодержательными. Цилла проводила теперь все свободное время, расшивая свои меховые одежды разноцветными кожаными ремешками, костяными бусами и раковинами. Прищуриив длинные ресницы, она окидывала оценивающим взглядом свою работу, затем, приложив к вышивке браслеты, подаренные ей сыном вождя Малахов, любовалась творением своих рук.

Нум поделился с девушкой терзавшими его сомнениями и опасениями. Цилла проявила самое дружеское сочувствие его невзгодам:

— Ах, как досадно, что дед Абахо не может сопровождать нас, как обычно, в походе! Но он действительно сильно постарел и ослабел. Впрочем, я уверена, что ты прекрасно справишься без него, Нум! Ты теперь такой умный и так много знаешь!

Голос у Циллы был мягкий и певучий, глаза смотрели на Нума дружелюбно и ласково, на губах блуждала загадочная улыбка. Но Нуму вдруг показалось, что мысли ее где-то далеко. О чем она думала? Не желая испытать новое разочарование, Нум остерегся задать ей этот вопрос, томивший его неясным предчувствием беды.

Загадка разрешилась скоро.

...Уже пять дней племя кочевало в южном направлении. На встречу ему буйно и победно шествовала весна. Пробудившись от долгой зимней спячки, природа словно торопилась наверстать упущенное. Все вокруг зеленело и цвело, благоухало и пело. Всюду звенели и бурлили весенние ручейки, бежавшие по ложбинам среди мха и молодой зелени, сталкиваясь и сливаясь, огибая полянки цветущих ирисов и примул. На деревьях лопались и раскрывались почки, выпускающая на волю нежные, светло-зеленые листья, трепетавшие на свежем весеннем ветру. Даже нависшие над рекой угрюмые гранитные утесы, казалось, ожили и помолодели. Розовые в лучах утренней зари и кирпично-красные на закате, они словно тоже участвовали в общем празднике обновления.



Вечером пятого дня Мадаи сделали привал на опушке каштановой рощи. Пышная молодая листва весело шелестела над головой.

Нум озабоченно расхаживал среди сородичей, прикладывая целебные травы к ссадинам, порезам и ушибам, растирая натруженные во время дневного перехода плечи и колени. Ему некогда было думать о собственной усталости и поврежденной лодыжке, которая к вечеру начинала тихонько ныть.

Нум не смог бы сказать, доволен ли он. Но он чувствовал, что нужен соплеменникам, и это сознание было для него лучшей наградой за все труды.

Утешив, как умел, маленькую девочку, которая плача, показывала ему расцарапанную колючкой ручонку, Нум выпрямился и увидел трех незнакомых людей, направлявшихся к становищу Мадаев. Самый высокий из них оживленно махал ему рукой. Нум всмотрелся — и вдруг, к великой своей радости, узнал Ури. Его сопровождали двое юношей из племени Малахов.

Среди веселой суматохи, поднявшейся в становище Мадаев при появлении гостей, Нум сначала ничего не заметил. В стоявшем рядом с Ури молодым и стройным воине он не сразу узнал долгового, нескладного подростка, плясавшего с Циллой на празднике встречи двух племен. За эти годы сын Тани превратился в красивого юношу, который мало чем напоминал прежнего самодовольного мальчишку, безудержно хваставшего своими охотничьими подвигами. Теперь это был спокойный, уверенный в себе человек, державшийся с большим достоинством, как и подобало сыну вождя племени. Широкая улыбка то и дело освещала его открытое мужественное лицо.

Нум не заметил также, что Цилла стоит в стороне, потупившись, и лишь украдкой наблюдает сцену встречи сквозь опущенные ресницы. На девушке была расшитая разноцветными бусами и раковинами праздничная одежда; тонкие смуглые пальцы спокойно перебирали камушки на пестрых браслетах, украшавших ее обнаженные руки.

Смысл происходящего дошел до Нума только в конце трапезы, когда сын Тани поднялся с места, подошел к Цилле и взял ее маленькую руку в свою широкую ладонь. Маленькая рука задрожала, но девушка не отпрянула назад, не отдернула руки. Все также не поднимая глаз, она встала с места, позволила сыну Тани подвести себя к Кушу, и Куш громко и торжественно спросил Циллу, согласна ли она покинуть родное племя, чтобы стать женой сына вождя дружественного племени Малахов?

Нум не расслышал робкого «да», слетевшего с уст подруги его детских игр. Но ему незачем было слышать ее ответ. Все было и так ясно.

Едва дождавшись начала ритуальной пляски, которой Мадаи



отмечали помолвку юной пары, Нум проскользнул между танцорами, покинул становище и углубился в лес. Он шел быстро, не разбирая дороги, и продирался сквозь колючий кустарник так стремительно, словно за ним гнались по пятам враги. Ночной мрак, окружавший его со всех сторон, был не так черен, как его мысли. Он чувствовал себя совершенно одиноким — теперь уже по-настоящему и навсегда!

Поравнявшись с большим раскидистым дубом, Нум бросился ничком на землю, поросшую густым мхом, и спрятал лицо в ладонях.

Сколько времени пролежал он так, Нум не мог бы сказать. Но вдруг до слуха его донесся издали чей-то голос. Нум приподнялся на локте с бурно забившимся сердцем и прислушался. Этот голос... этот низкий горловой голос, прозвучавший словно дружеский призыв из темной глубины леса... Нум отличил бы его среди десятков других голосов. Мог ли он не узнать его?

Одним прыжком Нум вскочил на ноги и, напрягая зрение, стал всматриваться в ночную мглу, которая здесь, под сводами могучих деревьев, казалась еще непрогляднее. Сдавленным от волнения голосом он крикнул:

— Як!.. Як! Это ты?..

И замолк, прислушиваясь к ночным звукам и шорохам, заполнявшим лесную чащу. С опушки леса чуть слышно доносились веселые песни Мадаев, сопровождаемые глухим рокотом барабанов. Ночной ветерок слабо шелестел в густой листве.

Внезапно Нум увидел вдали два зеленых огонька, светившихся в темноте между ветвями. Спустя минуту рядом с этими двумя огоньками вспыхнули еще два.

Не раздумывая ни минуты, Нум бросился к ним, протянув вперед обе руки. В чаще послышался треск и быстро удаляющиеся шаги; сухой валежник хрустел под ногами беглецов. Две зеленые точки исчезли сразу; две других еще некоторое время мерцали вдали, затем тоже погасли.

— Як! — крикнул в отчаянии Нум. — Як! Где ты? Не уходи. Не уходи, Як!

Жалобное повизгивание было ему ответом. Нум понял, что не ошибся. Его четвероногий друг был здесь, совсем близко от него! Но что-то мешало молодому волку подойти к своему хозяину. Должно быть, это была волчица, подруга Яка. Испуганная и недоверчивая, она стояла рядом с ним, готовая обратиться в бегство при малейшем подозрительном движении, малейшем намеке на опасность.

Нум перестал звать Яка и прислушался. Оба зверя явно прекаркались между собой на своем языке. Нум отчетливо слышал низкий голос Яка и нервное, нетерпеливое потягивание волчицы. Затем все стихло. Спор был окончен: подруга Яка, по-видимому, настояла на своем. Як ушел за ней следом и больше не вернется!

Тяжело вздохнув, Нум прислонился плечом к ближнему дереву. Глубокая усталость и безразличие вдруг овладели им. Он тихо опустился на мягкий мох у подножия лесного великана и закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. Мрак, обступивший его, показался мальчику еще чернее, еще безысходнее. Ему было холодно и невыразимо тоскливо...

И вдруг чье-то жаркое дыхание коснулось его безжизненно лежавшей на земле руки. Нум вздрогнул и, не меняя положения, шепнул еле слышно:

— Як... это ты?

Радостный визг прозвучал в ответ, две огромные лапы мягко легли на плечи Нума, Мокрый холодный нос ткнулся в его щеку. Потом такой же мокрый, но горячий язык в мгновение ока облил все лицо мальчика.

Это ты! Это ты!

Нум протянул вперед обе руки и обхватил ими большое, мускулистое и мохнатое тело; Як сильно вырос за минувшую зиму.

Они замерли на несколько мгновений, не выпуская друг друга из объятий. Радость их была так велика, что оба плакали — каж-

дый на свой манер, — хотя Нум не чувствовал, как крупные слезы текут по его щекам. Як тихо скулил и взвизгивал хриплым от волнения голосом.

Внезапно позади них послышалось сухое, отрывистое тьяканье. Подруге Яка, должно быть, надоело ждать его, и она громко выразила свое неудовольствие и нетерпение. Еще не опомнившись как следует, оба друга обернулись в сторону леса, откуда прозвучал призыв волчицы. Поднимавшаяся над деревьями луна озаряла бледным светом густой подлесок.

Нум смутно различил в двух десятках шагов силуэт молодой волчицы с тонкой мордой и острыми ушами, которые она то наостряла, то прижимала к голове. Два горящих зеленым огнем глаза смотрели в упор на мальчика, мигая время от времени, словно не могли выдержать человеческого взгляда. Нум сидел неподвижно, стараясь не шевелиться.

Оставив хозяина, Як в два прыжка очутился рядом со своей молодой подругой. Ткнув волчицу мордой в бок, он заставил ее подняться и стал потихоньку подталкивать к Нуму.

Волчица шла с явной неохотой, упираясь в землю передними лапами и отворачивая в сторону узкую морду. Шерсть на ее спине стояла дыбом, клыки сердито оскалились. В нескольких шагах от Нума волчица остановилась, прерывисто дыша и поводя боками, словно загнанная лошадь. Потом легла на землю и положила морду на лапы, отказываясь идти дальше.

Нум осторожно поднялся на ноги, стараясь не делать резких движений. Волчица глухо зарычала. Медленно, с бесконечными предосторожностями, Нум сделал шаг, потом другой, почти не отрывая ног от земли.

Остановившись перед лежащей на земле волчицей, он протянул к ней руку.

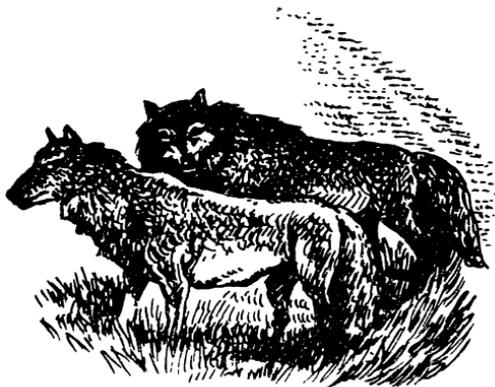
Волчица, ворча и оскаливаясь, понюхала пальцы, от которых исходил ненавистный человеческий запах. Но к этому враждебному запаху примешивался еле уловимый аромат сырого мха и влажной земли, на которой только что лежала рука Нума, и — главное — хорошо известный, привычный для нее запах Яка. Почувяв этот знакомый запах, волчица перестала рычать, и только в глубине ее глаз по-прежнему мерцали холодные зеленые огоньки.

Нум подождал немного, чтобы дать ей прийти в себя и успокоиться. Затем тихо нагнулся. Рука его мягко коснулась прижатых к затылку острых ушей и легла, дружественная, спокойная и уверенная, на голову волчицы. Маленькая дикарка не шелохнулась. Нум заговорил с ней медленно и ласково. Речь его была неторопливой и плавной; это была человеческая речь, и слова ее, разумеется, не были понятны волчице... И все же... все же она, по-видимому, понимала что-то в самой интонации этой речи, потому что понемногу обретала спокойствие. Судорожно напряженные мускулы тела расслабились,

уши поднялись и снова встали торчком, злые зеленые огоньки в глазах погасли. Волчица слушала человека, она уже доверяла ему.

Як стоял рядом с волчицей и тихо повизгивал от удовольствия. Он был безмерно рад, что его любимый хозяин и молодая подруга тоже заключили между собой прочный, дружеский союз.

И Нум вдруг забыл свои горести, опасения и обиды. Он больше не чувствовал себя одиноким. Новый мир открывался перед ним, и ему — первому среди людей! — суждено было проложить дорогу в этот чудесный, суливший такие заманчивые возможности мир, — мир дружбы, мир союза между человеком и зверем.



Д'ЭРВИЛЬИ

Приключения
доисторического
мальчика





Глава 1

НА БЕРЕГУ РЕКИ

В холодное, пасмурное и дождливое утро на берегу огромной реки сидел маленький девятилетний мальчик.

Могучий поток неудержимо мчался вперед: в своих желтых волнах он уносил сбившиеся в кучи ветви и травы, вырванные с корнем деревья и громадные льдины с вмержшими в них огромными камнями.

Мальчик был один. Он сидел на корточках перед связкой только что нарезанного тростника. Его худенькое тело привыкло к холоду: он не обращал никакого внимания на ужасающий шум и грохот льдин.

Отлогие берега реки густо поросли высоким тростником, а немного дальше вздымались, словно высокие белые стены, размытые рекою обрывистые откосы меловых холмов.

Цепь этих холмов терялась вдаль, в туманном и голубоватом сумраке; дремучие леса покрывали ее.

Недалеко от мальчика, на скате холма, чуть повыше того ме-

ста, где река омывала холм, зияла, точно громадная разинутая пасть, широкая черная дыра, которая вела в глубокую пещеру.

Здесь девять лет тому назад родился мальчик. Здесь же издавна ютились и предки его предков.

Только через эту темную дыру входили и выходили суровые обитатели пещеры, через нее они получали воздух и свет; из нее вырывался наружу дым очага, на котором днем и ночью старательно поддерживался огонь.

У подножия зияющего отверстия лежали огромные камни, они служили чем-то вроде лестницы.

На пороге пещеры показался высокий сухощавый старик с загорелой морщинистой кожей. Его длинные седые волосы были приподняты и связаны пучком на темени. Его мигающие красные веки были воспалены от едкого дыма, вечно наполняющего пещеру. Старик поднял руку и, прикрыв ладонью глаза под густыми нависшими бровями, взглянул по направлению к реке. Потом он крикнул:

Крек! — Этот хриплый отрывистый возглас походил на крик вспугнутой хищной птицы.

«Крек» означало «птицелов». Мальчик получил такое прозвище недаром: с самого детства он отличался необычайной ловкостью в ночной ловле птиц: он захватывал их сонными в гнездах и с торжеством приносил в пещеру. Случалось, за такие успехи его награждали за обедом изрядным куском сырого костного мозга, приберегаемого обычно для старейшин и отцов семейства.

Крек гордился своим прозвищем: оно напоминало ему о ночных подвигах.

Мальчик обернулся на крик, мгновенно вскочил с земли и, подхватив связку камыша, подбежал к старику.

У каменной лестницы он положил свою ношу, поднял в знак почтения руки ко лбу и произнес:

— Я здесь, Старейший! Чего ты от меня желаешь?

— Дитя, — ответил старик, — все наши ушли еще до зари в леса на охоту за оленями и широкогорыми быками. Они вернутся только к вечеру, потому что — запомни это — дождь смывает следы



животных, уничтожает их запах и уносит ключья шерсти, которые они оставляют на ветвях и корявых стволах деревьев. Охотникам придется много потрудиться, прежде чем они встретят добычу. Значит, до самого вечера мы можем заниматься своими делами. Оставь свой тростник. У нас довольно древков для стрел, но мало каменных наконечников, хороших резцов и ножей: все они обточились, зазубрились и обломались.

— Что же ты повелишь мне делать, Старейший?

— Вместе с братьями и со мной ты пойдешь вдоль Белых холмов. Мы запасемся большими кремнями; они часто попадают у подножия береговых утесов. Сегодня я открою тебе секрет, как их обтесывать. Ты вырос, ты силен, красив и достоин носить оружие, сделанное собственными руками. Обожди меня, я пойду за другими детьми.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Крек, склоняясь перед стариком и с трудом сдерживая свою радость.

Старик ушел в пещеру, откуда внезапно раздались странные горганные возгласы, похожие скорее на крики встревоженных молодых животных, чем на человеческие голоса.

Старик назвал Крека большим, красивым и сильным. Он, должно быть, хотел подбодрить мальчика; ведь на самом деле Крек был мал, даже очень мал, и очень худощав.

Широкое лицо Крека было покрыто красным загаром, надо лбом торчали жидкие рыжие волосы, жирные, спутанные, засыпанные пеплом и всяким сором. Он был не слишком красив, этот жалкий первобытный ребенок. Но в его глазах светился живой ум; его движения были ловки и быстры.

Он стремился поскорее двинуться в путь и нетерпеливо ударял широкой ступней с крупными пальцами о землю, а всей пятерней сильно тянул себя за губы.

Наконец старик вышел из пещеры и стал спускаться по высоким каменным ступеням с проворством, удивительным для его преклонных лет. За ним шла целая орда мальчуганов-дикарей. Все они, как и Крек, были чуть прикрыты от холода жалкими плащами из звериных шкур.

Самый старший из них — Гель. Ему уже минуло пятнадцать лет. В ожидании того великого дня, когда охотники, наконец, возьмут его с собой на охоту, он успел прославиться как несравненный рыболов.

Старейший научил его вырезать из раковин острием кремневого осколка смертоносные крючки. При помощи самодельного гарпуна с зазубренным костяным наконечником Гель поражал даже громадных лососей.

За ним шел Рюг-большеухий. Если бы в то время, когда жил Рюг, человек уже приручил собаку, о Рюге непременно сказали бы: «У него собачий слух и нюх».

Рюг по запаху узнавал, где в частом кустарнике созрели плоды, где показались из-под земли молодые грибы; с закрытыми глазами распознавал он деревья по шелесту их листьев.

Старейший подал знак, и все двинулись в путь. Гель и Рюг

гордо выступали впереди, а за ними серьезно и молча следовали все остальные.

Все маленькие спутники старика несли на спине корзины, грубо сплетенные из узких полосок древесной коры; одни держали в руках короткую палицу с тяжелой головкой, другие — копые с каменным наконечником, а третьи — что-то вроде каменного молота.

Они шли тихо, ступали легко и неслышно. Недаром старики постоянно твердили детям, что им надо привыкнуть двигаться бесшумно и осторожно, чтобы на охоте в лесу не спугнуть дичи и не попасть в когти к диким зверям, не угодить в засаду к злым и коварным людям.

Матери подошли к выходу из пещеры и с улыбкой смотрели вслед уходящим.

Тут же стояли две девочки, стройные и высокие, — Маб и Он. Они с завистью смотрели вслед мальчикам.

Только один, самый маленький представитель первобытного человечества остался в дымной пещере; он стоял на коленях около очага, где посреди огромной кучи пепла и потухших углей слабо потрескивал огонек.

Это был младший мальчик — Ожо.

Ему было грустно; время от времени он тихо вздыхал: ему ужасно хотелось пойти со Старейшим. Но он сдерживал слезы и мужественно исполнял свой долг.

Сегодня его черед поддерживать огонь от зари до ночи.

Ожо гордился этим. Он знал, что огонь — самая большая драгоценность в пещере; если огонь погаснет, его ждет страшное наказание. Поэтому, едва мальчуган замечал, что пламя уменьшается и грозит потухнуть, он начинал быстро подбрасывать в костер ветки смолистого дерева, чтобы вновь оживить огонь.

И если порой глаза Ожо заволакивались слезами, то единственным виновником этих слез был едкий дым костра.

Скоро он и думать перестал о том, что делают теперь его братья. Другие заботы удручали маленького Ожо: он был голоден, а ведь ему едва минуло шесть лет...

Он думал о том, что если старейшины и отцы вернутся сегодня вечером из лесу с пустыми руками, то он получит на ужин всегонавсего два-три жалких побега папоротника, поджаренных на углях.

Глава 2

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕН

Ожо был голоден, а его братья были еще голодней: ведь они долго шли на холодном ветру. Старейший всю дорогу шепотом и знаками объяснял им, как узнавать росшие по берегу водяные растения. В зимнее время, когда нет мяса, их мясистыми корнями можно с грехом пополам наполнить голодный желудок.



Он говорил, а его маленьких спутников томило желание украдкой сорвать и проглотить дикие ягоды и плоды, которые каким-то чудом уцелели от морозов. Но есть в одиночку строго воспрещалось. Все, что находили, приносили в пещеру. Дети привыкли, что только в пещере, после осмотра старшими, добыча делилась между всеми. Поэтому они пересиливали искушения голода и опускали в мешки все, что собирали по пути.

Увы! Пока что им удалось найти только с десяток маленьких сухих яблок, несколько тощих, полузамерзших улиток и серую змейку, не толще человеческого пальца. Змейку нашел Крек. Она спала под камнем, который он перевернул. У Крека была привычка: куда бы он ни шел, переворачивать по дороге все камни, которые были ему под силу.

Но если нашим путникам попадалось по дороге мало съедобного, то большие куски кремня во множестве валялись по склонам холмов. Мешки мальчуганов сильно потяжелели. Самые маленькие шли, согнувшись под своей ношей. И все-таки они изо всех сил старались скрыть свою усталость. Дети знали, что старшие привыкли молча переносить страдания и будут смеяться над их жалобами.

Дождь, мелкий град не прекращались ни на минуту.

Крек бодро шагал вслед за стариком, мечтая о том времени, когда он станет великим и славным охотником и будет носить настоящее оружие, а не маленькую детскую палицу. Пот градом капал с него, и немудрено: он тащил два огромных кремневых желвака.

За ним, нахмурившись, шли Гель и Рюг; их разбирала досада. Оба они, точно на смех, ничего не нашли за всю дорогу. Хоть бы рыбешку какую-нибудь поймали. Отыскивали всего-навсего какого-то заморенного паука, такого же голодного, как и они.

Остальные брели как попало, съжившись и понутив головы. Дождь давно уже струился по их растрепанным волосам и впалым щекам.

Так шли они долго. Наконец Старейший дал знак остановиться. Все тотчас же повиновались ему.

Вот там, на берегу, под навесом утеса, есть хорошее сухое местечко для отдыха, — сказал он. — Садитесь... Откройте ваши мешки.

Кто лег, кто присел на корточки на песок. Лучшее место под навесом мальчишки предоставили Старейшему.

Крек показал старику все, что нашлось в мешках и почтительно поднес ему маленькую змейку. Такой лакомый кусок, по его мнению, должен был достаться Старейшему.

Но старик тихонько оттолкнул протянутую руку мальчика и сказал:

— Это вам! Если нет жареного мяса, я буду жевать корни. Я привык к этому, так делали мои отцы. Посмотрите на мои зубы, — вы увидите, что мне часто приходилось есть сырое мясо и раз-

ные плоды и корни. Во времена моей молодости прекрасный другогонь, который все мы должны почитать, нередко надолго покидал наши стоянки. Иногда целыми месяцами, а то и годами, мы, не имея огня, натруждали свои челюсти, пережевывая сырую пищу. Принимайтесь за еду, дети. Пора!

И дети с жадностью набросились на жалкое угощение, которое им роздал старик.

После этого скудного завтрака, который только чуть-чуть утолил голод путешественников, старик приказал детям отдохнуть.

Они тесно прижались друг к другу, чтобы получше согреться, и сразу заснули тяжелым сном.

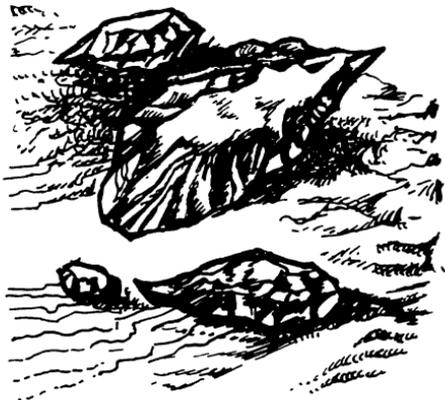
Только один Крек ни на минуту не мог сомкнуть глаз. Скоро с ним будут обращаться как с настоящим взрослым юношей, — эта мысль не давала ему заснуть. Он лежал не шевелясь и украдкой, с глубокой любовью и даже некоторым страхом наблюдал за стариком. Ведь Старейший столько перевидал на своем веку, знал столько таинственных и чудесных вещей.

Старик, медленно пережевывая корень, внимательно, зорким и опытным глазом осматривал один за другим куски кремня, лежавшие около него. Наконец он выбрал кремень, округлый и длинный, похожий на огурец, и, придерживая его ногами, поставил стоймя.

Крек старался запомнить каждое движение старика.

Когда кремень был крепко зажат в этих природных тисках, старик взял обеими руками другой камень, более тяжелый, и несколько раз осторожно ударил им по закругленной верхушке кремня. Легкие, едва заметные трещины пошли вдоль всего кремня.

Потом Старейший аккуратно приложил этот грубый молот к оббитой верхушке и навалился на него всем своим телом с такой силой, что жилы вздулись на его лбу; при этом он слегка поворачивал верхний камень; от боков кремня отлетали длинные осколки разной ширины, похожие на продолговатые полумесяцы, с одного края — толстые и шероховатые, с другого — тонкие и острые. Они падали и рассыпались по песку, словно лепестки большого увядшего цветка.



Эти прозрачные осколки, цвета дикого меда, резали не хуже наших стальных ножей. Но они были непрочны и скоро ломались.

Старик передохнул немного, затем выбрал один из самых крупных осколков и принялся оббивать его легкими частыми ударами, стараясь придать ему форму наконечника для копья.

Крек невольно вскрикнул от удивления и восторга: он собственными глазами видел, как изготавливают ножи и наконечники для копий и стрел. Старейший не обратил никакого внимания на возглас Крека. Он принялся собирать острые лезвия.

Но вдруг он насторожился и быстро повернул голову к реке. На его обычно спокойном и гордом лице отразились сначала удивление, а потом невыразимый ужас.

С севера доносился какой-то странный неясный шум, пока еще далекий; порой слышалось ужасающее рычание. Крек был храбр и все же ему стало страшно. Он попытался остаться спокойным и, подражая старику, насторожился, схватившись рукой за палицу.

Шум разбудил детей. Дрожа от страха, они повскакали со своих мест и кинулись к старику. Старейший велел им немедленно забраться на вершину почти отвесной скалы. Дети тотчас принялись карабкаться кверху, ловко цепляясь рукой за каждый выступающий камень, пользуясь каждой выбоиной в скале, чтобы поставить ногу. На небольшом уступе, неподалеку от вершины, они улеглись на животе, облизывая ободранные в кровь пальцы.

Старик не мог последовать за ними. Он остался под выступом скалы, и Крек упрямо отказался покинуть его.

— Старейший! — воскликнул он. — Неведомая опасность грозит нам, как ты говоришь. Ты любишь меня, и я не покину тебя. Мы вместе умрем или вместе победим. Ты непоколебим и силен, ты будешь сражаться, а я... если оттуда идут к нам злые люди или дикие звери, — я прокушу им печень.

Пока Крек, размахивая руками, произносил эту воинственную речь, грозный шум усилился. С каждой минутой он приближался к месту, где укрылись старик и ребенок.

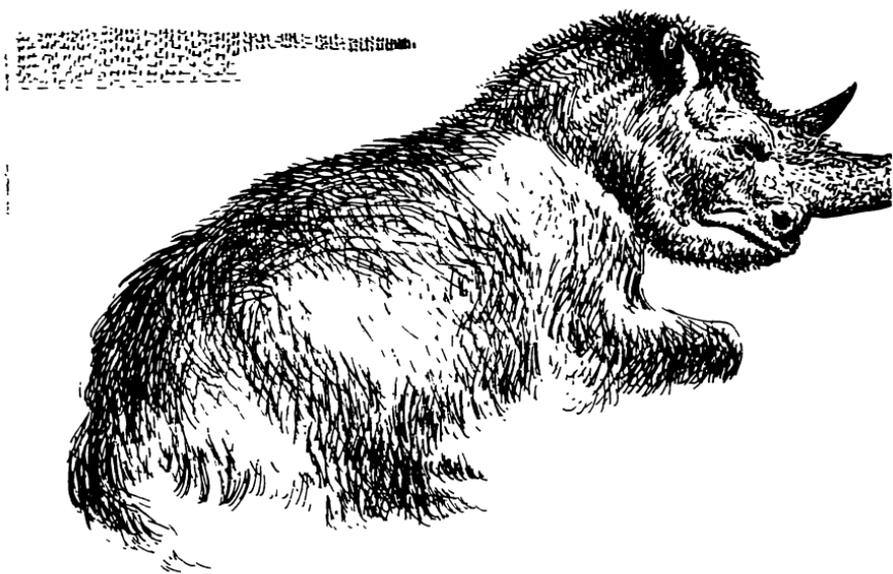
— У тебя, Крек, глаза зоркие и молодые. Посмотри на реку. Что ты видишь?

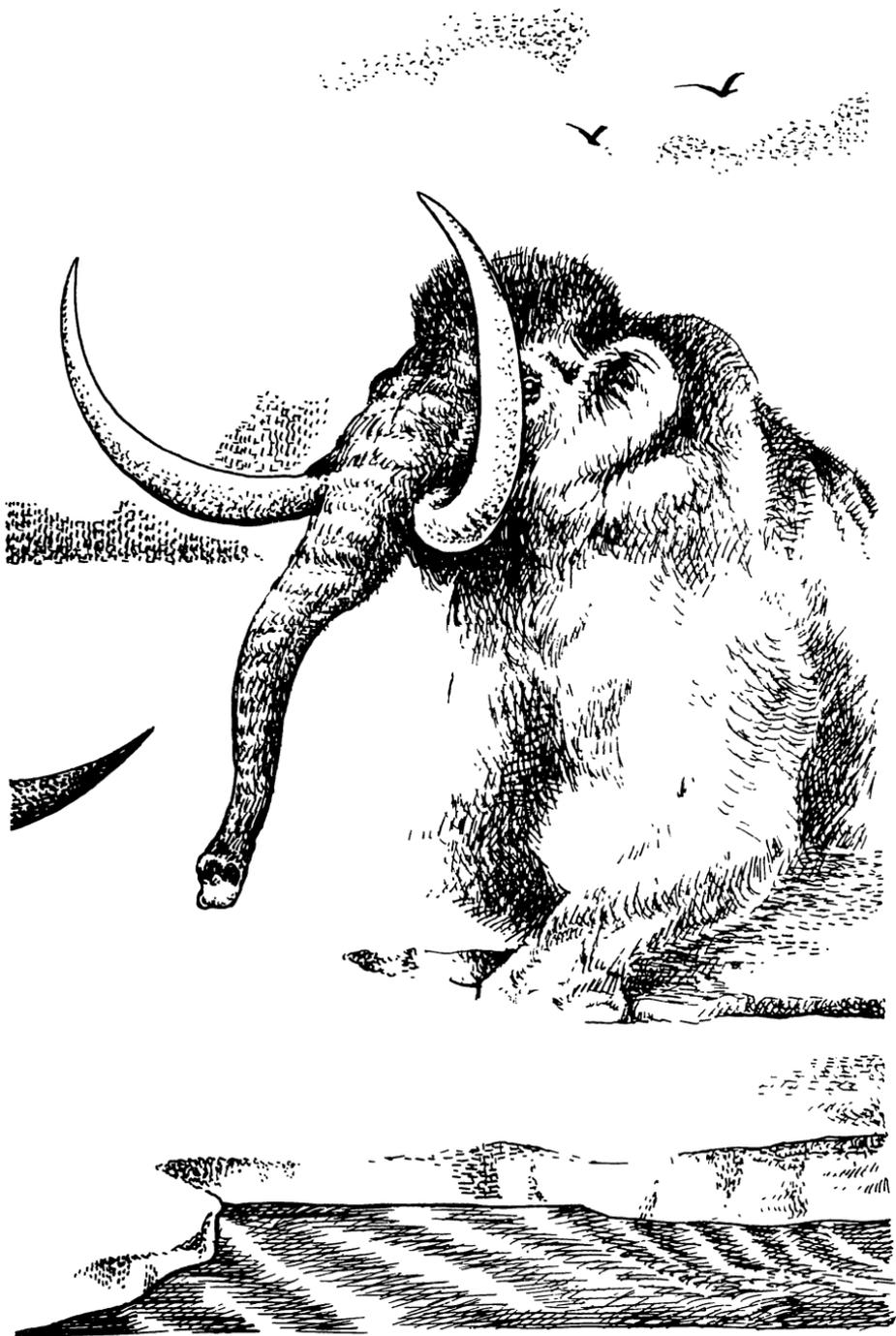
— Небо потемнело от больших птиц. Они кружатся над водой. Наверно, их злобные крики и пугают нас.

— А на воде ты ничего не видишь? Посмотри еще раз. Птицы кружатся над рекой? Значит, они следуют за какой-то плывущей по реке добычей, выжидая, когда можно будет накинуться на нее. Но кто же это так страшно рычит и ревет? Я подниму тебя, — взгляни еще раз.

Но и на руках у Старейшего Крек напрасно всматривался вдаль.

— Что видно сверху? — крикнул старик детям, лежавшим в безопасности на скале, над его головой. — Говори ты, Рюг.





— Что-то огромное, черное виднеется на белой глыбе далеко, посередине реки, — ответил мальчик. — Но что это — разобрать нельзя. Черное шевелится.

— Хорошо, Рюг. Не черный ли это ширококорогий бык?

— Нет, это чудовище больше ширококорогого быка! — воскликнул Рюг.

— Слушай, Старейший! — вскричал Гель. — Теперь не одно, а два черных пятна видны на белой глыбе, и оба они шевелятся; а возле них глыба совсем красная.

— Я вижу их! Я их вижу! — подхватил Крек, побледнев и задрожав всем телом. — Там два зверя и оба огромные! Они на льдине, а льдина плывет мимо нашей пещеры. Они не двигаются. Сейчас они проплывут мимо нас. Вот смотри! Мы погибли!

Старейший поставил Крека на землю и обернулся к реке.

То, что увидел старый охотник, заставило его побледнеть от ужаса. Крек и остальные дети плакали и дрожали от страха.

По пенистым, мутным волнам, шум которых сливался с оглушительным криком бесчисленного множества хищных птиц, плыла, кружась и покачиваясь, гигантская льдина.

На льдине виднелся чудовищной величины слон-мамонт с косматой гривой. Задние ноги животного глубоко провалились, словно в западню, в трещину льда. Зверь стоял, с трудом опираясь передними ногами на края трещины; изогнутые клыки были подняты кверху, а из хобота, торчавшего словно мачта, бил к небу непрерывный кровавый фонтан. Все тело зверя было залито кровью, струившейся из пронзенного брюха. Он рычал и ревел в предсмертных судорогах.

Рядом с ним лежал огромный косматый носорог, поразивший своим рогом мамонта, — лежал неподвижно и безмолвно, задущенный своим могучим врагом.

В ту минуту, когда чудовища проплывали на окровавленной льдине мимо Старейшего, гигантский слон страшно заревел и свалился на труп побежденного врага.

Земля задрожала от этого предсмертного крика. Эхо долго-долго повторяло его, а хищные птицы на мгновение словно замерли в воздухе.

Но затем они с новой яростью бросились на приступ ледяного плота, где покоились теперь два гигантских трупа. Коршуны и орлы накупились наконец на добычу.

Глыба льда исчезла из виду, унося трупы страшных зверей. Старик обтер рукой пот с обветренного лица и позвал своих маленьких спутников.

Стуча зубами, сле ступая дрожащими ногами, бедняжки спустились к старику, руку которого все еще судорожно сжимал Крек.

Разве можно было теперь приниматься за работу? Урок изготовления кремневых орудий был отложен, и все в угрюмом мол-

чании, опасливо поглядывая по сторонам, двинулись обратно к пещере.

Дети поминутно оборачивались и смотрели назад. Они все еще слышали шум летевших птиц. Им чудилось, что их настигает один из тех прожорливых зверей, которые, наверное, следовали за жуткой льдиной.

Но мало-помалу они успокоились, и Крек, улыбаясь, сказал на ухо Рюгу:

— Ожо завидовал нам, когда мы уходили. А теперь, пожалуй, будет рад, что ему пришлось остаться хранителем огня: ему не было так страшно, как нам.

Но Рюг покачал головой и возразил:

— Ожо смелый; он, наверное, пожалеет, что не видел этих чудовищ.

Глава 3

ВЕЧНЫЙ ВРАГ

Дети без помехи вернулись домой до наступления ночи.

После страшного приключения, рассказ о котором заставил дрожать матерей и плакать маленьких сестер, родная пещера, жалкая и дымная, показалась детям уютным жильем.

Здесь им нечего было бояться. Кругом поднимались крепкие каменные стены, а яркий огонь нежно ласкал и согревал их.

Огонь — лучший друг человека: он побеждает холод, он отпугивает диких зверей. Но есть один враг, против которого бессилён даже огонь.

Этот вечный враг всегда подстерегает человека и несет ему гибель, стоит только перестать с ним бороться, — этот вечный враг, всегда и во все времена был врагом жизни вообще.

Имя этому неумолимому врагу, этому жадному тирану, который даже и в наши дни продолжает свои опустошительные набеги на землю и истребляет тысячи людей, имя ему — голод.

Прошло четыре долгих дня с тех пор как дети вернулись в пещеру, а охотники — деды и отцы — все еще отсутствовали.

Не заблудились ли они в лесу, несмотря на свою опытность? Или охота оказалась безуспешной? Или они напрасно рыскают до сих пор по лесу? — Никто не знал этого.

Впрочем, и Старейший, и матери, и дети привыкли к таким долгим отлучкам отцов. Они знали — охотники ловки, сильны, находчивы, и совсем не беспокоились о них. Оставшихся дома одолевали иные заботы: все запасы пищи в пещере иссякли.

Небольшой кусок протухшей оленины — остаток от прежней охоты — съели еще в первые дни.

В пещере не осталось ни кусочка мяса; пришлось приняться за свежие шкуры, отложенные для одежды.

Маленькими плоскими кремнями с искусно зазубренными ост-

рыми краями женщины соскоблили шерсть и отделили жилки с тяжелых шкур. Затем они разрезали кожи на небольшие куски. Эти еще покрытые пятнами крови куски вымочили в воде и варили до тех пор, пока они не превратились в густую клейкую массу.

Нужно заметить, что этот отвратительный суп варился без горшка. Изготавливать глиняную посуду люди научились гораздо позже, чем орудия из грубо обтесанного и оббитого камня.

В пещере Крека воду кипятили в искусно сплетенных мешках-корзинах из древесной коры; такой мешок разумеется нельзя было ставить на горячие уголья; чтобы нагреть воду, в мешок бросали один за другим докрасна раскаленные на огне камни. В конце концов вода закипала, но какой мутной и грязной становилась она от золы.

Несколько корней, с трудом вырванных из замерзшей земли были съедены.

Гель принес какую-то отвратительную рыбу. Это было все, что ему удалось поймать после долгих и тяжких усилий. Но и эту жалкую добычу встретили с радостью. Ее тотчас же разделили и тут же съели: рыбу даже не потрудились поджарить на угольях. Но рыба была небольшая, а голодных ртов много. Каждому досталось по крошечному кусочку.

Старейший, желая хоть чем-нибудь занять измученных голодом обитателей пещеры, решил раздать всем какую-нибудь работу. Об этих работах мы поговорим позже, а пока осмотрим пещеру.

Наше счастье, что мы можем проникнуть туда только мысленно. Иначе мы, наверное, задохнулись бы от ужасающего зловония и спертого воздуха, царивших в этом мрачном убежище первобытных людей.

Некогда почвенные воды вырыли в толще мягкой горной породы обширный глубокий погреб. Главная пещера сообщалась узкими проходами с другими, более мелкими пещерами. Со сводов, потемневших от дыма, свешивались сталактиты и падали тяжелые капли воды. Вода просачивалась повсюду, стекала по стенам, накапливалась в выбоинах пола. Правда, пещера спасала первобытного человека от свирепого холода, но это было нездоровое, сырое жилище. Обитатели пещеры часто простужались, болели. В наше время ученые нередко находят в таких пещерах вздутые изуродованные кости.

Но вернемся в жилище Крека. Вдоль стен главной пещеры, на грязной, покрытой нечистотами земле, лежали кучи листьев и мха, прикрытые кое-где обрывками звериных шкур, — постели семьи.

Посреди пещеры возвышалась глубокая и большая куча пепла и сальных потухших углей, с краю она была чуть теплая, но посредине горел небольшой костер; Крек, дежурный хранитель огня, беспрестанно подбрасывал хворост, вытягивая его из лежавшей рядом связки.



Среди пепла и углей виднелись разные объедки и отбросы: обглоданные кости, расколотые в длину, с вынутым мозгом, обгорелые сосновые шишки, обуглившиеся раковины, пережеванная кора, рыбы кости, круглые камни и множество кремней различной формы.

Эти обломки кремней — остатки обеденных «ножей», резцов и других орудий. Кремниевые орудия очень хрупки, и они часто тупились и ломались. Тогда их просто бросали в мусорную кучу.

Первобытные люди, конечно, и представить себе не могли, что когда-нибудь их отдаленные потомки будут рыться в кухонных отбросах, искать затупившиеся сломанные ножи, подбирать угольки их очага, чтобы потом выставить их в просторных залах великолепных музеев.

В этой первобытной квартире не было никакой мебели. Несколько широких раковин, несколько плетеных мешков из коры или тростника, нечто вроде больших чаш, сделанных из черепов крупных животных, составляли всю домашнюю утварь.

Зато оружия было много — и оружия страшного, хотя и очень грубо сделанного. В пещере хранился большой запас копий, дротиков и стрел. Здесь были острые каменные наконечники, при-

крепленные к древку с помощью растительного клея, древесной и горной смолы или жил животных. Здесь были костяные кинжалы — заостренные отростки рогов оленей и быков; здесь были палицы — зубчатые палки с насаженными на них клыками животных, каменные топоры с деревянными рукоятками, кремневые резцы всех размеров и, наконец, круглые камни для пращи.

Но мы напрасно стали бы искать в пещере какого-нибудь домашнего животного. Ни собаки, ни кошки, ни курицы не было видно у очага, возле мусорных куч. В те далекие времена человек еще не умел приручать животных.

Крек никогда не видел и не пробовал ни коровьего, ни козьего молока.

И никто в те суровые времена, о которых идет речь в нашем рассказе, не видал и не знал, что такое колос ржи или ячменя. Никто, даже сам Старейший.

Быть может, он и находил иногда во время своих странствий по равнинам высокие, незнакомые ему растения, свежие колосья которых он растирал в руках, пробовал есть и находил вкусными. Наверное, он указывал на эти колосья своим спутникам, и те тоже с удовольствием грызли вкусные зерна.

Однако понадобились века и века, прежде чем потомки этих людей научились, наконец, собирать семена растений, сеять их возле своих жилищ и получать много вкусного и питательного зерна. Но Крек никогда в жизни не видел ни хлеба, ни зерновой каши. Обитатели пещеры не могли похвастать большими запасами пищи. Охота и рыбная ловля, особенно в холодное время года, доставляли так мало добычи, что ее хватало лишь на дневное пропитание и прятать в запас было нечего. Кроме того, пещерный человек был слишком беспечен, чтобы думать о завтрашнем дне. Когда ему удавалось раздобыть сразу много мяса или рыбы, он по нескольку дней не выходил из пещеры и пировал до тех пор, пока у него оставался хоть один кусок дичины.

Так случилось и теперь. Старшие ушли в лес на охоту только тогда, когда в пещере уже не оставалось почти ничего съестного. Немудрено, что на четвертый день их отсутствия обитатели пещеры начали глотать уже обглоданные раньше и брошенные в золу кости.

Старейший приказал Рюгу собрать все эти кости и перетолочь их на камне. Потом Рюг вооружился каменным скребком и принялся соскребывать горькую обуглившуюся кору с побегов папоротника, собранных когда-то маленьким Ожо.

Девочки, Маб и Он, стойко, без жалоб и стенаний переносившие голод, получили приказание зашить рваные меха — запасную одежду семьи.

Одна прокалывала костяным шилом дырочки в разорванных краях жирных шкур, другая продевала в эти дырочки при помощи довольно тонкой костяной иглы, очень похожей на нашу штопальную, жилы и сухожилия животных. Они так увлеклись этой труд-

ной работой, что забыли на время терзавший их мучительный голод.

Остальные дети, по приказу Старейшего и под его наблюдением, чинили оружие; даже из самых мелких кремней старик учил изголовлять наконечники для стрел.

Ожо, несмотря на суровую погоду, послали за желудями. Это было не слишком приятное занятие. Когда снег покрывал землю, на поиски желудей выходили опасные соперники человека — голодные кабаны.

Но Ожо не боялся встретиться с ними. Он не хуже Крека лазил по деревьям, и в случае опасности сумел бы вмиг вскарабкаться на ветки.

Впрочем, время от времени Рюг-большеухий выходил взглянуть, где Ожо и что с ним.

Рюг взбирался по тропинке, которая поднималась зигзагами от пещеры к вершине холма, и издали ободрял маленького братишку. В то же время он чутко прислушивался. Но всякий раз ветер доносил до него только шум леса. Как ни настаивал Рюг свои большие уши, он не слышал шагов охотников.

День близился к концу и никто уже не надеялся увидеть сегодня охотников. Постепенно всеми овладело тупое, мрачное отчаяние.

Чтобы как-нибудь подбодрить наголодавшихся обитателей пещеры, Старейший приказал всем идти в лес, на вершину холма, и, пока еще не наступила ночь, поискать какой-нибудь пищи.

Быть может, вместе со старшими дети скорее найдут в этом уже не раз обысканном лесу что-нибудь съедобное — натеки древесного клея, зимних личинок, плоды или семена растений.

Все безропотно повиновались приказу Старейшего; казалось у многих пробудилась надежда.

Женщины взяли оружие, дети захватили палки и все ушли.

Один Крек остался у костра, гордый оказанным ему доверием. Он должен был до самого вечера поддерживать огонь на очаге и поджидать возвращения маленького Ожо.

Глава 4

ДОЛГ И ГОЛОД

Крек довольно долго сидел на корточках перед очагом, усердно поддерживая огонь и занимаясь ловлей отвратительных насекомых, бегавших по его телу. Внезапно у входа в пещеру, усыпанного мелкими камнями и ракушками, послышались легкие и быстрые шаги.

Крек повернул голову и увидел запыхавшегося Ожо. Глаза Ожо сияли от радости: он тащил за хвост какое-то животное вроде большой черноватой крысы.

Это была пеструшка, предок тех самых пеструшек, которые и теперь населяют равнины Сибири.

— Посмотри, это я ее убил, — кричал Ожо, — я один! Крек, я буду охотником!

Он бросил зверька к ногам брата и, не замечая, что, кроме Крека, в пещере никого не было, громко закричал:

— Скорей, скорей! Идите за мной! Сейчас же! Их еще много там, наверху. Мне одному их не догнать, но если мы пойдем все вместе, мы их переловим и поедим вволю сегодня вечером. Ну, живо!

— Не кричи так громко. Разве ты не видишь — все ушли в лес, — остановил его Крек. — Остался только один я. Что, ты ослеп, что ли?

Ожо оглянулся — брат говорил правду. Ожо растерялся. На пути домой он так ясно представлял себе, как все обрадуются его добыче. «Даже Старейший, — думал он, — похвалит меня». И вдруг — в пещере только один Крек, да и тот чуть ли не смеется над ним.

Но надо было спешить, иначе великолепная добыча могла ускользнуть от них. И Ожо принялся торопить брата. Стоило только подняться к опушке дубового леса, чтобы убить много пеструшек. Крек встрепенулся и вскочил на ноги.

— Живей! — крикнул он.
— В дорогу!

Принести в пещеру много пищи, да еще в такой голодный день! Крек схватил тяжелую палку и бросился вслед за братом.

Но вдруг он вспомнил об огне и остановился в нерешительности.

— Иди же, — торопил Ожо с порога пещеры. — Иди, а то поздно будет. Я видел маленькую стаю у Трех Мертвых Сосен. Мы еще захватим их там, если поторопимся. Ведь я прибежал сюда бегом.

— А огонь, Ожо? — воскликнул Крек. — Смотри, он только что весело потрескивал, а теперь уже потухает. Ведь его все время нужно кормить.

— Ну, так дай ему поесть, — ответил мальчик. — Дай ему побольше еды. Мы не долго будем охотиться. Он не ус-



пеет всего пожрать, как мы уже вернемся.

— Ты думаешь, Ожо?

— Ну конечно. Мы дойдем до прогалины у Трех Мертвых Сосен и быстро вернемся назад. Вдвоем мы набьем много зверьков. И там, наверху, мы напьемся их теплой крови.

Бедный Крек колебался. Напиться теплой крови было очень заманчиво — голод так жестоко терзал его. Крек стоял и раздумывал. Пожалуй, Ожо прав: если подбросить побольше ветвей, огонь, наверное, не погаснет. Они скоро вернуться и принесут много еды. А в пещере все чуть ли не умирают от голода. Матери и сестры так измучены... Крек больше не колебался.

Он подбросил немного дров в огонь и в два-три прыжка нагнал Ожо.

Мальчики скоро добрались до вершины холма. Оттуда они пустились бежать к прогалине у Трех Мертвых Сосен.

Это место легко было узнать по трем громадным соснам. Они давным-давно засохли, но все еще стояли, протягивая, словно гигантские костлявые руки, свои голые ветви. Здесь, у сосен, мальчики увидели, что папоротники и высокая желтая трава у корней деревьев сильно колышется. Это казалось странным, потому что ветер совсем стих.

— Вот они! — прошептал Ожо, дрожа и волнуясь, на ухо Креку. — Вот они... Это они колышут траву. Нападем на них!

Братья кинулись вперед с поднятыми палками и в несколько прыжков очутились среди животных, которые бесшумно двигались в траве. Мальчики стали наносить удары направо и налево, стараясь перебить как можно больше зверьков.

В пылу охоты маленькие охотники позабыли о времени и совсем не замечали, что творилось вокруг. Между тем в соседних лесах раздавался вой и рев. Тысячи птиц, оглушительно каркая и крича, кружились над головами Крека и Ожо.

Изнемогая от усталости, еле шевеля руками, братья на минуту приостановили свою охоту. Оглянулись и прислушались. Со всех сторон до них доносился визг, вой. Повсюду, насколько хватало глаз, трава колыхалась и дрожала, словно волны зыбкого моря. Стаи пеструшек все прибывали. Вместо прежних сотен кругом были уже тысячи диких зверьков.

Крек и Ожо поняли (им случалось и раньше, — правда, издали, — видеть нечто подобное), что они попали в самую середину огромного полчища переселяющихся крыс.

В приполярных тундрах даже и в наше время удается иногда наблюдать переселение житников и пеструшек. Ничто не может остановить движение этих мелких зверьков. Они преодолевают все препятствия на своем пути, переплывают реки и покрывают несметными стаями громадные пространства.

Положение Крека и Ожо стало не только затруднительным, но и опасным. Оживление первых минут охоты исчезло; его сменили страх и усталость. К несчастью, мальчики слишком поздно поня-

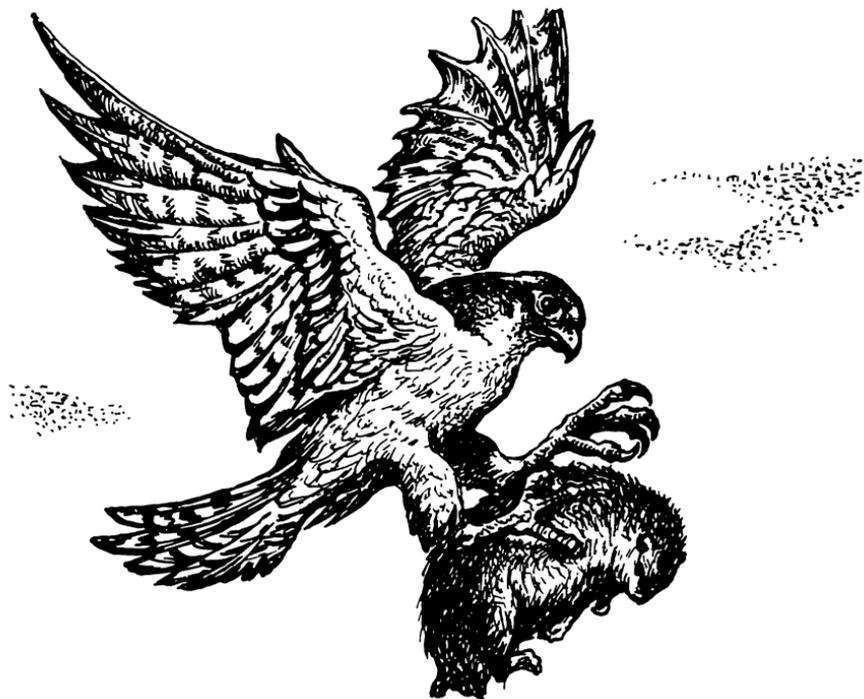
ли, как неосторожно они поступили, бросившись очертя голову в стаю переселяющихся крыс.

Со всех сторон их окружали несметные полчища грызунов. Напрасно братья снова взялись за оружие: на смену убитым крысам тотчас появлялись новые. Задние ряды напирали на передние, и вся масса продолжалась нестись вперед, словно живая и грозная лавина. Еще немного — и грызуны нападут на детей. Зверьки с отчаянной смелостью бросались на маленьких охотников, их острые зубы так и впивались в босые ноги мальчиков. Братья в испуге кинулись бежать. Но зверьки двигались сплошным потоком, ноги мальчиков скользили по маленьким телам. Каждую минуту дети могли оступиться и упасть.

Они остановились. Упасть — это умереть, и умереть страшной смертью. Тысячи крыс накинулись бы на них, задушили и растерзали бы их.

Но в эту минуту Крек взглянул на мертвые сосны, вблизи которых они стояли. Счастливая мысль внезапно пришла ему в голову: стоит добраться до этих могучих деревьев, и они будут спасены.

И маленькие охотники, несмотря на усталость и жестокие уку-



сы крыс, снова пустили в дело свои палки. С огромным трудом им удалось наконец пробиться к подножию сосен. Тут Крек подхватил Ожо к себе на спину и ловко вскарабкался по стволу.

Несколько сотен зверьков кинулись было вслед за ними, но их сейчас же опрокинули и смяли задние ряды.

Крек посадил Ожо на один из самых крепких и высоких суков и, все еще дрожа от страха, огляделся вокруг. Далеко-далеко, куда только не достигал взгляд, земля исчезала под сплошным покровом черных и серых крыс. От высохшей травы не осталось и следа. Передние стаи все пожрали.

Стремительное движение пеструшек не прекращалось ни на минуту и грозило затянуться на всю ночь. Ожо, чуть живой от страха и холода, крепко прижимался к брату. Не то было с Креком. Едва он почувствовал себя в безопасности, как самообладание и смелость вернулись к нему. Он зорко оглядывался кругом и отгонял палкой хищных птиц, которые сопровождали полчища пеструшек. Эти птицы сотнями опускались на ветви мертвой сосны рядом с детьми, оглушая их своими дикими криками.

К ночи над равниной разостлалась пелена ледяного тумана. Но еще прежде, чем он успел сгуститься, мальчики заметили неподалеку от своего убежища громадного черного медведя.

Могучий зверь, попав в поток движущихся крыс, сам, казалось, находился в большом затруднении. Он яростно метался из стороны в сторону, поднимался на задние лапы, прыгал и жалобно рычал.

— Брат, — сказал Крек, — видно нам не вернуться сегодня вечером в пещеру. Уже темно, ничего не разглядеть, но я по-прежнему слышу сильный и глухой шум. Это крысы. Им нет конца! Мы, наверное, останемся здесь до утра.

— Что ж, подождем до утра, — решительно ответил маленький Ожо. — У тебя на руках мне не холодно и не страшно, и я не голоден.

— Спи, — ответил Крек, — я буду тебя караулить.

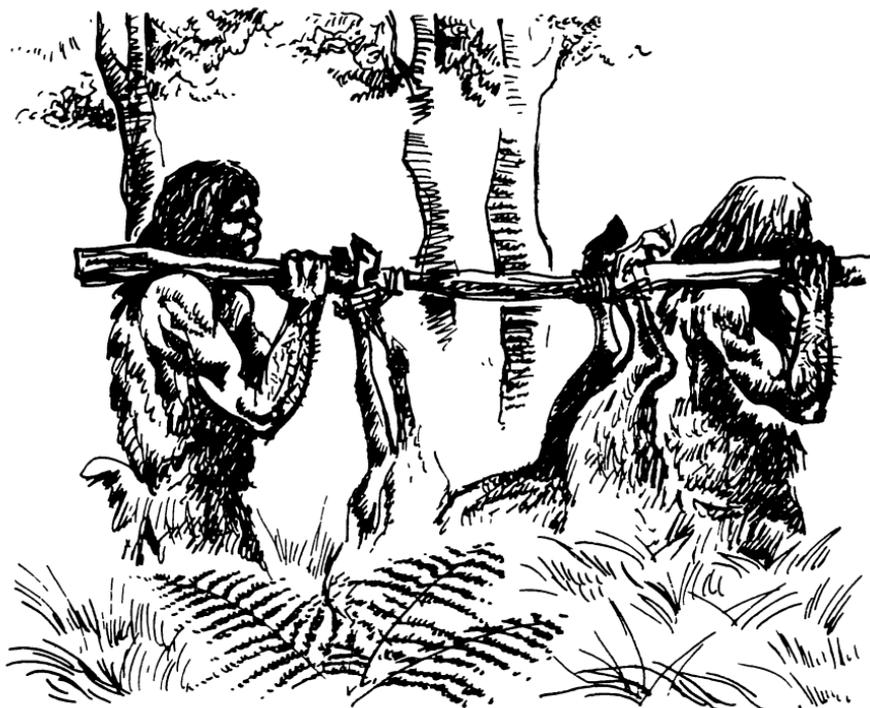
Младший брат скоро заснул, а Крек сторожил его. С мучительной тоской думал он об огне, о нетерпеливом и прожорливом огне, который он так легкомысленно оставил без всякого призора. Огонь, конечно, погас раньше, чем вернулись отцы или Старейший.

Глава 5

ОГОНЬ ПОГАС

Что же делали остальные обитатели пещеры, пока Крек, разоритель гнезд, вместе с маленьким братом воевал с легионами пеструшек? Мы помним, что Старейший повел женщин и детей в лес на поиски пищи.

Едва они стали собирать сухие плоды буковых деревьев, как



где-то далеко, очень далеко, в туманной дали, среди безлистных деревьев послышались глухие шаги.

Старейший, приложив пальцы к губам, приказал своим спутникам хранить глубокое молчание и стал прислушиваться. Но вскоре лицо его прояснилось.

Рюг-большеухий припал к земле и, зарывшись головой в траву, вслушивался.

— Ну, Рюг? — спросил старик.

— Идут люди, много людей.

— Это наши. Тревожиться не о чем.

Крик радости вырвался у женщин и детей, но старик остановил их.

— Прислушайтесь! — Продолжал он. — Охотники идут медленно и ступают тяжело. Значит, они несут какую-нибудь ношу. Что они несут? Быть может, раненого? Или тащат на плечах тяжелую добычу? Сейчас мы это узнаем.

Звук шагов между тем с каждой минутой становился все явственнее и явственнее. Наконец вдали показалась группа людей.

Зоркие глаза женщин сразу распознали мужей и братьев.

— Это наши, наши! — закричали они.



При этом известии дети запрыгали от радости. Но Старейший сурово приказал им стоять смирно.

Затем он двинулся навстречу прибывшим, потрясая чем-то вроде начальнического жезла, сделанного из оленьего рога. Ручка его была покрыта рисунками, изображавшими диких зверей.

Охотники приветствовали старика протяжными дружественными криками.

Они рассказали Старейшему о своих странствиях по лесам, а он поведал им, что за это время произошло в пещере.

Охотники принесли часть туши молодого северного оленя и половину лошади. Это было все, что им удалось добыть. Дичи стало гораздо меньше: уж очень много гонялось за ней охотников соседних племен. С такими охотниками повстречались обитатели пещеры и даже вступили с ними в бой. Но враги бежали после первой же схватки. Никто из жителей пещеры не погиб.

Только у некоторых охотников на коже виднелись царапины и ссадины, запекшиеся кровавые рубцы. Другие прихрамывали и шли, опираясь, вместо костыля, на сломанный сук.

Наконец охотники приблизились настолько, что можно было

рас слышать их голоса. Тогда матери подняли детей на руки и, храня молчание, почтительно склонились перед мужьями и братьями.

Прибывшие, несмотря на усталость, дружескими жестами ответили на этот безмолвный привет.

Старейший рассказал охотникам, что обитатели пещеры без малого четыре дня почти ничего не ели, и предложил тут же раздать всем по небольшому куску мяса, а остальное спрятать до завтра и испечь в золе.

Часть молодой оленины немедленно разделили на куски. Однако куски были неодинаковые: охотники захватили себе лучшие, а матерям и детям достались похуже. Но они и этому были рады. Получив свою долю, они уселись подальше от мужчин.

Как только Старейший подал знак, все жадно накиннулись на мясо, разрывая его руками и глотая огромные куски.

Старейший получил самый почетный и лакомый кусок — со сдержимое оленьего желудка. Это было отвратительное пюре из полупереваренных трав, но у охотников оно и поныне считается самым изысканным блюдом.

Старик старался есть медленнее, смакуя, как истый знаток, странное рагу, принесенное ему сыновьями. Но как только он замечал, что никто не глядит на него, он начинал совать в рот кусок за куском, с безудержной прожорливостью самого жадного из своих правнуков. Старейший был голоден, и в эту минуту он не мог думать ни о чем, кроме еды. Разве не приятно было чувствовать, как исчезает голод с каждым новым проглоченным куском? И он позабыл о двух отсутствующих на этом пиру — о Креке и Ожо. А ведь старик любил Крека больше других детей.

Но вот последние крохи были съедены и люди стали подумывать о возвращении в пещеру. Охотники, сытые и усталые, заранее предвкушали ту минуту, когда они улягутся на теплой золе или на шкурах под сводами старой пещеры. Еды у них хватит на день или на два.

Такие беззаботные дни редко выпадали на долю первобытных людей. Такие дни — высшая награда и величайшая радость для тех, кто жил в непрестанной борьбе со стихиями.

В эти дни полного спокойствия, бездействия, сытости люди набирались сил для новых охотничьих странствий, всегда опасных и трудных.

Они отдыхали после утомительных, долгих скитаний по лесам, где всегда можно было встретить свирепого зверя или попасть в засаду к враждебному племени. Лениво растянувшись на шкурах, охотники дремали или беззаботно болтали.

Чаще всего они толковали о приключениях, случившихся во время охоты, или вспоминали о встрече с редким животным, попавшимся в лесной чаще. У каждого находилось, что рассказать и чем похвастать.

Иногда, какой нибудь охотник брал кость или плоский камень

и на нем острым резцом выцарапывал охотничьи сцены, животных — словом, все, что запомнилось ему или удивило его. Конечно, эти рисунки на камне или кости были очень грубыми, неумелыми. Но порой первобытный художник так живо и верно изображал животных, что мы и теперь восхищаемся искусством этих далеких мастеров.

Охотники, утолив терзавший их голод, заторопились домой. Но они так устали, что продвигались вперед очень медленно.

Уже наступила ночь, когда они подошли к пещере. Обычно еще издали они замечали красноватые отблески пламени, озарявшие приветливым светом вход в их подземное жилище. Но на этот раз вход был погружен в глубокий мрак. Свет — веселый, бодрящий, ласковый свет — исчез.

Отряд остановился у подножия скалы. Старейшины стали сошестаться.

«Что здесь случилось без меня?» — подумал Старейший и тихо сказал своим спутникам: — Хранителем огня сегодня остался Крек. Предупредим его о нашем приходе. Один из охотников взял костяной свисток, висевший у него на шее и пронзительно свистнул.

Но никто не откликнулся.

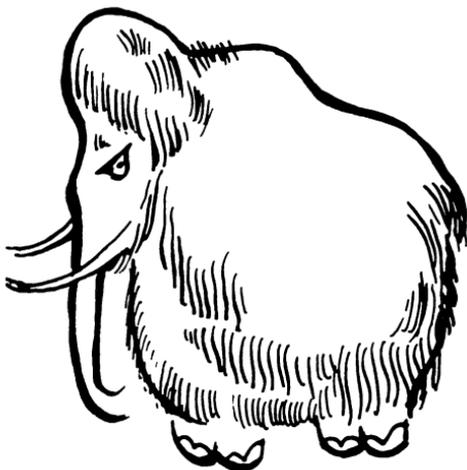
— Значит, — прошептал Старейший, и суровое сердце его дрогнуло, — значит, Крек умер. Наверное на мальчиков напали. Или они убиты или уведены в плен каким-нибудь бродячим племенем.

— Нет, — возразил один из старейшин, — уже давно поблизости не встречался ни один чужеземный охотник. Крек и Ожо просто заснули.

— Поднимемся в пещеру, — сурово промолвил Старейший. — Если они заснули, они будут жестоко наказаны.

— Смерть им, смерть! — раздались свирепые голоса.

— Смерть, если, на горе нам, огонь погас! — Неужели они лишились огня? Сначала охотники лишь удивились и встревожились, заметив отсутствие красных отблесков у входа в пещеру. И



только теперь бедняги ясно представили себе, какие страшные несчастья сулит им потеря огня.

Что за беда, если дети погибли, — ведь пользы от них мало, а кормить их все-таки надо.

Но если погас огонь — огонь-утешитель, который так весело потрескивал на очаге... Мысль об этом приводила в трепет самого мужественного охотника.

Если огонь умер, люди тоже умрут. Они знали, чувствовали это. Как они тосковали по огню во время своих охотничьих странствий! Но ведь тогда они разлучались с ним ненадолго. Но теперь... теперь огонь покинул их навсегда. Значит, они неизбежно погибнут.

Никогда они не попадали в такое ужасное положение.

Огонь, верный и жаркий огонь жил в пещере много лет. Никто не знал, кто и когда занес огонь в их жилище...

Летом трава и деревья иногда загорались от молнии, падавшей с неба, как утверждали опытные охотники.

Но как быть зимой? Идти к соседям просить, как милости, горящую головню? Но чаще всего, окрестные племена, укрывавшиеся по неведомым тайникам, сами сидели без огня, а те, у кого в жилище пылало благодатное пламя, те ни за что не согласились бы поделиться этим неоценимым сокровищем.

— Вперед! — приказал Старейший дрожащим голосом.

Уже не раз Гель и Рюг доносили старейшинам, что стая громадных гиен, привлекаемая запахами гниющих отбросов, бродит по ночам около входа в пещеру. Только свет костра удерживал их на почтительном расстоянии.

Но теперь огонь угас, и эти отвратительные животные могли забраться внутрь пещеры, поэтому охотники поднимались по ступеням молча и осторожно, с рогатинами наготове, оставив женщин и детей внизу, у подножия скал.

Но пещера была пуста, со стен ее веяло ледяным холодом. Охотники ощупью обшарили жилище; они перебирали угли очага, с надеждой ощупывали золу. В середине куча была еще тепловатой...

Напрасно Гель, бросившийся на золу ничком, дул изо всей силы, пытаясь разжечь тепловатые угли — ни одна искорка не вспыхнула.

Огонь потух, потух навсегда, а Крек и Ожо исчезли! Эту зловещую весть принес Гель матерям и детям; Старейший послал его передать приказание идти в пещеру.

Наконец все собралось вместе. Никто не мог больше сдерживать громких рыданий. Кто упал в горе на землю, кто остался стоять. Но все они были потрясены, подавлены...

Когда прошел первый взрыв горя, измученные люди забылись тяжелым сном. Но и во сне они стонали и вздрагивали. Только Старейший, Рюг-большеухий и Гель-рыболов бодрствовали во

тьме. Юноши должны были вплоть до самого рассвета сторожить вход в пещеру.

Всю ночь Старейший просидел возле холодного очага. Как возродить огонь, как вернуть его в пещеру? Но напрасно он рылся в смутных обрывках давних воспоминаний. Он был стар, его память ослабла и не могла подсказать ему, как искать спасения от мрака и стужи, воцарившихся отныне в пещере.

Глава 6

ОСУЖДЕНИЕ

Когда серый рассвет медленно разогнал темноту, покрывавшую землю, Крек открыл глаза и немало удивился, увидев себя на дереве. Впрочем, он сразу все припомнил, взглянул на братишку, спавшего у него на руках, и быстро перевел глаза на равнину, расстилавшуюся под ними.

Все видимое пространство, вплоть до темной опушки леса, казалось безжизненной пустыней. Земля была совсем голой, нигде ни былинки.

Крысы исчезли, а с ними исчезла и опасность.

Крек растолкал брата, и оба мальчугана, продрогшие за ночь, спустились на землю.

Они думали только о том, как бы быстрее добраться до пещеры и отдать богатую добычу. Быть может, этим они вымолят себе прощение за долгое отсутствие.

Ожо беззаботно смеялся, но Крек сознавал свою вину, и сердце его трепетало от страха. Они подобрали убитых накануне животных и постепенно двинулись в путь. Спускаясь по тропинке с утеса, Крек разогрелся от быстрой ходьбы, но стоило ему подумать о своем поступке, как кровь холодела у него в жилах.

Рюг-большеухий первый услышал и увидел с порога пещеры несчастных охотников, которых он считал навеки погибшими. Он предупредил Геля и кинулся им навстречу.

Дети тут же объяснили ему, что с ними случилось и почему они провели ночь в лесу.

— Да, конечно, — проворчал добродушный Рюг. — Вы хотели помочь нам всем. Старейший, быть может, простил бы вас. Но вернулись отцы и гнев их беспощаден. Они нашли пещеру покинутой и огонь потухшим. Это твоя вина, Крек. Теперь вы погибли, несчастные!

— О Рюг! Что с нами сделают?

— То, что делают с оленями и лошадьми, когда их окружают и поймают.

— Нас убьют?

— Таков обычай.

Крек опустил голову на грудь. Ожо принялся горько плакать. Они понимали, что такое смерть.

— Спрячьтесь в лесу, подальше отсюда, — уговаривал Рюг детей, тронутый их горем. — Идите по направлению к восходу солнца и каждый день трижды стучите по стволам деревьев — поутру, в полдень и вечером. Я услышу вас, открою ваше убежище и принесу вам еду и одежду.

— Бежим! — сказал Ожо, пытаясь увлечь Крека.

— Стойте!... — послышался вдруг совсем близко прерывающийся голос; это был голос Старейшего.

Рюг и дети, захваченные врасплох, упали на колени, с мольбой протягивая руки.

— Гель сказал мне, что вы идете в пещеру и что Рюг побежал вам навстречу, — сказал старик. — Я пошел вслед за Рюгом. Я слышал, что вам советовал Рюг. Теперь уже поздно бежать. Я поймал вас. Наказание справедливо и заслуженно! Вас ждут! Идите!

— Сжался над нами, Старейший!... — молили дети.

— Ожо не виноват, отец! — горячо вступился за брата Крек.

Но старик, не слушая его, продолжал, на этот раз с грустью в голосе:

— Крек! Как я верил в тебя! Я любовался твоим мужеством, твоим послушанием, твоей ловкостью и находчивостью. Я сделал бы из тебя охотника, не знающего соперников. А ты? Что ты сделал? Ты убил нашего благодетеля, ты убил огонь. Ты обрек всех нас на смерть от свирепого холода. Ты должен умереть прежде всех.

— О Старейший, сжался! Я узнал...

— Твоя вина слишком велика. Огонь, великий друг наш огонь, погас! И ты виноват в этом. Молчи, не оправдывайся. Это не поможет тебе. Иди за мной. А ты, Рюг, не проси меня за них. Вперед! Пусть наши охотники увидят презренных трусов, которых не стоит даже выслушать.

Несчастные дети с замирающим сердцем спустились по той самой тропинке, по которой еще вчера поднимались так весело.

От тоски и страха им стало жарко, но когда они вошли в пещеру, ужасный холод, сменивший бывшее тепло, сразу пронизал их. Все были в сборе, но в пещере царила полная тишина. Глубокое отчаяние заставляло всех клонить голову к земле и сдавливало им горло. Это было ужасно!

Мальчики ожидали услышать страшные проклятия. Они приготовились стойко перенести их, а вместо того... Это безмолвное отчаяние взрослых было ужаснее самых яростных угроз.

Вокруг потухшего очага сидели старейшины. Время от времени они почтительно притрагивались к золе, точно касались тела друга, в смерть которого не хочется верить. Волосы у них, обычно связанные в пучок на макушке, были теперь распущены и падали в беспорядке по плечам в знак глубокой печали. Многие плакали.

Слезы, катившиеся по щекам воинов, потрясли бедного Крека. Он понял, что погиб. Ожо, весь дрожа, искал глазами в глубине пещеры свою мать.

Но он не нашел ее среди женщин, неподвижно стоявших позади охотников. Тогда он сжал руку брата и закрыл глаза.

— Вот дети, — сказал Старейший.

Сдержанные рыдания послышались среди женщин.

— Пусть говорят, мы слушаем, — пробормотал начальник, самый важный после Старейшего.

Крек рассказал все, что с ними случилось, почему они не могли вовремя вернуться в пещеру. Он пробовал разжалобить стариков.

— Мы надеялись раздобыть много пищи для всех, — задыхаясь, закончил мальчик свой рассказ, — и только потому я покинул пещеру. Уходя, я позаботился о том, чтобы огонь не погас, а прожил бы до нашего возвращения.

— Огонь умер... — проворчал начальник. — И пусть он будет отомщен!

Крек и Ожо растерянно озирались кругом. Дикие крики, вызвавшие о мести, становились все громче и громче. Напрасно братья искали проблеска жалости на лицах старейшин и охотников. Все лица были искажены отчаянием и яростью, во всех взглядах светилась свирепая решимость.

Старший начальник встал, подошел к детям, схватил их за руки и громко крикнул:

— Старейшины говорят: огонь умер. Изменники тоже должны умереть. На колени! А вам, отцы, матери и дети, да будет их судьба уроком.

Он занес над головой маленьких преступников тяжелый каменный топор. Но Крек вырвался из его рук и упал на колени перед Старейшим.

— О Старейший! — воскликнул он дрожащим голосом. — Огонь умер и я убил его; я заслуживаю смерти. Но ты... ты знаешь столько тайн, ты был другом Фо-чужеземца... Разве ты не можешь сделать то, что делал Фо-чужеземец?

— Фо-Чужеземец?... О ком ты говоришь? — пробормотал с удивлением старик. — Я забыл это имя.

— Старейший, ты не помнишь Фо-чужеземца? Он добрался до нашей пещеры весь израненный, полуживой. Он один уцелел после какого-то страшного боя. Начальники позволили ему поселиться рядом с нами. Он прожил недолго. Он стал твоим другом, ты можешь сделать то же, что делал он.

— Что же делал Фо-чужеземец? — быстро спросил Старейший. — Я вспомнил теперь его, но не знаю, что он мог сделать. Говори! А вы, сыны мои, — прибавил старик, — подождите наказывать его.

Мрачное судилище безмолствовало, и это молчание было ответом на просьбу Старейшего.

Крек собрался с духом и, крепко прижав руку к сердцу, снова заговорил, обращаясь к старику:

— Ты позволил мне говорить, Старейший! Разве Фо-чужеземец не открыл тебе своей тайны? Так узнай же все, что я сам видел своими глазами.

— Что же ты видел, какие тайны открыл тебе Фо-чужеземец? Говори скорей, и пусть никто не осмелится перебить тебя.

— Однажды, Старейший, — начал свой рассказ Крек, — я бродил по соседним пещерам и, как всегда, переворачивал камни, чтобы найти каких-нибудь животных, которые часто прячутся под ними. Один камень оказался очень тяжелым. Я долго возился с ним. Но когда в конце концов я перевернул его, то нашел под ним странные, невиданные вещи. От удивления я вскрикнул. Фо-чужеземец услышал мой крик и подошел ко мне. «Это мое, — сказал он. — Никогда не смей говорить о том, что видел или я убью тебя!» Потом он прибавил: «Когда для меня наступит время уйти в ту страну, откуда никто не возвращается, я оставлю вещи Старейшему в благодарность за то, что он разрешил мне поселиться с вами. Но до тех пор пусть он ничего не знает. Молчи, ты в этом не раскаешься!»

«Впрочем, — сказал мне Фо-чужеземец, — раз ты открыл мое сокровище, то узнай, для чего оно служит». Он взял короткую, очень твердую палку с дырочкой посередине, потом вставил в дырочку конец маленькой палочки и принялся быстро вертеть ее между ладонями рук. Скоро из дырочки показались дым, потом пламя, оно зажгло сухой мох... Вот что я видел.

Пока Крек говорил, лица суровых воинов выражали величайшее удивление и напряженное внимание. Даже Старейший не в силах был сдержать волнение и сохранить невозмутимый вид.

Мальчик смолк. Старейший вздохнул полной грудью и сказал точно самому себе:

— Крек, сердце мое полно радости и надежды. Фо-чужеземец умер, но не открыл мне своей тайны. Но теперь словно свет просиял в темной бездне моей памяти. Тайну Фо знали мои предки, но сам я не был посвящен в эту великую тайну. Если ты сказал правду и мы найдем в пещере сокровища чужеземца Фо, мы будем спасены. Огонь снова оживет, веселый и ласковый, он снова будет оберегать нас. Быть может, тебя простят...

— Да будет так, — сказал старший начальник. — Пусть дети выйдут из пещеры и подождут под надзором Рюга.

Рюг, очень довольный в душе, уже хотел увести мальчиков, но Старейший снова обратился к Креку:

— Почему ты мне раньше не сказал об этом?

— Прости, если я худо сделал, Старейший, — ответил Крек, — но ведь я обещал молчать. Я думал — тебе давно известна тайна! Это было так давно, я забыл об этом. Хорошо, что я сейчас вспомнил о Фо-чужеземце. Иначе мне пришлось бы умереть.

— Что случилось с вещами чужеземца Фо?

— Не знаю. Я ни разу не осмелился пойти туда, где их нашел. Они наверное и теперь там, если только чужеземец не поломал их.

— Хорошо, Крек, — ответил старик. — Хорошо, надейся. И ты, Ожо, утри слезы. Рюг! Ты останешься с детьми, понимаешь?

— Понимаю и повинуюсь.

Старейший с волнением, которое напрасно старался скрыть, посмотрел вслед детям.

В наши дни очень многие дикари пользуются двумя палочками для добывания огня. При трении сухое дерево постепенно нагревается, начинает дымиться и в конце концов загорается.

Но в те незапамятные времена, когда жили Фо и Крек, только очень немногие люди умели добывать огонь трением. Эти счастливые избранники ревниво оберегали от всех окружающих свой драгоценный секрет: это давало им огромную власть над остальными людьми.

Без сомнения, Фо-чужеземец скрывал свою тайну, надеясь с ее помощью завоевать себе почетное место среди обитателей пещеры. Но огонь в пещере горел непрерывно, и Фо так и не представилось случая проявить свое искусство. Перед смертью он не успел открыть свой секрет Старейшему и, наверное, унес бы свою тайну в могилу, если бы Крек случайно не поднял камня.

Убедившись, что дети находятся неподалеку от входа в пещеру, старик вместе с сыновьями отправился к месту, где жил Фо-чужеземец.

Крек сказал правду — под камнем лежали разные вещи чужеземца — прозрачные камни, просверленные посередине, куски янтаря и агата и две драгоценные палочки. Старейший жадно схватил их и пошел обратно в пещеру.

Он сел, взяв короткую огненную палку с дырочкой, положил ее под ноги, вставил в дырочку конец другой палочки и принялся быстро вертеть ее между ладонями.

Охотники обступили старика и не отрываясь следили за каждым его движением. Скоро из дырочки показался легкий дымок. Толпа охотников еще плотнее сомкнулась вокруг старика. Через головы и плечи друг друга неотступно глядели они на волшебные палочки. Наконец показался легкий дымок, и клочок сухого мха вспыхнул. Огонь воскрес!

Толпа ахнула, слышались восторженные восклицания. Старейший схватил клочки горящего мха и перенес их на очаг. Вскоре затрещали мелкие сучья.

Очаг ожил, и ожили сумрачные лица охотников. Кое-кто бросился к сваленным в беспорядке тушам — добыче последней охоты. Им не терпелось отведать горячего мяса. Но воины сурово остановили их.

— Еще не время, — строго сказал Старейший. — Огонь воскрес и в пещере снова будет тепло и светло. Теперь нам нужно решить, что делать с осужденными.

Между тем, виновные молча, закрыв лица руками, сидели неподалеку от входа, ожидая приговора.

Рюг наблюдал за ними, не говоря ни слова.

Старейшины долго совещались. Наконец старик вышел из пещеры и направился к детям. Его морщинистое лицо было мрачно.

Рюг молча, с тревогой смотрел на старика, как бы спрашивая его о судьбе мальчиков. Старейший сказал:

— Огонь снова горит. Ожо может вернуться в пещеру. Его прощают, он еще мал.

— О, благодарю! — весело воскликнул маленький Ожо. Но сейчас же прибавил с отчаянием в голосе:

— А он, Старейший? Что же он?

Ожо повернулся к Креку, ласково глядя его по плечу.

— Креку дарована жизнь. Но старейшины вынесли такой приговор: кто хоть однажды изменил своему долгу, тот и позднее может изменить ему. Никто не может доверять более Креку. Он должен уйти. Пусть он уходит.

— Ужасно! — воскликнул Рюг.

— Молчи, Рюг. Старейшины решили: Креку дадут оружие, одежду и еду. Сегодня же до заката солнца он уйдет далеко отсюда.

Стон Крека прервал его речь. Старик тяжело вздохнул и продолжал.

— Вы с Гелем укажете Креку дорогу к соседним племенам. Никто не хочет, чтобы он заблудился в лесу или сделался добычей зверей. Завтра на заре вы вернетесь в пещеру.

— О Старейший, это ужасно! — пробормотал Рюг. — Ведь Крек так молод...

— Молчи, Рюг. Как ты смеешь роптать! Даже мать Крека не осмелилась возражать. Молчи и сейчас же ступай к твоим повелителям. Они ждут тебя, чтобы дать последние указания. Ты, Ожо, иди за ним. Ну, убирайтесь!

Рюг молча повиновался. За ним, спотыкаясь, побрел и Ожо, — мальчик ничего не видел сквозь слезы.

— Старейший! — воскликнул Крек, когда они ушли. — Неужели я не увижу тебя больше? Никогда не увижу?

— Никогда, Крек, никогда. Но не забывай моих уроков и советов. Я сделал все, чтобы из тебя вышел ловкий, отважный и находчивый охотник. Ты должен мужественно встретить беду. Не плачь! Перенеси несчастье стойко. Мужчина не должен плакать. Прощай!

Крек почтительно склонился перед Старейшим.

Когда он поднял голову, Старейшего уже не было. Бедный Крек, забыв последние наставления старика, упал ничком на камни, горько зарыдал, вспоминая мать, братьев и маленьких сестер, всех, кого он должен навсегда покинуть.



ИЗГНАННИК

Близился вечер. Низкие черные тучи обволакивали небо. Временами накрапывал мелкий дождь. Холодный ветер, свирепствовавший весь день, утих, и полная тишина воцарилась в лесу. Ни один листок, ни одна веточка не шевелились на кронах гигантских дубов и буков. Только изредка тяжелая капля срывалась с верхушки дерева и со звоном разбивалась о нижнюю ветку или мягко падала на поросшую мхом землю. Внизу, между могучими стволами, было почти темно, и только привычный взгляд охотника мог бы различить какую-то маленькую фигурку, неслышно пробирающуюся по зеленому мху среди необозримой лесной коллонады.

Это был Крек, несчастный изгнанник из родной пещеры.

Гель и Рюг проводили его, как им приказали, до опушки большого леса. Здесь они простились с Креком и вернулись обратно. Расставаясь с мальчиком, Гель передал ему последние наставления Старейшего: идти только при свете дня, направляясь в сторону полуденного солнца, и на ночь непременно забираться на дерево — так всего безопаснее. Но Крек, любимец Старейшего, зорко подмечал все, что происходило вокруг него, и, как все дикари, умел безошибочно определять направление. Он ничуть не боялся заблудиться в лесу, хотя был еще ребенком и находился вдали от родных.

Его тревожило совсем иное. Много опасностей таит лес, а что может сделать он один, как бы храбр и находчив он не был? Вряд ли ему удастся добраться до одного из тех племен, к которым он направляется, чтобы просить у них приюта.

Эти мрачные мысли так взволновали Крека, что у него началась легкая лихорадка. Чтобы избавиться от нее, он на ходу вырывал и жевал лечебные корни, как учил его Старейший.

Он шел в сгущающейся тьме, глядя в сумрачную даль и чутко прислушиваясь к каждому шороху, каждому звуку, изредка нарушавшему лесное безмолвие. То неожиданно и громко крикнет какая-нибудь птица, устраиваясь на ночлег, то заверещит мелкий зверек, попав в когти хищнику, то, наконец, с шумом упадет на землю шишка с могучей сосны.

И всякий раз Крек вздрагивал, останавливался и долго прислушивался. Но снова в лесу наступала глубокая тишина, и мальчик снова шел и шел вперед.

На плечах он нес небольшой запас провизии, а в руках крепко сжимал тяжелый топор с острым каменным лезвием. В поясе было зашито несколько кремневых ножей. Когда совсем стемнело, Крек остановился у подножия громадной ели. Пора было устраиваться на ночлег. Крек недаром получил прозвище «разорителя гнезд»: через минуту он был уже на вершине дерева.

Он устроился поудобнее среди ветвей, достал из мешка еду и

закусил. Крек не раз вздохнул, вспоминая Ожо; тот спал в пещере подле матери... Но усталость взяла свое, и Крек заснул.

Но отдыхал он недолго. Даже во сне чуткое ухо Крека уловило легкий шорох в ветвях огромного дерева. Мальчик тотчас проснулся и, сжимая в руке топор, стал тревожно прислушиваться.

Шорох повторился. Крек понял: он не один на дереве, у него появился какой-то сосед по ночлегу. Кто это мог быть?

Крек не знал, что ему делать. Спускаться вниз опасно: враг мог кинуться на него сверху. Попробовать подняться выше на гибкую верхушку, — быть может неприятный сосед не посмеет последовать за ним?

Крек не знал точно, где укрылся враг и боялся подставить ему для нападения бок или спину. Оставалось только одно: притаяться там, где он сидел, и приготовиться к бою. Бой, наверное, будет, — это подсказывало Креку чувство охотника.

Шорох повторился снова, еще раз и еще... И вдруг в просвете ветвей, на фоне ночного неба Крек заметил какую-то длинную тень. В ту же секунду мальчик перескочил на соседнюю ветку. Крек сам не знал, как это случилось: его воля не участвовала в этом прыжке. Его тело, повинуясь какому-то внутреннему порыву, само перенеслось на ближайшую ветку.

Все это длилось только один миг: тень прыгнула одновременно с ним; и на том месте, где он сам только что ожидал врага, Крек увидел своего соседа. Это была огромная рысь. Промажнувшись, зверь едва не сорвался с ветки и теперь висел на ней, уцепившись передними лапами и раскачиваясь всем своим длинным телом.

Крек поднял топор и изо всей силы ударил могучего зверя по голове. Раздалось злобное рычание.

Крек снова замахнулся, но на этот раз удар скользнул по боку животного. Сильно качнувшись, рысь успела перескочить на соседнюю нижнюю ветку. Первая схватка между ловким мальчиком и свирепым зверем окончилась.

На дереве снова воцарилась тишина. Слышалось только прерывистое хрипящее дыхание хищника. Рысь, видно, была тяжело ранена. Теперь Крек знал, что зверь находится под ним. Значит можно было забраться повыше.

Но едва мальчик перескочил на ближайшую ветку, как сзади снова послышался шорох. Раненая рысь не хотела отказаться от добычи. Крек замер на месте. Зверь также притих. Крек ждал. Но ни один звук не нарушал тишину ночи. Даже хриплого дыхания зверя не было слышно. Только изредка какой-то неясный шорох раздавался среди ветвей.

Тревога снова охватила маленькое сердце Крека.

Что затевал враг? Крек боялся пошевелиться. Так прошло довольно много времени.

Вдруг легкий шум раздался над головой мальчика, и тотчас огромное тело обрушилось на него сверху. Но Крек успел увер-



нутья и укрыться за ствол. Он почувствовал только, как огромные когти царапнули его руку выше локтя, и в тот же миг огромная лапа вцепилась в ветку совсем около него. Изогнувшись, почти висая на одной руке, не помня себя от страха, Крек изо всей силы ударил топором по лапе и услышал, как хрустнула под лезвием кость.

Удар был так силен, что Крек не удержал топора, и он полетел вниз. А вслед за топором, ломая мелкие ветки, среди града осыпающихся шишек, свалилась с дерева и потерявшая равновесие искалеченная рысь. Она тяжело грохнулась оземь. Обычно звери кошачьей породы легко падают и становятся на лапы. Рысь шлепнулась как тяжелый мешок: раны ее были серьезны, и она, обесиленная, рухнула на землю.

Сначала под деревом слышалась какая-то возня и подвывающее злобное рычание. Затем все стихло.

Дрожа от возбуждения и пережитого страха, Крек проворно взобрался на самую верхушку дерева. Он устроился понадежнее среди гибких, качающихся ветвей и первым делом достал из-за пояса самый большой из запасных ножей.

Теперь он снова был вооружен и мог спокойно ждать нового

нападения. Но под деревом все было тихо, и в лесу воцарилось безмолвие.

Долго так сидел Крек.

Исцарапанная зверем рука сильно саднила, ему было холодно. Понемногу дремота начала одолевать его. Тогда он спустился пониже, и, угнездившись в развилине могучих ветвей, скоро заснул...

— Карр, карр, — надрывался огромный ворон, качаясь на ветке неподалеку от Крека. — Карр, карр!

Крек испуганно открыл глаза и не сразу сообразил, где он находится. Было совсем светло. Тяжелые тучи по-прежнему облегали все небо. Но ни дождя, ни ветра не было. Перегнувшись через ветви, Крек глянул вниз. Внизу, у голых корней дерева, в луже крови лежал труп его ночного врага. Какие-то пернатые хищники уже терзали его. Крек осмотрел руку. Несколько запекшихся рубцов указывали, где прошли когти зверя. Рука слегка ныла, но Крек мог свободно двигать ею. Крек еще раз внимательно огляделся и спустился вниз.

Прежде всего он разыскал упавший во время ночной схватки топор, затем подошел к мертвой рыси. На голове ее зияла огромная рана, правая передняя лапа была отсечена. Это было огромное великолепное животное. Встреча с таким зверем в ночное время опасна и для взрослого охотника — Крек имел полное право гордиться своей победой. Крек громко крикнул: это был крик торжества и победы. Он совсем позабыл о первом правиле всякого охотника — хранить в лесу глубокое молчание.

Ему ответили три далеких крика.

Удивленный Крек почувствовал, как у него забилося сердце. Но, вспомнив, что в лесу бывает эхо, он только засмеялся над своей ошибкой.

Однако следовало быть осторожнее, так поступил бы всякий истый охотник. Он схватил топор, подбежал к дереву, на котором провел ночь, прислонился к стволу и, насторожившись, быстро оглядел чащу, стараясь проникнуть взглядом в ее таинственную глубь.

Но вот опять до него донеслись три крика, на этот раз, как ему показалось, голоса раздавались ближе.

Это уже не могло быть эхо. Это кричали люди.

И в самом деле, спустя несколько мгновений в чаще послышался шорох раздвигаемых ветвей, и два вооруженных подростка очутились как раз против Крека.

— Брат!.. закричали они. — Вот мы и пришли!

Ошеломленный Крек выпустил топор из рук и, весь дрожа от радости и изумления, скорей прошептал, чем сказал:

— Гель!.. Рюг!..

— Да, брат! Теперь мы тебя больше не покинем. Старейший позволил нам идти с ним и разыскать тебя.

— Старейший?.. — растерянно повторил Крек.

— Да, да, Старейший, — внезапно произнес за ним знакомый голос.

Крек быстро обернулся и увидел в двух шагах от себя Старейшего с громадной волчьей шкурой на плечах. Он надевал ее только тогда, когда собирался в далекое путешествие. Он был в полном вооружении, а лицо его было разрисовано белыми полосами, сделанными мелом, как полагается начальнику племени.

В руках старик держал свой жезл из резного рога северного оленя.

Крек преклонил колени.

— Старейший! — сказал он. — Ты не покинул меня... Благодарю тебя!

— Помнишь, Крек, ты не оставил своего престарелого наставника на берегу реки, когда на нас надвигались ужасные чудовища. Я вспомнил это и, видишь, я здесь. Я навсегда покинул пещеру. Я никогда не расстанусь с тобой и с этими двумя храбрецами — Гелем и Рюгом, — они упростили меня взять их с собой.

— Но что это? — продолжал старик, глядя на мертвого зверя, распростертого у корней ели. — Неужели ты убил его?

Сопровождаемый Гелем и Рюгом, он приблизился к рыси, лежащей на земле.

Пока Крек рассказывал о ночной битве, а Рюг-большеухий внимательно слушал, Гель вытаскивал из лыковых плетушек пищу для утренней трапезы.

Когда Крек кончил свой рассказ, все принялись за еду.

— Сегодня вечером, — сказал ему старик, — тебе не придется, как птице, забираться на ветку из страха перед дикими зверями. На ужин у нас будет жареное мясо. Я унес с собой «огненные палки». В пещере огонь долго еще не погаснет. А мы каждый вечер станем зажигать огонь и по очереди будем спать на земле под его надежной охраной.

После завтрака старик помог Креку снять шкуру с убитой рыси. Затем все двинулись в путь, в далекий и неведомый мир. Старик шел размеренным твердым шагом, а дети — легко и весело.

Первый день прошел для четырех друзей мирно, без всяких приключений, если не считать погони за маленькой лисицей; ее кровь охотники выпили на одной из остановок.

Глава 8

В НЕВЕДОМЫЙ МИР

За первыми днями пути последовало еще много других дней, то пасмурных и дождливых, то светлых от падающего снега; но солнце показывалось редко. Старейший с внуками все продолжал идти через леса, равнины, горы, в сторону полуденного солнца.

Ни один день не проходил без того, чтобы Крек не получил от Старейшего или братьев какого-нибудь полезного урока.

Он научился распознавать крики, пение, свист, рычание, — словом, все голоса земли и живых существ, ее населяющих.

Природа была для него чудесной школой, а строгими учителями — нужда и лишения и иногда долголетний опыт Старейшего.

Крек узнал всякие хитрости и уловки, которые применяются на охоте за разными животными; научился ставить западни, осторожно обходить зверя, угадывать, в какую сторону кинется испуганное животное.

Он был моложе своих братьев, но бегал, прыгал, лазил, плавал и нырял гораздо лучше их.

Еле заметные следы животных, самые легкие царапины маленьких когтей где-нибудь на коре дерева никогда не ускользали от его острого взгляда.

Он умел подстеречь и схватить рыбу так же ловко, как Гель; слух теперь у него был не хуже, чем у Рюга, а обоняние так остро, что он издали мог предсказать, какое животное приближается к ним.

Но Крек никогда не кичился своим превосходством, не хвастался своими знаниями. Он всегда был готов учиться и внимательно слушался каждого слова Старейшего.

Это был все тот же скромный и терпеливый мальчик. Он по-прежнему восхищался старшими братьями и глубоко почитал своего учителя. Правда, иногда Креку казалось, что старик ошибается, но это не могло поколебать уважения мальчика к престарелому наставнику.

Путешествие затягивалось, а погода становилась все хуже и хуже. Зима была не за горами.

Старик уже не раз подумывал о том, что было бы благоразумнее выждать наступления более теплых дней в каком-нибудь сносном жилище.

Но где найти жилье?

Построить хижину из ветвей, обложить ее толстым слоем земли? Но такая хижина не могла защитить путника от осенних дождей и свирепых зимних ветров.

И Старейший, невзирая на суровую погоду, все еще продолжал двигаться вперед. Ему хотелось найти какое-нибудь подходящее убежище на зиму.

Но путь наших странников пролегал по равнине, где трудно было отыскать что-нибудь подходящее.

Как-то раз они попробовали устроиться на ночлег в большой яме в лесу; это было заброшенное логовище какого-то животного.

Но в ту же ночь прошел сильный дождь, и воды соседнего болота внезапно разлились по равнине, затопив берлогу, только что превращенную в человеческое жилье.

Путешественники едва не утонули, захваченные водой во время сна. Чуть ли не вплавь спаслись они из этого негостеприимного убежища и бежали на равнину. Здесь провели они остаток ночи под проливным дождем и яростным ветром.

Но судьба наконец сжалилась над нашими странниками.

Однажды охотники преследовали какую-то дичь. Пробегая мимо невысокого холма, густо поросшего деревьями, Рюг заметил, что южный склон его круто обрывается к бурному ручью, протекавшему вниз. В обрыве зияла какая-то черная дыра, наполовину покрытая вьющимися растениями.

Рюг тотчас направился к ней, обошел ее со всех сторон и внимательно осмотрел снаружи. Обрыв был сложен из пластов какого-то сероватого камня. Кое-где плиты обломались и лежали грудами, кое-где нависли над самой водой, образуя обширные навесы.

В одном месте, черная дыра, откуда бежал маленький ручеек, вела далеко вглубь обрыва. У входа Рюг заметил огромную кучу слежавшегося мусора и несколько обугленных, полусгнивших коряг.

«Наверное, здесь когда-то жили люди», — подумал Рюг.

И сейчас же прибавил:

«И люди будут жить здесь. Нам нужно как раз такое убежище. Здесь мы найдем защиту от дождей и снега».

Он обошел холм, чтобы убедиться, нет ли где-нибудь другого хода в таинственное подземелье. Но поиски его были напрасны: темное отверстие под обрывом, загороженное сеткой вьющихся растений, было единственным входом в пещеру.

Рюг осторожно раздвинул лианы и терновник, закрывавшие отверстие, и отважился заглянуть вглубь.

— Очень темно, — проговорил он, — но зато тихо.

Рюг пригнулся и, держа копьё наготове, полез в подземелье.

Прошло несколько секунд, как юноша скрылся под камнями. Вдруг из пещеры послышался неясный треск, затем пронзительные крики и удары.

Еще мгновение — и в отверстии пещеры показался Рюг, запыхавшийся, забрызганный кровью, с обломком копья в руке; он перевел дух и со всех ног бросился бежать к тому месту, где мог находиться Старейший.

Между тем старик и мальчики начали уже тревожиться за Рюга.

Когда юноша подбежал к своим друзьям, он не сел, а упал на землю; он молчал и дрожал всем телом.

Старик и дети смотрели на него с удивлением.

— Что случилось, Рюг? — спросил Старейший. — Откуда эта кровь? У тебя оружие сломано! Что произошло?

— Люди... люди... — бормотал Рюг, мало-помалу начавший дышать спокойнее.



— Люди! Где? — вскричали охотники.

— Вон там, в подземелье. Они напали на меня в темноте. Я сражался во мраке, но мое копье сломалось, и я бежал. Надо было предупредить вас об опасности и помешать вам попасть к ним в засаду. Сколько я их убил! Сколько я их убил! Много, очень много! Но их осталось еще больше.

Охотники все время прерывали рассказчика восклицаниями. Эта весть поразила их. Они были храбры, но и самые храбрые воины при вести о близкой битве становятся серьезными.

— Вставайте, — приказал Старейший. — Берите оружие. Идем навстречу врагу. Но почему они не преследовали тебя?

Мирные путешественники сразу превратились в воинов и в строгом боевом порядке двинулись к пещере.

Гель захватил с собой длинную, горящую головню, — так приказал ему старик.

Они подошли к входу в мрачное подземелье. Гель бросил туда свой горящий факел. Воины, потрясая оружием, разразились воинственными кликами. Они ожидали, что враг, сидевший в засаде, сейчас же яростно набросится на них.

Но вместо людей, с которыми так яростно сражался Рюг, из пещеры с пронзительным криком вылетели какие-то большие черные и рыжие существа.

Одни из них быстро улетели, исчезнув между деревьев, другие, раненые, попадали на землю.

Оказалось, что Рюг-большеухий в темноте принял за людей огромных летучих мышей.

Охотники осмотрели убитых зверей. Конечно, эти животные были не так страшны, как вооруженные люди, но никто не смеялся над испугом Рюга: в темной пещере их легко было принять за свирепых чудовищ.

Потом все вернулись к пещере.

Крек влез в нее, поднял головню, раздул огонь и, подбросив в костер сухой травы и веток, стал на пороге, ожидая, не появится

ли еще какой-нибудь враг. Но внутри все было тихо, и, когда дым рассеялся, все забрались под каменные своды.

Пещера была низковата, но довольно суха и просторна. Маленький ручеек, выбиваясь из расщелины в глубине пещеры, протекал вдоль стены. У входа виднелись следы древнего очага. Своды и стены были закопчены.

Видно здесь некогда обитало какое-то не слишком многочисленное племя.

Старейший осмотрел пещеру, и она показалась ему подходящим убежищем от непогоды и от диких зверей. Было решено провести здесь остаток зимы.

В этот вечер охотники спали уже под кровом. В первую ночь почетная обязанность оберегать остальных и следить за огнем выпала на долю Крека.

Зима прошла быстрее, чем ожидали охотники. Жестокие морозы скоро сменились оттепелями и дождями. В морозные дни охота на оленей была более удачна, потому что эти животные отыскивали под снегом лишайники и мох.

Около жилища охотников протекала тихая, заросшая камышом речка. Когда наступили теплые дни и олени ушли к полуночным странам, наши охотники начали бить по берегам реки кабанов, болотных птиц, выдр и других, более редких зверей. Одни звери были громадны, другие чуть побольше кроликов. Все эти звери и зверьки возились в грязи, плавали, ныряли, отыскивая рыбу или корни водяных растений.

Однажды на охоте Крек сделал очень важное открытие.

На берегу реки лежали упавшие деревья. Они были настолько велики, что у мальчиков не хватало силы подтащить их к пещере. Рюг пытался расколоть их большим каменным топором, но из этого ничего не вышло. Каменный топор только скользил по твердому высохшему дереву. Так они и остались лежать на берегу, возле самой воды.

Животное, за которым охотился Крек, спряталось в нору, как раз под одним из этих стволов. Мальчик принялся расчищать и расширять руками и древком копья нору, а потом позвал на помощь Рюга.

В конце концов мальчики решили, что лучше всего откатить дерево в сторону, и тогда они, наверное, поймут зверька.

Берег довольно круто спускался к реке, и Крек с Рюгом без особого труда скатили бревно вниз; дерево с разгону упало в воду, разбрасывая целые фонтаны брызг. Сухой и крепкий ствол, тихо колыхаясь, поплыл по течению. Гель в это время купался; увидев скатившееся бревно, он бросился за ним вдогонку. Тащить тяжелое бревно было трудно, и Гель решил взобраться на него верхом, рассчитывая, что так ему легче будет направить его к берегу.

Гель рассчитал правильно. Сначала он плыл верхом на бревне по реке, а потом благополучно причалил к берегу.



Между тем Крек и Рюг, поймав зверька, решили отдохнуть и выкупаться. Недолго думая, они бросились в реку вдогонку за Гелем. Но Гель на бревне плывал гораздо быстрее их. Креку и Рюгу это показалось обидным, и они решили последовать примеру Геля.

Мальчики скатили в воду еще два бревна, и вскоре на реке показалась целая флотилия. На берег вышел Старейший; его привлекли веселые крики и возня ребят; он присел на траву и стал любоваться их играми.

Случайно бревно Рюга сцепилось своими сучковатыми ветвями с бревном Крека. Мальчики попробовали разъединить бревна, но это им никак не удавалось. Тут Крека осенила новая мысль.

— Давайте плавать вместе. Как много у нас места! Гель, — крикнул он, — подплывай к нам, садись вместе с нами!

Мальчики стали плавать втроем, кое-как управляя подобранными в воде палками.

Старейший окликнул их и приказал подплыть к берегу. Когда братья приблизились к берегу, старик сошел в воду и осмотрел их

самодельный плот. Затем он велел детям наломать гибких ветвей и спустить на воду еще несколько стволов.

Потом Старейший, обрубив кое-где ветки, пригнал стволы плотнее друг к другу и начал связывать их гибкими прутьями и ветвями лиан. Мальчики немедленно принялись ему помогать, и скоро неуклюжий, но очень прочный плот был готов. Он отлично выдерживал тяжесть старика и мальчиков. Старейший остался очень довольным своей выдумкой.

Так как река текла по направлению к восходу солнца, то Старейший объявил детям, что часть пути они сделают на плоту. Плыть по реке легче и спокойнее, чем странствовать пешком.

Дети пришли в восторг от этой затеи. Тронуться в путь решили на следующий день.

Утром охотники срезали и подсушили над костром несколько длинных и крепких жердей, которые должны были служить для управления плотом.

Плот устлали связками камыша, перенесли на него весь запас провизии и свои убогие пожитки.

Затем Старейший торжественно взошел на плот и приказал Рюгу и Гелю вытолкнуть плот из прибрежных камышей на чистую воду. Мальчики не без волнения повиновались этому приказу, и скоро плот, тихо покачиваясь, поплыл по середине реки.

Глава 9

ОЗЕРНЫЕ ЖИТЕЛИ

Плыть легче, чем идти, и все же плавание на неуклюжем плоту утомляло наших путешественников. Все время приходилось зорко следить за тем, чтобы плот не опрокинулся. Целые дни проводили мальчики с шестами в руках, то отталкивая плывшие навстречу коряги, то проворно причаливая к берегу, чтобы избежать опасной встречи с каким-нибудь водяным животным, то снимая плот с мели и направляя его на середину реки. Наконец, на шестой день пути, пройдя крутой поворот, храбрые плователи увидели вдали обширную голубую равнину, окруженную туманными горами.

Река, по словам дальнозоркого Крека, словно терялась в этой равнине.

Старейший объяснил детям, что голубая равнина — это большое озеро, отражающее ясное небо.

Крек по своей привычке собрался было засыпать старика вопросами. Но Рюг внезапно вмешался в разговор и помешал ему.

— Я слышу какой-то шум, — сказал Большеухий. — Он до-

носятся с правого берега, из-за леса. Не то топот стада оленей или лосей, не то стук камней. Прислушайся, Крек! Словно гигантские животные рюют берег, или сыплются какие-то камни.

Крек, прислушавшись, сказал, что это ссыпают вместе груды камней.

— Говорите шепотом, — сказал старик, — а ты, Гель, передай мне мешок, он у тебя под ногами. Камни, наверное, кидают люди. Нам понадобится оружие, если придется сражаться, или подарки, если мы вступим с ними в переговоры. Я надеюсь, что незнакомые люди, увидев мои сокровища, встретят нас приветливо.

Старик развязал жилу, стягивающую мешок. И в самом деле, вещи, хранившиеся в мешке, составляли по тем временам величайшую редкость.

Старик недаром гордился ими. Тут были куски горного хрусталя, агата, мрамора и желтого янтаря, обточенные и просверленные; из них низались почетные ожерелья. Были тут и пестрые раковины, попавшие из далеких стран, искусно сделанные наконечники стрел, куски красного мела для разрисовки лица, перламутровые шила, рыболовные крючки и иголки из слоновой кости.

Все эти сокровища старик собрал за свою долгую жизнь.

Дети рассматривали их, широко раскрыв глаза от удивления. Но им не пришлось долго любоваться драгоценностями. Надо было снова браться за шесты. Плот, подхваченный течением, быстро приближался как раз к тому месту, откуда доносился шум, с каждой минутой становившийся все сильнее и сильнее.

Старик спрашивал себя, не слишком ли неосторожно с их стороны продолжать спускаться по реке на плоту, не лучше ли им высидеться и укрыться под привычную тень береговых лесов, когда Крек, дотронувшись до его руки, прошептал:

— Старейший, нас заметили... Я вижу вдаль, на самой середине реки, каких-то людей. Они плывут на древесных стволах и делают нам знаки. Вон они!

— Теперь поздно скрываться. Поплывем к ним навстречу, — ответил Старейший. С этими словами он встал, поддержи-



ваемый Гелем, и, в свою очередь, принялся подавать знаки рукой.

Через несколько минут плот путников окружили четыре плавающие громады, — таких никогда не видел ни Крек, ни Старейший. То были лодки, выдолбленные из цельных древесных стволов, заостренных по обоим концам. В этих лодках стояли люди и держали весла.

— Эти люди знают больше меня, но вид у них миролюбивый, — сказал Старейший, глядя с восхищением на незнакомцев и их лодки. — Быть может, они дадут нам приют. Надо постараться, чтобы нас хорошо приняли.

Он обратился к незнакомым людям с миролюбивой речью, а те смотрели на пришельцев скорее с любопытством, чем враждебно, и с видимым удивлением указывали друг другу на странный плот наших путешественников.

Гребцы в лодках, вероятно, не поняли речи старика: но приветливое выражение его лица, его спокойные миролюбивые жесты, ласковые переливы голоса, несомненно, убедили их, что почтенный старик и его молодые спутники не питают никаких враждебных замыслов. Лодки вплотную приблизились к плоту. Обе стороны обменялись приветственными жестами и улыбками.

Крек с жадным любопытством разглядывал прибывших. По своей одежде и оружию люди в лодках были очень похожи на людей племени Крека.

Пока длилась церемония первого знакомства лодки и плот продолжали плыть вниз по реке и скоро очутились против пологого песчаного берега. Тут нашим путешественникам открылось никогда не виданное, странное зрелище.

Недалеко от берега, по склонам холма, сплошь покрытого галькой и гравием, двигались взад-вперед вереницы людей. Одни наполняли камнями кожаные мешки, другие сносили эти мешки к берегу и высыпали камни в лодки.

Грохот ссыпаемых камней слышался издалека Крек и Рюг.

Плот и лодки направились к берегу и скоро причалили. На берегу, на вершине холма, в широкой выемке, Старейший и мальчики увидели скелет огромного животного.

Чудовищный скелет отчетливо вырисовывался на голубом небе; казалось, длинные побелевшие кости держатся какими-то невидимыми связками.

Громадные плоские рога, усаженные остриями и зубьями, торчали по обе стороны могучего черепа, высоко поднимая свои разветвления. По-видимому, это был олень, или, даже вернее, лось. Когда-то, очень давно течение прибило его труп к береговой отмели, много лет подряд река заносила его песком и галькой. Наконец река, прорыв себе более удобное русло, отошла в сторону. Труп остался погребенным в береговых холмах. Теперь люди, добывая песок и гальку, раскопали его могилу.

Старейший много раз в своей жизни охотился на лося и ел его

мясо. Но такого громадного зверя он никогда не видывал; чудовищные останки этого свидетеля прошедших времен поразили его и мальчиков.

Между тем люди на холме продолжали свой тяжелый и непонятный для наших путников труд. Несколько человек отошли от толпы работавших и подошли к пришельцам.

По важной осанке, по уверенному виду, по украшениям в волосах, ожерельям и, наконец, по начальническим жезлам Старейший сразу признал в незнакомцах вождей племени и протянул им свои дары. Вожди милостиво, с достоинством улыбнулись, и между ними и стариком завязался длинный разговор при помощи знаков.

Старейший выразил желание найти для себя и своих юных спутников мирный приют в жилищах этого племени. Он поклялся, что они будут служить верой и правдой приютившим их людям. Быть может, со временем их примут в члены великой новой семьи, которую они нашли после длинного путешествия, такого опасного и тягостного.

Вожди не без труда поняли, что хотел сказать старик. Они смерили взглядом Геля, Рюга и Крека. Ловкие и смелые мальчики, видимо, понравились им. Они нуждались в сильных и смысленных работниках, чтобы закончить важную работу, начатую на берегу озера. И они согласились исполнить просьбу Старейшего.

Гель, Рюг и Крек почтительно склонились перед ними и принялись весело собирать гальку, не понимая еще, зачем и для чего они это делают.

Вожди сразу признали Старейшего равным себе человеком. Они усадили его рядом с собой и предложили в знак союза выпить вместе с ними речной воды, поданной в большой раковине.

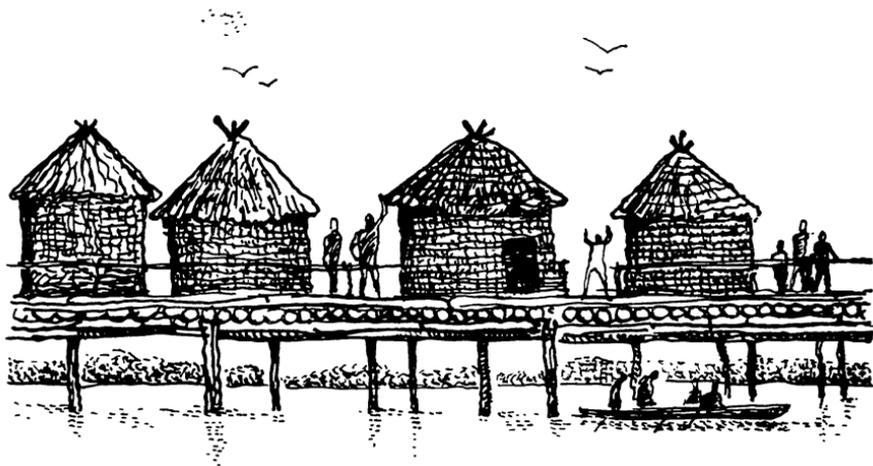
Тем временем челноки нагрузили доверху. Все расселись по лодкам, путешественники снова поместились на своем плоту, и флотилия тронулась в путь к поселку туземцев.

Они вскоре достигли устья реки. Здесь началось озеро, безбрежная гладь воды... Старейший и мальчики были поражены величавым простором озера.

Но вот путешественники выплыли в озеро и перед ними открылось еще более чудесное зрелище. Справа от устья реки, довольно далеко от берега, виднелось множество хижин, крытых тростником и обмазанных глиной. Хижины стояли на широком помосте из древесных стволов. Крепкие сваи, прочно укрепленные в воде, поддерживали помост.

Вода была так прозрачна, что наши путники могли заметить на дне озера, у подножия каждой сваи, громадные кучи галек и гравия.

Тут только они поняли, зачем жители поселка привозили издалека груды щебня и песку.



Прямые стволы деревьев, грубо обтесанные, не могли, конечно, глубоко войти в каменистую почву озера, а «бабы», которыми теперь забивают сваи, тогда еще не были известны. Чтобы прочно укрепить сваи на дне озера, у их основания насыпали огромное количество камней.

Старейший и трое юношей с изумлением смотрели на эти дома на воде, где отныне им было суждено жить.

— В этих тростниковых пещерах, — сказал Рюг, — можно отдыхать спокойно. Кроме птиц, змей и пожаров здесь нечего бояться.

Гель и Крек согласились, что жить здесь гораздо безопаснее, чем в пещере.

Но к радости Крека примешивалась доля печали. Ему не доставало матери и сестер, Маб и Он. Как бы хорошо было, думал он, если бы на помосте, где стояли хижины, он увидел бы их знакомые фигуры. Что-то они делают теперь? Не забыли ли они его?

Но все кругом было так ново, так необычно, что грусть Крека быстро прошла. И когда лодки остановились у места, где сваи засыпали гальками, Крек снова развеселился. Он хо-

тел теперь только одного: как можно скорее доказать, что он трудолюбив, мужествен, сметлив и будет полезен новой семье.

Между тем на помосте теснились обитатели деревни, с удивлением рассматривая плот с чужеземцами. Они приветливо встретили пришельцев. Молодежь, как всегда любопытная, внимательно осматривала одежду и оружие нежданных гостей.

Дружба между молодежью заключается скоро, и спустя несколько часов братья и озерные мальчишки так подружились, словно они с детства знали друг друга. Гель-рыболов сразу же стал работать вместе с водолазами — они попеременно поддерживали сваи в отвесном положении, пока их основание укрепляли камнями. Гель чудесно нырял и мог оставаться под водой очень долгое время.

Рюг присоединился к тем работникам, которые устанавливали сваи в воде, и очень быстро научился обтесывать и заострять концы древесных стволов с помощью длинного топора из шлифованного камня.

Старейший долго осматривал новые орудия. Эти полированные каменные топоры, наконечники копий и стрел были такими острыми, гладкими и красивыми. И, конечно, эти орудия были гораздо совершенней грубо обтесанных, кое-как оббитых орудий жителей пещеры. Старик радовался, что встретил племя, которое умеет строить такие чудесные дома и изготавливать такое прекрасное оружие.

Вечером, когда наши путешественники остались одни в новом жилище, большой и хорошо закрытой хижине, Старейший поделился с мальчиками своими впечатлениями.

— Дети мои, — сказал он, — я рад, что мы встретили людей, которые — я признаюсь в этом без стыда — знают куда больше, чем старейшины нашей пещеры, и чем я сам. Учитесь у них. Вы молоды, и скоро научитесь всему, что знают эти люди. Они изобрели много хороших вещей и живется им в этой мирной стране гораздо легче, чем нам в наших лесах. А мне в мои годы уже трудно пререучиваться, хотя мне нравится все, что я вижу здесь.



— Старейший, — сказал Крек, — я видел, как они просверливают в топорах дыры для крепких деревянных рукояток. Для этого нужны костяная палка, песок и вода. На топор они насыпают мелкий песок, поливают его водой, затем с силой надавливают на него костяной палочкой и начинают вращать. Все время они подсыпают песок и подливают воду. Сначала получается маленькая впадина, потом она становится все глубже и глубже и наконец превращается в дыру. Но как упорно и долго приходится им работать!

Старейший похвалил Крека за наблюдательность.

Первая ночь на озере прошла спокойно. С тех пор как путники оставили родную пещеру, впервые ни грозный рев животных, ни крики ночных птиц не прерывали их сна. Тихий плеск воды о сваи, казалось, убаюкивал их.

На другой день путники проснулись бодрыми и веселыми. Выйдя на мостки, соединявшие деревню с берегом, они увидели, что обитатели хижин давно уже встали и принялись за работу. Женщины жарили рыбу и мясо на очагах. Эти очаги были сложены из плоских камней, скрепленных илом, который под влиянием жара обратился в камень.

Быть может, именно вид этого обожженного ила и внушил позднее первобытным людям мысль лепить из него сосуды наподобие плетущек из коры и обжигать их на огне.

Старейший объяснил детям, что благодаря камню и илу деревянный помост не может загореться.

— Признаюсь, — сказал он, — я вначале боялся, как бы в поселке не вспыхнул пожар и не погубил хижин. Но чудесные очаги из камней и ила отлично предохраняют поселок от пожара.

Внезапно громкие и хриплые звуки прервали этот разговор. Старейший быстро оглянулся: дети из поселка изо всех сил дудели в большие раковины. На их призыв работники, рассеянные по берегу и на лодках, стали собираться к хижинам. Настал час еды. Через несколько минут все собрались около очага и, среди глубокого молчания, вожди начали раздавать пищу.

Некоторое время слышалось только шумное чавканье и изредка — громкая икота.

С наслаждением уплетая маленьких мясистых рыбок с красными точками на спине, Крек вдруг заметил, скорей с изумлением, чем с испугом, неподалеку от очага двух зверьков с острыми ушами и длинным хвостом.

Зверьки сидели неподалеку от людей и жадно смотрели на мясо.

Животные, казалось, были готовы кинуться на людей, но никто не обращал на них внимания. Это удивило Крека, он тотчас встал, молча схватил свою палицу и собрался храбро напасть на зверьков. Но вождь племени догадался о намерении



мальчика, сделал ему знак положить оружие и снова приняться за еду.

Вождь тут же кинул несколько костей животным, и те жадно накинулись на эту скудную подачку и ворча оспаривали ее друг у друга.

Старейший удивился не меньше Крека, но вождь объяснил им, что эти зверьки давно уже привыкли жить около людей.

Несколько лет тому назад, в холодное зимнее время, зверьки эти вышли из лесу и бродили возле лагеря. Должно быть, их мучил голод. Однажды кто-то бросил в них костью. Но зверьки не испугались, а принялись глотать ее. Так продолжалось несколько дней подряд.

— Животные, — добавил начальник, — поняли, что их не убьют, что возле людей

можно полакомиться костью, и остались здесь жить. Когда охотники преследуют оленя или какую-нибудь другую дичь, они бегут вперед и кружатся около добычи, подгоняя ее к охотникам. Поэтому мы не стали их убивать.

Старейший долго и с восхищением разглядывал зверьков, подружившихся с человеком. Он и не подозревал, что позже потомки этих зверей утратят дикий нрав и станут нашими верными помощниками и товарищами — собаками...

Покончив с едой, все улеглись спать. Но отдых длился недолго, вскоре все с новыми силами принялись за работу. Несколько охотников вместе с зверьками отправились в лес. С ними ушли Гель, Рюг и Крек. Оставшиеся принялись крепить сваи; женщины и дети скоблили шкуры, натирали их мокрым песком и жиром, чтобы сделать их мягкими и легкими.

Старейший и начальник поселка уселись возле очага и принялись изготавливать наконечники для стрел. Это были превосходные мастера. Из небольших кусочков кремня они выделывали тонкие и гладкие острия.

Стрелы с такими остриями могли тяжело поранить даже огромного лося и зубра.

Если вы будете в музее, остановитесь возле коллекции оружия каменного века и поглядите на нее внимательно.



Сколько терпения, упорства, мастерства нужно было затратить, чтобы превратить кусок бесформенного камня в гладко отшлифованный тонкий наконечник стрелы или тяжелый молоток.

У первобытных мастеров не было ни наших инструментов, ни наших станков, и все же они умели изготавливать те совершенные вещи, которыми мы любимся теперь.

В то время как оба старика работали на помосте свайного поселка, Крек бродил по лесной чаще. Вдруг он услышал звук, словно кто-то раскусывает орех; треск шел с верхушки дерева. Быть может это щелкал орехи какой-нибудь грызун? Крек присел за высокие сухие папоротники, чтобы скрыться от глаз животного и взглянул вверх.

Мальчик изумился, когда на верхушке дерева он увидел не грызуна, а ноги какого-то человеческого существа!

Крек бесшумно, словно змея, зарылся в траву и, чуть дыша, стал выжидать, поглядывая на верхушку дерева.

Существо, щелкавшее орехи, с увлечением продолжало свое занятие. Это, видимо, и помешало ему расслышать шелест травы,

раздвигаемой Креком. Наконец, оборвав все орехи на дереве, человек решил спуститься на землю.

Он проделал это бесшумно и очень ловко; у подножия дерева он перевел дух и скользнул в чащу.

Он так и не заметил, не почуял молодого охотника.

Но Крек успел его рассмотреть. Этот человек не походил ни на одного из жителей поселка, с которыми Крек успел познакомиться.

Лицо у него было волосатое, а шею охватывало ожерелье из когтей медведя.

Кто же был этот незнакомец?

Крек вздохнул свободно после ухода человека с ожерельем, он был доволен, что отделался так просто. В первую минуту Крек хотел бежать в поселок, но, подумав, решил сначала выяснить, куда направился незнакомый охотник.

Крек кинулся вслед за незнакомцем. Мальчик быстро настиг его, и, припав к земле, пополз за ним так близко, что видел как медленно поднималась трава, примята его ногами.

Запах тины и водяных растений, сначала едва заметный, потом все более и более острый, возвестил Креку, что они приближаются к берегу озера. И он не ошибся. Скоро к шелесту листьев и ветвей присоединился и плеск воды. Между деревьями и растениями падали полосы света, они становились все ярче и ярче.

У опушки леса Крек остановился. Он увидел, что незнакомец, ничуть не скрываясь, смело прошел по пустынному отлогому берегу и направился в чащу огромного тростника, окаймлявшего озеро. Пока он шел по берегу, над тростником внезапно появились черноволосые головы.

Крек пересчитал их, или, вернее, поднял по пальцу на каждую голову (донисторические мальчики не умели считать), и увидел, что черноволосых было столько, сколько у него пальцев на двух руках и еще один палец на ноге.

Крек очень хорошо рассмотрел незнакомцев и теперь



не сомневался: эти люди не были жителями поселка на воде.

Он решил поскорее предупредить своих товарищей: ведь притаившиеся в камышах люди могли быть врагами. Крек немедля пустился в обратный путь. Он бежал по лесу уверенно, как хорошая охотничья собака, и осторожно, как опытный лесной бродяга.

Он скоро отыскивал охотников из поселка. Это было как раз вовремя, Гель и Рюг уже беспокоились, не зная, почему опаздывает брат. Они просили товарищей подождать хотя бы еще немного.

— Мальчик скоро вернется, — убеждал Рюг, — я слышу его шаги, он недалеко отсюда.

Но охотники были очень недовольны. Они встретили запыхавшегося мальчика ворчанием. Однако новость, принесенная Креком, сразу же заставила их позабыть свое недовольство.

Охотники знали о соседних бродячих племенах гораздо больше, чем Крек и его братья. Поэтому, когда Крек описал им незнакомцев, они встревожились. Разрубив на части тушу убитого оленя, они взвалили куски мяса себе на плечи и поспешно двинулись к поселку.

Но на берегу озера их поджидала новая беда: двух лодок не оказалось на месте.

— Куда они девались?

На плоском илистом берегу виднелись борозды, оставленные лодками, когда их вытаскивали на сушу. Виднелись и борозды от двух исчезнувших лодок. Но как их спустили обратно на воду, понять было невозможно. Никаких других следов на берегу не было видно. Это было удивительно, но времени, чтобы расследовать таинственное происшествие, у охотников не было. Надо было как можно скорее добраться до дому. Охотники столкнули на воду оставшиеся лодки и, сильно взмахивая веслами, понеслись к поселку.

Причалив к помосту, охотники поспешили к хижинам вождей. Вскоре все вожди собрались вокруг очага. Они позвали Крека и приказали повторить все, что он раньше говорил охотникам.

Вожди слушали Крека с мрачными лицами. Затем они долго и оживленно совещались между собой. Наконец они обратились к Старейшему, который присутствовал тут же. «Мальчик смел и сообразителен», — сказали вожди старику и поручили ему поблагодарить Крека от имени всех вождей.

— Не будь мальчика, — добавил старший вождь, — враги застали бы нас врасплох. Дикие лесные бродяги, что скитаются по берегам озера, могут напасть на нас. Опасность велика, но кто остерегается, тот силен. Эти бродяги давно не появлялись здесь, и мы решили, что они покинули наши места. Но, видимо, они скрывались в лесах, и теперь собираются напасть на нас.

Старейший простер свой жезл над головой Крека и ласково положил руку ему на плечо. Это была большая честь, и Крек был в восторге.

Настала ночь. Все наскоро подкрепили свои силы. Женщины и дети укрылись в хижинах. Люди в полном молчании готовились к защите поселка. Самые сильные охотники снимали подпоры у мостков, чтобы враг не пробрался с берега. Один отряд воинов затаился в укромных местах между хижинами. Другой — спустился в пироги и залег в них. Пироги стояли вдоль свай, перед мостками. Сверху их прикрыли тростником, снятым с крыш. На главном помосте, у очага, был поставлен только один часовой. Этот почетный пост по приказу вождя занял Рюг. Все уже знали о его необыкновенном слухе. Лежа у костра, Рюг должен был прислушиваться к ночным шорохам, и, если бы враг приблизился, предупредить вождей.

Рюг не имел права вмешиваться в битву. Как только на помосте завяжется бой, юноша должен был разжечь яркий огонь и неустанно поддерживать его.

В поселке воцарилась глубокая тишина. Все замерли на своих местах, чутко вслушиваясь в ночные звуки. Время тянулось ужасно медленно. Внезапно Рюг поднял руку.

— Они идут, — прошептал вождь, поняв движение Рюга. — Какие хитрецы, — прибавил он на ухо Старейшему, — ведь нарочно дожидались конца ночи. Они думают, что перед рассветом сон всего сильнее одолевает человека и наши часовые могут задремать.

Кругом царила глубокая тьма и полное безмолвие. Только изредка вдали раздавался жалобный крик озерной птицы.

Рюг снова поднял руку и лег.

— Вот они! — сказал вождь.

И в самом деле воины различили какой-то тихий и необычный плеск, заглушавший по временам мерный и спокойный говор волн.

Мало-помалу этот плеск становился все сильнее и сильнее.

Приближались решительные минуты.

Рюг храпел. Его мирный и звонкий храп, наверное, подбодрял врагов и побуждал их смело продвигаться вперед. Враги заранее радовались, заметив, что часовой мирно спит. При свете сторожевого огня они могли отчетливо разглядеть беззаботно развалившегося на помосте человека. Часовой спал, вместо того, чтобы вовремя заметить неприятеля и поднять тревогу.

Враг был уже близко, но воины поселка не могли различить ни одного звука, похожего на стук весел о воду. Наверное, пироги, украденные бродягами, или их плот вели искусные пловцы, сменявшие друг друга.

Пловцы подвели пироги к сваям с той стороны, где стояли лодки с укрывшимися под связками тростника воинами.

Один за другим нападающие полезли на помост. Они карабкались бесшумно, словно водяные крысы. Через мгновение над краем

помоста показались черные головы. Широко открытые глаза врагов свирепо блестели при свете костра.

Наконец они взобрались на помост. С их смуглых волосатых тел струилась вода. Тот, кто шел во главе, показал своим товарищам на уснувшего Рюга и, взмахнув копьем, двинулся к спящему.

Но Рюг не спал. Притворясь спящим, он незаметно придвинул к очагу сухой валежник, облитый смолой: брошенный в костер, он должен мгновенно вспыхнуть.

Вождь лесных разбойников подкрался к Рюгу, готовясь пронзить спящего копьем. Но смелый юноша быстро повернулся, будто во сне, и откатился в сторону. В тот же миг он ловко втолкнул в огонь сухой валежник, который вспыхнул теперь ярким пламенем.

Резкий свет ослепил чужого вождя, и он на мгновение остановился с поднятой рукой.

Это невольное замешательство оказалось для него роковым. Не успело его копье вонзиться в то место, где только что лежал Рюг, как воины поселка со всех концов помоста бросились и окружили высадившихся дикарей.



На помосте разгорелась ожесточенная битва. Защитники поселка сражались с отчаянной яростью. Удары дубин и палиц сыпались на обезумевших черноволосых, словно удары цепов на снопы хлеба.

Перед неприятельским вождем появился Крек и вонзил ему кинжал в грудь. Человек упал, Крек молча прикончил его.

Огонь пылал ярко, и Рюг без устали подбрасывал в очаг все новые и новые охапки сухого камыша и ветвей. Если какой-нибудь враг осмеливался подойти слишком близко к храброму мальчику, то Рюг, верный своему долгу, совал в лицо неосторожному горящую головню.

Лесные люди сражались храбро и не думали отступать. Если раненый падал на помост, он кусал своих противников за ноги.

Но скоро нападающие поняли, что им не одолеть защитников поселка. Их отряд был слишком мал, чтобы одержать победу над хорошо вооруженными и, главное, заранее подготовившимися жителями поселка. Тогда враги отступили к мосткам, ведущим на берег. Но мостки оказались разобранными. В отчаянии они бросились к пирогам, рассчитывая захватить их и бежать под покровом ночи.

Но и здесь их ждала неудача. Едва они добрались до края помоста, как воины, спрятавшиеся в лодках, повскакали со своих мест и, потрясая оружием, огласили воздух грозными, воинственными криками.

Этого черноволосые не ожидали: они поняли, что окружены и погибли.

Кто не был ранен, бросился в озеро. За ними тотчас же кинулись вдогонку Гель-рыболов и другие искусные пловцы.

Иные, несмотря на тяжелые раны, продолжали стойко сражаться. Но таких было немного, и скоро все они полегли мертвыми на залитых кровью бревнах помоста. Это был конец боя.

Защитники поселка тут же расположились на отдых; одни осматривали свои раны, другие жадно пили холодную, свежую воду.

Вдруг раздался громкий голос Рюга, юноша кричал женщинам, чтобы они поскорей тащили шкуры и мочили их в воде.

Вождь и Старейший во время боя хладнокровно подавали воинам оружие. Теперь они поспешно направились к Рюгу узнать, что произошло.

— Не стоит, — ответил большеухий мальчик, — сжигать все наше топливо. Надо поскорее затушить то, что было зажжено. Смотрите, у нас пол загорается!

И верно: поселку угрожала новая страшная беда — пожар.

Однако благодаря Рюгу удалось предотвратить и эту опасность. Женщины хватили шкуры, мочили их в воде и покрывали ими тлевший пол. Охотники таскали воду в сосудах из коры и заливали очаг.

Когда огонь удалось потушить, настало время позаботиться о раненых. Их разместили по хижинам и наложили на их раны повязки из свежих листьев и трав.

Трупы врагов побросали в озеро. Но прежде чем столкнуть в воду тело человека с волосатым лицом, которого убил Крек, вождь сорвал с него ожерелье из когтей медведя и надел его на шею мальчика.

— Ты заслужил это ожерелье, — сказал вождь, — и я дарю тебе его в знак благодарности моего народа.

Старейший положил руку на плечо Крека и сказал взволнованным голосом:

— Теперь ты воин, сын мой, и я доволен тобой.

На заре появился и Гельрыболов: он плыл как рыба. Его лицо было рассечено от виска до подбородка каким-то острым орудием, но это не мешало ему улыбаться.

На вопрос Старейшего, где он так долго пропадал, Гель сурово ответил:

— Вместе с другими воинами я закончил под водой то, что вы начали на помосте. А чтобы тот, кто нанес мне эту рану, никогда не узнал меня по ней, я выколол ему глаза.



Глава 10

СЛЕПОЙ ВОЖАТЫЙ

За этой страшной ночью последовал ряд спокойных мирных лет, и жизнь в маленьком поселке на сваях не омрачалась никакими происшествиями.

За эти годы Крек не раз отличался своим мужеством, изобретательностью и ловкостью. Его часто хвалили, но он сумел остаться скромным, и поэтому все любили его и никто не завидовал ему, как бы не отличали его старшие. Каждый видел в нем бесстрашного защитника поселка, будущего вождя.

Гель и Рюг охотно признавали за ним первенство и любили его по-прежнему.

Старейший радовался, видя, как уважают его любимого ученика. Одно огорчало старика: он знал, что не доживет до того дня, когда резной жезл вождя перейдет в руки Крека.

Силы покидали старика и он явно слабел. Он почти не сходил на берег и все свое время проводил около очага, беседуя с начальниками племени или занимаясь какой-нибудь легкой работой.

Когда же Старейший почувствовал, что конец его близок, он тайно поручил Гелю и Рюгу передать Креку в день, когда тот станет вождем, древний знак высшей власти — резной жезл из кости северного оленя, которым сам Старейший честно и гордо владел много лет.

После этого Старейший перестал выходить из своей хижины и через несколько дней умер.

Обычно жители свайного поселка хоронили своих умерших на дне озера, около самой деревни, засыпая их тела грудой камня и гравия. Но Старейший — вождь, он оказал племени много услуг. Поэтому в знак особого уважения его решили похоронить в земле.

Так и сделали. Старейшего торжественно похоронили далеко от озера, в спокойной, поросшей лесом горной долине. На похоронах, кроме Крека с братьями присутствовали все вожди племени и отряд воинов. Над могилой набросали большую грудку камней. Затем все отправились в обратный путь к уютным хижинам на озеро.

Крек и его братья шли молча, лишь изредка оглядываясь на исчезающие в тумане леса и холмы, те леса, среди которых покоился Старейший. Но остальные воины возвращались веселые, оживленно беседуя о своих делах. В те времена людям жилось слишком трудно, и они не могли долго грустить или радоваться.

Так и теперь: едва похоронив Старейшего, они уже ни о чем другом не думали, как о возвращении в родные хижины и о будущих охотах.

К ночи отряд вышел из лесу на открытую равнину. В эту минуту передовые воины-разведчики остановились.

Они увидели юношу и двух молоденьких женщин, сидевших на корточках на земле. Рядом с ними лежал какой-то человек, много старше их, который, казалось, только что умер или умирал. Трое незнакомцев изнемогали от усталости и перенесенных в пути лишений.

В нескольких шагах от старика в луже крови валялся труп медведя.

Разведчики криком предупредили шедших сзади. Воины вместе с вождем живо окружили несчастных.

Молодые женщины и юноша с трудом поднялись на ноги. Они взглядами и жестами умоляли пощадить их. Юноша обратился с вождю с речью. Но никто из озерных жителей не мог понять его

слов. В эту минуту подоспел Крек. Едва слова незнакомца долетели до его слуха, как он вздрогнул и быстро оглянулся на братьев. На лицах Рюга и Геля отражалось такое же изумление и тревога.

Что же так взволновало братьев?

С тех пор как братья попали в озерный поселок, они быстро освоились с языком его обитателей и так привыкли к нему, что и между собой не говорили иначе как на озерном наречии. Но язык родной пещеры они не позабыли. Отдельные слова они еще помнили. И теперь они услышали их из уст незнакомца.

Юноша говорил на языке их родного племени!

В сумерках трудно было разглядеть лица и одежду этих несчастных. Но братья не сомневались, что перед ними беглецы с берегов их родной реки.

Они поделились своей догадкой с вождем, и тот приказал им немедленно расспросить злополучных путников.

Пока они беседовали, воины разложили костер и предложили чужеземцам воду и пищу. Путники, измученные жаждой, набросились на воду, но от еды отказались.

Попытались также влить хоть несколько капель живительной влаги в губы старика, лежавшего на земле, но старик был мертв.

Крек стал расспрашивать несчастных, внимательно вглядываясь при свете костра в их худые, костлявые лица, покрытые грязью и царапинами.

Молодые женщины молчали, видимо совсем изнуренные, говорил только юноша.

— Мы пришли издалека, — так начал он свой рассказ. — Наша родина там, — и он указал рукой на темнеющий лес. — Там, в пещерах, на берегу огромной реки, проживала наша семья. Нас было много, наши охотники были искусны, пещера была надежным приютом — мы не голодали и легко переносили суровые холода. Но вот две или три зимы назад поблизости поселилось чужое свирепое племя. Эти разбойники не только истребляли дичь в соседних лесах, но и нападали на наших охотников. Они устраивали засады возле нашей пещеры, похищали и убивали детей и женщин. Каждую ночь мы ждали нападения на пещеру. Мы не раз давали им суровый отпор. Но их было слишком много, и победить их мы не могли. Пришло время, когда почти все наши воины и охотники погибли в кровавых схватках с врагами. Оставшиеся в живых решили покинуть пещеру и, забрав женщин и детей, ушли искать спасения в лесах. Но враги гнались за нами, многих перебили и захватили в плен. Только я, эти женщины и этот старик спаслись от преследования. Мы шли, бежали куда глаза глядят, не останавливаясь ни днем ни ночью, и наши враги мало-помалу отстали. Тут только мы отдохнули. Этот старик взялся вывести нас к берегам прекрасного озера. Но путь был



очень тяжел; старик был слаб, не раз он отчаивался и просил бросить его в лесу.

— Почему он просил об этом? — спросил Крек.

— Ему казалось, что он только обременяет нас, ведь он был слеп.

— Слеп?

— Да, слеп. Он ничего не видел. Он был чужой нашему племени. Мы встретили его в лесу во время охоты. Он бродил в лесной чаще, умирая от голода. Откуда он, никто не знал. Наши вожди его подобрали и приютили.

— Приняли к себе слепого! На что он годен? — вскричал удивленный Крек. — Ваши вожди поступили: не очень умно.

— Наши старейшины думали не так, — ответил юноша. — Они приняли слепого чужеземца потому, что он обещал, если ему сохранят жизнь, отблагодарить со временем за такую милость. Он обещал указать нам дорогу в неизвестную прекрасную страну, где тепло и много дичи, много вкусных плодов и кореньев. Там, говорил он, живет легко и привольно, и люди устраивают себе дома на воде.

«Так этот слепой видел наше озеро!» — подумал удивленный Крек.

— Слепой воин жил и кормился у нас, ожидая, когда наши старейшины решатся наконец переселиться в другую страну. Но они слишком долго собирались... «Слепец много знает и полезен нам своими советами», говорил самый старый из наших вождей. И в самом деле, чужеземец знал и учил нас многим важным вещам.

— Значит, он сумел стать вам полезным, и вы были правы, оставив ему жизнь и приютив его у себя, — сказал Крек.

Крек, как и все первобытные люди, считал, что калек, убогих, обессилевших от болезней или старости — всех, кто стал тяжелой обузой для остальных, — надо изгонять, обрекая на гибель. Это был такой же долг, как помощь товарищу на охоте или отважная смерть в бою при защите родного очага.

Молодой чужеземец продолжал свой рассказ:

— Мы не бросили слепца, и я кормил его тем, что добывал на охоте. Он был добрым советником и опытным вожатым. Мы рассказывали ему о том, что видели и встречали на своем пути, — о небе, о земле, о деревьях и растениях, — словом, обо всем. А он указывал нам, в какую сторону идти.

Путь был долгий и трудный. Слепой слабел с каждым днем. Он боялся, что умрет прежде, чем доведет нас до чудесной страны. И вот однажды вечером он рассказал, куда нам надо идти. Он заговорил о народе, с которым мы должны встретиться.

«Они, наверно, дадут вам приют, потому что вы придете к ним просителями, а не врагами, — сказал он и затем прибавил: — Когда-то я тайно бродил по их владениям; я был не один, и глаза мои еще видели солнечный свет. Много дней я следил за этими людьми. К ним я и веду вас теперь. Они мирно ловили рыбу на берегах озера, плавали по воде на древесных стволах, искусно выдолбленных изнутри. Мы захотели овладеть их прекрасными жилищами, чудным оружием, великолепными лодками. Тогда мы могли бы спокойно спать и всегда иметь обильную пищу. Мы несколько раз пытались победить их. Но все наши попытки были тщетны! Эти счастливые люди умели постоять за себя. Наконец мы решили захватить их врасплох и напали ночью на сонный поселок. Но и это не удалось. Много наших воинов погибло в бою. Некоторые, и среди них я, пытались спастись, бросившись в темные воды озера...»

— Но водгонку за ними кинулись победители, — подхватил Крек, с жаром перебив молодого чужеземца. — Вожатый должен был и это открыть вам, — прибавил он с усмешкой торжества. — Только один из беглецов остался живым. Как он спасся, я не знаю, но у него в схватке с нашим воином были выколоты глаза!

— Вождь, ты прав! — воскликнул юноша. — Я вижу, что попал к тем самым людям, о которых говорил мне старик. Вы как раз из этого племени, на которое он некогда напал. Вождь! — продолжал молодой человек, протягивая руки. — Делай со мной что хочешь, но пощади этих несчастных женщин! Я ваш пленник, но вашего врага уже нет в живых. Слепой и слабый, он умер как храбрый воин в схватке с медведем, который напал на него, пока мы ходили искать воду. Он был храбрец и звали его Безглазым. Я сын вождя и меня зовут Ожо.

Крек и его братья вскрикнули от удивления.

— Ожо!... — повторили вместе все три брата. — Ожо!

— Да, Ожо.

— Это он!... Это брат!... — прошептали Гель и Рюг, сжимая руки Крека и дрожа от радостного волнения.

— Я тоже так думаю, — пробормотал Крек, — но, — прибавил он, верный своей осторожности, — быть может, это враг, и он лишь прикрывается именем нашего брата Ожо.

И, обращаясь к чужеземцу, Крек громко спросил:

— Кто эти женщины?

— Эти женщины — мои сестры, дочери вождя.

— Их зовут?

— Маб и Он.

Едва эти слова сорвались с уст незнакомца, как его обняли чьи-то сильные руки, и он услышал приветливые восклицания.

— Ожо, Ожо! — кричал вне себя от радости Крек. — Разве ты не узнаешь меня, и Геля и Рюга?

Не нужно описывать изумление Ожо при этих словах, оно понятно и без слов.

Маб и Он казалось, что они видят во сне, будто маленький Крек превратился в прекрасного молодого воина.

Затем Крек подошел к вождю, который прилег у костра, пока братья разговаривали с молодым незнакомцем. Крек рассказал ему, с кем они встретились, и почтительно просил его помиловать Ожо и сестер.

— Их привел сюда наш враг, но теперь он мертв. Ожо — ловкий, осторожный, преданный и честный юноша. Он будет усердно служить племени, которое примет его к себе. Я отвечаю за него, — сказал Крек.

— Если это так, Крек, то я должен благодарить тебя, — сказал вождь, — ты даришь нашему племени нового полезного члена. Женщины нам тоже нужны. Пусть будет по-твоему. Завтра я покажу нашим новым соплеменникам.

Ночь прошла спокойно. Воины крепко спали, но Крек, Гель-рыболов и Рюг-большеухий, сидя у костра, наперебой рассказывали Ожо и сестрам, как они живут в поселке на озере. А Ожо с новыми подробностями повторил свой рассказ о последних годах жизни в пещере и гибели их семьи.

— Еще задолго до битвы, которая стала роковой для нашей семьи, — так закончил Ожо свою печальную повесть, — старейшины простили тебе, Крек, смерть огня и сожалели, что ты ушел...

Наступал рассвет. Вождь проснулся и приказал немедля двинуться в путь. Через несколько часов дети пещеры подошли к берегам прекрасного озера. Годы тяжелых странствий и горькой разлуки окончились для них навсегда.





Рыламан

В. ВЕЙНЛАНД



Глава 1

ПЕРЕД ПЕЩЕРОЙ

Это было много — много лет тому назад, когда в Германии, среди дикой природы, пещерный человек вел непрерывную, ожесточенную борьбу с хищными зверями.

В это отдаленное время, в летний зной, на освещенной солнцем площадке, перед одной из пещер теперешних Швабских гор, играли на мягкой траве голые, темно-желтые дети. Один из мальчиков ездил верхом на медвежонке, подгоняя его сосновой веткой, а другой тянул животное за шею; немного подалее около ручного волка сидел четырнадцатилетний мальчик и гладил зверя по спине, а волк добродушно лизал ему лицо. Среди темно-зеленых игл тиса, на сером фоне выжженных солнцем скал, играло несколько таких же смуглых мальчиков. Один из них, забравшись чуть ли не на верхушку дерева, бросался оттуда с вытянутыми вперед руками на одну из растущих внизу веток, и так, прыгая с ветки на ветку, достигал земли и скрывался с веселым смехом в пещере.

Через несколько минут дети выбежали из пещеры с пращами

в руках. Они подбежали к толстому корявому дубу, росшему против тиса, слева от входа в пещеру, и стали метать из пращей круглые камни, собранные в долине, величиной в добрый детский кулак. Целью им служили висевшие на ветвях дуба украшения: огромный череп пещерного медведя с оскаленными зубами, убитый филин, ястреб, дикая кошка с пушистым, толстым хвостом, лисица и много других охотничьих трофеев.

Почти никто из мальчиков не промахнулся, и если случалось, что какой-нибудь камень, к досаде стрелявшего, жужжа пролетал мимо цели и падал в долину, кругом раздавался громкий смех.

Вблизи мальчиков маленькие девочки играли с ручным оленем, и их веселый крик слышался со всех сторон.

Недалеко от детей большой черный ворон и галка важно прохаживались по площадке, собирая камешки, черепки и попадавшиеся кости.

У самой пещеры сидели, поджавши ноги, женщины вокруг большой кучи пепла, по которой иногда пробегал красный огонь; над этой кучей возвышался на четырех столбах простой плетеный навес для защиты от дождя.

Лица женщин были желтого цвета с расставленными вкось черными полузакрытыми глазами. Их черные волосы, связанные узлами, висели на спине. Одежда состояла из оленьей шкуры, достигавшей до колен и оставлявшей голыми руки и ноги. У некоторых на коленях лежали грудные дети. Женщины разговаривали, странно пришептывая, размахивая руками, и часто гримасничали.

Вдруг они разом замолчали; даже дети прекратили игру. Все обернулись к старому тису. Там появилась тяжело дышавшая старуха; она издавала глухие стоны. Наклоненная вперед голова ее была покрыта белыми как снег волосами, ниспадавшими густыми, спутанными прядями почти до земли. Ее морщинистые, коричневые руки опирались на костыли. Сморщенное худое лицо было бледно; подбородок выдавался вперед, а длинные седые брови висели над ввалившимися, почти закрытыми, глазами. На плечах старухи висела очень редкая шкура белого волка, что считалось особенным отличием. Это была старая Парра, прародительница всех собравшихся здесь людей. Медленно, ощупывая костылем каждый камень, она брела от пещеры к краю скалы. Там она подняла руку по направлению к заходящему солнцу и монотонно протяжно забормотала; женщины и дети поддержали ее, хлопая в ладоши. Это была их вечерняя молитва. Кончив ее, старуха возвратилась к тису, опустилась на землю и свесила голову на грудь, как будто погрузившись в глубокое раздумье.

Оживление вернулось к маленькому населению пещеры. Площадку очистили и все сели в круг. Молодой человек лет восемнадцати принес странный инструмент, состоявший из куска выдолбленного дерева с круглой дырой посередине, затянутой кожей, и, обхватив его коленями, стал барабанить ладонями рук, выдерживая короткий, отрыви-



стый такт. Другой молодой дикарь стал дуть в дудку, сделанную из полой кости с просверленными отверстиями, подчиняясь такту барабана. Женщины подхватили хором грустный однообразный мотив; старуха вторила им, ударяя в ладоши.

Из пещеры выскочил веселый мальчик с развевающимися волосами и стал в середину круга. Его короткая меховая куртка была перетянута поясом из веток тополя, голову обвивал плющ, а за ушами торчали два голубых пера сойки. Он держал лук и несколько стрел. Волк прыгнул рядом с ним в круг.

Мальчик начал медленный танец; он топал ногами, высоко поднимая колени, выразительно потрясая в воздухе руками и оружием. Чем быстрее бил барабан, тем быстрее топал ногами молодой танцор. Кончив танец, он одним громадным прыжком вылетел из круга, перепрыгнув через головы двух дсвочек, испуганно согнувшихся перед ним. Волк последовал за ним. — Молодец Руламан!.. — закричали восторженно дети.

После Руламана начали пляску три девочки в юбочках из перьев и с дубовыми ветками на груди.

Вдруг из долины раздался пронзительный свист. Все разом точно замерло...

Глава 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ

Аймаатов, — так называли себя обитатели пещеры, что значило: люди, — охватило волнение. Как и у всех дикарей, живущих только охотой, у них постоянно чередовались голод и изобилие, опасности и неудачи с днями большой добычи и беззаботного веселья. Дикие звери встречались редко около их жилища, и для добывания пищи приходилось предпринимать отдаленные путешествия и с большим трудом тащить добычу домой.

Свист возвещал о возвращении домой мужчин, ушедших на охоту несколько дней тому назад. Толпа женщин и детей, за исключением Парры, бросилась по широкой извилистой тропинке к ближайшему источнику. Источник этот почти круглый год доставлял пещерному человеку воду; только зимой, когда вода промерзала до дна, ему приходилось довольствоваться каплями, просачивавшимися сквозь потолок пещеры.

Уже стемнело. С горы нельзя было не только увидеть охотников, но даже услышать их шагов. Толпа женщин и детей остановилась у источника, стараясь не шуметь, чтобы не привлечь внимания хищных зверей. Этот первобытный народ слишком привык к постоянным опасностям, и о возможности ежеминутного нападения какого-нибудь свирепого хищника хорошо знали не только женщины, но и маленькие дети.

Молча и затаив дыхание, все устремили глаза в лесную чащу, по которой две тропинки вели в долину.

Руламан, подвижный, как белка, и быстрый, как олень, не выдержал и громко крикнул возвращающимся мужчинам: — Рулаба! — это значило: Руль, мой отец!

— Руламан! — ответил ему снизу мужской голос.

Когда охотники подошли ближе, дети бросились им навстречу. Они столкнулись с ними недалеко от источника. Вернувшиеся мужчины были крепкого и плотного телосложения, одеты в короткие рубашки без рукавов из оленьей шкуры, затянутые поясами. Их жесткие, черные волосы выбивались из-под крупных меховых шапок.

Руль — предводитель племени, — отец Руламана, выделялся среди них своей белой волчьей шкурой, которая свободно спускалась с его могучих плеч.

На безбородых, потемневших от усталости лицах охотников виднелась и радость свидания с близкими и затаенная забота. Охотники, несмотря на то, что пять дней искали добычу и прошли через реку Норгу до Мамонтова озера, вернулись почти с пустыми руками: ни одного молодого оленя или лошади, ни одного молодого теленка буйвола, не говоря уже о мамонте, им не удалось убить. Всю добычу их составлял короб, наполненный щуками, лебедь, гусь да речная выдра. Этой пищи не могло хватить и на один день.

Когда охотники подошли к пещере и сообщили старой Парре о неблагоприятном исходе охоты, она проворчала несколько слов и разразилась резким, насмешливым хохотом: она радовалась, что ее предсказание сбылось.

Женщины быстро раздули огонь и, среди общей суеты, изжарили рыбу, которую разом же и съели, а потом поспешно стали готовить мясо. Перья птиц были тщательно ошипаны, а с выдры была снята шкура; она предназначалась для одежды; для этого ее выскоблили каменными ножами и натерли салом.

После ужина женщины и дети пошли спать, а мужчины остались рассказать старой Парре о виденных ими у Мамонтова озера замечательных жилищах, недавно выстроенных, но покинутых их обитателями. Айматов удивляло то, что жилища эти сделаны из стволов деревьев, обтесанных так, как нельзя обтесать каменным топором. Неподалеку от этих жилищ они нашли лодки, но не выдолбленные и выжженные, как обыкновенно, а искусно сколоченные из деревьев, разрезанных вдоль по всей длине. Родственное айматам, живущее неподалеку, племя рассказало им, что это какой-то народ с белым цветом лица и в мягких одеждах настроил такие странные хижины и лодки. Белые люди жили около озера целый месяц, убили много мамонтов и, забрав их клыки, а мясо бросив, ушли. Они были приветливыми соседями и подарили им блестящие кольца. Оружием им служили страшные колья с блестящими остриями, такими острыми, что легко пробивали шкуры мамонта и слона. Так же блестящи и остры были их стрелы; а их

луки стреляли вдвое дальше, чем луки айматов. Но самое необыкновенное, что у них было — это ножи — длинные, величиной с руку, острые и такие блестящие, что в них можно было видеть себя, как в прозрачной воде. Деревья они рубили и тесали такими же, как ножи, топорами. Они приручили каких-то животных вроде волков, которые сторожат им жилища и лакот, когда подходит чужой. Эти люди обещали вернуться осенью и привезти с собой жен и детей.

Внимательно слушавшая старуха неожиданно крикнула: — Горе, горе нам! Это белые калаты* из той стороны, где восходит солнце. Мой отец встретил их раз и они подарили ему блестящий нож из солнечного камня. Но отец ненавидел и боялся их, так как они убивали и ели своих врагов. Они называли себя сынами солнца, а айматов — сынами земли. И это правда: калаты не боятся смотреть на солнце, а айматам оно ослепляет глаза. Калаты не знают голода. Они питаются зернами, которые растут летом. Зимой они сидят дома у огня, едят и спят... Горе нам, если они придут в нашу страну!.. Они будут есть все: и наших детей, и наших оленей, и наших лошадей, и наших медведей. А нам останется голодать и служить им или умереть!..

Наступила беззвездная ночь: уныние охватило мужчин. Они, молча, встали и один за одним ушли в темную пещеру. Под деревом осталась одна старуха, что-то бормотавшая в полусне. Над ней на суку сидел черный ворон. Услыша чей-то шорох, он пронулся, закаркал, захлопал крыльями и снова замолк.

Все погрузилось в сон.

Глава 3

В ПЕЩЕРЕ ТУЛЬКА

С восходом солнца, в Тульке (так звали айматы свою пещеру) началось оживление. Там жило шесть взрослых мужчин, сыновей одного отца. У каждого из них было по несколько жен и детей, так что в пещере помещалось до пятидесяти душ.

Вход в пещеру был на северо-западном склоне крутой горы, около ее вершины, под нависшей скалой. Это было небольшое отверстие, заложенное громадным обломком скалы; за обломком шел узкий и высокий проход, с несколькими сужениями; проход поворачивал сначала направо, потом налево, а затем неожиданно расширялся, образуя большой зал, где было совершенно темно. Здесь жители пещеры находили приют от холода и непогоды; пол этой части пещеры был выложен самой природой известняком; разбросанные обломки скал служили айматам столами и скамейками. Температура здесь была одинакова и зимой и летом, так что неприхотливые обитатели Тульки обходились без печей. На высоте тридцати футов от

Калаты — кельты, племена, обитавшие в Западной Европе.

пола свод зала был украшен природой сталактитовыми отложениями. Выступы скал естественно разделяли пещеру на комнаты, удобные для каждой отдельной семьи племени.

В конце зал опять сужался в проход, который, делая прямой угол, приводил во второй маленький грот. Здесь айматы устроили настоящий склад оленьих рогов, длинных трубчатых костей лошадей и пещерных медведей, мамонтовых зубов, кремневых камней разной величины и дерева для выделки оружия. Связанные виноградной лозой, заменяющей айматам веревки, висели на полке стволы тополей, тисов, дубов, черного и белого терновника.

Дальше пещера еще раз сужалась, открывая вход в третью ее часть, где хранились съестные припасы на случай голодовок и на зиму. Сюда, в это прохладное место, не могли проникнуть ни мухи, ни другие насекомые, портящие мясо. Запасы дичи висели на поперечных жердях с деревянными крючьями. В углублениях стен стояли красные, толстые, похожие на блюда, сосуды, сделанные из глины и песка и обожженные на огне. В них хранился жир убитых животных, сушеные ягоды, орехи, плоды, древесная кора, травы, корни, сушеные грибы и лишай. Лишай очень ценился айматами; их растирали в муку, приготавливали из нее тесто и поджаривали его в растопленном жиру.

Еще один и последний проход вел в грот, где постоянно просачивалась вода. Для сбора ее на полу грота был искусно вырублен бассейн и капли воды падали в него с однообразным шумом, который был слышен даже снаружи пещеры.

Слева от последней комнаты спускался на запад крутой обрыв из красной мягкой глины. Здесь валялась разбитая посуда, кости зверей, остатки пищи и клочья шерсти, словом все отбросы хозяйства.

Но нигде не чувствовалась так заботливая рука хозяев, как в жилой части пещеры. Повсюду по стенам были вбиты деревянные колышки и крючья, на которых висели луки, сплетенные из лыка колчаны, каменные топоры, копьё, деревянные дубины и длинные челюсти пещерного медведя, привязанные ремнем к деревянной рукоятке. На других колышках висела одежда из звериных шкур. Посредством натирания жиром и мозгами зверей айматы умели делать их мягкими, гибкими и непроницаемыми для дождя. Другие шкуры, особенно медвежьи, устилали пол пещеры у стен и служили постелями. В углублениях стен айматы с гордостью хранили драгоценности пещерного хозяйства — разные кремневые орудия: наконечники для копий и стрел, ножи, пилы, топоры для рубки деревьев и боевых схваток. Много терпения, труда и ловкости требовалось для выделки оружия из этого первобытного материала. Кремнь был очень хрупок и добывался из громадных глыб; айматы не только умели обтачивать кремневые изделия, но и шлифовать их. Кроме кремня для орудий употребляли рог, кость и дерево; из дерева выделывались пращи, дубины и стрелы.

Айматы не забывали и об украшениях: на стенах их жилища висели ожерелья из блестящих звериных зубов, нанизанных на ко-



жанные ремни. Особенно ценились у них резцы лошади, будто бы дававшие человеку быстроту лошадиных ног; зубы северных оленей были более обыкновенным украшением.

Зато во всей пещере не было и следа металлов; ни меди, ни бронзы, ни железа. Обитатели ее не знали об их существовании, не умели ни находить, ни обрабатывать их.

Для освещения аймагы пользовались лучиной, вставляемой между двумя большими тяжелыми камнями. Такая лучина день и ночь горела посредине пещеры. Она скудно озаряла внутренность жилища аймагов, нередко тонущего в густых столбах дыма. Дым мог выходить только через вход в пещеру.

Летом многочисленная семья целые дни проводила на открытом воздухе, пользуясь пещерой только для ночлега; зимой, напротив, они нередко по неделям не показывались из своего убежища, толпились у огня вместе с прирученными животными.

В такое время пещера представляла особенно интересное зрелище. У огня сидит группа женщин и сшивает оленьими жилами, продетыми в толстые кремневые или костяные иглы, звериные шкуры и разглаживает швы плоским камнем; кое-кто из девушек усердно смазывает свои длинные черные волосы мозгами из костей северного оленя и расчесывают их гребнями из дубового дерева. Шумная толпа ребятишек катается по мягким медвежьим шкурам вместе с ручными животными, и пещера оглашается звонким хохотом и добродушным рычанием; в отдалении мужчины, рассказывая друг другу свои охотничьи похождения, обтачивают метательные копья, строгают стрелы или скребют рог. Старая Парра занимает старших детей историями из древних времен и страшными фантастическими сказками.

Кроме сказок и историй, старуха знает, как надо лечить разные болезни, как варить клей из наростов на дубах и яблонях; смазавши этим клеем стволы и сучья деревьев, можно поймать много маленьких птичек, которые вязнут в клею; она знает, как надо из дикой виноградной лозы, конских волос и ремней делать сети и капканы для ловли животных; она знает, как надо ловить ядовитых змей... Много чего знает старая Парра.

Глава 4

ПЕРВАЯ ОХОТА РУЛАМАНА

На следующий же день вечером охотники стали держать совет, куда отправиться теперь за добычей. Вблизи пещеры нельзя было найти никакой дичи; но подалее, в горах, встречались еще стада северных оленей и диких лошадей; а в густом лесу, покрывавшем склоны гор, попадались в одиночку благородный олень и дикая свинья.

Мужчины, приходившиеся Парре внуками, относились к ней с

большим уважением. Сколько ей было лет, никто не знал, во всяком случае больше ста. Благодаря ее жизненному опыту и многочисленным знаниям, ее считали почти каким-то высшим существом.

Парре предстояло принять решение и указать место для охоты. Она долго молча задумалась, потом подняла голову и проговорила: — «Кадде!» — это значило северные олени.

Вопрос был таким образом решен; выступить в дорогу охотники согласились этой же ночью.

— Руламан! — позвал Руль сына, — я возьму тебя с собой.

Мальчик был в восторге.

К заходу солнца Руламан первый явился на площадку перед пещерой со своим охотничьим вооружением. Старая Парра обрадовалась своему любимому правнуку.

— Ты не вернешься с пустыми руками, — предсказала она ему. — Ты всегда приносил мне жирного снегиря или шура, теперь принеси что-нибудь побольше.

Свист начальника дал знать, что пора двинуться в путь. Старуха замахала вслед уходившим клюкой и крикнула пронзительно:

— Отомстите за смерть моего сына и принесите мне голову буррии!

Когда-то пещерный лев, или буррия, как называли айматы это чудовище, утащил в свою берлогу ее сына, отца шестерых мужчин, живших в Тульке; с тех пор прошло уже тридцать лет, но Парра по-прежнему всякий раз кричала о мщении.

Впереди маленького отряда, состоявшего из шести взрослых мужчин и троих юношей, шел их предводитель — Руль. Каждый охотник был вооружен луком со стрелами, копьем и каменным топором. Копье и топор Руля, как вождя, отличались от остальных более тщательной резьбой и окраской. Как начальник, он носил на плечах белую шкуру волка. Руламан, как сын начальника, носил такую же почетную одежду. На ногах у охотников были сандалии из звериных шкур, крепко привязанные к икрам. Накидки из звериных шкур были тоже привязаны к плечам ремнями и веревками из виноградной лозы. У юношей не было копий: копье аймат мог получить, по обычаю, только после того, как убьет пещерного медведя. Кроме копий, лука со стрелами и топора охотники имели при себе мешок с кремневыми ножами и с другими охотничьими принадлежностями.

Выйдя из леса, Руль определил направление ветра; для этого он положил палец в рот и затем поднял его кверху. Палец быстро высох со стороны юга, — это означало — будет южный ветер, что было очень благоприятно для охоты.

Целый час шли охотники по жесткой короткой траве, ступая по следам друг друга, как это делают многие хищные звери, направляясь на добычу. Дорогу находили по известным приметам: деревьям, кустарникам и скалам.

К ореховым и можжевельным зарослям айматы подходили с опаской; они хорошо знали, что за такими кустами нередко пря-

чется пещерный медведь или пещерный лев, чтобы одним прыжком броситься на неосторожного охотника.

Кругом царила мертвая тишина; вдруг с одного из кустов вспорхнула большая черная птица.

— Кобело, кобело!.. — вскрикнул Руламан и спустил стрелу.

Громадный тетерев с пробитой камнным острием грудью упал к ногам мальчика.

Отец строго посмотрел на сына. — Никогда не стреляй без моего позволения и не кричи на охоте, — сказал он.

Руль отрезал птице голову и протянул ее мальчику.

— Пей! — предложил он.

Руламан с радостью припал к горлу птицы и жадными глотками стал пить теплую кровь.

Они пошли дальше, связав тетерева ноги и перекинув его за плечо.

Руль был прав, делая строгий выговор сыну. Не прошли они и двадцати шагов, как послышался легкий треск и топот быстрых ног.

— Кадде... — прошептали охотники, видя несколько темных теней, поспешно убежавших от них.

— Руламан, ты испортил нам охоту, — с досадой сказал Руль.

Забрезжил день. Они не встречали больше ни северного оленя, ни лошади.

У опушки леса предводитель воткнул в землю свое копьё в знак привала. Юноши сбегали в лес за хворостом и устроили костер. Один из мужчин просверлил ямку в сухом пне дерева и стал быстро вертеть в ней деревянный кол; скоро от трения в ямке появился дым, потом пламя. В него подбросили прутья и костер весело затрещал. Общипанного тетерева насадили на деревянную палку и, медленно поворачивая его над огнем, изжарили и съели.

Занималась заря. Не имея ни собаки, ни прирученной лошади, ни ружей, первобытный человек не мог охотиться днем; он мог только тихо подкрадываться ночью к мирно пасущемуся стаду. Пришлось охотиться наудачу в ожидании темноты.

Глава 5

БИТВА С ПЕЩЕРНЫМ ЛЬВОМ

Охотники свернули в чащу густого леса.

Подойдя к могучему стволу лиственницы, Руль сказал:

— Вот дерево буррии, Руламан! Видишь эту длинную, глубокую впадину? Тут точит свои когти буррия в продолжение многих-многих лет. А вон лежит убитая им еще недавно и обглоданная корова. Будем осторожны... У буррии сила ста мужчин...

Когда они вышли из полумрака хвойного леса на прогалину, где протекал сбегавший вниз, в ущелье, ручей, совсем рассвело.



Руль разом остановился: у ручья на влажной от росы траве лежал растерзанный и окровавленный труп лошади.

— Буррия!.. — тихо и боязливо прошептали охотники.

Они поняли, что страшный пещерный лев где-то близко; будь это пещерный медведь, он утащил бы добычу в свою берлогу.

Сердце Руламана забилося от волнения и радости. Ему страстно захотелось принять участие в сражении; рука его невольно сжимала рукоятку топора.

Охотники внимательно разглядывали следы чудовища. Очевидно, лев ушел в ущелье; на сыром берегу ручья ясно отпечатались его следы, круглые, большие, около фута в диаметре.

— Он напился и наелся, теперь спит, — прошептал Руль. — Наконец-то мы нашли убийцу нашего отца. Вспомните слова Парры. Идем к нему...

Почти ползком, как кошка, побежал он по следам зверя. За ним последовали трое мужчин и Руламан. Остальные побоялись идти. Руль с презрением обернулся к ним, но все же приказал сыну остаться с ними.

Руламан нехотя повиновался и влез вместе с оставшимися на высокую ветку ближнего дерева.

Мальчик не сводил блестящих глаз с темного ущелья, в котором исчезли четверо охотников; сердце его замирало.

Вдруг громкий звериный рев потряс лесную чащу; за ним послышался раздирающий душу крик человека.

Руламан с быстротою молнии соскользнул с дерева и побежал к ущелью, сжимая в руках каменный топор и лук.

— Руламан! Руламан!.. — старались остановить его товарищи. Но он исчез из глаз.

Руламан не успел еще сбежать по скалистому склону ущелья, как из него выбежали двое спутников Руля с криками:

— Назад! назад!.. Буррия...

Но Руламан не слышал их и бежал дальше. Вдруг он остановился. Прямо перед ним, у подножья высокой скалы, стояло чудовище; тело зверя было все утыкано стрелами, а между передними лапами лежал распростертый человек. В глазах Руламана потемнело, — он узнал отца.

В несколько прыжков он достиг буррии.

Ударяя хвостом по бокам, свирепый хищник стоял, бешено устремив горящие глаза на сидевшего над ним на дереве третьего спутника и брата Руля — Репо.

— Отец!.. — закричал в отчаянии Руламан и изо всей силы ударил зверя в висок, до которого едва мог достать.

Лев зарычал, тряхнул косматой головой и поднял лапу, чтобы отмахнуться от мальчика, как от мухи. Руламан избежал удара, быстро перебежав на другую сторону. Животное обернулось к нему и этим движением освободило Руля. В мгновение ока Руль вскочил, окровавленный, с разорванным плечом, прыгнул в сторону и, схватив сына, скрылся с ним в кустарнике.

Сидевший на дереве спустил в это время стрелу, которая серьезно ранила зверя в шею; животное страшно зарычало и задрожало всем телом; поток крови хлынул из его пасти, и оно с хрипением упало на колени. Судорожно перевернувшись три раза, зверь покотился по склону ущелья, увлекая по дороге камни и сучья.

Охотник, путивший последнюю стрелу, слез с дерева и побежал к льву. Некоторое время лев неподвижно лежал у самого ручья, окрашивая его воду кровью; потом он сделал страшное усилие и встал на передние лапы; сел, поглядел на скалу, где находился вход в его берлогу, и, не обращая больше внимания на людей, исчез в темноте пещеры.

Стрелы и копья были все выпущены, Руль лежал тяжело раненый на земле; не оставалось ничего другого, как уйти, в надежде найти позже льва мертвым или окончательно добить его.

Охотники повели бледного как смерть Руля туда, где ждали их оставшиеся у растерзанной лошади товарищи. Руль едва добрался до верха, — так он ослабел от потери крови, — и сейчас же упал на траву, закрыв глаза.

Руламан с криком отчаяния опустился перед ним на колени;

он думал, что отец уже умирает. Его успокоили, сказав, что Руль просто спит. Братья тщательно обмыли пять глубоких ран на его груди и плече. Чтобы остановить кровь, они приложили к ранам грибной трут и перевязали их листьями. Потом уложили бесчувственное тело предводителя на постель из мха. Руламан, утомленный волнением, уснул рядом с отцом.

Мужчины стали совещаться, как им быть: уйти, бросив такую прекрасную добычу, как буррия, было жалко, да и нести на руках раненого было тоже нелегко; дома оставались одни лишь женщины и дети — ждать помощи от них невозможно.

— Мы должны послать к Ангеко, в пещеру Гука, — сказал Репо: — он один только может вылечить брата и прислать своих людей. Я сам пойду и приведу их.

Но другие стали спорить: если Руль выбыл из рядов, то Репо теперь должен быть их предводителем и остаться с ними.

Решили бросить жребий.

Вытянувший жребий, не говоря ни слова, поднялся и исчез по направлению к северу.

Глава 6

АНГЕКО И ПЕЩЕРА ГУКА

Недалеко от Тульки лежала другая пещера. Она не была так тепла и суха, как пещера Руля. В ней царил такой мрак, что без факела нельзя было ступить и шагу; со стен и потолка капала и струилась вода, наполняя воздух таинственным журчанием и шепотом. В одном месте из стены низвергался целый ручей, который вливался в глубине пещеры в тихое озеро, вечно окутанное мглой. Через озеро было перекинуто несколько стволов деревьев в виде моста; по ним смел переходить только предводитель племени, жившего в этой пещере, Ангеко. Племя верило, что в глубине пещеры живут подземные духи, входить в сношение с которыми может только их глава.

Старый Ангеко был очень умен и хитер. Само имя «Ангеко» значило врач, чародей. Все боялись его и подчинялись ему.

Пещеру называли «Гука», что значит «жилище филина». И правда, в пещере гнездились множество филинов. Айматы считали их священными, веря, что в них переселяются духи злых начальников, которые могут жестоко мстить своим обидчикам. Ангеко заботился о птицах и приказывал вешать для них мясо животных, которых айматы не употребляли в пищу. Заунывные крики филина оглашали ночью окрестности, отгоняя от пещеры других птиц. Одни только вороны вступали нередко в борьбу с филинами из-за висевших у пещеры туш мяса. Ангеко любил, сидя у входа, смотреть на эту борьбу.

У старого вождя был свой любимец. Он добыл его десять лет

назад маленьким птенцом и вырастил из него громадную велико-лепную птицу. Филин платил своему хозяину необыкновенной привязанностью. По одному слову Ангеко, птица слетала к нему на плечо, а когда Ангеко спрашивал, как его зовут, птица отвечала тихим голосом: — Шугу, шугу!

Она не покидала хозяина и вне дома. Один из людей племени носил ее на руке рядом с Ангеко.

Обитатели Гуки занимали только широкое и освещенное со стороны входа преддверие. В темную, сырую залу они пробирались только суровой зимой или в случае опасности. В этом преддверии на возвышенной площадке Ангеко выстроил себе из бревен и толстого плетня нечто вроде хижины, украшенной человеческими и буйволовыми черепами и рогами оленя. С этого возвышения он наблюдал за тем, что делалось в пещере. Здесь он совершал свои заклинания и молитвы, наполнявшие суеверным страхом сердца его соплеменников. Часто с возвышения слышался бой барабана и протяжное, грустное пение Ангеко. Иногда он по несколько дней не показывался, сидя у себя в хижине и принимая пищу через небольшое отверстие. Пил Ангеко всегда из человеческого черепа; говорили, что это был череп его дяди, бывшего до него начальником племени и неожиданно исчезнувшего.

В Гуке жило двенадцать мужчин со своими семьями, — всего

80 человек. Но так как в передней части пещеры было тесно, а во внутренней темно и холодно, то Ангеко приказал построить ряд шалашей в преддверии пещеры и даже на ветвях деревьев.

Ангеко, управлявший своим племенем уже тридцать лет, не любил предпринимать утомительной охоты на крупных зверей и изощрялся в придумывании капканов, силков и сетей на зайцев, мышей, белок и сурков. Обитатели Тульки иногда в насмешку называли их «убийцами зайцев», «победителями мышей», с гордостью говоря о себе, как об «убийцах буррий» или «победителях буйволов».

Ангеко почти никогда не удавалось ставить капканы на медведя, но зато он брал его хитростью. Он приказывал своим людям завалить во вре-



мя зимней спячки вход в берлогу зверя шестью и бревнами, а потом поднимать невообразимый шум и треск. Проснувшийся медведь начинал очищать в ярости выход из берлоги, швыряя бревна в глубину, и так в конце концов заваливал берлогу, что не мог в ней пошевелиться. Тогда охотники закалывали беспомощного зверя копытами, а старый вождь прыгал от радости, что перехитрил зверя.

Ангекко был очень запаслив: ни в одной пещере не было столько сушеных грибов, ягод, плодов и корней, как в пещере Гука. Ангекко научил свое племя ловить в громадном количестве рыбу и сушить ее на зиму. Он вел торговлю рыбой с горными племенами, меняя ее на медвежьи и оленин шкуры.

Глава 7

НОЧЬ В ПЕРВОБЫТНОМ ЛЕСУ

Оставшиеся подле раненого Руля айматы развели огонь и приготовили себе роскошный обед из недоеденной львом лошади.

Они с жадностью набросились на вкусный головной и костный мозг лошади; вместо сковороды они употребляли кости черепа. Айматы, умеющие подолгу голодать, могли в то же время и невероятно много съесть за раз; в этом они походили на окружавших их диких зверей.

После ужина айматы легли спать и спали чутким сном с остороженными ушами и полуоткрытыми глазами. Один из них в качестве часового взобрался на дерево, слезая лишь для того, чтобы поддерживать огонь.

Наступила ночь. Айматы проснулись и стали строить легкий шалаш из кольев, стараясь как можно меньше шуметь; шалаш они обложили для безопасности большими камнями. Одну из стен, выходящую на восток, оставили открытой навстречу первым лучам солнца, которое они почитали за божество.

На западе поднималась тяжелая туча; тишину нарушали шумевший в ветвях горный ветер, отдаленный вой волков или гиены и крик совы.

У всех на уме вертелся вопрос: убит ли буррия; но никто не решался произнести его, боясь выдать свой страх. Один Репо был спокоен и почти весел: он окончательно убедился, что Руль останется жить. Грудь спящего вождя поднималась ровно, как у здорового человека.

— Будет буря, — сказал Репо, прислушавшись к шуму ветра.

Часовой с дерева свистнул три раза. Айматы поняли, что он предупреждает их о близости волка. Такое соседство мало пугало охотников; но каково же было их удивление, когда через минуту волк перебежал лужайку и прыгнул прямо в шалаш.

— Стальпе! Мой Стальпе... — закричал пораженный Руламан,

узнав своего ручного волка, прибежавшего за ним по следам из Тульки.

От крика проснулся Руль. Первым его вопросом было: где буррия.

— Мы скоро его все равно найдем, — сказал он, глядя на волка: — Стальпе нам поможет.

Несмотря на то, что правая рука его горела как в огне от ран, он схватил левою копые и кивнул головою Руламану и Репо, приказывая им идти за ним.

Вместе с волком, который бежал за ними как верная собака, они спустились в ущелье. Остальные охотники следовали за ними в отдалении.

Вдруг волк поднял голову и зарычал.

— Буррия мертв, — сказал Руль: — Стальпе чует его, но не бежит прочь как от живого.

Волк побежал вниз, нюхая воздух; охотники поспешили за ним. Но он бежал не к пещере, куда скрылся раненый лев, а к ручью. Волк остановился перед крутым обрывом, с которого низвергался ручей, и глухо ворчал, смотря в темную глубину ущелья.

— Буррия свалился в овраг. Овраг глубок, но мы должны спуститься туда с помощью дерева, — говорил Руль спутникам.

Все бросились в лес, и работа закипела. Несколько часов подряд стучали топоры. Руль внимательно прислушивался к малейшему шороху доносившемуся из оврага.

Вдруг волк бросился бежать вдоль обрыва и скрылся из вида. Через минуту из глубины ущелья раздался рев, стоны и лай. Руламан узнал голос своего любимца.

— Стальпе! Стальпе! — закричал он со слезами, думая, что волк вступил в борьбу со львом.

— Буррия мертв, — утешил его Руль: — волк дерется с гиеной или с лисицей из-за добычи. Не бойся: он легко сладит с ними.

Вскоре снизу снова послышалось рычание волка, перешедшее в испуганный вой, который, постепенно удаляясь, наконец, затих в долине.

— Странно! — сказал Руль и покачал головой.

Между тем наступила страшная темнота. Тучи заволокли все небо, поднялся сильный ветер; по лесу пошел стон и треск. Издалека доносились глухие раскаты грома. Яркая молния по временам освещала группу мужчин, тащивших по лесу тяжелый ствол дерева.

Подтащив бревно к оврагу, айматы легли на край его, стараясь рассмотреть, что делается внизу.

Вдруг молния осветила глубину оврага. Руламан затрепетал: на дне лежало мертвое тело льва, а над ним стоял огромный пещерный медведь.

— Где же мой бедный Стальпе?.. — с ужасом крикнул мальчик.



— Ого-го!.. — сказал Руль. — Дедушка (так называли айматы в шутку пещерного медведя) хочет украсть нашу добычу, как жалкая гиена! Руламан! Радуйся: мы будем сегодня жарить медвежьи лапы. Сколько у нас копий?

— Только три, — отвечал Репо: — все остальные мы побросали в буррию. Но у нас есть много стрел.

— Прекрасно! Все за мной! — шепотом отдал приказ Руль и расставил всех по местам с оружием наготове. Сам он взял в левую, здоровую руку копьё, второе передал Репо, а третье другому своему брату.

— При первой молнии цельтесь, а при второй бросайте! — приказал он.

Руль весь трепетал и готов был, забывши боль и слабость от потери крови, броситься в рукопашную со зверем.

Блеснула молния. Все ясно разглядели медведя и прицелились. Медведь, почуяв близость врага, отошел от трупа льва и, став на задние лапы, беспокойно нюхал воздух.

Неужели гроза прошла? Неужели молния не придет к ним на помощь? Неужели за это время медведь переменит положение и они промахнутся?

Но вот опять ярко сверкнула молния, — копыта и стрелы зашвыряли.

Страшный рев потряс скалы и разнесся эхом по лесу.

Глава 8

ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Гроза утихла и молния не освещала больше глубокого мрака. Руль приказал зажечь огонь и стащить дерево к оврагу, а сам прилег на край его, прислушиваясь к малейшему звуку.

Снизу послышался глухой шум от падения тела.

На небе стало светлее; кое-где даже показались звезды; тучи уходили дальше.

— Руламан! — радостно закричал Руль, — скоро взойдет луна, и мы спустимся в овраг.

Мальчик не отвечал, он с тоскою думал о своем пропавшем волке.

К краю оврага удалось, наконец, притащить срубленный с таким трудом ствол дерева.

Вдруг со стороны леса раздались пять резких пронзительных свистков.

— Это Ангеко и его люди, — обрадовался Репо.

Руль не знал еще, что за Ангеко посылали, и очень удивился этому. Он сейчас же отправил одного из своих к нему навстречу. Руль недолюбливал вождя дружественного племени. Он не верил в чудодейственную силу «старого филина», как он втайне называл Ангеко. Бабушка Парра знала не меньше предводителя Гуки. Но Руль уважал в Ангеко его возраст и положение.

Медленно и важно приближался Ангеко, окруженный своими людьми. Впереди шел посланный Тульки с факелом в руках. За ним шел Ангеко в своей шкуре белого волка; филина, топор и копыта нес один из его племени, а остальные восемь человек были в полном охотничьем вооружении.

Высокий кожаный колпак на голове Ангеко придавал внушительную представительность его невысокой фигуре; белые пряди волос падали на кунью опушку его длинной одежды из оленьей шкуры. На шее и груди висели блестящие ожерелья из звериных зубов; кожаный пояс был увешен челюстями дикой кошки, считающимися волшебными и очень поэтому ценными. К поясу были привешены также кожаные мешочки с целебными травами.

Такие далекие путешествия были нелегки для старика Ангеко, и Руль должен был считать за большую для себя честь его приход сюда. Руль встал при приближении старого вождя. Остальные братья его с благоговением приветствовали Ангеко, и в знак почтения они с поклоном клали его левую руку себе на голову. Оба

вождя приветствовали друг друга с особыми знаками обоюдного уважения и уверения в дружбе.

Прежде всего Ангеко спросил Руля об его ранах, удивляясь тому, что видит его уже на ногах. Он долго и серьезно исследовал раны, слушал сердце, потом взял из мешочка, бисевшего у его пояса, коричневый порошок, посыпал им раны и, ударив Руля посохом, торжественно сказал: — Когда три раза взойдет солнце, боль утихнет; когда три раза всплывет полный месяц, рана заживет.

Руль вспомнил о медведе и заторопился; он подбежал к краю оврага, но свет взошедшего месяца не достигал его дна; по прежнему не было видно, что случилось с медведем.

Несмотря на это Руль принял безумное по своей смелости решение: он приготовился лично спуститься в овраг с помощью дерева. Айматы поспешно спустились в глубину принесенное из леса бревно. Верхний конец бревна они обмотали веревками и четверо из них стали крепко держать его.

Руль схватил горящую головню из костра, передал ее Репо и, сделав знак Руламану остаться с Ангеко, закричал: — Кто хочет за мной?!

С этими словами он стал спускаться; Репо следовал за ним, освещая ему путь. Остальные один за другим тоже стали спускаться.

На расстоянии нескольких футов от земли Репо раздул факел, и айматы увидели плоды своей охоты.

Могучий буррия лежал мертвым, растянувшись у подножия скалы во всю длину своего громадного тела. Медведь сидел в десяти шагах от него и старался выдернуть из тела копыя и стрелы. Руль понял всю опасность своего положения и крикнул товарищам:

— Назад, назад!

Одна рука его не действовала; ему приходилось держаться за ствол только одной здоровой рукой. А медведь в это время поднялся и пошел, прихрамывая, к дереву.

К своему ужасу Руль и Репо поняли, что их спутники за шумом ручья не слышали крика и увидели грозившую им опасность слишком поздно. Медведь уже поднимался по дереву. Рост зверя вдвое превышал рост человека. Обхватив дерево лапами, медведь так качнул его, что охотники закричали в ужасе и только благодаря счастливой случайности не попадали вниз; люди Ангеко, державшие наверху дерево, едва не выпустили его, — так силен был толчок.

Зверь уже настигал Руля; его левая раненая лапа бессильно висела, а правую он поднял, почти касаясь ног аймата.

— Нагнись вниз и держи меня за шею! — закричал Руль брату.

Освободив единственную руку, он поднял топор и изо всей силы ударил медведя по лапе. Зверь зарычал от боли и ярости и свалился вниз, увлекая за собой дерево. Люди, державшие наверху

дерево, не смогли его удержать и выпустили после этого второго могучего сотрясения. По счастью дерево медленно скользнуло по скале, придавленное к ней тяжестью упавшего зверя. Люди, сидевшие на дереве, удержались и успели благополучно соскочить на землю.

Два чудовища лежали рядом: мертвый лев и катавшийся с ревом около него и не уступавший ему по величине пещерный медведь. Руль перевел дух и громко победно крикнул.

Руламан, все еще лежавший на краю оврага, задрожал от радости, услышав голос отца.

— Рулаба, Рулаба, жив ли ты?

— Мы все целы, — ответил снизу Руль.

— Нельзя ли и мне сойти к вам? — спросил Руламан.

Ответа не последовало. При свете факела предводитель Тульки нанес медведю последний, смертельный удар топором по виску. С глухим рычанием зверь приподнялся и мертвым упал на труп льва.

Глава 9

БОГАТАЯ ДОБЫЧА

Люди Ангеко не могли спуститься, так как дерево упало вниз, и томились у края оврага. Руль был рад этому обстоятельству, потому что мог теперь утверждать, что богатая добыча получена только руками людей Тульки; им полагалась таким образом лучшая доля во время дележа.

Охотники Тульки развели громадный костер, освещавший далеко кругом дно оврага. Прежде всего они отрезали медведю лапы и, как лакомое блюдо, поджарили их. Руль, со вчерашнего утра ничего не евший, не хотел сесть за еду без сына.

— Руламан! — крикнул он, — скажи друзьям, чтобы они спустились тебя на веревках. Только отталкивайся топором от скалы, а то острые края ее могут перерезать веревку.

Когда Руламан благополучно спустился, Руль нежно обнял сына и сказал:

— Наконец-то старая Парра перестанет упрекать нас! Жаль, что теперь лето: зимой мы бы привезли ей на санях всего буррию.

Руль хорошо знал, что лежащий перед ним лев был тот самый, который убил тридцать лет назад его отца. Он знал, что старый лев-самец всегда закрепляет за собой определенную местность для охоты и господствует там, не допуская другого льва. Этот буррия был хорошо известен охотникам и много лет подряд наводил ужас на все живущее вблизи его жилья. Уже десятки лет жил он здесь без самки, как последний представитель своей породы в этой местности.

После обеда началась тяжелая работа снимания шкур со зверей. В вытянутом положении оба чудовища были огромны: лев в

три раза превышал рост человека, медведь, вследствие своей толщины, казался еще крупнее. Шерсть пещерного льва была черная с серым и желтым, густая и волнистая, спасавшая его от холода лютной зимы. Гривы на шее у него вовсе не было.

Шкуры этих чудовищ высоко ценились айматами. Носить в своем ожерелье страшные клыки и когти пещерного льва считалось очень почетным.

Целый час провозились айматы над снятием громадных шкур. Во время работы сыпались веселые шутки. Мясо льва айматы выбросили, как несъедобное; они чувствовали отвращение к мясу зверя, поживавшего при жизни столько людей.

Еще до снятия шкуры со льва Руль внимательно осмотрел его раны. Четыре из них, нанесенные копьями; едва сочились кровью, но рана, нанесенная стрелой Репо, произвела громадное разрушение и была смертельной.

— Наши четыре копьа, — сказал Руль сыну, — только щеко-тали буррию; одна стрела Репо причинила ему смерть. Твой удар топора хоть и не оставил даже следа на голове буррии, но им ты спас меня.

Он позвал Репо и, протягивая ему его смертоносную стрелу, с трудом вытащенную из горла льва, сказал: — Тебе, как убийце буррии, принадлежат его зубы.

Репо обломал древко стрелы, а каменное острие тщательно спрятал, веря, как все айматы, что оно никогда теперь уже не даст промаха.

Когда охотники, покончив со шкурами, принялись готовить себе обед из внутренностей медведя, с левой стороны оврага показался Ангеко со своими людьми. Соблазнительный запах жарившихся медвежьих лап достиг края оврага и возбудил нетерпение любившего полакомиться вождя Гукки. Им овладело беспокойство, что обитатели Тульки назначат ему при дележе добычи слишком малую долю. Он ясно видел освещенных костром охотников, счастливых и пирующих, но спуститься вниз не было никакой возможности; спуск же на веревках он считал для себя, как для важной особы, просто неприличным.



Он решил предпринять довольно длинный обход, чтобы найти более подходящий спуск на дно оврага.

Только через два часа раздосадованный Ангеко подоспел к роскошному угощению. Руль усадил его с почетом на разостланную шкуру медведя, поместив позади одного из его людей с любимым филином старика. Сам Руль с сыном сел против Ангеко. Первый кусок медвежьего сердца был предложен гостю.

Руль рассказал Ангеко о прибытии белых калатов и об их хижинах на берегу Мамонтова озера. Он просил Ангеко употребить все его влияние, чтобы объединить разрозненные племена айматов и сообща прогнать непрощенных пришельцев. Ангеко, напротив, советовал подождать с решительными действиями и на первых порах встретить их дружелюбно.

Стало светать. Шесть человек, подвесив тушу медведя на шести, подняли ее на плечи и понесли. Четверо других несли обе шкуры. Оба начальника и Руламан были избавлены от тяжести. Четвертую часть медвежьего мяса получил Ангеко для своей пещеры.

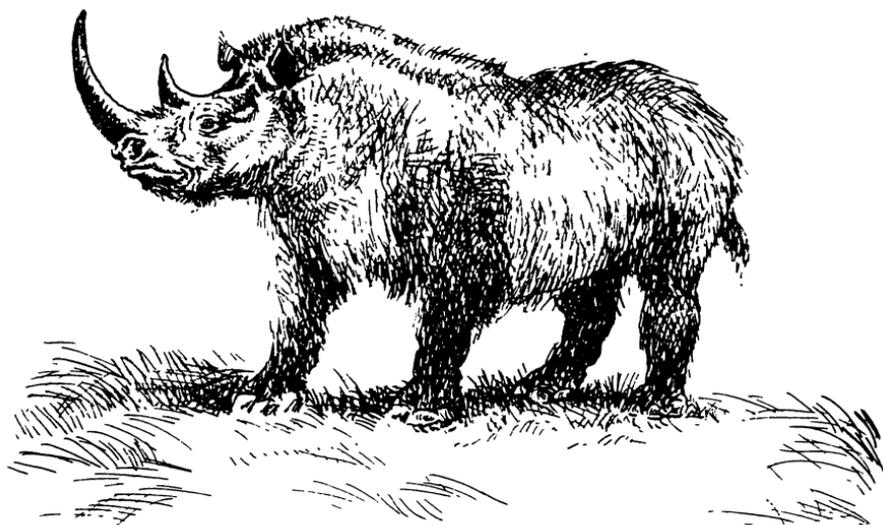
Дорога была чрезвычайно утомительна для тяжело нагруженных айматов: сначала они пробирались через густой сосновый лес, а потом карабкались по склону горы среди крутых скал, валунов, колючих кустарников и упавших деревьев. Им пришлось проходить мимо «Озера Жизни», как называли айматы большое глубокое и прозрачное озеро на равнине, окруженной могучими тисами. Озеро это считалось священным: около него находилась подземная пещера, недоступная человеку и населенная, по мнению айматов, душами умерших добрых людей. У «Озера Жизни» утомленные охотники остановились, сбросили ноши и, растянувшись на берегу, напились прохладной воды. Потом они все бросились купаться, и плавали и ныряли, как выдры. После купанья, освеженные и счастливые, они развели огонь и полакомились большим куском жирного мяса.

Дальше им пришлось идти в гору по дну извилистого оврага, по которому в дождливое время и весной, когда тают снега на горах, с бурной силой мчится поток; за оврагом снова шла равнина. Раз они увидели недалеко от себя стадо диких лошадей, но руки их были полны, им было не до охоты, и они пошли дальше, дав стаду ускакать. В конце равнины им попался труп оленя, но совершенно разложившийся и никуда негодный. Только рога его представляли ценную находку, и айматы захватили их с собой.

— Его загрызла рысь, — уверено сказал Руль сыну, — она прыгнула с дерева ему на спину и прокусила шею.

Войдя в лес, они увидели широкую и ровную тропинку, открывавшую вид на долину Арми.

— Это старая тропинка носорога, — объяснил Руль. — Мне не пришлось видеть ни одного живого носорога. Эта тропинка проложена последним из них, живших в нашей местности. Говорят, что он пятнадцать лет каждый день ходил по ней к источнику. Все



тогда боялись приближаться к этим местам: ведь носорог даже больше буррии. Раз мой отец нашел его мертвым в камышах болота, и его зубы, как драгоценность, до сих пор хранятся у Парры. Два человека несли тогда его голову и два других его шкуру; на носу у него были два громадных рога и передний был с меня ростом. Кожу его никак не могли разрезать, то того она была толста; мясо тоже никуда не годилось: было твердое и невкусное. Одна Парра сумела как-то из клочков его кожи сварить прозрачную мягкую кашу, которую она с удовольствием ела, а из рогов сделала порошок, которым останавливала кровь. Она любит старых, ушедших от нас животных; из них остался один мамонт, да и тот встречается очень редко. Племя Налли — двоюродные братья старей Парры — истребило их.

— А как же ухитрились Налли убивать носорогов и мамонтов? — спросил Руламан.

— Вон в той долине Арми слышался иногда страшный рев: это мамонты вступали в борьбу с носорогами. Налли выкапывали днем, пока носорог лежал в болоте, глубокую яму на его тропинке и покрывали ее ветвями, а сами прятались вблизи; при приближении зверя они подбегали к яме, кричали, кидали в него камня-

ми. Раздраженный носорог бросался на них и падал в яму. Но убить его было очень трудно: ни копыта, ни стрелы не пробивали его толстой кожи; часто приходилось оставлять его в яме и ждать, пока он околеет с голоду; страшный рев несся тогда по лесу день и ночь, пока носорог постепенно не ослабевал.

— А мамонты?

— С мамонтом справиться еще труднее: он хитер и оглядывает осторожно свою дорогу. Охотники старались захватить его детеныша, отставшего от больших. Они сажали его в глубокую яму прикрытую ветвями, а сами уходили. На визг детеныша прибегала мать, бросалась к нему на помощь и проваливалась в яму. Тогда сбегались люди и убивали ее дротиками и стрелами. Но еще чаще мамонтов ловили в капканы из толстых, крепких ремней. Иногда мамонту удавалось вырваться от людей, и он, весь израненный, бежал к озеру, ища спасения в его водах. Истекая кровью, зверь обыкновенно тонул там. Говорят, на дне Мамонтова озера лежат груды костей погибших мамонтов.

— Один из племени Налли, — продолжал, помолчав, Руль, — был так хитер, что научился смазывать концы маленьких стрел ядом змей и пускал эти стрелы в пасть зверя. Животное сначала почти не замечало укола, но скоро язык и горло его вспухали от яда; зверь падал и катался по земле в предсмертных судорогах.

Наступил вечер; охотники дошли до своего источника. Прощаясь с Ангеко, Руль пригласил его на следующий день на праздник буррии. Начальник Гуки обещал прислать для такого торжественного случая мужчин, женщин и детей своего племени. И они расстались.

Когда уставшие охотники бросили к ногам Парры шкуру льва, она вскочила, как безумная, и закричала: — Это он, это он — убийца моего сына.

И с диким смехом она сжала окровавленную голову зверя своими костлявыми руками.

Глава 10

ПРАЗДНИК БУРРИИ

На другой день все население пещеры с раннего утра высыпало на площадку. Из пещеры Гука тоже пришло человек двадцать. Праздником распорядилась старая Парра.

На ярко освещенную солнцем площадку принесли прежде всего шкуру буррии и сделали из нее с помощью четырех кольев чучело зверя. Парра с искаженным ненавистью лицом села напротив головы чудища; женщины и дети толпились сзади нее. Начался танец под музыку барабана и дудки, сопровождаемый однообразным пением женщин. Мужчины, вооруженные с ног до головы, бегали вокруг чучела, воинственно потрясая топорами. Впереди всех вы-

ступал Репо — «убийца буррии»; этим почетным именем первый его назвал Руль. Аймагы наносили чучелу могучие удары в голову, от которых все оно содрогалось. Темп музыки с каждой минутой все учащался; танец становился быстрее; удары сыпались без счета, и крики пляшущих делались все пронзительнее, все свирепее. После мужчин вокруг буррии стали танцевать женщины; на них были накидки из лебединых перьев, а шеи и руки увешаны зубами зверей. С криком: «буррия», каждая из них в такт танцу ударяла чудовище сосновой веткой.

После танцев начались игры. Устроили наскоро нечто вроде веселицы и при общем ликовании несколько раз подряд повесили буррию.

Потом стали пировать. Для этого зажарили целую четверть медведя.

Во время пира двое айматов утащили чучело в пещеру, выбросили из него всю набивку, залезли сами в шкуру и кое-как ее зашили, — получился страшный живой буррия.

С диким ревом выпрыгнули они из пещеры на середину площадки к ужасу детей, думавших, что зверь ожил. Женщины тоже испугались и визжали не меньше детей; мужчины бросились на чудовище с оружием; поднялся адский шум.

Руламан с хохотом вскочил на зверя, и оба они покатались на землю. Мальчик крепко держал за шкуру старавшегося вырваться льва. Тогда все стали осыпать шутками и насмешками бессильное страшилище. Сконфуженный лев поднялся и с позором убежал в пещеру.

Не успели пирующие успокоиться, как из пещеры выскочил убитый накануне медведь, а за ним снова буррия. Между ними завязалась борьба. После нескольких отчаянных схваток оба зверя упали на землю, и при общем смехе айматы вылезли из шкур.

Началось торжество другого рода.

Руламан, спасший жизнь отцу, должен был, по решению мужчин, получить копьё в знак возмужалости. Вооруженный с ног до головы вошел мальчик в круг и остановился перед Паррой, державшей в руке копьё, выкрашенное в красную краску и украшенное, как украшались только копьё начальников племени. Руламан преклонил колени и получил, после нескольких торжественных слов, сказанных старухой, копьё; стоявшая тут же девочка возложила ему на голову венок из листьев бука.

По очереди подходили к нему мужчины, поздравляя его, и приглашали принять участие в «танце копий», который имели право исполнять только взрослые мужчины.

Репо, как убийца буррии, получивший от Руля два страшных клыка зверя, протянул один из них Руламану. Эта была редкая честь, и мальчик чуть не расплакался от счастья.

Длинные, с палец взрослого человека, когти льва Руль разделил между участвовавшими в охоте айматами. Существовало по-

верье, что такой коготь дает победу над всеми зверями, и пещерные люди высоко ценили их.

Шкуру буррии отдали Парре, чтобы она служила ей сиденьем, а голову его повесили высоко на ветвях дуба. Мальчики до самой ночи метали в нее стрелы, дротики и камни.

Глава 11

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОЗЕРО

Наступила середина лета — время странствований для всех пещерных обитателей. Отовсюду потянулись длинные караваны, направляясь к озерам.

Обитатели Тульки с радостью готовились к путешествию, но не могли сразу выбрать, к какому из озер двинуться: приходилось делать выбор между Мамонтовым озером, где их прельщала возможность поохотиться на мамонта, и Озером Сомов, обильного рыбной. Старая Парра посоветовала оставить в покое Мамонтовое озеро из боязни новых пришельцев — белых калатов.

Отправляясь в дорогу, айматы старались брать с собою как можно меньше поклажи, так как приходилось весь далекий путь делать пешком. Для маленьких детей и старой Парры были приготовлены особые корзины. Детей женщины несли на спинах, а для старухи устроили удобные носилки, которые несли четыре человека. На других таких же носилках несли оленьи шкуры для палаток, запасное оружие, горшки и другие необходимые вещи.

Племя выступило еще до восхода солнца, завалив вход в пещеру камнями и стволами деревьев. Впереди, как всегда, шел Руль, рядом с ним Руламан, после праздника буррии всюду сопровождавший отца. Ручной медвежонок и маленький северный олень шли за людьми. Дети, шалы, садились на них. Ворон и галка тоже летели вслед путешественникам, изредка присаживаясь на край корзины Парры, которая хорошо умела с ними ладить.

Путники шли от восхода до заката солнца, при остановках разбивали лагерь и зажигали костер, а для ночлега раскладывали палатки из оленьих шкур. Прокормить такую толпу было делом нелегким и потому мужчинам часто приходилось отлучаться для охоты; леса кругом них кишели всякой мелкой дичью, кореньями, грибами и ягодами; женщины и дети тоже были полезны в добычании пищи; мальчики, как белки, карабкались на деревья, ища птичьих гнезд с птенцами.

Если встречалось озеро или речка, все племя бросалось на охоту за раками и форелями. Особенно старая Парра радовалась, когда дети приносили и высыпали прямо ей на колени пригоршни раков.

Около Озера Жизни айматы остановились лагерем. Дети весело побежали собирать землянику, и вдруг одну из девочек укусила

змея. Дети понимали опасность такого укуса и с криками понесли ее к Парре; когда они пришли в лагерь, прошло более получаса, и укушенное место сильно распухло; девочка была бледна как смерть и почти потеряла сознание от ужаса и боли.

Опытная старуха с тревогой покачала головой, быстро высосала ранку и прижгла ее горячим углем. Девочка без крика перенесла эту операцию. Привязав крепко-накрепко к ранке гладкий булыжник, старуха стала растирать распухшую руку ребенка и шептать заклинания. Но все ее искусство оказалось напрасным. Через несколько часов девочка умерла в страшных судорогах.

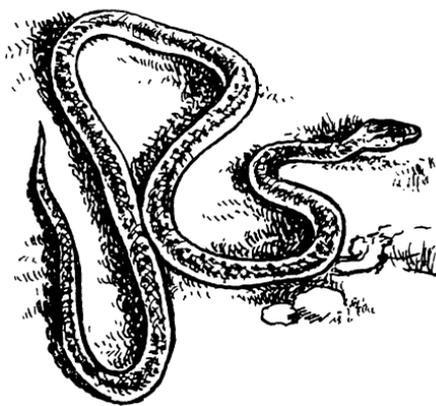
Девочка приходилась сестрой Репо. Когда он, вернувшись с охоты, нашел свою маленькую Руту мертвой, он громко вскрикнул и убежал в лес. Вернулся он только через два дня, бледный и исхудалый. Потеря ребенка была печалью для всего племени. Когда Руту хоронили, многие горько плакали. В маленькие руки покойницы айматы вложили ветки с самыми лучшими ягодами, чтобы они услаждали ей путь в пещеру, где обитают души умерших. Ее трупик зашили в волчью шкуру и зарыли у подножия тиса, завалив маленькую могилку большими камнями, чтобы волки и гиены не разрыли ее. По старому обычаю каждый аймат положил на могилу по камню. Встречая даже чью-нибудь неизвестную могилу, айматы всегда клали на нее камни.

В конце обряда женщины и дети под жалобную, заунывную песню протанцевали погребальный танец.

Наутро никто больше не вспоминал о маленькой Руте. Обычай айматов запрещал в течение недели говорить об умерших и предписывал отцу покойника скрывать от всех свое горе.

Жизнь пошла своим чередом. Через окруженную дикими скалами долину Улу айматы направились к Длинной реке.

В долине жило родственное им племя, счастливое тем, что почти у самого входа в их пещеру протекали ручьи, необыкновенно богатые рыбой. Вождем этого племени был умный и отважный Раксо, друг Руля.



Услышав от вождя Тульки о пришлых калатах, Раксо сказал спокойно: — Если калаты будут теснить нас, мы удалимся на озеро. Там, на озере, жить лучше, веселее; там больше людей.

— А мне бы было тяжело покинуть мои горы... — говорил Руль с печалью.

Руль предложил Раксо отправиться дальше вместе. Раксо согласился с радостью.

На рассвете следующего дня племя Улы было готово в путь. После роскошного угощения форелями, караван снова тронулся в путь.

У широкой и быстрой Длинной реки айматы раскинули новый лагерь; им предстояло переправиться на другой берег.

С давних пор в прибрежных камышах айматы хранили несколько плотов. Многие из плотов уже никуда не годились; многие пришлось основательно чинить; на постройку новых и на починку старых плотов понадобилось целых три дня.

Переправившись не без страха через широкую реку, айматы двинулись вдоль берега до ручья Канзы и через его долину к Озеру Сомов.

Глава 12

ДВА МЕСЯЦА НА ОЗЕРЕ

На берегу Озера Сомов племя Тульки встретилось с родственным ему племенем озерных айматов. Это слабое и мирное племя питалось исключительно рыбой. Обилие рыбы позволяло им делать запасы не только для себя на длинную зиму, но и для продажи. Зимой поселение озерных айматов имело жалкий вид: большую часть года снег покрывал всю местность на высоту человеческого роста; из-под него еле виднелись жиденькие хижинки айматов, и только дым, поднимающийся из отверстий в снегу, указывал на существование человеческих жилищ. На льду озера, на высоких сваях, стояли особые постройки для хранения сушеной рыбы, а к сваям были привязаны челноки, выдолбленные из толстых кусков дерева.

Летом все оживало. И хоть снежные вершины по-прежнему белели вдаль, но вблизи зеленела роскошная трава лугов, а за ними чернел громадный сосновый бор. Айматы перебирались тогда в хижины, построенные на сваях, и все дни проводили на рыбной ловле, скользя в челноках с легкостью чаек. А на песчаном берегу блестела как стекло разложенная для просушки рыба.

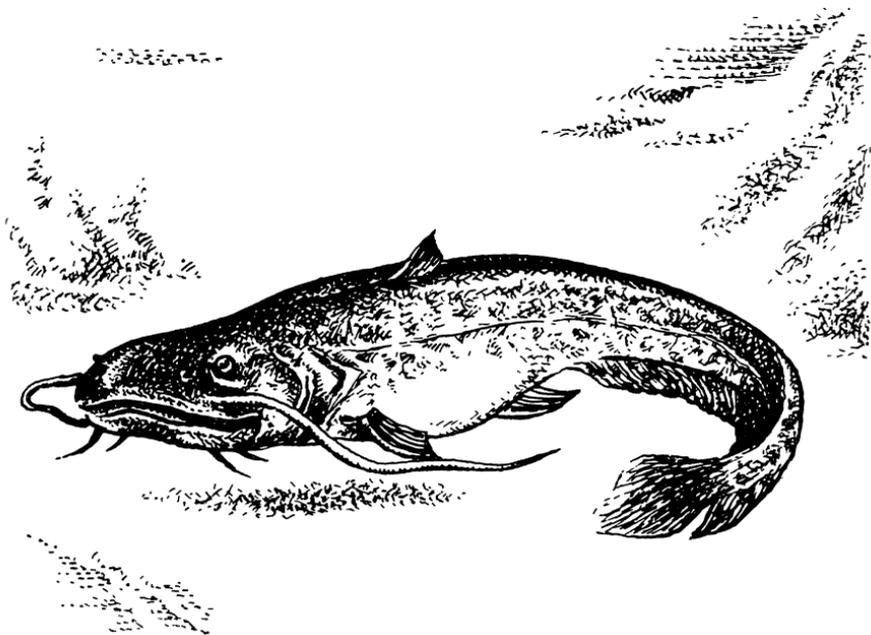
Сети для ловли рыбы были сделаны у них из лыка и ремней; крючки и гарпуны были роговые, очень искусно загнутые. Кроме того, озерные айматы часто ловили рыбу с помощью особых больших корзин, сплетенных из дикой виноградной лозы. В такие корзины попадались жирные угри, налимы, раки и всякая мелкая

рыба. Для лососей, форелей и других крупных рыб употреблялись крючья, привязанные к лесам, свитым из кишок животных. Щук ловили особой петлей, стараясь зацепить ее под грудные плавники, а чтобы петля легче опускалась на дно, где дремали спокойно щуки, к ней привязывали камень. Но самой заманчивой добычей для айматов были сомы, целыми стаями плавающие у болотистых берегов озера. Сомы зарывались дном в ил, и айматам приходилось бить их гарпунами по ночам, когда они выплывали при свете луны на поверхность воды. И если удавалось убить сома, нередко в несколько сажень длиною, племя устраивало праздник, как после убийства медведя.

Озерные айматы обменивали свою рыбу горным племенам на каменные топоры, на шкуры оленей, на роговые изделия и разную утварь.

Дети тех и других постоянно состязались в ловкости: дети озерных племен превосходили горных в плавании и гребле, а горные — в стрельбе из лука, в метании копий и лазании по деревьям.

Руламан вместе с другими показывал свою удаль; он убивал из лука налету серых и белых чаек и лебедей, водившихся в при-



брежном камыше в громадном количестве, и смеялся над озерными мальчиками, ловившими птицу на крючок, словно рыбу.

Однажды черный ворон Парры отважился полететь над озером; стая чаек, возмущенная таким вторжением в их водное царство, окружила его и стала бить крыльями и клювами; черные перья ворона закружились над водой, и несчастная птица с жалобным карканьем поспешила назад на берег. Руламан, увидев эту картину, рассердился и стал стрелять поочередно в каждую из чаек. Озерные мальчики смотрели, разинув рты, как одна за другой падали в воду острокрылые птицы, и дивились чудесному искусству стрельбы.

Но кто сразу занял у озерных айматов выдающееся положение, так это Ангеко, пришедший вместе со своим племенем к зеленым берегам Озера Сомов. Здесь более, чем на родине, верили в его чародейство. Его хижина, покрытая красными и черными шкурами оленей, бросилась в глаза еще издали; со всех сторон несли к ней больных, которые иной раз часами ждали своей очереди у лечившего их Ангеко и лежали у входа перед шестом, где сидел филин. Торжественный бой барабана и пение Ангеко заставляли биться в суеверном страхе и благоговении их сердца. В благодарность за лечение в кладовые Ангеко сыпались обильные приношения свежей и сушеной рыбы.

Глава 13

РУЛАМАН И ОБУ

Еще со времени охоты на буррию было, повидимому, решено, что Руламан займет после Руля его место предводителя племени. Все были рады этому; только один юноша Обу, который был старше Руламана на четыре года и должен был, казалось, раньше его получить копье, завидовал сыну Руля. По правилам, он должен был все-таки подчиниться Руламану, как уже получившему копье. Обу было трудно примириться с этим, и часто он старался обидеть Руламана.

Только поздней осенью вернулись айматы в пещеру Тулька, тяжело нагруженные сушеной рыбой. Плоды тиса покраснели за время их отсутствия; лес по-старому шумел и стонал, а солнце хотя еще светило и ярко, но грело мало.

Однажды молодежь упражнялась перед входом в пещеру в стрельбе из лука. Мишенью для юношей служил старый пень, которому довольно искусно придана форма медведя, сидящего на земле. После стрел мальчики перешли к метанию дротиков; медведь был весь утыкан стрелами и копьями снизу доверху, но никому еще ни разу не удалось попасть в сердце зверю, отмеченное черным пятном величиною в ладонь.

— Руламан! — закричал Обу сыну Руля, сидевшему в стороне,



у ног Парры, — медведь еще жив, а начальник не должен давать промаха...

Руламан молча принял вызов, взял лук, прицелился, и каменное острие стрелы глубоко вонзилось в черное пятно на пне.

Мальчики кругом в восторге захлопали в ладоши, но Обу промолчал.

Началась другая игра.

Обу взял длинную веревку из виноградной лозы с петлей на конце, крепко обмотал ее вокруг одной из верхних веток тиса, спустил свободный конец вниз почти до самой земли и стал на ней качаться. Его примеру последовали другие мальчики. Один за другим влезали они на ветку тиса и, ухватившись за конец веревки, качались в воздухе от нижних ветвей тиса до скалы и обратно.

Когда очередь дошла до Руламана, ворон, сидевший безучастно над головой Парры, с громким криком перелетел на самую верхнюю ветку дуба, простиравшуюся над пропастью.

Обу, увидев это, со смехом сказал Руламану:

— Ну, маленький начальник, если ты долетишь до ворона и схватишь его, то я поцелую тебе ноги.

Руламан не выдержал, посмотрел сердито на насмешника и,



подумав с минуту, одним громадным прыжком подскочил к веревке, влез при ее помощи на одну из нижних ветвей тиса и, раскачавшись на веревке, перелетел через всю площадку к дубу. Он спокойно, словно орел, уселся на его суку над самой пропастью.

Дети, разинув рты, смотрели снизу на Руламана. Женщины в ужасе бросили работу и визжали, простирая к нему руки; одна Парра радостно хлопала в ладоши и кричала:

— Белка!.. Белка!..

Ворон по зову Руламана доверчиво сел ему на плечо, и маленький начальник сильным размахом веревки вернулся с ним назад и спустился к подножию тиса.

Он подошел к Обу и сказал ему гордо:

— Ну, целуй мои ноги!

Сконфуженный Обу смиренно поклонился до земли и готов был уже исполнить унижительный обряд, как вдруг Руламан схватил его за руку, приподнял и, протянув ему свой лук, сказал:

— Возьми его от меня, Обу, и в знак дружбы дай мне твой.

С тех пор Обу не только примирился с Руламаном, но на всю жизнь стал его лучшим другом.

Глава 14

ОБУ УБИВАЕТ МЕДВЕДЯ

Руламан знал, что заветной мечтой Обу было получить копые; но для этого надо было убить медведя. Руламан обещал помочь ему.

За день ходьбы от Тульки, на лесной прогалине у дикой яблони Обу увидал раз пестуна с двумя маленькими медвежатами; по их следам он нашел и берлогу медведицы.

Поздней осенью, не говоря никому ни слова, оба друга ушли из пещеры. К рассвету мальчики достигли прогалины, где стояла яблоня. Они спрятались в кустарнике и стали ждать медведицу. День был холодный, и ни один медведь не вылезал из своей бер-

логи. Руламан и Обу вышли из засады и стали исследовать свежие следы под яблоней. Земля под ней была сильно утоптана и усеяна множеством мелких желтых яблочек, слегка надкушенных недавно медвежатами; кое-где на стволе дерева висели клочки шерсти: это медвежата, видимо, терлись о кору.

Охотники решили отложить охоту на ночь. Стараясь не оставлять следов, они ушли в сторону, убили по дороге несколько диких голубей и, разложив огонь, стали их жарить.

Вдруг они услышали чьи-то голоса. Из-за деревьев к ним подходила девушка с двумя детьми. Увидев чужих, девушка испугалась и готова была уже бежать. Но Обу остановил ее, ласково спросив:

— Не ты ли прекрасная Ара из пещеры Налли?

— Меня зовут Арой, — покраснев, ответила девушка и прибавила застенчиво:

— Наргу из пещеры Налли мой прадед.

Обу с восторгом смотрел на нее. Ара совсем не походила на других айматских девушек: кожа ее была блее, чем у них; волосы мягкой волной сбежали по плечам на спину, поддерживаемые на голове блестящим медным обручем; на ней была красная шерстяная юбка из неизвестной ему ткани.

Руламан тоже с любопытством разглядывал девушку и потом спросил:

— Откуда у тебя этот блестящий обруч и такое красивое платье?

— Это мне дал мой дед Наргу, — ответила Ара, — У него много красивых вещей в гроте, он получает их от калатов, к которым посылает на восток послов. У него много таких обручей и ожерелий, и острых копий, и топоров из такого же «солнечного камня». Но дед не любит показывать эти вещи никому, кроме меня.

Девушка скоро разговорилась. Охотники угостили ее и детей голубями, а потом все пятеро развеселились и стали плясать.

К вечеру Ара заторопилась домой. Обу подарил ей на прощанье свое ожерелье из зубов и она ушла, ласково поблагодарив его.

Наступило самое удобное время для охоты. Друзья снова залегли в кусты.

Опустилась темная ночь. Кругом было тихо. Синеватое сияние месяца осветило прогалину и на ней одинокую яблоню. С замиранием сердца вглядывались юноши в глубину лесной чащи, ставшей редкой и прозрачной в это время поздней осени.

— Скорее приготовь стрелу! — прошептал Руламан, — они идут.

Послышался шорох листьев и тяжелые шаги; потом прозвенел резкий крик.

— Это пестун выдрал за ухо медвежонка за то, что тот побегал вперед, — чуть слышно объяснил Обу.

На прогалине показались три тени: одна широкая — пестуна, другие, круглые и мохнатые — медвежата.

Пестун сначала осмотрел внимательно прогалину, обойдя ее по опушке леса кругом, потом стал на задние лапы и понюхал воздух. Это был еще очень молодой медведь, но уже внушительной величины, ростом выше человека.

Медведь не чуял людей, так как ветер дул в обратную сторону. Успокоившись, он направился к яблоне; медвежата с жадностью бросились на валявшиеся яблоки и, громко чавкая, предали их. Наевшись вволю, они шаловливо стали кататься по земле, а пестун продолжал бродить вокруг. Вдруг, почуяв присутствие людей, он мгновенно поднялся и потянул в себя воздух. В эту минуту засвистела стрела Обу; ему по правилу принадлежал первый выстрел.

С отрывистым ревом пестун упал навзничь, перевернулся, дрогнул лапами и затих, — стрела попала ему в сердце.

С визгом бросились медвежата к убитому, зарылись в его густую шерсть и выглядывали из нее в смертельном страхе. Все смолкло. Вдруг издали раздался глухой рев.

Как коршуны бросились охотники на свою добычу. Медлить было нельзя. Берлога медведицы была близко, и страшный зверь мог явиться каждую минуту.

С быстротой молнии они отрубили пестуну голову, связали ремнем одного медвежонка, вырвали из тела пестуна стрелу и пустились бежать домой. Обу нес голову медведя, а Руламан медвежонка.

Пробежав с сотню шагов, они остановились, с трудом переводя дух под слишком тяжелой ношей, и прислушались, но все было тихо.

Пробежав еще немного, друзья опять остановились. До них донесся визг оставшегося медвежонка и страшный рев медведицы. Охотники хорошо знали, что сейчас она бросится за ними, но они ни за что на свете не оставили бы свою добычу.

Руламан и Обу бросились снова бежать, но оглянувшись, увидели за собой громадную тень медведицы. Из предосторожности они бежали большими зигзагами, что замедляло бег метавшейся из стороны в сторону медведицы. Но с каждой минутой расстояние между нею и ими быстро уменьшалось. Охотники бросились к молодой, стройной ели, достаточно прочной, чтобы выдержать их тяжесть и натиск зверя, и настолько тонкой, что медведице нельзя было на нее взобраться. Они наскоро привязали голову пестуна и медвежонка к ветке ели, а сами засели среди ее хвои, натянули луки и приготовились встретить врага. Медведица, потеряв у дерева следы охотников, разом остановилась, понюхала воздух и, заметив над собой людей, испустила страшный рев ярости. Ей жалобно ответил привязанный медвежонок. Не обращая внимания на сыпавшиеся сверху стрелы, медведица изо всех сил тряхнула ель. Охотники едва удержались в ее ветвях. Медведица навалилась

всей своей тяжестью на дерево; ель трещала, гнулась, но не подавалась. В бессильной злобе зверь стал грызть и царапать кору, потом, утомившись, опустился на землю, фыркая и издавая по временам отрывистый рев.

Стрелы сыпались одна за другой. Медведица или не обращала внимания на них вовсе, или выдергивала лапой и досадливо бросала на землю.

Вдруг одна из стрел угодила ей прямо в глаз. Зверь содрогнулся от боли и со стоном вырвал стрелу.

— Один глаз долой, — кричал Обу. — Если бы теперь пробить и другой, то мы были бы спасены.

В это время к медведице подбежал второй медвежонок, которого она оставила у тела пестуна, и радостно прыгнул на тело матери; несмотря на множество ран, мать обняла его, стала ласкать и с жалобным ворчанием лизала ему мордочку. Привязанный медвежонок откликнулся на эту ласку и стал звать мать жалобным визгом. Медведица, пошатываясь, подошла опять к дереву и стала подрывать и грызть его корни. Уже слышался зловещий треск у самого основания ствола. А стрелы у охотников все были истрачены. Они наскоро сделали себе несколько кольев из сучьев и приготовились к новому нападению.

Медведица, навалившись всем своим грузным телом, снова качнула ель, и Руламан, стоящий с колом наготове, свалился на землю.

— Притворись мертвым!.. — кричал Обу.

Руламан затаил дыхание и замер. Медведица бросилась к нему, перевернула его несколько раз и понюхала в лицо. Руламан закрыл глаза и не дрогнул.

Обу схватил похищенного ими медвежонок и швырнул его в кусты. Медведица оставила Руламана и побежала на визг детеныша. Расчет Обу оказался верен. Медведица на некоторое время занялась медвежонком, стараясь развязать ремни, связывающие его лапы. Это дало возможность охотникам взобраться на другое дерево, собрав предварительно разбросанные стрелы.

Облизав и успокоив медвежонок, медведица снова бросилась к охотникам; новое дерево было гораздо толще первого, так что ей удалось влезть на него; она старалась отыскать врагов своим единственным глазом. Обу спустился к ней со стороны ее раненого глаза, прицелился в здоровый, и почти в упор ударил в него колом. Медведица с яростью замахнулась на него лапой, но он увернулся, а зверь с ревом скатился вниз.

Охотники были в восторге: убежать от слепой медведицы было вовсе уже не трудно. Но им хотелось принести домой обе медвежьи головы.

Они слезли почти бесшумно с дерева и подкрались к животному с поднятыми топорами. Но медведица почувяла их приближение и стала бешено метаться; наткнувшись на дерево головой, она в отчаянии повалилась на землю.



Обу решил задушить зверя. Из всех имеющихся у него и у Руламана ремней он сделал крепкую петлю и канат. Эта работа заняла почти целый час; обессиленное животное, казалось, стало глухо к редкому повизгиванию своих детенышей.

Перекинув канат через толстый сук дерева, Обу накиннул петлю на голову медведицы; но она, разом востепенувшись, успела снять петлю. Обу бросился с петлей снова к зверю, но тот словно ждал этого, вскинул лапами и, обхватив ошеломленного Обу, подмял его под себя.

Руламан с ужасом смотрел на эту картину, уверенный, что его друга уже нет в живых. Он бросился к лесу, чтобы отыскать тяжелое бревно, которым было бы можно разом расшибить голову зверю.

Вернувшись с пудовой дубиной, Руламан ахнул. Медведица повалилась на спину и громко хрипела, а на ней без признаков жизни лежал Обу. Руламан изо всех сил ударил медведицу бревном и, не дав ей опомниться, нанес ей ножом глубокую рану в шею. Кровь ключом брызнула из раны; медведица вздрогнула и затихла: она была мертва.

С криком отчаяния бросился Руламан к телу Обу и зарыдал. Он попробовал приподнять его и протащить несколько шагов. Но Обу был слишком тяжел; Руламан понял, что ему не дотащить его до пещеры.

Тогда он приготовил в густом кустарнике ложе из мха, положил на него друга лицом к востоку и накрыл его тело ветками. Потом он снял с дерева голову пестуна и положил ее у ног Обу.

— Неужели Обу умер! — думал в отчаянии Руламан.

Он опустился на колени и приложил ухо к груди друга: сердце не билось.

Руламан схватил холодную руку юноши и заплакал, потом вскочил и быстро побегал прочь.

Но неужели оставить добычу? Руламан вернулся, с трудом отрезал огромную голову медведицы, привязал ее ремнем к спине и, убитый горем, зашагал по направлению к Тульке.

Глава 15

БОГАТЫЙ НАРГУ И ПЕЩЕРА НАЛЛИ

Пещера Налли находилась в глубоком ущелье, к которому по долине Арми через крутой кряж гор вела утоптанная тропинка. В этой длинной вместительной пещере жило сорок айматских семейств, составляющих племя в триста человек. Пещеру окружали яблони и груши, старательно насаженные и поддерживаемые.

Начальником племени был старый, опытный вождь Наргу, младший брат Парры из Тульки. Он славился своим умом, муже-

ством и умением выделять замечательные по своей прочности и остроте стрелы, топоры и ножи из камня и кремня.

Он, по примеру Ангеко, обставлял свое искусство таинственностью; его оружейная мастерская помещалась в закрытом гроте, и только сыновья и внуки его имели право входить туда; он посвящал их в свое искусство, надеясь этим закрепить за своим родом звание вождя.

Богатый Наргу, как его все звали, вел кроме того торговлю с калатами, отправляя к ним время от времени послов. Он посылал им зубы мамонта, рога носорога, медвежьих шкуры, а в обмен получал металлическое оружие, просо, соль и напиток из кобыльего молока. Еще отец Наргу много лет подряд жил и охотился с калатами. Говорили, что мать Наргу была калатка, и Наргу был привезен в пещеру Налли маленьким мальчиком. С одним из послов к Наргу пришла ручная собака, которая очень привязалась к нему. Старый Наргу в молодости был страстным охотником и теперь еще любил бродить один по лесам и долинам со своей собакой. Он носил при себе блестящий нож, к которому айматы питали безотчетный страх после того, как однажды взбешенный Наргу одним ударом отрубил голову рассердившему его аймату.

Наргу ревниво оберегал свой район охоты; особенно медведи пользовались его покровительством. Он знал все их берлоги, заставлял своих людей сажать вблизи берлог яблоневые и грушевые деревья и строго следил за безопасностью своих любимых зверей, оберегал их и вел им счет, как своему собственному стаду.

Ранним утром, по своему обыкновению, Наргу отправился в лес. Он был сильно раздосадован накануне рассказом своей внучки Ары о ее встрече с чужими охотниками.

Проходя прогалиной, где была им посажена яблоня для живущей поблизости медведицы, он был остановлен своей собакой. Умное животное сделало стойку над трупом убитого прошлой ночью пестуна. Наргу ахнул, увидя обезображенное, безглавое тело медведя, бросился к берлоге, но нашел ее пустою. Собака повела его дальше, пока он не наткнулся на мертвое обезглавленное тело своей любимицы, все утыканное стрелами; в ее густой шерсти все еще прятался живой медвежонок. Наргу внимательно осмотрел все кругом.

— Ты храбро защищалась, моя бедная, — проговорил он, качая головой. — Эти жалкие стрелы не могли сразить тебя; тебя задушили убийцы, грабители! Я отомщу за тебя! Они запомнят имя Наргу!

До него донесся слабый визг второго медвежонка. Наргу побежал на его голос, схватил его, все еще связанного по лапам, позвал собаку и поспешил домой.

Через час, всполошив все племя, он снова был со своими людьми на месте убийства медведицы. С обоих убитых медведей по его приказанию сняли шкуры, а тела разрубили на части. Найдя

дубину, которой была убита медведица, Наргу пришел в ярость и, выкрикивая угрозы, проклятия и ругательства, изрубил ее в щепки.

В пещере Тульки исчезновение обоих юношей заметили рано утром и сначала не придали этому значения, но когда прошла еще ночь, то родители обоих стали беспокоиться.

Одна старая Парра всех успокаивала, говоря: — Я знаю Руламана. Ему суждено быть великим вождем, он нигде не пропадет!

К вечеру второго дня измученный и убитый горем Руламан действительно вернулся.

Старая Парра встретила его, встав со своего места, — это было особым знаком почтения с ее стороны.

Руламан все рассказал спокойно и серьезно, как должен был рассказать взрослый мужчина. События последних двух дней окончательно сделали его взрослым.

Мать Обу, услышав о печальной участи своего сына, громко заплакала.

Когда Парра узнала о том, что медведи были убиты недалеко от пещеры Налли, лицо ее стало серьезным: она хорошо знала своего брата.

— Думаю, что твой Обу жив, — сказала она Руламану. Но вы нанесли Наргу тяжелую обиду, и она принесет нам много еще бед!..

— Нам нужно смягчить старика, — подумав, решил Руль. — Я не хочу вражды между пещерами. Айматы, напротив, должны объединиться против калатов: они наши общие враги. Пусть Обу, если он жив, посватает девушку, которую он встретил с Руламаном в лесу. Она ему понравилась, говорит мой сын. Мы отошлем старику головы убитых медведей и пошлем ему богатый подарок.

Парра недоверчиво покачала головой, но не сказала ни слова.

Прежде всего надо было отыскать Обу. Только ночью решился Руль отправиться на поиски. По совету Парры он оставил дома для защиты пещеры, в случае неожиданного нападения Наргу, двух айматов. Остальные отправились в путь молча, с печальными, сосредоточенными лицами. Полный месяц светил им. Руламан показывал дорогу.

К утру он привел их к тому месту, где он оставил тело друга. Айматы подняли ветки, но не нашли под ними Обу.

— Не очнулся ли он и не ушел ли отсюда? — спрашивали друг друга айматы: — потому что ни его оружия, ни головы пестуна нет здесь.

Руламан повел всех к телу медведицы, но и ее не оказалось на месте, только окровавленные внутренности ее лежали в луже крови на утопанной многими людьми земле. Тело пестуна тоже пропало из-под яблони.

— Здесь были люди из пещеры Налли, — понял Руль. — Не захватили ли они и Обу с собой? Пожалуй, нам придется идти к ним.

Но прежде чем двинуться к пещере, решено было еще раз хорошенько осмотреть местность.

Айматы пробовали звать Обу, но им отвечало только эхо. Они искали его уже целый час, как вдруг один из них вспугнул лисицу, пожирившую голову медведя. Он позвал остальных.

По веревке, обвязанной вокруг головы, Руламан сразу узнал, что это была голова пестуна.

— Как она попала сюда? Лисица не смогла бы оттащить такую тяжесть. Значит, ее принес Обу. Значит, он где-нибудь здесь, поблизости, — решили айматы.

Тогда они еще внимательнее стали осматривать местность. Скоро они, действительно, нашли следы рук и ног, ведущие к тропинке, которая спускалась к долине Арми. Сделав несколько шагов, айматы наткнулись на Обу, лежавшего без чувств. Руламан с криком бросился к нему. Айматы подняли тело юноши на носилки и понесли домой.

Руламан был счастлив.

Глава 16

СВАТОВСТВО

Прошел месяц с тех пор, как полумертвого Обу принесли домой. Медведица разодрала ему руку и помяла несколько ребер, но Парра сумела вылечить его.

Цель его была достигнута. Он получил копые. Теперь он мог и жениться. Он часто думал о прекрасной Аре, которой подарил в знак любви свое ожерелье из зубов. Но родные объяснили ему, что посватать любимую девушку не так-то легко после обиды, нанесенной ее деду.

Окончательно оправившись, Обу рассказал Руламану, как он очнулся после схватки с медведицей. Его привело в чувство чье-то теплое дыхание. Обу открыл глаза и увидел над собой морду гиены; животное, видимо, собиралось воспользоваться легкой добычей. Он отогнал зверя топором, оставленным для него Руламаном. Но подняться на ноги он не смог. Вдруг до него долетел чей-то голос и через минуту он увидел Наргу с собакой. Обу с ужасом подумал, что собака откроет его убежище. К счастью этого не случилось, и Наргу ушел. Но он мог вернуться опять, и Обу решил во что бы то ни стало бежать из этого места. С трудом побрел он на четвереньках, таща за собой голову пестуна, пока не лишился чувств.

Парра предостерегала Обу: — Наргу ничего не забывает. Он может ждать годы, но все-таки отомстить когда-нибудь. Давным-

давно, когда меня похитило из моей родной пещеры Налли ваше племя, я помню, как люди Наргу брали Тульку приступом, чтобы отбить меня назад. Многие из пещеры Тульки пали от стрел Налли, так как их раны были неизлечимы. Верно, Наргу смазывал их змеиным ядом. Но все же Тулька победила. Прошло много, много лет, но мой брат Наргу все еще думает о мести. Отправляйтесь к нему, но берите с собой оружие. Это говорит вам ваша старая Парра. Слышите, оружие!

По старинному обычаю Обу должен был сопровождать кто-нибудь из старших мужчин, чтобы поднести вождю племени и родителям невесты подарок. Обу попросил пойти с ним Репо. Но что подарить богатому Наргу? Парра посоветовала преподнести ему самую драгоценную вещь из пещеры — шкуру буррии. Аймацы оценили жертву старухи; она отдавала свою гордость и радость — шкуру зверя, убившего ее сына. В свою очередь Руль послал Наргу длинный кинжал из оленьего рога, в знак дружбы и союза. В новых оленьих одеждах, с длинными шкурами из меха белого волка отправились мужчины в путь; на шапках у них были прикреплены пучки медвежьей шерсти; количество таких пучков указывало на число убитых хозяином шапки пещерных медведей. На груди и шее у них красовались блестящие ожерелья из зубов, а грудь «убийцы буррии» украшал могучий клык пещерного льва.

К сумеркам Обу, и Репо достигли пещеры Налли. Под яблонями, окружавшими пещеру, толпились мужчины, женщины и дети, — это была пора сбора плодов. Обу увидел Ару, идущую с полной корзиной яблок на голове. Заметив юношу, она улыбнулась и подошла к нему.

Один из людей Наргу пошел доложить вождю о приходе гостей, а женщины и дети с любопытством разглядывали нарядных пришельцев.

Наргу пригласил их войти в пещеру. Репо, по обычаю, должен был пойти туда один. Не доверяя Наргу, он вошел в пещеру, оставив при себе оружие.

Наргу встретил его, сидя в передней части своего грота, с верной собакой у ног. Стены грота были увешаны шкурами белых волков, пол тонул в мехах медведей; всюду висело разное оружие из рога и камня; кое-где сверкали топоры из блестящего зеленого камня, работы калатов. Вход украшали кольца, цепи и оружие из меди, а над всем этим красовался прекрасный кинжал из мамонтова зуба, рядом с куском такого же клыка с вырезанным на нем изображением мамонта, бизона, медведей и нескольких людей. Наргу с гордостью восседал среди своего богатства на шкуре лисицы. Одежда Наргу поразила Репо: на нем было красное длинное платье, опушенное белым мехом; на шее висела цепь из медных колец; руки и ноги были украшены медными браслетами. На голову он надел высокую шапку из лебяжьего пуха с красным верхом, украшенную медными кольцами и бляшками. В руке он держал кубок из черепа северного оленя, из которого пил кумыс.

Это было дурное предзнаменование. Репо знал, что, выпив много кумыса, Наргу делался более раздражителен и свиреп.

— Кто ты и кто послал тебя? — спросил Наргу сурово.

Репо почтительно приветствовал его от лица Руля и всего племени и просил общего союза для борьбы с белыми пришельцами-калатами.

— Я не вражду с белыми, — спокойно ответил старик, — и если они придут сюда, я встречу их дружески. Они научат нас приручать животных, сажать деревья, сеять травы и выделывать чудесные топоры и ножи. Если же мы им не угодим, они перебьют наших вождей и сделают всех айматов своими рабами.



Но вот взгляд Наргу упал на богатый подарок, присланный пещерой Тулька. Узнав, что перед ним стоит убийца буррии, старик пожал ему руку. Он разложил громадную шкуру и с удовольствием разглаживал руками богатый подарок.

Наконец Репо отважился заговорить о сватовстве Обу.

— Где юноша? — спросил Наргу.

Репо позвал жениха. Лицо вождя омрачилось.

— Где ты видел Ару? — спросил он.

Обу рассказал все без утайки. Тогда Наргу достал наконечники стрел, еще красные от крови.

— Узнаешь ли ты их? — сказал он юноше.

— Эти наконечники моих стрел, — отвечал тот.

Как укушенный змеей, вскочил старик и закричал: — Так это вы воры из пещеры Тульки! Вы убиваете моих медведей, крадете мясо для ваших жен и детей и смеете после этого сватать мою внучку! Я покажу вам, убийцы!..

Он бросился с ножом на Обу. Но в ту же минуту каменный топор Репо выбил оружие из его рук, и нож, звеня, покатился по полу. Большой пес Наргу яростно прыгнул на грудь Репо, но Обу ударил его топором, и животное с воем упало.

Страшный шум привлек жителей Налли и они бросились на пришельцев. Оба аймата, бешено пробивая себе дорогу, скрылись в лесу.

НАПАДЕНИЕ НА ПЕЩЕРУ НАЛЛИ

Наступили короткие зимние дни. Долина Арми ярко белела снегом. Тисовые и сосновые леса притихли и замерли.

С того дня, как вернулись домой Репо и Обу, веселье и радость исчезли в пещере Тулька. Обидой и кровью ответил Наргу на предложение Руля. И вот теперь на шесте посередине площадки висела шкура волка, обрызганная кровью, в знак мести и борьбы с обидчиком.

Серьезно и молчаливо ходили мужчины, вооруженные с головы до ног, с лицами и руками, выкрашенными в красную краску войны. Шепотом, озабоченно говорили между собою женщины и удерживали детей от игр. Каждый день можно было ожидать нападения Наргу.

Руль целыми часами совещался с Паррой. А однажды он один ушел к Ангеко и вернулся от него бодрый и веселый. Хитрый вождь Гуки, надеясь на долю добычи, обещал помочь Рулю самому напасть на пещеру Налли. Таким образом у Руля составилась отряд человек в тридцать, но этого все-таки было мало для войны с со-рока хорошо вооруженными людьми Наргу.

Все были готовы к выступлению и только ждали сигнала вож-дя. Руламана Руль решил оставить дома, не желая обагрять руки сына в человеческой крови.

И вот разведчики принесли известие, что люди из Налли отпра-вились на охоту за буйволами к реке Нарге. Было решено не-медленно напасть на опустевшую пещеру врага. К Ангеко послали одного из айматов. Плотно подкрепившись мясом медведя, семь воинов Тульки спустились вниз в долину Арми, где должны были ждать людей Гуки. Руламан, оставшийся защищать пещеру, пошел их проводить.

С тяжелым сердцем прощался он с отцом и печальный вернул-ся к старой Парре.

Айматы были одеты теплее, чем летом; поверх оленьих платьев они накинули волчьи шкуры, а вместо сандалий высокие оленьи сапоги. В знак вражды и объявленной войны на шапках у них кра-совались перья ворона. Ангеко, как более осторожный и рассу-дительный, снабдил своих людей сумками с сушеной рыбой, над чем немало смеялись люди Тульки.

Воины осторожно ступали на следы друг друга и шли молча, не нарушая тишины спящей природы. Когда останавливался шед-ший впереди Руль, за ним останавливался весь отряд.

Во время небольшого отдыха было решено разойтись по двое в разные стороны, во избежание встречи с разведчиками Наргу. Сборным пунктом назначили всем известную высокую скалу в четверти часа ходьбы от вражеской пещеры. Крик совы был их сигналом.



Шесть пар медленно разошлись по разным направлениям. Руль первый появился у сборного пункта с одним из пещеры Гуки. Скоро подросла другая пара. Уже брезжило утро, а не все еще собрались. Руль ходил в беспокойстве, ожидая Репо и Обу.

Вдалеке вспыхивал огонь.

— Неужели это огонь у пещеры Налли? — спрашивал Руль у разведчика. — Ведь мужчины их в отлучке, а во время войны кто же держит огонь ночью? Уж не женщины ли пируют одни? Или хитрый Наргу готовит нам западню?..

В кустах послышался предостерегающий крик черного дрозда.

— Нельзя больше ждать, — сказал Руль, и, сломав сосновую ветку, воткнул ее в снег, а рядом с ней положил шесть камней. Это значило, что они выступили в числе шести человек.

Айматы двинулись вперед, стараясь прятаться за деревьями и кустами. Кровавый диск солнца выплыл из-за гор и осветил местность. Издали был виден вход в пещеру Налли и ни одной живой души вокруг нее.

— Убей ворона, что сидит на шесте у входа, он может нас выдать! — приказал Руль одному из своих.

Стрела засвистела и ворон упал. Через минуту он поднялся с громким криком и улетел в пещеру.

— Вперед! — закричал Руль и побежал. В эту минуту из-за ближних кустов посыпался на нападающих целый дождь стрел.

Руль и два брата его упали тяжело раненные. Трое из людей Гуки отступили в лес.

Пещера разом ожила. Из нее выбежали женщины и дети; из-за кустов показывались мужчины. Все окружили павших врагов, прыгали над ними, смеялись и танцевали.

Старый Наргу вышел и со смехом сказал: — Вы хотели меня перехитрить, жалкие убийцы чужих медведей?.. Разве их только трое?..

Узнав о троих, скрывшихся в лесу, он послал за ними погоню.

Через полчаса Руль пришел в себя и услышал крики и насмешки врагов, а затем издали донесся громкий военный клич Репо.

Мгновенно все обитатели Налли снова попрятались в пещеру. И когда воины Тульки и Гуки появились на площадке, произошла страшная свалка. Рассвирепевшие при виде раненого вождя, люди Руля перебили стражу и ворвались к Наргу.

Ара стояла рядом с дедом, бледная и трепещущая от страха. Старик храбро встретил врагов с ножом в руке. Но Ара, бросившись вперед, закричала со слезами:

— Обу! Обу!.. Я буду твоей женой, только не убивай моего деда!..

Репо и Обу остановились. Из пещеры неся страшный вопль убиваемых женщин и детей.

— Разве в обычае айматов убивать детей и женщин?.. — гордо сказал Наргу.

Репо обернулся и крикнул своим воинам:

— Оставьте женщин!

Ара, ваяясь в ногах у деда, молила:

— Заклужи мир с Тулькой, прекрати войну!..

Репо стоял, опустив свой топор, и в упор смотрел на старика. Вдруг он далеко отшвырнул от себя оружие и сказал:

— Мы не обагрим своих рук в крови брата старой Парры. Конец вражде, да будет впредь меж нами один мир!

Ара простерла к деду руки.

Наргу склонил голову в знак согласия и просил подвести его к раненому вождю Тульки.

Руль с трудом приподнялся при приближении Наргу. Старый вождь протянул ему меч и сказал голосом, неожиданно дрогнувшим:

— Возьми его, и пусть между Налли и Тулькой с этого дня будет тесная дружба.

Луч радости промелькнул в тускнеющих глазах Руля.

— Я умру... — глухо сказал он. — Но Тулька сдержит слово... Соединитесь против калатов...

И он опять лишился чувств.



— Поспешим домой с ним... — закричал Репо, скрывая страшную душевную боль.

На носилках из копий понесли воины раненых товарищей. Наргу подарил всем им на прощание по прекрасному каменному оружию. Ара взяла за руку Обу и пошла за ним.

В долине, у ручья, где воины омыли раны товарищам, Руль снова открыл глаза и шепнул наклонившемуся к нему Репо:

— Я умираю... Будь ты вождем моих храбрых аймагов, пока не вырастет мой молодой сокол Руламан. Отдай ему на память об отце этот нож из солнечного камня... О, Руламан... сын мой... неужели я больше не увижу твоих блестящих глаз... не услышу твоего голоса?..

И он тихо умер у ручья в долине Арми.

Глава 18

ПОГРЕБЕНИЕ РУЛЯ

Когда раздался условный знак возвращения воинов, в Тульке все спали кроме Руламана и Парры.

Мальчик выбежал навстречу отцу с радостным криком:

— Рулаба! Рулаба!..

Но он не услышал призывного ответа. Сердце мальчика сжалось, когда он увидел лежащего на носилках Руля. Руламан бросился к отцу.

— Он умер?.. — спросил он, бледнея, у Репо.

— Да... умер... — ответил Репо.

— Умер!.. — закричал Руламан, и крик его долетел до пещеры.

— Умер, а я живу!..

Обу обнял его и сказал:

— Руламан! Убей меня как жертву мести на могиле твоего отца. Я один во всем виноват. Если бы я не встретил Ары...

Руламан, не слушая его, вырвался из объятий друга и упал на грудь мертвого отца.

— Рулаба!.. Рулаба!.. — повторял он, теряя рассудок от горя.

Он приложил к губам отца ухо, словно стараясь услышать его ответ.

Репо в коротких словах рассказал о битве с Налли, передал последние слова Руля и вручил сыну нож, последний подарок отца.

Руламан схватил нож, пожал руку Обу и исчез в лесу.

Вернувшись домой, айматы нашли старую Парру без чувств у входа в пещеру. Услышав крик Руламана, она поняла что случилось. Ее внесли в пещеру и положили рядом с мертвым вождем.

На другой день столб, возвещавший объявление войны, был повален. Все население Тульки выкрасило лица черной краской в знак траура. Посреди площадки, под навесом из высоких стволов и веток, поместили тело Руля, одетое в лучшее платье; лучшее его оружие лежало рядом. В полдень явился Ангеко со своими людьми. Как каменная статуя сидела неподвижная Парра рядом с Репо. Ангеко опустился рядом с ними.

Мужчины и женщины толпились на площадке с печальными, заплаканными лицами и пели жалобную похоронную песню.

Вечером мужчины отправились на охоту для погребального пиршества. Ангеко указал им берлогу медведицы и уже на другой день они вернулись с добычей.

Кладбищем для павших в бою айматов служил один из гротов в горах между пещерами Тульки и Гуки. Это была мрачная дикая местность, и только перед самым гротом была ровная площадка с большим удлиненным камнем посередине. Кругом него валялись остатки от прежних пиршеств: угли, кости, осколки посуды. Старые угрюмые тисы охраняли вход в последнее жилище айматов, заваленное каменными плитами.

Грот делился на помещения: одно, большое, с нависшим потолком, предназначалось для погребения простых воинов; трупы и кости лежали там кое-как, друг на друге. Трупы вождей аккуратно складывали в другое помещение — узкое, с высоким потолком. Тела прислонялись к стене в стоячем положении с оленьим рогом в руках.

Старик Наргу пришел на третий день, к погребению. Парра через много лет увидела снова лицо своего младшего брата. Утром того же дня вернулся из своего уединения Руламан, он ни одним звуком не выдал своей мучительной тоски. Одна Парра вполне понимала всю силу его любви к умершему отцу.

Длинное печальное шествие потянулось из пещеры Тульки. Четверо айматов несли на носилках, покрытых медвежьей шкурой, тело вождя. За ним двое несли в корзине старую Парру. Потом медленно двигались Наргу, Ангеко, Репо и Руламан в праздничных одеждах и в полном вооружении. Четверо айматов несли предназначенное для пиршества мясо. За мужчинами с печальными песнями и скорбными воплями шли женщины и дети.

Перед погребением Руля прислонили к скале у входа в грот и, по обычаю айматов, вожди других племен обратились к нему с речью.

Первым заговорил Наргу.

Он говорил о прежней вражде между ним и Рулем, о благородном их примирении теперь, о подвигах покойного, удивлявших всех.

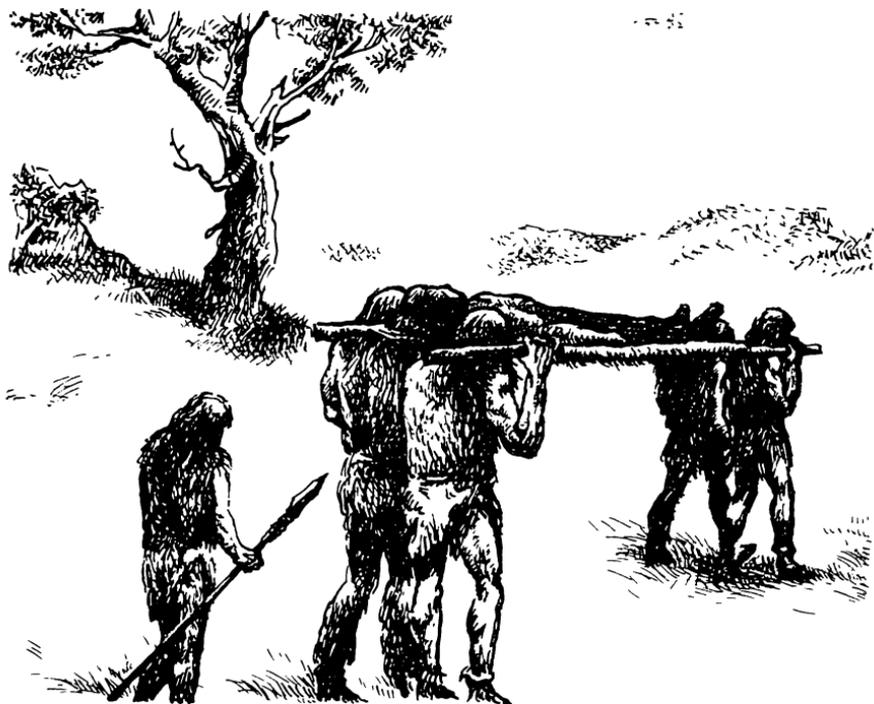
— Часто трепетало восторгом мое сердце, — говорил он, — когда я слышал о твоей силе, ловкости и уме. Ты был быстр как олень; твоя рука была верна, и никогда стрела, пущенная ею, не давала промаха. Ты сражался с медведями, с турами, с глазу на глаз боролся с могучим буррией. Прими же меня, друг, когда я вместе с другими вождями снизойду в теплую, светлую пещеру Вальбы на вечный покой...

Наргу надел на мертвую руку Руля кольцо и добавил:

— Когда я увижу его светящимся в пещере Вальбы, я узнаю тогда тебя, о, Руль, смелый герой!

Потом стал говорить Ангеко:

— Зачем оставил ты нас, стариков, о, цветущий Руль?.. Ты был вороном по мужеству и носорогом по силе!.. О, коротка жизнь



героев, так как опасности всюду грозят им!.. Возьми с собой на дорогу вот этот любимый мой нож и скажи обо мне хорошее светлым духам в пещере Вальба!.. Я стар и скоро последую за тобой!..

Дикая пляска мужчин чередовалась с мирными танцами женщин и с пением похоронных песен, под звуки дудки и барабана.

Вечером зажгли огромный костер и, окружив мертвеца, стали в ожидании.

Пламя озаряло мертвое лицо Руля, потом, постепенно потухая, вспыхивало таинственно и жутко. Айматы зажгли факелы, отвалили плиты у входа в грот, подняли труп и внесли тело вождя во второе отделение грота. За вносившими тело последовали только начальники, Парра и Руламан.

Целое медвежье бедро было положено к ногам мертвеца, чтобы оно служило ему пищей во время дороги в пещеру Вальба.

Погребение кончилось. Все вышли из грота, кроме Парры и Руламана.

За стенами грота картина разом изменилась. Везде загорались костры. Печаль была забыта и громкий веселый смех будил окрестную тишину. Пир продолжался до полуночи.

Вышедшая, наконец, из грота Парра впервые обратилась к Наргу:

— Наргу! — сказала она, — твоя вина велика. Твоя ненависть погубила героя, лучшего из айматов. Но через меня говорит благодарный Руль: поклянись, что это последнее братоубийство. Кто после этого убьет аймата, тот не увидит пещеры Вальба.

Предводители торжественно поклялись забыть навсегда вражду и, простившись с Паррой и Руламаном, отправились домой.

В пещере Тульке по обычаю на целый год был наложен общий траур. Никаких праздников, ни свадеб не разрешалось. Таким образом свадьба Обу была отложена на год, хотя Ара и осталась в пещере жениха.

Глава 19

ОХОТА НА ТУРОВ

Айматы всех трех пещер условились отправиться вместе на охоту за турами. Эта совместная охота предпринималась в первый раз после многих лет.

Многочисленные стада туров паслись на расстоянии нескольких дней ходьбы в больших густых лесах по ту сторону реки Нарги. Низменные места этого первобытного леса представляли обширные болота, подернутые изумрудной осокой и местами сверкавшие лужами и прудами стоячей воды. Глубокая тишина царила в таком лесу. Только стук дятла да крик совы нарушал молчание и покой лесной пустыни. И человек и хищный зверь с опаской решались углубляться в лесные дебри, боясь коварных болотистых топей.

Здесь-то и жили туры, находя обильную пищу в роскошной траве лесных прогалин.

Спокойно щиплют траву турицы, окруженные прыгающими теллятами, в то время как туры стоят настороже и не позволяют стаду разбежаться. Если томимый голодом пещерный лев решится подползти к ним, его почует передний тур. Высоко поднимает он голову, прислушивается, глядит по сторонам, роет землю передними ногами, бьет по бокам хвостом и с яростным ревом бросается на врага, а за ним и остальные туры. Только бегство спасает льва от гибели, в противном случае он падет, пронзенный десятками пар рогов и истоптанный копытами свирепых животных.

Гораздо более, чем хищные звери, докучают этим животным маленькие летучие враги: комары, мошки, оводы, облепляющие их в летние месяцы. Когда насекомые становятся особенно надоедливыми, все стадо вдруг, как бешеное, устремляется к болоту; по целым часам валяются огромные животные в стоячей воде, а выходя оттуда, уносят на своей шкуре толстый слой тины и грязи, высыхающий на солнце и как панцирь защищающий их тело от насекомых.

Кроме исполинских туров и зубров, еще два вида жвачных населяли первобытные леса: олень и лось. Двухсаженные рога украшали лоб оленя. Лось превосходил оленя своей величиной, а рога его были короче и шире.

Зимой, когда снег в несколько футов глубиной покрывал луга, голод побуждал туров к переселению: они оставляли безопасные места и переходили на холмы, в долину реки Нарги. Айматам очень редко удавалось охотиться на лосей, так как те круглый год жили в глубине леса. Но зубры и туры в зимнее время только днем скрывались в лесной чаще, а по вечерам спускались к реке пощипать тощую траву и увядший тростник на ее берегах. Здесь-то айматы и охотились на них.

Едва прошла неделя со дня смерти Руля, как глубокий снег покрыл землю и айматы начали готовиться к охоте. Охота на туров считалась одною из самых опасных, но и самых заманчивых в смысле добывания продовольствия на зимнее время. Нужно было только подождать, пока снег плотно уляжется и подмерзнет.

Наконец, выдался солнечный день и затем сильный ночной мороз. Снег покрылся тонкой, но твердой корою льда. Репо послал послов в пещеры Налли и Гука, назначая сборным пунктом то место, где ручей Арми вливается в Наргу.

Айматы были одеты как всегда, только к подошвам оленьих сапог они прикрепляли лыжи около двух футов длиною и полфута шириною. На лыжах охотники со скоростью ветра могли носиться по снежной равнине.

Айматы из пещеры Тулька пришли первыми на сборное место.

Было свежее солнечное утро, воздух прозрачен и взор проникал далеко. По ту сторону Нарги темнел лес, где по соображениям айматов должны были скрываться туры. Нарга была покрыта бле-

стящим как стекло крепким льдом, и только у противоположного берега течение было так быстро, что часть воды в несколько сажен шириною оставалась свободной от льда. Охотники должны были построить здесь мост, чтобы перейти на другую сторону.

По возможности не нарушая тишины, они срубили несколько ив и уложили их через полыньи в виде узенького мостика. Семь веток было воткнуто в снег для указания пути отставшим охотникам. Перейдя мост, они разошлись в разные стороны и долго безуспешно искали следов стада. Вдруг в отдалении раздался стук о ствол дерева, наподобие того, как стучит дятел. Это был условный знак, поданный одной из партий, ушедших на разведку. Все побежали туда, откуда слышался стук. Оказалось, что там останавливалось стадо туров: на снегу ясно были видны следы копыт. Айматы определили, что в стаде должен быть один большой бык, шесть коров и двадцать подростков и телят. Это очень обрадовало их, так как охота на взрослых туров была слишком опасна. Единственный бык в стаде, очевидно, достигал необычайной величины, — это узнал Обу, заметив на стволе сосны высоко от земли клочок шерсти животного. Должно быть стадо ночевало здесь вчера, но где оно могло быть сегодня? Айматы решили дожидаться остальных охотников и остановились на небольшой поляне; они не развели огня, чтобы не спугнуть осторожных животных. Так прошел час, потом другой. Охотники порядком промерзли пока дожидались айматов из пещеры Гука и Налли; наконец, те по следам передовых товарищей, подошли к стоянке. Так как Ангеко и Наргу остались дома, то предводительство на охоте взял на себя Репо. Насчитав, кроме своих людей, тридцать человек, он составил смелый план охоты.

Все весело тронулись в путь по дороге, проложенной стадом. Следы вели по опушке леса вниз к реке.

У реки след прерывался: по всей вероятности стадо пустилось вплавь на другую сторону. Там простиралось заросшее камышом болото, среди которого возвышался холм, покрытый сосновым лесом, словно маленький черный оазис среди снежной пустыни. Репо и Обу предполагали, что стадо укрылось на этом одиноком лесном острове.

— Прежде, чем зайдет солнце, — говорил Репо, — мы должны разузнать, где находятся туры и как к ним приблизиться. Если мы не успеем этого сделать, нам придется всю ночь мерзнуть, так как развести огонь нельзя.

Шестерым айматам с Обу во главе он приказал остаться на этом берегу и исследовать прибрежные камыши. Если бы стада здесь не оказалось, то было бы ясно, что оно находится в маленьком сосновом лесу. Почти уверенный в этом, Репо торопил остальную часть охотников спуститься к реке, пройти вверх по течению и зайти животным с тыла.

Опять устроили узенький мостик и человек за человеком пробрались по нему. Каждый старался пригнаться как можно ниже

к земле, чтобы его не было видно из-за камыша; таким образом дошли они до большого ивняка, находившегося шагах в ста от рощи. Этот кустарник представлял удобное прикрытие для приготовления к охоте и для наблюдения за турами.

Репо и Руламан взобрались на высокую иву, чтобы осмотреть местность. С напряженным вниманием вглядывались они в черневший перед ними лес. Там, без сомнения, находились туры. Руламану даже показалось, что он видит движение темной тени на белом снегу. Репо взобрался еще выше и привязал к иве длинную палку с шапкой на конце, чтобы дать сигнал Обу. Но как только шапка поднялась над деревом, Руламан заметил, что громадный тур показался на площадке и стал внимательно следить за вершиной дерева. Если бы он почуял охотников, наверное, все стадо бросилось бы бежать. Несмотря на свою величину и силу, туры были трусливы. Тур стоял минуты две в беспокойстве, покачивая головой и опустив вниз свои почти плоские рога, потом начал взрывать ими землю, бросая в воздух мох и комки снега.

Репо быстро слез с дерева, чтобы приготовить все к нападению. Он решил загнать все стадо в глубокое, занесенное снегом болото. Там охотникам на быстрых лыжах легко было бы одолеть глубоко увязших в снегу туров. Он приказал наскоро приготовить длинные факелы из камыша; половина охотников держала наготове копыя, стрелы и костяные ножи; другая половина должна была нести факелы.

Обу, не найдя, как и следовало ожидать, следов животных, присоединился к Репо. Солнце уже закатилось; густой туман спустился в долину и скрыл из глаз лесистый холм.

Но вождю Тульки казалось, что еще недостаточно темно для того, чтобы начать нападение. Охотники с напряженным вниманием прислушивались к каждому движению туров.

Вдруг все стадо поднялось и стало удаляться к горам. Момент наступил критический: все стадо могло ускользнуть.

Репо дал знак зажечь факелы. Он разделил факельщиков на два отряда: одному велел преградить турам дорогу к реке и к большому лесу. Во главе другого он поставил Обу и поручил ему отрезать стаду путь к горам и гнать его с холма к болоту. Сам же Репо с вооруженными охотниками двинулся к сосновой роще.

Не прошло и пяти минут, как Репо и его спутники услышали тяжелый топот и прерывистое дыхание бежавших в смертельном ужасе туров. Стадо быстро приближалось. Охотники принуждены были отскочить в сторону, чтобы не попасть под ноги бегущим животным.

Репо издал боевой клич, и аймацы яростно бросились в битву. Скрываясь за деревьями, они кололи туров копыями и засыпали их стрелами. Застигнутые врасплох, животные метались, взрывали копытами снег и бросали на землю охотников, не сумевших увернуться от могучих ударов рогов. Страшный шум наполнил лесную чащу. Яростный рев тура, жалостное блеяние телят и продолжи-

тельное, тревожное мычание туриц сливались с криками охотников. Поле сражения слабо освещалось мерцанием звезд и пламенем факелов. Наконец, стадо достигло площадки в середине леса, остановилось и моментально выстроилось в боевой порядок. Впереди всех стал тур, наклонив могучую голову, за ним стали кругом турицы рогами вперед, а телята стояли в середине круга. Репо подал сигнал охотникам собраться всем вместе. Но только десять человек подбежали к нему. Остальные или лежали еще на снегу, издавая стоны и мольбы о помощи, или взобрались на деревья и боялись спуститься вниз.

— Слезайте вниз, трусливые гиены! — закричал в гневе Репо.

Один за другим подошли они, охая и испуская стоны, чтобы скрыть свой стыд перед другими, а Репо послал гонца к факельщикам, засевшим у реки, за новым оружием. Он знал, что туры не покинут своей позиции.

Принесли оружие: луки, стрелы, копыта и ножи. Репо поставил охотников цепью вокруг прогалины. По его знаку посыпался град стрел в середину стада. За каждым залпом следовало глухое рычание раненых зверей; но они не отступали ни на шаг.

Сорвав с плеч белую волчью шкуру, Руламан кинул ее почти в самую морду быка. Тот с яростью бросил ее на землю и стал терзать копытами и рогами. В этот момент подбежали Репо и Обу и с двух сторон вонзили кинжалы зверю в грудь. С глухим ревом упало животное на колени. Тогда подскочил Руламан и вонзил свой кинжал ему прямо в затылок. Огромное тело тура зашаталось и тяжело рухнуло на землю.

Аймацы подняли громкий, радостный крик и бросились на лишенное своего предводителя стадо.

Началась кровавая резня. Плохое оружие охотников не могло убивать сразу; им приходилось наносить каждому животному по десятку ран. Ошеломленные ударами, шумом и потерей крови, турицы не двигались с места и были перебиты все до одной.

Богатая добыча лежала перед глазами охотников: громадный тур, шесть туриц, девять подростков и семь телят. Только четверо бычков избегли общей участи и спаслись в большом лесу.

Аймацы в неистовом восторге прыгали вокруг убитых животных, утапывая ногами покрасневший от крови снег. Затем они развели костер и с наслаждением съели двух больших телят. Репо сознавал, что он блестяще оправдал свое звание вождя и что после такой охоты можно было рассчитывать на прочный союз трех пещер. Это его радовало более чем сама добыча. Только Руламан не принимал участия в общем веселье: охота еще живой напомнила ему отца. Он сидел одиноко под деревом, погруженный в тяжелое раздумье. Репо скоро заметил его отсутствие и отыскал его. К ним подошел Обу, и они долго сидели втроем, в стороне от дикого веселья остальных, и вспоминали славные подвиги Руля.

— О, как порадовался бы благородный Руль, — сказал Репо, — если бы кто-нибудь мог рассказать ему о сегодняшнем дне,



скрепившем союз трех пещер! Кто-то из нас первый принесет ему это известие?

Уже было далеко за полночь. Все легли спать. Вдруг стража ударила тревогу. Стая голодных волков, привлеченная запахом крови, пришла с гор; ее однако удалось отпугнуть. Аймацы заметили в этой стае между прочим и белого волка, или «фарку», как они его называли. Усталые охотники не хотели преследовать хищников, хотя белый пушистый мех фарки считался у них драгоценной добычей. Голодные гиены тоже показались вблизи, но не решались напасть на лагерь и только жалобно выли.

Охотники спали почти целый день. Наконец, нужно было приступить к разделу добычи. Одна часть айматов под начальством Обу принялась строить сани, другая потрошить убитых животных. Огромная шкура, снятая с тура, представляла прекрасный черный мех с желтой полосой посредине. Ее единогласно присудили, как почетный подарок, новому начальнику. Мясо тура и его громадная голова с могучими рогами достались на долю айматов Тульки. Все остальное было по приказанию Репо разделено поровну, по числу мужчин, выставленных на охоту каждой пещерой. Три дня продолжалось ликование и работа в лагере. Только на четвертый день все было готово к возвращению: добычу разделили и потащили домой тяжело нагруженные сани. Маленький холм, покрытый сосновым лесом, стал называться с тех пор «рощей туров».

Глава 20

БЕЛЫЙ ВОЛК

Редко встречавшийся белый волк ценился в то время выше всех зверей после буррии, и его белый как снег блестящий мех служил знаком отличия вождя и его сыновей. И велика была слава того аймата, которому удавалось убить белого волка. И как убивший льва всю жизнь носил почетное звание «убийцы буррии», так и убийство белого волка влекло за собой почетный титул «убийцы фарки». Появление белого волка не давало спать Руламану и Обу. Три ночи во время стоянки они напрасно сторожили и высматривали волков.

— Руламан! — сказал Обу, — ты мне помог убить медведицу и получить Ару, а я в свою очередь помогу тебе добыть прекрасную шкуру фарки. Не остаться ли нам здесь, когда все уйдут в пещеры?

— Останемся! — радостно отвечал Руламан.

Никто не знал их плана, кроме Ары и Репо.

Ара уже обжила с обитателями Тульки и в короткое время заслужила всеобщее уважение. В часы отдыха она рассказывала им удивительные истории, которые узнала от своего деда, о солнце, о луне, о звездах и о белых калатах. Обу гордился своей Арой,

и она не менее его была горда своим храбрым женихом. Услыжав о намерении Обу и Руламана, Ара стала умолять их, чтобы они позволили ей остаться с ними.

Руламан, любивший Ару как родную сестру, поддержал ее. Они остались втроем и спрятались в кустах, с нетерпением ожидая наступления ночи.

Наконец, стало темнеть. Они влезли на сосны у лесной прога-лины. Все трое были вооружены луками и копьями. Ара была в восторге, что ей удалось принять участие в серьезной охоте; все трое радовались как дети, когда с далеких гор донесся вой волков.

Потом все смолкло. Одни только засохшие камыши шумели на Нарге. Затявкали гиены. Их хриплый, отрывистый лай был хорошо знаком айматам, и они не обращали на него внимания.

Наконец, Ара заметила темную тень, медленно приближавшуюся к лесу.

Охотники напряженно следили глазами за темным пятном, которое все приближалось; наконец, стало возможно различать отдельных волков.

— Они бегут сюда! — закричал Обу: — их подгоняет голод. Стая очень большая. Нам предстоит немалая работа. Ара! держись крепче на дереве: кто упадет, тот погиб.

Шагов за тысячу передовой волк издал ужасный вой, и вся стая подхватила его.

— Они почуяли нас! — крикнул Руламан, — и обдумывают план охоты.

Стая разделилась на три отряда. Одна часть, более многочисленная, направилась к холму, а другие две справа и слева старались оцепить лесок.

— Они хотят окружить нас со всех сторон. Дело становится серьезным, — сказал Обу: — их больше тридцати штук, — число более чем достаточное, чтобы разорвать нас на куски. Ну, что же ты скажешь, Ара? Где твоя храбрость? Когда аймат идет на охоту, жена должна оставаться дома...

— Я вижу белого волка! — закричал радостно Руламан: — он в средней группе. Не желаешь ли стрелять первой, Ара? Тогда ты будешь «убийцей фарки».

Ару рассердили эти подтрунивания и она гордо сказала:

— Да, я его убью, иначе пусть перестанут меня называть внучкой Наргу.

Волки тем временем приблизились. В темноте леса, между деревьями уже сверкали их горящие глаза.

— Они так голодны, что забыли всякую осторожность, — шепнул Обу.

С топотом, визгом и лаем вбежали голодные звери на площадку и стали бешено рвать на части внутренности животных, выброшенные охотниками.

В это время загудела тетива: Ара выстрелила из лука. Белый волк упал и с воем покатился по земле.



— Молодец, Ара! — закричали в один голос оба друга.

Волки заметили охотников и завывали. Одна за одной полетели в них стрелы.

Многие из волков уже валялись на земле, другие обратились в бегство. Белый волк также поднялся и последовал за бегущими.

Обу соскочил с дерева и с копьем в руке побежал за фаркой. Но на него тотчас же накинuloсь несколько волков. Руламан поспешил ему на помощь, Ара также отважно бросилась выручать жениха. Завязалась горячая битва с шестью разъяренными волками. Но когда двое из них, пронзенные копьями, упали на землю, остальные бросились бежать.

Руламан был сбит с ног и укушен в грудь и ногу.

— А ты не ранен? — тревожно спросила Ара жениха.

— У меня немного искусаны руки и ноги, — отвечал тот. — Но где же фарка?

Они пошли по следам убежавших животных и, недалеко от леса, на снежной равнине отыскивали раненое животное. Волк с яростью бросился на своих преследователей, но Руламан положил его на месте. С криками радости потащили они свою добычу в лесок, где уже лежали четыре убитых волка.

Все страшно устали от битвы, а из раны Руламана текла кровь. Ара персвязала ему рану. Потом они развели костер и утолили голод волчьим мясом. После этого они сняли шкуры с убитых волков, построили нечто вроде салазок и повезли свою драгоценную добычу домой.

Глава 21

ПОСЕЩЕНИЕ КАЛАТСКОГО ВОЖДЯ

Наступила весна. В первый раз с высокого тиса прозвучал голос зяблика, старинного знакомого айматов Тульки. Он перезимовал вместе с ними и теперь, насвистывая нежную песенку, порхал с одной ветки дуба на другую, разгуливал по площадке, важно топорща крылышки и весело поглядывая по сторонам.

— Позови его к нам, Ара! — сказала старая Парра девушке.

В этот момент послышался свистящий шум крыльев, испуганный крик зяблика и тревожное карканье ручного ворона.

— Что такое? — вскричала Парра.

— Большая птица схватила зяблика! — закричала Ара, — она улетела с ним в долину, а наш храбрый ворон погнался за ней. Я никогда не видала этой птицы раньше: она отливает красным цветом, у ней острые когти и клюв, а ростом она больше ворона.

— Это сокол — птица калатов! — в ужасе прошептала старуха.

Мальчики побежали к пропасти и приготовили стрелы, посылая соколу угрозы.

— Когда вернутся наши охотники? — спросила старуха.

— Вечером, — отвечала Ара. — Они ловят рыбу у горы Нуфа.

Мужчины, действительно, вернулись к вечеру того же дня. Они принесли мало добычи: наводнение уничтожило старые гнезда форелей. Но для Парры было тяжелее другое известие.

— Калаты в долине Нуфы, — сообщил Репо, — они разбили большой лагерь. Около лагеря пасутся лошади и другие животные, которых мы никогда не видали. Они срубили большие деревья и строят себе жилища. Калатские мужчины подошли к нашему ручью и подарили нам эти блестящие кольца в обмен за нашу рыбу. Это порадует наших женщин, — закончил Репо.

— Бросьте их! — закричала яростно старуха. — Это заколдованные кольца! А сколько этих калатов?

— Больше, чем всех айматов вместе, — ответил Руламан, — и у каждого ручной волк, как у Наргу. Увидев нас, волки с ужасным воем бросились к нам, но калаты отозвали их назад, и они послушались их как дети.

— А вы видели их жен и детей? — продолжала расспрашивать старуха.

— Мальчики скакали на диких лошадях, а три женщины по-



дошли к ручью, чтобы зачерпнуть воды. Они показывали на нас пальцами и смеялись.

— Как же вы поняли язык калатов? — спросила Ара. — Только Наргу понимает их речь, он и меня научил калатскому языку.

— Они делали знаки руками и показывали, что им нужно, — рассказывал Руламан. — Их начальник — высокий мужчина, в богатой одежде, показывал на горы: он хотел знать, где мы живем.

— Горе, горе нам! — вскричала старуха. — Долина Нуфы от нас очень близка! Пошлите в пещеры Гука и Налли! Напомните им клятву перед мертвым Рулем в долине героев.

Прошла неделя с того времени, когда айматы Тульки принесли известие, что в долине Нуфы поселились калаты.

Каждую ночь, по настоянию Парры, двое айматов стояли на страже, и даже сама Парра с наступлением теплых весенних ночей стала проводить их под старым тисом. Однажды в темную бурную ночь она неожиданно закричала:

— Лесной пожар! Пожар!

Стража, спавшая у костра, вскочила на ноги.

Лесной пожар наводил ужас на айматов. Они считали величайшим преступлением поджигать леса. Где бы они стали охотиться, если бы вокруг пещеры сторел лес?

Все население Тульки разом проснулось. В темноте ночи на востоке взлетало пламя и целые снопы искр.

— Это горит гора Нуфа! — закричал Репо. — Калаты подожгли старые тисы. Чего они хотят? Может быть они дают знак своим, чтобы те спешили к ним?

Старуха безнадежно покачала головой.

— Хитрецы выбрали удачное место. С горы Нуфа они покорят нас всех. Откуда дует ветер? — спросила она Репо.

— С севера!

— К утру огонь может достигнуть нас. Но я постараюсь заговорить огонь волшебными заклинаниями.

Двое айматов подвели ее к краю пропасти и она, подняв палку, закричала громко и пронзительно, произнося угрозы ночи, вет-

ру и лесу. Она кричала в течение получаса. На счастье айматов, ветер утих и пошел сильный дождь. Пламя на горе Нуфа делалось все ниже и ниже, а зарево стало потухать. Тяжелый, разъедающий глаза дым окутал землю. Громко рассмеялась Парра и воскликнула торжествующим голосом:

— Еще сильны наши заклинания, и не калатскому огню бороться с ними!

Утром Обу и один из айматов отправились в долину Нуфы, чтобы расследовать дело. Прошло утро и полдень. Айматы с нетерпением ждали возвращения посланных. Наконец под горою раздался обычный свист. Руламан и Ара побежали навстречу. Слышались странные, как бы от тяжелых животных, шаги. На извилистой тропинке вскоре показалось двое богато одетых мужчин верхом на лошадях, позади них отряд воинов со сверкающим оружием, а впереди всех Обу и его товарищ.

Руламан и Ара опростомелью бросились назад в пещеру, чтобы известить о прибытии калатов. Вскоре чужеземцы появились на площадке. Спокойно и гордо принял Репо пришельцев, стоя перед входом в пещеру. Руламан встал по правую руку вождя, а остальные мужчины, вооружившись топорами и копьями, столпились позади.

Начальник калатов ослепил айматов красотой своей пестрой одежды и блестящего вооружения. Платье его было красного и голубого цветов, а на голове узорчатая шапка с пучком развевающихся перьев. Длинные курчавые волосы падали на плечи, на руках и ногах блестели кольца и браслеты, на шее сверкала чудесная цепь, а сбоку висел меч.

Другой всадник был в белоснежной одежде до пят, перехваченной золотым поясом, и с распущенными по плечам серебристыми волосами. Он держал в руке жезл. Это был калатский жрец, или друид. За всадниками следовало около тридцати воинов в темно-синих одеждах с кожаными поясами, бедно одетых, но вооруженных блестящими мечами и копьями. Калаты смотрели дружелюбно и, видимо, ничего дурного не замыслили. Станным казалось только то, что Обу и другой аймак, которые привели чужеземцев, стояли со связанными руками.

— Что вам нужно? — спросил Репо всадника. — Зачем вы связали руки нашим людям?

Калат улыбнулся и покачал головой: он не понял вопроса. Тогда Ара выступила вперед и повторила вопрос Репо на калатском языке. Калат нагнулся к ней с ласковой улыбкой и ответил:

— Будь спокойна, прекрасная девушка: мы хотим быть вашими друзьями. Я приехал спросить вашего начальника, не желает ли он принять участие в охоте: мы взаимно помогли бы друг другу. Этим двум людям мы не хотели делать зла, но они отказались показать нам дорогу сюда.

Ара перевела слова калата. Тогда Репо перерезал веревки, связывавшие руки айматов, и спросил, что с ними произошло.



— Мы были внезапно окружены в долине Нуфы ручными калатскими волками, — рассказывал Обу. — Пришли калаты и отвели нас к начальнику. Он дал нам поесть и выпить коричневой воды, от которой тепло разлилось по всему нашему телу. Потом он знаками потребовал, чтобы мы привели его к нашей пещере. Мы отказались и бросились бежать. Тогда они нас поймали и связали нам руки. Они делали нам угрожающие знаки, требуя, чтобы мы указали им дорогу сюда. — Чего вы хотите? — отвечал я: — лучше убейте нас. Здесь много пещер таких, как Тулька. — Но когда мы хотели запутать их в лесу, они рассердились еще больше. — «Мы не сделаем ни вам, ни воинам вашим ничего дурного», — уверяли они знаками; мы поверили и привели их сюда.

— Вы поступили хорошо, — сказал Репо и, обратясь к калатскому вождю, сказал:

— Если вы желаете нам добра, то зачем связали наших братьев!.. Аймат беден и у него нет ничего кроме силы его рук и ног, а потому он не выносит оков. Аймат свободен, как ветер, — у него нет повелителей: только на охоте и войне он повинуетя своему вождю.

Ара опять перевела слова Репо. Но калат, не отвечая, сошел

с лошади и позвал воина, в руках которого была небольшая корзина. Вождь взял из нее два медных браслета и надел одно на руку Обу, а другой — на руку его товарища. Потом он подошел к Репо и, вынув из-за пояса прекрасный кинжал, протянул его аймату со словами:

— Ты говоришь как герой и как вождь. Мы будем друзьями!

Репо минуту колебался, потом протянул чужеземцу свой, сделанный из кости, кинжал. Калат ласково поблагодарил его. Репо показал ему на остальных мужчин своей пещеры и сказал:

— Все здесь стоящие айматы так же храбры, как и я, и если ты называешь меня героем, то и они такие же герои. Оставь нам наши леса. Проведем границу между нашими владениями и горою Нуфа, и пусть ни один аймат и ни один калат не смеет перейти ее.

При этих словах раздался насмешливый хохот старухи, сидевшей под тисом. Калат обернулся в ее сторону, потом опять обратился к Репо:

— Нет, нам нужны люди, которые могли бы указать нам места для охоты. У нас много юношей, а у вас девушек. Мы составим один народ. Ваши дочери будут счастливы и никогда не будут голодать.

— Нас очень мало, — сказал Репо.

— Где же другие пещеры, — спросил калат: — в них больше людей?

— Я сообщил им о вас, — отвечал Репо уклончиво, — и поговорю с ними о вашем желании.

Тут взгляд калата упал на громадный череп тура, высоко прикрепленный над входом в пещеру.

— Где встречается это животное? — спросил он.

— Далеко отсюда, в большом-большом лесу. Это дикие и сильные животные.

— Ты поведешь нас туда, чтобы поохотиться вместе?

— Летом нельзя на них охотиться, — отвечал Репо.

— Калат охотится круглый год, — засмеялся чужеземец. — У нас есть собаки и лошади, — пояснил он более дружелюбно. — Подари мне голову тура, в залог нашей дружбы. Из его рогов можно сделать два прекрасных кубка, один для тебя, а другой для меня. Как тебя зовут?

— Репо.

— А меня зовут Гуллох.

Он опять кивнул головой воину с корзиной, вынул блестящую цепь и надел ее на Репо. Чем ласковее казался калат, тем сдержаннее делался Репо. Но он приказал, однако, снять со стены голову тура с великолепными рогами и передать ее Гуллоху.

Тут пронизательные глаза калатского вождя остановились на Руламане. Он благосклонно кивнул Аре головой и спросил ее:

— Кто это: мальчик или муж? Почему он вооружен, как взрослый?



— Это мужчина, — отвечал Репо, — он сын умершего вождя и сам будет вождем. Он еще мальчиком сражался со львом.

Калат ласково пожал руку Руламану и повесил ему на шею блестящую цепь:

— И у меня, — сказал он, — сын твоих же лет. Приходи к нам и познакомься с ним. Вы будете друзьями.

Руламан мрачно поглядел на него и промолчал. Тогда калат снял блестящее кольцо со своего пальца и подошел к Аре; он взял ее руку и хотел надеть ей его на палец.

— Как тебя зовут, прекрасная девушка? — спросил он, нежно заглядывая ей в глаза.

— Ара, — отвечала она гордо, — а там стоит мой будущий муж, — и она подошла к Обу.

Кольцо упало на землю. Калат бросил на Обу враждебный взгляд, но быстро овладел собой.

— Уже вечер, — сказал он, — нам пора домой. Приходите к нам в долину Нуфы.

Величавый старик, сидевший на белой лошади и все время молчаливо слушавший разговор, поднял правую руку с золотым жезлом и заговорил медленным, торжественным голосом, обращаясь к айматам:

— Не будьте глупы! Наши боги показали нам дорогу в вашу страну и сказали нам: «Живите здесь». И мы не уйдем. Будете вы нашими друзьями, — мы вместе будем работать, охотиться, приносить жертвы нашим богам. Но если в ваших сердцах вспыхнет вражда и гордость, то боги наши поразят ваших мужей громом и молнией, а жен и детей отдадут нам в рабство.

Ара переводила его речь слово за словом. Когда он кончил, седовласая Парра поднялась с своего места, протянула свою клюку в сторону белого старца и закричала:

— Вот, вот айматы! Слышите настоящую истину? Но не бойтесь их богов. Разве старая айматская женщина не победила калатского огня?

И она разразилась насмешливым хохотом. Калаты не поняли ее слов, но схватили их смысл. Репо и Руламан проводили их до

источника. Они дружелюбно простились с вождем калатов, но друид остался холоден и безучастен.

Глава 22

ПРОРОЧЕСТВО ПАРРЫ

Возвратясь в пещеру, Репо и Руламан были окружены толпой айматов, поднявших шум и крик. Все были в восторге от чудесных подарков. Какой яркий блеск у цепей и как красивы на руках браслеты, а камень в перстне блестит, словно росинка в лучах солнца! Что значили перед этими украшениями их жалкие ожерелья из звериных зубов!

— Дайте мне ваши цепи! — закричала Парра Репо и Руламану.

Они сняли их и бросили ей на колени.

— Теперь браслеты!

Обу отдал ей браслеты и предназначавшееся для Ары золотое кольцо.

Старуха сложила подарки на камень, взяла топор и разрубила их на множество мелких кусков, произнося заклинания. Потом она собрала блестящие осколки своими дрожащими руками и с диким хохотом перекинула их через левое плечо в лес.

— Это волшебное средство сохранит вас от всяких бед, — сказала она. — Что еще есть у вас от калатов?

— Кинжал! — отвечал Репо. — Но я его сохранию.

Старуха встала и поглядела на него пытливо.

— Сохрани его, он тебе пригодится. Только не спеши: все придет в свое время, и прежде всего убей белого старика: я его ненавижу! А ты, Обу, береги свою голубку, чтобы не похитил ее чужой сокол.

— Будьте разумны все вы! — обратилась она к айматам. — Знайте: лицо калата смеется, когда его сердце плачет, и плачет, когда его сердце смеется.

Когда глаза его смотрят ласково, он вас ненавидит, а когда гордо, он — скрывает свой страх. Поступайте так же и вы, пока не наступит тот день, когда вы перебьете пришельцев, как быков в «роще туров»... или же пока они не погубят вас.

Затем Парра приказала удалиться всем айматам, кроме Репо и Руламана, и, схватив их за руки, прошептала тихо:

— Слушайте, что я вам скажу. Хитрость — оружие слабого. Я расскажу вам одну историю, которая произойдет очень скоро. Семь айматов пойдут на охоту вместе с целым войском калатов. Наступит ночь, — темная, бурная ночь, и все поспешат домой. Айматы будут указывать дорогу. Они зажгут факелы и пойдут впереди. Вы знаете скалу Гофу, возвышающуюся над долиной Салой? На нее взбегут айматы, бросят факелы вниз и прыгнут в сто-

рону: все войско калатов бросится за ними и упадет в зияющую пропасть.

Репо ничего не отвечал, он молча обдумывал план старухи. Но Руламан воскликнул, задыхаясь от волнения:

— Нет, нет, бабушка! Это не голос моего отца говорит в тебе. Неужели айматы сделаются предателями?

— О, дитя! — засмеялась старуха, ласково погладив Руламана по голове. — Глупое, но хорошее дитя! Я живу сто лет, а ты пятнадцать. Что будет, то будет! Поступай так, как тебе внушает память о твоём отце. Верь мне, ты будешь великим вождем! Хотя мои глаза не увидят этого, но я буду радоваться за тебя в пещере Вальба!

На другой день Репо отправился к Ангеко. Когда тот выслушал его рассказ о жреце калатов, печальная дума пробежала по его старческому лицу. Что значит он, Ангеко, перед ним?

— Наше время миновало! — прошептал он.

Репо уговорил его пойти вместе к Наргу и держать с ним совет.

Поздно вечером пришли они в пещеру Налли.

Наргу не удивился тому, что услышал: он знал уже все. Он не хотел и слышать о вражде к калатам, в которых он видел почти родственников.

— Наш долг не в том, чтобы враждовать с ними, — сказал он, — а в том, чтобы учиться у них. Наш народ должен перенять у них искусство строить дома, разводить скот и сеять хлеб.

Ангеко тоже не хотел предпринимать враждебных действий.

И Репо не осмелился сообщить вождям о кровавом плане Парры.

Не прошло и месяца, как тридцать айматов из Налли и десять из Гуки работали в долине Нуфы на белых пришельцев. Скоро вся местность Нуфы переменилась до неузнаваемости. Целый ряд круглых хижин тянулся по берегу ручья Стана. Большая часть прекрасного зеленого луга была обращена в черное вспаханное поле. На нем калаты посеяли пшеницу. Гора Нуфа представляла странное зрелище. Огонь выжег ее от подошвы до вершины, и почерневшие стволы там и сям печально выделялись на фоне голубого неба. Ветер поднимал пепел и разносил его по воздуху. Небольшая площадка на вершине горы была с утра до вечера полна работниками. Одни из них острыми медными кирками пробивали глубокую пещеру в земле, другие обтесывали камни, третьи складывали каменные глыбы и возводили фундамент. На нем должны были построить высокий каменный дом для начальника и друида. Тяжелые каменные глыбы привозились на гору в деревянных тачках лошаадьми, что казалось айматам Налли и Гуки чудом. Работа кипела, и кругом плоской вершины горы уже кольцом возвышались каменные стены. Айматы работали беззаботно и весело, повинувшись калатским начальникам. Хотя работа была для них нелегка, а главное непривычна, но зато им давали вволю хлеба и два раза в день по большой деревянной кружке кумыса,

после которого огонь разливался по жилам и глаза становились блестящими. Дикари очень скоро пристрастились к опьяняющему напитку. Их соблазняли также и подарки калатов: пестрые, нарядные одежды, более мягкие и удобные чем звериные шкуры, медные безделушки и украшения. Кроме того они присутствовали на торжественных и многолюдных праздниках, восхищаясь великолепием украшений и музыкой. Друид убивал тогда быка, часть которого сжигал на каменном алтаре в честь божества, а другую раздавал людям. До поздней ночи продолжался пир, танцы и песни. На такие праздники приходили жены, дети и девушки из пещер Налли и Гука; как они бывали счастливы, когда калаты дарили им цветные платки, кольца и запястья из блестящего камня!

Одна только гордая Тулька не высылала людей на работу, хотя послы калатов приходили много раз в нее для обмена шкур и рогов на мечи, стрелы, копья и ножи из меди. Айматы с удовольствием запасались более совершенным оружием и, по совету Парры, учились калатскому языку у Ары.

Глава 23

АЙМАТЫ И КАЛАТЫ НА ОБЩЕЙ ОХОТЕ

Уже приближались летние месяцы, когда айматы обыкновенно оставляли свои пещеры и переселялись на озера. Но Парра не выражала теперь желания тронуться в путь.

Однажды у входа в пещеру появились два калата с двумя оседланными лошадьми. На одном из седел висела блестящая цепочка с турьим рогом, искусно вделанным в широкий медный ободок.

— Вот рог тура от моего господина, благородного Гуллоха, для великого вождя пещеры Тулька. Мой господин через двенадцать дней собирается на охоту в долине Кадде и посылает вашему вождю и его племяннику в подарок лошадей. Он надеется, что айматы Тульки примут участие в охоте.

Репо, подумав немного, обещал прийти на охоту. Айматы радовались как дети, когда увидели подаренных лошадей; они гладили и ласкали их, предлагая им траву и листья. Ручной медведь тоже с любопытством подошел к ним и хотел их обнюхать, но одна из лошадей ударила его копытом, и медвежонок с ревом убежал в пещеру. Айматы долго хохотали по этому поводу.

Репо и Руламан уже через неделю сделались довольно сносными наездниками.

Руламан со страстью предавался верховой езде: неизвестное прежде наслаждение охватывало мальчика, когда он с быстротой птицы рассекал воздух и мчался по окрестностям, вдыхая полной грудью свежий воздух.

На двенадцатый день, как было условлено, айматы Тульки

встретились с калатами на равнине Кадде. На опушке леса их поджидала величественная процессия. С удивлением смотрели дикари на множество пестрых, блестяще вооруженных всадников и на толпу пеших загонщиков державших на ремнях громадных косматых собак. Между ними были и айматы из Налли и Гуки. Ангеко и Наргу не явились, хотя вождь калатов и им также послал лошадей. Очень вежливо и приветливо встретил Гуллох и его сын Кандо охотников.

Айматы из Тульки были одеты, как обыкновенно, в оленьи шкуры, но на них уже не было старого айматского оружия: вместо костяного острия, на их копыях сверкали металлические наконечники, а сбоку блестили медные мечи. Один Руламан не мог обойтись без своего старого тисового лука и плетеного колчана с каменными стрелами.

Кандо, стройный юноша с темно-каштановыми локонами, поехал рядом с Руламаном. Мальчику очень понравилось красивое лицо молодого калата с открытым, приветливым выражением больших глаз.

Гуллох объяснил гостям план охоты. Его разведчики выследили стадо северных оленей, которое паслось у опушки леса, где когда-то айматы убили буррию. Рело рассказал об этой знаменитой охоте Гуллоху. Тот был поражен, но аймат успокоил его.

— Это последний пещерный лев, — сказал он, улыбаясь, — и вот один из его зубов. — Он показал чудовищный клык, висевший у него на груди.

Гуллох осмотрел зуб и сказал:

— Да, это достойное вождя украшение!

Наступило прекрасное летнее утро. На траве лежала серебристая паутина росы, и первые лучи солнца сверкали в ее капельках. По знаку вождя, зазвучал рог, и длинная процессия с загонщиками и собаками впереди тронулась в путь.

— Что ты будешь делать с луком? — спросил Кандо Руламана. — Ведь он годится только для птиц.

— О, нет, — возразил Руламан: — мы стреляли из него в медведей, а мой дядя даже убил льва такой стрелой.

— И ты был при этом? — спросил Кандо.

— Это была моя первая охота. Я подошел к зверю так же близко, как к тебе сейчас; этот большущий львиный клык на моей шее дан мне за участие в убийстве буррии.

Кандо посмотрел на Руламана, проникаясь к нему уважением.

— А у нас все делают собаки, — сказал он с сожалением, — они выгоняют зверя, они же сбивают его с ног, и охотникам остается только заколоть его копьями. Как я желал бы быть айматом! Жить в пещере, бродить по лесам и сражаться врукопашную с медведями и львами!

Лицо Руламана просветлело, и он ласково улыбнулся отважному юноше.

Несколько часов всадники ехали сзади загонщиков; когда Гул-

лох затрубил в рог, процессия разделилась. Пешие загонщики с собаками направились к востоку, а всадники повернули влево, к лесу, который виднелся в отдалении.

— Мы поедем теперь прямо к долине Нуфы, — сказал Гуллох. — Они пригонят сюда стадо оленей, и тогда начнется славная потеха. Ты увидишь, как застонет земля под копытами наших лошадей!

— Как вам удалось приручить лошадей и собак? — спросил Репо.

— Это давным-давно сделали еще наши предки. У нас есть еще коровы и ручные олени с короткими рогами; их молоком питаются наши женщины и дети. Когда же ты придешь в долину Нуфы, чтобы посмотреть на все это?

— А ты мне покажешь, как делается солнечный камень?

— Да, когда ты будешь моим другом!

И они быстрой рысью проехали долину и достигли, наконец, густого темного леса. Справа от них тянулась на восток длинная, голая полоска земли, которая, все более и более сужаясь, оканчивалась крутым скалистым обрывом, висевшим над глубокой долиной.

— Там мы будем охотиться на оленей, и чего не успеет сделать копьё, то довершит прыжок в долину. Лихой прыжок, не правда ли? Жаль, что нашего друида нет с нами! Зрелище будет интересное!

Репо закусил губы и промолчал. По знаку Гуллоха всадники остановились и сошли с лошадей.

— Мы отдохнем и подкрепим себя едой и питьем. Пройдет, верно, час, пока сюда придут олени, — сказал Гуллох.

Охотники принесли сыр, хлеб и прекрасный кубок из турьего рога, наполненный до краев кумысом. Гуллох предложил его Репо.

— Острый напиток! — сказал тот, возвращая кубок. — Я его не люблю.

— Но тогда ты никогда не станешь калатом, — заметил Гуллох.

— Надеюсь, что не стану, — отвечал Репо.

— Давай стрелять, — закричал Кандо Руламану, — ты из лука, а я копьём!

Он позвал одного из охотников и приказал:

— Подними твою шапку вверх.

Охотник повиновался и протянул руку с шапкой.

Кандо пустил копьё, и крик вырвался из груди слуги, — копьё случайно пробило ему руку.

Руламан бросился к раненому. Он осторожно вынул копьё из раны и сдвинул пальцами ее края. Стоявшие кругом калаты засмеялись, а Кандо нетерпеливо крикнул:

— Руламан! выстрел за тобой.

Он приказал другому калату держать шапку, но Руламан поднял на него глаза, полные сдержанного гнева.

— Аймат стреляет в человека только на войне, — сказал он.

Кандо принужденно рассмеялся. Руламан между тем посыпал рану порошком и перевязал ее листом папоротника. Потом он подбросил высоко в воздух свою шапку и схватил лук и стрелу; тетива загудела, и шапка упала к ногам Кандо пронзенная стрелой.

— Выстрел достойный вождя! — закричал Гуллох, внимательно следивший за игрой юношей.

Кандо уже не пытался больше исправить своего промаха и стрелять во второй раз.

Прошло несколько часов, солнце перешло за полдень.

— Я боюсь, что наши загонщики ошиблись. Во всяком случае, они не избежат наказания, — сердито проворчал Гуллох.

Репо взглянул на него с удивлением.

— Правда ли, что вы наказываете ваших людей палками? — спросил он.

— Без палки никто не станет работать, — возразил Гуллох.

— И они вас не убивают за это?

— Убить меня? Я один имею право на жизнь и смерть каждого из этих людей.

— Счастье для тебя, что ты не управляешь айматами из Тульки!

Гуллох гордо поднял голову.

— Айматы из Тульки... — начал он, но спохватился.

Репо тоже не хотел продолжать опасный разговор, а приложил ухо к земле, чтобы лучше слышать.

Вдруг он вскочил и закричал: «Бегут, бегут». Все быстро вскочили на лошадей и скрылись за опушкой леса, чтобы олени издали не увидали их и не повернули бы назад.

Охотники стояли в нетерпеливом ожидании; их лошади тоже почуяли оленей и горячились.

Наконец, показалось серое облако пыли. Оно быстро приближалось; вот уже ясно слышен топот многих сотен копыт. Впереди стада бежали двадцать диких лошадей, вспугнутых по дороге. За ними летели олени, закинув ветвистые рога на спину, забирая ноздрями воздух, покрытые пеной и потом. На некотором расстоянии от стада мчалась стая косматых собак с неумолкаемым хриплым лаем.

Стадо промчалось мимо охотников, засевших в лесу. Раздался звук рога. Всадники бросились вперед, и через несколько минут все животные столпились над зияющей пропастью, подгоняемые охотниками и собаками. Многие из диких лошадей с разбега слетели вниз и разбились. Другие остановились, стали бешено бегать по краю, теснить и давить друг друга в страшном смятении, испуская испуганное ржание. Пыль столбом стояла над мятущимся стадом. Собаки настигли их и бросились в самую середину стада, яростно хватая за горло то одного, то другого оленя. Но тут произошло нечто неожиданное. Доведенные до отчаяния животные



сразу повернулись и, наклонив вперед рога, с отчаянным мужеством устремились на собак, смяли, прорвали их цепь и кинулись на всадников.

— Дайте им дорогу! — закричал Репо и отскочил с лошадьёю в сторону.

Но было поздно. Коса была очень узка, и по обе стороны ее зияли отвесные обрывы. Всадники и олени столкнулись. Лошади взвивались на дыбы, сбрасывали всадников или же падали под копыта бегущих оленей. Охотники, не успев даже вынуть копий, были смяты, задавлены и засыпаны пылью. В одно мгновение все обратилось в живой клубок из оленей, ручных и диких лошадей, собак и охотников. Слышался оглушительный лай, крик, фыркание оленей и хрип умирающих.

Через минуту все стадо исчезло из глаз, увлекая за собой несколько калатских лошадей вместе с седлами и сбруей. На месте остались ручные лошади без всадников, собаки, люди, валявшиеся на земле, да несколько северных оленей, загрызенных собаками или сломавших себе в общей свалке ноги. Дорого обошлась охотникам кровавая схватка. Более двенадцати людей было проколото оленьими рогами и задавлено насмерть; лошадей и собак погибло еще больше. Многие сломали руки и ноги и не могли подняться без чужой помощи. Гуллох, Репо и Руламан были сброшены с лошадей.

Гордому предводителю калатов пришлось очень плохо. Его конь был пронзен могучим ударом оленьего рога, а сам он далеко отлетел в сторону и лежал без чувств, оглушенный падением. Репо был тоже сброшен с пути налетевшими оленями и, вместе с лошадьёю, упал на землю, не получив, впрочем, серьезных повреждений. Лошадь Руламана встала на дыбы и упала навзничь, но мальчик вовремя спрыгнул в сторону и остался невредим. Только немногие всадники усидели на лошадях и между ними Кандо. Но он был так испуган, что, застыв, смотрел на общее смятение. Репо и Руламан поднялись первые. Они стали искать Гуллоха и нашли его распростертым на земле без чувств. Он казался мертвым; айматы подняли его голову и стали тереть виски. Кандо с отчаянием наклонился над отцом. Гуллох открыл глаза, с удивлением посмотрел вокруг себя и не сразу сообразил, что произошло. Увидев, наконец, картину всеобщего разрушения, он заскрежетал зубами от боли и ярости и стал ругать своих охотников, собак и подлых диких зверей, которые в угоду ему не захотели броситься со скалы.

— Домой! — закричал он в гневе, не обращая внимания на убитых и тяжело раненых людей.

Его с трудом посадили на лошадь. Репо поддерживал его с одной стороны, а Кандо и Руламан попеременно с другой; они втроем поехали в долину Нуфы. Только к полуночи айматы вернулись в пещеру.

АРА ИСЧЕЗЛА

Репо и Руламан нашли своих женщин в большой тревоге: Ара, общая любимица, с утра исчезла.

Она ушла в лес рано утром одна, как это делала очень часто, и обещала вернуться к полудню; но вот уже полночь, а ее все еще не было. Может быть она заблудилась, отыскивая травы, или упала со скалы, или ее растерзал дикий зверь, или же, наконец, она похищена мужчиной.

Так как пещера Тулька уже давно жила в мире с соседними айматами, то трудно было предположить, что Ару похитил кто-нибудь другой, кроме калатов.

Оставалась еще одна надежда: может быть, она ушла вместе с Обу и другими мужчинами, участвовавшими в охоте как загонщики, чтобы полюбоваться зрелищем. «Тогда она вернется вместе с ними», успокаивали себя женщины. Но седая Парра качала головой и вздыхала:

— Сокол похитил зяблика, а вороны Тульки будут сражаться за свою маленькую птичку. Все идет так, как я говорила. Кровавые дни наступают!

Завидев Руламана, она подозвала его к себе и сказала:

— Расскажи мне об охоте.

Руламан стал рассказывать все по порядку. Когда старуха услышала, что калатский вождь придумал план загнать оленей на скалу, чтобы сбросить их потом в пропасть, она сжала кулаки и воскликнула:

— Неужели белый хитрец прочел мои мысли? Мне нужно придумать другой план.

Когда Руламан рассказал о жестокой забаве Кандо, она засмеялась:

— У них жесткие сердца под мягкой внешностью.

Но когда Руламан стал описывать печальный исход охоты, старуха пришла в неистовый восторг, захлопала в ладоши и весело закричала:

— Хорошо, кадде, хорошо!

Но мрачные мысли скоро опять овладели ею.

— За то, что сделали олени, будут отвечать айматы. Они будут говорить, что вы ввели их в заблуждение. Был ли на охоте белый старик?

— Нет, его не было, — отвечал Репо.

— Как жаль, — вскричала она насмешливо: — ему бы несдобровать против наших храбрых оленей. Не помогли бы ему ни его волшебный жезл, ни его боги.

В это время раздался сигнал возвращавшихся из долины мужчин. Весело подходили айматы к дому. Обу оживленно стал рассказывать, как собаки с удивительным умением гнали

олений и диких лошадей к скале, не позволяя им уклониться в сторону.

— Мы ждали жаркой битвы и славной добычи, — говорил он, — и вдруг видим, все стадо снова мчится назад. Сгорая от любопытства, не понимая, почему олени могли убежать, мы пришли после полудня к месту сражения и не позавидовали вам, Репо, что вы были там!

— Были ли там еще всадники, когда вы пришли? — спросил Репо.

— Они были заняты погрузкой мертвецов на своих лошадях, чтобы отвезти их домой. Я насчитал десять человек убитых, а раненых вдвое больше. Около восьми лошадей и множество собак лежали мертвыми. Дорого обошлись калатам шесть убитых оленей!

Вдруг Обу быстро оглянулся и спросил:

— А где же Ара?

— А разве ты не видал ее в долине? — спросили женщины. — Она ушла из дома еще утром и не возвращалась.

— Не возвращалась? Ара! Где ты? — застонал в ужасе Обу.

Он схватил копьё и топор, готовясь бежать.

— Я пойду с тобой! — крикнул ему Руламан.

— Нет! — удержал его Обу. — Я сам найду ее. Я знаю, где она. Она в долине Нуфы!

И он исчез во мраке ночи. Долго прислушивались айматы к его отчаянным крикам: «Ара! Ара!», пока они не замолкли в отдалении. Тогда все поднялись, зажгли факелы и стали обыскивать лес, сначала около пещеры, потом все дальше удаляясь от нее. Репо не хотел верить, что калаты могли поступить так вероломно, и надеялся найти следы девушки в лесу. Может быть, она боролась с диким зверем и лежит теперь где-нибудь раненая?

Они обыскали все лесные склоны до долины Арми, потом всю долину на восток, затем опять искали на горах. Тысячу раз имя Ары раздавалось в тишине соснового леса, но только эхо отвечало им. К полудню следующего дня, усталые и потерявшие всякую надежду, все вернулись домой. Обу возвратился только на третий день, печальный, бледный и голодный. Он тоже не нашел никаких следов девушки и уже на другой день снова исчез.

Глава 25

РЕПО И РУЛАМАН В ГОСТЯХ У ГУЛЛОХА

Прошла неделя после злополучной охоты, и Репо с Руламаном решили посетить долину Нуфы. Им хотелось повидать раненого вождя; кроме того они надеялись узнать что-нибудь об Аре, так как Парра не переставала твердить, что ее украли калаты. Они



отправились туда пешком. Гордость не позволяла им явиться в деревню на подаренных лошадях. Для подарка вождю Репо взял свою лучшую медвежью шкуру, а Руламан — тисовый лук для Кандо.

— Вы пойдете одни? — спросила их Парра. — Они вас могут схватить; вспомните об Аре!

— Это будет стоить жизни Гуллоху и друиду, — отвечал Репо, подняв вверх свой топор.

Они двинулись в путь. Взойдя на обнаженный склон долины Нуфы, они остановились. Отсюда им было видно все калатское поселение.

Около сотни маленьких домиков с остроконечными крышами выстроились вдоль ручья. Из отверстий крыш подымался дым. Ниже ручья простиралось широкое поле с высокой золотистой травой. Вокруг поля двойным рядом посажены были плодовые деревья. Это была первая пашня, которую видели айматы.

По другую сторону ручья мирно паслось стадо лошадей и других домашних животных. Пастухи и собаки охраняли скот. У подшвы горы Нуфа, на самом видном месте, стоял большой деревянный дом начальника, а на самой вершине сверкала белая

стена крепости, которую строили айматы из Гуки и Налли. Ровная, гладкая дорога шла от поля вдоль домов и поворачивала к пастбищу, зигзагами подымаясь на гору.

Вершина горы кипела жизнью. Множество мужчин работало кирками. На тропинках мелькали женщины и дети. Что особенно удивило айматов, так это большие повозки, нагруженные громадными камнями. И лошади везли их, покорно исполняя волю человека!

— Как можно заставить дикое животное исполнять такую тяжелую работу? Почему лошади не вырвутся и не убегут в лес? — недоумевал Руламан.

— Ты слышал, что сказал Гуллох? Они принуждают работать людей и лошадей ударами палок.

— Но моя и твоя лошадь ржут от радости, завидя нас, и охотно позволяют нам садиться себе на спину! — с живостью возразил Руламан. — Может быть они лаской и любовью приучают животных к работе? Посмотри — у каждого калата отдельное жилище! Почему они не живут все вместе, как мы?

— А потому, что они завидуют друг другу, — ответил Репо. — Я слышал, что калаты крадут друг у друга пищу и одежду, и цепи, и кольца из солнечного камня.

— Если бы у айматов были такие же красивые вещи, пожалуй, и они стали бы похищать их друг у друга, — задумчиво сказал Руламан.

Они сошли в долину. У входа в деревню их встретила с ожесточенным лаем стая собак. Перед первым домом сидел старик в деревянных башмаках и работал. Это был горшечник. Перед ним, жужжа, вертелся круг, и из-под его быстрых и ловких рук, на глазах пораженных айматов, выходили изящные горшки, чашки и блюда, а целый ряд посуды самой разнообразной и причудливой формы сушился уже на солнце. Старик выводил на каждой вещице деревянной лопаточкой правильные узоры и потом чернил их кисточкой, чтобы украшения ярче выделялись на красной глине.

— Неужели все это ты сделал сегодня? — спросил Репо старика, указывая на расставленную рядами посуду. И он подумал невольно, какого труда стоят айматам их грубые и толстые горшки.

Старик не отвечал.

— Он глух, — сказал Репо, — пойдем дальше.

Несколько маленьких детей подошли к ним и с любопытством уставились на их меховую одежду.

— Не проведете ли вы нас к вашему начальнику, Гуллоху? — сказал Репо.

Дети показали на дом, стоящий на холме, и пошли вперед.

— Где ваши родители? — спросил Руламан.

— Они работают там, наверху, — сказал мальчик, показав на гору, — сегодня — барщина.

Перед некоторыми домиками сидели старые женщины, занятые

пряжей льна и шерсти. Это искусство тоже было неизвестно айматам.

— Так вот как они делают свои легкие одежды! — сказал Руламан. — Мы научим этому наших женщин.

— Не нужно! — сказал Репо сурово, — для ходьбы в лесу звериные шкуры лучше. Разве ты не видел, как разорвалось на охоте платье Гуллоха, а наши остались целыми?

Дети повели их через луг, где пасся скот. С удивлением смотрели Репо и Руламан на множество невиданных ими коров, овец, коз и свиней.

Когда путники приблизились к дому Гуллоха, дети испуганно повернули назад в деревню. Около дома стояла большая толпа мужчин, одинаково одетых и вооруженных. Один из них подошел к ним и спросил:

— Вы хотите видеть благородного Гуллоха? Я доложу о вас! — И он вошел в дом.

Айматы с удовольствием рассматривали большой дом, желтый фасад которого, разукрашенный красного цвета узорами, ярко выделялся на холме. Остроконечная крыша была сделана из досок, и все здание было окружено дощатой стеной в виде четырехугольника.

Гуллох дружески поздоровался с гостями и повел их в дом. Здесь все для них было ново, все возбуждало восторг и удивление, начиная с правильных четырехугольных стен, ступенек из обтесанных бревен и кончая гладким, усталанным циновками полом, разукрашенным потолком и окнами со ставнями.

— Это дрянное здание, — сказал Гуллох, — но там, наверху Нуфы, мы построим хорошее!

Репо и Руламан передали Гуллоху подарки. Тот поблагодарил их.

— Ты выздоровел? — спросил Репо.

— Пустяки! — сказал Гуллох. — Жаль только моего коня! Лучшее было бы потерять десяток охотников, чем его!

Он повел айматов в соседнюю комнату, где стены были покрыты мечами, кинжалами, секирами и щитами, где на одном столе стояли великолепные вазы и урны из листовой меди, а на другом были разложены украшения: диадемы, браслеты, кольца, цепи, пояса и нагрудники.

Руламан был в восхищении от их блеска, а Репо сухо спросил:

— А ты покажешь мне, как обрабатывается солнечный камень?

— Прежде всего я должен вас угостить, — уклончиво ответил Гуллох.

Он свистнул. Вошло несколько девушек-служанок в красивых пестрых платьях. На руках и ногах у каждой звенели браслеты, а волосы поддерживались медными шпильками. Одна из них принесла пироги на раскрашенном блюде, а другая поставила на стол такой же раскрашенный горшок с молоком и блестящие металлические кружки.

— Это молоко от коров, которых вы видели на пастбище.

— Оно лучше, чем кумыс, — сказал Репо, попробовав.

— А я предпочитаю кумыс, также как ваш Наргу. Он получает вознаграждение за труд своих людей каждую неделю по два оленьих желудка, наполненных этим напитком. Славный старик этот Наргу! Не то, что этот Ангеко из пещеры Гука! Он хотел лечить меня и моих охотников, но наш друид выпроводил его вон.

— Люди пещеры Тулька и Гука — двоюродные братья, — сказал обиженно Репо. — Ангеко многих излечил.

В это время в дверях показалась девушка.

— Вельда! — сказал ей Гуллох. — Вот начальник пещеры Тулька. Это тот юноша, о котором тебе рассказывал Кандо, это он сражался со львом!

Руламан был сконфужен такой похвалой.

— Это твоя дочь? — спросил Репо. — А я думал, что это моя Рута из пещеры Вальба! — добавил он грустно.

— Она и Кандо — мои единственные дети, — отвечал Гуллох.

И действительно, неземным существом могла показаться айма-там эта стройная девушка с легким румянцем белого личика и кротким взглядом больших черных глаз.

Айматы невольно вспомнили несчастную Ару.

— Мы потеряли недавно девушку, — сказал серьезно Репо и поглядел вопросительно в глаза Гуллоху. — Она была светом нашей пещеры. Ты говорил с ней у нас. Она исчезла!..

Лицо калата на одно мгновение покрылось краской.

— Айматы из пещеры Налли рассказывали мне об этом, — ответил он равнодушно. — Очень жаль старика Наргу, который, говорят, сильно огорчен потерей внучки. Должно быть бедняжку растерзал волк.

— Нет, наша старая Парра говорит, что ее похитили.

Репо опять пронизательно поглядел на Гуллоха. Но тот не смутился.

— Жаль! Тем хуже для нее!

Поднявшись с места, он сказал:

— Хотите посмотреть, как работают мои люди?

И, не ожидая ответа, он пошел вперед.

Они взбирались вверх по тропинке. Вельда пошла с ними. Недалеко от дома вождя, ближе к лесу, стоял маленький дом, без окон, окруженный каменной стеной с двумя часовыми у ворот.

— Кто живет там? — спросил Репо.

— Это тюрьма для тех, кто не хочет мне повиноваться, — объяснил Гуллох.

Вдруг Руламан громко закричал:

— Сокол, сокол! Там летал сокол с красными перьями, — он похитил нашего зяблика.

Гуллох мрачно взглянул на юношу и быстрее зашагал вперед.

— Я ненавижу соколов, — сказала Вельда.

Скоро они подошли к свеженасыпанному холму.

— Здесь лежат мои бедные охотники, погибшие на охоте, — сказал Гуллох.

Он открыл двери и показал углубление, выложенное камнем; на полу стоял ряд урн, вокруг лежало оружие, а около стен расставлены были высокие сосуды с молоком и плоские блюда с хлебом.

— Их пепел хранится в этих урнах, — сказал калат.

— Разве вы сжигаете своих мертвецов?

— Моему коню я поставил каменный памятник в долине Каdde, — не отвечая, продолжал Гуллох, — я желал бы, чтобы проклятые олени натыкались на него головами. Но я придумал другой план для охоты на них...

Тропинка перешла в широкую извилистую дорогу; на ней работали люди. Толпа женщин разбивала кирками камень, а мужчины возили его на повозках, запряженных парой лошадей. При приближении Гуллоха и Вельды, все почтительно кланялись и вставали. Вождь калатов лишь изредка небрежно кивал головой, но Вельда всем приветливо улыбалась. Маленькая девочка подошла к ней и поцеловала край ее одежды.

Вельда погладила ребенка по голове и ласково спросила:

— Что ты делаешь здесь, Ара?

— Моя мать больна и я принесла отцу хлеб и молоко.

— Кто же остался дома с твоей больной матерью?

— Никого, — отвечала девочка.

Вельда умоляюще посмотрела на отца.

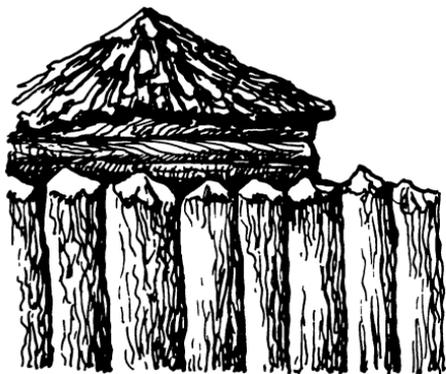
— Отец! позволь мужу больной женщины оставить работу и идти к жене.

— Мужчины должны работать до вечера! — отвечал Гуллох сурово. — Иначе все женщины заболеют.

— Я пойду к твоей больной матери, — сказала Вельда девочке и распрощалась с отцом и гостями. Руламан с восхищением посмотрел ей вслед.

— Счастливы ли твои люди? — спросил серьезно Репо вождя калатов.

— Скоро наступит праздник Бэла, бога солнца, — сказал Гуллох, — Приходите к нам. Ангеко и Наргу тоже придут. И вы увидите, счаст-



лив ли ваш народ, живя в темных пещерах и перенося голод и холод девять месяцев в году?

— Как понимать счастье... — проговорил Репо. — Кому лучше по-товому: вашей покорной собаке, или нашему голодному волку.

— Покорной собаке, — отвечал Гуллох, — она любит и ее любят.

— Голодному волку, — сказал Репо, — он свободен и никого не боится.

Они взошли на вершину горы Нуфа. С нее открылось поразительное зрелище. Прежде всего им бросилась в глаза кольцеобразная стена, высотой почти в человеческий рост и почти такой же ширины. Она состояла из больших грубо обтесанных камней, пригнанных друг к другу и укрепленных дубовыми, вбитыми в землю столбами. Около ста человек работало около нее.

— Для чего эта куча камней? — спросил Репо.

— Для защиты от врагов, — отвечал Гуллох, — Теперь сойдемте в подземелье замка, оно уже окончено.

Он сошел вниз по ступенькам и провел их в комнату с бревенчатым потолком. Отверстие вверху пропускало необходимый свет.

— Хорошая удобная пещера, — заметил Руламан. — А кто будет в ней жить?

— Пленники, — отвечал Гуллох.

— Но кто же твои пленники? — спросил Репо.

— Все те, которые не желают мне повиноваться.

— Ты, значит, таким путем принуждаешь своих людей слушаться тебя?

— Да, но не худших из них, а только строптивых. Для тех же, кто меня ненавидит, у меня приготовлена другая пещера.

Гуллох повел их к узенькой, в несколько футов вышиной стене и дал им заглянуть в глубокий, мрачный и темный колодец. Ни одной ступеньки не было в отвесных и сырых стенах его. Над темным отверстием висел ворот с бесконечно длинным канатом.

— Вот помещение для моих врагов! — надменно сказал калатский вождь и, взяв камень, бросил его вниз.

Раздался глухой звук.

— И ты моришь там людей голодом? — спросил Репо.

— Это было бы легче для них, — засмеялся Гуллох, — но они получают хлеб и воду каждый день.

— Там есть кто-нибудь? — спросил Руламан с ужасом.

— Нет! Но я знаю, кто первым будет сидеть здесь, — отвечал Гуллох. — Однако, душно, выйдем на свет.

Над подземельем возвышался продолговатый четырехугольный фундамент.

— Здесь будет построен уже настоящий дом для начальника калатского народа. Но пройдут годы, прежде чем я окончу его.

Он повел гостей к лесу, за выступ скалы, где виднелся густой дым. Там возвышался очаг, полный тлеющих углей. Седой старик,

почти голый, с лицом и руками перепачканными сажей, смотрел в глубокий котел, стоявший на огне. Там кипела красная масса. Несколько работников стояли около него.

— Мы пришли как раз к отливке, — сказал Гуллох.

Старик схватил большую металлическую ложку с деревянной ручкой, зачерпнул ею красную, кипящую жидкость и стал тонкой струей выливать ее из ложки в отверстие круглого камня, обмотанного проволокой.

Наконец-то, айматы увидали, как отливается оружие из солнечного камня. С напряженным вниманием следили они за каждым движением старика.

Старик бормотал некоторое время непонятные слова, вероятно для измерения времени, пока масса охладеет. Тогда он развязал проволоку и ударил долотом по шву круглого камня. Камень разделился на две половины, и из них выпал блестящий медный топор. На обеих сторонах камня отчетливо были вырезаны половинки топора, проволока же служила для того, чтобы скреплять обе части формы.

Гуллох схватил щипцами топор и показал его гостям.

— Это кельт! — сказал он с ударением. — Вот почему наш народ с древних времен называется калатами, или кельтами! Этим топором он завоеует мир.

— Но откуда вы добываете этот камень? — с живостью спросил Руламан.

— Это знают только я и старик; но он умрет, если выдаст тайну!

И Гуллох показал на целый склад еще не отделанных, наполовину готовых топоров, кирок, колец и прочего.

— А где делаются ваши мечи? — спросил Репо.

— Они отливаются так же, как и топоры, а потом куются молотками.

С этими словами Гуллох вошел в большую хижину, где перед плоским песчаным камнем сидели на коленях несколько калатов и точили свои заступы и топоры.

— Поточи и мой меч! — сказал Гуллох одному из людей. Тот встал, подошел к круглому камню на деревянной подставке и стал вертеть



его за ручку. Другой калат взял меч и держал его неподвижно, наклоня острие, от которого сыпались искры.

Руламан радостно закричал:

— И мы можем тоже точить наши каменные топоры!

Гуллох взял отточенный меч и, схватив толстое бревно, одним ударом перерубил его надвое.

— Уже приближается ночь, — сказал Репо, — и нехорошо, если в ночное время нет начальника в пещере, — и протянул Гуллоху руку на прощанье.

Тот взял два новых топора и подарил их айматам со словами:

— Через двадцать дней — праздник солнца. Надеюсь, что мы опять увидимся.

Оба аймата в раздумье шли по краю горного кряжа. Над ними с громким карканьем носилась стая ворон.

— Руламан! — сказал наконец Репо, — видишь ли, как вороны летают над горою Нуфой и как они кричат? Лес Нуфы служил для них прежде ночлегом. Несчастные птицы айматов! Леса Нуфы уже нет. Разве вы забыли ту страшную ночь, когда калаты сожгли его? А вы все-таки ищите его каждый вечер! Они и нас также выгонят из пещер, и последние айматы, осиротевшие и бесприютные, будут бродить по склонам этих гор, искать опустевшую Тульку, плакать о ней и проклинать врагов, как эти вороны!

— Как ты думаешь, не сидит ли Ара в той хижине, у леса? — спросил Руламан.

— Я желал бы, чтобы прекрасная Ара никогда не возвращалась в Тульку, — сказал Репо.

Потом он задумался и продолжал:

— Наше время прошло!

— Нет, если мы поучимся у калатов, мы побьем их при помощи их же собственного оружия, — горячо возразил Руламан.

— Ты молод, — сказал Репо, — а я стар и умру айматом.

Глава 26

ПРАЗДНИК БЭЛА

Наступил день праздника бога солнца. Репо, Наргу и Ангеко согласились принять приглашение калатского вождя.

Рано утром оставили Репо и Руламан вместе с другими айматами пещеру Тулька. Все были одеты и вооружены по-праздничному. Недоставало только Обу. С того времени, как Руламан сообщил ему свое предположение относительно того, где находится Ара, он каждый вечер исчезал и возвращался только утром. Днем он сидел около Парры и шептался о чем-то с ней.

— Я приду позже: мой праздник начнется ночью, — сказал он угрюмо Руламану, звавшему его к калатам.

Когда айматы сошли в долину Нуфы, то вся деревня пришель-

цев казалась вымершей; даже старый горшечник не работал. И тропинка, на которой раньше толпился народ, была тиха и пустынна. Только лошади, коровы и овцы спокойно паслись на лугу, по ту сторону ручья.

Поднимаясь по извилистой дороге в гору, айматы услышали шум и говор толпы. Кольцеобразная стена, прежде голая и белая, теперь представляла сплошной зеленый венок. Она была обсажена вокруг елями, и высоко над ней, на тонком шесте, весело развевался золотистый флаг.

Когда они приблизились к замку, раздался громкий звук рога, возвещавший их прибытие.

Вскоре показался в воротах Гуллох с Кандо и Вельдой, все трое в великолепных праздничных нарядах, вышитых золотом; за ними следовал отряд телохранителей с музыкантами. На шее Гуллоха и его сына сверкали тяжелые золотые цепи, а на голове Вельды сияла диадема.

Гуллох громко приветствовал гостей и предложил Репо и Руламану по блестящей звезде.

Он их повел через двор замка в лежащий за ним лес. Большая круглая площадка была очищена там от деревьев и тщательно утоптана; с одной стороны ее возвышались высокие подмости, украшенные листьями и еловыми ветвями.

Гуллох взошел на подмости, пригласив с собой Репо и Руламану. Остальные айматы должны были остаться внизу. Такое неравенство не понравилось Репо.

На подмостках стоял длинный стол с сиденьями для вождей. Над ними возвышалась крыша из зеленых листьев. Отсюда можно было видеть всю площадку с толпой народа.

Когда вожди показались на подмостках, раздался звук рога и шумное приветствие ликующего народа. Всюду виднелись возбужденные, веселые лица, праздничные пестрые наряды, всюду раздавался веселый говор, шум и смех. На деревьях пестрели флаги, и все кругом было убрано зеленью и цветами. Руламан был восхищен блестящим зрелищем, но Репо смотрел по прежнему пасмурно.

— Что это за каменное сооружение посредине площадки? — спросил Руламан сидевшего рядом Кандо.

— Это жертвенник!

— Правда ли, что вы приносите вашему Бэлу человеческие жертвы?

— Мы приносим нашему богу солнца лучшее, что у нас есть: хлеб от нашей жатвы, чтобы он благословил наши поля, плоды от наших деревьев, чтобы они поспевали и зрели под его теплыми лучами, животных от наших стад, чтобы они размножались, и дитя от нашего народа, чтобы он помогал калатам повелевать врагами. Так учит нас друид.

— И твой отец позволяет друиду убивать сыновей своего народа?

— Никто не смеет противоречить друиду, даже мой отец, так как с ним разговаривает сам Бэл, и народ верит в него.

— О, если бы я был вождем калатов, — сказал Руламан с волнением, — ни одна капля человеческой крови не пролилась бы под солнцем!

Опять раздался грубный звук. Гуллох встал.

— Подходят другие гости, — сказал он и пошел навстречу гостям вместе с Кандо и Вельдой.

Они вернулись с Ангеко и Наргу, которых сопровождала большая толпа айматов обоего пола. Большинство айматов оделось в калатские одежды; Наргу и Ангеко также облеклись в шерстяные платья и золотые украшения, которые они получили от калатов в уплату за работу своих людей; но оба они поверх шерстяной одежды накинули шкуры белого волка. Наргу, несмотря на глубокую старость, казался еще видным мужчиной. Шепот и смех пробежал в толпе при виде высокой шапки и ожерелья Ангеко.

После взаимных приветствий Гуллох дал знак к началу праздника.

Все стихло. Глаза всех устремились в сторону замка.

— Идут, идут! — пронеслось по толпе.

Высокий юноша в красном платье, с шапочкой, украшенной перьями, и с голыми коленями открывал, как герольд, шествие трубными звуками. Около него шли, танцуя, шесть других юношей в золотисто-желтых одеждах, ударяя в медные бубны. Следующую группу составляли двенадцать маленьких, одетых в белое девочек с венками из цветов на темных локонах и с букетами в руках. За ними шли более взрослые девочки, также в белых платьях, украшенных пестрыми лентами; они несли длинную гирлянду цветов. Процессия окружила жертвенник.

Тогда появился другой герольд, объявляя о приближении солнечной колесницы Бэла; это была маленькая позолоченная повозка, на которой был прикреплен цепями большой котел, отливавший золотом. Повозку несли четыре калата на покрытых красной тканью носилках. За ней шел друид в длинной белой одежде, с золотым поясом, держа широкий блестящий жертвенный нож.

Народ упал перед ним на колени.

Торжественным, размеренным шагом друид подошел к алтарю, встал на возвышении перед ним и поставил на него золотую повозку с священным сосудом.

Снова затрубили герольды, и открылось шествие жертв. Впереди всех шли девочки с блестящими чашами, наполненными золотистыми яблоками, грушами и свежей земляникой. За ними длинные ряды мужчин с корзинами, наполненными плоскими жертвенными хлебами, испеченными в виде звезд. Потом шли девушки, неся на голове красные, расписанные узорами кувшины с молоком. Вслед за ними показались жертвенные животные. Впереди всех три белые овцы, с венками из листьев на шее; их под-



гоняли девочки в пестрых платьях. За ними юноши в красных туниках вели трех великолепных белых быков с позолоченными рогами и гирляндами цветов на спинах. Наконец, показалась прекрасная белая лошадь, которую вел под уздцы воин в полном вооружении. Двенадцать мальчиков, в длинных белых одеждах, похожих на платье друида, заключали шествие.

Послышался звучный голос друида, певший хвалебный гимн Бэлу. После каждой строфы били барабаны и звучали трубы.

Но вот друид высоко поднял священный нож.

Началось жертвоприношение. Прежде всего ударами топора оглушили овец; друид сам перерезал им шеи. От каждого животного взяли немного крови и вылили ее в священный котел. Остальная кровь была выпита народом, который черпал ее чашками и прямо руками.

Сердце и почки животных были представлены друиду, который положил их на круглый камень перед алтарем. Над ним неожиданно взвилось синеватое пламя, и жертва быстро превратилась в пепел.

— Милостив Бэл! Милостив Бэл! — возликовал народ.

Друид, раздав народу жертвенные хлебы и плоды, удалился к замку мимо склонившейся перед ним толпы.

Народ бросился устраивать костры, зажигая их огнем от жертвенника. В лесу началось шумное веселье.

Наргу с достоинством любовался праздником; Ангеко следил за всем с подавленным, почти испуганным видом. Репо сидел сосредоточенный и по прежнему серьезный и гордый. Что-то неопределенное бродило в душе у Руламана: он и удивлялся этому народу, и ненавидел его.

— В следующий праздник солнца я надеюсь увидеть своих братьев, живущих у Мамонтова озера, — говорил Гуллох. — Тогда устроим еще более пышный праздник. Я думаю, что вы и ваши собратья к тому времени уже будете жить с нами в долине Нуфы.

— Два вождя не уживутся вместе, — сказал шутливо Наргу.

— У вас хорошие люди, — обратился Гуллох к Ангеко, — они привыкли к повиновению и чтут нашего друида, а повиновение и труд делают народ счастливым. Свобода и леность приносят заботы и голод, что прилично только диким зверям, живущим в лесу.

— Разве жертвоприношение кончилось? — спросил Руламан Кандо.

— Нет еще, — отвечал тот: — самая торжественная часть праздника — принесение в жертву человека — откладывается на вечер, когда на горе зажгут огни.

— А где тот человек, которого принесут в жертву?

— Это один из двенадцати мальчиков, которые пошли за друидом. Никто из них не знает еще, доживет ли он до следующего дня.

— Кто же избирает несчастную жертву?

— Сам Бэл, — отвечал Кандо. — Друид черпает жертвенную кровь и предлагает мальчикам, и тот, кого Бэл выберет, падет мертвым. Другие мальчики завидуют этой чести, и весь народ поздравляет его родителей. Его кровь пьет только друид и начальник народа.

После угощения народ разошелся по лесу, а Гуллох повел гостей в свой дом. Солнце жгло обнаженную гору, а на западе поднималась черная туча.

— Я слышал, что ты умеешь управлять погодой, — обратился Гуллох к Ангеко с насмешливой улыбкой, — прошу тебя, позаботься, чтобы погода не помешала нашему жертвоприношению.

Ангеко собрал все свое мужество и отвечал с достоинством:

— В день праздника Бэла я уступаю друиду власть приказывать облакам.

В прохладном доме Гуллоха гостям предложили хлеб, мясо и кумыс. Во время еды Гуллох попросил Вельду спеть старинную песню калатов.

Вельда взяла инструмент и, пробежав по нему тонкими пальцами, запела.

Свободно лились мягкие, нежные звуки.

Потом девушка встала и начала танцевать, выражая легкими, грациозными движениями все то, о чем пела песня. Айматы были

потрясены пением и пляской, но Репо всеми силами сопротивлялся этому новому очарованию. Руламан же отдался ему всем сердцем.

Наступил вечер. Хозяева и гости снова взойшли на гору. Стояла страшная духота. Багровое солнце скрывалось за темными тучами. В отдалении слышались раскаты грома.

— Ночью будет буря, — сказал Репо. — Может быть, лучше возвратиться домой!

— Останьтесь, — сказал Гуллох, — разве аймат боится грома.

— Аймат не боится ничего, — возразил Репо, — но чует опасность, когда она близка. Ведь молния губительна. Она может ударить в наш старый тис перед пещерой Тулька, а это считается у нас страшным предзнаменованием.

Гуллох старался рассеять его мрачное предчувствие.

— Не отравляй мой праздник унылыми речами. Смотри, там на горе Гуллаб мои люди уже зажигают костры Бэла; скоро вся долина засияет огнями.

В лесу на площадке уже горели смоляные факелы, образуя пылающее кольцо. Второе кольцо факелов окружало алтарь, бросая вокруг яркий красный свет, и медный котел на нем сверкал и искрился. Наступила бурная ночь, мрачные облака заволокли все небо, а отдаленные молнии уже сверкали на горизонте.

Когда вождь калатов и его гости заняли места, раздался оглушительный трубный сигнал. Со всех сторон на площадку повалили толпы народа.

После довольно долгого ожидания раздался вторичный сигнал, и из темного двора замка при свете факелов вышел друид с двенадцатью мальчиками. Голос старика сливался со звонкими головами детей. Гроза приближалась, и глухой раскат грома как бы вторил песне.

Друид остановился перед алтарем, мальчики разместились вокруг него. Старик схватил золотую чашу, зачерпнул из котла жертвенной крови и дал выпить первому мальчику, потом второму, третьему, четвертому. Толпа замерла, затаив дыхание. Но вот выпил двенадцатый мальчик, и ни один из них не упал на землю, как жертва, принятая богом. В толпе пробежал зловещий ропот.

Тогда друид поднял руки к небу и закричал громовым голосом:

— Калаты! Бэл разгневался на нас: он отвергает вашу высшую жертву! Враг калатов и враг Бэла принял участие в священном празднике. Его крови требует Бэл.

С этими словами он удалился.

Толпа сначала замерла в ужасе, потом хлынула к подмосткам с громкими криками, угрозами и проклятиями. В эту минуту над головами всех раздался оглушительный раскат грома.

— Это голос Бэла! — пронеслось среди калатов.

К Гуллоху подбежал запыханный, запыхавшийся воин и закричал в ужасе:

— Убийство! Измена! Айматы напали на темницу, убили моего товарища и увели с собой айматскую девушку!



Гуллох побледнел от гнева, встал и отдал приказание:

— Взять всех айматов в плен, пока они не выдадут виновника!

Его кровь принадлежит Бэлу!

Как бешеный вскочил Репо и грозно закричал Гуллоху:

— Разве я не был прав? Ты похитил Ару, а теперь хочешь связать своих гостей!

И, выхватив меч, он всадил его в грудь Гуллоху.

Раздирающий душу вопль Вельды огласил воздух:

— Отец! Отец!

— За мной, айматы Тульки! — кричал Репо, потрясая мечом! — Не дадимся этим убийцам! Сюда, ко мне!

Но было поздно. Телохранители взбежали на подмости, и началась страшная схватка. Репо дрался, как лев, пока не упал, пронзенный множеством копий. Старый Наргу храбро защищался, но его люди были далеко, а нападающих слишком много, и он пал под свирепыми ударами калатов. Ангек потерял всякое мужество, закрыл лицо волчьей шкурой и был убит без сопротивления.

На шум прибежал друид. С развевающимися волосами, с факелом в одной руке и окровавленным ножом в другой, он кричал калатам:

— Убивайте мужчин! Убивайте мальчиков, шадите женщин!
Руламан, бросившийся на помощь к Репо, был ранен сзади в спину и во время общей свалки сброшен с подмостков. Его узнал один из айматов Тульки и, подняв на спину, скрылся с ним в лесу.

Так кончился праздник на горе Нуфа.

Глава 27

БЕГСТВО ПАРРЫ В ПЕЩЕРУ СТАФФА

Гроза утихла, и в ночной тишине у пещеры Тулька сидели вокруг Парры женщины, поджидая мужей. С тяжелым сердцем отпустили они мужчин на праздник калатов. Репо обещал вернуться к ночи. Прошла уже полночь, а их все еще не было. Оставшиеся прислушивались к каждому шороху в лесу.

Наконец, они ясно услышали торопливые мужские шаги.

— Это ворон со своим зябликом! — закричала Парра.

И действительно, к ним бежали Обу и Ара.

— Тебя видели? Ты убил обоих часовых? — был первый вопрос старухи, хорошо знавшей план освобождения Ары.

— Только одного, другой убежал, — отвечал Обу.

Старуха тяжело вздохнула и сказала громко:

— Плачьте, женщины: ваши мужья не вернутся!

В ответ ей раздался горестный плач женщин.

— А разве наши еще не вернулись? — спросил с тревогой Обу.
— Значит, калат побегал на гору, и наших захватили в плен!

— Нет, нет! — закричала Парра, — айматы Тульки не дадутся живыми в руки врагов. Они лучше позволят себя убить!

В тяжелой, почти безнадежной тоске проходили часы за часами. Приближался рассвет. Опять послышались шаги со стороны леса. Надежда снова вспыхнула в сердцах ожидающих.

Обу подбежал к пропасти и прислушался.

— Их немного! — закричал Обу, — я вижу только двоих; где же другие?

Руламан и один из айматов Тульки, спасший его, пришли окровавленные, изнемогая от усталости. Отчаяние было написано на их лицах. Руламан хотел что-то сказать, но, смертельно побледнев, упал к ногам прабабки.

Старуха издала пронзительный крик.

— А где Репо?

— Убит!

— А где другие айматы?

— Убиты, убиты! Также Наргу, Ангеко и все айматы Гуки и Налли, — все, все изменнически убиты!

Ломая руки, бегали несчастные женщины и звали по именам своих мужей. Только Парра сидела на месте, словно каменная ста-

туя. Застывшими от ужаса глазами смотрела она на своего любимца.

Потом, подняв голову, спросила оставшегося в живых аймаца:

— А Гуллох жив?

— Он пал первым от руки Репо!

— А белый старик?

— Более ста калатов пало, — ответил аймац, — но белый старик все стоял у алтаря и кричал: «Смерть, смерть айматам!»

— Бегите, дети, бегите! — закричала старуха, — утром калаты уже будут здесь!

— Куда бежать? — спросил Обу.

— Вы помните пещеру Стаффа, там, на скале? Узкий вход в нее порос густым виноградником, и доступ к ней опасен. И если мы умрем с голоду, пусть она будет нашей могилой, но волки-калаты не потревожат там наших костей!

— Пещера Стаффа слишком мала, — сказал Обу. — В ней не хватит места нам всем.

— Делайте, что хотите, — сказала устало Парра. — У меня кружится голова! Поддержите меня, я падаю! Делайте что хотите, и не верьте старой Парре ни в чем. Отнесите меня с Руламаном в Стаффу! Пусть я там умру с ним! Ара! дитя мое! — шепнула она, сжимая ей руку, — исполни мою последнюю волю: в Стаффу! в Стаффу!

И она упала на землю без чувств.

Гора, на северном склоне которой лежала пещера Тулька, тянулась на юг до крутого мыса, оканчивавшегося высокой отвесной скалой. Лишь вблизи можно было различить посередине ее круглое темное пятно.

Это был вход в пещеру Стаффа, известный только айматам Тульки, так как с давних пор дикий виноградник разросся среди трещин скалы и закрыл его. Едва заметная тропинка, заросшая кустарником, вела по крутому уступу, висевшему над равниной. Отсюда с помощью приставленной лестницы или ствола дерева можно было взобраться в пещеру. Старуха была права, говоря, что здесь она никогда не будет открыта калатами. От отверстия, через которое едва мог пролезть человек, узенький, неудобный коридор спускался в небольшую, довольно сухую пещеру с куполообразным сводом. Айматам приходилось довольствоваться светом, проникавшим со стороны входа, так как разводить огонь в пещере было бы не безопасно: дым, выходя из отверстия, мог бы привлечь внимание калатов и выдать беглецов.

Обу и оставшийся в живых аймац перенесли в пещеру Парру и раненого Руламана, все еще не приходившего в сознание. Всевозможные съестные припасы, шкуры, оружие и даже драгоценности были снесены туда же. Каждый вечер слышался стук и

появлялась Ара; она приносила старухе воды, садилась около нее и оплакивала вместе с нею обрушившееся на айматов несчастье, и Руламана, лежавшего бледным и неподвижным у ног старухи.

Айматы Тульки все еще не имели никаких известий о калатах. Обу часто пробирался на скалу Гуллаб и смотрел оттуда в долину Нуфы. Деревня казалась вымершей, и по тропинке к замку лишь изредка проходили люди. Все работы прекратились, а из лесу постоянно поднимался густой дым, очевидно, от сжигаемых трупов. Обу ходил на разведку и к пещерам Гука и Налли. Там он нашел всего несколько мужчин, избегнувших кровавой бойни, несколько старух, женщин и множество детей, не принимавших участия в празднике. Все были погружены в полное отчаяние и, лишившись вождей, молчаливо ждали своей участи.

Ара спрашивала Парру, что им предпринять: не соединить ли обитателей всех трех пещер вместе? Но осталось так мало мужчин и, напротив, так много старых женщин и маленьких детей, что этот план казался неисполнимым. Старуха не давала никаких советов. С болезнью Руламана все ее душевные силы и все надежды, казалось, рухнули, так как он был светом ее глаз и, как она была уверена, будущим спасителем айматов.

Прошла неделя после праздника Бэла. Вдруг ночью Парре почудился военный клич и жалобные крики из пещеры Тулька. Неясные, но зловещие звуки, от которых кровь стыла в жилах, скоро прекратились; но старуха сидела около отверстия всю ночь, дожидаясь утра. При малейшем шорохе она раздвигала виноградник, выставляла седую голову, слушала и высматривала. Но все было тщетно, никто не шел и ей даже не с кем было поделиться своей тревогой. Если Ара жива, то она придет к ней сегодня вечером. Взошло солнце, наступил день, потом ночь, а никто не стучал внизу у скалы, — все кругом казалось вымершим и безлюдным.

Парра продолжала сидеть и слушать, и ждать, и томиться в безнадежной тревоге всю ночь и весь следующий день до вечера. Наконец она поднялась и уползла в пещеру. Все было кончено, и ей ничего не оставалось в жизни, как только умереть вместе с Руламаном. Она заснула, а когда проснулась, уже снова брезжил день.

Тусклый свет падал на лицо ее любимца. Еще раз нагнулась она над ним, прижала свой морщинистый лоб к его щекам и криком отчаяния облегчила душевную боль. Ни одной слезы не пролила она над ним.

Но что это такое? Неужели он пошевелинулся? Старуха встрепенулась: надежда опять вернулась к ней. Она взяла голову Руламана обеими руками, потом схватила его за плечи, потрясла их и громко назвала по имени.

Он был жив и открыл глаза. Почти сходя с ума от радости, она разразилась громким смехом, схватила его за руки и попыта-

лась приподнять. Это удалось ей, и Руламан, ее сокровище, сел перед ней.

Он удивленно осмотрелся кругом и попросил пить. Но старуха не могла предложить ему ни капли воды, так как Ара давно не приходила к ним. Она дала ему освежиться сушеными ягодами.

— Где мы теперь? — спросил Руламан.

— В пещере Стаффа, — отвечала старуха.

— А где Обу и Ара?

Она рассказала ему о страшном крике ночью, и о том, что Ара, верно, уже никогда не придет.

— Где мое оружие?

Старуха показала в угол. Там лежал его каменный топор, лук, который он обменял у Обу, и прекрасный металлический меч, подаренный ему умирающим отцом.

— Я пойду в Тульку! — закричал он, сделал попытку встать и снова упал.

— Твои ноги ослабели, — сказала Парра, ласково улыбаясь, — а мои опять крепки, и ты у меня поправишься!

И на самом деле, как будто пробужденная к новой жизни, она бодро встала, взяла мяса, развела огонь, чего не делала уже десятки лет, и приготовила ужин.

Когда подкрепившийся едою Руламан снова сидел перед ней, на лице старухи светилась тихая радость.

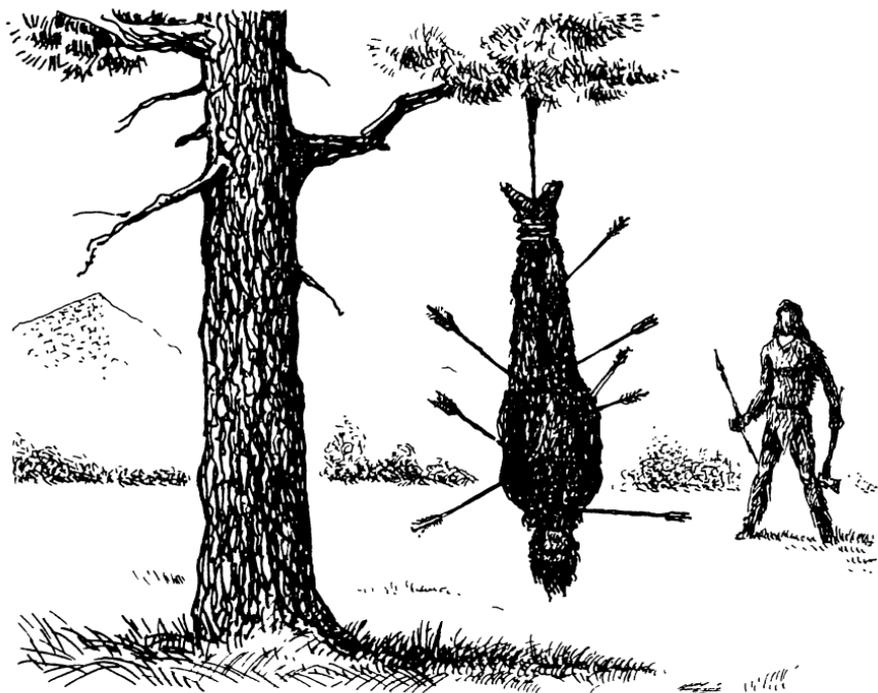
Молодые силы Руламана воскресали: несмотря на боль раны, он встал, взял лук, стрелы и каменный топор. Старуха показала ему дорогу, и он добрался до отверстия.

С большим трудом, осторожно оглядываясь по сторонам, слез Руламан вниз по приставленному к скале бревну, сошел к ручью, жадно прильнул к свежей воде запекшимися губами и пошел к Тульке.

У опушки леса, на лугу, где они объезжали когда-то лошадей, он остановился, чтобы передохнуть. Идти ему было нелегко: рана болела, ослабевшие ноги скользили и подгибались, и он с трудом переводил дыхание. Он прислушался, — отсюда можно было бы услышать голоса, если бы люди Тульки были живы. Но ни звука не было слышно.

Почти бегом пустился он по знакомой тропинке, завернул на последний маленький выступ скалы и поглядел вниз, на широкую площадку у пещеры. Изломанные копья, несколько каменных топоров, множество стрел, куски шкур и одежды калатов лежали разбросанными по траве. Тис и дуб были сожжены, и их черные, мертвые ветви беспомощно застыли в воздухе. Большие кровавые лужи, еще не совсем высохшие, виднелись на земле.

Легкое карканье заставило Руламана поднять глаза на пень, служивший раньше детям мишенью. На нем сидел старый ворон; он узнал Руламана, с громким, радостным криком закурил над



ним и, сев на плечо, захлопал крыльями, как будто хотел рассказать ему нечто страшное.

Руламан бросился в Тульку. Вход был завален громадным костром, наполовину сгоревшим; сверху на нем лежали свежие ветви с листьями, но внизу костер еще тлел, дымился, и тлеющие головки обдавали жаром. Что это? Не было ли это военной ловушкой калатов?

С большим трудом он пробрался через костер, зажег факел и вступил в пещеру; на него сразу пахнуло удушливым дымным чадом. Теперь ему все стало ясным.

Белые воины не осмелились вторгнуться в пещеру, но они выкурили аймагов дымом, как выкуривают лисиц и гиен. А тех, которые выбегали, они убивали и бросали в огонь.

С ужасом и гневом в душе шел Руламан вперед. В высоком жилом помещении дым поднялся к потолку. Руламан вздохнул свободнее, и факел его вспыхнул ярче. Здесь он нашел только женщину, которая, спасаясь от удушающего дыма, заползла под шкуру медведя. Руламан узнал мать Обу, большую старуху, которая была слишком слаба, чтобы искать спасения в бегстве. Но где же другие обитатели Тульки?

Руламан продолжал поиски, освещая факелом каждый угол, каждое углубление в стенах. В гроте, хранившем запасы, он нашел еще трех женщин с маленькими детьми. Наконец, он добрался до грота, где помещался источник, и здесь увидел настоящее кладбище. Дым проникал сюда медленнее всего и потому сюда сбежали дети и подростки, которые лежали теперь кучами друг на друге; с ними был и ручной медведь. Некоторые дети повисли на выступах скалы: перед смертью, в отчаянии, они взбирались на стены.

Одежда, посуда, оружие и запасы лежали и стояли нетронутыми на своих прежних местах: очевидно, калаты не проникли в пещеру. Руламан осматривал труп за трупом, не бьется ли в ком-нибудь сердце? Какая была бы радость, если бы он мог принести в пещеру Стаффа хотя бы одного ребенка своего племени! Но тщетно! Месть белого старика погубила всех!

Он вышел и стал искать в лесу вокруг пещеры. Кровавые следы привели его к сосне, у подножия которой он уже издали заметил шкуру волка. Он подбежал, и ужасное зрелище представилось его глазам. На сосне висел труп, пронзенный множеством стрел и привязанный головой вниз. Это был Обу!

Руламан перерезал веревки и принес труп в пещеру, где положил его вместе с другими, потом привалил большой камень ко входу и натаскал к нему древесных сучьев. Ни одна гиена и ни один волк не должны были коснуться дорогих мертвецов. Тулька с этих пор стала их могилой.

Кроме того, Руламан воткнул в землю перед входом в Тульку три копья, взятые из пещеры, в знак того, что жив еще мститель за храброе умершее племя.

Он шел вниз по извилистой тропинке, не думая принимать никаких предосторожностей против встречи с калатами. Напротив, с каким наслаждением он бросился бы теперь на любого из них!

Грустно и тихо потекла жизнь Руламана и Парры в пещере Стаффа.

Знали ли калаты, что один аймак из Тульки еще жив? Он часто ходил к пещере, но копья продолжали стоять нетронутыми.

Через несколько недель Руламан совершенно поправился.

Когда он отправлялся на охоту, Парра, как ребенок, коротала свое одиночество, играя с вороном. Она заставляла птицу отлетать и прилетать к ней и кормила ее из своих рук. Но более всего радовалась Парра, когда ворон с веселым карканьем возвещал ей приход Руламана.

Забыла ли она о гибели своего племени, или все чувства были подавлены тяжестью обрушившегося несчастья? Трудно сказать, что происходило в душе старухи, но когда Руламан рассказал ей все, что видел в Тульке, она глубоко вздохнула и не спрашивала его более.

Когда же он немного позже сообщил ей о страшной участи пе-



щер Налли и Гука, где калаты тоже истребили огнем и мечом остатки айматского населения, она, повидимому, осталась равнодушной. Одна только мысль тяготила ее: что будет с Руламаном после ее смерти? Он утешал ее:

— Я останусь с тобой до твоей смерти и похороню тебя с другими в пещере Тулька. Живи и умри здесь, как последняя matka, — говорил он.

Но старуха печально качала головой.

— Мне всегда казалось, что тебя ждет блестящая участь, и я не перестаю этому верить. Ведь не напрасно же судьба пощадила тебя одного?.. Но мои глаза не увидят того, что будет с тобою!

Руламана ждала большая радость. В один осенний вечер, выслеживая выдру у ручья Арми, он заметил выходящего из леса громадного волка, который подошел к ручью напиться. Это был Стальпе.

— Стальпе, Стальпе! — громко и радостно закричал юноша и быстро зашагал к нему навстречу.

Волк тихо завизжал и, одним прыжком очутившись около своего господина, положил лапы ему на плечи, лизнул в лицо и завыл от радости.

С тех пор верный Стальпе проводил время в лесу около пещеры Стаффа. Они вместе охотились, но Стальпе по натуре своей продолжал оставаться волком: схватив добычу, он убегал с нею в лес и пожирал ее один.

Глава 28

РУЛАМАН НАХОДИТ СВОЕГО СТАРОГО ЗНАКОМОГО

Наступила зима, суровое время для отшельников пещеры Стаффа. Руламан все лето и осень ежедневно приносил с охоты то птицу, то какое-нибудь другое маленькое животное. Но теперь глубокий снег покрыл землю, птицы исчезли. Сурки спали, закопавшись глубоко в снег. Зайцы переменили свой серый цвет на белый, и без собаки их невозможно было отыскать, а за большой дичью одному человеку нечего было и думать охотиться: ее было трудно убить, а донести домой еще труднее.

Глубокая тоска по товарищам грызла Руламана во время его одиноких странствий. Часто, утомленный, он прислонялся к дереву, и охотничьи картины прежних лет вставали перед его глазами: охота на буррию с отцом, на туров с Репо у реки Нагри и на белого волка с Обу и Арой.

Старая Парра тоже постепенно теряла то спокойное настроение, в котором жила летом. Она сильно страдала от холода. Они не смели разводить огонь днем, из опасения обратить внимание калатов. Тоска охватывала ее по теплой, уютной Тульке, по болтовне женщин и веселому шуму детей. Тихо сидела она, задумавшись, и смотрела на голые скалистые стены. Буря выла около отверстия пещеры; снежные хлопья, подхваченные порывами ветра, достигали старухи, и она содрогалась от холода.

Ворон, в свою очередь, сидел угрюмый, печальный и уныло прятал голову под крылья. Он тоже дрожал от холода и топорщил перья.

Руламан старался развеселить Парру. Он подсаживался к ней и просил ее рассказать ему старые истории, которые он уже сто раз слышал от нее. Но, наконец, и он впал в тихое уныние.

Наступила середина зимы, а с нею жестокие холода. Запас сушеного мяса, которым снабдили их когда-то Обу и Ара, был почти съеден и с тяжелым сердцем смотрел Руламан в лицо будущего.

Вдруг однажды он напал на следы человека неподалеку от Стаффы, вблизи остроконечной скалы, возвышавшейся против пещеры. Рядом со следами человека тянулись следы двух волков или

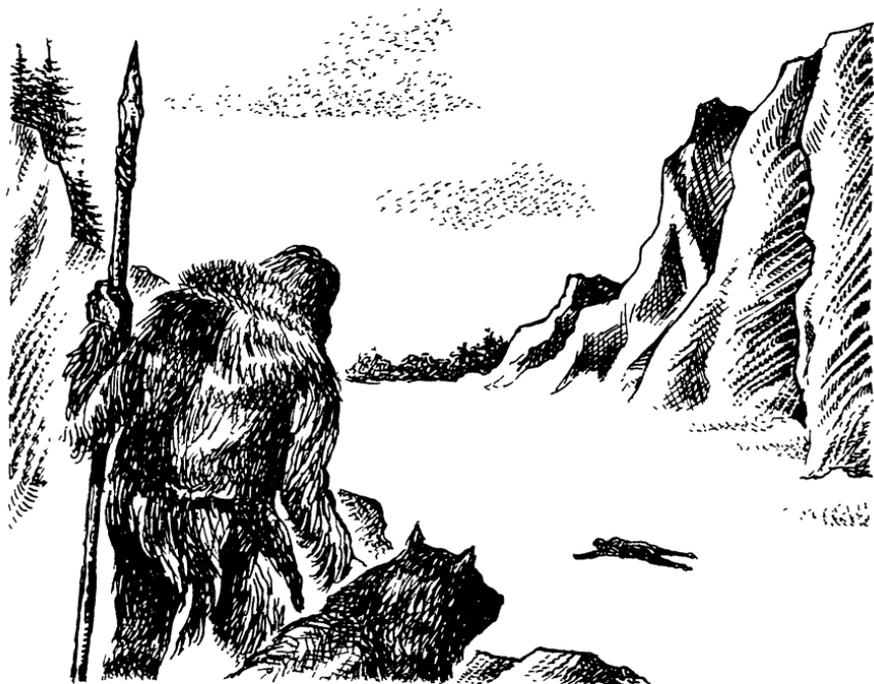
собак. Может быть, один из них Стальпе, который сегодня не дождался его зова и ушел на добычу один?

Руламан не знал, что ему предпринять: идти ли по следам, или же бежать от них как можно скорее. Без сомнения, это был калат.

Но ведь калат все-таки человек! Страстная потребность с кем-нибудь перекинуться словом потянула его вперед. Он утешал себя мыслью, что если калат встретит его враждебно, он имеет право его убить.

Руламан остановился шагах в ста от скалы. Вдруг он услышал жалостный стон и крик о помощи. Не думая ни о чем, он побежал к горе, откуда слышен был голос. Косматая собака бросилась к нему навстречу. Она завизжала, как будто просила его о помощи. Руламан быстро пошел за ней и скоро увидел на снегу распростертого калата. Вглядевшись в лицо, он узнал Кандо, сына Гуллоха.

Невольный крик вырвался из груди обоих юношей. Они смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами, не имея силы вымолвить слова. Целый ряд воспоминаний вихрем пронесился в голове каждого. Кандо думал о своем убитом отце, Руламан об



истребленном племени родной пещеры. Тяжело раненый калат взывал о помощи в снеговой пустыне, а Руламан в течение многих месяцев не видал ни одного человеческого лица, кроме своей почти умирающей бабушки. Взволнованный Кандо первый прервал молчание.

— Ты еще жив? — сказал он, стараясь победить свое волнение.
— Разве тебя не сожгли вместе с другими?

— Как ты попал сюда? — в свою очередь спросил Руламан.

— Я застрелил филина и оборвался со скалы. Я, должно быть, сломал себе ногу.

— Что же я могу для тебя сделать? — спросил Руламан, — как мне явиться на гору Нуфа и позвать на помощь?

— Не делай этого, — сказал решительно Кандо, — друид тебя убьет.

— Тогда я отнесу тебя в свою пещеру. Ты ведь не выдашь меня и мою бедную, старую бабку?

Слезы благодарности выступили на глазах калата.

Руламан попытался его поднять.

— Эта ночь была ужасна, — сказал, дрожа, Кандо.

— Так ты упал еще вчера? — спросил Руламан.

— Еще вчера, и я был бы съеден в эту ночь волком, если бы не моя верная собака.

— Я видел волчьи следы рядом с твоими, — сказал Руламан.

— Волк тут недалеко, — продолжал Кандо, — он бродит кругом и ждет, пока я выбьюсь из сил или моя собака уйдет.

Руламан издал резкий свист, и тотчас же из лесу появился волк. Руламан пошел к нему навстречу, крича:

— Стальпе! Стальпе!

Животное положило свои лапы ему на плечо и лизнуло в лицо. Руламан ласково погладил его и вернулся с ним к Кандо. Но волк испугался собаки и боязливо остановился в нескольких шагах.

— Ты должен с нею подружиться, как аймак с калатом! — закричал ему Руламан.

Но волк ничего не хотел слышать и бросился в лес.

— Разве тебя слушают дикие звери? — спросил Кандо с удивлением.

— Это мой ручной волк, которого я взял маленьким и вырастил, — отвечал Руламан.

Руламан осторожно поднял Кандо себе на спину, и тот крепко обхватил руками его плечи. Медленно-медленно, так как каждое движение бередило больную ногу Кандо, спускался с горы Руламан; верная собака следовала за ним. Хотя ноша и была тяжела, но на душе у Руламана было весело. Великодушное чувство сострадания и радостная надежда, что он нашел себе друга, заставили радостно биться его сердце... Он и Кандо были почти одних

лет, и он с первой же встречи почувствовал к калатскому юноше симпатию.

Дойдя до подошвы горы, он спустил раненого на землю. Волнения и боль так утомили Кандо, что он попросил дать ему отдохнуть. Руламан разотлал шкуру белого волка и положил на нее Кандо, который тотчас же закрыл глаза и задремал. Молодой аймак задумчиво смотрел в лицо спящего калата. Глубокая грусть охватила его душу, грусть о том, что судьба сделала врагами два народа. Наступил вечер. Кандо открыл глаза.

— Нам нужно поспешить, — сказал аймак, наклонясь к больному, — скоро стемнеет, а дорога ночью опасна, да и нога ступает не твердо, когда несешь тяжесть.

Когда они подошли к Стаффе, уже наступила ночь.

Руламан стукнул три раза в скалу. Слабый голос сверху ответил.

— Нам нужно подняться вверх, — сказал Руламан. — Но прежде я взберусь один, чтобы сообщить о тебе своей бабке.

Он положил Кандо на землю и полез наверх.

— Ты возвращаешься сегодня поздно, — встретила его старуха с нежностью. — Но почему твой Стальпе сегодня воеет так странно?

— Это не Стальпе, — возразил Руламан, — это калатская собака. Я принес сюда Кандо, сына Гуллоха. Он упал со скалы и сильно расшибся.

Как фурия вскочила Парра, и хищная радость озарила ее сморщенное лицо.

— Молодец, Руламан! — вскричала она. — Где же ты сбросил его со скалы? Хорошо, молодец! Принеси его сюда, чтобы я могла видеть его. Он еще жив? Значит, ты мне покажешь, как он будет умирать!

Она хохотала от радости.

— Я не затем его принес сюда, — возразил Руламан, отступая от старухи: — я нашел его в лесу с переломанной ногой и не стал убивать беззащитного человека. Не смерть, а спасение и уход за ним обещал я ему и сдержу свое слово! Обещай мне, что и без меня с ним ничего не случится дурного, а то мне стыдно будет носить имя Руламана и вспоминать своего благородного отца.

Решительный и твердый тон юноши сразил старуху: первый раз в жизни правнук осмелился возвысить перед ней голос и противоречить ей. Она не ответила ему ничего и поникла седой головой.

Руламану стало жаль ее; он взял ее за руку и сказал ласково, но твердо:

— Я уже мужчина, бабушка, дай мне волю поступать, как я хочу.

Старуха молча кивнула головой, и Руламан спустился к Кандо.

— Обними меня покрепче за шею и закрой глаза, чтобы у тебя не кружилась голова.

Он влез вместе с ним в Стаффу и положил его у огня на медвежьей шкуре.

С ужасом глядел Кандо кругом себя: на трещины скал, на клубы дыма над головой и на седую Парру, освещенную причудливым пламенем костра. Она сидела против него на корточках, и лицо ее было завешено седыми волосами, падавшими до земли. Испуганный ее видом, он не смел сказать ни слова и в немой покорности закрыл усталые глаза.

Внизу громко выла собака; это было опасно, так как калаты, очевидно, уже искали своего пропавшего вождя.

Что делать? Руламан быстро слез со скалы, схватил собаку за шиворот и принес ее в пещеру. Визжа, бросилась она к Кандо и положила голову к нему на грудь. Кандо вдруг стал бредить:

— Он мне спас жизнь... Вы не смеете приносить его в жертву! Вельда, Вельда! принеси мне воды: моя голова горит!

Руламан положил руку на пылающий лоб больного и успокоил его. Целую ночь сидел он у изголовья вождя своих смертельных врагов.

Глава 29

РУЛАМАН И КАНДО В ПЕЩЕРЕ СТАФФА

Кандо вынес продолжительную и тяжелую лихорадку. В первые две недели он редко приходил в себя. Громко и подолгу разговаривал он в бреду со своими родителями, и Руламан был тронут, слыша, с какой нежностью бормотал он ласковые слова, обращаясь к своей умершей матери и недавно убитому отцу. И все больше и больше видел в нем Руламан родственную себе душу: разве его собственная судьба не была похожа на жизнь этого калата? Разве Кандо не остался одиноким на свете так же, как и он?

Все заботы о больном лежали на Руламани; но он радовался уже и тому, что старуха, при всей своей неугасимой ненависти, не причиняет больному вреда во время его продолжительных отлучек в поисках пищи и дров.

Собака Кандо, впрочем, заслужила благосклонность Парры, и между ними завязалась нежная дружба.

Прошел почти месяц, когда Кандо в первый раз, с помощью Руламана, выполз к отверстию пещеры, на яркое солнце. Но он еще не мог и подумать о том, чтобы оставить пещеру.

А Руламан за это время не только научился хорошо говорить по калатски, но стал понемногу понимать обычаи и образ жизни калатского народа. Его поражали знания и прочный порядок, гос-



подствовавший среди его врагов. С другой стороны Кандо пленялся рассказами Руламана о подвигах и храбрости айматов на охотах, удивлялся уму, ловкости и мужеству, с которыми этот первобытный народ удовлетворял свои потребности такими простыми средствами.

Молодой калат начал выучиться айматскому языку, чтобы завоевать себе, как он говорил, расположение старухи. Язык этот был очень прост, и Руламан с удовольствием учил ему приятеля.

Кандо очень удивился, узнав, что счет айматов доходил только до пятидесяти, и всякое большее количество обозначалось словами «пятьдесят да пятьдесят».

Странно было видеть этих двух юношей, одного с белым, а другого с желтым лицом, когда они, сидя со своей собакой у отверстия пещеры, начинали петь калатскую песню, которую пела когда-то Вельда.

Оба юноши были счастливы в своем одиночестве, и это счастье давала им их тесная дружба. Но Кандо часто вспоминал о своей сестре, оставшейся одинокой в долине Нуфы под надзором старого друида; на него нападала порой тяжелая тоска, и тогда оба они чувствовали, что день их разлуки приближается.

— О, если бы ты мог пойти со мной на гору Нуфу! — сказал однажды Кандо, — как мы были бы счастливы все трое вместе! Мы управляли бы, как братья, нашим народом, так как ты, ведь, знаешь, что еще много айматских женщин и детей живет среди калатов. Но пока друид жив, мы должны держать в тайне нашу дружбу.

— А что ты скажешь друиду о том, где ты прожил все это время? — спросил Руламан.

— Я ему отвечу, что это моя тайна, и он не должен добиваться от меня, где я был, — отвечал Кандо серьезно. — Еще недавно я был его учеником и слушался его как дитя. После смерти отца он сделал меня князем, но продолжал самовластно править народом. Теперь я муж, как говорите вы, айматы, и я буду княжить сам, и калаты будут на моей стороне, так как меня они любят.

— Друид приставит людей, которые проследят за тобой, и они найдут пещеру Стаффа!

— Мы будем встречаться в другом месте.

— Хорошо! Я покажу тебе одно место, которое никто не открывает. Так мы будем видеться через каждые пять дней.

— Нельзя ли мне привести с собой сестру и показать ей моего спасителя и брата? От нее у меня нет никаких тайн.

— Скажи своей сестре, что три раза в жизни у меня сердце дрожало от радости: в первый раз — когда я получил копье после того, как спас жизнь отцу в борьбе с буррией; во второй раз — когда после борьбы с медведицей мой верный Обу очнулся и открыл глаза; в третий раз — когда Вельда пела песню калатов в долине Нуфы.

Наконец, был назначен день расставания, — это было серое зимнее утро. Старая Парра обняла на прощанье собаку. Когда Кандо протянул ей руку, она покачала головой, провела рукой по своим белым волосам, выдернула из них прядь волос и прокричала громко:

— Отнеси мои волосы вашему друиду и скажи ему, что старуха, сидевшая под тисом, жива и ненавидит его.

Руламан и Кандо поменялись на прощанье луками, по старинному обычаю айматов, и вышли из пещеры. По дороге Руламан показал другу посредине густого, едва проходимого леса, пустую пещеру. Это был старый грот, откуда они выгнали когда-то медведя для погребального пира по Рулю. Тут они назначили друг другу день и место свиданий и расстались.

Взобравшись на вершину горного кряжа, Кандо пропел одну строфу калатской песни; Руламан ответил ему из долины.

Как только Кандо достиг долины Нуфы, его собака побежала вперед, как бы желая известить Вельду о приходе ее брата. Вельда взглянула вниз с холма, узнала брата и бросилась к нему навстречу. Она плакала от радости, засыпала брата вопросами и горько жаловалась ему на свою судьбу.

Потом она сбегала домой и принесла ему молока. Кандо с удивлением спросил сестру:

— Где же телохранители? Почему княжеский дом кажется таким пустым и заброшенным?

— Друид построил себе собственный дом там, на горе Нуфа, и взял телохранителей к себе, — отвечала Вельда, — а также отцовский меч из небесного камня и священный щит, и многое другое он забрал себе. Ах, я боюсь, что он не обрадуется, когда увидит тебя. Когда ты в тот ужасный вечер не вернулся, он запретил мне извещать об этом народ. Три дня я искала тебя одна, бегая в смертельной тоске по лесу, и звала тебя по имени с утра до вечера, пока не выбилась из сил и не потеряла надежду видеть тебя живым. Между тем, народу стало известно, что ты пропал, и только тогда друид приказал тебя искать. Когда же на восьмой день они не нашли твоих следов, он отпраздновал по тебе тризну. Принесли в жертву мальчика и сожгли его на костре вместо тебя. Твоего верного коня, который вынес тебя из оленьего стада на равнине Кадде, он велел замуровать в твой склеп. О, это была страшная ночь, такая же ночь, как во время праздника Бэла! Весь народ плакал и звал тебя. Друид принудил меня присутствовать на сожжении трупа; чтобы утешить меня, он сказал, что чужеземный сын вождя придет и возьмет меня в жены; это объявил ему будто бы сам Бэл.

— Он сказал правду, — перебил Кандо сестру. — Чужеземный вождь придет и возьмет тебя в жены, и я знаю кто это. Вельда! Я стою на дороге у друида. Но я решил сам управлять своим народом; сегодня же я отправлюсь наверх и объявлю ему свою волю!

Радостная весть о том, что Кандо вернулся, быстро распространилась в долине. Мужчины, женщины и дети собрались вокруг княжеского дома, чтобы посмотреть на своего вождя. Кандо вышел к ним, и толпа радостно и шумно приветствовала его.

— Приведите мне лошадь, я поеду к друиду! — закричал он, и вскоре, окруженный ликующим народом, поскакал по извилистой дороге в гору.

Долго оставался он там наедине с друидом, и когда вышел, был опоясан мечом отца и держал его щит. Вскочив на лошадь, он приказал телохранителям следовать за собой и поехал к сестре.

Каждый пятый день видели калаты, как Кандо и Вельда то пешком, то на лошадях уезжали из дому. Кандо строго запрещал кому-либо следовать за собой.

С нетерпением ждал их всегда верный друг из Стаффы, и сколько счастливых часов провели они вместе! Вельда никогда не забывала принести для Парры молока, хлеба и сыра.

Наступила весна. Друзья все дольше и дольше засиживались в одиноком гроте и, наконец, сочли возможным исполнить давнишнее желание Вельды: посетить пещеру Стаффа, где ее брат нашел себе приют и спасение.

К приходу Вельды Руламан украсил пещеру. По стенам ее он поставил свежие сосны, зелень которых придавала веселый вид мрачному своду и наполняла его ароматным запахом. Радостно поспешил он навстречу гостям и нашел их у входа в долину, где Кандо упал со скалы. Он издали показал Вельде отверстие в Стаффу, которое темным пятном выднелось на сером фоне скал. Желая показать свое мужество, Вельда весело пошла по узкому, покрытому дерном уступу над самой пропастью. Как на крыльях взобрался Руламан по сучьям дерева, служившего ему лестницей, и подал руку Вельде; через минуту девушка была уже наверху. Войдя в пещеру, Вельда огляделась: пещера ей показалась более жилой, чем она думала. Она подошла к Парре, подала ей руку и протянула ей букет из лесных цветов. Старуха приветливо взяла ее руку; она примирилась и с Кандо, узнав, что он и друид стали врагами.

Лишь поздно ночью вернулись Кандо и Вельда в долину Нуфу.

Глава 30

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПАРРЫ

Парра сидела у отверстия пещеры и грелась под теплыми лучами июньского солнца. Руламан отправился рано утром на охоту и только вечером вернулся домой усталый, настроив немного дичи. Он радовался приближению следующего дня, так как на этот день было назначено его свидание с друзьями. Он обещал Вельде медвежонка, и вот, после долгих поисков, он нашел у покинутой пещеры Налли следы старой медведицы с медвежатами. Это было неподалеку от яблони, под которой он и Обу убили пестуна. Обу! Ара! Давно ли он делил с ними и горе и радость, а теперь калатский вождь и его сестра стали его друзьями! Не было ли это изменой дорогим умершим друзьям и оскорблением их памяти?

В воображении Руламана ярко встало лицо бледного, изнемогающего Кандо на снегу. Нет, не измена, а сострадание завязало и укрепило их дружбу, которая теперь открывает перед ним новую жизнь.

Когда Руламан появился у отверстия пещеры, Парра, против своего обыкновения, не сказала ему никакого приветствия. Бледная и грустная, мрачно смотрела она на крутые скалы перед собой.

— Что с тобой, бабушка? — спросил Руламан нежно.

— Я увидела птицу из Вальбы — предвестницу смерти, — отвечала она медленно и серьезно. Это маленькая черная птичка с большими круглыми глазами; я никогда не видала ее прежде. Она летала над моей головой и пищала: «Смерть, смерть, смерть!»

— Эта птица тебя обманула, — сказал Руламан. — Я застрелю ее, чтобы она не нарушала твоего покоя. Не думай о смерти. Ведь мы еще долго можем жить счастливо вот так, вдвоем. Я не могу и рассказать тебе, как хорошо теперь у меня на душе. Вспомни, как Кандо и Вельда добры к тебе!

— Да, они любят тебя и заботятся о тебе, мой Руламан! — сказала старуха, — тебя ждет счастливая жизнь, а мне пришло время умирать!

— Завтра пятый день, и Вельда принесет тебе молока и хлеба.

— Я не прикоснусь ни к питью, ни к пище, — возразила Парра. — Оставь заботу обо мне. Только об одном прошу тебя: погребви меня в Стаффе, в белой волчьей-шкуре, и навали большой камень на мою могилу. А когда к тебе придет горе или забота и ты вспомнишь обо мне, приходи сюда; брось камень на мой холм, по старинному обычаю айматов, и я услышу тебя и дам тебе совет. Ты же сам удались со своими друзьями на гору Нуфу и по-братски помогай Кандо управлять калатами. Но помни, мой друг, что ты должен быть отцом и защитником айматских женщин и детей, — ты не должен давать их в обиду.

Вдруг она закричала:

— Разве ты не видишь наших героев: твоего отца, Репо и Наргу, Обу и Ару? Они кивают мне головой и манят к себе. О, я приду, приду!

Потом лицо ее разом исказилось, и она сказала, дрожа от ярости:

— Но белый старик не должен оставаться в живых! Оставь мне месть, Руламан!

Выбившись из сил, она погрузилась в раздумье.

Огонь потух, все затихло в пещере.

На следующее утро Руламан собрался идти в маленький грот на свидание с своими друзьями.

— Останься со мною сегодня! — сказала Парра, нежно удерживая его за руку, — останься со мною: скоро ты навсегда соединишься с вождем калатов, а я уйду в пещеру Вальба. Впрочем, нет, иди к ним. Я не умру, пока не отомщу друиду за гибель своего народа.

Она громко и дико засмеялась. В голове Руламана промелькнула ужасная мысль: не сошла ли она с ума.

Но старуха, как бы очнувшись от сна, спросила его совершенно спокойно:

— Отчего ты не уходишь? Я сегодня совершенно бодра и выйду на солнце, чтобы поджидать свою вестницу из Вальбы; она мне еще что-нибудь порасскажет. И она выползла наружу.

Руламан простился с ней, слез со скалы и скоро исчез в тумане.

Друид решил вернуть к себе доверие бывшего ученика. Он пре-



красно заметил, что Кандо подвергся чужому влиянию; частые одинокие прогулки брата и сестры казались ему подозрительными. Он приказал следить за ними, и скоро ему донесли о тайственных свиданиях в маленьком гроте, о пещере Стаффе и о том, что в этой пещере живет страшная старуха. Дрииду стало все ясно: так вот кто отнял у него власть над молодым вождем! Значит, старуха, сидевшая под тисом, и Руламан завладели его душой и вооружили его против верховного жреца!

Друид призвал к себе нескольких калатов и велел им напасть ночью на Стаффу и выкурить ее обитателей так же, как они это сделали в других пещерах. Но калаты отказались.

— Неужели ты хочешь, чтобы еще несколько калатов погибло в борьбе с этим бешеным народом? Вспомни о Тульке: там нас было пятьдесят против двух, и двенадцать из нас погибли!

— Так вы боитесь мальчика и старой женщины?

— Старуха — колдунья, — возражали они, — так говорили нам айматские женщины; ее не берут ни копье, ни меч, она не горит и в огне. А мальчик смел и силен. Он сражается как лев, его стрела не дает промаха. Когда мы поставим лестницу на узенький выступ, он сбросит нас вместе с лестницей в пропасть.



— Так я пойду один! — закричал иступленно друид. — Бэл даст силу моей руке!

Тогда выступили десять человек и закричали:

— Мы пойдем за тобой всюду, куда ты нас поведешь!

— Честь и слава вам! Бэл вас вознаградит! Я пойду впереди вас!

Друид узнал, что каждый пятый день Руламан уходит из пещеры. На этом он и построил свой план: он задумал днем напасть на старуху, когда она будет одна, а Руламана подстеречь по дороге вечером и убить. Хорошо вооруженные, окольными путями достигли калаты Стаффы. Когда они подошли к узенькой дорожке, которая вела к отверстию пещеры, друид с ужасом поглядел в пропасть, зиявшую с левой стороны ее.

Старуха сидела у отверстия и грелась на солнце, с ее руки слетел ворон, каркая полетел навстречу друиду и стал кружиться над ним. Старуха посмотрела вниз и узнала «белого старика»; она испустила крик ярости и быстро исчезла внутри пещеры.

Друид насмешливо обернулся к своим людям и сказал:

— Видите, ваша страшная колдунья обратилась в бегство! Ско-

рей подставляйте лестницу, вытащите ведьму из гнезда и сбросьте ее со скалы!

Ободренные бегством старухи, калаты подняли лестницу и приставили ее к скале. Ворон уселся у входа в пещеру, взъерошил перья и, каркая, поджидал врагов, как бы собираясь один защищать свою гостью. Как только первый калат стал на ступеньку лестницы, ворон бросился на него; но другой воин быстро ударил бедную птицу мечом. Тяжело раненый, храбрый защитник упал на землю и скатился вниз.

— Хорошее предзнаменование! — кричал друид, — птица колдуньи сброшена в пропасть, а за ней скоро полетит и сама колдунья!

Он остановился против входа в пещеру, чтобы лучше видеть, что будет происходить дальше. Шестеро калатов стали около него со стрелами наготове. Четверо других укрепили лестницу, и уже первый из них достиг головой отверстия в пещеру, как вдруг появилась старая Парра с горшком в руках.

Навстречу ей засвистели стрелы, но она быстро нагнулась и избежала их.

Заметив лестницу и на ней калатов, она в порыве ненависти ухватила обеими руками за концы лестницы и сбросила ее вместе со всеми людьми в пропасть. Все произошло в один миг. Калаты ахнули и отшатнулись в ужасе. Но друид не поколебался и закричал:

— Мечь за погибших братьев! Стреляйте же, говорю вам! Посмотрим, как она устоит против стрел!

— Стреляйте, стреляйте! — повторяла диким голосом старуха, не понимая смысла этих слов; она вытащила из горшка целую пригоршню живых гадюк, взмахнула ими в воздухе и сбросила на друида и его людей.

Ужас охватил калатов, и они пустились бежать. С насмешливым хохотом показала на них Парра друиду, но тот продолжал стоять на месте, словно заколдованный.

Тогда она подняла обе руки к небу и закричала:

— Проклятие тебе, предатель и убийца детей! Проклятие всем, кто верит в тебя! Знай, что аймак будет управлять калатами в долине Нуфы! Пятьдесят и пятьдесят раз ты приносил в жертву несчастных детей за твой народ, но сегодня я принесу себя и тебя в жертву за айматов!

С этими словами она бросилась вниз на друида, который, как пригвожденный, слушал ее проклятия, и увлекла его за собой в зияющую бездну.

Так кончила свою жизнь старая Парра. И долго держалось предание, которое рассказывало, что когда туман заволакивает долину Арми, на высокой скале Стаффа появляются две гигантские

тени и вступают между собой в борьбу. Это — друид и Парра, вечно питавшие вражду друг к другу.

У развалин же замка, на горе Нуфе растет старый-престарый плющ, обвивая громадный серый камень с высеченными на нем странными знаками. Кто смог бы разобрать эти знаки, — прочел бы: Руламан, Вельда и Кандо.



СОДЕРЖАНИЕ

Ч. Робертс

КАМЕННЫЙ ВЕК

9

Э. Шторх

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

77

К. Сенак

ПЕЩЕРЫ КРАСНОЙ РЕКИ

243

Д. Эрвиллы

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

369

В. Вейнланд

РУЛАМАН

433

Литературно-художественное издание

КАМЕННЫЙ ВЕК

Сборник

Редактор С. Ульянов. Художник В. Ан. Технический редактор М. Александров. Корректор Г. Шиханов. Подписано к печати 12.01.93 г. Формат 60x90/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ. л. 34,0. Уч.-изд. л. 40,60. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1718. С 001.

Фирма "Наташа", Москва, 125248, а.я. 110. При участии НПП "Параллель", Нижний Новгород. Отпечатано с оригинал-макета на Тверском ордена трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации, 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46





